

Евразийский юридический журнал

№ 5 (72) 2014

Редакционный совет

Председатель

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))

Заместитель председателя

БЕКЯШЕВ Камилль Абдулович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)

БАЙЛЬДИНОВ Даулет Лаикович, д.ю.н., профессор (Казахский Национальный Университет им. аль-Фараби)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья Верховного Суда Российской Федерации в отставке

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа)

БУГЕРА Михаил Евгеньевич, к.э.н. (Государственное Собрание Республики Башкортостан, г. Уфа)

БЫСТРОВ Григорий Ефимович, д.ю.н., профессор (Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К.А.Тимирязева (РГАУ-МСХА))

ГАРЕЕВ Эдуард Сагидулович, к.ф.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КАПУСТИН Анатолий Яковлевич, д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва)

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОРБУТ Людмила Васильевна, ученый секретарь Российской Ассоциации международного права

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛАВРЕНТЬЕВ Сергей Николаевич, к.и.н., доцент (Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, г. Уфа)

МАЛЕЕВ Юрий Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России)

МИШАЛПЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Евразийское Экономическое сообщество, г. Санкт-Петербург)

МУХАМЕТШИН Фаим Баязитович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

ПАШЕНЦЕВ Дмитрий Алексеевич, д.ю.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ПОНЬКА Виктор Федорович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)

РАЯНОВ Фанис Мансурович, д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))

СЫДЫКОВ Ерлан Батташевич, д.и.н., профессор, академик Международной академии наук педагогического образования (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана)

ТОПСТОПЯТЕНКО Геннадий Петрович, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забинович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),
Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАТКУДИНОВ Зуфар Максумович, д.ю.н., профессор (Университет управления «ТИСБИ», г. Казань)

ШЕВЕЛЁВА Наталья Александровна, д.ю.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

ШЕМШУЧЕНКО Юрий Сергеевич, д.ю.н., профессор (Институт государства и права им. В.М. Корецкого НАН

Украины), академик Национальной академии наук Украины, иностранный член Российской академии наук

ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы новые научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Издается с октября 2007 г.

Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

© Евразийский юридический журнал, 2014

Подписано в печать 17.06.2014
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Фархутдинов Д. И.,
Компьютерная верстка – Гареев А. Р.
Адрес редакции: 119034,
г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
e-mail: eurasiaw@yandex.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<http://www.eurasiaw.ru>,
www.eurasiawlegal.info

Eurasian law journal

№ 5 (72) 2014

Editorial council

Chairman

MATSKEVICH IGOR MIKHAILOVICH, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Vice-Chairman

BEKYASHEV KAMIL ABDULOVICH, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Editorial council members

ABASHIDZE ASLAN HUSEYNOVICH, Dr of Law, Professor (Russian University of friendship of the people)

BONDARENKO VICTOR NIKOLAEVICH, Dr of Philosophical Sciences, Professor (Bashkir State Pedagogical University of M. Akmulla, Ufa)

BATKHIEV RASHID HUSEYNOVICH, Dr of Law (candidate), judge of the Supreme Court of the Russian Federation in retirement

BAYLDINOV DAULET LAIKOVICH, Dr of Law, Professor (Kazakh National University of al-Farabi)

BUGERA MIKHAIL EVGENEVICH, Dr of Economical Sciences (candidate) (State Assembly of the Republic of Bashkortostan, Ufa)

BYSTROV GRIGORY EFIMOVICH, Dr of Law, Professor (Russian State Agrarian University – K.A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy (RSAU-MAA))

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH, Dr of Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FATKUDINOV ZUFAR MAKSUMOVICH, Dr of Law, Professor (University of Administration «TISBI», Kazan)

GAREYEV EDUARD SAGIDULLOVICH, Dr of Philosophical Sciences (candidate), Professor (Ufa State Petroleum Technical University)

GRACHEVA ELENA JUREVNA, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University)

ISMAILOV SHAUKAT MAKHMUDOVICH, Dr of Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KAPUSTIN ANATOLY YAKOVLEVICH, Dr of Law, Professor (Chairman of the Commission on international law of Association of Lawyers of Russia)

KRIVENKY ALEXANDER IVANOVICH, Dr of Historical Sciences, Professor (Moscow City Pedagogical University)

KOCHARYAN VIGEN VLADIMIROVICH, Dr of Law (candidate), Associate professor (Yerevan State University)

KORBUT LEUDMILA VASILIEVNA, Scientific Secretary of the Russian Association of International Law

LAVRENTYEV SERGEY NIKOLAEVICH, Dr of Historical Sciences (candidate), Associate professor (Bashkir academy of public service and management at the President of the Republic of Bashkortostan, Ufa)

MALEEV YURY NIKOLAEVICH, Dr of Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation)

MISHALCHENKO YURY VLADIMIROVICH, Dr of Law, Dr of Economical Sciences, Professor (Eurasian Economic Community, Saint-Petersburg)

MUKHAMETSHIN FAIM BAYAZITOVICH, Dr of Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the RF)

NECHEVIN DMITRIY CONSTANTINOVICH, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

NIGMATULLIN RISHAT VAKHIDOVICH, Dr of Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the RF)

PONKA VICTOR FEDOROVICH, Dr of Law, Professor (Russian University of friendship of the people)

PASHENTSEV DMITRY ALEKSEEVICH, Dr of Law, Professor (Financial University at the Government of the Russian Federation)

RAYANOV FANIS MANSUROVICH, Dr of Law, Professor (Bashkir state university, Ufa)

SHEVELYOVA NATALYA ALEKSANDROVNA, Dr of Law, Professor (St. Petersburg State University)

SHEMSHUCHENKO YURY SERGEEVICH, Dr of Law, Professor (V.M. Koretsky Institute of State and Law of the National Academy of Sciences of Ukraine), Academician of the National Academy of Sciences of Ukraine, member of the Russian Academy of Sciences

SHUVANOV STANISLAV ALEKSANDROVICH, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINYUKOV VLADIMIR NIKOLAEVICH, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

SYDYKOV YERLAN BATTASHEVICH, Dr of Historical Sciences, Professor (Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, Euroasian National University of L. N. Gumilev, Astana)

TOLSTOPJATENKO GENNADY PETROVICH, Dr of Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation)

Journal is published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of doctor and candidate of sciences should be published.

Published since October 2007.

Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation. No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

© Eurasian law journal, 2014

Signed for printing 17.06.2014
Format 62x84 1/8. Conv. print. sh. 21,11.
Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –
Farkhutdinov D.I.

Desktop publishing –
Gareyev A.R.

Address of the Editor's Office:
10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasiaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<http://www.eurasiaw.ru>,

www.eurasialegal.info

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.

Члены редакционной коллегии

первый заместитель главного редактора:

ВЫСТОРÓБЕЦ Евгений Анатольевич, к.ю.н.

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.

научный редактор:

ДЗЮБА Ирина Валерьевна

литературный редактор:

ВИНОГРАДОВА Юнис Александровна

технический редактор:

ГАРЕЕВ Артур Рустемович

ГАБИНЕТ Дмитрий Анатольевич, старший преподаватель

ГУСЕЙНОВ Октай Рамазан оглы, к.ю.н., доцент

КОННОВА Елена Владимировна, старший преподаватель, с.н.с.

КОПЫЛОВ Станислав Михайлович, к.ю.н.

МУРЗАГИЛЬДИН Наиль Таштимирович

САФРОНОВ Константин Юрьевич

ТРАПЕЗНИКОВ Валерий Анатольевич, к.ю.н.

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельсламович, к.ю.н., доцент

САЙМОВА Шолпан Алтынбековна, магистр юриспруденции

руководитель интернет-проектов:

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович

Идея проекта и его осуществление принадлежат *Фархутдинову И. З.*

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович

(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH, Dr of Law

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

WYSTORÓBETS EUGENE ANATOLIEVICH, Dr of Law (candidate),

BONDARENKO ALEXANDR VIKTOROVICH, Dr of Philosophical sciences (candidate) Associate Professor

executive editor:

LUKIYANOV MIKHAIL YUREVICH, Dr of Political Sciences (candidate)

scientific editor:

DZYUBA IRINA VALERIEVNA

literary editor:

VINOGRADOVA IUNIS ALEKSANDROVNA

technical editor:

GAREYEV ARTHUR RUSTEMOVICH

GABINET DMITRY ANATOLYEVICH, Senior Lecturer

HUSEYNOV OKTAY RAMAZAN OGLU, Dr of Law (candidate)

KONNOVA ELENA VLADIMIROVNA, Senior Lecturer, Senior Researcher

KOPYLOV STANISLAV MIKHAILOVICH, Dr of Law (candidate)

MURZAGILDIN NAIL TASHTIMIROVICH

SAFRONOV KONSTANTIN YURYEVICH

TRAPEZNIKOV VALERY ANATOLIEVICH, Dr of Law (candidate)

FAIZULLIN GAIJAZ GABDELISLAMOVICH, Dr of Law (candidate), Associate Professor

SAIMOVA SHOLPAN ALTINBEKOVNA, Master of Law

internet-project:

FARKHUTDINOV DINAR INSUROVICH

The project and its implementation are the work of *Farkhutdinov I. Z.*

Founder:

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH

(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

Боголюбов С. А.

Роль экологических положений Конституции в евразийском пространстве.....8

ЕВРАЗИЙСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Фархутдинов И. З.

Россия и Китай: инвестиционное сотрудничество в контексте международного права (опыт для евразийской интеграции).....13

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Азанов Б. К.

Евразийский союз Белоруссии, Казахстана, России — какое будущее?.....26

Смирнова Е. С.

«Гражданство Союзного Государства Беларуси и России во временном контексте: заявление о намерении или перспектива реальной интеграции?» — рассуждение правоведа в аспекте региональной компаративистики.....34

СОБЫТИЕ: ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

Толстых В. Л.

Воссоединение Крыма с Россией: правовые квалификации.....40

ПРАВО СТРАН СНГ

Авдеева Л. В.

Защита животных от жестокого обращения на территории Содружества Независимых Государств и в странах, ранее входивших в состав Союза Советских Социалистических Республик.....47

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Данельян А. А.

Правовые аспекты политических рисков при осуществлении иностранной инвестиционной деятельности.....52

Логинова А. С.

Вступление России в ВТО в контексте сотрудничества со странами Таможенного союза.....55

Семенова Н. С.

Сохранение традиционных ценностей и международные обязательства Российской Федерации в рамках реализации права на образование.....59

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО

К юбилею Женевских конвенций от редакции ЕвразЮж Вооруженные конфликты: роль Женевских конвенций 1864 г. и 1949 г.

Кропотова Т. А.

Единство основ гуманитарной мысли в христианской религии и основ международного гуманитарного права.....64

Фролова А. П.

Вопросы *jus ad bellum* и *jus in bello* в иудаизме.....69

Зиганшина А. М.

Ислам и современное международное гуманитарное право: вопросы *jus ad bellum* и *jus in bello*.....73

ИНТЕРЭКОПРАВО

Гершиноква Д. А.

Современный этап развития международного права окружающей среды — признаки формирования климатического права.....80

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Шангина Т. Н.

Правовые основы регулирования внешнеэкономической деятельности нефтегазовых компаний.....86

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Толкачев К. Б.

«Крымский вопрос» и современное право: к дискуссии о легитимности референдума.....90

Третьяков А. В.

Интегративные построения «ядра структуры» отдельных явлений на примерах построения «ядра структуры» явлений «режим» и юридические «режимные категории».....93

Сулейманова Л. Ш.

Правовое государство как сущностное выражение демократии.....99

Филиппова Ж. Д.

Теоретико-правовые аспекты дефиниции правосознания в современной отечественной юриспруденции.....101

Крижус И. К.

Механизм активации нормативного правового акта.....103

Деменишин А. В.

О некоторых вопросах понимания обязательности правового акта в современном российском правоведении.....108

Легостаева В. В.

О философско-правовых аспектах позитивной юридической ответственности.....112

Троценко К. В.

Соотношение закона и обычая в регулировании брачно-семейных отношений инородцев в период действия свода законов Российской империи.....116

ПРАВО КОРЕННЫХ НАРОДОВ

Ананидзе Ф. Р.

Правовое положение коренного населения острова Гуам — народа чаморро.....120

ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Ямаева А. И.

Конституционное становление языковой самобытности и территориальности в Бельгии.....126

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Бухаров М. Я.

Кредитные истории как метод минимизации финансовых рисков при выдаче банками потребительских кредитов.....130

Егоров В. С.

Паевой инвестиционный фонд как оптимальный механизм коллективного инвестирования в Российской Федерации.....132

Имбаева Г. Р.

Институциональные условия развития финансового омбудсмена в сфере страховой деятельности.....134

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Посулихина Н. С.

Некоторые аспекты административной ответственности при нарушении лицензионных требований в сфере здравоохранения..... 137

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Молчанов Б. А.

Уголовно-правовые взгляды на субъект преступления при формировании правовых основ в государствах Древнего мира..... 140

Бимбинов А. А.

Объективная сторона полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста..... 144

Вяземская А. А.

Незаконное культивирование наркосодержащих растений по ст. 231 УК РФ и площадки культивации каннабиса по нидерландскому праву..... 151

Зорин Р. Г.

Криминалистическое исследование закономерностей формирования и устранения процессуальных нарушений в уголовном судопроизводстве..... 156

Каримова Г. Ю.

Особенности применения к несовершеннолетним меры пресечения в виде заключения под стражу (по материалам Республики Башкортостан)..... 161

Фесик П. Ю.

Возможность использования компьютерной программы «Форвер» при расследовании преступлений против личности..... 164

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Юнусов А. А., Юнусов Э. А., Юнусов С. А.

Общеправовой принцип справедливости как методологическая основа трансформации уголовно-исполнительного права..... 167

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Аминова Г. Г.

О неформальных механизмах разрешения споров с участием политических партий в России..... 171

Мозговая Н. М., Шакирова Э. В.

Правовые основы участия оппозиции в политической жизни современной России..... 175

Виноградова Н. В.

Геополитика, толерантность и принцип культурполитической легитимации власти..... 178

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Бугера В. Е., Гиндуллин Н. Ф.

Концепция неоазиатского способа производства в СССР: правовые и экономические аспекты..... 180

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЭТИКА

Султанова Э. М.

Социальные факторы и механизмы становления профессиональной этики субъекта юридической деятельности..... 184

ФИЛОСОФИЯ И ПРАВО

Джантаев Х. М.

Человечество — субъект Метаправа..... 187

РЕЦЕНЗИИ

Нечвин Д. К.

Рецензия на учебное пособие кандидата филологических наук, доцента Г. С. Пырченковой «English for law students» (Москва, 2013. — 164 с.)..... 197

Малько А. В.

Рецензия на монографию В.Ю. Панченко «Публичные формы юридического содействия реализации прав и законных интересов» (Москва: Проспект, 2014. — 152 с.)..... 201

ОБЗОРЫ

Корбут Л. В.

Обзор заседания комиссии по международному праву ассоциации юристов России (15 апреля 2014 г.)..... 203

Абашидзе А. Х., Гугунский Д. А., Солнцев А. М.

Блищенковские чтения 2014
XII ежегодная международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современного международного права», посвященная памяти профессора И. П. Блищенко (г. Москва, 11–12 апреля 2014 г.)..... 205

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ..... 210

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 211

Contents

PERSONA GRATA

Bogoleubov S. A.

The role of environmental provisions of the Constitution in the Eurasian space.....8

EURASIAN GEOPOLITICS AND INTERNATIONAL LAW

Farkhutdinov I. Z.

Russia and China: investment cooperation in the context of international law (experience for Eurasian integration)..... 13

EURASIAN INTEGRATION

Azanov B. K.

Eurasian Union of Belarus, Kazakhstan and Russia – what future?.....26

Smirnova E. S.

«Citizenship of the Union State of Belarus and Russia in the context of time: a statement of intent, or the prospect of a real integration?» – reasoning lawyer in the aspect of regional comparative studies.....34

EVENT: LEGAL EVALUATION

Tolstykh V. L.

Reunification of Crimea with Russia: legal qualifications.....40

LAW OF CIS COUNTRIES

Avdeeva L. V.

Protection of the animals from abuse in the Commonwealth of Independent States and countries of the former Union of Soviet Socialist Republics.....47

INTERNATIONAL LAW

Danelyan A. A.

Legal aspects of political risks in the implementation of foreign investment activity.....52

Loginova A. S.

Russia's accession to the WTO in the context of cooperation with the countries of the Customs Union.....55

Semyonova N. S.

Preservation of traditional values and international obligations of the Russian Federation under the right to education.....59

INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

On the anniversary of the Geneva Conventions from the editorial board of EurAsLJ

Armed conflicts: the role of the Geneva Conventions of 1864 and 1949

Kropotova T. A.

Similarity of the basis of humanitarian thought in the Christian religion and the ground of international humanitarian law.....64

Frolova A. P.

Jus ad bellum and jus in bello issues in Judaism.....69

Ziganshina A. M.

Islam and modern international humanitarian law: issues of jus ad bellum and jus in bello.....73

INTERECOLAW

Gershinkova D. A.

Present stage of development of international environmental law – some features of climate law developments.....80

PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Shangina T. N.

Legal bases of regulation of foreign economic oil and gas operations.....86

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Tolkachev K. B.

«Crimean issue» and the modern law: a discussion on the legitimacy of the referendum.....90

Tretyakov A. V.

Constructing of «core structure» of «regime» and «regime categories» phenomena as an example of integrative construction of «core structure» of individual phenomena.....93

Suleymanova L. Sh.

Legal state as the quintessential expression of democracy.....99

Filippova J. D.

The oretical and legal aspects of sense of justice definition in modern domestic jurisprudence.....101

Krizhus I. K.

The mechanism of normative legal act activation.....103

Demenishin A. V.

About some approaches to the legal act obligatory in contemporary Russian jurisprudence.....108

Legostaeva V. V.

Philosophical and legal aspects of the positive legal responsibility.....112

Trotsenko K. V.

Law and custom ratio in regulation of marriage and family relations of foreigners during the period of operation of Russian Empire Code.....116

RIGHT OF INDIGENOUS PEOPLES

Ananidze F. R.

Legal status of Guam's island indigenous peoples – the Chamorro people.....120

LAW OF FOREIGN STATES

Yamaeva A. I.

Constitutional formation of linguistic identity and territoriality in Belgium.....126

FINANCIAL LAW

Buharov M. Ya.

Credit histories as a method of minimization of financial risks in the course of granting consumer credits by banks.....130

Egorov V. S.

Unit investment funds as the optimal vehicle for collective investment in the Russian Federation.....132

Igbaeva G. R.

Institutional conditions for the development of the financial ombudsman in the sphere of insurance activity..... 134

ADMINISTRATIVE LAW**Posulikhina N. S.**

Some aspects of administrative liability for violation of the licensing requirements in the health care sphere..... 137

CRIMINAL LAW**Molchanov B. A.**

Criminal-legal views on the subject of crime in the formation of statehood (problems of sanity and insanity)..... 140

Bimbinov A. A.

Objective aspect of the sexual intercourse and other actions of sexual character with the person under the age of sixteen..... 144

Vyazemskaya A. A.

Illicit cultivation of narcotic plants under the art. 231 of the Russian criminal code and plantations for the cultivation of cannabis under the Dutch law..... 151

Zorin R. G.

Criminalistic research of formation and elimination regularities of procedural violations in criminal legal proceedings..... 156

Karimova G. Yu.

Features of application to minors of a measure of restraint in the form of imprisonment (on materials of the Republic of Bashkortostan)..... 161

Fesik P. Yu.

Feasibility of using the FORVER computer program for investigating crimes against the person..... 164

CRIMINAL EXECUTIVE LAW**Yunusov A. A., Yunusov E. A., Yunusov S. A.**

General legal principle of justice as methodological basis of transformation of the criminal-executive law..... 167

POLITICS AND LAW**Aminova G. G.**

About informal mechanisms of dispute resolution with the participation of political parties in Russia..... 171

Mozgovaya N. M., Shakirova E. V.

Legal bases of participation of opposition in political life of modern Russia..... 175

Vinogradova N. V.

Geopolitics, tolerance and principle of cultural and political power legitimation..... 178

ECONOMICS AND LAW**Bugera V. E., Gindullin N. F.**

Concept of neosasiatic mode of production in the USSR: legal and economic aspects..... 180

LEGAL ETHICS**Sultanova E. M.**

Social factors and mechanisms of formation of professional ethics of the subject of legal activity..... 184

PHILOSOPHY AND LAW**Djantaev H. M.**

Humanity – the subject of Metalaw..... 187

BOOK REVIEWS**Nechevin D. K.**

Review of the textbook of candidate of philology, associate professor G. S. Pyrchenkova «English for law students» (Moscow, 2013. – 164 p.)..... 197

Malko A. V.

Review of «Public forms of legal assistance to the realization of the rights and legitimate interests» monograph by V. Yu. Panchenko (Moscow: Prospect, 2014. – 152 p.)..... 201

REVIEWS**Korbut L. V.**

Review of the meeting of the International Law Commission of the Association of Lawyers of Russia (April 15, 2014)..... 203

Abashidze A. H., Gugunskiy D. A., Solntsev A. M.

Blischenko conference 2014 XII annual international scientific and practical conference «Current issues in international law», devoted to the memory of professor I.P. Blisichenko (Moscow, April 11–12, 2014)..... 205

INFORMATION FOR AUTHORS..... 210

ABOUT THE AUTHORS..... 211

Боголюбов С. А.
РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ В ЕВРАЗИЙСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ

Интервью с С. А. Боголюбовым, доктором юридических наук, профессором, заслуженным деятелем науки Российской Федерации, заведующим отделом аграрного, экологического и природоресурсного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, научным консультантом магистров и докторантов Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева.

Bogoleubov S. A.
THE ROLE OF ENVIRONMENTAL PROVISIONS OF THE CONSTITUTION IN THE
EURASIAN SPACE

An interview with S. A. Bogoleubov, Doctor of Law, Professor, Deserved Worker of Science of the Russian Federation, Head of the branch of Agrarian, Environmental and Natural Resources legislation within the Institute of Legislation and Comparative Law at the Government of the Russian Federation, Scientific Advisor to the master and doctoral students of the L. N. Gumilyov Eurasian National University.

Боголюбов С. А.

Визитная карточка:

С. А. Боголюбов — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий отделом аграрного, экологического и природоресурсного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, научный консультант магистров и докторантов Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева в г. Астане (Республика Казахстан).

Сергей Александрович Боголюбов окончил юридический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В 1960-е гг. работал в органах прокуратуры; в 1970-х — в юридическом отделе аппарата Верховного Совета СССР; с 1981 г. — в Институте законодательства и сравнительного правоведения (ИЗСП).

Автор более 700 опубликованных работ, среди них: научно-практические пособия «Природа: что мы можем», «Природоохранительная деятельность общественности: правовые формы», «Защита экологических прав», «Референдумы по экологически значимым проектам», «Земля и право», «Мониторинг законодательства о лесах и животном мире», «Конспект лекций по экологическому праву», «Этические и правовые основы предпринимательства»; учебники для вузов «Экологическое право», «Земельное право», «Экологическое (природоресурсное) право», «Актуальные проблемы экологического права», «Правоведение», «Экология», «Аграрное право»; сравнительно-правовой анализ «Аграрное и экологическое законодательство в России и СНГ», юридический энциклопедический словарь «Экология»; монографии «Правотворчество в сфере экологии», «Правовой механизм государственного регулирования и поддержки агропромышленного комплекса», «Институты экологического права», «Правовые основы развития сельского хозяйства», «Международное и национальное регулирование экологической сферы общества» (совм. с Ю. С. Шемшученко), «Законодательное регулирование деятельности федеральных органов исполнительной власти по обеспечению экологической безопасности» (совм. с Н. В. Кичигиным), «Земельное право России и Казахстана. Проблемы развития, процессуальные формы реализации» (совм. с Б. Ж. Абдраимовым).

Руководитель авторских коллективов и автор комментариев к законам «Об охране окружающей среды», «О мелиорации земель», «О недрах», «О животном мире», «Об охране атмосферного воздуха», «О гидрометеорологической службе», «О разграничении государственной собственности на землю», «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», к Водному, Лесному, Земельному, Градостроительному кодексам.

Руководитель рабочих групп в парламенте страны по подготовке законопроектов об охране окружающей природной среды, об общественных объединениях, о зонах экологического бедствия, об охране озера Байкал, о защите зеленых насаждений в городах.

Организатор научно-практических конференций в Москве, Санкт-Петербурге, Курске, Омске, Оренбурге, Самаре, Саранске, Улан-Уде, Уфе. Выступал с лекциями в Барнауле, Благовещенске, Ижевске, Казани, Краснодаре, Нижнем Новгороде, Челябинске и др. городах, выступал с докладами на симпозиумах в Белоруссии, Германии, Казахстане, Китае, Монголии, Польше, Сирии, США, Таджикистане, Туркменистане, Турции, Украине.

Член редакционных коллегий журналов «Аграрное и земельное право», «Экологическое право», «Право и экономика», «Право и государство: теория и практика», «Юридический мир», «Журнал российского права», «Зеленый мир», «Правовое государство: теория и практика».

Член Высшего экологического совета при Комитете по природным ресурсам, природопользованию и экологии Государственной Думы ФС РФ (с 1994 г.), член Комиссии по экологическому образованию при Правительстве РФ (1992 г.), Научно-консультативного совета при Совете безопасности РФ (1996 г.), правительственной комиссии по разработке нормативных актов в области реформирования и регулирования земельных отношений (2002 г.), Совета по аграрной политике при Министре сельского хозяйства РФ (2005 г.). Зеленый человек 2008 года.

Председатель диссертационного совета при Институте законодательства и сравнительного правоведения, член диссертационных советов при Институте государства и права РАН, Московском государственном юридическом университете им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

В 2010 г. Указом Президента РФ за большой вклад в развитие юридической науки и совершенствование российского законодательства награжден Орденом Дружбы. В 2012 г. приказом Министра природных ресурсов и экологии РФ присвоено звание «Почетный работник охраны природы».

— Уважаемый Сергей Александрович, Конституции Российской Федерации исполнилось 20 лет. В ней, как и в основных законах других евразийских государств в рамках СНГ, немало положений посвящается охране окружающей среды и организации рационального природопользования, которые дают импульс развитию соответствующего законодательства. Вы в 1990 г. защищали докторскую диссертацию на тему «Конституционно-правовые проблемы охраны окружающей среды в СССР». Насколько Ваши теоретические идеи воплотились в Конституции России?

— К конституционным статьям об экологических правах (ст. 42) и об экологических обязанностях граждан (ст. 58) имею некоторое отношение — это были мои положения, выносимые на защиту, как и социальное значение природопользования, участие граждан и общественных объединений в охране окружающей среды, здоровье человека как цель сбережения природы: все это видно из перечня моих основных публикаций.

Природоохранные требования Конституции, которых в действующем Основном законе несоизмеримо больше, чем в предыдущих, являются результатом коллективных усилий, использования опыта конституционного строительства других евразийских государств в рамках СНГ. Сейчас обостряется экологическая ситуация на планете, можно целенаправленнее, четче формулировать экологические предписания Конституции, но лучше ее вообще не трогать.

— Как относиться к формуле ч. 1 ст. 9 главы 1 «Основы конституционного строя» Конституции об использовании и охране земли и других природных ресурсов в Российской Федерации как основе жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории?

— Подобные нормы, характеризующие публичный характер природопользования, имеются в конституциях других государств Азии и Европы. К этой норме надо подходить исторически: в октябре 1917 г. эсеровским декретом о земле собственность на землю отменялась «навсегда» (партия эсеров обладала большинством на втором съезде Советов); в 1920-х земля и другие природные ресурсы в СССР объявлялись государственной собственностью, затем — исключительной государственной собственностью, то есть могли передаваться только в пользование; в перестройку 1980-х были попытки объявить их неким аморфным достоянием народов. Когда распался Союз, активно обсуждался вопрос о правах России на ее территорию и земли, на ней находящиеся. Конституционный кризис 1993 г. привел к указанной формуле, которая долго казалась слишком философской, декларативной, неправовой.

Ее надо толковать вместе с частью второй той же статьи о возможности нахождения земли и других природных ресурсов в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. Добавим и ч. 2 ст. 8 Конституции РФ о признании и защите равным образом указанных форм собственности и ч. 1 ст. 36 о праве граждан и их объединений иметь в частной собственности землю. Таким образом, получается некоторая взвешенность в определении публичного и частного в сфере природопользования.

Конкретное наполнение ч. 1 ст. 9 получила в Постановлении Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“», рассмотревшего, в частности, вопрос об объявлении достоянием (собственностью) Республики Алтай всех природных ресурсов, находящихся на ее территории.

Было признано, что субъект РФ не вправе объявить своим достоянием (собственностью) природные ресурсы на своей территории и осуществлять такое регулирование, которое ограничивает их использование в интересах всех народов Рос-

сийской Федерации, поскольку этим нарушается ее суверенитет, а также установленное Конституцией разграничение предметов ведения и полномочий.

Менее известна ч. 2 ст. 41 Конституции РФ о поощрении деятельности, способствующей укреплению здоровья человека, развитию физкультуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию. Заметьте — экологическое благополучие идет рядом с санитарно-эпидемиологическим, они взаимозависимы и подпирают друг друга.

— Насколько реальны провозглашенные в ст. 42 Конституции права каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением?

— К этим правам примыкают также права и свободы человека и гражданина, связанные с использованием, владением и распоряжением землей, иными объектами природы и окружающей среды. Подразумеваются состояние среды обитания, качество жизни, труда, отдыха, соответствующие определенным экологическим, санитарно-эпидемиологическим, гигиеническим стандартам, предполагающим пригодную для питья воду, надлежащий атмосферный воздух, кондиционные продукты питания, рекреационные условия. К этой группе экологических прав относится наличие земель соответствующего качества, на которых либо над или под которыми находятся все остальные природные ресурсы соответствующего качества — компоненты природной среды.

Предоставление и реализация указанных прав — этого последнего поколения прав человека и гражданина — в определенной мере осуществляются, но наталкиваются на их необеспеченность материальными условиями жизни общества, состоянием правовой и экологической культуры, системой и уровнем функционирования правоохранительных и природоохранных органов.

В конституциях соседних государств упоминается «чистая», «здоровая», «естественная» среда, таким образом само понятие благоприятной среды представляется несколько размытым: в ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» под благоприятной окружающей средой понимается окружающая среда, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов; при этом качество окружающей среды — состояние окружающей среды, которое характеризуется физическими, химическими, биологическими и иными показателями и (или) их совокупностью. Своего рода виртуальность ряда экологических прав может быть объяснена несоответствием предоставленных прав и адекватных им обязанностей, в том числе обязанностей государства и его органов, должностных лиц, а также многовековыми традициями евразийских государств.

Государства, провозглашающие себя социальными, заявляющие о своей политике, направленной на обеспечение достойной жизни своих граждан, не могут не заботиться о включении экологических прав и позиций в общечеловеческие обязательные ценности.

Проблемы реализации прав и исполнения обязанностей гражданина и государства являются одними из самых актуальных для формирования правового демократического социального государства и имеют непосредственное отношение к сфере обеспечения рационального использования и охраны земель, иных природных ресурсов и всей окружающей природной среды.

Однако повсеместно гарантировать выполнение стандартов, направленных на реализацию права каждого на благоприятную среду, невозможно из-за экономических, управленческих и иных трудностей. Часть территории Беларуси, Украины, России, пострадавшая от чернобыльской катастрофы, может считаться зоной чрезвычайной экологической ситуации либо зоной экологического бедствия. Даже когда не-

многочисленные иски граждан и общественных объединений об ограничении, о приостановлении и прекращении экологически вредной деятельности, закрытии цехов, предприятий и устройств, загрязняющих природные объекты, подвергающих их порче, обращения граждан о переселении из-за неблагоприятной среды обитания удовлетворяются решениями судов и арбитражных судов, они часто не исполняются по причине отсутствия надлежащего жилья и материальных средств.

— XXI век считается информационным. Эффективность деятельности в сфере экологической безопасности, экологического благополучия в значительной мере определяется ее информационным обеспечением, которое приобретает соответствующий вес и может влиять на экономику, правоприменение, проведение единой государственной экологической политики.

В области реализации экологических прав действуют общие, вытекающие из законодательства об информации, о государственной тайне, и специфические (природоохранные, природоресурсные) информационные требования. Что делается во имя информационной открытости в сфере экологии?

— В ряде федеральных законов, регулирующих отдельные сферы общественных отношений, в том числе гражданские, административные, предусматриваются нормы об информационном обеспечении этих сфер деятельности, которые могут быть учтены при осуществлении экологической деятельности органов власти и реализации права каждого на достоверную информацию о состоянии окружающей среды. Например, в Федеральном законе «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» в ст. 6 «Гласность и информация в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций» предусматривается, что информация в этой области является гласной и открытой, если иное не предусмотрено законодательством; органы государственной и муниципальной власти, организации, предприятия обязаны оперативно и достоверно информировать население через органы массовой информации и по иным каналам о прогнозируемых и возникающих чрезвычайных ситуациях, о способах и приемах защиты от них. Как известно, это требование не соблюдалось ни в городе Крымске Краснодарского края, ни на Дальнем Востоке при разливе Амура.

Требования об экологической информации предусматриваются в Законе РФ «О защите прав потребителей», федеральных законах «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами», «Об отходах производства и потребления», «Об охране озера Байкал», «О качестве и безопасности пищевых продуктов», «О гидрометеорологической службе», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», «Об использовании атомной энергии».

В законодательстве Беларуси, Казахстана, Украины уделяется повышенное внимание мерам защиты от ионизирующих облучений. В Федеральном законе «О радиационной безопасности населения» указывается, что граждане и общественные объединения вправе получать объективную информацию от организации, осуществляющей деятельность с использованием источников ионизирующего излучения, в пределах выполняемых ею функций, о радиационной обстановке и принимаемых мерах по обеспечению радиационной безопасности.

— **Выходит, граждане не знают и не используют своих возможностей?**

— И не знают, и не используют — пока «дремлют». Судебная практика рассмотрения споров, связанных с информационной деятельностью, в связи с уровнем правовой и экологической культуры небогата, а успехи в отстаивании требований закона — еще более редкое явление. Так, в Советском районном суде города Уфы рассматривалось дело по иску гражданина к федеральному государственному унитар-

ному предприятию «Гидравлика», Уфимскому предприятию тепловых связей, Управлению жилищного хозяйства района и администрации района о неблагоприятных условиях проживания в связи с прокладкой под его квартирой и домом трубы, информация о которой была недостаточна, а шум от которой превышает допустимый уровень, предусмотренный стандартом. Лишь после многолетнего рассмотрения спора, в том числе в Верховном Суде Республики Башкортостан, преодоления сопротивления должностных лиц санитарно-эпидемиологического надзора и районной администрации в истребовании необходимых информационных документов иск был удовлетворен с решением о предоставлении другой квартиры и возмещении морального вреда.

Союз экологов Республики Башкортостан обратился в Приуфимское территориальное управление по охране окружающей среды Госкомэкологии РБ с просьбой предоставить для населения информацию о нефтешламовых отходах, хранящихся на территории, и о принимаемых мерах по нарушениям в этой сфере. Начальник управления в представлении информации письменно отказал, ссылаясь на приказ Госкомэкологии, согласно которому начальникам территориальных управлений запрещено без согласования с руководством передавать информацию о деятельности подконтрольных предприятий и организаций. Был получен отказ и от Госкомэкологии. После этого в защиту общественных интересов Башкирская природоохранная межрайонная прокуратура внесла протест на указанный приказ, мотивировав это нарушением статей 29 и 33 Конституции, статей 3, 11 и 12 Закона «Об охране окружающей среды». При этом учитывалось, что к числу основных задач Приуфимского территориального управления по охране окружающей среды Положение о нем относит деятельность по обеспечению населения, местных органов государственной власти и органов местного самоуправления экологической информацией; управление должно работать публично и передавать в СМИ материалы, имеющие отношение к вопросам обеспечения экологической безопасности. Соответствующий пункт приказа как ограничивающий доступ граждан к экологической информации был отменен.

Общественным экологическими объединениями констатируются сокрытие и непредставление информации должностными лицами органов исполнительной власти, их низкая правовая культура, отсутствие мотивированных ответов на заявления и жалобы.

— **«Должны», «обязаны»... Призывы об использовании информационных пространств для реализации экологических прав остаются во многом не реализованными даже при наличии соответствующих законодательных требований. И что же делать? Кто виноват?**

— Как говорил В. С. Черномырдин, надо вести воспитательную работу... Выполнение конституционных требований о праве на экологическую информацию осуществляется с трудом из-за рассредоточения экологической информации по министерствам, службам, агентствам, иным органам, из-за неурегулированности юридической (административной, уголовной) ответственности за ее сокрытие, неполноту, невыдачу.

Государственные органы и их должностные лица не принимают активных мер к своевременному оглашению полных и достоверных сведений о состоянии земель, иных природных ресурсов и об окружающей среде, о мерах по предотвращению и ликвидации загрязнения природных ресурсов, неохотно откликаются на запросы общественных объединений и граждан, порой пытаются брать плату за ознакомление с экологической информацией, хотя ее представление должно быть обязанностью государства, отвечающего за соблюдение и защиту экологических прав человека и гражданина.

— **Известно о неподписании Россией Орхусской конвенции 1998 г. о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе**

к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, в то время как, например, в Казахстане ее реализация идет полным ходом. Каково Ваше отношение к ней и в чем особенности информационного сопровождения природопользования?

— Конвенция открыта для подписания, но на территории РФ пока не действует ввиду неготовности к этому российской правоохранительной и информационной систем. Россия принимала участие в ее составлении (см. распоряжение Правительства РФ от 22 июня 1998 г. № 833-р). Не будучи для нашей страны обязательной, эта Конвенция может служить ориентиром в требованиях информационного обеспечения граждан.

За последнее десятилетие создается разветвленная нормативно-правовая база информационного обеспечения экологических общественных отношений. Согласно федеральному законодательству об информации запрещено относить к информации с ограниченным доступом, в частности, документы, содержащие экологическую, метеорологическую, демографическую, санитарно-эпидемиологическую и другую информацию, необходимую для обеспечения безопасного функционирования населенных пунктов, производственных объектов, безопасности граждан и населения в целом. Должностные лица, принявшие решение о засекречивании перечисленных сведений либо о включении в этих целях в носители сведений, составляющих государственную тайну, несут уголовную, административную или дисциплинарную ответственность в зависимости от причиненного обществу, государству и гражданам материального и морального ущерба.

В настоящее время, изучив опыт государств, подписавших Конвенцию, общественность, Министерство природных ресурсов и экологии РФ проводят инвентаризацию возможностей включиться в выполнение Конвенции, обсуждают вопрос о присоединении к ней России. Подписать — дело не хитрое: но это накладывает немалые обязательства на судебную систему, исполнительные органы государственной и муниципальной власти по доступу к информации, обеспечению законности и экологического правопорядка.

— Как выполняется Декларация Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро), в принципе 10 которой провозглашено, что экологические вопросы рассматриваются наиболее эффективно при участии всех заинтересованных граждан на соответствующем уровне; на национальном уровне каждый человек имеет доступ к информации, касающейся окружающей среды, которая находится в распоряжении государственных органов, включая информацию об опасных материалах и деятельности в их общинах, и возможность участвовать в процессе принятия решений?

— Предполагается право как отдельных индивидов, так и объединений граждан, в том числе территориальных объединений, а также коренных малочисленных народов на доступ к значимой для них полной и объективной информации о состоянии окружающей среды. Причем право каждого владеть полной и объективной информацией о состоянии окружающей среды распространяется не только на уже функционирующие объекты, но и на проектируемые.

Одной из гарантий его реализации является надлежащее закрепление способа производства такой информации, ее поиска, получения, распространения. Источником экологической информации является государственная или общественная экологическая экспертиза, предметом которой является оценка соответствия проектной документации, среди прочего, экологическим требованиям. В настоящее время проводится единая государственная экспертиза проектной документации и результатов инженерных изысканий в соответствии с ГрК РФ.

Перечень мероприятий по охране окружающей среды как раздел проектной документации при проведении экспертизы

проверяется на предмет соответствия требованиям технических регламентов, которые принимаются в целях, в частности, охраны окружающей среды, жизни или здоровья животных и растений.

Должны обеспечиваться равновесие, сбалансированность таких конституционно защищаемых ценностей, как потребность в экономическом развитии, с одной стороны, и экологическая безопасность и удовлетворение потребностей будущих поколений — с другой.

— О правах граждан говорится много. Какова роль общества, государства?

— В большинстве евразийских исследований социальная задача и сущность государства включает решение природоохранных целей. «Заиграла» часть преамбулы Конституции РФ об ответственности перед нынешним и будущими поколениями — эта родившаяся в XIX в. формула применялась обычно к природе. Статьи 71 и 72 Конституции РФ насыщены перечислением природоохранных предметов ведения. Обязанность государства по возмещению вреда от экологических бедствий предопределена правом граждан на защищенность, например, от радиационного излучения, связанного с использованием расщепляющихся материалов и ядерной энергетики, объекты которой относятся к федеральной собственности.

Необходимость сочетания экологических прав и обязанностей граждан повышает роль и ответственность государства, его должностных лиц за выполнение координирующих, контрольно-надзорных и иных социальных, экологических задач.

— Как можно оценить ход реализации экологических положений Конституции? Не становится ли она мифическим горизонтом, по мере приближения к которому его линия все отступает и отступает?

— Любой закон по прошествии ряда лет можно исправлять и писать заново, особенно с учетом новых обстоятельств и вкусов лиц, пришедших к власти, но стабильность и непрекаемость закона, тем более основного, являются факторами преемственности и стабильности общества.

Экологический потенциал нынешней Конституции далеко не исчерпан, а тронуть, изменить ее в одном или немногих местах — значит подвергнуть ее ревизии целиком, что чревато потерей многих положительных конституционных требований.

Для России и других постсоветских государств всегда важен вопрос не столько о принятии новых актов, сколько об их соблюдении. В связи с Конституцией эта проблема давно актуализируется еще и тем, какова ее роль: является ли она набором целей, задач, принципов, и тогда ее можно считать скорее фикцией, либо же фактическим регулятором общественных отношений — в этом случае Основной закон «управляет», участвует в реальности.

Хотя на протяжении всего XX в. власти заявляли о Конституции как итоге, а не как о декларации о намерениях, основные законы в основном становились маяками, направлениями будущей деятельности, но не всегда регуляторами осуществляемой жизни. В средствах массовой информации подвергается сомнению выполнение положений Конституции о правовом демократическом социальном государстве с республиканской формой правления, о равенстве всех перед законом, о праве каждого на благоприятную окружающую среду.

С этих позиций трогать экологические положения Конституции не имеет большого смысла, если не пересматривать ее целиком. Надо сосредотачивать внимание и силы на соблюдении, использовании, применении конституционных норм, имеющих наивысшую силу и прямое действие.

— Порой вносятся предложения о дополнении Конституции РФ обязанностями государства, его органов, их должностных лиц обеспечивать экологические права граждан и благоприятную для них среду. Встречается также мнение о необходимости провозглашения нашей

страны экологическим государством наряду с демократическим, правовым, федеративным, социальным. Функция защиты государством рационального природопользования, экологических прав граждан определяется в конституциях Беларуси, Казахстана, Украины, ряда других государств, в Конституционном акте Европы. Как относиться к таким инициативам?

— Пока провозглашать Россию экологическим государством представляется преждевременным в силу нескольких причин. Во-первых, в Конституции РФ уже предусмотрены обязанности государства и его органов, должностных лиц применительно ко всем без исключения правам и свободам человека и гражданина. Детализация государственных обязанностей применительно к экологическим правам предполагала бы возможность такой же конкретизации и относительно других прав и свобод, что вряд ли будет уместно.

Во-вторых, экологические полномочия и, следовательно, обязанности государства, его органов и должностных лиц предусматриваются не только в ч. 2 ст. 41, п. «е» ст. 71, п. «в» ч. 1 ст. 114 Конституции, но и в законах и подзаконных актах. В настоящее время вопрос стоит не столько о расширении этих полномочий, функций и обязанностей в нормативных правовых актах, сколько об их неуклонном соблюдении, применении, выполнении. В определении Конституционного Суда РФ от 8 февраля 2001 г. № 14-О указывалось, что именно Правительство РФ согласно Конституции осуществляет управление государственной (федеральной) собственностью, в том числе если объектами такой собственности являются природные ресурсы, включая животный мир (п. «г» ч. 1 ст. 114), и обязано обеспечивать проведение в России единой государственной политики в сфере экологии (п. «в» ч. 1 ст. 114).

В-третьих, понятие экологического государства, его показатели, критерии, а также способы обеспечения и гарантирования экологических прав и обязанностей надо предусматривать заранее, прежде чем заносить в обязательства общества и государства в сфере использования и охраны природных ресурсов. Разумеется, государство, общество, провозгласив экологические права граждан, призваны назвать и ответственных за их реализацию, соблюдение, защиту, что и сделано в Конституции, земельном и ином экологическом законодательстве, хотя порой расплывчато, декларативно.

Некоторые территории нуждаются в дополнительной экономической, правовой и иной помощи государства; неблагоприятные территории вправе рассчитывать на выделение средств, предоставляемых государством и мировым сообществом для ликвидации экологических бедствий: государство, допустившее, не предотвратившее либо создавшее чрезвычайную экологическую ситуацию, обязано ее ликвидировать всеми имеющимися в его распоряжении законными организационными, экономическими, правовыми, идеологическими средствами.

— **Сергей Александрович, вызывает почтение Ваш послужной список, перечень работ. Когда Вы успеваете везде бывать и как Вам удается столько делать?**

— Нас хорошо учили на юридическом факультете МГУ, и потом были достойные наставники, которые уже ушли, но которых я все время помню, как и их призывы: добросовестно трудись, будь профессионален, вежлив; многие из них были участниками войны и имели девизы «не поддаваться панике», «не покидать окоп и не высовываться без приказа», «занять круговую оборону», «прорвемся»; они и в мирной жизни были такими.

С юности нравилась фраза: «Если не можешь делать то, что тебе нравится, то пусть тебе нравится то, что ты делаешь». Действительно, мне посчастливилось увлечься работой, которая составила мое хобби. Научными руководителями по кандидатской диссертации в области теории права стали незаурядные А. В. Мицкевич и А. С. Пиголкин, привившие вкус к творчеству. В экологию попал случайно — был секретарем

рабочей группы по разработке проекта Земельного кодекса РСФСР, там познакомился и сблизился с авторитетными учеными — О. С. Колбасовым, И. Ф. Панкратовым, Ю. Г. Жариковым, М. И. Козырем, Н. А. Сыродоевым, А. Е. Ереновым.

Жизнь, сотрудничество, соавторство сблизили меня с профессором Башкирского государственного университета Ф. М. Раяновым и с ректором Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (ныне — заместителем министра обороны Республики Казахстан) Б. Ж. Абдраимовым (довелось быть у них членом ученых советов), директором Института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины Ю. С. Шемшученко и директором Института законодательства Республики Беларусь Н. В. Сторожевым. Вокруг меня и со мной — достойные коллеги, которым я нужен и которыми востребован.

— **Что связывает Вас с Евразией и «Евразийским юридическим журналом»?**

— Родившись и прожив большую часть жизни в великом евразийском государстве — Советском Союзе, ощущаю инерционную потребность в процветании этого уникального цивилизационного пространства, боль по разрубленным связям. Сотрудничаю с коллегами из бывших союзных республик, выступаю и публикуюсь там. Нахожу удовлетворение от укрепления общего эколого-правового пространства, пишу об охране общих природных ценностей, совместных подходах к их рациональному использованию, различиях в формах владения и распоряжения.

Это же привлекает меня и в «Евразийском юридическом журнале» — международном научно-практическом издании, состоявшемся и авторитетном месте обмена мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств и дальнего зарубежья. Издание характеризуют поиск форм евразийской интеграции, главных объединяющих ценностей, вектора дальнейшего устойчивого развития, интернационализм и традиции, общие цели и ответственность, уважение к оппонентам и различающимся точкам зрения, а также подвижность и высокая работоспособность сотрудников.

Обсуждение реальных и предполагаемых слабостей современного состояния Евразийского эколого-правового пространства, оптимистический и/или пессимистический настрой авторов и рецензентов по самой разнообразной палитре вопросов, динамизм быстротекущей юридической жизни и откликов на нее безусловно повышают интерес читателей к Журналу и увеличивают приток его подписчиков.

Таможенный Союз, Шанхайская организация сотрудничества, ЕврАзЭС, ОДКБ, Союз России и Беларуси, иные евразийские объединения с участием России нуждаются в деловой, квалифицированной правовой и моральной поддержке. От повторения слова «халва» во рту слаще не будет: нужна планомерная целеустремленная работа по выявлению общего и особенного в развитии, узнаванию друг друга, взаимной поддержке, обмену опытом. Поэтому сотрудничество с Журналом способствует процессам поиска, расширению кругозора, вселяет оптимизм. Так держать!

Беседу вел

*И. З. Фархутдинов,
доктор юридических наук,
главный редактор
Евразийского юридического журнала.*

Фархутдинов И. З. РОССИЯ И КИТАЙ: ИНВЕСТИЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА (ОПЫТ ДЛЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ)

В статье рассматриваются состояние и перспективы инвестиционного сотрудничества между Россией и Китаем в контексте нового глобального передела мировых природных ресурсов. Сегодня РФ и КНР занимают совершенно новое положение в быстро изменяющейся, особенно в 2014 году, глобальной политике. В рамках двухдневного визита президента Владимира Путина в КНР было подписано ряд перспективных контрактов и договоров с точки зрения глобальной экономики в условиях начинающейся новой мировой войны за передел природных ресурсов планеты. Россия и Китай после многолетних кропотливых переговоров заключили беспрецедентный договор на 30 лет о поставках газа.

Правовое регулирование иностранных инвестиций в Российской Федерации и Китайской Народной Республике, происходящее на двух уровнях — национальном и международном — наглядно свидетельствует об объективной взаимообусловленности и взаимозависимости этих двух самостоятельных правовых механизмов.

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений (вместе с Протоколом от 09.11.2006) является профильным двусторонним международным договором в правовом обеспечении инвестиционных отношений между нашими двумя крупнейшими евразийскими государствами.

Ключевые слова: Россия, Китай, евразийская геополитика, мировая газовая война, инвестиционное и экономико-техническое сотрудничество, международное инвестиционное право, двусторонние соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений, иностранный инвестор, политические (некоммерческие) риски, режим «наибольшего благоприятствования», «национальный» режим.

Фархутдинов И. З.

Об авторе:

Фархутдинов Инсур Забирович — ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской Академии наук (сектор международно-правовых исследований), доктор юридических наук — специальность 12.00.10 — Международное право. Европейское право. главный редактор «Евразийского юридического журнала». Живет в г. Москве. Кандидатская диссертация на тему «Соотношение международного и национально-правового регулирования иностранных инвестиций в России» защищена в Институте государства и права Российской Академии наук под руководством профессора Богатырева А. Г. Там же в 2006 г. защищена докторская диссертация на тему «Международно-правовое регулирование инвестиционных отношений: теория и практика» (научный консультант профессор И. И. Лукашук).

И. З. Фархутдинов — автор около 80 научных работ на русском и английском языках, в том числе книг: «Международное инвестиционное право и процесс» (М.: Проспект, 2013); «Международное инвестиционное право. Теория и практика применения» (М.: Волтерс Клувер, 2005); «Инвестиционное право» (М.: Волтерс Клувер, 2006, в соавторстве с В. А. Трапезниковым); «Иностранные инвестиции и международное право» Уфа: Изд-во Башкирского госуниверситета, 2001; «Международный инвестиционный арбитраж» (М., 2014, в соавторстве с Данельяном А. А.).

В 2007 г. на собственных концептуальных разработках учредил международное периодическое издание — «Евразийский юридический журнал» (с января 2009 г. выходит ежемесячно). В феврале 2010 г. журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Основные направления научных исследований: проблемы развития доктрины международного права, международное инвестиционное право, правовой режим иностранных инвестиций в России, арбитражная практика о мерах разумного государственного вмешательства в международный инвестиционный проект и др.

Проходил по гранту стажировку в США, участвовал на основе грантов в международных конференциях: Центральный Европейский университет (ЦЕУ, г. Будапешт, Венгрия); г. Тегеран (Иран); Берлин (Германия); Алматы (Республика Казахстан) и др.

И. З. Фархутдинов — член диссертационных советов при Институте государства и права Российской Академии наук, Дипломатической Академии МИД РФ, Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

Farkhutdinov I. Z. RUSSIA AND CHINA: INVESTMENT COOPERATION IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL LAW (EXPERIENCE FOR EURASIAN INTEGRATION)

The article discusses the status and prospects of investment cooperation between Russia and China in the context of the new global redistribution of the world's natural resources. Today Russia and China occupy a brand new position in a rapidly changing, especially in 2014, global politics. The two-day visit of President Vladimir Putin to China was signed by a number of prospective contracts and agreements in terms of the global economy. Russia and China, after years of negotiations, signed a contract for 30 years on gas supplies.

Legal regulation of foreign investments in the Russian Federation and the People's Republic of China, which occurs on two levels — national and international — clearly demonstrates objective interdependence and interrelation of these two separate legal mechanisms.

Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on the Promotion and Reciprocal Protection of Investments (together with the Protocol of 09.11.2006) is a specialized bilateral treaty in legal support of investment relations between our two largest Eurasian states.

Keywords: Russia, China, the Eurasian geopolitics, global gas war, investment and economic-technical cooperation, international investment law, bilateral agreements on the promotion and reciprocal protection of investments, the foreign investor, political (non-commercial) risks, «most favored nation» treatment, «national» treatment.

About the Author:

Farkhutdinov Insur Zabirovich — the leading researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, the sector of international legal studies, LL.D.— specialty 12.00.10 — International law. European law. Chief editor of the «Eurasian Law Journal». Lives in Moscow.

PhD thesis «The proportion of international and national legal regulation of foreign investments in Russia» is protected in the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, led by Professor Aleksandr Bogatyrev. Also in 2006 defended his doctoral thesis on «International legal regulation of investment relations: Theory and Practice» (scientific advisor Professor Igor Lukashuk).

Insur Farhutdinov — author about 80 scientific works, including books: «International investment law and the process». Moscow. Prospect Publishing, 2013; «International investment law. Theory and Practice». Moscow: Wolters Kluwer Publishing, 2005; «Investment Law». Wolters Kluwer Publishing, 2006, in collaboration with V. A. Trapeznikov; «Foreign Investments and International Law» Ufa: Bashkir State University Publishing, 2001; International Investment Arbitration. M.: 2014, in collaboration with Danelyan A.A.).

In 2007, on its own conceptual designs established international periodical issue — «Eurasian Law Journal» (since January 2009 is published monthly). In February 2010, the journal is included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals and publications, which should be published by a major scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences.

Main lines of scientific research: Development of the doctrine of international law, International investment law, Legal regime of foreign investments in Russia, Arbitration practice of reasonable measures of state intervention in international investment project and etc.

Grant took an internship in the U.S. (2000), was based on grants won in international conferences: Central European University (CEU, Budapest, Hungary); Tehran (Iran); Berlin (Germany); Almaty (Kazakhstan), etc.

I. Z. Farkhutdinov — Member of Dissertation Council of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, the Diplomatic Academy of the Russian Federation, the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

1. Роль России и Китая в евразийской геополитике

Роль России и Китая в новейшей евразийской геополитике обуславливается их географическим положением — они являются крупнейшими евразийскими государствами, а также сложившейся мировой обстановкой, связанной с экспансивной политикой Запада относительно Украины. Основной причиной трагических событий в Украине, как и прежде, при свержении законных правительств в Ираке, Ливии (в последние годы такая же попытка путем гибели мирных людей идет и в Сирии), выступает борьба за передел мировых энергетических ресурсов. Главным и единственным зачинщиком нового глобального передела мировых природных богатств являются Соединенные Штаты Америки. Страны Европейского Союза выступают в роли сателлитов, то есть по существу находятся в таком же зависимом положении, как страны Восточной Европы у гитлеровской Германии перед началом Второй мировой войны.

Новая мировая война по сути уже началась. И началась она в феврале текущего года, когда плацдармом глобальных, с точки зрения далекоидущих целей Запада, кровопролитных военных действий стала территория независимой (тогда) Украины. Речь идет о Мировой газовой войне, способной развязать настоящую Третью мировую войну уже не в далекой перспективе войне, направленной на установление экономического господства США над всем миром. Как раз Китай и Россия этому являются наиболее серьезной преградой.

Сегодня РФ и КНР занимают совершенно новое положение в быстро изменяющейся в 2014 году глобальной политике. Особенно в свете того, что в мае с.г., в ходе встречи в верхах, руководители России и Китая достигли полного понимания по всем вопросам как двухстороннего, так и международного сотрудничества. В рамках двухдневного визита президента Владимира Путина в КНР было подписано ряд перспективных контрактов и договоров с точки зрения глобальной экономики. Россия и Китай после многолетних переговоров заключили договор на 30 лет о поставках газа. Сумма контракта составит 400 млрд. долл., а общий объем поставляемого газа — более 1 трлн. кубометров.

Несколько цветных революций в бывших советских республиках вслед за свержением Саддама Хусейна в Ираке, Муамара Каддафи в Ливии, и попытка их распространения на Центральную Азию послужили укреплению сотрудничества между Китаем и Россией. Между Китаем, Россией, с одной стороны, и США, с другой, есть глубокие принципиальные различия. Китай и Россия находятся на одной стороне, а США — на другой. Китай и Россия против проводимой политики «демо-

кратических преобразований» в Центральной Азии, поскольку это может дестабилизировать весь евроазиатский регион.

Геополитические интересы Китая и России актуализирует то, что они имеют общие границы с центральноазиатскими государствами. У них много общих забот и интересов в регионе. В их числе обеспечение безопасности границ. На это нацелены Договор об укреплении доверия в военной области в районе границы и Договор о сокращении вооруженных сил в районе границы, которые были подписаны Китаем, Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном.

Но наибольшим стимулом особых отношений между нашими евразийскими государствами является торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество, которое приобретает теперь беспрецедентный характер.

Китай и Россия всегда были заинтересованы в развитии торговых отношений. История становления отношений России с Китаем показала обоюдную полезность приграничной торговли. Приграничные территории являются мощным фактором для развития российско-китайских отношений в новейших геополитических условиях. 20 лет назад правительства КНР и РФ подписали соглашение о торгово-экономических отношениях, после чего страны прошли эффективный и плодотворный общий путь развития, области двустороннего торгово-экономического сотрудничества постоянно расширяются, страны добились плодотворных результатов.

Лидеры наших стран Владимир Путин и Си Цзиньпин в мае этого года подписали также около 50 важных заявлений, которые будут служить фундаментальными документами для дальнейшего развития китайско-российских отношений. Кстати, в конце этого же месяца еще несколько сделок было озвучено в рамках Петербургского экономического форума.

Достигнутое тогда соглашение «Газпрома» с Китаем предусматривает, что Россия получит от Китая инвестиции в газодобычу в размере 20 млрд. долл., а также аванс в размере 25 млрд. долл. Эти средства позволят «Газпрому» начать строительство «Южного потока» без начальной поддержки Евросоюза. Кстати, это грозит Украине ежегодной потерей транзитного потока в перспективе до 40–50 млрд. куб. м газа.

Наблюдается стремительный рост объема торговли между РФ и КНР. Двусторонний товарооборот с менее 6 млрд. в 1999 году вырос до 83,5 млрд. долларов в 2011 — рост в более чем 13 раз! Сейчас Китай уже стал первым торговым партнером России, наша страна в рейтинге 20 основных торговых партнеров Китая заняла 9 место.

Постоянно продвигаются инвестиционное и экономико-техническое сотрудничество. Вплоть до конца 2011 года

двусторонние взаимные прямые инвестиции составили 3 млрд. 800 млн. долларов, Россия стала девятой крупной страной, в которую КНР вкладывает прямые инвестиции. Предприятия и финансовые структуры двух стран намерены укреплять сотрудничество, вместе с тем постоянно углубляется взаимодействие между государствами в разработке энергетических и минеральных ресурсов, строительстве инфраструктуры, обновлении промышленного оборудования, переработке древесины, комплексном освоении сельского хозяйства, развитии высоких технологий. В настоящее время стабильно осуществляется ряд образцовых проектов. Кроме того, диверсифицируется модель двустороннего сотрудничества, китайские предприятия принимают активное участие в новом процессе приватизации в России, стороны проводят обсуждение по вопросам учреждения инвестиционного фонда, общего строительства и эксплуатации специальных экономических зон.

Россия и Китай намерены твердо развивать евразийские горизонты, играя конструктивную роль в межрегиональном экономическом сотрудничестве и управлении глобальной экономикой. В рамках ШОС, БРИКС, АСЕАН Россия и Китай действуют в одном направлении, придерживаются духа взаимной выгоды и выигрыша, укрепляют взаимодействие и сотрудничество в рамках многосторонних механизмов, совместно преодолевают финансовый кризис, глобальные вызовы, связанные с безопасностью энергетических ресурсов, играют надлежущую роль для стимулирования процветания евроазиатского региона, а также для стабильного развития мировой экономики.

Между прочим, новейшие геополитические процессы отразились и на банковской сфере. Как следует из отчетности банков, публикуемой Центробанком, в десятку лидеров по росту активов за апрель 2014 года попали две кредитные организации, связанные с Китаем. У ЗАО «Торгово-промышленный банк Китая» (ТПБК, принадлежит Industrial and Commercial Bank of China) рост активов составил 78,7% (17,5 млрд. рублей), до 39,8 млрд. рублей, у ООО «Чайна констракшн банк» (ЧКБ, принадлежит China Construction Bank) активы повысились на 48,8% (или 3,7 млрд. рублей), до 11,3 млрд. рублей. Китайские банки увеличивали активы (активы банка — это сумма кредитного портфеля, вложенный в ценные бумаги, собственный капитал и др.) под целевые проекты.

«Чайна констракшн банк» также будет кредитовать российские предприятия. Также китайцы заинтересованы в ряде инфраструктурных проектов — например, строительство в Подмоскowie кластера для своих инноваторов.

ТПБК и ЧКБ также занимаются финансированием таких российских проектов, как Хуадянь-Тенинская ТЭЦ (совместный проект российской «ТЭК-2» и китайской «Хуадянь» в Ярославле) и «Ямал СПГ». Привлечение дополнительных средств, а также успешное проведение недавних переговоров с Китаем на высшем уровне свидетельствует о хороших перспективах дальнейшего развития сотрудничества наших стран в энергетической сфере. Скорее всего, объемы финансирования российских проектов Китаем будут только наращиваться, а банки активно продолжают свой рост.

Итак, Центральная Азия расположена в центре евразийского континента. Она стратегически имеет важное значение с точки зрения обеспечения безопасности и стабильности в значительной части Евразии. Баланс сил на огромном пространстве евразийского континента зависит от каждого государства Центральной Азии, как и во всем регионе.

Вдохновителей новой мировой (пока газовой) войны манит не только Украина, но и этот регион, где сосредоточено огромное количество природных, прежде всего углеводородных, ресурсов мирового значения. Контроль за топливно-энергетическими ресурсами и путями их транспортировки дает возможность контролировать ситуацию в Центральной Азии. Центральная Азия расположена на стыке евроази-

атских транспортных коридоров и там имеются широкие транспортно-коммуникационные сети. Через Иран центрально-азиатский регион имеет выход к Персидскому заливу, через Афганистан и Пакистан есть выход к Индийскому океану, а через Китай есть выход в Азиатско-Тихоокеанский регион...

2. Общие принципы международного инвестиционного права

Выделение обособленного международного инвестиционного права (МИП) основано на наличии критериев, которые общеприняты юридической теорией и практикой при разработке новых отраслей, подотраслей и институтов¹. МИП получил широкое распространение также в западной научной литературе (D. Carreau, R. Dolzer, P. Juillard, C. Schreuer, S. Vasciannie и др.)².

Международное инвестиционное право, по мнению большинства китайских и российских ученых, необходимо обозначить в системе международного экономического права (МЭП)³.

Международное инвестиционное право представляет комплекс принципов, норм и правил договорного и недоговорного характера, регулирующих иностранную инвестиционную деятельность на территории принимающего государства. В условиях расширения нормативной системы международного права, его нормы регулируют не только межгосударственные отношения, но и регламентируют статус и деятельность и юридических лиц, в данном случае иностранных инвесторов, в соответствии с общими интересами государств⁴.

И Россия, и Китай должны исходить из того, что их инвестиционная политика, с правовой точки зрения, представляет собой создание благоприятного инвестиционного климата для взаимных капиталовложений, что предусматривает использование национально-правовых форм и методов, а также, соответственно, международно-правового регулирования. Правовое регулирование инвестиционных отношений, прежде всего, означает формирование устойчивых юридических гарантий иностранным инвесторам. Инвестиционный процесс выступает как совокупность юридических норм, регламентирующих отношения, складывающиеся между раз-

¹ Богатырев А. Г. Инвестиционное право. — М., 1992. — С. 52–56; Вельяминов, Г. М. Международное экономическое право и процесс (Академический курс): Учебн. / Г. М. Вельяминов. — М.: Волтерс Клувер, 2004; Фархутдинов И. З. Международное инвестиционное право. Теория и практика применения. — М.: Волтерс Клувер, 2005; Фархутдинов И. З. Международное инвестиционное право и процесс. — М., Проспект, 2013. — С. 45–49; Фархутдинов И. З., Трапезников В. А. Инвестиционное право. — М., Волтерс Клувер, 2006. — С. 37–56; Лабин Д. К. Международное право по защите и поощрению иностранных инвестиций. — М., Волтерс Клувер, 2008; Лисица В. Н. Принципы международного инвестиционного права. — Новосибирск, 2009; Дanelьян А. А., Фархутдинов И. З. Международный инвестиционный арбитраж. — М., 2014.

² См.: Dolzer, R. Principles of International Investment Law / R. Dolzer, C. Schreuer. — Oxford, 2008. — 434 p.; The Oxford Handbook of International Investment Law / Ed. by P. Muchlinski, F. Ortino, C. Schreuer. — Oxford, 2008. — 1282 p.; Vasciannie, S. The Fair and Equitable Treatment Standard in International Investment Law and Practice / S. Vasciannie // The British Yearbook of International Law. — 1999. — Vol. LXX. — P. 99–164.

³ См.: Яо Мэй Чжэнь. Международное инвестиционное право. Ухан: Уханский Университет, 1985. — С. 37. (на кит. яз.); Тан Шумэй. Теория и практика международного инвестиционного права. Пекин: Китайская социальная наука, 2004. — С. 20. (на кит. яз.); Ян Зихэн. Новая теория международного экономического права — международная координация. — Пекин: Пекинский университет, 2000. — С. 260. (на кит. яз.); Юй Тиньсон, У Чжипань. Международное экономическое право. — Пекин: Пекинский университет, 2003. — С. 197 (на кит. яз.).

⁴ Международное право: учебник / Отв. ред. Игнатенко Г. В., Тиунин О. И. 3-е изд. — М.: Норма, 2006. — С. 12.

личными участниками инвестиционной деятельности. Из единства предмета регулирования инвестиционного процесса, в условиях единого и взаимозависимого мира, и формируется инвестиционное право, состоящее из двух видов и сфер правового регулирования — национально-правового и международно-правового⁵.

Доктрина международного инвестиционного права гласит, что формирование международного и национального механизмов правового регулирования иностранных инвестиций уже исторически происходило параллельно как два неразрывно взаимосвязанных и взаимообусловленных процесса. В течение всех предыдущих этапов государства на договорной основе шаг за шагом приближались к наиболее оптимальным формам и методам международно-правового регулирования иностранных инвестиций.

МИП обуславливается публичным характером, его нормы создаются на основе добровольного согласования воли государств, а регулируемые им отношения носят властный характер⁶.

Некоторые китайские ученые Юй Тиньсон, У Чжипань, Яо Мэйчжэнь полагают, что «МЭП отличается как от международного, так и от внутригосударственного права»⁷. Профессора Пекинского университета Юй Тиньсон и У Чжипань подчеркивают: «Чтобы лучше регулировать так называемые «комплексные правовые отношения», появилось «новое самостоятельное право», которое само по себе образует новую самостоятельную правовую систему. Его нормы включают в себя нормы международного и национального права, публичного и частного права»⁸. Поэтому МИП считается отраслью МЭП⁹.

Китайский ученый Яо Мэйчжэнь подчеркивает, что МЭП образует совокупность норм международного и национального права, регулирующих экономические отношения в международном обществе и международные экономические организации¹⁰. МИП, по мнению Яо Мэйчжэнь, как отрасль МЭП, регулирует международные прямые инвестиции осуществляемые частными лицами (международные частные инвестиционные отношения)¹¹.

В этом смысле механизм правового регулирования иностранных инвестиций составляет комплекс норм и правил международного права и национального права, который определяет правовой статус иностранных инвестиций. В условиях расширения нормативной системы международного права его нормы регулируют не только межгосударственные отношения, но и обеспечивают статус и деятельность физических и юридических лиц в соответствии с общими интересами государств¹².

С точки зрения общей теории права принципы и нормы международного права юридически скрепляют нормативно-правовую систему МИП. Система МИП охватывает различные институты, принципы, нормы и правила в сфере правового регулирования иностранных инвестиций. В этой системе следует выделить, на мой взгляд, следующие в большей или меньшей степени обособленные подразделения:

⁵ Богатырев А.Г. О регулировании иностранных инвестиций в национальном и международном праве // Советское государство и право. — 1992. — № 1. — С.119.

⁶ Лукашук И. И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. — 2002. — № 3. — С.115–123.

⁷ См.: Юй Тиньсон, У Чжипань. Указ.соч. — С. 13; См.: Яо Мэйчжэнь. Указ.соч. — С. 373–385.

⁸ См.: Юй Тиньсон, У Чжипань. Указ.соч. — С. 13.

⁹ См.: Юй Тиньсон, У Чжипань. Указ.соч. — С. 200.

¹⁰ См.: Яо Мэйчжэнь. Указ.соч. — С. 373–374.

¹¹ См.: Яо Мэйчжэнь. Международное инвестиционное право. — Ухан: Уханский Университет, 1985. — С. 37 (на кит.яз.).

¹² Международное право. / Отв.ред. Игнатенко Г.В., Тиунов О. И. — 3-е изд. — М.: Норма, 2006. — С.12.

институт правовых гарантий иностранных инвестиций, институт принудительного изъятия иностранных инвестиций, институт страхования иностранных инвестиций, институт избежания двойного налогообложения, институт международного арбитражного права иностранных инвестиций, а также институт разумного вмешательства в международный инвестиционный проект¹³.

Основной массив источников международно-правового регулирования иностранных инвестиций составляют двусторонние соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений, т.е. так называемые двусторонние инвестиционные договоры (ДИД).

Фундаментальными источниками МИП являются два многосторонних договора: Вашингтонская конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами, юридическими и физическими лицами других государств 1965 г., учредившая Международный центр об урегулировании инвестиционных споров (МЦУИС) или ИКСИД-ICSID (International Center for Settlement of Investment Disputes); Сеульская конвенция об учреждении Международного агентства по гарантиям инвестиций (МАГИ) или МИГА (MIGA – Multilateral Investment Guarantee Agency) 1985 г.

Новеллой стали правовые нормы, заложенные в Соглашения, действующие в рамках ГАТТ/ВТО: Соглашение по инвестиционным мерам, связанным с торговлей (ТРИМС), регулирующее законодательство государств-членов в части установления режима внешнеэкономических связей предприятий с иностранными инвестициями; Генеральное Соглашение по торговле услугами (ГАТС), определяющее режим инвестиций, осуществляемых в форме финансовых услуг; Соглашение по торговым аспектам охраны прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), под влиянием которого находятся инвестиции, осуществляемые в форме интеллектуальной собственности. Все эти три Соглашения, являющиеся составными неотъемлемыми частями системы ГАТТ/ВТО, так или иначе могут также выступать источниками правового регулирования иностранных инвестиций на территории государств-участников. Они требуют серьезного изучения в связи предстоящим вступлением России в ВТО.

Правовое регулирование иностранных инвестиций в Российской Федерации и Китайской Народной Республике, происходящее на двух уровнях — национальном и международном — наглядно свидетельствует об объективной взаимообусловленности и взаимозависимости этих двух самостоятельных правовых механизмов. Поэтому проблема соотношения и взаимодействия международного права и национального права представляет одну из наиболее важных и сложных проблем в сфере МИП.

3. Роль международных договоров в регулировании иностранных инвестиций в России и Китае

Активное развитие международного инвестиционного сотрудничества, явившегося важнейшим фактором становления новой модели современного мира, способствует стремлению России и Китая закреплять свои отношения на основе многосторонних и двусторонних договоров.

Международные договоры, регулирующие инвестиции, отличает новый подход в развитии инвестиционного сотрудничества, основанный на исполнении государствами-участни-

¹³ См.: Фархутдинов И. З. Меры разумного государственного вмешательства в международный инвестиционный проект // Иностранные инвестиции и международное частное право. — М.: ИЗСП. Норма, 2010. — С.190–196; Он же. Иностранные инвестиции: вызов экономическому суверенитету // Московский журнал международного права. — 2008. — № 3; Он же. Международно-правовые ориентиры зарубежного инвестирования // Право и экономика. — 2008. — № 5. Он же. Экономический суверенитет государства в условиях глобализации // Право и безопасность. — 2008. — № 3

ками обязательств по регулированию инвестиций и установлению контроля за исполнением этих обязательств со стороны создаваемой на основе международного договора процедуры рассмотрения споров, связанных с инвестициями.

Основой для торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества между РФ и КНР являются:

1. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики «О торгово-экономических отношениях» (Пекин, от 5 марта 1992 года);

2. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 года;

3. Меморандум между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики «О сотрудничестве в области модернизации экономики» (октябрь 2011 г., Пекин).

3.1. Многостороннее международно-правовое регулирование иностранных инвестиций

В области международного инвестиционного сотрудничества Россия участвует в нескольких международных многосторонних договорах, в том числе в Конвенции об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций, подписанной в Сеуле в 1985 г. и ратифицированной Россией в 1992 г.¹⁴

Конвенция об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций 1985 г. (далее — «Сеульская конвенция») ¹⁵ представляет собой один из способов защиты имущественных прав иностранных инвесторов. К аналогичным инструментам защиты прав иностранных инвесторов относится Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств, которая была подписана в Вашингтоне в 1965 г. (Вашингтонская конвенция) и которая пока еще не ратифицирована Россией. Вашингтонская конвенция, как правило, применяется при защите инвестиций наряду с двусторонними соглашениями о защите инвестиций.

КНР также участвует в универсальных и в региональных, а также двусторонних международных договорах об инвестициях.

КНР принимает участие в международных организациях экономической направленности (ВТО, АТЭС, АСЕАН и др.). Широко используются международные механизмы правового регулирования и защиты иностранных инвестиций. Совместно с АСЕАН Китай создал Зону свободной торговли — China-ASEAN FreeTradeArea (CAFTA), правила которые регламентируют поощрение и защиту взаимных инвестиций.

КНР, кстати, являлась первоначальным членом Генерального соглашения по тарифам и торговле 1947 года. В 2002 году Постоянный совет Всекитайского Собрания Народных Представителей (далее — ВСНП) принял Решение «О вступлении Китайской Народной Республики во Всемирную торговую организацию» ¹⁶ и ратифицировал «Протокол о вступлении Китайской Народной Республики во Всемирную торговую организацию» ¹⁷ от 10 ноября 2001 года (далее — «Протокол»).

Как известно, составной частью права ВТО ¹⁸ является Соглашение по связанным с торговлей инвестиционным мерам

(ТРИМС) 1994 года ¹⁹. В приложении к ТРИМС содержится Иллюстративный перечень, предусматривающий меры по национальному законодательству, которые могут оказать «сдерживающее или искажающее воздействие на торговлю». В соответствии с пунктом 1 статьи 2 ТРИМС страны-члены ВТО берут на себя обязательство не применять вышеуказанные меры.

В соответствии с пунктом 3 статьи 7 «Протокола» с момента вступления в ВТО Китай берет на себя обязательство по соблюдению ТРИМС. КНР обязалась устранять или приостанавливать исполнение законов, постановлений или других правовых норм, в которых предусматриваются требования к местному содержанию, к инвалютному и торговому балансу.

В КНР в 2000–2001 годах с целью гармонизации с положениями ТРИМС был проведен ряд изменений в законодательство. Так, до изменений, в соответствии с положениями, вытекающими из статьи 10 Закона «Об эксплуатации совместных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале» (далее — Закон «О совместных предприятиях на капитале»), статьи 51 Положения Госсовета «Об осуществлении Закона «Об эксплуатации совместных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале» ²⁰, статьи 15 Закона «О предприятиях иностранного капитала», статьи 42 Положения «Об осуществлении Закона «О предприятиях иностранного капитала» ²¹ и статьи 19 Закона «Об эксплуатации совместных предприятий, основанных на китайском и иностранном сотрудничестве» (далее Закон «О совместных предприятиях на сотрудничестве») ²², ПИИ обязаны закупать материальное сырье, топливо и другие материалы в Китае. После изменения в этих статьях ПИИ имеют право закупать материальное сырье, топливо и другие материалы и в Китае, и за границей.

3.2. Двустороннее международно-правовое регулирование иностранных инвестиций

Становление и развитие правового регулирования иностранных инвестиций на двусторонней основе путем заключения специальных инвестиционных договоров имеет почти полувековую историю. Формирование и развитие международного инвестиционного права за этот период показывает, что международные отношения в этой сфере регулируются, прежде всего, двусторонними инвестиционными договорами. Они могут называться по-разному: соглашения о содействии осуществлению и взаимной защите капиталовложений, соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений и т.д.

Принципиальное значение в международно-правовом регулировании инвестиционных отношений имеют двусторонние договоры о поощрении и взаимной защите инвестиций. Основная их цель заключается в том, чтобы с помощью правовых средств обеспечить в условиях социально-экономического кризиса относительную стабильность воспроизводства и свободу движения капиталов в рамках мировой хозяйственной системы и особенно обеспечить приток иностранных инвестиций в развивающиеся государства, обезопасив от так называемых некоммерческих рисков. Международные двусторонние договоры о поощрении и взаимной защите капиталовложений представляют собой специальные межгосударственное

¹⁴ Постановление ВС РФ от 22.12.1992 № 4186-1 «О ратификации Конвенции об учреждении многостороннего Агентства по гарантиям инвестиций» // Ведомости СНД и ВС РСФСР 1993, № 1, ст. 22. Конвенция об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций, 1985 г. // Международно-правовые основы иностранных инвестиций в России. Сб. норм, актов и документов, 1995. С. 197–276.

¹⁵ Международно-правовые основы иностранных инвестиций в России. Сб. норм, актов и документов, 1995. С. 197–276.

¹⁶ Коммюнике Постоянного совета ВСНП. — 2002. — № 8.

¹⁷ Коммюнике Постоянного совета ВСНП. — 2001. — № 8.

¹⁸ См. подробнее: Дюмулен И. И. Всемирная торговая организация. — М., 2003; Зенкин И. В. Право ВТО. — М., 2003; Комендан-

тов С. В. Проблемы имплементации «правовой системы ВТО» в Российской Федерации. — Воронеж, 2006; Шумилов В. М. «Право ВТО» и международное право. — М., 2003; Скурко Е. В. ВТО: введение в правовую систему. — М., 2003 и др.

¹⁹ [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/18-trims_e.htm

²⁰ Коммюнике Госсовета КНР. — 1983. — № 7.

²¹ Коммюнике Госсовета КНР. — 1990. — № 7.

²² Коммюнике Постоянного комитета ВСНП. — 1988. — № 3.

соглашения, предметом регулирования которых являются отношения, возникающие в связи с инвестированием иностранного частного капитала.

В литературе приводятся различные данные о количестве заключенных в мире двусторонних инвестиционных соглашений²³.

Двусторонние международные договоры в области инвестиционной деятельности заключаются также в рамках создаваемых экономических союзов государств. К ним, в частности, относится Содружество независимых государств (СНГ).

Наша страна к практике заключения двусторонних соглашений о взаимном поощрении и защите капиталовложений приступила в 1989 году, когда после более чем шестидесятилетнего перерыва вновь были открыты двери для иностранного капитала. СССР в 1989–1990 гг. подписал международные договоры в сфере иностранных инвестиций с Великобританией, Италией, Францией, Германией (всего с 14 странами Западной Европы). Российская Федерация, как правопреемница СССР, в том числе и в исследуемой сфере, в 1992 году активно включилась в международно-правовое инвестиционное сотрудничество на двусторонней основе. На сегодняшний день Россия заключила около 50 ДИД.

Международные двусторонние соглашения России с другими государствами о взаимном поощрении и защите капиталовложений направлены на обеспечение международно-правовой защиты, в первую очередь от некоммерческих рисков. Установление ясных, доступных и реализуемых правил, улучшающих инвестиционный климат и тем самым укрепляющих доверие между государствами, выступает важным стимулятором иностранных инвестиций. В поощрении иностранного капитала важны не только обязанность сторон стимулировать свои компании инвестировать финансовые ресурсы в другую страну, но задачи привлечения технологий, ноу-хау, современного менеджмента и т. д.

Регулирование иностранных инвестиций на двусторонней основе имеет в КНР достаточно длительную историю. Первый договор такого рода был заключен Китаем в 1980 году²⁴. В настоящее время их количество достигло 86. КНР заключила восемь межгосударственных (с США 1980 года, ФРГ 1983 года, Австрией 1985 года, Японией 1988 года, Турцией 1990 года, Венгрией 1991 года, Испанией 1992 года, Саудовской Аравией 1996 года) и 78 межправительственных соглашений.

4. Национально-правовые источники регулирования иностранных инвестиций в России и Китае

А) в России

Как отмечалось выше, источники регулирования иностранных инвестиций на территории Российской Федерации содержатся как на национальном, так и международно-правовом уровнях. То есть государство, принимая национальные законодательные и другие нормативно-правовые акты, а также заключая (или присоединяясь) международные договоры, создаёт юридический комплекс из двухуровневых юридических норм и правил, регулирующих на своей территории иностранную инвестиционную деятельность.

Сперва рассмотрим национально-правовые источники регулирования иностранных инвестиций в России.

Высшей юридической силой в России обладает Конституция, образуя основу отечественной системы права. В сфере правового регулирования иностранных инвестиций Конституция Российской Федерации закрепляет важнейшие принципы: национальный режим для иностранных граждан и лиц без гражданства (ч. 3 ст. 62); недопустимость принудительного отчуждения собственности без выплаты предварительного и равного возмещения (ч. 3 ст. 35); отнесение к ис-

ключительной компетенции РФ наиболее важных аспектов правового регулирования иностранных инвестиций: финансовое, валютное, кредитное, таможенное регулирование (п. «ж» ст. 71), внешнеэкономические отношения РФ (п. «л» ст. 71); гражданское, гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное законодательство; правовое регулирование интеллектуальной собственности (п. «о» ст. 71); запрет установления таможенных границ, пошлин, сборов и каких-либо иных препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств на территории Российской Федерации (ч. 1 ст. 74).

Конституция России (ст.8) гарантирует единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств.

Конституция России определяет: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотрены законом, то применяются правила международного договора» (ч. 1 ст. 15).

Правовое регулирование иностранной инвестиционной деятельности, являющейся с точки зрения гражданского законодательства одним из видов предпринимательской деятельности, базируется на общих нормативных актах федерального уровня, в той или иной мере регулирующих экономическую деятельность в целом, и инвестиционную, в частности.

Многие вопросы, касающиеся иностранных инвестиций, разрешаются более общими законами. Это, прежде всего, Гражданский кодекс Российской Федерации. Правила, установленные ГК, применяются к отношениям с участием иностранных граждан и иностранных юридических лиц, если иное не предусмотрено федеральным законом. Именно он определяет основы для осуществления инвестирования, определяя правовое положение участников инвестирования, основания возникновения инвестиционных отношений ответственности и т. д.

Действующий ГК РФ характерен в первую очередь тем, что последовательно закрепляет принципы частного права, которыми являются: равенство государства в экономической жизни общества, обеспечение беспрепятственного осуществления права собственности и гарантии восстановления нарушенного права. Гражданский кодекс нацелен на то, чтобы развивать свободу предпринимательства, создавать для него благоприятные правовые условия. Государственное регулирование, необходимость которого сохраняется и при рыночной экономике, строго предопределяется интересами общества в целом и интересами гражданина.

Важным законом относительно прямых иностранных инвестиций, является Федеральный закон № 164 «О лизинге» от 29.10.1998 г.

Наряду с нормами Гражданского кодекса деятельность инвесторов на территории Российской Федерации регламентируют также нормы административного законодательства, устанавливающие порядок и процедуру государственной регистрации коммерческих организаций с иностранными инвестициями и иных организационно-правовых форм инвестиционной деятельности, а также общие принципы и порядок фискально-надзорных и иных взаимоотношений отечественных и иностранных инвесторов с государством и уполномоченными на то федеральными органами исполнительной власти, органами власти субъектов Российской Федерации и муниципальными органами.

К законодательным актам такого рода можно отнести, например, законы «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», «О естественных монополиях», «О рекламе» и ряд других законодательных актов, а также указы Президента РФ и постановления Правительства РФ, регламентирующие, например, порядок ли-

²³ Ершов Ю., Цветков Н. Хотели как лучше, а получилось как всегда // Инвестиции в России. — 2000. — № 2.

²⁴ Сборник договоров КНР. — № 27, 30, 32, 35, 37, 38, 39, 43.

цензирования отдельных видов хозяйственной деятельности, порядок и процедуру государственной регистрации коммерческих организаций и другие нормативные правовые акты.

Ключевое место в системе специальных законодательных актов в исследуемой области занимает Федеральный закон «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» от 09.07.1999 г. № 160-ФЗ, который отменил действие Закона РСФСР «Об иностранных инвестициях в РСФСР» 1991 г.

В 1999 г. был введен в действие ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25.02.1999 г. № 39-ФЗ, который применяется наряду с ранее принятым Законом РСФСР «Об инвестиционной деятельности в РСФСР». При этом Закон «Об инвестиционной деятельности» 1991 г. применяется в части, не противоречащей закону, принятому в 1999 г.

Возникает такой естественный вопрос: как же соотносится ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» от 9 июля 1999 г. с ФЗ № 39 «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25 февраля 1999 г. и с Законом РСФСР «Об инвестиционной о деятельности в РСФСР» от 26 июня 1991 г., который действует в части, не противоречащий последнему.

Два последних законодательных акта, если следовать их преамбуле, направлены на правовое обеспечение инвестиционного процесса вообще, то есть, стало быть, призваны играть роль *lex generalis* относительно ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации». Исходя из этой логики, следует применять закрепленные в этих двух предыдущих актах нормы для восполнения пробелов в Законе об иностранных инвестициях.

Закон об инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений от 25 февраля 1999 г. не является *lex generalis* по отношению к Закону об иностранных инвестициях в Российской Федерации от 9 июля 1999 г. Этот закон прямо отграничил сферу своего действия вложениями в основной капитал (здания, сооружения и др.), что практически осуществляется через возведение указанных объектов на основе строительного подряда.

Закон об иностранных инвестициях в РФ от 9 июля 1999 г. — единственный базовый закон, специально посвященный полному исключительному регулированию инвестиционных отношений международного характера. Будучи эксклюзивным правовым источником в исследуемой сфере, данный Федеральный закон рассматривает юридическое содержание понятийной базы инвестиционного права, в частности, впервые в российском законодательстве дается определение прямых иностранных инвестиций.

Настоящий Федеральный закон, принятый в развитие законодательства Российской Федерации в области недропользования инвестиционной деятельности, устанавливает правовые основы отношений, возникающих в процессе осуществления российских иностранных инвестиций, разведки добычи минерального сырья на территории Российской Федерации, а также на континентальном шельфе и (или) в пределах исключительной экономической зоны Российской Федерации на условиях соглашений о разделе продукции.

Проблемы правового регулирования иностранных инвестиций на основе специального и общегосударственного законодательства носят комплексный характер²⁵.

²⁵ См.: Доронина Н. Г., Семилютина Н. Г. Государство и регулирование инвестиций. Городец. — М., 2003; Силкин В. В. Прямые иностранные инвестиции в России (правовые формы привлечения и защиты). — М.: Юрист, 2003; Вознесенская Н. Н. Иностранные инвестиции: Россия и мировой опыт. — М., 2002; Фархутдинов И. З. Международное инвестиционное право. Теория им практика применения — М.: Волтерс Клувер, 2006.; Семилютина Н. Г. Российский рынок финансовых услуг (формирование правовой модели) — М.: Волтерс Клувер, 2006.

Б) в Китае

В Китае до 1978 года национально-правовое регулирование иностранных инвестиций отсутствовало. Дэн Сяопин с этого времени начал проводить кардинальные экономические реформы. Возникла острая потребность в правовых реформах. В Конституцию КНР 1982 г. существенные изменения вносились четыре раза — в 1988, 1993, 1999, 2004 годах. Были приняты сотни законов и тысячи подзаконных актов.

В настоящее время право КНР состоит из семи отраслей. Главной из них является конституционное право. Его образуют Конституция 1982 года и связанные с ней законы (например, Закон «О выборах Всекитайского Собрания Народных Представителей и местных собраний народных представителей разных инстанций» 1979 года).

Помимо конституционного права в КНР имеются следующие отрасли права: гражданское (основной источник — «Общие положения о гражданском праве» 1986 г.) и коммерческое право (например, Закон «О морской коммерции» 1992 г.), административное право (Закон «Об административном наказании» 1996 г.), экономическое право (Закон «О патенте» 1984 г.), социальное право (Закон «О труде» 1994 г.), уголовное право (Закон «Об уголовном праве» 1979 г.), судебное (Закон «Об уголовном процессе» 1979 г., Закон «О гражданском процессе» 1991 г.) и несудебное процессуальное право (Закон «Об арбитраже» 1994 г.).

В начале реформ из-за того, что правительство не имело опыта в регулировании иностранных инвестиций и относилось к ним с осторожностью, Китай не выработал единого закона об иностранных инвестициях, а исходил из принципа «целенаправленного законодательства»²⁶. Издавались специальные законы или подзаконные акты, применяющиеся к определенной группе инвестиционных отношений²⁷. При этом законы об иностранных инвестициях принимались на заседаниях ВСНП. Основным назначением этих законов была регламентация конкретного вида предприятий с прямыми иностранными инвестициями (ПИИ). Затем Госсовет КНР принимал акт обеспечивающего характера.

Го Шоукан и Чжао Сюэнь характеризуют «прямые» инвестиции как те инвестиции, по которым частное лицо одной страны вкладывает средства в предприятие за границу, и непосредственно или косвенно контролирует деятельность данного предприятия²⁸.

В сфере регулирования иностранных инвестиций 1 июля 1979 года был принят первый правовой акт — Закон «Об эксплуатации смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале» (далее — закон «О смешанных предприятиях на капитале»). Этот закон регулирует учреждение, регистрацию, прекращение, формы организации и деятельность смешанных предприятий на капитале. Данный закон не только является первым законом об иностранных инвестициях, но и первым законом о компаниях общего характера. В соответствии с Законом «О смешанных предприятиях на капитале» иностранные инвесторы получили право вкладывать средства совместного предприятия в КНР. В целях обеспечения осуществления закона «О смешанных предприятиях на капитале» в 1983 году Госсовет принял Положение

²⁶ См.: Лу Тьюнсин. Исследование вопросов в китайском праве об иностранных инвестициях. — Пекин: Право, 2001. — С. 2 (на кит. языке). Здесь и далее цитирую по: У Цюаньлэй. Проблемы соотношения международно-правового и национального регулирования иностранных инвестиций в КНР (публично-правовой аспект). ВГУ. Дисс. кюн. 2008.

²⁷ Лю Хун, Ду Юйтау. Развитие международного инвестиционного права и преобразование отечественного инвестиционного права // Передовое исследование. — 2003. — № 7. — С. 40–42 (на кит. языке).

²⁸ См.: Го Шоукан, Чжао Сюэнь. Международное экономическое право. — Пекин: Китайский народный университет, 1999. — С. 230 (на кит. яз.).

«Об осуществлении Закона «О смешанных предприятиях на капитале»».

12 апреля 1986 года ВСНП приняло Закон «О предприятиях иностранного капитала». Согласно этому закону иностранные инвесторы получили право открывать предприятия в КНР самостоятельно. В соответствии со ст. 2 данного Закона предприятие иностранного капитала — это предприятие, созданное в Китае полностью на основе капитала иностранного инвестора.

12 апреля 1986 года (то есть в один день с принятием Закона «О предприятиях иностранного капитала») ВСНП приняло «Общее положение о гражданском праве». «Общее положение о гражданском праве» можно назвать Гражданским кодексом КНР. Пункт 1 статьи 41 Общего положения предусматривает, что смешанные предприятия на капитале, смешанные предприятия на сотрудничестве и предприятия иностранного капитала, учрежденные в пределах КНР, приобретают статус юридического лица после регистрации в Департаменте по промышленности и торговле. Таким образом, статус ПИИ как китайского предприятия с иностранным участием определяется гражданским правом КНР.

В «Общем положении о гражданском праве» 1986 года была предусмотрена возможность создания смешанных предприятий на сотрудничестве. Закон «Об эксплуатации смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном сотрудничестве» (далее — Закон «О смешанных предприятиях на сотрудничестве») был принят ВСНП 13 апреля 1988 года.

В 1995 году в целях привлечения иностранных инвестиций в нужные для страны отрасли Государственный Плановый Комитет, Государственный Экономический и Торговый Совет и Министерство по внешней торговле и экономическому сотрудничеству официально опубликовали переработанное Временное Постановление «Об инструкции по направлению иностранных инвестиций» (далее — «Инструкция»).

«Инструкция» разделила экономические отрасли на четыре группы:

1) отрасли с поощрением иностранных инвестиций (например, новые сельскохозяйственные технологии, транспорт);

2) отрасли с разрешением иностранных инвестиций (все отрасли, которые не предусматриваются в остальных трех группах);

3) отрасли с ограничением иностранных инвестиций (разведка и разработка редко-благородных полезных ископаемых);

4) отрасли с запретом иностранных инвестиций (например, создающие угрозу государственной безопасности или общественному интересу).

В дополнение к «Инструкции» Государственный Плановый Совет, Государственный Экономический и Торговый Совет и Министерство по внешней торговле и экономическому сотрудничеству разработали «Инструктированный каталог отраслей для иностранных инвестиций». В этом документе устанавливается, какие конкретно отрасли считаются отраслями «с поощрением», какие — отраслями «с ограничением», а какие — «с запретом». Каталог часто изменяется в связи с ситуацией в конкретной отрасли. Действующий в настоящее время «Каталог» был утвержден в 2004 году.

Лишь через 14 лет после специального нормотворчества 29 декабря 1993 года был принят закон «О компаниях». Он разделил предприятия на виды по организационно-правовой форме. Данный Закон действует как в отношении ПИИ, так и в отношении предприятий отечественного капитала. Однако сфера применения закона «О компаниях» совпадает со сферой действия законов о предприятиях с иностранными инвестициями. Во-первых, в соответствии с законами о предприятиях с иностранными инвестициями ими могут быть компании с ограниченной ответственностью или акционерные компании; во-вторых, все эти законы регулируют учре-

ждение, регистрацию, прекращение, форму организации и деятельность предприятий. Отличие между ними заключается в том, что Закон «О компаниях» регламентирует компании с ограниченной ответственностью и акционерные компании, а законы о ПИИ регламентируют предприятия именно с иностранными инвестициями.

Рассматривая китайское законодательство об иностранных инвестициях, можно выявить две специфические черты:²⁹

Первая. В КНР, в отличие от РФ и многих других стран отсутствует специальный закон об иностранных инвестициях. Иностранные инвестиционные отношения регулирует ряд специальных законов и подзаконных актов. Кроме того, в отношении инвестиций действуют нормативные акты общего характера (законы: «О компаниях», «О торговых марках», «О векселе», «О внешней торговле» и др.). Таким образом, в целом отношения с иностранными инвестициями в КНР регулируются общегосударственным законодательством.

Вторая. К отечественным и иностранным инвестициям применяют разные законы («модель двухрельсового пути»³⁰). Например, Закон «О предприятиях на паях» 1997 года регулирует деятельность предприятий отечественного капитала, законы «О совместных предприятиях на капитале» и «О предприятиях иностранного капитала» регулируют деятельность предприятий с иностранными инвестициями.

В Китае образовался институт права об иностранных инвестициях, который охватывает нормы китайского экономического права, гражданского и коммерческого, а также административного права. Китайское право об иностранных инвестициях находится в процессе совершенствования. Этот процесс ускоряется и направляется международным правом. В целях эффективного регулирования иностранных инвестиционных отношений китайское право об иностранных инвестициях необходимо объединить в один закон, который станет основой китайского законодательства об иностранных инвестициях

4. Двусторонний инвестиционный договор между Россией и Китаем: правовой анализ

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений (вместе с Протоколом от 09.11.2006) является профильным двусторонним международным договором в правовом обеспечении инвестиционных отношений между нашими двумя крупнейшими евразийскими государствами.

Двусторонний договор между РФ и КНР о поощрении и взаимной защите капиталовложений был подписан 9 ноября 2006 году в Пекине. Кстати, накануне, 8 ноября того же года, данный ДИД был утвержден Распоряжением Правительства РФ (№ 1533-р): «В соответствии с пунктом 1 статьи 11 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» одобрить представленные Минэкономразвития России согласованные с МИДом России, Минфином России, Минюстом России и предварительно проработанные с Китайской Стороной проекты Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений».

Соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений или, как их общепринято называть, двусторонние

²⁹ У Цюаньлэй. Проблемы соотношения международно-правового и национального регулирования иностранных инвестиций в КНР (публично-правовой аспект). — Казань, 2008. — 23 с.

³⁰ Му Япин. Система о международном инвестиционном праве. — Гуанчжоу: Гуандунский народ, 1999. — С. 45 (на кит.яз.).

инвестиционные договоры, еще раз подчеркнем, являются центральными элементами правового регулирования частно-правовых и публично-правовых отношений в рассматриваемой сфере³¹.

Этот двусторонний инвестиционный договор между Россией и Китаем, как и все аналогичные соглашения, направлен на создание международно-правовых условий и гарантий для предпринимательской и инвестиционной деятельности инвесторов Российской Федерации и Китайской Народной Республики. При этом не допускается применение дискриминационных мер. Также определяются рамочные условия привлечения иностранных инвестиций, порядок допуска к капиталовложениям модной стороны на территории государства другой стороны. Кроме того, устанавливается обязанность сторон обеспечивать полную защиту капиталовложений, в частности, не допускается применение мер принудительно-го изъятия.

ДИД между Россией и Китаем направлен на обеспечение международно-правовой защиты инвестиций на территории друг друга, в первую очередь от политических (некоммерческих) рисков. Установление ясных, доступных и реализуемых правил, улучшающих инвестиционный климат и тем самым укрепляющих доверие между Россией и Китаем, выступает важным стимулятором взаимных инвестиций. В поощрении иностранного капитала важны не только обязанность сторон стимулировать свои компании инвестировать финансовые ресурсы в другую страну, но задачи привлечения технологий, ноу-хау, современного менеджмента и т.д.

Во всех договорах имеется преамбула, в которой указываются цели и мотивы соглашения³². В КНР, как и в РФ, преамбула рассматривается как составная часть договора. «В случае если в соглашении цели и мотив соглашения не предусматриваются или предусматриваются недостаточно четко, чтобы правильно понимать содержание соглашения и четко разъяснить права и обязанности сторон, нужно охватывать контекст, преамбулу и протокол в процессе толкования соглашения», — подчеркивает Ян Вэй Дон³³.

В преамбуле анализируемого ДИД утверждается, что Правительство Российской Федерации и Правительство Китайской Народной Республики намерены создать благоприятные условия для капиталовложений инвесторов одной Договаривающейся Стороны на территории другой Договаривающейся Стороны. Они выражают уверенность, что взаимное привлечение, поощрение и защита таких капиталовложений приведет к стимулированию деловой инициативы инвесторов и повысит благосостояние обоих государств, а также активизирует сотрудничество обоих государств на основе равенства и взаимной выгоды.

4.1. Понятие «инвестиции» в ДИД между РФ и КНР

В нашей научной литературе и законодательстве используются три разных, но адекватных, термина для описания процесса инвестирования: «инвестиции», «капитал», «капиталовложение». Но наиболее употребляемым является первая дефиниция. Что касается англоязычной литературы, то почти всегда используется слово «investments», то есть «инвестиции».

Понятие «инвестиции» является ключевым в сфере правового регулирования зарубежного инвестирования. Не случайно уже в первой же статье дано определение того, что из себя

представляет «капиталовложение» для целей анализируемого инвестиционного соглашения между Россией и Китаем:

«Понятие «капиталовложение» означает все виды имущественных ценностей, которые вкладываются китайскими инвесторами на территории Российской Федерации, и наоборот, российскими инвесторами на территории Китая. Инвестиции включают в себя:

а) движимое и недвижимое имущество, а также любые имущественные права;

б) акции, вклады и иные формы участия в капитале коммерческих организаций;

в) права требования по денежным средствам или по договорам, имеющим экономическую ценность и связанным с капиталовложениями;

г) исключительные права на объекты интеллектуальной собственности, в частности авторские права, патенты, товарные знаки, фирменные наименования, технологии и технические процессы, ноу-хау и устойчивые деловые связи;

д) права на осуществление предпринимательской деятельности, предоставляемые на основе законодательства или договоров, разрешенных в соответствии с законодательством, в частности, связанные с разведкой, разработкой, добычей и эксплуатацией природных ресурсов».

Раскрытие правового содержания данной дефиниции имеет важное практическое значение, поскольку законодательно закрепляя те или иные средства материального и нематериального характера иностранными инвестициями, государство распространяет на них определенные параметры доступа, правового режима, правовой защиты. Только на «иностранннне инвестиции» распространяются специальное инвестиционное законодательство и правовые нормы, правила международных договоров двустороннего, регионального и многостороннего характера в сфере иностранных инвестиций.

Между тем, выработка полного определения правового содержания понятия иностранные инвестиции и в силу сложности этого явления и самой категории, на что указывала ещё в своё время А.Г. Богатырёв, — задача непростая. Трудности определения вызвана сложностью этого понятия и наличием нескольких видов и форм капитала и инвестирования³⁴. Иностранное частное инвестирование, как правило, осуществляется в форме прямых и портфельных инвестиций, которые представляют собой иностранную частную собственность физических и юридических лиц.

Правовое регулирование иностранных частных инвестиций является более сложным по сравнению с регулированием государственного иностранного инвестирования, так как осуществляется путем сочетания национально-правового и международно-правового регулирования. Особую сложность, в свою очередь, представляет регулирование прямых инвестиций, которое инвесторы осуществляют их путем создания совместных и смешанных компаний или иностранных компаний и их филиалов на территории принимающих их государств.

Кстати, китайские ученые разделяют инвестиции на «прямые» и «косвенные»³⁵. По мнению некоторых китайских ученых (Ян Зихэн³⁶, Люй Яньфэн, Хэ Чипэн и Сунь Лу³⁷), МИП

³⁴ Богатырёв А.Г. Инвестиционное право. — М., 1992. — С.13

³⁵ См.: См: Го Шоукан, Чжао Сюэнь. Международное экономическое право. — Пекин: Китайский народный университет, 1999. — С. 230 (на кит.яз.); Ян Зихэн. Указ.соч. — С. 260 (на кит. яз.); Юй Тиньсон, У Чжипань. Указ.соч. — С. 277 (на кит. яз.); Тан Шумэй. Указ. соч. — С. 1.

³⁶ См.: Ян Зихэн. Новая теория международного экономического права — международная координация. — Пекин: Пекинский университет, 2000. — С. 260. (на кит.яз.).

³⁷ Люй Яньфэн, Хэ Чипэн и Сунь Лу. Международное инвестиционное право. — Пекин: Высшее образование, 2005. — С. 32 (на кит. яз.).

³¹ Хаусманн Райнер. Инвестиционные договоры с иностранными инвесторами // Правовые аспекты инвестиционных договоров. — М., Норма. — 2012. — С.23–24.

³² Чжан Мэй Тиюн. Исследование китайских двусторонних договоров о инвестициях: дис. ... м-ра юрид. наук. — Чунцин, 2004. — С. 7 (на кит.яз.).

³³ Ян Вэй Дон. Двусторонние договоры об инвестициях: китайская позиция: дис. ... д-ра юрид. наук. — Чунцин, 2002. — С. 27–28 (на кит.яз.).

регламентирует только международные прямые инвестиции. Косвенные инвестиционные отношения регулирует международное финансовое право.

В экономической литературе все произведённые товары (работы, услуги) условно подразделяются на потребительские и инвестиционные.

Статья 1 Закона о капитальных вложениях РФ также рассматривает инвестиции как денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта. В соответствии со статьёй 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации бюджетные инвестиции представляют собой бюджетные средства, направляемые на создание или увеличение за счёт средств бюджета стоимости государственного (муниципального) имущества.

В статье 3 Соглашения государств-участников СНГ о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности от 24 декабря 1993 г. под инвестициями понимаются все виды имущественных, финансовых, интеллектуальных ценностей, вкладываемых инвесторами в объекты предпринимательской и других видов деятельности в целях получения прибыли (дохода), достижения социального эффекта.

В соответствии со ст. 2 ФЗ –160 «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» иностранная инвестиция — это «вложение иностранного капитала в объект предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации в виде объектов гражданских прав, принадлежащих иностранному инвестору, если такие объекты гражданских прав не изъяты из оборота или не ограничены в обороте в Российской Федерации, в соответствии с федеральными законами, в том числе, денег, ценных бумаг (в иностранной валюте и валюте Российской Федерации), иного имущества, имущественных прав, имеющих денежную оценку исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальную собственность), а также услуг и информации.

Категория «инвестиция» объясняется во всех договорах способами как обобщения³⁸, так и перечисления³⁹. Так, согласно пункту 1 статьи 1 соглашения между Правительством КНР и Правительством Белоруссии о поощрении и взаимной защите инвестиций 1993 года, термин «инвестиции» означает все виды имущества, вложенного на территории договаривающейся стороны, принимающей инвестиции, в соответствии с ее законодательством, включая, в частности, но не исключительно: а) движимое и недвижимое имущество и имущественные права; б) акции или другие формы участия в предприятиях и компаниях; в) права требования по денежным средствам и любым обязательствам, имеющим экономическую ценность; г) авторские права, права на промышленное имущество, «ноу-хау» и технологию; д) права на осуществление экономической деятельности, предоставляемые в соответствии с законодательством или договорами, включая, в частности, права на осуществление разведки и эксплуатации природных ресурсов.

4.2. «Иностранный инвестор» в ДИД между РФ и КНР

Вторым, но не менее существенным, понятием в сфере правового регулирования иностранных инвестиций в России и Китае является «иностраннный инвестор», то есть субъект инвестиционных правоотношений.

³⁸ Способ обобщения означает, что в договоре закреплены все объекты, которые могут быть инвестициями в соответствии с законодательством страны-хозяина.

³⁹ Способ перечисления заключается в том, что перечень объектов, закрепленных в договоре, не является исчерпывающим.

Статья 2 ДИД между РФ и КНР. Понятие «инвестор» означает:

а) любое физическое лицо, являющееся гражданином государства любой из Договаривающихся Сторон в соответствии с законами и иными нормативными правовыми актами этой Договаривающейся Стороны;

б) любое юридическое лицо, включая компании, ассоциации, товарищества и иные организации, созданное или учрежденное в соответствии с законами и иными нормативными правовыми актами любой Договаривающейся Стороны и имеющее свое местонахождение на территории этой Договаривающейся Стороны.

Легальное определение иностранного инвестора дается в Федеральном законе от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации». В соответствии с данным Законом (ст.2) под иностранным инвестором понимаются:

— иностранное юридическое лицо, гражданская правоспособность которого определяется в соответствии с законодательством государства, в котором оно учреждено, и которое вправе в соответствии с законодательством указанного государства осуществлять инвестиции на территории Российской Федерации;

— иностранная организация, не являющаяся юридическим лицом, гражданская правоспособность которой определяется в соответствии с законодательством государства, в котором она учреждена, и которая вправе в соответствии с законодательством указанного государства осуществлять инвестиции на территории Российской Федерации;

— иностранный гражданин, гражданская правоспособность и дееспособность которого определяется в соответствии с законодательством государства его гражданства и который вправе в соответствии с законодательством указанного государства осуществлять инвестиции на территории Российской Федерации;

— лицо без гражданства, которое постоянно проживает за пределами Российской Федерации, гражданская правоспособность и дееспособность которого определяются в соответствии с законодательством государства его постоянного места жительства и которое вправе в соответствии с законодательством указанного государства осуществлять инвестиции на территории Российской Федерации;

— международная организация, которая вправе в соответствии с международным договором Российской Федерации осуществлять инвестиции на территории Российской Федерации;

— иностранные государства в соответствии с порядком, определяемым федеральными законами.

Как видно, приведенный выше перечень легализует признание Россией правоспособности иностранного юридического лица, иностранной организации, иностранного гражданина и лица без гражданства, определяемой иностранным законодательством, в ходе осуществления инвестиционной деятельности.

4.3. Понятие «доходы» в ДИД между РФ и КНР

Статья 3. Понятие «доходы» означает средства, получаемые от капиталовложений, и в частности, хотя не исключительно, прибыль, дивиденды, проценты, доходы от капитала, роялти и другие вознаграждения, связанные с капиталовложениями.

Относительно ДИД Китая с третьими государствами, например, в пункте 1 статьи 2 соглашения с Швецией и пункте 1 статьи 3 Соглашения с Малайзией закреплены лишь «инвестиции»; в пункте 1 статьи 4 договора с Финляндией — «инвестиции» и «доходы». Часть договоров (с Россией, ФРГ, Украиной, Египтом 1994 года⁴⁰) предусматривает «инвестиции» и «деятельность, связанную с инвестициями». Наконец, от-

⁴⁰ Сборник договоров КНР.— 1994.— № . 41.

дельные конвенции (например, с Новой Зеландией) содержат все три вышеуказанных вида.

4.4. Понятие «деятельность» в ДИД между РФ и КНР

Статья 4. Понятие «деятельность» означает владение, пользование и (или) распоряжение капиталовложениями.

«Деятельность, связанная с инвестициями» в разных соглашениях понимается по-разному. Так, в статье 3 Протокола к Договору с ФРГ в эту категорию включаются «управление, применение и использование инвестиций». Статьей 2 Протокола к Соглашению между Правительством КНР и Правительством Итальянской Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций 1985 года⁴¹ к такой деятельности отнесены «въезд через границу», а также «задержка и путешествие, связанные с инвестициями».

В Договоре с Австралией (пункт 1 статьи 1) «деятельность» понимается еще шире. Она включает в себя следующие возможности: организацию, контроль и эксплуатацию, обслуживание и распоряжение компаниями, филиалами, представительствами, заводами или другими сооружениями, служащими хозяйству, заключение и исполнение договоров, получение, использование, защиту и распоряжение всеми разными имущественными ценностями, в том числе право на промышленное имущество и право интеллектуальной собственности, а также кредит, покупку и выпуск акций, покупку и продажу иностранной валюты.

В пункте 3 статьи 3 Соглашения между КНР и Японией о поощрении и взаимной защите инвестиций под деятельностью понимается: 1) сохранение филиалов, представительств, заводов и других соответствующих сооружений, служащих хозяйству; 2) контроль и управление компаниями, которые учреждены сами или приобретены; 3) приглашение на работу или увольнение специалистов, включая технический персонал, персонал высоких должностей, юристов и другой персонал; 4) заключение и исполнение договоров.

4.5. Понятие «территория» в ДИД между РФ и КНР

Статья 5. Понятие «территория Договаривающейся Стороны» означает: территорию Российской Федерации и территорию Китайской Народной Республики соответственно; морские районы, примыкающие к внешним пределам территориально-морского моря каждой из указанных территорий, над которыми соответствующая Договаривающаяся Сторона осуществляет в соответствии с международным правом свои суверенные права или юрисдикцию в целях разведки, добычи, эксплуатации и сохранения природных ресурсов таких районов.

Под пространственной сферой действия договора международное право подразумевает территорию (часть территории), на которую будут распространяться положения заключенного международного договора. Статья 29 Венской конвенции о праве международных договоров гласит: «Если иное не явствует из договора или не установлено иным образом, то договор обязателен для каждого участника в отношении всей его территории»⁴². Данное положение является общей нормой, которая не затрагивает договоров, правила которых предусматривают иную пространственную сферу, чем территория государств-участников⁴³.

4.6. Режим инвестиций в ДИД между РФ и КНР

Принципиальное место в международных двусторонних договорах о поощрении и взаимной защите капиталовложений занимает определение общего правового режима. Правовое обозначение общего юридического стандарта для иностран-

ных инвестиций имеет важное значение для обеспечения благоприятного инвестиционного климата в любой стране. Новым, по сравнению с положениями российского законодательства, является включение в двусторонние международные соглашения о защите иностранных инвестиций условий режима, который получил в международно-правовой практике название «режим абсолютного стандарта». Такой режим предполагает общую характеристику предоставляемого иностранным инвестициям режима: «равноправный» и «справедливый режим», «режим, обеспечивающий полную и безусловную защиту инвестиций в соответствии с теми стандартами, которые приняты в международном праве».

Статья 3

Режим капиталовложений:

1. Каждая Договаривающаяся Сторона обеспечивает на территории своего государства справедливый режим капиталовложениям инвесторов государства другой Договаривающейся Стороны и деятельности, связанной с капиталовложениями.

В соответствии с законами и иными нормативными правовыми актами своего государства ни одна из Договаривающихся Сторон не должна применять какие-либо дискриминационные меры, которые могут препятствовать деятельности, связанной с капиталовложениями.

Главным содержанием двустороннего договора между Россией и Китаем является правовой режим инвестирования. Китайские ученые Чжэн Ан, Цзэн Хуа Цюнь подчеркивают: «Режим для иностранной инвестиции означает правовой статус, которым обладает иностранный инвестор, то есть их права и обязанности. На самом деле все содержания договоров обобщают в вопросе режима. Режим является ядром договоров»⁴⁴. Режим закрепляется в специальных статьях, а также положениях о материальных⁴⁵ и процессуальных⁴⁶ правах инвесторов, а также в преамбулах некоторых договоров (например, со Швецией, Данией).

Двусторонние договоры КНР различают три режима инвестиций: а) «справедливый и равный» режим, б) режим «наибольшего благоприятствования», в) «национальный» режим.

Конкретной интерпретации «справедливого режима» (в других ДИД называется «благоприятный и справедливый режим») не существует, хотя некоторые его элементы считаются более или менее общепринятыми. Речь, в данном случае, идет о недискриминации, некоем минимальном стандарте, обязанности государства-капиталополучателя защищать иностранную собственность.

Китайские специалисты ЮйТиньсон и У ЧжиПань оценивают «справедливый и равный» режим как принципиальное установление, которое возглавляет остальные конкретные режимы. Договоры восполняют национальное право «в случае непредусмотрительности», используя абстрактности своего содержания в целях недискриминации иностранных инвестиций или иной деятельности, связанной с инвестициями, а также их полной защиты⁴⁷. «Справедливый и равный» режим предусмотрен в большинстве договоров (исключение составляют договоры с Южной Кореей, Беларусью, Чехословакией 1991 года⁴⁸).

Абсолютное большинство двусторонних договоров содержит термин «справедливый и равноправный» режим. Идея о недопустимости дискриминации иностранцев эволюциони-

⁴¹ Сборник договоров КНР. — 1985. — № . 32.

⁴² Действующее международное право. — Т.1. — С.352.

⁴³ В это число включаются, например, Договор об Антарктике 1959 г., Договор об использовании космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г. и др.

⁴⁴ Чжэн Ан, Цзэн Хуа Цюнь. Наука международного инвестиционного права. — Пекин: Пекинский Университет, 1999. — С. 426.

⁴⁵ В частности, по поводу экспроприации и возмещения смотри пункт 3 статьи 4 договоров КНР с ФРГ, Францией и Италией.

⁴⁶ См., например пункт 1.2 статьи 3 Договора с Японией.

⁴⁷ См.: Юй Тиньсон, У Чжи Пань. Международное экономическое право. — Пекин: Пекинский университет, 2003. — С. 262 (на кит.яз.).

⁴⁸ Сборник договоров КНР. — 1991. — № . 38.

зировались веками, прежде чем она получила концептуальное, а затем и вообще международно-правовое признание.

Исторически применяемые иностранцев дискриминационные меры в отношении иностранцев являлись во все времена главным препятствием для развития международной торговли, установления нормальных личных связей между жителями различных стран. Но по мере укрепления международных экономических отношений пришло понимание того, что дискриминационный подход наносит вред всем без исключения государствам.

Современное международное право неуклонно придерживается в отношении иностранных юридических и физических лиц принципа недискриминации, который обязывает государство взаимно предоставлять иностранным лицам в стране пребывания наиболее благоприятные условия (наибольшее благоприятствование).

Принцип недискриминации не допускает произвольное одностороннее ограничение основных прав и свобод иностранных граждан, а требует от других государств создание для его граждан и фирм в хозяйственном обороте тех же условий, какими пользуются лица из всех других государств, т.е. общих и одинаковых для всех иностранных лиц.

В отношении правового статуса иностранных физических лиц ряд многосторонних международных договоров закрепили принцип недискриминации, предусмотрев обязательное предоставление иностранным лицам определенного минимума гражданских и гражданско-процессуальных прав.

2. В соответствии с законами и иными нормативными правовыми актами своего государства каждая Договаривающаяся Сторона предоставляет капиталовложениям и деятельности инвесторов государства другой Договаривающейся Стороны, связанной с капиталовложениями, не менее благоприятный режим, чем режим, который предоставляется капиталовложениям, а также деятельности инвесторов своего государства, связанной с капиталовложениями.

Страны-экспортеры капиталов чаще всего добиваются включения в договоры комбинации разных режимов, с тем чтобы инвестор мог выбирать наиболее выгодные условия. Поэтому кроме «справедливого и равного режима» договоры КНР содержат и другие режимы — «наибольшего благоприятствования» (договоры с Португалией 2005 года и Филиппинами 1992 года) или режим «наибольшего благоприятствования» с «национальным» режимом (договоры с Великобританией, Испанией, Словенией 1993 года, Исландией, Перу 1994 года, Саудовской Аравией, Японией, Южной Кореей и Россией).

Китай предоставляет иностранным инвесторам режим наибольшего благоприятствования, что означает предоставление страной-реципиентом инвесторам на своей территории столь же благоприятного режима, который эта страна предоставляет гражданам и предприятиям третьей страны.

Итак, набирающее быстрые обороты российско-китайское инвестиционное сотрудничество, превращающееся в беспрецедентную мировую сделку, уже объективно не укладывается в глобальные планы превращения мировых природных ресурсов во внутреннюю кладовую США. В Северной Америке добыча газа пережила свой расцвет. Континенту приходится ввозить газ из Европы, Африки и Азии. А тут еще на полном серьезе некоторые американские политики обещают поставлять газ в страны ЕС.

Итальянское издание *IlGiornale* отмечает, что соглашение с Китаем на поставку российского газа затмило все другие достижения: «Москва, как центр Евразии, прекрасно видит, что центр тяжести неумолимо сдвигается в сторону Востока. Для Европы это настоящая катастрофа». Из-за санкций в отношении России, которые Европа приняла по требованию Вашингтона, Италия рискует потерять 10 миллиардов евро, однако катастрофические последствия санкций еще впереди, сообща-

ет издание. Такие же в принципе тяжелые последствия ждут Германию и другие страны ЕС...

Кто же победит в начинающейся в Мировой газовой войне? Об этом читайте в продолжении данной статьи.

Пристатейный библиографический список

- [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/18-trims_e.htm
- Dolzer, R. Principles of International Investment Law / R. Dolzer, C. Schreuer. — Oxford, 2008. — 434 p.
- The Oxford Handbook of International Investment Law / Ed. by P. Muchlinski, F. Ortino, C. Schreuer. — Oxford, 2008. — 1282 p.
- Vasciannie, S. The Fair and Equitable Treatment Standard in International Investment Law and Practice / S. Vasciannie // The British Yearbook of International Law. — 1999. — Vol. LXX. — P. 99–164.
- Богатырев А. Г. Инвестиционное право. — М., 1992.
- Богатырев А. Г. О регулировании иностранных инвестиций в национальном и международном праве // Советское государство и право. — 1992. — № 1. — С. 119.
- Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс (Академический курс): Учебн. / Г. М. Вельяминов. — М.: Волтерс Клувер, 2004.
- Вознесенская Н. Н. Иностранные инвестиции: Россия и мировой опыт. — М., 2002.
- Го Шоукан, Чжао Сюэнь. Международное экономическое право. — Пекин: Китайский народный университет, 1999. (на кит.яз.).
- Данельян А. А., Фархутдинов И. З. Международный инвестиционный арбитраж. — М., 2014.
- Действующее международное право. Документы в 2-х томах. Т. 1 — М.: Юрайт, 2007.
- Доронина Н. Г., Семилюгина Н. Г. Государство и регулирование инвестиций. Городец. — М., 2003.
- Дюмулен И. И. Всемирная торговая организация. — М., 2003.
- Ершов Ю., Цветков Н. Хотели как лучше, а получилось как всегда // Инвестиции в Росси. — 2000. — № 2.
- Зенкин И. В. Право ВТО. — М., 2003.
- Комендантов С. В. Проблемы имплементации «правовой системы ВТО» в Российской Федерации. — Воронеж, 2006.
- Коммюнике Госсовета КНР. — 1983. — № 7.
- Коммюнике Госсовета КНР. — 1990. — № 7.
- Коммюнике Постоянного комитета ВСНП. — 1988. — № 3.
- Коммюнике Постоянного совета ВСНП. — 2001. — № 8.
- Коммюнике Постоянного совета ВСНП. — 2002. — № 8.
- Конвенции об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций, 1985 г. // Международно-правовые основы иностранных инвестиций в России. Сб. норм, актов и документов, 1995. — С. 197–276.
- Лабин Д. К. Международное право по защите и поощрению иностранных инвестиций. — М.: Волтерс Клувер, 2008
- Лисица В. Н. Принципы международного инвестиционного права. — Новосибирск, 2009.
- Лу Тьюнсин. Исследование вопросов в китайском праве об иностранных инвестициях. — Пекин: Право, 2001. (на кит.яз.).
- Лукашук И. И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. — 2002. № 3. — С. 115–123.
- Лю Хун, Ду Юйтау. Развитие международного инвестиционного права и преобразование отечественного

- инвестиционного права // Передовое исследование. — 2003. — № 7. — С. 40–42 (на кит.яз.).
28. Люй Яньфэн, Хэ Чйпэн и Сунь Лу. Международное инвестиционное право. — Пекин: Высшее образование, 2005. (на кит.яз.).
 29. Международное право: учебник / Отв. ред. Игнатенко Г. В., Тиунов О. И. 3-е изд. — М., Норма, 2006.
 30. Международно-правовые основы иностранных инвестиций в России. Сб. норм, актов и документов, 1995.
 31. Му Япин. Система о международном инвестиционном праве. — Гуанчжоу: Гуандунский народ, 1999. (на кит.яз.).
 32. Постановление ВС РФ от 22.12.1992 № 4186-1 «О ратификации Конвенции об учреждении многостороннего Агентства по гарантиям инвестиций» // Ведомости СНД и ВС РСФСР 1993. № 1. ст. 22.
 33. Сборник договоров КНР. — 1980. — № 27.
 34. Сборник договоров КНР. — 1983. — № 30.
 35. Сборник договоров КНР. — 1985. — № 32.
 36. Сборник договоров КНР. — 1988. — № 35.
 37. Сборник договоров КНР. — 1990. — № 37.
 38. Сборник договоров КНР. — 1991. — № 38.
 39. Сборник договоров КНР. — 1992. — № 39.
 40. Сборник договоров КНР. — 1994. — № 41.
 41. Сборник договоров КНР. — 1996. — № 43.
 42. Семилютин Н. Г. Российский рынок финансовых услуг (формирование правовой модели). М.: Волтерс Клувер, 2006.
 43. Силкин В. В. Прямые иностранные инвестиции в России (правовые формы привлечения и защиты). Юристъ. — М., 2003.
 44. Скурко Е. В. ВТО: введение в правовую систему. — М., 2003.
 45. Тан Шумэй. Теория и практика международного инвестиционного права. Пекин: Китайская социальная наука, 2004. (на кит.яз.).
 46. У Цюаньлэй. Проблемы соотношения международно-правового и национального регулирования иностранных инвестиций в КНР (публично-правовой аспект). — Казань, 2008. — 23 с. (на кит.яз.).
 47. Фархутдинов И. З. Иностранные инвестиции: вызов экономическому суверенитету // Московский журнал международного права. — 2008. — № 3.
 48. Фархутдинов И. З. Международное инвестиционное право и процесс. — М.: Проспект, 2013.
 49. Фархутдинов И. З. Международное инвестиционное право. Теория и практика применения. М.: Волтерс Клувер, 2005.
 50. Фархутдинов И. З. Международно-правовые ориентиры зарубежного инвестирования // Право и экономика. — 2008. — № 5. — С. 103–109.
 51. Фархутдинов И. З. Меры разумного государственного вмешательства в международный инвестиционный проект // Иностранные инвестиции и международное частное право. — М., ИЗСП. Норма, 2010.
 52. Фархутдинов И. З. Трапезников В. А. Инвестиционное право. М.: Волтерс Клувер, 2006.
 53. Фархутдинов И. З. Экономический суверенитет государства в условиях глобализации // Право и безопасность. — 2008. — № 3.
 54. Хаусманн Райнер. Инвестиционные договоры с иностранными инвесторами // Правовые аспекты инвестиционных договоров. — М., Норма. — 2012.
 55. Чжан Мэй Тион. Исследование китайских двусторонних договоров о инвестициях: дис. ... д-ра юрид. наук. — Чунцин, 2004. (на кит.яз.).
 56. Чжэн Ан, Цзэн Хуа Цюнь. Наука международного инвестиционного права. — Пекин: Пекинский Университет, 1999. (на кит.яз.).
 57. Шумилов В. М. «Право ВТО» и международное право. — М., 2003.
 58. Юй Тиньсон, У Чжи Пань. Международное экономическое право. — Пекин: Пекинский университет, 2003. (на кит.яз.).
 59. Ян Вэй Дон. Двусторонние договоры об инвестициях: китайская позиция: дис. ... д-ра юрид. наук. — Чунцин, 2002. (на кит.яз.).
 60. Ян Зихэн. Новая теория международного экономического права — международная координация. — Пекин: Пекинский университет, 2000. (на кит.яз.).
 61. Яо Мэй Чжэнь. Международное инвестиционное право. Ухан: Уханский Университет, 1985. (на кит.яз.).

(Продолжение читайте в следующем номере ЕвразЮж)

Читайте

**ЧЕШСКИЙ ЕЖЕГОДНИК
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

Выпуск –2. Прага – 2011.

Выходит на английском языке

Инсур Фархутдинов

Иностранный инвестор

и принимающее государство: необходим баланс интересов (с. 231–248),

а также и другие статьи по правовому режиму иностранных инвестиций.

Insur Zabirovich Farkhutdinov
**Foreign Investor
and Host State:
Need for Balance
Interests**

Key words:
globalization |
international law |
state sovereignty |
foreign investments
| host state |
liberalization | TNC |
Calvo clause | JCSID |
Most Favoured Nation
| National Treatment

Азанов Б. К. ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ БЕЛОРУССИИ, КАЗАХСТАНА, РОССИИ – КАКОЕ БУДУЩЕЕ?

Рассматривается прошлое и настоящее нового интеграционного объединения в Евразии. Освещаются и обосновываются положительные моменты мощного интеграционного строительства. Рекомендован в будущем переход к политическому союзу при полном сохранении национального и политического суверенитета сторон – участниц Договора о Евразийском экономическом союзе.

По результатам исследования автор данной статьи разработал рекомендации по организации межпарламентской ассамблеи и/или парламентского собрания Евразийского экономического союза на базе межпарламентской ассамблеи Евразийского экономического сообщества, созданию единого миграционного пространства со снятием пограничного контроля и обеспечением свободного перемещения граждан. Научно обосновано введение единой наднациональной валюты в рамках Евразийского экономического союза.

Автором введены новые термины «приравненные граждане», «граждане Союза», дается авторское определение терминам «союзное пространство» и «союзная экономика». Приводится собственное юридическое определение и толкование термина «Евразийский экономический союз».

Ключевые слова: Договор о Евразийском экономическом союзе, союзный договор, союзная экономика, союзное пространство, Евразийский союз, единая валюта, валютный союз, политический союз, политический суверенитет, гражданское пространство, единый народно-хозяйственный комплекс.

Азанов Б. К.

Azanov B. K. EURASIAN UNION OF BELARUS, KAZAKHSTAN AND RUSSIA – WHAT FUTURE?

We consider the past and present of the new supranational Eurasian association. The positive aspects of forceful integration construction are highlighted and substantiated. The future transition to political union is recommended while preserving national and political sovereignty of the Parties to the Treaty on the Eurasian Economic Union.

The study developed recommendations on the organization of the Interparliamentary Assembly and/or the Parliamentary Assembly of the Eurasian Economic Union on the basis of the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community, on the creation of a common migration space with the removal of border controls and ensuring the free movement of citizens. The introduction of a single supranational currency within the Eurasian Economic Union received its scientific rationale.

The author introduced the new terms «equated citizens», «citizens of the Union», gave the author's definition of the terms «Union Space» and «Union economy». The proper legal definition and interpretation of the term «Eurasian Economic Union» is given.

Keywords: Treaty on the Eurasian Economic Union, union treaty, union economics, union space, Eurasian union, single currency, monetary union, political union, political sovereignty, civil space, unified national-economic complex.

Введение

В условиях бурного времени в России и в отдельно взятых постсоветских государствах часто задаются вопросами: что с нами произошло послераспада Советского государства, было ли это драмой для миллионов человеческих судеб? В какой точке мировых координат мы оказались?

Порой с трудом вспоминаешь декабрьские дни 1991-го, когда для всех нас произошло нечто непостижимое. Распалось могучее государство, механическим путем расчленили единый народно-хозяйственный комплекс, даже не представляя себе плачевность последствий. К сожалению, обещанного в рамках СНГ сохранения целостности экономического, политического, оборонного и, главное, «гражданского» пространства не получилось. Не будем вдаваться в подробности, к чему мы пришли и что ощутили в те годы. На постсоветском пространстве мы стали свидетелями экономической разрухи, войн, насилия, разгула преступности, беспредельной коррупции, достигшей космических высот, попрания прав граждан и национальных меньшинств, национализма и, что еще хуже, шовинизма. За авантюризм амбициозных политиков расплатились десятки тысяч рядовых граждан, некогда живших в дружбе и согласии в «большой семье советских народов».

Пройдя черную полосу многолетних испытаний, наши братские народы сумели достойно распорядиться интеграционным будущим — свободой, демократией, гражданскими правами. Россия, Казахстан и Беларусь — бывшие союзные республики нашли путь к восстановлению своего союза — в форме равноправного демократического объединения государств.

Три развивающихся на просторах СНГ евразийских государства были всегда близки к интеграции и взаимопониманию, сумев сохранить общее культурное, образовательное, языковое и отчасти экономическое пространство. Так, в 2010 г. был отменен транспортный и таможенный контроль на российско-белорусской границе с образованием Таможенного союза (ТС) — России, Казахстана и Беларуси. 1 июля 2011 г. ушел в историю таможенный контроль на белорусско-российской и российско-казахской границе — его перенесли на внешнюю границу ТС¹. С 1 января 2012 г. вступили в свою законную силу соглашения о Едином экономическом пространстве (ЕЭП), и мы оказались уже в Едином экономическом пространстве в экономическом союзе, высшей ступени интеграции на пространстве СНГ. Все эти события — залог выздоровления и осуществления надежд наших народов. Руководители государств, да и простые люди начали понимать, что нельзя предаваться к узким национальным иллюзиям.

1. Основные подходы и исследование интеграционного развития в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС)

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) — отныне не просто макетный проект, а состоявшаяся геополитическая реальность. Спустя 23 года был частично восстановлен некогда разрушенный единый народно-хозяйственный комплекс.

¹ Рапота Г. От первого лица // Союзное государство. — 2011. — № 12 (58)

29 мая 2014 г. в казахстанской столице Астане лидеры России, Казахстана и Беларуси подписали исторически важный договор о создании ЕАЭС. Новый союзный договор юридически начнет функционировать с 1 января 2015 г. В самое ближайшее время документ должны ратифицировать национальные парламенты Сторон. Территория стран — участниц Союза станет единым экономическим рынком товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов.

Евразийский союз как региональная международная организация без преувеличения стал субъектом международного права и экономики, объединение обладает международной правосубъектностью.

В первой статье договора отмечается: «Настоящим Договором Стороны учреждают Евразийский экономический союз (далее — Союз, ЕАЭС), в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза. Союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью».

Примечательно, что правосубъектностью обладают государственные образования. Здесь Евразийский экономический союз выступает в какой-то степени и как конфедерация, и как союзное государство, но с определенными ограниченными функциями. Новое объединение признается субъектом международного права. Это позволит ему вступать в отношения с другими государствами.

Закрепление правосубъектности Союза является важной составляющей в интеграционной политике. В ст. 6 значится: «Право Союза составляют настоящий Договор; международные договоры в рамках Союза; международные договоры Союза с третьей стороной; решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза».

Главной, важнейшей предметной статьей Договора об учреждении Евразийского экономического союза является ст. 7, где говорится: «1. Союз имеет право осуществлять в пределах своей компетенции международную деятельность, направленную на решение задач, стоящих перед Союзом. В рамках такой деятельности Союз имеет право осуществлять международное сотрудничество с государствами, международными организациями и международными интеграционными объединениями и самостоятельно либо совместно с государствами-членами заключать с ними международные договоры по вопросам, отнесенным к его компетенции. Порядок осуществления Союзом международного сотрудничества устанавливается решением Высшего Евразийского экономического совета. Вопросы заключения международных договоров Союза с третьей стороной определяются международным договором в рамках Союза».

2. Проведение переговоров по проектам международных договоров Союза с третьей стороной, а также их подписание осуществляются на основании решения Высшего Евразийского экономического совета после выполнения государствами-членами соответствующих внутрисоюзных процедур».

2. Правовой и методологический анализ Союза.

Интеграционные проблемы, отдельные недостатки в договоре о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС)

Как и любой другой международно-правовой акт, договор имеет свои недостатки и противоречия. Из договора исключены важнейшие социально-гражданские аспекты: единая миграционная политика, вопросы гражданства, общая охрана внешних границ Союза, межпарламентское сотрудничество,

паспортно-визовая сфера, экспортный контроль, большая часть вопросов медицины и образования. На этапе подготовки Договора и на финальной стадии необходимо было подвергнуть тщательному правовому анализу действующее законодательство (нормативно-правовые акты и др.) и сам Союзный договор для выявления проблемных моментов. Это позволило бы выявить и не допустить ниже описанные изъяны и пробелы, действие которых распространяются на территорию ЕАЭС.

Не лишен противоречий и неясных оговорок, трудно поддающихся юридическому толкованию, раздел Договора о трудовой миграции. Так, ст. 97 гласит:

«1. Работодатели и (или) заказчики работ (услуг) государства-члена вправе привлекать к осуществлению трудовой деятельности трудящихся государств-членов без учета ограничений по защите национального рынка труда. При этом трудящимся государств-членов не требуется получение разрешения на осуществление трудовой деятельности в государстве трудоустройства».

2. Государства-члены не устанавливают и не применяют ограничения, установленные их законодательством в целях защиты национального рынка труда. В целях осуществления трудящимися государств-членов трудовой деятельности в государстве трудоустройства признаются документы об образовании, выданные образовательными организациями (учреждениями образования, организациями в сфере образования) государств-членов, без проведения установленных законодательством государства трудоустройства процедур признания документов об образовании. Трудящиеся одного государства-члена, претендующие на занятие педагогической, юридической, медицинской или фармацевтической деятельностью в другом государстве-члене, проходят установленную законодательством государства трудоустройства процедуру признания документов об образовании и могут быть допущены соответственно к педагогической, юридической, медицинской или фармацевтической деятельности в соответствии с законодательством государства трудоустройства. Документы об образовании, выданные образовательными организациями (учреждениями образования, организациями в сфере образования) государств-членов, без проведения установленных законодательством государства трудоустройства процедур признания документов об образовании и могут быть допущены соответственно к педагогической, юридической, медицинской или фармацевтической деятельности в соответствии с законодательством государства трудоустройства».

Часть пунктов ст. 97 дают повод для умышленной бюрократизации: «Признаются документы об образовании, выданные образовательными организациями (учреждениями образования, организациями в сфере образования) государств-членов, без проведения установленных законодательством государства трудоустройства процедур признания документов об образовании» и далее юридическая погрешность: «Претендующие на занятие педагогической, юридической, медицинской или фармацевтической деятельностью в другом государстве-члене проходят установленную законодательством государства трудоустройства процедуру признания документов об образовании и могут быть допущены соответственно к педагогической, юридической, медицинской или фармацевтической деятельности в соответствии с законодательством государства трудоустройства».

Здесь необходимо было сослаться и взять за основу ряд базовых межгосударственных договоров: Соглашение между правительством Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях от 1998 г.; Соглашение о механизме взаимного признания и установления эквивалентности документов об ученых степенях в государствах — членах Евразийского экономического сообщества от 2005 г.; Соглашение о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях в Евразийском экономическом сообществе от 2013 г.

Также в соответствии с ч. 3 ст. 107 ФЗ № 273 от 29 декабря 2012 г. «Об образовании в РФ» в Российской Федерации при-

знаются иностранное образование и квалификация, подпадающие под действие международных договоров о взаимном признании. В соответствии с ч. 2 ст. 107, обладателям иностранного образования и (или) квалификации, признаваемых в РФ, предоставляются те же академические права и (или) профессиональные права, что и обладателям соответствующего образования и (или) квалификации, полученных в РФ. Данный правотворческий документ обеспечивает автоматическое признание документов Сторон.

В ст. 98 отмечается: «Права и обязанности трудящегося государства-члена».

1. Трудящийся государства-члена имеет право на занятие профессиональной деятельностью в соответствии со специальностью и квалификацией, указанных в документах об образовании, документах о присуждении ученой степени и (или) присвоении ученого звания, признаваемых в соответствии с настоящим Договором и законодательством государства трудоустройства». В ст. 98 и 97 есть повторения.

В ст. 97 имеются правовые коллизии и неоднозначности: «6. Граждане государства-члена, прибывшие в целях осуществления трудовой деятельности или трудоустройства на территорию другого государства-члена, и члены семей освобождаются от обязанности регистрации (постановки на учет) в течение 30 суток с даты въезда. В случае пребывания граждан государства-члена на территории другого государства-члена свыше 30 суток с даты въезда, эти граждане обязаны зарегистрироваться (встать на учет) в соответствии с законодательством государства въезда, если такая обязанность установлена законодательством государства въезда».

7. Граждане государства-члена при въезде на территорию другого государства-члена в случаях, предусмотренных законодательством государства въезда, используют миграционные карты (карточки), если иное не предусмотрено отдельными международными договорами государств-членов.

8. Граждане государства-члена при въезде на территорию другого государства-члена по одному из действительных документов, допускающему проставление отметок органов пограничного контроля о пересечении государственной границы, при условии, что срок их пребывания не превышает 30 суток с даты въезда, освобождаются от использования миграционной карты (карточки), если такая обязанность установлена законодательством государства въезда.

9. В случае досрочного расторжения трудового или гражданско-правового договора после истечения 90 суток с даты въезда на территорию государства трудоустройства трудящийся государства-члена имеет право без выезда с территории государства трудоустройства в течение 15 дней заключить новый трудовой или гражданско-правовой договор».

Здесь нет никаких предпочтений и привилегий. В разделе «Трудовая миграция» составителями полностью продублировано Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей (государств — участников ТС и ЕЭП), совершенное в Санкт-Петербурге 19 ноября 2010 г. и Федеральный закон № 186-ФЗ «О ратификации Соглашения о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей», принятый 28 июня 2011 г. и одобренный Советом Федерации 6 июля 2011 г. Вместо того чтобы совершенствовать, эксперты переписали ранее действовавший документ. Соглашение вступило в силу 1 января 2012 г. с переходом к следующему уровню интеграции — Единому экономическому пространству.

Беспокойство вызывает фрагмент из Договора ЕАЭС: «В случае пребывания граждан государства-члена на территории другого государства-члена свыше 30 суток с даты въезда, эти граждане обязаны зарегистрироваться (встать на учет) в соответствии с законодательством государства въезда, если такая обязанность установлена законодательством государства въезда. Граждане государства-члена при въезде на территорию другого государства-члена в случаях, предусмотренных зако-

нодательством государства въезда, используют миграционные карты (карточки)».

Выходит так, что создание Казахстаном, Россией и Беларусью ЕАЭС не изменило существующего порядка пребывания граждан на территориях трех государств. Вопросы временно пребывания граждан регулируются соответствующими национальными законодательствами сторон.

В основе интеграционных процессов лежала реализация согласованной миграционной политики, это является одним из основных приоритетов сотрудничества государств. В течение 2012–2014 гг. три государства в рамках ЕЭП должны были перейти к единой визовой и миграционной политике, снятию внутреннего пограничного контроля. Но этих благ не видать простым жителям Союза и в 2015 г. Более того, отсутствует элементарная либерализация регистрационных процедур, хотя межгосударственные миграционные отношения являются частью и основой Союза.

Исключение вопросов регулирования миграционной политики и отказ от единой миграционной политики может стать серьезным барьером для полноценного функционирования единого социального пространства в условиях экономического союза. В результате он грозит стать объединением для олигархов и крупных предпринимателей, но не простых людей, поскольку все условия создаются для крупного бизнеса.

Тесная связь между интеграционным и миграционным процессами не получила отражения в Договоре о ЕАЭС. Не доработали и Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств, совершенное в Санкт-Петербурге 19 ноября 2010 г.

Предстоит монотонная и сложная работа по устранению этих ограничений, для чего управляющим наднациональным органам Союза совместно с миграционными службами трех государств необходимо разработать план действий. Лидер российского государства В. В. Путин (на тот момент занимавший пост председателя правительства РФ) особо подчеркнул в своей статье «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня»: «Принципиально важно, что ЕЭП будет базироваться на согласованных действиях в ключевых институциональных областях — в макроэкономике, в обеспечении правил конкуренции, в сфере техрегламентов и сельскохозяйственных субсидий, транспорта, тарифов естественных монополий. А затем — и на единой визовой и миграционной политике, что позволит снять пограничный контроль на внутренних границах. То есть творчески применить опыт Шенгенских соглашений, ставших благом не только для самих европейцев, но и для всех, кто приезжает работать, учиться или отдыхать в страны ЕС. Для граждан снятие миграционных, пограничных и прочих барьеров, так называемых “трудовых квот” будет означать возможность без всяких ограничений выбирать, где жить, получать образование, трудиться. Кстати, в СССР — с его институтом прописки — подобной свободы не было».

3. Рекомендации автора данной статьи по совершенствованию союзных институтов и смежных вопросов

Есть, полагаем, острая необходимость создания Единого миграционного пространства и введения в обращение единой миграционной карты в рамках Союза, поскольку правительствами трех стран были переданы полномочия Евразийской комиссии по ведению миграционной политики в части трудовой миграции. Автор считает, что в самое ближайшее время необходимо снять пограничный контроль, продлить срок обязательной регистрации по месту пребывания до одного года вместо ныне существующих 30 суток при условии, что гражданин обозначит четкую цель визита, с возможностью продления срока нахождения на территории Сторон. Конечно, всё это требует тонкой юридической проработки. Данный вопрос

не раз обсуждался Евразийской экономической комиссией, однако никаких сдвигов и результатов нет.

К примеру, граждане России и Казахстана часто пересекают российско-казахскую границу и считают унижительной процедуру пограничного контроля. Это и деловые поездки, поездки с целью получения образования, научные командировки, визиты к родственникам и др. СССР распался, но остались не оборванными общие духовные, моральные нити, неразрывные родственные узы, евразийский менталитет и культура, связывающие граждан двух государств. Советского союза нет, но есть Единое экономическое пространство и Евразийский союз, поэтому ожидания и надежды граждан, весьма справедливы.

В последние два года вместо привычного термина «Евразийский союз» в СМИ и делопроизводстве начали официально употреблять термин «Евразийский экономический союз», хотя экономическое ядро этого объединения уже существует — это действующая интеграционная форма — Единое экономическое пространство Российской Федерации, Казахской Республики и Республики Беларусь.

Если рассматривать Союз в рамках экономической составляющей, то Евразийский экономический союз — экономическое объединение государств, создаваемое на основе таможенного союза Сторон в целях завершения формирования Единого экономического пространства, либо как проект союза независимых постсоветских государств с единым и/или общим экономическим, военным и таможенным пространством².

Учитывая естественное стремление граждан трех государств к развитию более тесных связей, духовному и политическому единению, а также отмечая убежденность в том, что дальнейшее развитие интеграции, основанной на глубоких исторических и духовных связях между народами государств-членов Союза, отвечает их национальным интересам и способствует непрерывному улучшению благосостояния и качества жизни граждан, основываясь на принципах уважения суверенитета и равенства государств, признавая и уважая самобытность национальной культуры и традиций Союзных государств, необходимо отметить, что интеграционное объединение должно иметь следующий формат: Евразийский союз как конфедеративный союз с единым политическим, экономическим, военным, таможенным, гуманитарным, социально-культурным пространством. Необходимо обеспечить переход к политическому союзу.

Говорить сегодня о политическом союзе преждевременно, но работу по совершенствованию экономического союза с целью создания более тесного Союза государств, уверены, начинать стоит уже сейчас.

Автор предполагает, что в течение 2021–2024 гг. можно перейти к политическому союзу. Искомому желанию народов и государств ничто не может помешать. Но здесь абсолютно не допускается федеративная интеграционная форма объединения как федерация государств (республик).

В рамках ЕАЭС необходимо разработать гуманитарные программы, способствующие объединению социально-культурного пространства. Предстоит еще кропотливая работа. Наиболее важными задачами являются унификация законодательства в плане расширения социального пакета для граждан ЕАЭС. Основная часть законодательных нормативов уже гармонизированы в ходе самостоятельного развития национальных государств. Полагаем, что с учетом важности дальнейшего развития законодательной базы и развития сотрудничества между тремя союзными государствами необходимо активнее наращивать межпарламентские контакты и взаимодействие в рамках межпарламентской ассамблеи ЕврАзЭС.

Считаем, что в ближайшем будущем необходимо заменить или преобразовать Межпарламентскую ассамблею ЕврАзЭС в

Межпарламентскую ассамблею или в Парламентское собрание Евразийского экономического союза. Все предпосылки уже существуют. Также в процессе становления Евразийского экономического союза необходимо задействовать социально активную белорусскую, казахскую и российскую молодежь, организовать в трех государствах фестивали, конкурсы, научные мероприятия, что является важной составляющей и дополнением в развитие интеграционного объединения. Особое внимание к молодежной тематике понятно и может быть оправданным. Ведь, в конечном итоге, будущее нашего Союза за молодежью, ей предстоит продолжать строительство Евразийского союза.

Очень важно, чтобы общественность наших стран, принимаемая воспринимала интеграционный проект не как верхушечные бюрократические игры, а как абсолютно живой организм, хорошую возможность для реализации инициатив и достижения успеха. Главной проблемой торможения реальной интеграции является игнорирование отдельными высокопоставленными государственными лицами соглашений в рамках ЕЭП-ТС на государственном и общественном уровне.

В действительности интеграция произойдет тогда, когда простые обыватели будут говорить о ЕАЭС. Рядовые слова, произносимые парламентариями, лидерами государств на высоких трибунах и кафедрах, не дадут никакого должного эффекта. Существуют и «лжеинтеграторы», которые по воле своей работы говорят о преимуществах нового Союза, а дома на кухне за чашкой чая обсуждают и осуждают все наработки в рамках евразийской интеграции.

Еще одним недостатком является то, что граждан Казахстана и Беларуси официально относят к иностранным гражданам. Нелепо ставить их в один ряд с немцами, французами, американцами — они близкие люди в языковом плане, ментальности, а потому стоит острая необходимость официально уровнять их с российскими гражданами. Также в Беларуси и Казахстане нужно приравнять российских граждан к гражданам этих стран. Избавиться от ярлыков «иностранец», «иностранное государство» не удалось в рамках ТС и ЕЭП.

Сейчас этот вопрос рассматривается шире, уже в рамках Евразийского экономического союза трех стран. Автор настоящей статьи предлагает назвать их «приравненные граждане» и/или «граждане Союза».

4. Мнения и комментарии экспертов и политиков относительно будущего Евразийского союза

В отношении евразийской интеграции мы часто слышим самые разные суждения, наряду с честным описанием событий в ходу немало домыслов, политических спекуляций, да и откровенной лжи, трудно поддающихся адекватному пониманию.

К. Гоголашвили, эксперт (интервью порталу Грузия Online): «Россия настойчиво зовет страны бывшего советского пространства вступить в Евразийский союз. Особенную прыть в этом отношении Кремль проявляет в двух направлениях — к странам Южного Кавказа и Украине. Согласна ли Грузия на Евразийский (читай, российский) союз? <...> Россия начала агрессивные телодвижения в отношении бывших союзных республик, в частности, Южного Кавказа. Визит Путина в Азербайджан и переговоры, которые все еще остаются таинственными; затем Москва вынудила президента Армении согласиться на членство в Таможенном союзе. <...> Главная миссия азербайджанского визита в том, чтобы запугать Армению и заставить сделать окончательный выбор для вступления в Таможенный союз и ЕврАзЭС, хотя мы не знаем, будет так или нет <...> Мы знаем, что Грузию не спрашивали и так затащили то в Российскую империю, то в СССР. Россия перманентно стремится кого-то запугать, нанести боль, ущерб»³.

³ ЕС vs ЕС или Евразийский союз против Европейского союза [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.apsny.ge/interview/1379453738.php>

² Разъяснение и определение автора Б. К. Азанова.

И. Шувалов, первый вице-премьер РФ (в программе «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым»): «Повестку построения общего экономического пространства с ЕС нужно продолжать. Но теперь ее нужно продолжать не в формате Россия — ЕС, а в формате Евросоюз — Евразийский экономический союз»

К. Мэглэк (в деловом журнале Bloomberg Businessweek) пишет: «К сожалению для российского президента, новому блоку очень далеко до высшей лиги. Даже после того, как Армения и Киргизия станут его членами, общий ВВП — около 2,6 триллионов долларов — будет составлять меньше одной пятой от ВВП Европейского союза или США и менее одной третьей от ВВП Китая. На Россию придется 80% ВВП всего блока, а также примерно такая же доля его населения, составляющего около 178 миллионов человек»⁴.

Н. Попеску, аналитик европейского Института исследований безопасности: «Создание этого союза будет не особо ощутимым для мировой экономики, у России скорее политические мотивы, нежели экономические».

Н. Петров из московского Карнеги-центра (Bloomberg News): «Евразийский союз — это реализация геополитической мечты Путина, демонстрация того, что Россия не одинока».

А. Аслунд, экономист, научный сотрудник Вашингтонского Института международной экономики: «Как это может выглядеть, мы можем увидеть на примере Казахстана, который увеличил импортные пошлины после присоединения к таможенному союзу с Россией, который предшествовал новому блоку. Представителям среднего класса теперь приходится покупать российские машины низкого качества вместо тех, которые импортируются свободно».

Р. Мусабеков, депутат Республики Азербайджан: «Азербайджан экономически, финансово, энергетически и коммуникационно не зависит от стран, входящих в Евразийский союз. Поэтому возможности России для давления на Азербайджан в целях заставить его присоединиться к этому союзу очень слабые. Думаю, Москва будет стараться с помощью слабительных предложений присоединить Азербайджан к союзу»; «руководство спрашивает о своих выгодах при вступлении в этот союз, но инициаторы не могут показать эти выгоды... поэтому нет серьезной необходимости для присоединения Азербайджана к Евразийскому союзу, для плотного сотрудничества с ними».

Р. Гасанов, экономический эксперт Республики Азербайджан: «Единственным автором Евразийского союза является Россия, точнее, президент Путин. Реальной сутью этого проекта является создание образования наподобие бывшего СССР, и обеспечение тут гегемонии России» Это — создание антидемократического политического блока, который Кремль в перспективе старается превратить в центр силы как попытку сопротивляться Западу, особенно США».

З. Ализаде, политолог, считает, что перспектив у ЕАЭС нет: «Россия и Казахстан — сырьевые страны, за последние 23 года ни одна из них не может похвастать развитием наукоёмкой промышленности и других значимых видов экономики. А добывать и продавать нефть и газ большого ума не требуется. И всё на фоне Евросоюза, где многие страны, входящие в него, являются локомотивами современного производства в мире. В европейской продукции, товарах нуждаются и сами Россия и Казахстан... А Беларусь, Армения и Киргизия хотят примазаться к этому объединению с одной целью — чтобы получить дешёвые энергоносители и кредиты, при этом ничего не давая взамен».

⁴ Bloomberg Businessweek: Евразийский союз Путина — это, похоже, невыгодная сделка даже для России [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.unian.net/politics/923750-bloomberg-businessweek-evraziyskiy-soyuz-putina-eto-pohoje-nevygodnaya-sdelka-daje-dlya-rossii.html>

Х. Клинтон, госсекретарь США (издание Financial Times): «США постараются не допустить воссоздания Советского Союза в новой версии под вывеской экономической интеграции. Это попытка воссоздать Советский Союз в регионе, Сейчас делаются усилия по ресоветизации региона. И хотя это будет называться иначе — таможенным союзом, Евразийским союзом или чем-то в этом роде, не будем обманываться на этот счет — мы знаем, какова его цель, и мы пытаемся найти эффективные способы замедлить его создание или предотвратить его».

А. Пар, советник президента германо-российской внешнеторговой палаты, член консультативного совета Международного дискуссионного клуба «Валдай» (в ходе видеомоста Москва-Берлин в формате круглого стола, посвященного презентации доклада, в агентстве РИА Новости): «ЕС выступает против Евразийского союза, опасаясь национализма. <...> У нас в Европе идет, хотя об этом никто открыто не говорит, политическое противостояние. Просто ЕС не хочет, чтобы на постсоветском пространстве создался Евразийский союз. Почему? Потому что боятся российского национализма, „Российской империи“, российского авторитаризма»⁵.

Б. Юодка, глава парламентского Комитета по иностранным делам (Социал-демократическая партия Литвы) при обсуждении экспертного доклада «Евразийский союз: вызов ЕС и государствам Восточного партнерства»: «Нужно делать так, чтобы все эти псевдо- или не псевдосоюзы не приносили нам забот. Наверное, нужно что-то делать и со стороны ЕС».

Э. Ринкевич, министр иностранных дел Латвии, с Р. Зиле, депутатом Европарламента от Латвии, совместно заявили: «В ближайшие 10 лет Латвии придется выбирать между укреплением связей с Евросоюзом на западе или Евразийским союзом на востоке».

Г. Вашадзе, экс-министр иностранных дел Грузии, украинскому изданию «Зеркало недели»: «Когда в России оглашают планы создания Евразийского союза, то все прекрасно понимают, что речь идет про трансформированный Советский Союз. Точнее, про политические и военные аспекты этой распавшейся империи. Планы России по созданию Евразийского союза — это общая угроза, которая нас объединяет».

А. Шептицкий, аналитик Варшавского института международных отношений: «Частично Евразийский союз — это такое противодействие Европе. Как бы говорят: у вас свой союз, у нас — свой»⁶.

В. Иноземцев, российский экономист «Простая статистика показывает, что пресловутое „сложение потенциалов“ не обеспечит качественных перемен. ВВП союза превысит российский всего на 14,8%, если объединение произойдет немедленно. О каком технологическом потенциале идет речь, если все участники союза являются нетто-импортерами промышленных товаров, а потребности в инновационной продукции на 90–100% покрываются за счет поставок из-за рубежа? Геоэкономическими центрами мира сегодня являются США, ЕС и Китай — страны, в разы превосходящие потенциальный союз по большинству показателей. Единственный схожий с ним центр — Бразилия — находится на континенте, где у него нет соперников. Союз же (с ВВП в \$2,7 трлн) окажется зажат между ЕС (\$15,6 трлн) и Китаем (\$11,2 трлн). Вряд ли он сможет „развернуться“ в этих условиях как новый глобальный „центр“. Со „связкой“ дела еще хуже. Если в 1989 году транзит через СССР обеспечивал 11% всех грузоперевозок между Европой и ЮВА, то в 2010-м через Россию прошло менее 1%.

⁵ СМИ Италии: Евразийский союз не повторит провала ЕС и займет его место [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://ria.ru/world/20140528/1009761661.html#14014801851333&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration#ixzz33EOyDUVB>

⁶ Геополитическая мифология: Евразийский Мордор против людей Запада [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/geopoliticheskaya-mifologiya-evraziyskiy-mordor-protiv-lyudey-zapada/#t20c>

Дорога с Дальнего Востока в центр страны пригодна для разового транзита самого премьера, а не для постоянных поездок многотонных фур. Что объединяет Россию и Киргизию, кроме близких мест в рейтинге коррупции? Собственно, это и вызывает основное сомнение в жизнеспособности союза⁷.

«Игры вокруг Евразийского союза указывают на то, что современное российское руководство мыслит только в категории Российской империи XIX века или Советского Союза XX века, не принимая новых условий и новых требований современной политики. „Столкновение с реальностью“ несомненно последует, и в итоге проект либо не состоится, либо будет брошен через 10–15 лет как неудачный и нанесший России очевидный ущерб. <...> Будет в лучшем случае междубойчик автократов, не предполагающий подлинного единства и жесткой общей системы управления даже на том уровне, который есть в ЕС».

М. МакКью и Г. Маниатис, бывшие советники грузинского правительства для The Washington Post: «Пока над соседями России будет висеть угроза вероятного применения силы, Путин сосредоточит свои силы на запуске Евразийского союза в следующем году. Этот новый союз не просто „попытка возрождения Советов“. Географические планы этого проекта „намного грандиознее“, отмечают эксперты. Российский экспорт военной техники и нефти поможет Евразийскому союзу получить „геополитический капитал“ далеко за пределами Европы».

Э. Вуд, бывший посол Великобритании в РФ (в интервью каналу ВВС «„Дырявый“ ЕАЭС — не угроза для Запада») заявил, что в составе Евразийского экономического союза (ЕАЭС) „зияет дыра“, имея в виду отсутствие Украины. Также он предположил, что на бумаге этот новый блок выглядит более внушительно, чем в реальности, и вряд ли будет представлять угрозу Западу. «Евразийский экономический союз настолько же политический, насколько и экономический проект, в нем зияет крупная дыра — в составе блока нет Украины. Белоруссия и Казахстан несомненно, обратили внимание на то, как Путин „обошелся с Украиной“, они извлекут из этого урок и будут весьма осторожны в составе нового блока»⁸.

Как мы видим из вышеприведенных тенденциозных высказываний, так называемые эксперты-аналитики, не поняв сути нашего объединения в Евразийском экономическом союзе и не обдумав, громогласно заявляют, что наш союз будет противопоставлять себя Европейскому союзу и США.

Наш будущий Союз готов устанавливать партнерство в экономических (в торговле, инвестициях) и политических вопросах, необходимо признать открытость и ясность нашей политики. Хотелось бы порекомендовать «экспертам-аналитикам» оградить себя от спекулятивных мыслей или заявлений. Существуют доводы о политической составляющей Союза. Наши государства объединились для создания лучшего будущего наших граждан. Поэтому союзные государства договорились фокусироваться на экономических аспектах как основной области совместного сотрудничества.

Отдельные «экономисты» высказывают свои сомнительные доводы о низкой экономической эффективности. Евразийский союз обладает огромными запасами природных ресурсов, в их числе топливно-энергетические. На Союз приходится пятая часть мировых запасов газа и более 10% нефти. У российско-казахско-белорусского союза развита промышленная, индустриальная база, сильный научно-кадровый

и интеллектуальный потенциал. Евразийская география позволяет нам создавать транспортные, логистические маршруты регионального и глобального значения, привязать к себе масштабные торговые потоки Европы и Азии. Это и есть ядро конкурентоспособности союза. Рассматривать Евразийский экономический союз как новый СССР — глубокое заблуждение.

Конечно, СССР возродить невозможно, но никто не может запретить близким по духу, истории, культуре и экономике, по общим взглядам на жизнь странам строить Союз. Это главное положительное событие после распада Советской государственности, мы шли к этому с 1991 г. Нет оснований для опасений, никакой потери национального суверенитета. Совместная работа основана на паритетной основе. Была проделана большая работа — все эти годы шла выработка наиболее оптимальных и выгодных правил для Сторон. Наши государства прошли и продолжают свой национально-суверенный большой путь. Образование ЕАЭС не финал, а начало нового этапа совместного развития.

Россия, Казахстан и Беларусь создали с 2010 г. единое народное хозяйство, экономику (ТС — ЕЭП). Жизненные реалии подталкивают к объединению в военно-политических сферах.

5. Рекомендации и обоснование механизма функционирования и последствий введения единой валюты как основы союзной экономики

Единая валюта призвана обеспечить ЕАЭС «валютный вес», соответствующий его экономическому могуществу. Завершение создания экономического и валютного союза и введение единой валюты ЕАЭС является одним из наиболее значимых событий на рубеже веков, не только на постсоветском пространстве, но и в мировой экономике, которое, несомненно, окажет серьезное влияние как на евразийскую, так и на международную экономику в целом. Переход к валютному союзу и к единой наднациональной валюте стал возможным после завершения строительства ТС и ЕЭП, характеризующегося свободным перемещением товаров, услуг, финансов, капитала, трудовых ресурсов и факторов производства, а также высоким уровнем координации экономической политики.

При этом валютный союз неотделим от союза экономического как взаимодополняющая и неотъемлемая часть единого процесса.

С появлением валюты ЕАЭС в мировой экономике фактически сложится еще одна крупнейшая валютная зона, которая распространит свое влияние и на многие страны за пределами ЕАЭС. Впервые, может, за последние десятилетия на мировых валютных и финансовых рынках появится реальная альтернатива доллару США и европейской валюте. Новая валюта будет способствовать и укреплению положения евразийского пространства как крупнейшего центра мирового хозяйства.

Формирование валютного союза представляет собой уникальный эксперимент, несмотря на то, что это не первый в нашей истории опыт хождения и использования единой валюты. Советский рубль, регулируемый государственным банком Союза ССР, был введен в обращение в 1923 г. и просуществовал до 26 декабря 1991 г. 7 августа 1993 г. в России была проведена конфискационная денежная реформа, в ходе которой из денежного обращения были изъяты казначейские билеты Госбанка СССР. В течение 1992–1993 гг. бывшие союзные республики ввели собственные валюты, некоторые с параллельным хождением рубля.

6. Теоретические аспекты валютного союза в ЕАЭС

Валютный союз — формальное межгосударственное соглашение о взаимозаменяемости валют во внутренних расчетах, о создании межнациональных или наднациональных эмиссионных центров, о возможности официального, с согласия страны-эмитента, использования чужой валюты в денежном

⁷ Почему инициаторы Евразийского союза могут не достичь цели [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/814626/>; Нужен ли России Евразийский союз? [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://inozemtsev.net/2013/12/нужен-ли-россии-евразийский-союз>

⁸ Экс-посол Британии: «Дырявый» ЕАЭС — не угроза для Запада [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://russian.rt.com/inotv/2014-05-29/Eks-posol-Britanii-Diryavij-EAES>

обращении своей страны. Валютными союзами не являются случаи законодательного разрешения или неформальной практики использования иностранных валют во внутреннем денежном обращении или для проведения ограниченного круга кредитно-денежных операций.

Единая валюта — это верхушка процесса экономической интеграции. Процесс валютной интеграции начинается с согласования денежно-кредитной и иной финансовой политики.

И вот это является задачей уже сегодняшнего дня.

Основанием для введения общей союзной валюты являются действующие соглашения, входящие в пакет договорно-правовой базы Единого экономического пространства:

- о согласованной макроэкономической политике;
- о согласованных принципах валютной политики;
- о создании условий на финансовых рынках.

Сегодня мы можем рассчитывать на появление новой наднациональной валюты, поскольку мы имеем большой объем взаимной торговли и инвестиций.

Объем взаимной торговли за январь — декабрь 2013 г. составил 64,1 млрд. долларов США, или 94,5% к уровню соответствующего периода 2012 г.

Объем внешней торговли товарами государств — членов Таможенного союза и Единого экономического пространства с третьими странами за январь — декабрь 2013 г. составил 931 млрд. долларов США, в том числе экспорт — 585,4 млрд. долларов США, импорт — 345,6 млрд. долларов США⁹. Большой объем взаимной торговли требует форсирования данного вопроса. Такое решение не стоит оставлять на долгую перспективу, в качестве единой валюты должна выступить не уже существующая национальная валюта какой-либо из трех стран, а новая наднациональная валюта, которая должна символизировать и нести черты каждого из участников валютного союза, отражая принцип равноправной интеграции.

Необходимо создать региональную резервную валюту. Это обусловлено постепенным разрушением долларовой финансовой пирамиды, воздвигнутой американским правительством за счет наращивания денежной массы в качестве средства покрытия своих долговых обязательств. В результате будет возрастать разрыв между предложением доллара и спросом на него, что будет вести к дальнейшему ослаблению курса американской валюты и потере этой денежной единицы популярности в качестве мировой резервной валюты. Для государств — членов ЕАЭС переход к единой наднациональной расчетной единице позволит отойти от долларовой зависимости при торговле друг с другом. Вместе с тем стоит отметить, что реальное объединение национальных валютных систем государств-членов данной организации тормозится наличием у каждой из стран своих экономических интересов и боязнью потери национального суверенитета, что затрудняет формирование единой валютной политики.

Наднациональная валюта должна исключить возможность валютных спекуляций, в частности игры на разнице курсов национальных валют между собой и по отношению к валютам других стран. Введение валюты не должно стать препятствием для проведения каждой страной самостоятельной денежно-кредитной политики исходя из интересов решения собственных проблем.

В качестве основы для региональной валюты вряд ли целесообразно использовать и «корзину национальных валют», так как в этом случае возможность проведения самостоятельной внутренней денежно-кредитной политики будет ограниченной условиями функционирования наднациональной валюты. Более приемлемым является использование фиксированной корзины товаров и услуг с тем, чтобы наднациональная валюта имела одинаковую покупательную способность в стра-

нах валютного союза. Принципиальные политические решения по этому вопросу должны быть приняты в самое ближайшее время.

7. Рекомендации и обоснование эффектов от введения единой валюты в ЕАЭС

Устранение рисков, связанных с обменными курсами

Создание валютного пространства намного увеличит поле для инвестиций, свободное от рисков, связанных с обменным курсом. Поскольку союзная экономика сильно зависит от внутригосударственных экспортных операций, достоинства этого эффекта трудно недооценить. Конкуренция увеличится, и финансовые продукты будут более доступны по всему ЕАЭС. Также упадут издержки, связанные с обслуживанием государственного долга союзных республик. Отсутствие единой денежной единицы удерживает союзные финансовые структуры, а также бизнес от более тесного сближения экономик трех государств, препятствуя новым возможностям.

Автор считает, что при четком механизме совершенствования этих процедур можно вводить в обращение денежную единицу в ближайшие 5–7 лет, затягивание здесь грозит нарушением функционирования механизма интеграционных процессов. Сейчас сформирована единая экономическая и валютная политика в рамках ТС и ЕЭП. Уникальность этой идеи состоит в том, что группа политически и валютно независимых государств, бывших республик Советского Союза, добровольно могут передать часть своего суверенитета, включая национальные валюты, делегировав полномочия по проведению кредитно-денежной и валютной политики единому наднациональному центральному банку, но при этом сохраняя политическую независимость.

Автором Б. К. Азановым впервые предложены и обозначены термины «союзное пространство», «союзная экономика». Дается авторское определение терминов.

Союзное пространство — пространство, состоящее из территории государств — членов Таможенного союза и Единого экономического пространства, далее — Евразийского экономического союза, где действует единая нормативно-правовая база с устраненными межгосударственными юридическими барьерами и ограничениями. Зона с унифицированной системой антимонопольного законодательства, налогов, государственной поддержки производства, режима инвестиций, норм и правил охраны труда и единой таможенной территории. В рамках пространства осуществляется согласованная денежно-кредитная, бюджетная, налоговая, ценовая, внешнеэкономическая, таможенная и валютная политика; Союзное пространство имеет единое социально-экономическое пространство с общим языком межгосударственного и межнационального общения.

Союзная экономика — объединенная экономика государств — участников Единого экономического пространства — Таможенного союза, далее — Евразийского экономического союза. Эффективно функционирующий единый рынок со свободным передвижением товаров, услуг, капиталов и трудовых ресурсов, где созданы равные возможности для свободной экономической деятельности. Согласованная структурная политика по дальнейшему развитию национальных экономик, развитие промышленных и аграрных хозяйственных комплексов на основе взаимодействия экономик.

В СССР в основном использовали просто термин «экономика», «советская экономика», поскольку при СССР экономику советских республик особо отдельно не рассматривали, экономика и государственное управление были едиными как в одном государстве. В нашем случае, в условиях Таможенного союза и Единого экономического пространства, термины «союзная экономика», «союзное пространство» официально

⁹ Расчеты автора на основе данных Департамента статистики Евразийской экономической комиссии.

не применялись, и до настоящего времени не давалось четкое определение этим терминам.

Общие выводы

На основании вышеизложенного, стоит отметить, что происходящие на территории бывшего СССР события имеют очень важное значение не только для самих государств — членов ЕАЭС, но и для всего мира и, в частности, для США и ЕС, для которых Евразийский союз будет крупнейшим торговым партнером.

По нашему мнению, стратегической задачей для ЕАЭС будет не остаться на периферии глобальных экономических тенденций, стать сильнее перед лицом продолжающегося экономического финансового кризиса и улучшить стандарты жизни населения Союза. Союзу удастся добиться реальных социально-экономических успехов, это поможет улучшить социальное и финансовое положение жителей региона. Сложные природных ресурсов, капиталов, сильного человеческого потенциала позволит ЕАЭС быть конкурентоспособным в индустриальной и технологической гонке. Страны ЕАЭС перешли на принципиально высокий уровень взаимодействия. Сегодня мы имеем 170 млн. человек населения, площадь 20 млн. квадратных километров, 15% мировой суши, солидный кадровый научно-интеллектуальный и культурный потенциал. Выстроена система принятия решений, которые имеют прямое действие на всей территории Союза.

Международный опыт наглядно демонстрирует, что наибольшие выгоды от интеграции получают те государства, где созданы специальные институты управления интеграционным процессом и сформированы целевые приоритеты развития интеграционного экономического и политического сотрудничества на долгосрочную перспективу.

В этой связи евразийский ученый И. З. Фархутдинов своевременно подчеркивает, что правовая интернационализация национального законодательства государств является закономерным результатом глобализационных процессов. Международные интеграционные хозяйственные процессы нуждаются в соответствующем правовом обеспечении как на международно-правовом, так и на национально-правовом уровнях. Также он справедливо отмечает: «Современная мировая экономика все более отчетливо становится единым,

целостным, взаимообусловленным и взаимозависимым организмом — глобальным по своим масштабам и далеко идущим правовым последствиям»¹⁰.

Пристатейный библиографический список

1. Геополитическая мифология: Евразийский Мордор против людей Запада [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/geopoliticheskaya-mifologiya-evraziyskiy-mordor-protiv-lyudey-zapada/#t20c>
2. ЕС vs ЕС или Евразийский союз против Европейского союза [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.apsny.ge/interview/1379453738.php>
3. Нужен ли России Евразийский союз? [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://inozemtsev.net/2013/12/нужен-ли-россии-евразийский-союз>
4. Почему инициаторы Евразийского союза могут не достичь цели [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/814626/>
5. Рапота Г. От первого лица // Союзное государство. — 2011. — № 12 (58).
6. СМИ Италии: Евразийский союз не повторит провала ЕС и займет его место [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://ria.ru/world/20140528/1009761661.html#14014801851333&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration#ixzz33EOyDUVB>
7. Фархутдинов И. З. Международно-правовое регулирование инвестиционных отношений: теория и практика: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 2006.
8. Экс-посол Британии: «Дырявый» ЕАЭС — не угроза для Запада [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://russian.rt.com/inotv/2014-05-29/Eks-posol-Britanii-Diryavij-EAES>
9. Bloomberg Businessweek: Евразийский союз Путина — это, похоже, невыгодная сделка даже для России [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.unian.net/politics/923750-bloomberg-businessweek-evraziyskiy-soyuz-putina-eto-pohoje-nevyigodnaya-sdelka-daje-dlya-rossii.html>

¹⁰ Фархутдинов И. З. Международно-правовое регулирование инвестиционных отношений: теория и практика: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 2006.

Смирнова Е. С.

«ГРАЖДАНСТВО СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ ВО ВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ: ЗАЯВЛЕНИЕ О НАМЕРЕНИИ ИЛИ ПЕРСПЕКТИВА РЕАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ?» – РАССУЖДЕНИЕ ПРАВОВОДА В АСПЕКТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

В статье исследуется международно-правовое сотрудничество России и Беларуси в вопросах формирования гражданства Союзного государства. При выполнении на практике обязательств, взятых на себя сторонами, система права на гражданство стран СНГ, безусловно, была бы уникальным интегративным явлением в мировой практике.

Ключевые слова: Россия, Беларусь, безопасность, сотрудничество, право, политика, регион, страна, население, гражданство, договор, закон, дипломатия, конституция, перспективы.

Smirnova E. S.

«CITIZENSHIP OF THE UNION STATE OF BELARUS AND RUSSIA IN THE CONTEXT OF TIME: A STATEMENT OF INTENT, OR THE PROSPECT OF A REAL INTEGRATION?» – REASONING OF THE LAWYER IN THE REGIONAL COMPARATIVE STUDIES' ASPECT

The article examines the international legal cooperation of Belarus and Russia on the issues of citizenship formation of the Union state. By fulfilling of the commitments undertaken by the parties, system of the citizenship law of the CIS certainly could have been a unique integrative phenomenon in the world practice.

Keywords: Russia, Belarus, security, cooperation, law, policy, region, country, population, citizenship, the contract, the law, diplomacy, the Constitution, prospects.

Смирнова Е. С.

Для периода конца XX в. характерна такая особенность, как коренное изменение устоявшихся стереотипов в политической жизни и в праве. Прежде всего, следует отметить, что последствия распада СССР привели к поискам компромисса в решении задач, связанных не только с разделом материальных ресурсов и собственности некогда единого государства, но и с необходимостью определения правового статуса его населения. Как оказалось, проще решать юридические проблемы, связанные с правами на недвижимое имущество: недра, землю, заводы, аэродромы и прочее, нежели регулировать проблемы получивших, вольно или невольно, право свободного передвижения в поисках лучшей жизни народов постсоветского пространства. Негативные проявления национализма и вооруженных противостояний в новых независимых государствах в период разрушения ранее существовавшей государственной системы привели к многочисленным случаям бегства людей из своих домов в поисках мира и спокойной жизни. Трудно в подобных ситуациях утверждать о нарушении этими людьми прав иных народов, так как к этому их побуждали экстремальные обстоятельства. И, в целом, следует учитывать, что на протяжении всей своей истории человечество выработало гуманистические правовые нормы защиты беженцев. Не говоря о том, то масса людей в период начала 90-х годов была вынуждена вернуться на свою «историческую» родину, где приходилось также нелегко, так как нужно было начинать жизнь заново.

Но, оставляя вкратце обозначенные проблемы частной жизни человека, перейдем к большим межгосударственным делам, к правовому оформлению этих отношений. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств было подписано 8 декабря 1991 г. в Минске¹. Оно включает в себя нормы, свидетельствующие о наличии перспектив более тесной интеграции, не только ввиду содержащихся в них положений «об исторической общности наших народов и сложившихся между ними связях», но и гарантии предоставления

«гражданам государства и лицам без гражданства, проживающим на территории государства, гражданских, политических, социальных, экономических и культурных прав и свобод» (ст. 2). Как отмечает профессор А. А. Головкин: «Противоестественный и болезненный для единого народа распад Союза ССР сразу же привел к обратной реакции — созданию Содружества Независимых Государств, т.е. к определенной интеграции бывших союзных республик»². Можно отметить, что после 20 лет существования СНГ процесс тесной интеграции в регионе имеет и в наши дни большие перспективы развития.

Следует отметить еще одну историческую особенность. В тот период, когда СССР прекратил свое существование, Европа во многом последовательно подошла к этапу создания Европейского союза и провозглашению европейского гражданства. Забегая вперед, можно сказать, что за прошедшее с 1992 г. время (провозглашение европейского гражданства) произошло много политических изменений, как на территории СНГ, так и в Европейском союзе. Наше Содружество, несмотря на внешние силы, пытающиеся разъединить государства бывшего СССР, остается в том же составе, за исключением Грузии, которая в 2009 г. вышла из состава СНГ, но, хочется верить, не растратила свой человеческий потенциал, являющийся наиболее ценным связующим звеном между Грузией и Россией. Что же касается Европейского союза, то его будущее подвергается сомнениям, она неопределенна, несмотря на мощные рычаги давления со стороны административного аппарата ЕС на страны, угрожающие выйти из столь невыгодного для них искусственного образования³.

Интерес к европейскому гражданству постоянно присутствует на страницах научной литературы⁴. Нельзя обойти это понятие кратким комментарием в рамках компаративистики российско-белорусского гражданства. Разработанные по схо-

¹ 12 декабря 1991 г. было принято Постановление Верховного Совета РСФСР «О ратификации Соглашения о создании СНГ». В Постановлении Верховный Совет РСФСР обратился ко всем государствам — бывшим союзным республикам СССР с предложением присоединиться к СНГ для взаимовыгодного сотрудничества в интересах всех народов.

² См.: Головкин А. А. Основные принципы демократии (Новая концепция) // Популярность. — 1997. — Вып. 5/6. — С. 7–10.

³ См. подробнее: EAG Report on the European economy 2011 IFO — Schnelldienst. Munchen, 2011 Jg. 64 — № 6. — S. 29–35.

⁴ См.: Топорнин Б. Н. Европейские сообщества: право и институты. — М., 1992. С.72; Прейсс У. К. О концепции европейского гражданства // Российский бюллетень по правам человека. — М., 1996. — Вып. 8. — С. 129–137; Welsh J. M. A peoples' Europe? European citizenship and European identity // European University Institute. — Florence, 1993. — P. 17.

жесту «сценарию», эти институты имеют разный механизм реализации, неодинаковые ресурсы и, наконец, разную будущность.

Как было отмечено, именно в 1992 г. участники Маастрихтского договора провозгласили решимость «установить гражданство, общее для граждан их стран». В ст. 8 Договора о Европейском союзе говорится, что «каждый гражданин государства-члена является гражданином Союза». Дополнительно, в качестве приложения к Договору, была принята Декларация о гражданстве государства-члена Европейского союза, где подчеркивается, что вопрос приобретения и утраты гражданства Европейского союза решается «исключительно на основе национального законодательства соответствующего государства». Можно сделать вывод, что, по своей сути, европейское гражданство является субсидиарным (дополнительным) по отношению к национальному гражданству конкретной страны Европейского союза.

Возвращаясь к проблемам решения «союзного гражданства», следует указать, что среди целей Договора о Союзе Беларуси и России, подписанного 2 апреля 1997 г., предусматривается сближение национальных правовых систем и формирование правовой системы Союза (ст. 2). Перспективы развития Союза направлены на последовательное продвижение к добровольному объединению государств — участников Союза на основе свободного волеизъявления народов, исходя из конституций государств-участников, а также общепринятых принципов и норм международного права, разделяющих цели и принципы Союза и принимающих на себя обязательства, вытекающие из Договора и Устава (ст. 3). Одним из важнейших правовых элементов Устава Союза является получение гражданами государств — участников Союза одновременно и гражданства Союза (глава IV).

В Договоре 1992 г. указано, что наличие у гражданина одного из двух государств гражданства Союза не умаляет его прав и свобод и не освобождает от обязанностей, вытекающих из гражданства соответствующего государства — участника Союза. Помимо прав и обязанностей в отношении соответствующего государства, граждане Союза выполняют права и имеют обязанности, которые связаны с гражданством Союза.

Уставом Союза Беларуси и России закреплены следующие права, предоставляемые гражданину «Союзного государства»: свобода передвижения и проживания, как в пределах России, так и Беларуси, при соблюдении законов этих государств (п. «а» ст. 18)⁵; право на защиту на территории третьей страны, где нет представительства государства — участника Союза, гражданином которого это лицо является, со стороны дипломатических учреждений одного государства — участника Союза на тех же условиях, что и гражданина этого государства (п. «б» ст. 18)⁶. Кроме перечисленных прав, Уставом Союза Беларуси и России гражданам Союза, постоянно проживающим в другом государстве Союза, предоставляется право избирать и быть избранным в органы местного самоуправления⁷. Таков

краткий анализ положений Устава Союзного государства Беларуси и России⁸.

Продолжением развития политического диалога между двумя государствами — Беларусью и Россией — стало подписание Договора о создании Союзного государства, который после всенародного обсуждения был опубликован в официальной российской прессе в октябре 1999 г.⁹ и ратифицирован сторонами в феврале 2000 г.¹⁰ Какие же изменения были внесены в Договор 1999 года в отношении союзного гражданства?

Если в Уставе Союза Беларуси и России 1997 г. отсутствовало положение о праве граждан голосовать и выставлять свою кандидатуру на выборах в Союзные органы, то в Договоре о создании Союзного государства 1999 г. эта норма нашла свое закрепление: «Граждане Союзного государства имеют право избирать и быть избранными в органы Союзного государства, а также быть назначенными на любые должности в органах Союзного государства» (п. 7 ст. 14). Договор 1999 г. подтвердил равные права и равные обязанности граждан Союзного государства, при условии, что иное не предусмотрено законами и соглашениями между двумя государствами (п. 6 ст. 14).

Анализ главы 2 Договора 1999 г. позволяет сделать вывод о том, что его положения в вопросах регулирования союзного белорусско-российского гражданства носят временный характер. Отмечается перспектива принятия в дальнейшем «союзного нормативно-правового акта в области гражданства» (п. 5 ст. 14) и «введение единого образца документов, удостоверяющих личность Союзного государства» (п. 8 ст. 14). До разработки единого закона правовое положение граждан Союзного государства должно регулироваться национальными нормативно-правовыми актами. При этом нужно указать на явную схожесть многих положений Устава 1997 г. с нормами Маастрихтского договора о создании Европейского союза.

Вместе с тем можно сделать вывод о том, что институт гражданства Союзного белорусско-российского государства исчерпал содержащиеся в европейских нормах параллели в предоставлении прав гражданам и является самостоятельным, не имеющим аналогий в европейском праве (как и в международном праве) институтом, предполагающим дальнейшее совершенствование его положений путем принятия единого закона. Таким образом, основными этапами развития нормативно-правовой базы Союзного гражданства являются Договор о Союзе Беларуси и России 1997 г. и Договор о создании Союзного государства 1999 г.

Ученые указывали на возможность использования европейского опыта при продвижении интеграционных процессов в рамках Содружества¹¹. В то же время провозглашенное

тета Союзного Государства [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.postkomsg.com/?id=35306> (дата выхода 23.02.2014).

⁸ Европейский союз в Маастрихтском договоре определяет право каждого гражданина Союза, проживающего в государстве-члене, голосовать и выставлять свою кандидатуру на муниципальных выборах на тех же условиях, что и граждане этого государства (п. 1 ст. 8-в). Кроме аналогий, отраженных в Уставе Союза Беларуси и России, Европейский союз предоставляет своим гражданам дополнительные права: право голосовать и выставлять свою кандидатуру на выборах в Европейский парламент в государстве своего проживания (п. 2 ст. 8-в); право на обращение в Европейский парламент и к омбудсмену (ст. 8-d). Предусмотрено один раз в три года рассмотрение положений о гражданстве, и после консультаций с Европейским парламентом имеется возможность принять положение по усилению или дополнению прав, изложенных в Договоре (ст. 8-е). См. подробнее: Смирнова Е. С. Международно-правовые проблемы гражданства стран СНГ и Балтии в свете европейского опыта. — М., 1999. — 1-е изд.; 2001–2-е изд.; Тверь, 2012. — 3-е изд.

⁹ См.: Российская газета. — 1999. — 8 ноября.

¹⁰ См.: Российская газета. — 2000. — 8 февраля.

¹¹ См.: Мицкевич А. В. Комментарий законодательства государств — участников СНГ о гражданстве. — М., 1996. — С. 12; Михалева Н. А. Новые конституции стран СНГ и Балтии: Сборник доку-

⁵ Аналогичное право предоставляет своим гражданам Европейский союз в ст. 8-а Маастрихтского договора: «Каждый гражданин Союза имеет право свободно передвигаться и проживать в пределах государств-членов с учетом ограничений и условий, предусмотренных настоящим Договором» // Сборник международных правовых документов, регулирующих вопросы миграции. — М., 1994. — С. 147.

⁶ Маастрихтским договором в ст. 8-с отмечается: «Каждый гражданин Союза на территории третьей страны, где не представлено государство-член, гражданином которого он является, пользуется защитой со стороны дипломатических и консульских учреждений любого государства-члена на тех же условиях, что и граждане данного государства» (Бюллетень международных договоров. — 1997. — № 9. — С. 66.

⁷ Например, в 2014 г. в Беларуси в Гомельской области кандидатами на места в местных Советах депутатов выдвинуты шесть граждан Российской Федерации. Все они намерены баллотироваться в депутаты сельских советов. См.: Официальный сайт Постоянного коми-

в начале девяностых годов европейское гражданство остается в неизменном виде. Произошедшие в ЕС в последующие годы изменения: безуспешные попытки введения Договора, устанавливающего Конституцию для Европы 2004 г., а также вступление в силу Ниццкого 2003 г. и Лиссабонского 2007 г. договоров, не изменили сущности европейского гражданства, оставив его в качестве субсидиарного по отношению к национальному гражданству института.

В определенной степени калькированная у СССР идея федерализма в рамках Европейского союза так и не стала реальностью, несмотря на готовность ее приветствовать как зарубежными, так и российскими научными кругами. «Трансмировой конституционный процесс» не получил развития. Так называемая Конституция Европы 2004 г., состоящая из 448 статей и более чем 400 страниц, не была принята не только по политическим причинам, но и в силу элементарного несовершенства юридической техники¹², где, например, связанный с институтом гражданства статус беженца не соответствовал общепринятым в международном праве нормам¹³.

Следовательно, можно сделать вывод: введение единого (не субсидиарного!) гражданства региональным объединением государств остается последним, завершающим этапом интеграции. Подобный пример интеграции будет приведен далее. Но применительно к Европейскому союзу в настоящее время объединение в конфедерацию нереализуемо в связи не столько с финансово-экономическим кризисом, сколько с неготовностью народов и государств Европы к потере национального суверенитета. Понятие «гражданин Европы» остается декларативным, несмотря на большую идеологическую и юридическую работу, проводимую не только в рамках коммунитарных

структур ЕС, но и на местном уровне городов и муниципалитетов, где флаг ЕС соседствует с национальным флагом. Таким образом, происходит как бы напоминание: все мы граждане единой Европы с общими целями и перспективами, в которой нужно решать все проблемы сообща, зачастую жертвуя собственными интересами. Для исследователя этот пример, безусловно, интересен с точки зрения компаративистики по отношению к аналогичным правовым и политическим институтам других региональных международных организаций, в данном случае Содружества Независимых Государств и Союзного государства Беларуси и России¹⁴.

Цель сохранения политического и правового единства Содружества Независимых Государств привела в 90-е годы к необходимости дальнейшего развития международно-правовой базы, регулирующей статус его населения. Мнение о том, что законы Союза должны превалировать над национальным законодательством, было подтверждено на ноябрьской сессии Союза Беларуси и России 1998 г., где был обсужден проект закона «О гражданстве Союза»¹⁵. Важной вехой в процессе упрочения Союза двух государств является подписание Договора 1998 г. между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о равных правах граждан.

Межгосударственные соглашения, подписанные в рамках СНГ, дополняют общую картину региональной Евразийской интеграции. За период с 1993 г. по 1998 г. были подписаны такие двусторонние международно-правовые документы, как Соглашение между Россией и Туркменистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства от 23 декабря 1993 г.¹⁶; Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства от 7 сентября 1995 г.; Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан об упрощенном порядке приобретения гражданства гражданами России, прибывающими для постоянного проживания в Республику Казахстан, и гражданами Республики Казахстан, прибывающими для постоянного проживания в Российскую Федерацию, от 20 января 1995 г.¹⁷; Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о правовом статусе граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Республики Армения, и граждан Республики Армения, постоянно проживающих на территории Российской Федерации¹⁸ и многие другие.

Среди многосторонних договоров следует назвать Договор о правовом статусе граждан одного государства, постоянно проживающих на территории другого государства, заключенном 28 апреля 1998 г. между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией¹⁹, и Соглашение между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией об упрощенном порядке приобретения гражданства²⁰. При этом, если подходить к данному правовому механизму прагматично, нужно отметить преимущество

ментов. — М., 1997. — С. 29; Черниченко С. В. Двойное гражданство и права человека в контексте взаимоотношений России с другими членами СНГ. Актуальные проблемы гражданства. — М., 1995. — С. 122; Чуприс О. И. Конституционно-правовые проблемы гражданства в странах СНГ: сравнительно-правовой анализ: Автореф. дисс. канд. юр. наук. — Минск, 1998. — С. 10.

¹² Конституцию ЕС 2004 г. можно сравнить с «гипертекстом» Кастельса: «Все выражения из всех времен и всех пространств смешиваются в одном и том же гипертексте». См. подробнее: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. — М., 2000. — С. 505.

¹³ Применительно к институту убежища, следует отметить противоречивость ряда статей т.н. Европейской Конституции. Так, при решении вопроса об интеграции граждан третьих стран (см. ч. 4 ст. III –266) предполагалось, помимо европейских законов, использование «рамочных законов», которые должны были стимулировать действия государств-участников (по отмеченной проблеме интеграции), «за исключением любых шагов по гармонизации законов и регламентов государств-участников». Последнее положение вступает в прямое противоречие с нормой (ст. III –269), где предусмотрено развитие союзного сотрудничества в вопросах гражданского права, которое «может включать в себя меры по приведению во взаимное соответствие законов и регламентов государств-участников». Два указанных положения логически исключают друг друга. И еще об одном из несоответствий. Статья III – 266 (ч. 2 п. б) Конституции ЕС предполагала систему предоставления убежища включая предоставление «дополнительной защиты» для граждан третьих стран, «которые, не получив политического убежища в Европе, нуждаются в международной защите». Возникает вопрос, где же здесь основной действующий субъект — конкретное государство Европы, с его национальным гражданством в своем классическом виде (если не считать, что в соответствии с Маастрихтским договором 1992 г. имеется еще европейское гражданство, которое является субсидиарным по отношению к национальному), не глядя на все новации Европейской Конституции? Чем является новый, подразумеваемый институт «дополнительной защиты», который ломает все общепризнанные нормы института убежища, как национального, так и международного права? (См.: Смирнова Е. С. Проблемы правового статуса иностранцев в условиях глобализации. — М., 2003; Тверь, 2012. — С. 488; Смирнова Е. С. Глобализация как правовое понятие (к постановке проблемы). — М., 2007; 2008. — 2-е изд.; 2009. — 3-е изд.)

¹⁴ См.: Смирнова Е. С. Гражданство Союза Беларуси и России и европейский интеграционный опыт // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. — 1999. — № 4. — С. 35–37; Смирнова Е. С., Чуприс О. И. Гражданство Союза Беларуси и России: реальность или заявление о намерении? // Юридическая газета. — 2000. — 17 февраля; Смирнова Е. С. Некоторые аспекты процесса конституционализации Европейского союза и проецирование его на союз Беларуси и России // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. — 2002. — № 4. — С. 47–49.

¹⁵ См.: Российская газета. — 1998. — 10 ноября.

¹⁶ См.: Бюллетень международных договоров. — 1995. — № 3. — С. 71.

¹⁷ См.: Бюллетень международных договоров. — 1997. — № 10. — С. 32.

¹⁸ См.: СЗ РФ. — 17.04.2000. — № 29. — Ст. 3009.

¹⁹ См.: СЗ РФ. — 27.05.1996. — Ст. 2581.

²⁰ См.: СЗ РФ. — 10.01.2000. — № 2. — Ст. 139.

многосторонней формы сотрудничества, а не двусторонней, которая является более «затратной» с точки зрения времени, людских ресурсов, необходимости ведения мониторинга, обобщения и оценки эффективности этих многочисленных международных соглашений. Тем не менее именно двусторонние договоры продолжают «оплетать» Евразийский регион СНГ, активизируя попеременно то одну, то другую область сотрудничества.

Можно сделать вывод, что при большей разработанности всех перечисленных положений, а также при выполнении на практике обязательств, взятых на себя сторонами, система права на гражданство стран СНГ, безусловно, была бы уникальным интегративным явлением в мировой практике. Но приходится констатировать, что далеко не все из перечисленных нормативно-правовых актов были имплементированы в национальное законодательство государств СНГ. Многие из них были едва ли не проигнорированы в процессе выстраивания линии политического сотрудничества России с государствами Содружества, что впоследствии привело ко многим негативным явлениям.

Этот существенный недостаток свидетельствует не только об отсутствии у некоторых политиков видения дальнейших перспектив безопасного сосуществования народов Евразийского региона, но и о недостаточной компетентности в политико-юридическом аспекте. Вызывающая тревогу ситуация, связанная с наличием превышающей все разумные пределы численности незаконных мигрантов, является результатом недостаточной продуманной политики именно в сфере международно-правового сотрудничества. Невозможно десятилетиями игнорировать необходимость своевременного решения проблем населения столь значимого интеграционного политического объединения, как СНГ, в надежде, что проблемы населения решатся сами, без государственного участия. Только коллективное усилие по решению подобных вопросов может дать положительный результат в деле защиты прав человека. Нужно учесть, что большинство стран региона ратифицировало ряд конвенций в этой сфере, что налагает на них обязательства по их выполнению.

Возвращаясь к конкретным вопросам «союзного строительства», необходимо отметить одну его особенность. Реализация замысла разработчиков таких основополагающих международно-правовых документов, как Договор о Союзе Беларуси и России 1997 г. и Договор о создании Союзного государства 1999 г. осуществлялась более сложным путем, свидетельствующим о неизбежности решения проблем предоставления социальных и политических (избирательных) прав гражданам Союзного государства. Начало нового XXI в. было ознаменовано частичным отступлением России от инициирования многих сторон сотрудничества со странами СНГ и Союзного государства. Руководство некоторых стран Содружества активизировало поиски друзей в ином, нероссийском, направлении. При этом интересы собственного населения, не имеющего иной возможности найти более высокооплачиваемую работу нигде, кроме как в России, а также сохраняющего родственные и дружественные связи с жителями России, не были учтены. Соответственно, в этих странах были приняты законы, не благоприятствующие интеграции с Российской Федерацией.

Перемены происходили и в самой России. Закон о правовом положении иностранных граждан в СССР 1981 г. со всей очевидностью требовал изменений. Он не был адаптирован к политическим переменам начала XXI в., действующему в России с 1991 г. закону о гражданстве. Процесс разработки и принятия в Российской Федерации в 2000–2001 гг. законов о гражданстве и правовом положении иностранных граждан не был легким. Законодатели обошли стороной факт существования в арсенале российской правовой базы договоров, касающихся строительства Союзного государства, а также наличие многих международно-правовых соглашений СНГ,

затрагивающих институт гражданства. Автор настоящей статьи неоднократно указывала на них в профильном комитете Государственной Думы как на существенные. В целях компаративистики приходилось ссылаться на имеющийся Договор России и Испании о равных правах 1996 г., предоставляющий испанцам в России и россиянам в Испании многие социальные права. Нужно было доказывать, что гораздо важнее предоставить аналогичные права белорусам (обусловленные Договорами 1997, 1999 годов), т. е. гражданам Союзного государства, в котором находится российская военная база и отсутствует как таковая граница с Россией, нежели населению Испании, страны, входящей в ЕС и НАТО. Полагаем, что такая неспособность к восприятию норм международного права была обусловлена общей неготовностью общества к международному сотрудничеству в этой сфере.

Законы 2002 г. о гражданстве и правовом положении иностранных граждан в России провели черту под основными идеями более тесной интеграции государств и народов Содружества, Союза Беларуси и России, оставив последующим поколениям законодателей перспективы вносить поправки в уже имеющиеся нормативно-правовые акты. Населению Беларуси и России позже был предоставлен ряд социальных прав. Например, Соглашение между Россией и Беларусью об обеспечении равных прав граждан России и Беларуси на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств-участников Союзного государства было подписано 24 января 2006 г.²¹

Между тем, численность мигрантов в России из стран СНГ, как легальных, так и нелегальных, неуклонно повышалась. Это создавало все более сложную ситуацию в стране, в определенной степени криминализировало общество и обязывало государство нести все более существенные экономические потери, связанные с последствиями борьбы с нелегальной миграцией. В свою очередь международные организации, например УВКБ ООН, также подвергали критике положение с правами человека-мигранта в России, указывая на недостаточную защищенность этой категории людей²². Безусловно, нельзя называть эффективными и меры экономического воздействия по предотвращению миграции на территорию России из стран исхода — республик Средней Азии, Закавказья, а также Украины и Молдовы²³.

Что же касается практической реализации идеи по введению единого гражданства Союзного государства, то превращение этой правовой нормы в жизнь также требует не только тщательной проработки юридико-правовой техники, но и большой политической воли руководителей государств России и Беларуси. Время движется вперед, и с 2009 г. Беларусь рассматривается Европейским союзом как перспективный участник программы Восточного партнерства²⁴. Имеются и конкретные правовые действия по упрочению этого диалога. Заключение в октябре 2010 г. двустороннего Соглашения Беларуси с Литвой о сотрудничестве в военной сфере свидетельствует о стремлении союзного государства России к установлению добрососедских отношений с государством,

²¹ Имеющееся межправительственное соглашение России и Беларуси о порядке оказания медицинской помощи гражданам двух государств в учреждениях здравоохранения России и Беларуси от 2006 г. также решает немаловажные социальные права граждан.

²² См.: Замечания УВКБ ООН к закону РФ «О беженцах» // Гражданин и право. — 2002. — № 6. — С. 22.

²³ См.: Смирнова Е. С. Проблемы трудовой миграции в контексте инвестиционного сотрудничества стран СНГ // Вестник Государственной Регистрационной палаты при Минюсте РФ. — 2010. — № 4. — С. 67–80.

²⁴ См.: Eastern Partnership. Platform 2 «Economic integration and convergence with EU policies». Core objectives and proposed Work Programmer 2009–2011. — P. 5, 8.

входящим в НАТО и ЕС²⁵. Обучение молодых граждан двух государств в «силовых» учебных заведениях на взаимной основе, безусловно, укрепит боевое братство соседей.

Весьма значимыми видятся новые перспективы сотрудничества Беларуси и России в военно-технической сфере. В этом убеждают результаты переговоров российского министра обороны С. Шойгу с Президентом Беларуси А. Лукашенко, а также итоги совместного заседания коллегий оборонных ведомств Беларуси и России, состоявшиеся в апреле 2013 года. По словам аналитиков, чувство защищенности от внешних вызовов и угроз у жителей Союзного государства еще более окрепло²⁶.

Что же касается «союзнических» отношений Беларуси и России, то нужно подчеркнуть их безальтернативность. В то же время имеется и критическое восприятие некоторых методов сближения двух государств в экономической области. Прибегая к экономическому методу воздействия друг на друга путем приобретения акций конкретных объектов собственности на территории «союзного государства», мы не скоро придем к реальной интеграции, даже в масштабах далекого на сегодняшний день от реального «конфедерализма» Европейского союза. Вопросы владения собственностью на иностранной территории не всегда обогащают народы, но с неизбежностью — практику судов, как национальных, так и международных²⁷. Необходимо уделять больше внимания институциональной составляющей процесса интеграции. Как отмечают зарубежные ученые, существование неопределенности и нестабильности делает исключительно важной роль институтов²⁸. Следовательно, необходимо обращение именно к юридической практике.

В наше время сложно приводить аналогии с отечественной историей почти столетней давности, но в целях компаративистики воспользуемся одной из них. Тем более что этот позитивный пример политической и правовой интеграции малоизвестен потомкам. Именно в 1922 г., когда, разрушенное трагедией революции, гражданской войной и иностранной интервенцией, наше государство поднимало из руин свою экономику, нашлась политическая воля конкретных государственных деятелей к упрочению безопасности страны путем реальной интеграции, прежде всего, институтов государственной власти²⁹. Договор между РСФСР и Советской Социалистической Республикой Беларусь 1921 г. включал в себя нормы об объединении Народных Комиссариатов Республик, что свидетельствовало о начавшемся институциональном процессе объединении республик³⁰. Именно таким образом был создан кордон безопасности в этом исторически обусловленном для России тревожном западном направлении. Дальнейший ход истории показал, что это был верный шаг, так как очеред-

ная мировая война уже начинала вызревать в умах ряда зарубежных политиков³¹.

Таким образом, можно сделать вывод о повторяющихся в мировой истории событиях, о востребованности смелых политических решений и о конкретных методах их правового оформления. Можно утверждать о неизбежности большой предстоящей работы по упрочению нашего Союза и Содружества в целом ввиду глобальных вызовов современности, а также стремления иных государств различных континентов мира к упрочению региональных отношений³². Актуальным в наше время является не только заключение международных соглашений в области военного сотрудничества, хотя никто не исключает многовековую востребованность силогизма *si vis pacem, para bellum* («хочешь мира — готовься к войне»), но представляется более разумной превентивная общая большая работа по сбережению населения наших государств.

Институты гражданства Европейского союза и Союзного государства Беларуси и России в аспекте компаративистики являются своего рода точкой отсчета в глобальных геополитических действиях основных игроков на «шахматной доске Великой Истории». При этом право, к сожалению, остается только обслуживающим политическую волю ремеслом. Но работать на столь благородном и благодатном поприще интеграции во имя мира почет за честь каждый юрист — гражданин Союзного государства Беларуси и России, а также все те, кому небезразлично будущее народов Евразийского региона нашего Содружества.

Пристатейный библиографический список

1. Головкин А. А. Основные принципы демократии (Новая концепция) // Популярность. — 1997. — Выпуск 5/6.
2. Манфред М. Фашизм и германское гражданское право. — М., 1935.
3. Михалева Н. А. Новые конституции стран СНГ и Балтии. Сборник документов. — М., 1997.
4. Мицкевич А. В. Комментарий законодательства государств — участников СНГ о гражданстве. — М., 1996.
5. Официальный сайт Постоянного комитета Союзного Государства [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.postkomsg.com/?id=35306>
6. Прейсс У. К. О концепции европейского гражданства // Российский бюллетень по правам человека. — М., 1996. — Выпуск 8.
7. Сборник международных правовых документов, регулирующих вопросы миграции. — М., 1994.
8. Смирнова Е. С. Международно-правовые проблемы гражданства стран СНГ и Балтии в свете европейского опыта. — М., 1999, 1е изд.; 2001–2е изд.; Тверь, 2012, 3е изд.
9. Смирнова Е. С. Проблемы правового статуса иностранцев в условиях глобализации. — М., 2003; Тверь, 2012.
10. Смирнова Е. С. Глобализация как правовое понятие (к постановке проблемы). — М., 2007; 2008е изд.; 2009 3е изд.
11. Смирнова Е. С. Гражданство Союза Беларуси и России и европейский интеграционный опыт // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. — 1999. — № 4.
12. Смирнова Е. С., Чуприс О. И. Гражданство Союза Беларуси и России: реальность или заявление о намерении? // Юридическая газета. — 2000 г., 17 февраля.

²⁵ См. подробнее: Зарубежное военное обозрение. — 2011. — № 2. — С. 90.

²⁶ См.: Жизнь вне опасности. Инвестиции в проект развития инфраструктуры объединенной группировки войск могут составить 600 млн. рублей // Российская газета. — 25.04.2013.

²⁷ См. подробнее: Экономический суд СНГ. 15 лет. Решения (1992–2006). — Минск, 2007.

²⁸ См.: Demeulemeester J. L., Diebolt Cl. Renouveler la science économique neo-classique? Prendre l'histoire au sérieux // Association française de cliometrie Working papers. — 2011. — № 3. — P. 1–30.

²⁹ См.: История Советской Конституции. Сборник. Изд. АН СССР. — М., 1957. — С. 226.

³⁰ На первом этапе интеграция государств происходила путем заключения двусторонних договоров, например: Союзный Договор между РСФСР и Бухарской Народной Советской Республикой 1921 г.; Договор Азербайджана и России о военно-экономическом союзе обеих республик от 4 марта 1921 г., а также Союзном рабоче-крестьянском договоре между РСФСР и УССР. Вендом перечисленных договоров и соглашений между советскими республиками стал Договор об образовании СССР от 30 декабря 1922 г. // См.: Смирнова Е. С. Проблемы правового статуса иностранцев в условиях глобализации. — Тверь, 2012. — С. 246–247.

³¹ См. подробнее: Трайнин А. Н. Кризис науки уголовного права. Борьба вокруг проекта Уголовного кодекса 1925. — М., 1926; Манфред М. Фашизм и германское гражданское право. — М., 1935.

³² Примерами регионального сплочения может быть назван не только Европейский союз, но в Латинской Америке — НАФТА, МЕРКОСУР, Группа Андских государств, Центральноамериканский общий рынок, Карибская ассоциация, Ассоциация интеграции латиноамериканских государств; в Западной Африке — ECOWAS; в Юго-Восточной Азии — АСЕАН.

13. Смирнова Е. С. Некоторые аспекты процесса конституционализации Европейского союза и проецирование его на союз Беларуси и России // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. — 2002. — № 4.
14. Смирнова Е. С. Проблемы трудовой миграции в контексте инвестиционного сотрудничества стран СНГ // Вестник Государственной Регистрационной палаты при Минюсте РФ. — № 4. — 2010.
15. Топорнин Б. Н. Европейские сообщества: право и институты. — М., 1992.
16. Трайнин А. Н. Кризис науки уголовного права. Борьба вокруг проекта Уголовного кодекса 1925. — М., 1926.
17. Черниченко С. В. Двойное гражданство и права человека в контексте взаимоотношений России с другими членами СНГ / Актуальные проблемы гражданства. — М., 1995. — С.122.
18. Чуприс О. И. Конституционно-правовые проблемы гражданства в странах СНГ: сравнительно — правовой анализ // Автореферат диссертации канд. юр. наук. — Минск, 1998. — С.10.
19. Demeulemeester J. L., Diebolt Cl. Renouveler la science economique neo-classique? Prendre l'histoire au serieux // Assotiation francaise de cliometrie Worcing papers. — 2011. — № 3.
20. EAG Report on the European economy 2011 IFO — Schnelldienst. — München, 2011. — Jg. 64. — N.6.
21. Welsh J. M. A people's Europe? European citizenship and European identity // European University Institute, Florence, 1993.
22. Eastern Partnership. Platform 2 «Economic integration and convergence with EU policies». — Core objectives and proposed Work Programmer 2009–2011.

Толстых В. Л.

ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА С РОССИЕЙ: ПРАВОВЫЕ КВАЛИФИКАЦИИ

В статье приводятся официальные и доктринальные квалификации воссоединения Крыма с Россией и формулируется авторская позиция. Данная позиция состоит в том, что право населения Крыма на отделение от Украины возникло в силу его исключения из политического общения и возникновения угрозы для его национальной идентичности. В качестве теоретического фона для рассмотрения проблемы автор использует концепцию общественного договора. По его мнению, выбор населения Крыма был сделан с полным осознанием всех существенных обстоятельств и в отсутствие обмана или принуждения со стороны третьих лиц. Украинский кризис определяется как результат действия либеральных ценностных систем.

Ключевые слова: международное право, право наций на самоопределение, права человека, общественный договор, сецессия, территориальная целостность

Tolstykh V. L.

REUNIFICATION OF CRIMEA WITH RUSSIA: LEGAL QUALIFICATIONS

The paper presents the official and doctrinal qualifications of reunification of Crimea with Russia and formulates the author's position. This position is that the right of Crimean population to secede from the Ukraine emerged because of its exclusion from the political communication and because of a threat to its national identity. As a theoretical background to address the problem author uses the concept of the social contract. According to him, the choice of the Crimean population was made with full knowledge of all relevant circumstances and in the absence of fraud or coercion by third parties. Ukrainian crisis is defined as the result of the action of liberal value systems.

Keywords: international law, the right of nations to self-determination, human rights, social contract, secession, territorial integrity.

Толстых В. Л.

1. Цель данной статьи состоит в том, чтобы изложить правовые квалификации западных специалистов и представить альтернативные квалификации. Официальная позиция Запада была озвучена в заявлениях дипломатов и резолюциях ООН, ЕС и Совета Европы. Европейский парламент в Резолюции «О вторжении России в Украину» от 13 марта 2014 г. заявил, что, завоевав Крым, Россия осуществила агрессию, нарушила Устав ООН, Заключительный акт СБСЕ, Устав Совета Европы, Будапештский меморандум и двусторонние договоры с Украиной. По мнению Парламента, в Крыму не было ущемлений прав российских граждан или лиц русской национальности; Декларация независимости Крыма и проведенный в Крыму референдум противоречат конституции Украины и международному праву. Парламент осудил действия России, одобрил действия украинского правительства, призвал к урегулированию, посредничеству, выводу войск и ограничению сотрудничества с Россией¹.

Генеральная ассамблея в Резолюции «Территориальная целостность Украины» от 27 марта 2014 г. подтвердила территориальную целостность Украины; призвала государства отказаться от действий, направленных на ее нарушение; призвала все стороны к мирному урегулированию путем прямого диалога; приветствовала усилия международных организаций, помогающих Украине; заявила о незаконности референдума в Крыму; призвала государства и организации не признавать изменения статуса Крыма. 100 государств проголосовали за Резолюцию, 11 — против, 58 — воздержались.

Парламентская ассамблея Совета Европы в Резолюции «Последние события на Украине: угрозы функционированию демократических институтов» от 9 апреля 2014 г. признала легитимность новых украинских властей и их решений, однако призвала к проведению внеочередных парламентских выборов, учитывая опасения некоторых групп людей, что их интересы недостаточно представлены в Верховной Раде. Ассамблея также призвала к децентрализации, однако возразила против идеи федерализации Украины. Она озабочена положением крымских татар и призвала Россию обеспечить их права. Она

назвала действия России агрессией и квалифицировала их как явное нарушение международного права. Она заявила о необоснованности доводов России: ультраправые не установили контроль над центральным правительством, непосредственной угрозы правам русского меньшинства в стране не было. По мнению Ассамблеи, ни сепаратизм, ни идея присоединения к России не были распространены в Крыму до российской интервенции; стремление к отделению было спровоцировано Россией. Ассамблея заявила о неконституционности крымского референдума и неправдоподобности его результатов. Она призвала Россию вывести войска из Крыма, в т.ч. Черноморский флот².

Венецианская комиссия (консультативный орган Совета Европы) подготовила Заключение «О том, является ли решение, принятое Верховным советом Автономной республики Крым на Украине об организации референдума о вхождении в состав Российской Федерации или восстановлении конституции Крыма 1992 г., совместимым с конституционными принципами» от 21 марта 2014 г. Комиссия указала, что конституция Украины предусматривает неделимость страны и не разрешает местный референдум по вопросу об отделении (ст.ст. 1, 2, 73, 157, Раздел X). Конституция Крыма также не разрешает такой референдум. Конституция Украины разрешает только консультативный референдум по вопросу о расширении автономии. По мнению Комиссии, обстоятельства, сложившиеся в Крыму, не позволили провести референдум в соответствии с европейскими демократическими стандартами. К их числу относятся следующие: отсутствие законодательства, регулирующего местные референдумы; массовое присутствие (пара) военных сил; нарушения свободы слова; короткий десятидневный период между решением о проведении референдума и самим референдумом; заинтересованность властей (пар. 22). Комиссия также обратила внимание на то, что перед референдумом не были проведены переговоры между заинтересованными лицами (пар. 26)³.

¹ <http://www.voltairenet.org/article182710.html>

² http://news.liga.net/news/politics/1307523-rezolyutsiya_pase_po_situatsii_v_ukraine_polnyy_tekst.htm

³ [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2014\)002-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2014)002-e)

2. Квалификации ситуации в Крыму были даны и представителями западной доктрины, — как правило, в форме постов (заметок), размещенных в Интернете. В частности, свое мнение высказали Р. Жоритсма (Remy Jorritsma, профессор Маастрихтского университета)⁴; Н. Криш (Nico Krisch, профессор Института международных исследований Барселона)⁵; Р. Макковдейл (Robert McCorquodale, директор Британского института международного и сравнительного права)⁶; А. Пеле (Alain Pellet, профессор Университета Париж X)⁷; К. Марксен (Christian Marksen, старший научный сотрудник Института им. Макса Планка, Германия)⁸; Г. Фокс (Greg Fox, профессор Университета Вейна, Детройт)⁹; Ю. Видмар (Jure Vidmar, сотрудник Оксфордского университета)¹⁰; Л. Малксо (Lauri Mälksoo, профессор Тартуского университета, Эстония)¹¹; А. Петерс (Anne Peters, директор Института сравнительного публичного права и международного права им. Макса Планка, Германия)¹²; М. Барош (Miroslav Baros, профессор университета Шеффилда)¹³. Отдельно следует упомянуть несколько «обращений» украинской интеллигенции: «Обращение украинцев к российскому научному сообществу»¹⁴; «Обращение профессорско-преподавательского состава Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко к коллегам и партнерам в России»¹⁵; «Обращение к гражданам Украины и России, братским народам соседних государств» Украинской ассоциации международного права¹⁶. Все перечисленные представители западной

и украинской доктрины, кроме М. Бароша, полагают, что деление Крыма от Украины и его присоединение к России не соответствовали международному праву. В качестве основных используются следующие тезисы и аргументы:

1) В соответствии с Декларацией о принципах международного права 1970 г. Крым не имел права на сецессию, поскольку он не находился в колониальной или иной зависимости; право на самоопределение обязывает уважать права меньшинств, но не предоставляет частям государства права свободно решать вопрос о своей принадлежности. Крым также не может ссылаться на принцип эффективности, поскольку его независимость от Украины возникла в результате вмешательства со стороны России.

2) Декларация независимости Крыма была принята, а референдум был проведен благодаря российскому военному присутствию. Будучи основанными на применении силы, они являются незаконными. Кроме того, референдум не соответствовал международным стандартам: он не был демократичным, мирным и не сопровождался исчерпанием переговоров со всеми заинтересованными лицами. Референдум также не соответствовал конституции Крыма и конституции Украины.

3) Действия России являются агрессией и нарушают Устав ООН, Будапештский меморандум и другие международные договоры. Между Украиной и Россией возник международный конфликт; Украина имеет право на самооборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН; Крым является оккупированной территорией. Россия отвечает за действия отрядов самообороны в соответствии с принципом контроля (Решение Трибунала по Югославии по делу Тадича от 15 июля 1999 г.).

4) Россия злоупотребила своим статусом сверхдержавы, косовским прецедентом и практикой проведения операций по спасению собственных граждан. В отличие от Косово, в Крыму не было дискриминации русскоязычного населения или массовых нарушений прав человека. Россия также не может ссылаться на согласие неэффективного президента или обращение самозванных представителей Крыма. Результаты российской агрессии не должны признаваться международным сообществом.

3. Несколько иная позиция формулируется в комментарии М. Бароша. Автор считает, что сравнение ситуаций в Крыму и в Косово не является удачным. Армия освобождения Косово перед интервенцией НАТО была вовлечена в террористическую деятельность; в Крыму же перед референдумом не было сделано ни одного выстрела. Довод, в соответствии с которым НАТО стремилось предотвратить серьезные нарушения прав человека в Косово и поэтому бомбило не только военные, но и гражданские цели за сотни миль от Косово, выглядит неуместным. При анализе ситуации в Крыму следует учитывать не только ч. 4 ст. 2 Устава ООН (запрет применения силы), но и ч. 7 ст. 2 (запрет вмешательства). Действительно, должностные лица США и ЕС явно нарушили ч. 7 ст. 2, оказав поддержку одной из сторон конфликта, повлиявшую на смену режима. Довод о том, что референдум состоялся благодаря использованию силы Россией, является несостоятельным. Не следует забывать, что в соответствии с международным договором Россия имеет право на военное присутствие в Крыму, а 58% населения Крыма являются русскими. Неужели референдум был бы действительным только в отсутствие российских сил? Из данной логики следует, что лучше бы российского военного присутствия не было, поскольку в таком случае новое самопровозглашенное и неизбранное украинское правительство не допустило бы референдума! Означает ли это, что британские силы должны покинуть Шотландию перед проведением референдума о независимости? Международное право занимает нейтральную позицию по данному вопросу; на смену его «пост-онтологическому» периоду пришла тотальная беспомощность. Автор выступает за бездействие и молчание в отношении подобных случаев.

⁴ Пост «Ukraine Insta-Symposium: Certain (Para-) Military Activities in the Crimea: Legal Consequences for the Application of International Humanitarian Law» от 9 марта 2014 г. / <http://opiniojuris.org/2014/03/09/ukraine-insta-symposium-certain-para-military-activities-crimea-legal-consequences-application-international-humanitarian-law>

⁵ Пост «Crimea and the Limits of International Law» от 10 марта 2014 г. / <http://www.ejiltalk.org/crimea-and-the-limits-of-international-law>

⁶ Пост «Ukraine Insta-Symposium: Crimea, Ukraine and Russia: Self-Determination, Intervention and International Law» от 10 марта 2014 г. / <http://opiniojuris.org/2014/03/10/ukraine-insta-symposium-crimea-ukraine-russia-self-determination-intervention-international-law>

⁷ Статья «Crimée: une invasion, un référendum, une sécession?» // *Le Monde*. 2014. 14 марта / http://www.lemonde.fr/idees/article/2014/03/14/crimee-une-invasion-un-referendum-une-secession_4383329_3232.html

⁸ Статья «Crimée: une invasion, un référendum, une sécession?» // *Le Monde*. 2014. 14 марта / http://www.lemonde.fr/idees/article/2014/03/14/crimee-une-invasion-un-referendum-une-secession_4383329_3232.html

⁹ Пост «Guest Post: The Russia-Crimea Treaty» от 20 марта 2014 г. / <http://opiniojuris.org/2014/03/20/guest-post-russia-crimea-treaty>

¹⁰ Пост «Crimea's Referendum and Secession: Why it Resembles Northern Cyprus More than Kosovo» от 20 марта 2014 г. / <http://www.ejiltalk.org/crimeas-referendum-and-secession-why-it-resembles-northern-cyprus-more-than-kosovo>

¹¹ Пост «Crimea and (the Lack of) Continuity in Russian Approaches to International Law» от 28 марта 2014 г. // <http://www.ejiltalk.org/crimea-and-the-lack-of-continuity-in-russian-approaches-to-international-law>

¹² Пост «Sense and Nonsense of Territorial Referendums in Ukraine, and Why the 16 March Referendum in Crimea Does Not Justify Crimea's Alteration of Territorial Status under International Law» от 16 апреля 2014 г. / <http://www.ejiltalk.org/sense-and-nonsense-of-territorial-referendums-in-ukraine-and-why-the-16-march-referendum-in-crimea-does-not-justify-crimeas-alteration-of-territorial-status-under-international-law>

¹³ Комментарий от 20 марта 2014 г. к посту Ю. Видмара / <http://www.ejiltalk.org/crimeas-referendum-and-secession-why-it-resembles-northern-cyprus-more-than-kosovo>

¹⁴ <http://euromaidanlive.net/international-solutions/id/obraschenie-ukraincev-k-rossijkomu-nauchnomu-soobshchestvu-678985>

¹⁵ http://www.iir.edu.ua/press_center/news/obrashchenie_k_partneram_v_Rossii

¹⁶ <http://rus.postimees.ee/2715328/ukrainskaja-associacija-mezhdunarodnogo-prava-ukraina-imeet-osnovanija-oboronjatsja>

4. Официальная российская позиция была озвучена в выступлениях и комментариях МИД РФ, Постановлении Совета Федерации от 1 марта 2014 г. и Обращении Президента РФ от 18 марта 2014 г.¹⁷. Ее можно резюмировать следующим образом. На Украине произошел государственный переворот, спровоцированный западными державами, вмешавшимися во внутренний политический процесс. Политический кризис привел к гуманитарной катастрофе, выразившейся в разрушении системы государственного управления, недееспособности сил правопорядка, разгуле экстремистов и фашиствующих элементов, массовых нарушениях прав человека, угрозе безопасности национальных и языковых меньшинств, обострении социально-экономической ситуации. Эта катастрофа обусловила отказ Крыма подчиняться киевской власти, создание в Крыму собственных органов власти, принятие Декларации независимости и решение о вхождении в состав России. Кроме того, следует учитывать историческую и культурную близость Крыма к России и несправедливость решения, принятого Н. С. Хрущевым в 1954 г. о передаче Крыма Украине. Декларация независимости Крыма соответствует международному праву, тезис о правомерности подобных деклараций был сформулирован в Заключении Международного Суда ООН по Косово от 22 июля 2010 г. Решение Крыма соответствует принципу права народов на самоопределение, поскольку в условиях преследования русскоязычного населения и свержения законной власти данное право не могло быть реализовано в составе Украины. Российские силы находились в Крыму на законном основании; во время событий не было ни столкновений, ни жертв, — в этой связи принцип неприкосновенности силы не был нарушен.

5. Принцип права наций на самоопределение предполагает право на отделение только тех народов, которые не находятся под властью «правительств, представляющих без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории» (Декларация о принципах международного права 1970 г.). Таковыми считаются народы, находящиеся под колониальным господством; народы, проживающие на оккупированной территории; народы, в отношении которых проводится расистская политика (п. 4 ст. 1 Протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г.).

¹⁷ Постановление Совета Федерации от 1 марта 2014 г. (<http://www.rg.ru/2014/03/05/voyska-dok.html>); Заявление МИД РФ от 11 марта 2014 г. о принятии Декларации о независимости Автономной Республики Крым и г. Севастополя (http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/D0970B9343D2FD9644257C98004F470A); Обращение Президента РФ, Москва, Кремль, 18 марта 2014 г. (http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/B003E82280B42B9344257C9F004EEFA2); Выступление Постоянного представителя России при ООН В. И. Чуркина на открытом заседании Совета Безопасности ООН по ситуации на Украине, Нью-Йорк, 19 марта 2014 г. (http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/14130C0757AA5B2844257CA1002283A9); Выступление и ответы на вопросы депутатов Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе пленарного заседания Государственной Думы Российской Федерации, Москва, 20 марта 2014 г. (http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/07FD405E208964B444257CA10046D1E5); Выступление и ответы на вопросы сенаторов Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе 349-го внеочередного заседания Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, 21 марта 2014 г. (http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/8009FE80B48FCDD44257CA2003AC683); Выступление Постоянного представителя России при ООН В. И. Чуркина на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 27 марта 2014 г. http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/2D73D3146598952A44257CA800584BAE); Комментарий Департамента информации и печати МИД России от 28 марта 2014 г. в связи с голосованием в Генеральной Ассамблее ООН по проекту резолюции "Территориальная целостность Украины" (http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/E0B5BCC109011C5544257CA900228089); Статья Министра иностранных дел России С. В. Лаврова «Выход из украинского кризиса», опубликованная в газете «The Guardian» 7 апреля 2014 г. (http://mid.ru/brp_4.nsf/newsline/5D21C9FB97C66D9744257CB4001AF6A8).

Таким образом, право на отделение возникает тогда, когда нация оказывается исключенной из внутрисубъективного политического общения, когда ее воля не учитывается при принятии политических решений.

Ряд фактов могут свидетельствовать о том, что после государственного переворота, произошедшего в конце февраля 2014 г. на Украине, население Крыма оказалось именно в таком положении. Действительно, в результате переворота был отстранен от власти президент, за которого в 2010 г. проголосовали 78,24% избирателей в АР Крым и 84,35% — в Севастополе (48,95% на Украине)¹⁸. Во-вторых, после переворота была инициирована кампания, направленная против двух парламентских партий — Партии регионов, за которую в 2012 г. отдали свои голоса 52,26% избирателей в АР Крым и 46,90% в Севастополе (30% на Украине), и Коммунистической партии Украины (19,41, 29,46% и 13,18% соответственно)¹⁹. Против данных партий были выдвинуты политические обвинения; в отношении отдельных функционеров были возбуждены уголовные дела; на партийные офисы и отдельных членов партий были совершены нападения, в т.ч. во время парламентских заседаний. Из фракции Партии регионов вышло около 80 депутатов (было 187, на конец апреля 2014 г. — 104). В-третьих, после переворота было сформировано переходное правительство, представляющее только две из пяти парламентских партий: «Батькивщину» и «Свободу», в совокупности получивших по результатам парламентских выборов 2012 г. 36% голосов избирателей (в состав правительства вошли 7 членов «Батькивщины», 4 члена «Свободы» и 9 беспартийных). В-четвертых, почти все ветви и уровни власти подверглись люстрации, по итогам которой ключевые должности были заняты представителями политических сил, причастных к перевороту. В-пятых, новая власть отказалась от проведения мероприятий по восстановлению общественного консенсуса (референдума, досрочных парламентских выборов, созыва общенародного представительного органа). Сторонники новой украинской власти утверждают, что переворот и указанные меры могут быть оправданы антинародным характером предшествующего режима и сложностями переходного периода; данная аргументация, однако, не пользуется всеобщей поддержкой.

6. Теоретическим фоном для рассмотрения права наций на самоопределение может служить концепция общественного договора. Т. Гоббс считал, что упадок государства вследствие внутренних междоусобиц происходит всегда по вине людей, являющихся творцами и распорядителями государств. Причинами распада государства являются недостаточность абсолютной власти («человек, добившийся королевства, довольствуется иногда меньшей властью, чем та, которая необходима в интересах мира и защиты государства»); учение о том, что «каждый отдельный человек есть судья в вопросе о том, какие действия хороши и какие дурны»; свобода высказываний против верховной власти и др.²⁰. По мнению Дж. Локка, распад системы правления, помимо прочего, происходит, когда законодательный орган разбит, распущен, лишен возможности действовать свободно и т.д. В таких случаях власть возвращается к обществу: люди имеют право создать новый законодательный орган; не повиноваться законам, принятым не уполномоченными лицами; сопротивляться применению силы с их стороны. При этом мятежниками являются не они, а те, кто силой нарушил конституцию и законы и создал тем самым состояние войны²¹. Центром учения Ж. Ж. Руссо является тезис о суверенитете народа, представляющем собой власть, «направляемую общей волей». Когда правительство перестает

¹⁸ <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2010/02/7/4730368/>

¹⁹ <http://rus.newsru.ua/arch/ukraine/01nov2012/vibopooblast.html>

²⁰ Гоббс Т. Левиафан. Сочинения в 2 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1991. — С. 250–260.

²¹ Локк Дж. Два трактата о правлении. Сочинения в 3 т. — Т. 3. — М.: Мысль, 1988. — С. 384–393.

подчиняться законам, «государство сжимается»: «большое Государство распадается и в нем образуется другое Государство, состоящее только из членов Правительства и являющееся по отношению к остальному народу лишь его господином и тираном»; «в ту минуту, когда правительство узурпирует суверенитет, общественное соглашение разорвано, и все простые граждане, по праву возвращаясь к своей естественной свободе, принуждены, а не обязаны повиноваться». Главным способом предупреждения захвата власти является проведение периодических собраний представителей народа, на которые выносятся два вопроса: угодно ли суверену сохранить настоящую форму правления; угодно ли народу оставить управление в руках тех, на кого оно в настоящее время возложено²².

Экстраполяция концепции общественного договора на украинские события позволяет прийти к нескольким выводам. Во-первых, тезис о том, что переворот в Киеве был оправдан злоупотреблениями предшествующей власти, может быть поставлен под сомнение. Действительно, любая законно избранная власть может самостоятельно заключать международные договоры и применять силу против тех, кто организует беспорядки. Предположить иное, — значит, поставить под сомнение идею суверенитета: еще в 1576 г. Ж. Боден указывал: «Однако необходимо, чтобы суверены не подчинялись поведению других людей и чтобы они могли давать законы подданным и отменять, лишать силы бесполезные законы, заменяя их другими, чего не может совершать тот, кто подчинен законам и людям, которые имеют право ему повелевать»²³. Во-вторых, свидетельств того, что переворот в Киеве опирался на общую волю, нет; значительная часть населения страны не участвовала в событиях на Майдане; возможные механизмы легитимации результатов переворота (определения общей воли) не были использованы. Таким образом, результатом переворота стало «сжатие государства»: создание меньшего государства, состоящего из тех, кто поддержал переворот, и исключавшего тех, кто его не поддержал. В-третьих, автоматического восстановления «большого государства» не произошло: многие отказались признавать новую власть, а та, в свою очередь, не пожелала учитывать их интересы и не смогла обеспечить повиновение своей воле. Люди, не поддержавшие переворот, оказались в естественном состоянии и получили право на заключение нового общественного договора или на присоединение к уже существующему договору. Население Крыма предпочло реализовать данное право посредством заключения союза с Россией. В-четвертых, ответственность за отделение Крыма может быть возложена не на его население, а на политические силы, инициировавшие расторжение общественного договора и претендующие на представление общей воли без должных на то оснований. В-пятых, не будучи причастной к государственному перевороту на Украине, Россия не может отвечать за его последствия, одним из которых стал переход населения Крыма к естественному состоянию. В этой связи политика России в отношении Крыма может быть оспорена только самим населением Крыма; результаты референдума, однако, ясно свидетельствуют о поддержке данной политики.

7. Право наций на самоопределение может считаться реализованным, только если выбор нации был сделан с полным осознанием всех существенных обстоятельств и в отсутствие обмана или принуждения со стороны третьих лиц (т.е. если воля нации соответствовала ее действительному интересу). В этом смысле данный выбор может рассматриваться как публично-правовая сделка, подпадающая под действие общих начал римского права. Наиболее ясным изъяслением воли на-

рода является референдум, который, во-первых, является торжественным и символическим действием; во-вторых, гарантирует одновременный учет воли всех и воли каждого; в-третьих, предполагает сосредоточенность, необходимую для принятия важного решения²⁴. Применительно к крымскому референдуму в качестве дисквалифицирующих факторов рассматриваются российское присутствие и несоблюдение свобод слова и собраний. Российское присутствие, однако, не ставило целью вмешательство в процесс формирования воли населения Крыма и поэтому не может рассматриваться как насилие в отношении данного населения (хотя, конечно, именно оно не позволило киевской власти вмешаться в развитие событий). Следует напомнить, что целый ряд референдумов о самоопределении проводился в условиях военного присутствия заинтересованной стороны: референдум в Пуэрто-Рико (2012 г.), референдум на Северных Марианских островах (1975 г.), референдум на Ниуэ (1974 г.) и др. Несоблюдение свобод слова и собраний, даже если и имело место, вряд ли может рассматриваться как обман. Наконец, вопрос об отделении Крыма от Украины и присоединении его к России является достаточно ясным (в отличие от вопроса об ассоциации Украины и Европейского союза); в этой связи трудно предположить, что население Крыма сделало свой выбор под влиянием заблуждения. Результаты референдума были определены другими факторами, гораздо более устойчивыми, мощными и очевидными, — прежде всего, исторической и культурной общностью Крыма и России, оказавшейся под угрозой в результате государственного переворота. Исторические и культурные факторы были учтены при решении вопроса о самоопределении Западной Сахары (Консультативное заключение Международного суда ООН от 16 октября 1975 г.); не должны они игнорироваться и в данном случае. В этом контексте утрачивает значение вопрос о сроках проведения референдума; естественно предположить, что, считая себя частью русского мира, жители Крыма были изначально предрасположены в пользу политического союза с Россией. Поскольку акт самоопределения является односторонней сделкой, любые международные стандарты проведения референдумов имеют ценность, если они обеспечивают соответствие решения, выданного на референдуме, действительной воле народа. Если же они ставят результаты референдума в зависимость от одобрения или согласия внешних по отношению к народу субъектов, их действие должно быть исключено. В этом смысле аргументы противников крымского референдума, основанные на отсутствии международных наблюдателей, несоответствии референдума украинской конституции, неисчерпании переговорных средств и т. п., могут быть поставлены под сомнение. К тому же далеко не все эти аргументы являются обоснованными. Так, довольно спорным выглядит утверждение о сохраняющемся действии украинской конституции, неоднократно нарушенной политическими силами, пришедшими к власти в Киеве.

8. Цель принципа самоопределения состоит в том, чтобы обеспечивать участие воли людей в политическом процессе, а не в том, чтобы обеспечивать соблюдение их прав (эту функцию выполняет принцип прав человека). Принцип самоопределения, конечно, страдает, когда нарушаются политические права; однако он не обязательно страдает, когда нарушаются иные права. И, наоборот, соблюдение прав человека не является доказательством участия в политическом общении всех уполномоченных субъектов. В этой связи принцип самоопределения не должен подменяться или вытесняться принципом прав человека. Первый, как минимум, равен второму, а, как максимум, обладает приоритетом по отношению к нему. Действительно, принцип самоопределения имеет отношение

²² Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. Трактаты. — М.: Наука, 1968. — С. 171, 216, 227.

²³ Боден Ж. Шесть книг о государстве // Правовая мысль: Антология / Автор-составитель В. П. Малахов. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. — С. 158.

²⁴ Об этих аспектах применительно к гражданско-правовой сделке см.: Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. II. / Пер. с нем. Г. Жигулина. Под ред. О. Кататаладзе и В. Зубаря. — Москва-Одесса, 2012. — С. 344.

к общему благу, а принцип прав человека — к частному благу, т.е. к благу меньшему по отношению к общему благу. Другое важное различие между двумя принципами носит генетический характер: принцип самоопределения предполагает осуществление актуальной воли граждан; принцип прав человека — осуществление норм, ранее установленных или признанных этой волей. Ж. Ж. Руссо писал по этому поводу: «... Нелепо, чтобы воля сковывала себя на будущее время и потому что ни от какой воли не зависит соглашаться на что-либо противное благу существа, обладающего волею»; и в другом месте: «... Нет и не может быть никакого основного закона, обязательного для Народа в целом, для него не обязательен даже Общественный договор»²⁵. Аналогичное мнение высказал И. Бентам в работе «Анархические заблуждения» (1816 г.): «В стране, в которой власть предположительно отдана народу, в которой ему предоставлено право избирать своих представителей, право объединяться, представлять петиции, сделано все, что с точки зрения природы вещей позволяет предотвращать злоупотребления законодательной властью. У свободного народа, который свободно избирает своих депутатов, глас народа является настоящим ограничением национальной ассамблеи. Если она поставлена в зависимость от общей воли, то бояться больше нечего, и никакие другие предосторожности больше не нужны. Как ничто не может заменить это ограничение, так и ничто не может добавить ему силы. Особенно смешно воображать, что вы можете связать вас самих фразами вашего собственного изобретения. Когда народ недоволен законом, это происходит по причине какого-то реального или воображаемого недостатка, который ему приписывают. Публика будет формировать свое суждение об этом законе не на основании декларации прав человека, а на основании того плохого, которое она чувствует или которого она боится»²⁶. В этой связи методологическая ценность косовского прецедента при рассмотрении ситуации в Крыму является относительной. Данный прецедент может оправдывать одностороннюю реакцию России на нарушение *jus cogens*, создающую условия для последующего провозглашения независимости; одновременно отсутствие в Крыму нарушений прав человека, подобных тем, которые имели место в Косово, не может служить основанием для отказа его населению, исключенному из политического общения, в праве на самоопределение.

9. Участие в политическом процессе гарантирует то, что интересы нации будут учтены и защищены на общегосударственном уровне. Любые национальные интересы являются конкретными и исторически обусловленными; важнейшим среди них является интерес, связанный с сохранением личности нации. Личность нации образуется сочетанием субъективных и объективных свойств. К числу первых относятся национальное сознание, национальный характер и национальный темперамент; к числу вторых — образ жизни, язык, история, культура, образование, социальные нормы и др. Субъективные и объективные свойства личности нации являются взаимосвязанными: так, национальный характер определяет структуру языка, и наоборот, структура языка опосредует национальный характер. Политический смысл принципа самоопределения, таким образом, состоит не только в обеспечении возможности участия в политическом процессе, но и в обеспечении возможности сохранения личности нации. В этой связи нарушение принципа самоопределения имеет место не только тогда, когда нация прямо исключается из политического процесса, но и тогда, когда личность нации оказывается под угрозой в результате деструктивного воздействия на ее субъективные и объективные свойства (воздействие на первые осуществляется посредством воздействия на вторые). Здесь также можно говорить об исключении из политического процесса:

но не прямом, а косвенном, — осуществляемом через установление культурного ценза, пройти который можно только ценой утраты личности нации.

Некоторые украинские события могут рассматриваться как попытка введения такого ценза; среди них — инициирование отмены закона о региональных языках, многочисленные случаи сноса памятников Ленину (являющегося для многих не столько политическим, сколько национальным символом), антирусские прокламации и выступления. Массовость, системный характер и поддержка или одобрение со стороны новой власти усугубили угрозу, создаваемую данными мерами, и в значительной степени оправдали отделение Крыма.

Установление культурного ценза может квалифицироваться как геноцид, — но не в том узком смысле, в котором данный термин определяется Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., а в том широком смысле, в каком он определяется Р. Лемкиным, введшим его в оборот в 1944 г.: «Под «геноцидом» мы понимаем уничтожение нации или этнической группы... Геноцид не обязательно предполагает немедленное уничтожение нации, за исключением случаев, когда он совершен посредством массовых убийств всех членов нации. Он скорее предназначен для обозначения скоординированного плана различных акций, направленных на разрушение существенных основ жизни национальных групп с целью уничтожения самих данных групп. Целями такого плана является дезинтеграция политических и социальных институтов, культуры, языка, национального сознания, религии, экономического существования национальных групп и уничтожение личной безопасности, свободы, здоровья, достоинства и даже жизни индивидов, принадлежащих к данным группам». Р. Лемкин выделял восемь техник геноцида, в зависимости от того, в какой области он осуществляется: политическую, социальную, культурную, экономическую, биологическую, физическую, религиозную и моральную²⁷.

10. Кризис на Украине во многом обусловлен действием либеральных ценностных систем, политический сегмент которых образуют концепции прав человека, наднациональности и рыночной экономики. Политический сегмент жестко сцеплен с культурологическим сегментом (английский язык, стандарты потребления, этические и эстетические коды), так что одно всегда следует за другим. Тотальной гегемонии этих концепций до конца 80-х гг. препятствовало существование альтернативных социалистических ценностей; любое государство могло сделать выбор, который, даже если оно не было причастным к формированию тех или иных ценностей, сам по себе являлся проявлением его суверенитета. Падение социалистической системы означало исчезновение данной альтернативы и стало историческим подтверждением превосходства либерализма. Действие либеральных ценностных систем характеризуется следующими особенностями.

Во-первых, либеральные системы являются своеобразными козырями, в основе действия которых лежит всеобщий консенсус относительно их высшей ценности²⁸. Статус козырей позволяет данным системам преодолевать и исключать действие любых иных концепций и решений, в т.ч. тех, которые были сформированы общей волей, образующей государство. Либеральные системы, таким образом, образуют единственно возможный канал для проявления общей воли, табуируя все остальные. В этих условиях проявление общей воли становится пустой формальностью, а суверенитет, утра-

²⁵ Руссо Ж. Ж. Указ. соч. — С. 168, 162–163.

²⁶ Bentham J. *Sophismes anarchiques* // *Oeuvres de Jérémie Bentham*, 1. Société belge de librairie, 1840. — P. 510.

²⁷ Lemkin Raphael. *Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation — Analysis of Government — Proposals for Redress* // <http://www.preventgenocide.org/lemkin/AxisRule1944-1.htm>

²⁸ Метафорическое понимание прав человека как «козырей» было предложено Р. Дворкиным (Dworkin R. *Taking Rights Seriously*. — London: Duckworth, 1978. — P. 153).

тивший свое важнейшее свойство безусловности, перестает существовать²⁹.

Во-вторых, либеральные системы противоречат идее государства. Права человека, в основе которых лежит принцип частного блага, посягают на выражаемый государством принцип общего блага. Рыночная экономика отрицает границы, государственное предпринимательство, протекционистское и антимонопольное регулирование. Наконец, наднациональность противопоставляет общей воле, образующей государство, волю международного сообщества (а в другом ракурсе — волю международных бюрократов и/или нескольких сверхдержав). В силу этого либеральные системы формируют презрение к государству и убежденность в том, что любое благо — есть результат рождения, а не результат общего усилия. Подвергаясь такому воздействию, люди становятся врагами государства. Когда количество таких людей достигает критического уровня, государство разрушается; при этом от него может оставаться пустая оболочка в виде недеятельствующей конституции и зависимых от внешних сил органов.

В-третьих, либеральные системы, как и любые иные ценностные системы, формируются, развиваются, интерпретируются и реализуются действием воли. Формальный анализ позволяет квалифицировать в качестве носителя данной воли внутреннего суверена или человечество в целом; действительно, права человека являются элементом и конституций, и международного договорного права. Исторический и политический анализ, однако, может приводить к выводу о том, что носителем данной воли является политическая и экономическая элита Запада, монополизировавшая право интерпретации либеральных систем и создавшая на их основе своеобразный язык власти³⁰.

В-четвертых, либеральные системы используются для установления господства над другими народами. Это намерение не является эксплицитным, однако оно может быть выведено из некоторых экономических индексов³¹, многих важных фактов послевоенной политической истории³² и содержания самих либеральных ценностных систем, в которое в качестве несущих включены идеи эволюционизма и индивидуализма. Таким образом, данные системы представляют собой инструмент колониализма XX–XXI в., — гораздо более тонкий, скрытый и эффективный, чем инструменты колониализма XX в.

На Украине либеральные системы действовали особенно интенсивно и наглядно, обеспечивая идеологическую базу для осуществления государственного переворота, территори-

альной и общественной дезинтеграции, формирования ненависти по отношению к России, установления политического и экономического господства Запада. Выбор Крыма в этой связи является не только политическим, но и идеологическим выбором.

11. Главным обстоятельством, оправдывающим участие России в процессе самоопределения Крыма, является распад украинской государственности, повлекший, с одной стороны, образование меньшего государства, не представляющего население Крыма, а, с другой стороны, переход населения Крыма в естественное состояние и последующую реализацию им права на самоопределение. Данный распад был спровоцирован действиями внутренних и внешних политических сил; Россия же, со своей стороны, пыталась ему воспрепятствовать. С момента распада изменилась конфигурация международных отношений: вместо российско-украинских отношений возникли отношения Крыма и новой Украины, отношения Крыма и России и, наконец, отношения России и новой Украины. Действия России, препятствующие распространению юрисдикции новой Украины на территорию Крыма, были правомерными, поскольку они опирались на согласие населения Крыма. Данные действия не могут квалифицироваться как поддержка одной из сторон в гражданской войне, поскольку с момента распада Крым и новая Украина перестали быть частями одного государства. В этих условиях использование Россией дополнительных аргументов (согласие президента, право на самооборону, гуманитарная интервенция) не является необходимым.

12. Украинский кризис имеет не только политическое и правовое, но также идеологическое, культурологическое, историческое и цивилизационное измерения. Результатом государственного переворота стало не только отделение Крыма от Украины, но и отделение Украины от русского мира. Однако, в отличие от Крыма, ставшего частью России, Украина не стала и, наверное, не станет частью Европы или западного мира; для этого ей потребовалось бы полностью отказаться от своего языка, религии, истории и генетической памяти. Положение, в котором она оказалась, можно охарактеризовать как маргинальное; длительное нахождение в нем может негативно сказаться на личности украинской нации. Перспектива присоединения Украины к ЕС была хорошо описана М. В. Городецким: «Использование политического продукта Европы без других продуктов европейской культуры — невозможно. Поэтому неизбежным следствием присоединения Украины к ЕС будет глубокая и разносторонняя инъекция внутрикультурных западноевропейских продуктов, которые обязательно войдут в конфликт с привычным, гармоничным и самодостаточным укладом украинской жизни, возможно даже не осознаваемым самими украинцами, но продолжающим действовать по глубокой исторической инерции. Продукты европейской культуры не будут приняты в их целостности и органичности — украинский же уклад под действием их силы будет дезорганизован и раздавлен. Итогом станет перманентный ценностный пат, не приводящий к какому-либо позитивному результату; невозможность полноценной жизненной реализации на общенациональном и личном уровнях; снижение образовательного уровня населения из-за невозможности соответствия западным критериям; перенос социальных ценностей в сферу потребления и маргинализация культуры в целом»³³. Положение, в котором оказалась Россия, также является очень тяжелым. Отдаление Украины, независимо от того, как его оценивают сами украинцы, является трагедией для российской идентичности, утрачивающей многие важные смыслы, генетически связанные с Украиной. Оба государства, таким образом, объективно заинтересованы

²⁹ Ж. Боден писал: «... Суверенитет, предоставленный Принцу с обременениями или под условиями, не является настоящим суверенитетом...». (Jean Bodin. Les six livres de la République. Un abrégé du texte de l'édition de Paris de 1583. Édition et présentation de Gérard Mairet. — Paris: Librairie générale française, 1993. — P. 78).

³⁰ А. Карти пишет: «Язык прав человека является последней формой лишения власти, которую Запад использует против своих жертв» (Carty A. Philosophy of International Law. — Edinburgh University Press. 2007. — P. 195). Д. Кеннеди отмечает, что права человека часто являлись «словарем» (vocabulary) центра против периферии, скорее проводником для империи, чем антитезой против империи» (Kennedy D. Reassessing international humanitarianism: the dark sides // International Law and its Others. Edited by Anne Orford. — Cambridge University Press, 2006. — P. 133).

³¹ Дж. Стиглиц пишет: «Растущий разрыв между имущими и неимущими оставляет все больше людей «третьего мира» в жестокой бедности, живущими менее чем на один доллар в день. Несмотря на повторные обещания, данные в течение последнего десятилетия XX в., число людей, живущих в бедности, возросло почти на 100 млн. И это произошло в то время, когда общемировой доход возрастал в среднем на 2,5 процента в год» (Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. Пер. с англ. Г. Г. Пирогова. — М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003).

³² См.: Галеано Э. Вскрытые вены Латинской Америки. М.: Прогресс, 1986; Кляйн Н. Доктрина шока: расцвет капитализма катастроф. — М.: Добрая книга, 2011.

³³ Городецкий М. В., Толстых В. Л. Основания и перспективы российско-украинских отношений // Экономические стратегии. — 2011. — № 9. — С. 39.

в как можно более скором восстановлении дружественных отношений, — для того, чтобы этого добиться, Россия, как представляется, должна проявлять по отношению к Украине максимальное дружелюбие и сострадание, и с пониманием относиться к той реакции, которую вызвало у украинцев отделение Крыма.

Пристатейный библиографический список

1. Гоббс Т. Левиафан. Сочинения в 2 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1991. — С. 250–260.
2. Локк Дж. Два трактата о правлении. Сочинения в 3 т. — Т. 3. — М.: Мысль, 1988. — С. 384–393.
3. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. Трактаты. М.: Наука, 1968. — С. 171, 216, 227.
4. Боден Ж. Шесть книг о государстве // Правовая мысль: Антология / Автор-составитель В. П. Малахов. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. — С. 158.
5. Об этих аспектах применительно к гражданско-правовой сделке см.: Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. II. / Пер. с нем. Г. Жигулина. Под ред. О. Катателадзе и В. Зубаря. — Москва-Одесса, 2012. — С. 344.
6. Руссо Ж. Ж. Указ. соч. — С. 168, 162–163.
7. См.: Галеано Э. Вскрытые вены Латинской Америки. — М.: Прогресс, 1986; Кляйн Н. Доктрина шока: расцвет капитализма катастроф. — М.: Добрая книга, 2011.
8. Городецкий М. В., Толстых В. Л. Основания и перспективы российско-украинских отношений // Экономические стратегии. — 2011. — № 9. — С. 39.
9. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. Пер. с англ. Г. Г. Пирогова. — М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003).
10. <http://www.voltairenet.org/article182710.html>
11. http://news.liga.net/news/politics/1307523-rezolyutsiya_pase_po_situatsii_v_ukraine_polnyy_tekst.htm
12. [http://www.venice.soe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2014\)002-e](http://www.venice.soe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2014)002-e)
13. <http://euromaidanlive.net/international-solutions/id/obraschenie-ukraincev-k-rossijkomu-nauchnomu-soobschestvu-678985>
14. http://www.iir.edu.ua/press_center/news/obrashchenie_k_partneram_v_Rossii
15. <http://rus.postimees.ee/2715328/ukrainskaja-associacija-mezhdunarodnogo-prava-ukraina-imeet-osnovanija-oboronjatsja>
16. <http://www.prawda.com.ua/rus/articles/2010/02/7/4730368/>
17. <http://rus.newsru.ua/arch/ukraine/01nov2012/vibopoblast.html>
18. Комментарий от 20 марта 2014 г. к посту Ю. Видмара / <http://www.ejiltalk.org/crimeas-referendum-and-secession-why-it-resembles-northern-cyprus-more-than-kosovo>
19. Пост «Ukraine Insta-Symposium: Certain (Para-) Military Activities in the Crimea: Legal Consequences for the Application of International Humanitarian Law» от 9 марта 2014 г. / <http://opiniojuris.org/2014/03/09/ukraine-insta-symposium-certain-para-military-activities-crimea-legal-consequences-application-international-humanitarian-law>
20. Пост «Crimea and the Limits of International Law» от 10 марта 2014 г. / <http://www.ejiltalk.org/crimea-and-the-limits-of-international-law>
21. Пост «Ukraine Insta-Symposium: Crimea, Ukraine and Russia: Self-Determination, Intervention and International Law» от 10 марта 2014 г. / <http://opiniojuris.org/2014/03/10/ukraine-insta-symposium-crimea-ukraine-russia-self-determination-intervention-international-law>
22. Статья «Crimée: une invasion, un référendum, une sécession?» // Ле Монд. 2014. 14 марта / http://www.lemonde.fr/idees/article/2014/03/14/crimee-une-invasion-un-referendum-une-secession_4383329_3232.html
23. Пост «Crimea's Declaration of Independence» от 18 марта 2014 г. / <http://www.ejiltalk.org/crimeas-declaration-of-independence>
24. Пост «Guest Post: The Russia-Crimea Treaty» от 20 марта 2014 г. / <http://opiniojuris.org/2014/03/20/guest-post-russia-crimea-treaty>
25. Пост «Crimea's Referendum and Secession: Why it Resembles Northern Cyprus More than Kosovo» от 20 марта 2014 г. / <http://www.ejiltalk.org/crimeas-referendum-and-secession-why-it-resembles-northern-cyprus-more-than-kosovo>
26. Пост «Crimea and (the Lack of) Continuity in Russian Approaches to International Law» от 28 марта 2014 г. // <http://www.ejiltalk.org/crimea-and-the-lack-of-continuity-in-russian-approaches-to-international-law>
27. Пост «Sense and Nonsense of Territorial Referendums in Ukraine, and Why the 16 March Referendum in Crimea Does Not Justify Crimea's Alteration of Territorial Status under International Law» от 16 апреля 2014 г. / <http://www.ejiltalk.org/sense-and-nonsense-of-territorial-referendums-in-ukraine-and-why-the-16-march-referendum-in-crimea-does-not-justify-crimeas-alteration-of-territorial-status-under-international-law>
28. Bentham J. Sophismes anarchiques // Oeuvres de Jérémie Bentham, 1. Société belge de librairie, 1840. — P. 510.
29. Carty A. Philosophy of International Law. Edinburgh University Press. 2007. P. 195).
30. Dworkin R. Taking Rights Seriously. — London: Duckworth, 1978. P. 153
31. Jean Bodin. Les six livres de la République. Un abrégé du texte de l'édition de Paris de 1583. Édition et présentation de Gérard Mairet. — Paris: Librairie générale française, 1993. P. 78).
32. Kennedy D. Reassessing international humanitarianism: the dark sides // International Law and its Others. Edited by Anne Orford. Cambridge University Press. 2006. — P. 133).
33. Lemkin Raphael. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation — Analysis of Government — Proposals for Redress // <http://www.preventgenocide.org/lemkin/AxisRule1944-1.htm>

Авдеева Л. В.

ЗАЩИТА ЖИВОТНЫХ ОТ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ И В СТРАНАХ, РАНЕЕ ВХОДИВШИХ В СОСТАВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Статья посвящена изучению нормативных правовых актов, действующих на территории Содружества Независимых Государств и регулирующих отношения в сфере защиты животных от жестокого обращения. Для наиболее полного представления о том, каким образом осуществляется защита животных на территории стран бывшего СССР, анализируются нормы как Модельного закона СНГ об обращении с животными, так и внутренние законодательные акты государств-участников данной организации и стран, ранее входивших в состав СССР. Изучены основные понятия, права и обязанности собственников животных, а также меры ответственности за жестокое обращение с животными в различных странах СНГ и бывшего СССР.

Ключевые слова: жестокое обращение с животными, жестокое умерщвление, защита животных, истязание, гибель.

Авдеева Л. В.

Avdeeva L. V.

PROTECTION OF THE ANIMALS FROM ABUSE IN THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES AND COUNTRIES OF THE FORMER UNION OF SOVIET SOCIALIST REPUBLICS

The article examines the regulatory acts in force in the Commonwealth of Independent States and regulating relations in the sphere of protection of animals from cruelty. For the most complete picture of how the animals are protected on the territory of the former USSR norms of the CIS Model Law on the treatment of animals as well as domestic legislation of States Parties of the organization and the countries, which formerly was part of the USSR are analyzed. The basic concepts, rights and obligations of owners of animals are studied, as well as penalties for cruelty to animals in different countries of the CIS and the former USSR.

Keywords: cruelty to animals, cruel killing, animal welfare, torture, death.

Основным документом, регулирующим вопросы обращения с животными, на территории Содружества Независимых Государств является Модельный закон об обращении с животными (далее — Модельный закон)¹, принятый на двадцать девятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. Данный закон определяет правовые основы обращения с животными, направлен на их защиту от жестокого обращения, на обеспечение безопасности, иных прав и законных интересов граждан при обращении с животными.

В указанном законе достаточно широко раскрыт понятийный аппарат, в частности определены такие понятия, как: владелец животного, дикие животные, домашние животные, жестокое обращение с животными, жестокое умерщвление животных, обращение с животными, содержание животных в домашних условиях и др. Под жестоким обращением с животными подразумеваются побои, истязания, разрушение мест обитания, нарушение зоотехнических, зооигиенических, ветеринарно-санитарных норм и правил, иное действие (бездействие), влекущие за собой увечье, травму, истощение от длительного голодания или гибель животных, жестокое умерщвление животных, а также иные действия, противоречащие установленным законодательством правилам и принятым в обществе нормам гуманного отношения к животным. Следует сразу отметить, что в отличие от европейского законодательства в Модельном законе внимание акцентируется на последствиях, полученных вследствие жестоких действий. Жестоким умерщвлением признается умерщвление животного без применения предназначенных для этого вете-

ринарных препаратов (в том числе наркотических), зарегистрированных в государстве, иными физическими или химическими способами, не предотвращающими страх и боль. На основании изложенного можно сделать вывод, что понятие жестокое умерщвление дублирует понятие жестокое обращение, так как гибель животного в случае побоев, истязания, нарушения зоотехнических, зооигиенических, ветеринарно-санитарных норм и правил будет также являться жестоким умерщвлением.

Интерес вызывает понятие «обращение с животными» — это содержание, разведение и использование животных, совершение сделок, предметом которых являются животные, оказание животным ветеринарной помощи, регулирование численности безнадзорных животных, а также защита животных от жестокого обращения. Раскрывается понятие «содержание животных в домашних условиях» — содержание животных в жилых помещениях и на придомовой территории жилых домов в качестве животного-компаньона, однако, не закрепляется понятие «защита животных».

Кроме определения понятий «домашние животные», «дикие животные», «безнадзорные животные», «животные, используемые в культурно-зрелищных мероприятиях», «животные-компаньоны», «лабораторные животные» Модельный закон вводит еще один вид животных, на которых нормы указанного закона не распространяются, — это домашние животные, т.е. мыши, крысы и другие вредные для жизнедеятельности человека животные, обитающие в условиях естественной свободы.

Важная оговорка сделана в Модельном законе, действие которой характерно для нашей страны: отношения в области обращения с животными, не урегулированные законодательством государства об обращении с животными, регулируются гражданским законодательством государства, законодательством государства об охране и использовании животного мира, о сельском хозяйстве, о здравоохранении, жилищным и иным законодательством государства. Таким образом, дан-

¹ Модельный закон об обращении с животными: принят постановлением от 31 октября 2007 г. № 29–17 на 29-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств, 2007. — № 41. — С. 443–485.

ная норма является правовым основанием для не принятия в нашей стране специального закона, направленного непосредственно на защиту животных от жестокого обращения. Однако данный закон имеет большую юридическую силу в части норм о защите животных от жестокого обращения по отношению к иным законодательным актам, содержащим нормы об обращении с животными, если иное не предусмотрено конституцией государства.

Модельным законом разрешается вручать животных в качестве призов, в отличие, к примеру, от законодательства Германии². Запрещается отчуждать животных гражданам моложе 16 лет, а также отчуждать собак потенциально опасных пород гражданам моложе 18 лет, не имеющим медицинского заключения об отсутствии противопоказаний, связанных с психическими заболеваниями, алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, а также лицам, признанным судом в установленном порядке недееспособными либо ограниченно дееспособными.

В качестве мер пресечения и ответственности может быть ограничено или прекращено право собственности либо иное вещное право на животных. Одним из оснований ограничения указанных прав являются случаи жестокого обращения с животными, которое осуществляется посредством установления запрета на отдельные действия владельцев животных, в частности: совершение сделок, предметом которых являются животные, их разведение, использование в культурно-зрелищных мероприятиях.

Прекращение права собственности или иного вещного права предусматривается в случаях патологического накопительства, т.е. содержание животных-компаньонов в жилых помещениях сверх допустимого количества, установленного Модельным законом, а также содержание таких животных в условиях, не разрешенных для содержания в домашних условиях. Важно отметить, что указанные положения распространяются только на животных-компаньонов, таким образом, ответственность за содержание лабораторных животных, животных, используемых в культурно-зрелищных мероприятиях, в условиях, не отвечающих требованиям по содержанию лабораторных животных, животных, используемых в культурно-зрелищных мероприятиях и др. не устанавливается.

При обращении с животными не допускается их использование в условиях чрезмерных физиологических нагрузок, не свойственных этим видам (породам) животных, а также принуждение животных к выполнению действий, которые могут повлечь за собой увечье, травму или гибель животных. Однако данная норма не распространяется:

- на животных, которые проходят подготовку для использования их в служебных целях;
- служебных животных при проведении испытаний (комиссионной проверки) и использовании их в служебных целях;
- животных, которые проходят обучение (дрессировку) для использования культурно-зрелищных мероприятий и при использовании их в культурно-зрелищных мероприятиях;
- лабораторных животных во время проведения научного эксперимента или опыта, биологического тестирования, учебного процесса, если это вытекает из научно обоснованных требований проведения научного эксперимента или опыта, биологического тестирования, учебного процесса, производства биологических аппаратов;
- охотничьих собак и ловчих птиц при их использовании во время охоты.

Предусмотрены случаи, при которых допускается умерщвление животных, в частности: в целях получения

(производства) из домашних животных продуктов животного происхождения; в случае установления нежизнеспособности лабораторного животного; для прекращения страданий животного, если они не могут быть прекращены иным способом; при необходимости умерщвления новорожденного приплода и приплода с врожденными физическими пороками; по просьбе владельца животного; в случае невозможности осуществления контрацепции или биостерилизации невооруженных отловленных безнадзорных животных-компаньонов и иные.

Кроме запретов, перечисленных выше, к правонарушениям в области обращения с животными также относятся:

- содержание незарегистрированных животных либо нарушение сроков регистрации;
- разведение, содержание и (или) использование животных-компаньонов в целях извлечения прибыли либо получения (производства) продуктов животного происхождения;
- разведение животных с врожденными физическими пороками либо создание и (или) разведение новых пород животных, в том числе с применением методов генной инженерии с изменением анатомии и физиологии животного, если такое изменение может привести к страданиям животного;
- организация и проведение боев животных, культурно-зрелищных мероприятий с использованием животных, влекущих за собой нанесение животным травм и увечий, а также умерщвление животных, наблюдение за их предсмертной агонией и использование животных для умерщвления других животных;
- захоронение трупов животных в местах, не отведенных специально для этого;
- отказ от права собственности или иного вещного права на животное-компаньона путем прекращения его содержания (избавления от животного).

Несмотря на то, что в преамбуле Модельного закона указано, что он направлен на защиту животных от жестокого обращения, большая часть норм регулирует не столько защиту животных, сколько обеспечение нормальной жизнедеятельности человека. Кроме того, ни в одной стране СНГ не были приняты аналогичные законы в части регулирования отношений в сфере обращения с животными, в Республике Беларусь и России были сделаны попытки к принятию данного закона.

По Уголовному кодексу Республики Казахстан статья 276 «Жестокое обращение с животными» практически дублирует статью 245 УК РФ, однако в качестве отягчающего обстоятельства признается совершение данного деяния неоднократно³.

В Кыргызстане, Туркменистане, Таджикистане, Узбекистане, Молдавии, Армении, Азербайджане, Беларуси не предусмотрена уголовно-правовая ответственность за жестокое обращение с животными.

В Республике Беларусь установлена только административная ответственность за жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель или увечье, а равно истязание животных в виде штрафа или даже административного ареста⁴. Разрабатывался проект закона «Об обращении с животными» и введения уголовной ответственности за жестокое обращение с животными. Законопроектом предлагалось установить уголовную ответственность за жестокое обращение с животным, повлекшее его гибель, совершенное из хулиганских или корыстных побуждений либо в присутствии заве-

³ Уголовный кодекс Республики Казахстан: кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 г. № 167 // Ведомости Парламента Республики Казахстан. — 1997. — № 15–16. — Ст. 211.

⁴ Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 г. № 194–33 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2003 г., — № 63, 2/946.

² Tierschutzgesetz in der Fassung der Bekanntmachung. — vom 18. Mai 2006 (BGBl. I S. 1206, 1313).

домо малолетнего. Однако в настоящее время законопроект не принят⁵.

Важным документом, регулирующим обращение с домашними и безнадзорными животными, являются «Правила содержания домашних собак, кошек, а также отлова безнадзорных животных в населенных пунктах Республики Беларусь»⁶.

В правилах устанавливаются требования по содержанию домашних собак, кошек, их регистрации, а также отлову безнадзорных животных в населенных пунктах Республики Беларусь. Владельцы собак, кошек обязаны строго выполнять санитарно-ветеринарные нормы и правила их содержания, в частности, запрещается содержать животных сверх нормы, установленной этими Правилами. Так же регулируется содержание собак, кошек в зооуголках, «живых» уголках школ, детских дошкольных и внешкольных учреждений, оздоровительных и санаторно-курортных учреждений, станций юннатов и экологических станций и т.п.

В Республике Азербайджан отношения, складывающиеся в сфере обращения с животными, регулируются аналогичным образом, утверждены Правила содержания собак, кошек и других домашних животных в населенных пунктах, за нарушение данных Правил предусмотрена административная ответственность. В соответствии с этими Правилами лица, содержащие домашних животных, обязаны соблюдать требования по обеспечению эпизоотической безопасности, безопасности здоровья граждан, проживающих рядом, общественного порядка. В свою очередь санитарно-эпидемиологические учреждения, органы внутренних дел и исполнительной власти должны контролировать соблюдение этих правил. Также, в соответствии утвержденными правилами, ни один человек не имеет права жестоко обращаться с домашним животным, он не должен причинять им боль или наносить вред, превращать их в беспризорных животных. В случае необходимости граждане страны могут сообщить необходимую информацию в соответствующие государственные органы⁷. Также административный штраф налагается за жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель или увечье⁸.

В Туркменистане прямо не установлена административная ответственность за жестокое обращение с животными, однако наказанию подлежат лица, которые нарушили правила отлова, содержания в неволе, использования, сбыта, приобретения животных, в том числе пресмыкающихся, насекомых, ввоза их, в том числе разведённых в неволе, а также продуктов их жизнедеятельности в Туркменистан, вывоза из него и провоза транзитом, а равно выпуска в природу. Более того, в качестве наказания предусмотрено наложение штрафа с конфискацией представителей животного мира и продуктов их жизнедеятельности или без таковой⁹.

В Кодексе Республики Узбекистан об административных правонарушениях¹⁰, как и в Беларуси, налагается штраф за жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель либо увечье, а равно истязание животных.

Заслуживает особого внимания Закон Украины «О защите животных от жестокого обращения»¹¹ (далее — Закон Украины), в котором отражено много важных моментов. В преамбуле Закона Украины указано, что он направлен на защиту животных от страданий и гибели вследствие жестокого обращения с ними, защиту их естественных прав и укрепление нравственности и гуманности общества. Таким образом, в отличие от Модельного закона Украины направлен только на защиту животных и не регулирует обеспечение безопасности прав и интересов граждан при обращении с животными.

Закон Украины установлено одно из самых полных и точных во всем мире понятие «домашние животное» — собаки, кошки и другие животные, которые в течение длительного исторического периода традиционно содержатся и разводятся человеком, а также животные видов или пород, искусственно выведенных человеком для удовлетворения эстетических потребностей и потребностей в общении, которые, как правило, не имеют жизнеспособных диких популяций, состоящих из особей с аналогичными морфологическими признаками, и существуют длительное время в их естественной среде. К безнадзорным животным законодательство Украины относит домашних животных, оставшихся без ухода человека или образовавшихся полусвободные группировки, которые способны размножаться вне контроля человека. Важным элементом этого понятия является именно тот факт, что размножение безнадзорных животных ничем и никем не контролируется.

В качестве мер, предупреждающих жестокое обращение с животными, указанным законом предусмотрен запрет на пропаганду жестокого обращения с животными (в том числе пропаганда охоты в системе дошкольного, общего среднего, профессионально-технического и высшего образования), воспитания гуманного отношения к животным путем преподавания курсов по экологической этике и гуманному отношению к животным в дошкольных учебных заведениях, в системе общего среднего, профессионально-технического и высшего образования.

Регламентируется даже право собственности, в частности соглашения, заключенные лицом, не достигшим 18 лет, по приобретению или передачи права собственности или иного вещного права на животных могут быть признаны недействительными по решению суда, если такие соглашения заключены без согласия родителей этого лица или лиц, их заменяющих.

Кроме того, ответственность за жестокое обращение с животными закреплена в статье 299 Уголовного кодекса Украины¹². Примечательна она тем, что отсутствует материальный состав, в отличие от статьи 245 Уголовного кодекса Российской Федерации, и наказывается издевательство над животными, относящимися к позвоночным, совершенное с применением жестоких методов или из хулиганских побуждений, а также натравливание указанных животных друг на друга, совершенное из хулиганских или корыстных побуждений. Однако предусмотрено довольно мягкое наказание в виде штрафа до пятидесяти не облагаемых налогом минимумов доходов граждан или ареста на срок до шести месяцев.

⁵ Интервью с Юрием Амбразевичем. В Беларуси предлагается ужесточить наказание за негуманное обращение с животными // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 13 дек. 2013 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=135333>.

⁶ Постановление Правительства Республики Беларусь от 4 июня 2001 г. № 834 «Об утверждении Правил содержания домашних собак, кошек, а также отлова безнадзорных животных в населенных пунктах Республики Беларусь» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2001 г. — № 57, 5/6167.

⁷ Алиева А. Издевательства над животными в Азербайджане теперь будут караться по закону [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://aze.az/news_izdevatelstva_nad_jivotn_53565.html.

⁸ Кодекс Республики Азербайджан об административных проступках // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. — 2000. — № 8 (книга 1). — Статья 584.

⁹ Кодекс Туркменистана об административных правонарушениях // Ведомости Верховного Совета ТССР. — 1984. — № 35. — Ст. 153.

¹⁰ Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности // Олий Кенгаш Ахборотномасию. — 1995. — № 3.

¹¹ Закон Украины от 21 февраля 2006 г. № 692 «О защите животных от жестокого обращения» // Ведомости Верховной Рады Украины ВВР. — 2006. — № 27. — Ст. 230.

¹² Уголовный кодекс Украины // Ведомости Верховной Рады Украины. — 2001. — № 25–26. — Ст. 131.

В статье 259 Уголовного кодекса Грузии предусмотрена ответственность за жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель или увечье, а равно за истязание животных. Таким образом, в Грузии состав преступления является формальным, так как наказывается истязание животных в независимости от наступления неблагоприятных последствий. Отягчающими обстоятельствами является указанное деяние, совершенное группой лиц, неоднократно или в присутствии малолетних¹³.

Образцом для подражания в защите животных от жестокого обращения может являться законодательство Латвии. Уголовным кодексом этой страны жестокое обращение с животными, приведшее к гибели или увечью животного, приравнивается к истязанию и наказывается лишением свободы на срок до трех лет. Примечательно, что дополнительным наказанием является лишение права содержать животных на срок до пяти лет¹⁴. Административная ответственность наступает за нарушение требований по защите животных, требований в области перевозки, использования и содержания животных, а также за нарушение требований в области умерщвления животных и жестокого обращения с ними.

В Латвийской Республике принят Закон «О защите животных», в статье 4 которого к жестокому обращению с животными наряду с наиболее распространенными способами, такими как нанесение увечий, истязание, оставление без ухода и проведение боев, относятся следующие способы:

- 1) оставление животного в беспомощном состоянии;
- 2) раздражение и натравливание животного, кроме случаев необходимости этого для обучения рабочего животного;
- 3) использование животного в религиозных ритуалах, лотереях, дарение животного в публичных мероприятиях, за исключением сельскохозяйственных выставок;
- 4) использование животного в качестве цели при обучении стрельбе или на соревнованиях по стрельбе;
- 5) использование животного для обучения животных других видов, кроме обучения охотничьих собак;
- 6) использование животного с превышением его природных способностей;
- 7) демонстрация животных в передвижных зверинцах;
- 8) предложение и использование самки животного для удовлетворения полового влечения животного-самца без намерения получения потомства;
- 9) осуществление других таких действий, которые вызывают или могут вызвать увечье или смерть животного, причинить ему страдания, кроме случаев проведения этих действий в лечебных, экспериментальных или научных целях или случаев наличия угрозы для жизни или здоровья человека.

Кроме того, запрещается умерщвление животных, которое приравнивается к жестокому обращению, кроме случаев, установленных этим законом, а именно:

- 1) забой сельскохозяйственных животных;
- 2) эвтаназия животного;
- 3) охота;
- 4) рыболовство;
- 5) уничтожение вредных грызунов и насекомых;
- 6) случаи непосредственной угрозы со стороны животного здоровью или жизни людей либо других животных;
- 7) случаи, когда умерщвление животного предусмотрено программой борьбы с инфекционными заболеваниями;

8) умерщвление используемых в экспериментах и научных целях животных, если это предусматривается целями эксперимента¹⁵.

Следует отметить, что перечень подробный, прописывающий практически все случаи, когда умерщвление животного является необходимым.

Интересные положения содержатся в Постановлении Литовской Республики от 8 ноября 2001 г. «Об опеке, содержании и использовании животных», согласно которому запрещается усыплять животное без причины; умерщвлять животное топя, душа или закапывая, использовать методы или лекарства, последствия которых не могут быть контролируемы; оставлять без присмотра, желая от него отказаться; использовать вещества, стимулирующие натуральные возможности животного с целью увеличения продуктивности, трудоспособности и спортивных результатов животных, держать большее количество животных, чем установлено в проекте постройки, хлева, вольера или территории ограждения; учить или дрессировать животное, отрицательно поощряя (наказывая)¹⁶.

Данным актом запрещается патологическое накопительство, а также дрессировка животных.

Подводя итог, следует отметить, что как на территории всего СНГ, так и в отдельных странах бывшего СССР защита животных от жестокого обращения отрегулирована слабо, кроме Украины, которая недавно покинула СНГ, Литвы и Латвии. К сожалению, ни одна из стран СНГ не готова направить усилия, в первую очередь финансовые средства, на защиту животных. Однако нужно стремиться к принятию закона, который бы не только определял основные понятия в сфере защиты животных и меры по предупреждению жестокого обращения с животными, но и устанавливал правовой статус животного, который в российском законодательстве до сих пор не установлен.

Пристатейный библиографический список

1. Алиева А. Издевательства над животными в Азербайджане теперь будут караться по закону [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://aze.az/news_izdevatelstva_nad_jivotn_53565.html.
2. Закон Латвии о защите животных: принят Сэймом Латвийской Республики 9 декабря 1999 г. // <http://sobaka.lv/index.php?m=Raznoe&page=Raznoe/Zakon/0001>.
3. Интервью с Юрием Амбразевичем. В Беларуси предлагается ужесточить наказание за негуманное обращение с животными // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 13 дек. 2013 г. [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=135333>.
4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь.— 2003 г.— № 63, 2/946.
5. Кодекс Республики Азербайджан об административных проступках // Собрание законодательства Азербайджанской Республики.— 2000.— № 8 (книга 1).— Ст. 584.
6. Кодекс Туркменистана об административных правонарушениях // Ведомости Верховного Совета ТССР.— 1984.— № 35.— Ст. 153.

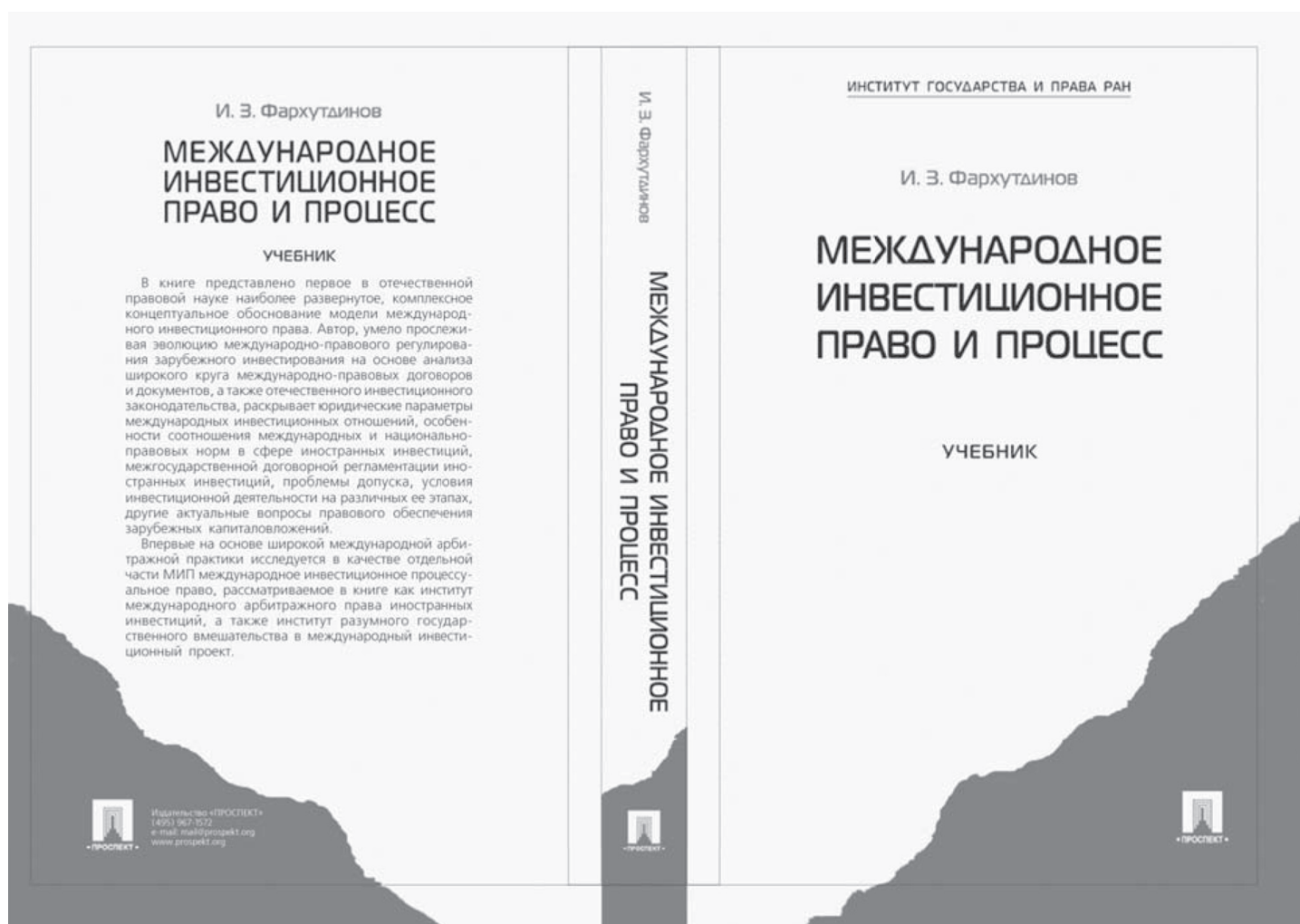
¹⁵ Закон Латвии «О защите животных»: принят Сэймом Латвийской Республики 9 декабря 1999 г. [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://sobaka.lv/index.php?m=Raznoe&page=Raznoe/Zakon/0001>.

¹⁶ Постановление Литовской Республики от 8 ноября 2001 г. «Об опеке, содержании и использовании животных» // [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://protectlife.pp.ru/index.php/2010-10-24-19-05-45/2010-10-24-19-07-44/224-2010-10-26-19-59-31> (дата обращения 2 декабря 2013 г.)

¹³ Уголовный кодекс Грузии // Сакартвелос саканонмдебло мацне.— 1999.— № 41 (48).

¹⁴ Уголовный кодекс Латвийской Республики // СПб: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001.— С. 165.

7. Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности // Олий Кенгаш Ахборотномасию. — 1995. — № 3.
8. Модельный закон об обращении с животными: принят постановлением от 31 октября 2007 г. № 29–17 на 29-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств, 2007. — № 41.
9. Закон Украины от 21 февраля 2006 г. № 692 «О защите животных от жестокого обращения» // Ведомости Верховной Рады Украины ВВР. — 2006. — № 27. — Ст. 230.
10. Постановление Литовской Республики от 8 ноября 2001 г. «Об опеке, содержании и использовании животных» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://protectlife.pp.ru/index.php/2010-10-24-19-05-45/2010-10-24-19-07-44/224-2010-10-26-19-59-31>.
11. Постановлением Правительства Республики Беларусь от 4 июня 2001 года № 834 «Об утверждении Правил содержания домашних собак, кошек, а также отлова безнадзорных животных в населенных пунктах Республики Беларусь» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2001 г. — № 57, 5/6167.
12. Уголовный кодекс Республики Казахстан // Ведомости Парламента Республики Казахстан. — 1997. — № 15–16. — Ст. 211.
13. Уголовный кодекс Украины // Ведомости Верховной Рады Украины. — 2001. — № 25–26. — Ст. 131.
14. Уголовный кодекс Грузии // Сакартвелос саканонмдеб-ло мацне. — 1999. — № 41 (48).
15. Уголовный кодекс Латвийской Республики // СПб: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001.
16. Tierschutzgesetz in der Fassung der Bekanntmachung. — vom 18. Mai 2006 (BGBl. I S. 1206, 1313).

Данельян А. А.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИНОСТРАННОЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Политический риск — это риск государственного вмешательства в инвестиционную деятельность. Международное право с момента своего зарождения уделяло особое внимание проблемам политического риска. Страхование имущественных интересов инвестора, заключение двусторонних инвестиционных договоров, предоставление частным лицам права инициировать инвестиционный спор в международном арбитраже являются важными гарантиями для иностранного инвестора в снижении политических рисков.

Ключевые слова: политический риск, иностранные инвестиции, экспроприация, национализация, страхование.

Danelyan A. A.

LEGAL ASPECTS OF POLITICAL RISKS IN THE IMPLEMENTATION OF FOREIGN INVESTMENT ACTIVITY

Political risk is the risk of government intervention in investment activity. International law since its inception has paid special attention to political risk. Insurance of property interests of the investor, execution of bilateral investment treaties, granting individuals the right to initiate an investment dispute to international arbitration are important guarantees for foreign investors to reduce political risks.

Keywords: political risk, foreign investment, expropriation, nationalization, insurance.

Данельян А. А.

Особую значимость для российской экономики представляют долговременные прямые иностранные инвестиции, которые одновременно являются важным рычагом модернизации страны, поскольку, в отличие от других форм импорта капитала, включают в себя не только собственно финансовую составляющую, но и значительный инновационный компонент — трансферт передовых производственных и управленческих технологий, ноу-хау и т. д. Быстрота изменений в политике, социальной сфере, экономике повышает вероятность быстрых непредвиденных событий, спорность и альтернативность принятых решений, то есть усиливает политический риск.

Понятие риска является принципиально важным элементом анализа гарантий иностранных инвестиций. Риск всегда присутствует в инвестиционной деятельности, является ее характеристикой. В международном инвестиционном праве существуют две группы рисков: коммерческий и некоммерческий (или политический).

К коммерческим рискам отнесены риск выбора контрагента, невыполнения договорных обязательств, неплатежеспособности, банкротства. Некоммерческий риск — это неопределенность при осуществлении инвестиций на территории принимающего государства, связанная с возможными действиями такого государства, которые могут прямо или косвенно повлиять на способность иностранного инвестора владеть, пользоваться и распоряжаться своими инвестициями или причинить ущерб имущественным или неимущественным интересам такого инвестора¹.

За рубежом интерес к проблеме политических рисков возник еще в начале 1950-х годов. Однако до начала 1980-х годов из-за отсутствия необходимого материала и недостаточной разработанности методов анализа и прогноза политического риска в научной литературе ему отводилась подчиненная роль в общей оценке странового риска. Резкий рост интереса к этой проблеме был отмечен после Иранской революции 1979 г., которая, с одной стороны, вызвала множество споров о возможности верных оценок и прогнозов политического риска, а с другой — предоставила огромный фактический материал для исследований в этой области.

Международное право с момента своего зарождения уделяло особое внимание проблемам политического риска,

связанным с возможными гражданскими беспорядками на территории принимающего государства. В прошлом под политическим риском традиционно подразумевались враждебные действия правительства, такие как экспроприация или национализация активов инвесторов, которые широко применялись в 1960–1970-е гг. XX в.

Политические риски обусловлены осуществлением политической власти и подразумевают вероятность того, что в результате действия или бездействия правительства принимающей страны снизится возможность инвестора получить ожидаемый доход от своих инвестиций. Другими словами, политический риск — это риск государственного вмешательства в развитие или эксплуатацию проекта. Политический риск может быть обусловлен не только действиями правительства и его органов, но и действиями сепаратистских групп, результатом которых является обесценение инвестиций и собственности инвестора.

Типы политических рисков могут варьироваться от одной страны к другой. Тем не менее, наиболее частые риски включают в себя следующие: 1) ограничение перевода и конвертации валюты; 2) экспроприация; 3) нарушение договора; 4) невыполнением государственных финансовых обязательств; 5) терроризм; 6) войны; 7) гражданские беспорядки; 8) другие неблагоприятные действия.

В настоящее время не сложилось единого понимания риска ни в одной научной дисциплине. Несмотря на это, можно выделить несколько подходов к определению политического риска, имеющихся в зарубежных и отечественных научных работах.

Согласно одному из подходов, политический риск трактуется как политические события опасного характера, способные в своем развитии принести ущерб деятельности субъекта. Такой взгляд характерен, прежде всего, для экономического контекста исследований политического риска. Поэтому в экономической научной литературе политический риск определяется в основном как события, происходящие в политической среде, последствия которых могут причинить ущерб деятельности коммерческой организации. Таковыми событиями являются процессы (например, война, революция, военный переворот, экспроприация и т. п.), которые, приобретая политическое содержание, ведут к потере прибыли и/или активов национального и международного бизнеса².

¹ Попов Е. В. Проблемы развития международного инвестиционного права: Дис... канд. юрид. наук. — Саратов, 2001. — С. 26.

² Weston V. F., Sorge B. W. International Management Finance. Homewood, 1972. — P.5; Kobrin S. J. Managing Political Risk

В работе «Управление оценкой политического риска» одного из ведущих специалистов в области методологии оценки политического риска С. Кобрин дается достаточно широкое его определение как «потенциально значимых для управления организацией непредвиденных обстоятельств, вызванных политическими событиями или процессами»³.

Ряд российских исследователей также рассматривают политический риск с этих позиций. В частности, И. В. Джус определяет политический риск как: «... события в политическом процессе, прямо или косвенно влияющие на деятельность экономических структур»⁴.

С точки зрения А. П. Альгина, политический риск реализуется в системе политических отношений и представляет собой деятельность в ситуации неизбежного выбора и в условиях неопределенности, в процессе которой объективно возможно оценить вероятностные совместные негативные и положительные последствия этой деятельности⁵.

Л. И. Прохорова считает, что «политический риск представляет собой деятельность в условиях неопределенности, в процессе которой имеются возможности оценить вероятности достижения желаемого результата, неудачи отклонения от цели»⁶.

В. В. Силкин политическим риском считает угрозу нарушения государством гарантий прав иностранных инвесторов, т.е. нарушения государством обязательств, принятых им в соответствии с заключенными международными соглашениями⁷.

Для развивающихся рынков, к числу которых относятся и Россия, а также стран с нестабильными политическими системами, роль политических рисков в общей оценке инвестиционной привлекательности страны и отдельных инвестиционных проектов оказывается гораздо более существенной, нежели для рынков развитых стран Запада.

Инвестор, работающий в стране с нестабильной политико-экономической системой, потребует дополнительную премию за политический риск, увеличивая требуемую ставку дохода. Снижение премии за данный риск и требуемой ставки дохода может быть достигнуто предоставлением инвестору правительственных гарантий.

Политическая нестабильность вызывает повышенную неуверенность предпринимателя не только в успешности результатов деятельности, но и в возможности ведения дела. Она не позволяет наладить надежные и долговременные связи с партнерами, что является важнейшим условием успеха дела. Низкая договорная дисциплина, усиливаемая разрушением некогда единого экономического пространства, внутриреспубликанских и межрегиональных связей, приводит к возникновению рисков срыва договоров, нарушению сроков поставок, что в условиях недостаточности ресурсов ведет к нарушению циклов производства и к другим рискам.

К политическим рискам ведут:

— невозможность осуществления хозяйственной деятельности вследствие военных действий, революции, обострения

политической ситуации в стране, национализации, конфискации товаров и предприятий, введение эмбарго из-за отказа нового правительства выполнять принятые обязательства;

— введение отсрочки (моратория) на внешние платежи на определенный срок ввиду наступления чрезвычайных обстоятельств (забастовка, война);

— неблагоприятное изменение налогового законодательства;

— запрет или ограничение конверсии национальной валюты в валюту платежа (в этом случае обязательства перед экспортерами стран может быть выполнено в национальной валюте, имеющей ограниченную форму применения).

Значительное влияние оказывает уровень инфляции в стране. Инфляционные процессы подрывают стимулы экономического роста, повышают эффективность производства на базе научно-технического прогресса, ибо внедрение новой техники обходится все дороже; становится выгодным сохранять устаревшее, но относительно дешевое оборудование, старую трудоемкую технологию.

Потери под воздействием непредвиденных политических факторов проявляются в форме неожиданного изменения условий хозяйственной деятельности, что создает неблагоприятный для предпринимателя фон и тем самым способно привести к повышенным затратам ресурсов и потере прибыли.

Большинство международных двусторонних соглашений предполагают определенную защиту в том, что касается таких потерь. Наиболее часто встречается правило устанавливающее, что инвесторам предоставляется режим наиболее благоприятствуемой нации в отношении компенсации за ущерб, причиненный в результате войны, революции, мятежа, восстания, бунта, других гражданских беспорядков. Типичные примеры такого положения предусматривают двусторонние соглашения о поощрении и защите иностранных капиталовложений (ДИС), заключенные Россией с другими государствами.

Например, ст. 6 ДИС, заключенного между Россией и Японией, предусматривает: «Инвесторам каждой договаривающейся стороны, которым был нанесен ущерб на территории другой договаривающейся стороны в отношении их капиталовложений, доходов или деловой деятельности в связи с капиталовложениями в результате военных действий или чрезвычайных ситуаций в стране, таких как революция, мятеж, восстание или бунт, предоставляется режим не менее благоприятный, чем тот, который предоставляется инвесторам другой договаривающейся стороны или инвесторам любой третьей страны в отношении любых мер, предпринимаемых другой договаривающейся стороной, включая возмещение, компенсацию или другое стоимостное выражение. Если платежи производятся в соответствии с настоящей статьей, то они должны быть практически осуществимыми, свободно конвертируемыми и переводиться»⁸.

Страхование имущественных интересов инвестора от политических рисков может осуществляться специализированными национальными, как правило государственными, агентствами, международными организациями или частными страховыми компаниями. Среди таких агентств можно назвать Корпорацию частных зарубежных инвестиций (ОПИК). Как специализированное агентство ОПИК учреждено в 1969 г. специальной поправкой к законодательному акту Федерального правительства США 1961 г. о зарубежной помощи.

Подобные страховые компании осуществляют свою страховую деятельность по трем следующим программам:

— страхование имущественных интересов инвесторов от политических рисков, связанных с экспроприацией или на-

Assesment: Strategic Response to Environmental Change. London, 1982; Aliber R. The interest rate parity theorem: a reinterpretation // Journal of political economy. — 1973. — Vol. 81. — № 6. — P. 16.

³ Kobrin S. J. Managing Political Risk Assesment: Strategic Response to Environmental Change. — London, 1982.

⁴ Джус И. В. Теория политических рисков проблемы дефиниции // Вестник Московского университета. Сер.12. Политические науки. — 2002. — № 5. — С. 25.

⁵ Альгин А. П. Риск: сущность, функции, детерминация, разновидности, методы оценки: Автореф. дисс... докт. философ. наук — М., 1989.

⁶ Прохорова Л. И. Политический риск в управленческой деятельности: Автореф. дисс... канд. полит. наук — Спб., 1998. — С. 15.

⁷ См.: Силкин В. В. Правовые формы привлечения и защиты прямых иностранных инвестиций по законодательству и международные договоры РФ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2001. — С. 28.

⁸ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о поощрении и защите капиталовложений [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/cons doc LAW 63276/>

ционализацией, необратимостью местной валюты в свободно конвертируемую валюту, с повреждением имущества или потерей прибыли в результате гражданских волнений, гражданской войны, изменения политического режима;

– финансирование проектов и кредитование частных инвесторов путем предоставления краткосрочных и прямых долгосрочных гарантированных займов;

– оказание инвесторам консультационных услуг по изучению инвестиционного и политического климата в предполагаемой стране-реципиенте инвестиций.

На глобальном уровне данный вопрос был предметом рассмотрения на заседаниях в октябре 1985 г. Совета управляющих Международного банка реконструкции и развития, в ходе которых был разработан проект конвенции об учреждении Международного агентства по страхованию инвестиций. Текст Конвенции был одобрен Советом управляющих МБРР 11 октября 1985 г. на ежегодной сессии в г. Сеуле и передан правительствам стран — членов МБРР и Швейцарии для подписания. Конвенция вступила в силу 12 апреля 1988 г. и 12 июня 1988 г. МИГА начало свою деятельность.

Правовой статус Агентства весьма своеобразен. С одной стороны, это международная межправительственная организация, обладающая юридической правосубъектностью. Вместе с тем основной предмет деятельности Агентства — страхование рисков, связанных с инвестированием иностранного капитала, — носит чисто коммерческий характер.

В соответствии со ст. 14 Сеульской конвенции подпадают под гарантии инвестиции при условии их вложения только в развивающиеся страны — члены Конвенции. В пп. (i) п. (a) ст. 11 к покрываемым рискам отнесены подпадающие под гарантии капиталовложения на случай убытка в результате перевода валюты. Под риском неконвертируемости валюты понимается невозможность конвертации капитала или прибыли в твердую валюту вследствие либо принятого национальным правительством решения о блокаде вывоза капитала, либо установленного им неблагоприятного или дискриминационного обменного курса. Однако страховое покрытие не распространяется на девальвацию национальной валюты или рыночное колебание курса, поскольку эти потери — следствие спекулятивного риска, а сам по себе этот риск может принести не только потери, но и прибыль⁹.

К данной категории рисков отнесено любое введение по инициативе принимающего правительства ограничений на перевод за пределы принимающей страны ее валюты в свободно используемую валюту или другую валюту, приемлемую для владельца гарантии, включая отсутствие действий принимающего правительства в течение разумного периода времени по заявлению, поданному этим владельцем на такой перевод.

Включение в договор страхования риска «экспроприации или национализации» инвестиций предполагает предоставление инвестору страховой защиты в случаях, когда подобные действия осуществлены национальным правительством без выплаты предусмотренной компенсации.

Поскольку на политические риски предприниматель не может оказывать непосредственного влияния, так как их возникновение не зависит от результатов его деятельности, политический риск следует относить к группе внешних рисков.

Двусторонние инвестиционные договоры рассматриваются как инструмент для поощрения и защиты капиталовложений инвесторов одной стороны на территории другой стороны. Защита инвестиций является тем обстоятельством, которое увеличивает число международных инвестиционных договоров с целью создания безопасных условий инвестирования для инвесторов из стран-экспортеров капитала. Именно такая защита направлена на защиту инвесторов от действий

или бездействия правительства принимающего государства, а также других сил, порождающих политические риски в принимающей стране. В противном случае инвесторы должны полагаться на внутреннее законодательство страны пребывания и обращаться за защитой в местный суд, что может быть рискованным для инвестора.

Цель инвестиционного договора состоит в решении типичных рисков долгосрочного инвестиционного проекта (политических рисков), предоставлении инвесторам стабильной и предсказуемой среды.

Важно отметить, что процессуальные средства защиты являются одной из самых важных гарантий для иностранного инвестора в снижении риска подвергнуться воздействию внутреннего законодательства принимающей страны и юрисдикции местных судов для защиты, которая может быть рискованной для инвестора. Одна из самых важных особенностей инвестиционных соглашений состоит в праве частного лица инициировать инвестиционный спор в международном арбитраже, не прибегая к дипломатическим средствам защиты. Таким образом, возможность иностранного инвестора подать иск к правительству принимающего государства непосредственно в международный арбитраж, безусловно, является решающим фактором при распределении политических рисков.

Таким образом, политический риск — это риск государственного вмешательства в инвестиционную деятельность. Международное право с момента своего зарождения уделяло особое внимание проблемам политического риска. Страхование имущественных интересов инвестора, заключение двусторонних инвестиционных договоров для поощрения и защиты капиталовложений инвесторов одной стороны на территории другой стороны, предоставление частным лицам права инициировать инвестиционный спор в международном арбитраже являются важными гарантиями для иностранного инвестора в снижении политических рисков.

Пристатейный библиографический список

1. Альгин А. П. Риск: сущность, функции, детерминация, разновидности, методы оценки: Автореф. дисс... д-ра. философ. Наук. — М., 1989.
2. Джус И. В. Теория политических рисков проблемы дефиниции // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. — 2002. — № 5.
3. Маренков Н. Л., Косаренко Н. Н. Инвестиции и страхование // Законодательство и экономика. — 2003. — № 8.
4. Попов Е. В. Проблемы развития международного инвестиционного права: Дис... канд. юрид. наук. — Саратов, 2001.
5. Прохорова Л. И. Политический риск в управленческой деятельности: Автореф. дисс... канд. полит. наук — Спб., 1998.
6. Силкин В. В. Правовые формы привлечения и защиты прямых иностранных инвестиций по законодательству и международные договоры РФ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2001.
7. Aliber R. The interest rate parity theorem: a reinterpretation // Journal of political economy. — 1973. — Vol. 81. — № 6.
8. Kobrin S. J. Managing Political Risk Assessment: Strategic Response to Environmental Change. — London, 1982.
9. Rice G. Managerial procedure for political risk forecasting // Management International review. — 1986. — Vol. 26.
10. Rodriguez R. International Financial Management. — Englewood Cliffs. 1979.
11. Weston V. F., Sorge B. W. International Management Finance. — Homewood, 1972.

⁹ См.: Маренков Н. Л., Косаренко Н. Н. Инвестиции и страхование // Законодательство и экономика. — 2003. — № 8. — С. 59.

Логина А. С.

ВСТУПЛЕНИЕ РОССИИ В ВТО В КОНТЕКСТЕ СОТРУДНИЧЕСТВА СО СТРАНАМИ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА

Статья посвящена оценке последствий вступления России во Всемирную торговую организацию в контексте взаимодействия с государствами — членами Таможенного союза. Автором производится анализ влияния Таможенного союза и Всемирной торговой организации на динамику внешнеторгового оборота России, Белоруссии и Казахстана.

Ключевые слова: Таможенный союз, Всемирная торговая организация, мировая торговля, внешняя торговля, таможенный тариф.

Loginova A. S.

RUSSIA'S ACCESSION TO THE WTO IN THE CONTEXT OF COOPERATION WITH THE COUNTRIES OF THE CUSTOMS UNION

Article evaluates the effects of Russia's accession to the WTO in the context of cooperation with the states — members of the Customs Union. Author carried out analysis of the impact of the Customs Union and the World Trade Organization on the dynamics of trade turnover of Russia, Belarus and Kazakhstan.

Keywords: Customs Union, World Trade Organization, international trade, foreign trade, Customs Tariff.

Логина А. С.

История образования Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана¹ (далее — Таможенный союз) восходит к середине 90-х гг. прошлого века. 6 января 1995 г. Россия и Белоруссия подписали Соглашение о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, а 20 января того же года Соглашение о Таможенном союзе было заключено уже между тремя государствами: Российской Федерацией, Республикой Беларусь и Республикой Казахстан. К середине 1996 г. в Таможенный союз входили Казахстан и Киргизия, а в августе 1998 г. присоединился Таджикистан. Формирование Таможенного союза должно было пройти в два этапа². В 1995 г. первый этап был в целом завершен, и уже к середине 1996 г. была подготовлена программа мер по завершению формирования Таможенного союза, предполагалось подписание соответствующих документов, которое впоследствии не состоялось по причине различных экономических интересов стран — участниц Таможенного союза.

Окончательно Таможенный союз был сформирован в 2010 г. В рамках Таможенного союза была создана единая таможенная граница, обнулены ставки таможенных пошлин между государствами — членами Таможенного союза, упрощены административные процедуры для занимающихся бизнесом компаний, применены нулевые ставки НДС при вывозе товаров, установлен единый таможенный тариф и единые правила нетарифного регулирования, включая порядок оформления лицензий во внешней торговле.

Создание Таможенного союза, по нашему мнению, было обусловлено негативными последствиями мирового финансового кризиса. Произошедший в 2008 г. мировой финансовый кризис оказал негативное влияние на мировую экономику в целом и на экономику государств постсоветского пространства. Н. Воловик и К. Резенкова говорят о спаде мировой торговли в 2009 г. на 12%³. Однако, по сравнению с российскими показателями, указанная цифра не кажется такой мрачной. Анализ итогов деятельности Федеральной таможенной служ-

бы России в 2009 г. показал снижение объемов внешнеторгового оборота по сравнению с 2008 г. более чем на 36%⁴. Следует отметить, что спад во внешнеторговом обороте присущ и нашим партнерам по Таможенному союзу, что видно из ниже приведенной таблицы.

Таблица № 1

Итоги внешнеторговой деятельности государств — членов Таможенного союза за 2008–2012 гг.⁵

Период	Россия, млрд. долл	Белоруссия, млрд. долл	Казахстан, млрд. долл
2008	735	65,32	33294,5
2009	469	49,8	14787,1
2010	771,4	60,2	3334,9
2011	821,3	87,1	56252,6
2012	837,2	91,8	51521,1

Анализируя табличные данные, мы можем сказать, что формирование Таможенного союза оказало положительное влияние на внешнеторговый оборот России, Белоруссии и Казахстана. Начиная с 2010 г. внешнеторговый оборот стран — участниц Таможенного союза увеличивался, что видно из приведенной таблицы.

Таким образом, мы пришли к выводу, что в целях снижения негативных последствий мирового финансового кризиса, развития интеграционных процессов, институционализации и наднационального регулирования внешней торговли в признанных международно-правовых рамках на постсоветском пространстве был образован Таможенный союз.

¹ Бакаева О. Ю. Таможенный союз — Единое экономическое пространство — Евразийский экономический союз: этапы интеграции // Международное публичное и частное право. — 2012. — № 4. — С. 7.

² Дроздова С. А. Таможенный союз, Единое экономическое пространство, Евразийский экономический союз: историко-правовой аспект этапов интеграции // Таможенное дело. — 2013. — № 1. — С. 2.

³ Воловик Н., Резенкова К. Экономико-политическая ситуация в России // Внешняя торговля. — 2010. — № 2. — С. 28.

⁴ Ежегодный сборник «Таможенная служба Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7995&Itemid=1845.

⁵ Ежегодный сборник «Таможенная служба Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7995&Itemid=1845; Итоги внешней торговли Республики Беларусь за январь-декабрь 2012 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://gtk.gov.by/ru/stats/itogi_vnesh_torgovli2012/yanv_dek2012; Комитет таможенного контроля Министерства финансов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://customs.kz/wps/portal/customs/!ut>.

Возрастание товарооборота способствует увеличению поступлений в федеральный бюджет за счет уплаты таможенных пошлин, налогов, что подтверждается данными, приведенными в таблице ниже.

Таблица № 2

Поступления в федеральный бюджет, 2008–2012 гг.⁶

Период	Россия, млрд. руб.	Белоруссия, трлн. бел. руб.	Казахстан, млн. тенге
2008 г.	4 694,5	9,7	674,6
2009 г.	519,8	8,2	575,4
2010 г.	4 330,1	10,455	723,8
2011 г.	24,3	10,5	1 141 827
2012 г.	6 486,7	12,5	1 146 920

Таким образом, анализируя статистические данные за период 2008–2012 гг., мы наблюдаем возвращение показателей внешней торговли стран — участниц Таможенного союза к докризисному периоду 2007 г. Таможенный союз оказал положительное влияние на экономику всех трех государств — членов Таможенного союза. Также формирование Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана положительно сказалось на динамике поступлений в бюджет всех трех стран-участниц.

Интересным представляется мнение А. В. Харлова и Д. Ю. Ноженкова, которые отмечают, что внешняя торговля трех стран выросла за полгода в 2012 г. чуть больше чем на 10%, а взаимная торговля между тремя странами выросла почти на 16%⁷. А. А. Пантелеев также говорит о возможности к 2015 г. дополнительного прироста ВВП государств — участников Таможенного союза на 20%, это около 400 млрд. долл.⁸

Отметим, что для России членство в Таможенном союзе и отсутствие торговых и иных барьеров способствует активному продвижению российских товаров на казахстанский и белорусский рынок. В рамках членства в Таможенном союзе у России появилась возможность использовать свои производственные мощности и найти рынок сбыта своим несырьевым товарам, таким как самолеты и автомобили, на рынках Белоруссии и Казахстана, у которых, в свою очередь, пока отсутствуют собственное автомобилестроение и авиастроение.

Отмена границ между государствами — членами Таможенного союза прибыльна для российского бизнеса, так как российским бизнесменам выгодно размещать свои производства в Казахстане за счет более комфортного налогового режима. В Казахстане на 2014 г. насчитывается от 500 до 800 крупных и средних предприятий с российским участием. Активно работают представительства российских производителей продовольственной продукции, техники и химии⁹.

⁶ Ежегодный сборник «Таможенная служба Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7995&Itemid=1845; Итоги внешней торговли Республики Беларусь за январь-декабрь 2012 года http://gtk.gov.by/ru/stats/itogi_vnesh_torgovli2012/yanv_dek2012; Комитет таможенного контроля Министерства финансов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://customs.kz/wps/portal/customs/tut>.

⁷ Харлов А. В., Ноженко Д. Ю. Основные итоги функционирования Таможенного союза // Экономика региона. — 2012. — № 4 (32). — С. 208.

⁸ Пантелеев А. А. Таможенный союз или всемирная торговая организация: анализ экономических и политических перспектив развития России // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. — 2011. — № 1 (38). — С. 55.

⁹ Асаинов А. Ж., Елеукулова А. Н., Калжанова С. Х. Вступление республики Казахстан в ВТО в контексте экономического сотрудничества со странами таможенного союза // Социосфера. — 2013. — № 3. — С. 206.

Несомненным плюсом членства России в Таможенном союзе является то, что Россия со временем может стать лидером Таможенного союза в области решения экономических и политических вопросов. Наши слова подтверждает то, что у Белоруссии и Казахстана низкая доля участия в объеме мировой экономики. Полагаем, что создание эффективно функционирующего Таможенного союза способствует формированию нового образа нашей страны и изменит отношения с Европой и странами СНГ в лучшую сторону. В. Г. Шеров-Игнатъев совершенно точно отмечает, что «Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана пока единственный практически полностью сформированный Таможенный союз с доминированием ресурсов в экспорте, начавший показывать плоды переноса таможенного контроля на внешний периметр. Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана на 2014 г. единственный отказавшийся от таможенных процедур на внешних границах¹⁰».

Теперь переходим к исследованию и анализу последствий вступления России во Всемирную торговую организацию (далее — ВТО) для Белоруссии и Казахстана. Л. Г. Чувакина считает, что присоединение России к ВТО, безусловно, отразится на структуре и объеме внешней торговли как самой России, так и других стран — участниц Таможенного союза¹¹. Полагаем, что это главным образом связано с тарифным регулированием посредством снижения ставок импортных пошлин. Вступивший в силу 23 августа 2012 г. Единый таможенный тариф Таможенного союза (далее ЕТТ ТС), разработанный с учетом взятых Россией на себя обязательств перед ВТО, утвердил новые ставки импортных таможенных пошлин более чем по 700 товарным позициям. Проанализировав ставки импортных пошлин ЕТТ ТС до и после присоединения России к ВТО, мы составили следующую таблицу.

Таблица № 3

Ставки ЕТТ ТС 2012 г. и договоренностей России и ВТО¹²

	ЕТТ: средне-взвешенная ставка	Обязательства в ВТО: средневзвешенная ставка	
		Начальный уровень	Конечный уровень
Вся номенклатура товаров	10,30	11,85	7,15
Сельскохозяйственные товары	15,64	15,18	11,28
Промышленные товары	9,39	11,26	6,50

Таким образом, мы видим, что средневзвешенная ставка таможенной пошлины снижается на 4,7% по всей номенклатуре товаров. По сути, можно говорить о возврате ставок импортных пошлин на докризисный уровень 2008–2010 гг.

Теперь приведем сравнительную таблицу по итогам внешнеторгового оборота России, Белоруссии и Казахстана за 2012–2013 гг.

Таблица № 4.

Итоги внешнеторговой деятельности государств — членов Таможенного союза за 2012–2013 гг.¹³

¹⁰ Шеров-Игнатъев В. Г. Таможенные союзы стран-экспортеров сырья как инструмент смягчения негативных эффектов либерализации торговли // Евразийская экономическая интеграция. — 2010. — № 2 (7) — С. 63.

¹¹ Чувакина Л. Г. Таможенный союз и ВТО: российские реалии // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. — 2013. — № 1 (15). — С. 39–50.

¹² www.wto.kz.

¹³ Ежегодный сборник «Таможенная служба Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7995&Itemid=1845; Итоги внешней торговли Республики Беларусь за январь-декабрь 2012 года [Электронный ресурс]. — Режим досту-

Период	Россия, млрд. долл.	Белоруссия, млрд. долл.	Казахстан, млрд. долл.
2012 г.	837,2	91,8	108 919
2013 г.	844,2	79,6	107 153

Из представленных в таблице данных мы делаем вывод, что внешнеторговый оборот России в 2013 г. по сравнению с 2012 г. остался практически на прежнем уровне и вырос лишь на 0,86%; внешнеторговый оборот Белоруссии сократился на 13,1%, а внешнеторговый оборот Казахстана снизился в 2013 г. по сравнению с 2012 г. на 1,62%.

Согласно официальным статистическим данным Федеральной таможенной службы России основными торговыми партнерами нашей страны из стран дальнего зарубежья в 2012–2013 гг. являлись Китай, Нидерланды и Япония, а из стран Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) — Украина¹⁴.

Рассмотрим показатели экспорта и импорта государств — членов Таможенного союза после вступления России в ВТО.

Таблица № 5.

Экспортно-импортные операции стран — участниц Таможенного союза за 2012–2013 гг.¹⁵

Период	Россия, млрд. долл.		Белоруссия, млрд. долл.		Казахстан, млрд. долл.	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
2012 г.	524,7.	312,5	45,5.	46,3.	80220	28699
2013 г.	526,4.	317,8.	36,8.	42,8	76648	30505

Согласно табличным показателям экспорт России сократился в 2013 г. по сравнению с 2012 г. на 0,32%; импорт увеличился на 1,7%; экспорт Белоруссии сократился на 18,9%, импорт на 7,5% в аналогичный период; экспорт Республики Казахстан сократился на 4,45%, а импорт увеличился на 0,006%.

Сокращение внешнеторгового оборота в Белоруссии и Казахстане произошло в основном из-за сокращения экспортных поставок в Российскую Федерацию, поскольку в общем объеме внешнеторгового оборота Российской Федерации на долю стран дальнего зарубежья в 2013 г. приходилось 86,4% (в 2012 г. — 85,3%).

В структуре внешней торговли России по группам стран особое место занимает Европейский Союз (далее — ЕС), как крупнейший экономический партнер. На долю ЕС в общем объеме товарооборота Российской Федерации по группам стран в 2013 г. приходилось 49,4% (в 2012 г. — 48,7%)¹⁶. Однако стоит отметить и тот факт, что для европейцев немаловажное значение имеет активное экономическое сотрудничество и с другими странами — членами Таможенного союза — Бе-

лоруссией и Казахстаном. По данным статистической службы ЕС за 2011 г. Таможенный союз являлся одним из основных торговых партнеров ЕС. В настоящее время ведется переговорный процесс по заключению Соглашения о свободной торговле между государствами — членами Таможенного союза и странами Европейской ассоциации свободной торговли¹⁷. Полагаем, что заключение названного Соглашения будет способствовать укреплению имеющихся торговых связей Таможенного союза и ЕС и в дальнейшем создавать новые возможности для расширения сотрудничества на принципах и правилах, установленных ВТО¹⁸.

Анализируя статистические показатели внешней торговли стран — участниц Таможенного союза, стоит согласиться с мнением Л. Г. Чувахиной, которая говорит, что от вступления России в ВТО наибольшие потери может понести Беларусь. За все время членства в Таможенном союзе Белоруссия увеличила свою долю в российском и казахстанском импорте примерно на 15% в основном за счет поставок готовой промышленности. Естественно, что после вступления России в ВТО увеличится поток готовой продукции из других стран, в частности из стран Европейского Союза, что, несомненно, осложнит положение белорусских производителей и может привести к сокращению экспорта на рынки стран Таможенного союза. Расчеты белорусских аналитиков показывают, что по 50 товарным позициям у местных производителей могут возникнуть убытки. К числу чувствительных позиций белорусская сторона относит молоко, сливки, некоторые виды красок и лаков, телевизоры и самосвалы. Наиболее пагубным образом членство России в ВТО скажется на конкурентоспособности белорусского сельхозмашиностроения. Согласно ЕТТ ТС ставки таможенных пошлин снижены по всей номенклатуре сельскохозяйственных машин в среднем с 15% до 5–10%. Подобное снижение позволит импортным производителям заложить разницу в ставках пошлин в стоимость продукции, что в свою очередь приведет к росту импорта и ужесточенной конкуренции на российском рынке¹⁹.

Россия является основным потребителем белорусской сельскохозяйственной техники. Только в 2011 г. в Россию было поставлено почти 30 тыс. белорусских тракторов и около 6251 шт. седелных тягачей²⁰. В случае переориентации российского рынка на западноевропейскую технику реализация белорусских аналогов станет крайне тяжелой вследствие неконкурентоспособной цены. Аналогичная ситуация может сложиться и на рынке грузовых автомобилей белорусского производства.

Что касается Казахстана, то по состоянию на 2013 г. Казахстан был готов вступить в ВТО и заканчивал переговоры со всеми странами — членами ВТО. О вступлении Казахстана в ВТО оставалось договориться с Аргентиной и Саудовской Аравией. Оно могло состояться в первой половине 2014 г. Скорейшее вступление Казахстана в ВТО обусловлено тем, что законы экономики не делают исключений. Авторитет и благосостояние

па: http://gtk.gov.by/ru/stats/itogi_vnesh_torgovli2012/yanv_dek2012; Комитет таможенного контроля Министерства финансов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://customs.kz/wps/portal/customs/!ut>.

¹⁴ Ежегодный сборник «Таможенная служба Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7995&Itemid=1845.

¹⁵ Ежегодный сборник «Таможенная служба Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7995&Itemid=1845; Итоги внешней торговли Республики Беларусь за январь–декабрь 2012 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://gtk.gov.by/ru/stats/itogi_vnesh_torgovli2012/yanv_dek2012; Комитет таможенного контроля Министерства финансов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://customs.kz/wps/portal/customs/!ut>.

¹⁶ Ежегодный сборник «Таможенная служба Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7995&Itemid=1845.

¹⁷ В период с 28 по 30 января 2014 г. в Астане прошел одиннадцатый раунд переговоров по заключению Соглашения о свободной торговле между государствами — членами Таможенного союза и странами Европейской ассоциации свободной торговли [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://newskaz.ru/economy/20140127/6061674.html>.

¹⁸ Мишальченко Ю. В. Торгово-экономическое сотрудничество Таможенного союза и Единого экономического пространства Белоруссии, Казахстана и России с Европейским союзом в условиях глобализации // Таможенное дело. — 2013. — № 4 (13). — С. 8.

¹⁹ Чувахина Л. Г. Таможенный союз и ВТО: российские реалии // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. — 2013. — № 1 (15). — С. 39–50.

²⁰ Бондаренко А. В. Обзор круглого стола в МГУ имени М. В. Ломоносова «Право ВТО в правовом порядке России и Таможенного союза» // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 1 (68). — С. 183.

любого современного государства с каждым годом все больше зависит от уровня внешней торговли страны. Таким образом, цель Казахстана на пути вступления в ВТО — это создание благоприятных условий для устойчивого экономического роста за счет осуществления своей внешней торговли и перестройки условий производства в соответствии с условиями и правилами мировой торговли. Президент Казахстана Н. Назарбаев считает, что вступление Казахстана в ВТО на условиях, на которых вошла Россия, для Казахстана очень выгодно, потому что Россия выторговала для себя более высокие тарифы, чем те, которые у Казахстана действуют в настоящее время.

Отметим и то, что вступление России в ВТО открыло для экономики Казахстана новые возможности. Казахстанские производители благодаря членству страны в Таможенном союзе могут использовать российские транспортные коридоры для продвижения своих товаров на Запад. Но есть и отрицательные моменты членства России в ВТО для казахстанских компаний. Казахстанские компании в своей деятельности в основном опираются на национальный капитал, а вступление России в ВТО может стать весьма суровым испытанием для конкурентоспособности своих товаров на российском рынке. Кроме того, Правительство Казахстана опасается за свой сельскохозяйственный сектор. Казахстану важно поддержать свое сельское хозяйство и обеспечить востребованность и конкурентоспособность сельскохозяйственной продукции на внешнем рынке.

Однако при вступлении Казахстана в ВТО для России могут возникнуть новые негативные последствия. Например, таможенный контроль на границе Китая и Казахстана недостаточно эффективен. Товар ввозится в Казахстан, и по территории России он распространяется фактически бесконтрольно, а это проблема для индустрии товарных знаков и их защиты. Второй возможной проблемой станет то, что у Казахстана отсутствует машиностроение и производство сельскохозяйственной техники, в отличие от России. Поэтому логично предположить, что они снизят ставки таможенных пошлин, чтобы завозить западную технику, что крайне невыгодно для российского производителя аналогичных товаров.

Таким образом, стоит сказать о том, что Россия, выступив в роли первопроходца, поможет Казахстану и Белоруссии присоединиться к ВТО. Объяснить данное предположение можно тем, что с приведением правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства в соответствие с принципами и требованиями ВТО сведутся к нулю возможные претензии членов ВТО к законодательной базе Казахстана и Белоруссии. Став полноправными членами ВТО, Белоруссия и Казахстан смогут адаптировать свое производство и внешнюю торговлю под условия мировой торговли. Кроме того, Белоруссия и Казахстан получат возможность использовать механизмы защиты своих интересов, предусмотренные для участников ВТО, в частности механизм оспаривания необоснованных решений, связанных с инициированием антидемпинговых расследований.

С точки зрения рисков для экономик стран — членов Таможенного союза с учетом вступления России в ВТО наибольшая

угроза исходит от экспортной экспансии зарубежных корпораций, в первую очередь китайских промышленных и финансовых компаний, которые, как представляется, уже в ближайшее время совершат попытки захватить общий рынок Таможенного союза. В рамках Таможенного союза главным при присоединении России к ВТО является обеспечение равных условий конкуренции на товарных рынках. Считаем, что для этого необходимо оптимизировать деятельность по формированию благоприятного климата для ведения бизнеса, развитию инфраструктуры и разработке единого закона для государств — членов Таможенного союза о конкуренции, который обеспечит защиту интересов всех трех стран — участниц при осуществлении внешнеэкономической деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Асаинов А. Ж., Елеукулова А. Н., Калжанова С. Х. Вступление республики Казахстан в ВТО в контексте экономического сотрудничества со странами таможенного союза // Социосфера. — 2013. — № 3.
2. Бакаева О. Ю. Таможенный союз — Единое экономическое пространство — Евразийский экономический союз: этапы интеграции // Международное публичное и частное право. — 2012. — № 4.
3. Бондаренко А. В. Обзор круглого стола в МГУ имени М. В. Ломоносова «Право ВТО в правовом порядке России и Таможенного союза» // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 1 (68).
4. Воловик Н., Резенкова К. Экономико-политическая ситуация в России // Внешняя торговля. — 2010. — № 2.
5. Дроздова С. А. Таможенный союз, Единое экономическое пространство, Евразийский экономический союз: историко-правовой аспект этапов интеграции // Таможенное дело. — 2013. — № 1.
6. Пантелеев А. А. Таможенный союз или всемирная торговая организация: анализ экономических и политических перспектив развития России // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. — 2011. — № 1 (38).
7. Мишалыченко Ю. В. Торгово-экономическое сотрудничество Таможенного союза и Единого экономического пространства Белоруссии, Казахстана и России с Европейским союзом в условиях глобализации // Таможенное дело. — 2013. — № 4 (13).
8. Харлов А. В., Ноженко Д. Ю. Основные итоги функционирования Таможенного союза // Экономика региона. — 2012. — № 4 (32).
9. Чувахина Л. Г. Таможенный союз и ВТО: российские реалии // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. — 2013. — № 1 (15).
10. Шеров-Игнатъев В. Г. Таможенные союзы стран — экспортеров сырья как инструмент смягчения негативных эффектов либерализации торговли // Евразийская экономическая интеграция. — 2010. — № 2 (7).

Семенова Н. С.

СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ

В статье излагается позиция Российской Федерации относительно сохранения традиционных ценностей человечества и анализируется соответствие данной позиции ее международным обязательствам в области реализации права на образование.

Ключевые слова: традиционные ценности, право на образование, права человека, пропаганда нетрадиционных отношений.

Semyonova N. S.

PRESERVATION OF TRADITIONAL VALUES AND INTERNATIONAL OBLIGATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION UNDER THE RIGHT TO EDUCATION

The article describes the position of the Russian Federation regarding the preservation of traditional values and compliance of such position with its international obligations in the area of the right to education.

Keywords: traditional values, the right to education, human rights, the promotion of homosexual and others non-traditional relationships.

Семенова Н. С.

В настоящий момент вопрос сохранения традиционных ценностей человечества разделил мировое сообщество на два лагеря, став камнем преткновения в международных отношениях. Как думается, причину данного противостояния, центральное место в котором занимает Россия, необходимо искать, прежде всего, в исторически сложившихся идеологиях разных государств. Кратко рассмотрим, как менялись государственные идеологии в России и западных государствах.

В дореволюционной России принятую идеологию можно охарактеризовать известным выражением министра просвещения графа С. С. Уварова: «Православие — самодержавие — народность»¹. Согласно этой идеологии православная вера и самодержавие являлись основными столпами российской государственности. Народность же понималась как следование собственным традициям, основанным на православной вере, отвержение чуждых западных ценностей и собственный национальный путь.

Советская Россия попыталась полностью отойти от идеологии Российской империи, встав на путь воинствующего атеизма. Однако, просуществовав до начала 90-х гг. XX в., атеистическая идеология не смогла изменить веками сложившиеся ценности и национальную идентичность многонационального русского народа, хотя, бесспорно, оказала негативное влияние на духовно-нравственное состояние общества, которое проявилось после того, как идеология прекратила свое существование, а основанная на ней государственность была разрушена.

После распада Советского Союза в России, отказавшейся на государственном уровне от атеистической идеологии, было принято решение не устанавливать никакой идеологии. Так, согласно ст. 13 Конституции России 1993 г. «в Российской Федерации признается идеологическое многообразие» и «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»². Однако представляется, что данное положение является нонсенсом, поскольку ни одно государство не может существовать без идеологии в том или ином виде. Поэтому по факту была воспринята западная идеология — идеология «поклонения человеку» и культуры потребления.

Под идеологией «поклонения человеку» следует понимать закрепление на уровне государственной политики и государственного законодательства возможности удовлетворения любых пожеланий человека, независимо от их морально-нравственной оценки. Начало легализации данной идеологии было положено в результате победы Французской революции 1789 г., что нашло отражение в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Основным постулатом Декларации 1789 г. можно считать провозглашение свободы «делать все, что не наносит вреда другому» (ст. 4)³. Этим положением были фактически сняты все морально-нравственные запреты. Постепенный отход от принятых в западном обществе норм поведения и традиционных ценностей привел Западную Европу и США к тому, что противоестественные отношения, считавшиеся до недавнего времени с духовно-нравственной точки зрения грехом, а согласно государственному законодательству — преступлением, признаются сегодня в этих странах нормой. Ярким примером тому может служить легализация однополых браков, возможность усыновления детей однополыми парами, проекты законов о легализации педофилии и инцеста⁴ и т.п. О том, что противоестественные отношения становятся нормой, свидетельствует судебная практика и государственная политика ряда западноевропейских государств и США.

Так, например, в декабре 2013 г. итальянский суд оправдал шестидесятилетнего социального работника Пьетро Ламберти, который имел сексуальные отношения с одиннадцатилетней девочкой из неблагополучной семьи, находящейся под его опекой. Основанием для вынесения подобного решения стали записи телефонных разговоров между г-ном Ламберти и девочкой, прослушав которые суд решил, что у них «подлинные чувства»⁵.

В Норвегии в 1992 г. вступил в силу закон об однополых браках, а в 2009 г. правительство Норвегии начало процесс внедрения идеологии представителей однополых союзов

¹ Православие, самодержавие, народность [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2010/09/20/pravoslavie_samoderzhavie_narodnost/

² Конституция Российской Федерации 1993 года // СПС «Консультант Плюс».

³ Декларация прав человека и гражданина 1789 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://1789-fr.ru/declaration.html>

⁴ В Западной Европе широко обсуждается легализация инцеста [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://file-rt.ru/news/13808>

⁵ Итальянский суд признал отношения 60-летнего мужчины и 11-летней девочки любовью [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2013/12/27/italyanskij_sud_priznal_otnosheniya_60letnego_muzhchiny_i_11letnej_devochki_lyubovyu/

в детские сады и ясли. Издание «нетрадиционной» детской литературы осуществляется в соответствии с указаниями Парламента Норвегии «О гендерном равенстве в детсадах», а также является проектом Министерства образования Норвегии в рамках «Плана действий по обеспечению гендерного равенства в детсадах в 2008–2010 гг.»⁶.

Эти примеры среди множества подобных⁷ свидетельствуют об отходе западных стран от традиционных ценностей человечества, прежде всего, от понятия семьи как союза мужчины и женщины.

Верховный Суд США признал Закон о защите брака 1996 г., который определял брак как правовой союз между мужчиной и женщиной и называл супругами лиц разного пола, неконституционным и ограничивающим права однополых пар. Во исполнение данного решения Верховного Суда в августе 2013 г. Министерство обороны США объявило о том, что лица нетрадиционной ориентации в погонах, состоящие в зарегистрированных браках, будут получать такие же льготы, как и все состоящие в традиционном браке⁸.

Анализируя вышеприведенные примеры, важно отметить, что, как сказал Президент Российской Федерации В. В. Путин, пересматривая нормы морали и нравственности, от общества требуют «обязательного признания равноценности добра и зла... противоположных по смыслу понятий»⁹. Иными словами, речь идет не о запрете дискриминации по признаку сексуальной ориентации, а именно о равнозначности понятий семьи — союза мужчины и женщины и так называемой «однополый семьи». Причем любые проявления несогласия с данной позицией критикуются и осуждаются на международном уровне.

Например, в резолюции, принятой на 65-й сессии Комитета ООН по правам ребенка, была отмечена обеспокоенность ООН принятием в России закона о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. Эксперты ООН предложили «скандальный» закон отменить, а вместо этого сосредоточить усилия государства на повышении информированности общества о равенстве людей разной сексуальной ориентации и гендерной идентичности¹⁰.

Однако Президент России В. В. Путин, указывая на процесс разрушения традиционных ценностей в некоторых странах мира, отметил, что это может привести к негативным последствиям для всего общества¹¹.

О последствиях разрушения традиционных ценностей предупреждает также и Русская православная церковь¹². По

словам Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, «никакими правоохранительными средствами не победить грех, а коррупция и криминал — это результат греха человека... Раскрепощенное общество потребления не может справиться с обузданием человеческих пороков и отказывается от этого... Пороки легализуются, законодательно оправдываются. Все это, в конце концов, приводит к разрушению человеческой личности, к невероятному кризису, который попеременно вспыхивает в области экономики, финансов, экологии, политики»¹³. Понимание данной причинно-следственной связи существует и на государственном уровне.

Так, в своем Послании Федеральному Собранию В. В. Путин сказал о необходимости защиты традиционной семьи, отметив, что Россия сильна «многовековым опытом не так называемой толерантности, бесполой и бесплодной, а именно совместной органичной жизни разных народов в рамках одного единого государства». Кроме того, В. В. Путин отметил, что «в мире все больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей» и что роль России состоит в том, чтобы воспрепятствовать «движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к первобытному состоянию»¹⁴.

Таким образом, современный конфликт по поводу сохранения традиционных ценностей человечества стал естественным следствием возрождения России и возврата ее к своей национальной идентичности после 70 лет воинствующего атеизма и 20 лет «западного пути», являвшихся противоестественными для нашего государства. Определив позицию России в сфере сохранения традиционных ценностей человечества, необходимо проанализировать, насколько данная позиция соответствует ее международным обязательствам в сфере реализации права на образование.

Так, согласно п. 2 ст. 26 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. «образование должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам. Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами, и должно содействовать деятельности Организации Объединенных Наций по поддержанию мира»¹⁵.

Подобное положение содержится также в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., в соответствии с п. 1 ст. 13 которого «образование должно быть направлено на полное развитие человеческой личности и сознание ее достоинства и должно укреплять уважение к правам человека и основным свободам... Образование должно... способствовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми нациями и всеми расовыми, этническими и религиозными группами и содействовать работе Организации Объединенных Наций по поддержанию мира».

Из данных положений можно выделить два основных обязательства, выполнение которых государства должны гарантировать на национальном уровне в процессе реализации права на образование. Во-первых, целью образования должно быть развитие человеческой личности с сознанием собственного достоинства, способной к взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми нациями и всеми расовыми, этническими и религиозными группами. Во-вторых, образование должно содействовать работе Организации Объединенных Наций по поддержанию мира.

⁶ Подробнее об этом см.: Гейясли и гейдетсады — госпроект Северной Гоморры [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://juvenaljustice.ru/index.php/news/1397-gejjasli-i-gejjetsady-gosproekt-severnoj-gomorry>

⁷ См., например: Семенова Н. С. Ювенальная юстиция и право на образование в Европейской конвенции по правам человека // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — М: РУДН. — 2012. — № 4. — С. 184–193.

⁸ Иванов В. Пентагон признал права гомосексуальных семей [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://pentagonus.ru/publ/pentagon_priznal_prava_gomoseksualnykh_semej_2013/114-1-0-2444

⁹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 12.12.2013 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁰ Солопов М. Астахов не заметил претензии ООН [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/social/2014/02/06/5884661.shtml>

¹¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 12.12.2013 // СПС «Консультант Плюс».

¹² Солнцев А. М. Права человека и религия. Православие и права человека // Международное гуманитарное право: учебник / Под ред. А. Я. Капустина. — М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. — С.323–334.

¹³ Патриарх Кирилл. Раскрепощенное общество потребления не может справиться с обузданием человеческих пороков [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/news/61401.htm>

¹⁴ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 12.12.2013 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁵ Всеобщая декларация прав человека 1948 года // СПС «Консультант Плюс».

Как следует из вышесказанного, только воспитание традиционных ценностей человечества может гарантировать полноценное развитие человеческой личности, а не ее деградацию, являющуюся результатом разращенного общества и признания противоестественных отношений нормой. Основными христианскими ценностями, на которых созидалась российская государственность, были любовь к Богу и ближнему, любовь к Отечеству, терпимость, целомудрие, труд и другие. Именно эти ценности передавались из поколения в поколение в процессе воспитания, формируя человеческую личность в свободе от греха и сознании собственного достоинства. В результате в России никогда не было рабства и религиозных войн. Как пишет историк Ю. Гессен, «на рубеже XX века в Российской империи проживало более 50% всех евреев, то есть больше, чем во всем остальном мире. Как отзывались многие еврейские авторы, жившие в глубине России, “простому русскому народу чужда расовая и национальная вражда”¹⁶. Добрососедские отношения с мусульманами имеют еще более длительную историю»¹⁷. В случае внешней угрозы на защиту Отечества поднималась вся страна, спасая не только себя, но и тех, кто просил о помощи. Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и во Второй мировой войне представляет достойное тому подтверждение.

Правильно сформированное мировоззрение и самосознание больших и малых народов, живущих на территории одного государства, ведет к взаимному уважению культур, традиций, веротерпимости, и, как следствие, к миру и спокойствию в обществе и государстве. Это и есть основная цель образования в контексте национальной безопасности. Поскольку международное сообщество — это совокупность отдельных государств, то наличие мира и спокойствия на национальном уровне является залогом поддержания международного мира и безопасности¹⁸. Следовательно, воспитывая новое поколение в духе традиционных ценностей, Россия вносит вклад в работу ООН по поддержанию мира.

В проекте «Основ государственной культурной политики» 2014 г. говорится о том, что «невозможно утверждение общенациональной идеологии развития без формирования нравственной, ответственной, самостоятельно мыслящей, творческой личности... Государственная культурная политика исходит из понимания важнейшей общественной миссии культуры как инструмента передачи новым поколениям свода нравственных, моральных, этических ценностей, составляющих основу национальной самобытности»¹⁹.

Следовательно, обеспечивая сохранение традиционных ценностей, Россия выполняет вышеуказанные обязательства в рамках реализации права на образование, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека (ВДПЧ) и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП)²⁰.

Кроме того, ст. 13 МПЭСКП в п. 3 обязывает государства «уважать свободу родителей... обеспечивать религиозное

и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями».

Тот факт, что российское общество встало на защиту традиционных ценностей, отказываясь следовать по «западноевропейскому пути», свидетельствует о наличии соответствующих убеждений родителей.

В выполнении указанного обязательства государство опирается на опыт Русской православной церкви и традиционных религий России. Примером сотрудничества Церкви и государства могут служить XXI Международные Рождественские образовательные чтения «Традиционные ценности и современный мир», открытие которых проходило 24 января 2013 г. в Государственном Кремлевском дворце в Москве. Возглавлял торжественное открытие Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. С докладами выступили, в частности, министр образования Д. В. Ливанов; министр культуры РФ В. Р. Мединский, руководитель Администрации Президента РФ С. Б. Иванов и другие представители власти, а Президент России В. В. Путин и Председатель Правительства Д. А. Медведев прислали послания.

В своем послании В. В. Путин отметил, что «эти встречи, впервые прошедшие 20 лет назад, стали значимым событием в жизни страны, примером плодотворного диалога и сотрудничества Русской православной церкви, органов государственной власти, общественных организаций. По традиции здесь поднимаются актуальные вопросы, связанные с сохранением нашего богатейшего исторического и культурного наследия, укреплением непреходящих духовно-нравственных и семейных ценностей. Особое внимание на форуме уделяется проблемам образования и просвещения подрастающего поколения, воспитания молодежи в духе патриотизма и гражданственности, уважения к отечественной истории»²¹.

Важно также отметить, что проведение Рождественских чтений напрямую согласуется с призывом Совета ООН по правам человека к государствам по оказанию содействия в более глубоком понимании традиционных ценностей человечества, основную роль в утверждении которых «играют семья, общество и образовательные учреждения». Этот призыв Совета ООН по правам человека содержится в его резолюции «Поощрение прав человека и основных свобод благодаря более глубокому пониманию традиционных ценностей человечества» (далее — Резолюция), принятой по предложению Российской Федерации абсолютным большинством голосов 27 сентября 2012 г.²²

Однако Западная Европа единодушно выступила против данной резолюции. Представитель Норвегии, объясняя свою позицию, в частности, указал, что в международном праве нет однозначного определения таким понятиям, как «традиции» и «ценности». Эти понятия могут быть использованы в ущерб правам человека. При желании «традиционные ценности» можно обнаружить в таких явлениях, как домашнее насилие и рабство. Эту позицию поддержала Австрия, выступая от лица всего Европейского Союза²³. Данная позиция представляется лишней логикой, поскольку существует целый ряд понятий, которые письменно не закреплены в международном праве в силу того, что понятны всем и не требуют каких-либо разъяснений²⁴.

¹⁶ Гессен Ю. История еврейского народа в России. 2 т. — Л., 1925. / Цит. по: Кузнецов М. Н. Понкин И. В. Бесчестная дискуссия о религиозном образовании в светской школе: ложь, подмены, агрессивная ксенофобия. Правовой анализ. — М., 2005. — С. 12.

¹⁷ Кузнецов М. Н. Понкин И. В. Бесчестная дискуссия о религиозном образовании в светской школе: ложь, подмены, агрессивная ксенофобия. Правовой анализ. — М., 2005. — С. 12.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Семенова Н. С. Образование как фактор поддержания мира в многонациональном обществе: международно-правовой аспект // Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия Юридические науки. — 2012. — № 1 (11). — С. 128–134.

¹⁹ Проект «Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/05/15/osnovi-dok.html>

²⁰ Абашидзе А. Х., Гольяев А. О. Универсальные механизмы защиты прав человека. — М: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.

²¹ Рождественские чтения открылись в Москве [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://rus.ruvr.ru/2013_01_24/Mezhdunarodnie-Rozhdestvenskie-chtenija-otkrilis-v-Moskve/

²² Резолюцию A/HRC/RES/21/3 «Поощрение прав человека и основных свобод благодаря более глубокому пониманию традиционных ценностей человечества» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/G12/173/98/PDF/G1217398.pdf?OpenElement>

²³ МИД России. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/FD74E649332CFF3644257A86005BCDC8

²⁴ Карташкин В. А. Традиционные ценности человечества и обеспечение прав человека // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века — Counter-Terrorism. — М: Издательство современная экономика и право, 2013. — № 3. — С. 41–49.

Как отметил в своем выступлении на Рождественских чтениях Святейший Патриарх Кирилл, традиционные ценности, которые вечны и абсолютны, поскольку они исходят не от человека, но от Бога, представляют собой нить, на которую насаживаются все остальные человеческие ценности, созданные людьми в процессе истории. Если же нить рвется, то в основу уже не ложатся абсолютные и вечные ценности, и тогда человеческие ценности искажаются, культура превращается в антикультуру, гармония в обществе разрушается. Что мы и наблюдаем сегодня в Европе — регистрацию однополых браков, усыновление ими детей и т. п.²⁵

Учитывая позицию европейских государств по Резолюции, представляется важным привести в пример положение именно Европейской конвенции по правам человека 1950 г. (ЕКПЧ)²⁶.

Статья 2 Протокола I ЕКПЧ гласит: «Никому не может быть отказано в праве на образование. Государство при выполнении любых обязанностей, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать детям такое образование и обучение в соответствии с собственными религиозными и философскими убеждениями».

Итак, ст. 2 Протокола I ЕКПЧ устанавливает два основных положения в праве на образование, которое гарантируется государством, а именно: роль государства и роль семьи в образовании детей. Причем статья сформулирована таким образом, что, во-первых, подтверждает основной тезис о том, что именно родители несут основную ответственность за образование своих детей. Во-вторых, в статье четко определяется основной критерий нормы воспитания, а именно религиозные или философские убеждения родителей.

Европейский суд по правам человека в своем решении по делу «Кэмпбелл и Козанз» от 25 февраля 1982 г. указал: «Именно руководствуясь естественным долгом перед своими детьми (родители несут главную ответственность за “образование и обучение” своих детей), родители могут требовать от государства уважать их религиозные и философские убеждения»²⁷.

Данное положение свидетельствует о том, что в основе духовно-нравственного прививания традиционных ценностей лежат религиозные убеждения, которые преподносятся изначально в семье, а затем в образовательных учреждениях. Именно поэтому на Рождественских чтениях все представители государственной власти говорили о соработничестве Церкви и государства в воспитании традиционных ценностей в подрастающем поколении. Безусловно, они упоминали и о сотрудничестве с представителями других традиционных религий.

Необходимо отметить, что правоприменительный аспект ст. 2 Протокола I ЕКПЧ (а также аналогичных положений других международных универсальных и региональных договоров) в России заключается во введении по многочисленным просьбам родителей в государственный образовательный стандарт предмета «Основы религиозной культуры

и светской этики», который включает, по выбору родителей, православной компонент, компоненты других традиционных религий или светской этики. К слову сказать, преподавание религии в школе не только никак не противоречит светскости образования, о чем часто ошибочно заявляют некоторые политики, но напрямую согласуется с обязательствами, взятыми на себя государством в соответствии с ЕКПЧ и другими международными договорами, закрепляющими право на образование.

Таким образом, можно заключить, что в сохранении традиционных ценностей ключевая роль отводится именно образованию, важной составляющей которого является духовно-нравственное воспитание. Причем это подтверждается взятыми на себя Российской Федерацией международными обязательствами.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Гольяев А. О. Универсальные механизмы защиты прав человека. — М: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.
2. Иванов В. Пентагон признал права гомосексуальных семей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://pentagonus.ru/publ/pentagon_priznal_prava_gomoseksualnykh_semej_2013/114-1-0-2444
3. Карташкин В. А. Традиционные ценности человечества и обеспечение прав человека // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века — Counter-Terrorism. — М: Издательство современная экономика и право, 2013. — № 3.
4. Кузнецов М. Н., Понкин И. В. Бесчестная дискуссия о религиозном образовании в светской школе: ложь, подмены, агрессивная ксенофобия. Правовой анализ. — М., 2005.
5. Патриарх Кирилл. Раскрепощенное общество потребления не может справиться с обузданием человеческих пороков [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/news/61401.htm>
6. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 12.12.2013 // СПС «Консультант Плюс».
7. Православие, самодержавие, народность [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2010/09/20/pravoslavie_samoderzhavie_narodnost/
8. Проект «Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/05/15/osnovi-dok.html>
9. Святейший Патриарх Кирилл возглавил открытие XXI Международных Рождественских образовательных чтений [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2745631.html>
10. Семенова Н. С. Ювенальная юстиция и право на образование в Европейской конвенции по правам человека // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — М.: РУДН. — 2012. — № 4.
11. Семенова Н. С. Образование как фактор поддержания мира в многонациональном обществе: международно-правовой аспект // Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия Юридические науки. — 2012. — № 1 (11).
12. Солнцев А. М. Права человека и религия. Православие и права человека // Международное гуманитарное право: учебник / Под ред. А. Я. Капустина. — М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011.

²⁵ Святейший Патриарх Кирилл возглавил открытие XXI Международных Рождественских образовательных чтений [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2745631.html>

²⁶ Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // СПС «Консультант Плюс».

²⁷ Case of Campbell and Cosans v. the United Kingdom (7511/76; 7743/76). Judgment of the European Court of Human Rights. A48. 25/02/1982 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cmiskpr.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=1&portal=hbkm&action=html&highlight=Campbell&sessionId=62716295&skin=hudoc-en>

К ЮБИЛЕЮ ЖЕНЕВСКИХ КОНВЕНЦИЙ ОТ РЕДАКЦИИ ЕВРАЗЮЖ ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ: РОЛЬ ЖЕНЕВСКИХ КОНВЕНЦИЙ 1864 Г. И 1949 Г.

ON THE ANNIVERSARY OF THE GENEVA CONVENTIONS FROM THE EDITORIAL BOARD OF EURASLJ ARMED CONFLICTS: THE ROLE OF THE GENEVA CONVENTIONS OF 1864 AND 1949

В 2014 г. международное сообщество отмечает сразу две значительные даты: 150-летие принятия Женевской конвенции об улучшении участи раненных и больных в действующих армиях 1864 года, послужившей толчком к развитию современного международного гуманитарного права, и 65-летие принятия Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. Эти международно-правовые документы представляют особую значимость и ценность для современного мира в условиях вооруженных конфликтов, поскольку в них были сформулированы и закреплены основные принципы и нормы человечности.

Их актуальность еще более возрастает в последние годы, когда происходит эскалация военных столкновений в разных точках нашей планеты, когда гибнут невинные дети, женщины и старики, гражданское население в целом.

Сегодня больно видеть любому нормальному человеку человеческие страдания и гибель невинных людей, детей и взрослых, в ходе вооруженных столкновений на юго-востоке Украины.

Женевские Конвенции 1864 г. и 1949 г. являются незабываемыми для всего человечества, независимо от культурных, национальных, этнических, религиозных и иных различий, существующих между народами, регионами и т.д. Во многом эти принципы и нормы берут свое начало в идеалах гуманности и милосердия, сформировавшихся в религиозных учениях.

Евразийский юридический журнал, охватывающий читательскую аудиторию евразийских регионов, отличающегося этноконфессиональным многообразием, не мог обойти своим вниманием столь важные даты. В связи с этим, а также учитывая происходящие в различных регионах мира вооруженные

конфликты, на которые часто накладывают отпечаток исторические, религиозные, этнические, национальные и культурные факторы, наш ежемесячный журнал решил опубликовать на своих страницах цикл статей, посвященных различным аспектам столь важной и актуальной темы, как право вооруженных конфликтов и роль разных религий.

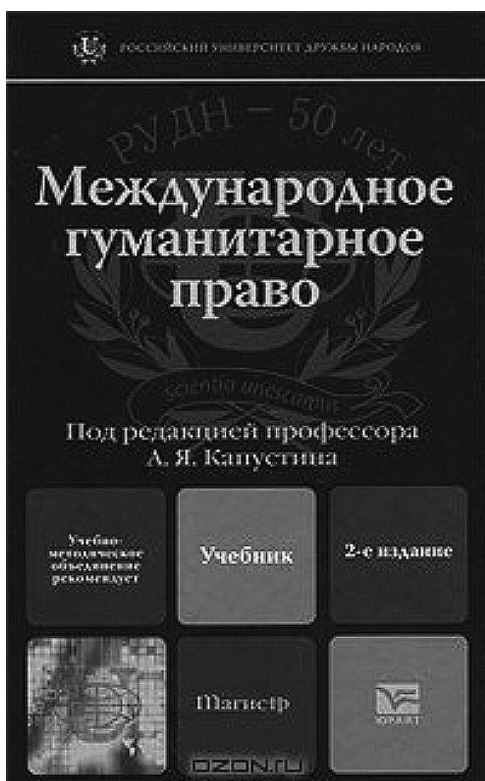
Поскольку члены команды юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, ставшей победителем Конкурса по международному гуманитарному праву им. Ф. Ф. Мартенса 2012 г., были удостоены чести принять участие в конференции по международному гуманитарному праву «Мартенсовские чтения: 150 лет гуманитарной деятельности» в Санкт-Петербурге в 2013 г., где выступили с интересными докладами, «Евразийский юридический журнал» решил предоставить этим студентам, — а ныне соискателям и аспирантам кафедры международного и европейского права Казанского государственного университета полное правильное название, — возможность опубликовать статьи, посвященные проблемам права вооруженных конфликтов.

Итак, редакция ЕврАзЮж представляет статьи следующих молодых ученых, победителей Мартенсовских чтений:

Кропотова Т. А. Единство основ гуманитарной мысли в христианской религии и основ международного гуманитарного права.

Фролова А. П. Вопросы jus ad bellum и jus in bello в иудаизме

Зиганшина А. М. Ислам и современное международное гуманитарное право: вопросы jus ad bellum и jus in bello.

Кропотова Т. А.

ЕДИНСТВО ОСНОВ ГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ В ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ И ОСНОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

История международного гуманитарного права связана, в том числе, с религиозными источниками, предвосхищающими некоторые положения права вооруженных конфликтов. Духовные основы христианства и правовые принципы взаимосвязаны друг с другом. Развитие религии отражает прохождение универсальных принципов, ставших основой для гуманитарных концепций. В настоящей работе представлен анализ некоторых положений международного гуманитарного права и предписаний христианской религии и установлена их общность.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, право вооруженных конфликтов, религия, христианство, принципы.

Kropotova T. A.

SIMILARITY OF THE BASIS OF HUMANITARIAN THOUGHT IN THE CHRISTIAN RELIGION AND THE GROUND OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

The history of International Humanitarian Law is connected, inter alia, with religious sources anticipating some provisions of the Law of Armed Conflicts. Spiritual basis of the Christianity and legal principles are interconnected. Development of the religion reflects the origin of the universal principles which became the basis for humanitarian concepts. This article provides the analyses of several provisions of the International Humanitarian Law and the rules of the Christian religion and finds their similarity.

Keywords: international humanitarian law, law of armed conflicts, religion, christianity, principles.

Кропотова Т. А.

Зло войны и благо мира до такой степени известны людям, что с тех пор, как мы знаем людей, самым лучшим пожеланием было приветствие: «Мир вам».
Л. Н. Толстой

Христианская религия установила в качестве своих основополагающих принципов милосердие, человеколюбие, смирение и благодарность. Религия возвысила любовь к человеку как к самому совершенному Божьему творению и провозгласила духовным идеалом возвышение личности через прощение и смирение греховных страстей.

В библейских текстах часто упоминается профессия воина, сотника, наряду с повествованиями о сражениях и битвах, особенно подробно описанных в Ветхом Завете. Войны были необходимостью того времени и воспринимались как реалии жестокой действительности: «Время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру»¹.

При этом мы не находим в Библии призыва к войне, оправдания жестокости и раздору, а также каких-либо правил о том, каким способом следует вести войну. Напротив, любовь предполагается единственным методом преодоления вражды между людьми. Предписание христианством каких-либо правил относительно войны противоречит священной заповеди Декалога — «не убий».

Христианская религия подарила миру духовное правило, которое включает в себе необходимость быть милосердным: «Возлюби ближнего твоего как самого себя»². В нагорной проповеди Иисуса Христа содержится призыв к прощению и примирению враждующих:

«... Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним»³...

Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую»⁴...

Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, бла-

гословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных...»⁵.

Эти духовные максимы являются принципами человеческого общежития и имеют сходство с принципами международного права — принципом уважения прав человека и основных свобод⁶, принципом неприменения силы и угрозы силой⁷, принципом разрешения международных конфликтов мирными средствами⁸. Неприменение более жестоких мер в качестве ответа на агрессию воплощается в запрете репрессалий в международном гуманитарном праве⁹. В силу своей миролюбивой направленности христианские идеи воплощаются также в принципе права гуманности, который провозглашает, что военная необходимость и поддержание общественного порядка всегда должны сочетаться с уважением к человеку¹⁰.

Христианская концепция непротивления злу насилием находит свое наиболее яркое отражение в принципе разрешения международных конфликтов мирными средствами. Будучи закрепленным в п. 3 ст. 2 Устава ООН 1945 г., ст. V гл. 1 Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., данный принцип имеет глубокое

⁵ Библия. Н. З. Евангелие от Матфея 5:43–45.

⁶ Преамбула, ст. 1, ст. 55 Устава ООН 1945 г.

⁷ Пункт 4 ст. 2 Устава ООН 1945 г.

⁸ Пункт 3 ст. 2 Устава ООН, ст. V гл. 1 Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г.

⁹ Статья 46 I Женевской Конвенции, ст. 47 II Женевской Конвенции, ст. 13/3 III Женевской Конвенции, ст. 33/3 IV Женевской Конвенции от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, 1977 г., ст. 60 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

¹⁰ Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права. — 2-е изд., испр. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2001. — С. 73.

¹ Библия. В. З. Книга Екклесиаста 3:8 / Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. — Каз.: изд. Татарского рескома КПСС, 1991.

² Библия. В. З. Книга Левит 19:18.

³ Библия. Н. З. Евангелие от Матфея 5:25.

⁴ Библия. Н. З. Евангелие от Матфея 5:38–39.

нравственное значение, поскольку имеет своей целью сохранение в том числе и справедливости: «Все Члены Организации Объединенных Наций разрешают свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость» (п. 3 ст. 2 Устава ООН).

Запрещая вражду и кровопролитие, религиозное учение предрекает божественное возмездие за насилие и войну. «Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен; кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом»¹¹. «Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут»¹².

Запрет насилия в христианстве перекликается с принципом неприменения силы и угрозы силой. Закрепленный в п. 4 ст. 2 Устава ООН и в преамбуле Декларации о принципах международного права¹³, данный принцип распространяется на все государства, корреспондируя им обязанность отказаться от применения силы. Статья 2 Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях¹⁴ указывает на универсальность и безусловную обязательность данного принципа для государств. Как и христианская идеология, международное право особо подчеркивает безусловность неприменения силы, считая ее важнейшей гарантией дружественного сосуществования людей и государств.

Библия упоминает войну, скорее, как метафору для обозначения прежде всего духовной войны с грехом, борьбы с темными силами в самом человеке. «Верующие должны... облекаться в броню праведности; обути ноги в готовность благовествовать мир; взять щит веры, которым можно угасить все раскаленные стрелы лукавого; взять шлем спасения и меч духовный, который есть слово Божие, и наконец молиться всякою молитвою и прошением во всякое время духом»¹⁵.

При этом религиозные источники содержат требование об участии в войне только зрелых, взрослых людей. Все те, кто построил новый дом, насадил виноградник, обручился (но не успел жениться), не должны воевать¹⁶. Учитывая принятое в те времена раннее вступление в брак, данное требование можно рассматривать в качестве своеобразного возрастного ценза, ограничения для участия в войне юношей.

Несмотря на отсутствие в Библии каких-либо призывов к военным конфликтам, последующая история христианства демонстрирует искажение божественных принципов и применение агрессии под извращенными лозунгами служения Богу. Данный факт вызван усилением политического влияния церкви и превращения ее в институт управления общественным сознанием. Этот процесс совпал с усилением рыцарского сословия и превращения войны в элитарное занятие. Доблесть и отвага, стремление к военным подвигам и славе стали идеалами рыцарской чести.

К этому историческому периоду относится возникновение первых правил ведения сражений: правило об объявлении войны, неприкосновенность парламентаря, несущего белый флаг, запрет использования отдельных видов оружия, правило о необходимости сохранения жизни плененного рыцаря¹⁷.

Однако данные нормы применялись лишь внутри рыцарского сословия для подчеркивания избранности воинов.

Однако рыцарские нормы предвосхитили будущие правила объявления войны, закрепленные международным правом, согласно которому состоянию войны обязательно должно предшествовать предупреждение в форме обоснованного объявления войны или ультиматума с условным объявлением войны¹⁸. Согласно ст. 2 Ш Гаагской конвенции 1907 г. парламентарем называется лицо, уполномоченное военным командованием на ведение переговоров с военным командованием неприятеля. Данному лицу согласно Конвенции, равно как и согласно рыцарским законам, предоставляется неприкосновенность, отличительным знаком парламентаря является белый флаг. Парламентарь может быть принят противником или отослан обратно, но в любом случае ему должна быть обеспечена безопасность возвращения в расположение своих войск. Нарушение неприкосновенности парламентарей, их убийство является видом военных преступлений.

Христианская церковь также ограничивала способы ведения войны. В 1027 г. было установлено правило о «Божьем перемирии», запрещавшее военные действия с вечера субботы до утра понедельника. Церковь стремилась «обеспечить такое обращение с христианами, которое не напоминало бы обращение с еретиками и язычниками»¹⁹. Благодаря этому на Втором Латеранском соборе в 1139 г. был наложен запрет на применение арбалетов и ядов против кого-либо кроме язычников²⁰.

Таким образом, церковь формировала представление о разграничении средств ведения войны в зависимости от того, являлся ли человек христианином или неверным.

Очевидно, что подобные положения полностью противостоят современному международному праву, которое провозглашает уважение к правам человека. Международное гуманитарное право также предоставляет защиту и гуманное обращение при всех обстоятельствах без какой бы то ни было дискриминации²¹.

Поддержка церковью экспансии в другие государства привела к появлению концепции «священной войны» как войны агрессивной, ведущейся во имя некоей миссионерской цели²². Идея справедливой войны исходит из необходимости обоснования *justa causa belli*, законной причины войны с целью защиты или восстановления справедливости. Блаженный Аврелий Августин, впервые адаптировавший в христианстве данную концепцию, оправдывал «священную войну» также необходимостью подчиняться приказу монарха или начальника вообще. Основой подобного тезиса стала цитата из Библии: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. ... начальник... не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое»²³. Последователь Блаженного Аврелия Августина, Фома Аквинский, развивающий концепцию «священной войны», считал поражение

¹¹ Библия. Н. З. Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис) 13:10.

¹² Библия. Н. З. Евангелие от Матфея 26:52.

¹³ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г. Принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/2625 (XXV) от 24.10.1970.

¹⁴ Принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/42/22 от 18.10.1987.

¹⁵ Библия. Н. З. Послание к Ефессянам 6:13–18.

¹⁶ Библия. В. З. Второзаконие 1–10.

¹⁷ Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права. — 2-е изд., испр. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2001. — С. 24.

¹⁸ Ст. 1 Ш Гаагской Конвенции об открытии военных действий от 18 октября 1907 г. Документы по международному гуманитарному праву и другие документы, относящиеся к ведению военных действий. — 5-е изд., дополн. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2010.

¹⁹ Bartels R. Timelines, borderlines and conflicts. The historical evolution of the legal divide between international and non-international armed conflicts // International Review of the Red Cross. — March 2009. — Vol. 91. — № 873. — P. 36.

²⁰ Там же.

²¹ Международное гуманитарное право: основные правовые нормы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.icrc.org/rus/resources/documents/legal-fact-sheet/ihl-factsheet-040604.htm>.

²² Кюнг Г. Религия, насилие и «священные войны» // Международный журнал Красного Креста. — Июнь 2005. — Т. 87. — № 858. — С. 29.

²³ Библия. Н. З. Послание к Римлянам 13:1–4.

в войне унижением для побежденных, Божьим приговором за их грехи, поскольку связывал победу на войне с победой справедливости и абсолютной истины²⁴.

Таким образом, Римско-католическая церковь восприняла учение Блаженного Аврелия Августина о законности использования силы для достижения духовных целей, а в конце концов санкционировала применение силы для распространения христианства.

Итальянский канонист XIII в. Энрикус де Сегусио разделял войны на «внешние», в которых христиане сражались против «неверных», и «внутренние», которые христианские правители вели друг против друга. «Внешние войны» считались законными, в то время как «внутренние войны» могли быть законными, только если они велись для того, чтобы отстоять решение судьи или закон, или в порядке самообороны против незаконных нападений²⁵. Подобная «типология» войн в масштабах христианского мира в некотором смысле напоминает установленное международным гуманитарным правом разграничение вооруженных конфликтов на международные и немеждународные, однако данное сопоставление, конечно, является весьма условным. И хотя с правовой точки зрения законность конфликтов не оценивается, христианская теология подобно международному гуманитарному праву предвосхищает типологию вооруженных конфликтов и определяет применимое право.

Данная теория обнаруживает некоторое сходство с закрепленным в ст. 51 Устава ООН неотъемлемым правом государств на индивидуальную и коллективную самообороны. Теория справедливой войны накладывала некоторые ограничения на ведение международных войн, но их нелегко было распространить на немеждународные конфликты. Более того, толкование библейских текстов, которые служили для оправдания борьбы без ограничений или ограничений, налагаемых только на мятежников в ситуациях немеждународного насилия, также использовалось в политических целях²⁶.

В продолжение разграничения конфликтов на международные и немеждународные нельзя не вспомнить работы У. Шекспира, который часто писал о вооруженном насилии и создал «детально и хорошо сформулированное определение правового различия между внутренними и международными конфликтами и различными нормативными принципами и рыцарскими обязательствами или их отсутствием»²⁷. Различную оценку конфликтов в зависимости от их масштабности и направленности можно проиллюстрировать цитатой из «Ричарда III»: «Вперед, вперед! Оружье пригодится — и если не для боя с иноземцем, то чтоб своих мятежников карать»²⁸.

Следующим значительным этапом в развитии церкви и военного дела стала эпоха крестовых походов. Призывом к началу крестовых походов стала речь Папы Урбана II, выступившего на Клермонском соборе в 1095 г.: «Всем идущим туда, в случае их кончины, отныне будет отпущение грехов. Пусть выступят против неверных в бой, который должен дать в изобилии трофеи, те люди, которые привыкли воевать против своих единоверцев — христиан... Земля та течёт молоком и мёдом. Да станут ныне воинами те, кто раньше являлся

грабителем, сражался против братьев и соплеменников. Кто здесь горестен, там станет богат». Пожертвовав свою сутану на нашивки в виде креста для желающих пойти в поход и бороться за Святую Землю, Папа Урбан II положил начало времени безграничной жестокости, творящейся с именем Господа.

Оправдание войны, демонизация противника дали начало темной эпохе неоправданной и беспримерной жестокости, начатой христианской церковью — эпохе Крестовых походов. Во время крестовых походов против народов, исповедующих иную, нежели христианство, религию, допускалось применение любых, самых жестоких средств ведения войны²⁹. Правила войны нарушались самими христианами даже в отношении собственных религиозных святынь — варварское разграбление крестоносцами Константинополя в 1204 г., являвшегося центром христианства в Восточной римской империи, сопровождалось массовым истреблением населения.

«Deus vult!» — «Так хочет Бог!» — таковым стал девиз первых крестоносцев. Однако очевидно, что кровавые ужасы избиения народов, разграбления святынь, жестокие и бессмысленные детские крестовые походы не могли быть оправданы ни христианской моралью, ни правовыми нормами.

Неоднозначность истории церкви проявляется также в истории Вселенских соборов. Созданные для унификации церковных догм, некоторые из них признавали легитимными жесточайшие явления Средневековья. Так, на Четвертом Латеранском соборе в 1215 г. была официально санкционирована инквизиция. Первый Лионский собор 1245 г. призвал страны поддерживать седьмой крестовый поход, начав очередную жестокую и варварскую кампанию.

История крестовых походов показывает необходимость отделения религиозной морали от использования религии в политических, захватнических целях.

И сегодня под знаменем христианства творятся немислимые ужасы. Движение Джозефа Кони в Уганде, получившее название Армия Сопротивления Господу (LRA), проповедует борьбу за внедрение десяти заповедей. Для этих целей LRA похищала из местных деревень детей, подкидывая впоследствии отрубленные части детских тел, завернутые в страницы Библии³⁰.

Фанатизм и слепое использование религиозной догмы для насаждения политических или военных целей не может быть оправдано, а христианские идеалы не должны использоваться для бесчеловечных и негуманных целей.

И все-таки история христианства знает много примеров позитивного влияния на концепцию ведения войны.

В 1795 г. во время Французской революции была принята Декларация международного права, автором которой явился церковный деятель, аббат Анри Грегуар. Декларация состояла из 21 статьи и включала в себя положения, которые были весьма похожи на принципы современного международного права. Декларация прав народов, или «Кодекс аббата Грегуара», содержала в себе нормы о независимости и суверенитете государств и народов, невмешательстве государств в дела других, легитимности власти, основанной на равенстве и свободе, священности и нерушимости международных договоров. Положения Декларации касались военных вопросов: «Народы должны во время мира делать друг другу как можно больше добра, а во время войны — как можно меньше зла» (ст. 4).

Требование «делать как можно меньше зла» имеет большое сходство с принципом соразмерности, установленным в качестве нормы обычного международного гуманитарного права, применяемой во время как международных, так и не-

²⁴ Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права. — 2-е изд., испр. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2001. — С. 23.

²⁵ Bartels R. Timelines, borderlines and conflicts. The historical evolution of the legal divide between international and non-international armed conflicts // International Review of the Red Cross. — March 2009. — Vol. 91. — № 873. — P. 37.

²⁶ Там же.

²⁷ Bartels R. Timelines, borderlines and conflicts. The historical evolution of the legal divide between international and non-international armed conflicts // International Review of the Red Cross. — March 2009. — Vol. 91. — № 873. — P. 37.

²⁸ Ричард III // Уильям Шекспир. Полное собрание сочинений / пер. А. Радловой. — М., 1980. — С. 501.

²⁹ Тиунов О. И. Международное гуманитарное право: Учеб. для вузов. — М.: Издательская группа Норма — ИНФРА, 1999. — С. 35.

³⁰ Михалыч С., Ивлева В. Война детей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/publication-children-250803.htm>.

международных вооруженных конфликтов³¹. В соответствии с ним воюющие стороны не должны наносить своему противнику ущерб, несоразмерный с целью войны, которая заключается в уничтожении или ослаблении военной мощи противника³².

Более того, положения Декларации международного права переключаются с определением агрессии в международном праве, которое понимает агрессию как применение вооруженной силы государством против территориальной неприкосновенности и политической независимости другого государства³³.

Конституция предопределяет появление упомянутого выше права государств на самооборону: «Каждый народ может предпринять войну для защиты своего суверенитета, своей свободы, своей собственности» (ст. 17). Таким образом, нормы *jus ad bellum* и некоторые нормы *jus in bello* впервые были закреплены практически в современной форме, а «Декларация прав народов» считается первой попыткой кодификации международного права³⁴.

Еще одной знаменитой фигурой в истории христианской церкви стал Римский Папа Иоанн Павел II, который публично покаялся в грехах католической церкви за преступления времён крестовых походов и инквизиции. Иоанн Павел II признал вину церкви за восемь грехов: преследование евреев, раскол церкви и религиозные войны, крестовые походы и оправдывающее войну теологическое учение, презрение к меньшинствам и бедным, оправдание рабства³⁵. Иоанн Павел II признавал обвинения в адрес католической церкви — в частности, в молчании во время событий Второй мировой войны и Холокоста. Таким образом, вооруженные конфликты эпохи Крестовых походов, не имеющие никакого оправдания с точки зрения современного гуманитарного права, были признаны также не соответствующими христианской морали.

Современное христианское движение превращается в активный институт гражданского общества и проявляет внимание в том числе к нормам международного права. Так, на Втором Ватиканском соборе Католической церкви в 1962–1965 г. был принят ряд документов, сочетающих в себе религиозные нормы и нормы общечеловеческие. Декрет *Ad Gentes* (лат. «К народам») посвящен миссионерской деятельности Церкви, основанной на уважении к национальным и культурным традициям народов.

Декларация *Dignitatis humanae* (лат. «Достоинство человеческой личности») посвящена вопросу религиозной свободы и правам личности в вопросах религии. Эта свобода отрицает принуждение в религиозном выборе и «основана на достоинстве человеческой личности, так как заложена в самой природе человека»³⁶, проявляя соответствие принципиальным позициям права прав человека. Декларация *Nostra aetate* (лат. «Наше время»), посвященная отношению церкви к нехристианским религиям, развивает идеи уважения к религиозному

выбору человека, запрещая религиозную дискриминацию. Положения документа апеллируют к общему духовному наследию, связывающему все религии, и призывают «вместе продвигать все то, что ведет к достижению социальной справедливости среди людей и их морального благополучия, а также мира и свободы»³⁷.

Наиболее важной для развития идей гуманитарного права стала конституция Собора *Gaudium et Spes* (лат. «Радость и надежда»). Конституция стала ответом Церкви на вызовы XX века, на ужасы мировых войн. Главы документа посвящены поддержанию мира, содействию международному сообществу, предотвращению и запрещению войны, участию христианского сообщества в гуманитарной деятельности во время вооруженных конфликтов. Церковь провозглашает новые гражданские идеалы — установление гуманного мира, напоминая о благом предназначении миротворцев: «Коварство — в сердце злоумышленников, радость — у миротворцев»³⁸; «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими»³⁹. При этом целью миротворцев является контроль за соблюдением мира между враждующими сторонами. Нормы международного гуманитарного права предписывают заключать соглашения о перемирии или о прекращении огня каждый раз, когда это позволят обстоятельства⁴⁰. При этом Библия не упоминает о миротворцах в их милитаристском понимании, скорее, термин «миротворец» несет в себе общее гуманистическое понимание о человеке, несущем мир в ситуации вражды.

Напоминая о непреходящем значении естественного права народов и его универсальных принципов, конституция также апеллирует к международным соглашениям о военных действиях, призывая выполнять правовые требования и уменьшать бесчеловечность. Конституция критикует средства ведения современной войны и развитие прогресса в производстве все более ужасного вида оружия. Данный призыв имеет сходство с преамбулой к Декларации об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль 1868 г. Согласно данному документу, употребление оружия, которое без пользы увеличивает страдания людей, выведенных из строя, или делает смерть их неизбежной, должно признавать не соответствующим единственной законной цели войны — ослаблению военных сил неприятеля, а потому употребление подобного оружия было бы противно законам человеколюбия.

На наш взгляд, возможно утверждать, что принятие Ватиканским Собором подобного документа иллюстрирует единство целей и намерений, которыми в настоящее время руководствуется как христианская религия, так и международное гуманитарное право.

Претворяя в жизнь идею заботы о ближнем, христианские организации все чаще становятся активными агентами в оказании гуманитарной помощи.

Христианские неправительственные организации вовлечены в программу правительственных до-норских агентств. Религиозные ассоциации, входящие в союз «*Caritas Internationalis*», которые действуют в 162 странах, формируют ежегодный объем около 1 млрд. долларов, идущий на гуманитарные цели. При этом существуют опасения о двойственном характере религиозных организаций, могущих выступать одновременно и как «ангелы мира», и как «поджигатели войны»⁴¹. В связи с этим Женевское духовное воззвание

³¹ Норма 14 // Хенкертс Ж. — М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право. Нормы / Международный комитет Красного Креста. — М., 2006. — Т. 1. — С. 59; Ст. 51 (5) (b), ст. 57 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов.

³² Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права. — 2-е изд., испр. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2001. — С. 74.

³³ Ст. 1 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» 1974 г.

³⁴ Оппенгейм Л. Международное право / Пер. с 6-го англ. изд., доп. Г. Лаутерпахтом; Под ред. и с предисл. С. Б. Крылова. — М.: Инстр. лит., 1948. — Т. 1. — Полутом I. — С. 235.

³⁵ Иоанн Павел II // Тюшагин В. В., Петрушко В. И. Православная Энциклопедия. — М., 2000. — Т. 24. — С. 467–499.

³⁶ Документы Второго Ватиканского собора. — М.: Изд. францисканцев, 2004. — С. 352.

³⁷ Декларация об отношении Церкви к нехристианским религиям «*Nostra Aetate*», провозглашенная Его Святейшеством Папой Павлом VI 28 октября 1965 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://docs.google.com/View?revision=_latest&docid=ahkpz3ns7kkg_20ghr4hwj8.

³⁸ Библия. В. 3. Притчи Соломона 12:20.

³⁹ Библия. Н. 3. Евангелие от Матфея 5:9.

⁴⁰ Ст. 15 I Женевской Конвенции 1949 г.

⁴¹ Холенштейн А. — М. Правительственные донорские агентства и религиозные организации // Международный журнал Красного Креста. — Июнь 2005. — № 858. — С. 178.

1999 г. обращает внимание на необходимость строго соблюдать следующие принципы:

- отказ от ссылок на религиозную или духовную власть для оправдания любого вида насилия;
- отказ от ссылок на религиозные или духовные источники для оправдания дискриминации и остракизма;
- отказ от эксплуатации людей или установления господства над ними посредством силы, интеллекта, духовного убеждения, богатства или общественного положения⁴².

Заповеди христианской религии таят в себе надежду на осознание человечеством необходимости прекращения войн. «И перекуют мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы, не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать»⁴³. Христианство не отвечает на многие вопросы относительно проблемы войны, однако оно формулирует общее требование отказа от насилия и проявления милосердия в той степени, в которой это возможно. В этом смысле христианская позиция относительно войны перекликается с оговоркой Мартенса, согласно которой, если какая-либо норма не содержится в договорном праве, гражданские лица и комбатанты остаются под защитой и действием обычного права, законов человечности и требований общественного сознания⁴⁴. Христианство также настаивает на следовании общему требованию добра и человеколюбия в любой ситуации. Система моральных норм, равно как и система норм международного гуманитарного права, построены на общих принципах, в основе которых лежит уважение к человеку и гуманизм.

Пристатейный библиографический список

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. — Каз.: Изд. Татарского рескома КПСС, 1991.
2. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. // *Elementair Internationaal Recht*, Asser Press, Den Haag, 2011.
3. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г. Принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/2625 (XXV) от 24.10.1970.
4. Декларация об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях. Принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/42/22 от 18.10.1987 // *Elementair Internationaal Recht*, Asser Press, Den Haag, 2011.
5. Декларация об отношении Церкви к нехристианским религиям «Nostra Aetate» провозглашенная Его Святейшеством Папой Павлом VI 28 октября 1965 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://docs.](https://docs.google.com/View?revision=_latest&docid=ahkpz3ns7kkg_20ghr4hwj8)

⁴² Там же. — С. 180.

⁴³ Библия. В. 3. Книга пророка Исаяи 2:4; Библия. В. 3. Книга пророка Михея 4:3.

⁴⁴ Ст. 1 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1977 г.

[google.com/View?revision=_latest&docid=ahkpz3ns7kkg_20ghr4hwj8](https://docs.google.com/View?revision=_latest&docid=ahkpz3ns7kkg_20ghr4hwj8).

6. Документы Второго Ватиканского собора. — М.: Изд. францисканцев, 2004.
7. Документы по международному гуманитарному праву и другие документы, относящиеся к ведению военных действий. — 5-е изд., дополн. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2010.
8. Женевские Конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные Протоколы к ним — 2-е изд., испр. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2001.
9. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true>.
10. Кюннг Г. Религия, насилие и «священные войны» // Международный журнал Красного Креста. — Июнь 2005. — Т. 87. — № 858.
11. Международное гуманитарное право: основные правовые нормы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.icrc.org/rus/resources/documents/legal-fact-sheet/ihl-factsheet-040604.htm>.
12. Михалыч С., Ивлева В. Война детей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/publication-children-250803.htm>.
13. Оппенгейм Л. Международное право. — Т. 1: Полут. 1: Пер. с 6-го англ. изд., доп. Г. Лаутерпахтом / Под ред. и с предисл. С. Б. Крылова. — М.: Иностр. лит., 1948.
14. Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права. — 2-е изд., испр. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2001.
15. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» 1974 г. // *Elementair Internationaal Recht*, Asser Press, Den Haag, 2011.
16. Тиунов О. И. Международное гуманитарное право: Учеб. для вузов. — М.: Издательская группа Норма — ИНФРА, 1999.
17. Тюшагин В. В., Петрушко В. И. // Православная Энциклопедия. — М., 2000. — Т. 24.
18. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // *Международное право в документах* / Сост. Н. Т. Блатова. — М.: Юрид. лит., 1982.
19. Хенкертс Ж. — М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право. Нормы // Международный комитет Красного Креста. — М., 2006. — Т. 1.
20. Холенштейн А. — М. Правительственные донорские агентства и религиозные организации // Международный журнал Красного Креста. — Июнь 2005. — № 858.
21. Шекспир У. Ричард III. Полное собрание сочинений / пер. А. Радловой. — М., 1980.
22. Bartels R. Timelines, borderlines and conflicts. The historical evolution of the legal divide between international and non-international armed conflicts // *International Review of the Red Cross*. — March 2009. — Vol. 91. — № 873.

Читайте

**ЧЕШСКИЙ ЕЖЕГОДНИК
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**
Выпуск –2. Прага – 2011.
Выходит на английском языке

Инсур Фархутдинов

Иностранный инвестор

**и принимающее государство: необходим баланс интересов (с. 231–248),
а также и другие статьи по правовому режиму иностранных инвестиций.**

Insur Zabirovich Farkhutdinov
**Foreign Investor
and Host State:
Need for Balance
Interests**

Key words:
globalization |
international law |
State sovereignty |
foreign investments
| host state |
liberalization | TNC |
Calvo clause | ICISD |
Most Favoured Nation
| National Treatment

Фролова А. П.

ВОПРОСЫ *JUS AD BELLUM* И *JUS IN BELLO* В ИУДАИЗМЕ

История еврейского народа полна различных войн: завоевательных и оборонительных, внешних и внутренних, вынужденных и не очень — и в наши дни еврейское государство находится в состоянии войны, являясь стороной в одном из самых сложных и длительных конфликтов в современном мире. При этом еврейский народ немыслим без своей религии — иудаизма. В данной статье мы стремимся осветить некоторые аспекты отношения этого мировоззрения к вопросам войны и мира.

Ключевые слова: международное право, международное гуманитарное право, война, иудаизм, религия.

Frolova A. P.

***JUS AD BELLUM* AND *JUS IN BELLO* ISSUES IN JUDAISM**

Jewish history is full of different wars: aggressive and defensive, external and internal, forced and not forced. Today the Jewish state is also involved in armed conflict — Israel is a party in one of the most complicated and lengthy conflicts in the modern world. At the same time, the Jewish people are unthinkable without their religion — Judaism. In this Article we are going to highlight some aspects of interrelations between religious norms and legal acts in the field of armed conflicts.

Keywords: international law, international humanitarian law, warfare, Judaism, religion.

Фролова А. П.

Понятие иудаизма и его источники

В русском языке, в отличие от большинства других, существуют два различных понятия — еврей и иудей — они определяют национальную и религиозную принадлежность лица, соответственно. Однако грань между значениями данных терминов чрезвычайно тонка, а вопрос об их разделении — крайне дискуссионный. Следует заметить, что автор в данной работе употребляет их в качестве синонимов.

Под иудаизмом понимается «наиболее ранняя монотеистическая религия, возникшая в 1-м тыс. до н.э. в Палестине, распространенная в основном среди евреев»¹. Ученые выделяют в истории иудаизма три больших периода, каждый из которых дал евреям свои источники права: храмовый (Танах, представляющий собой своего рода сборник трех священных книг: Тора, Невиим, Ктувим), талмудический (Талмуд) и раввинистический (Мидраш, Тосефта и пр.). Различные течения иудаизма придают тем или иным источникам большую или меньшую силу, однако можно выделить общую закономерность: юридическая сила религиозного писания тем больше, чем раньше оно было создано. Совокупность всех правовых норм и предписаний, содержащихся в вышеупомянутых текстах, также имеет отдельное название — Галаха (или Алаха). Данный религиозный свод законов регламентирует фактически все области жизни человека: семейные, гражданские и другие общественные отношения частного характера, а также содержит положения о публичных правоотношениях. Важно понимать, что все данные источники религиозного характера имеют, помимо прочего, светское практическое значение как часть правовой системы современного государства Израиль, где суды обладают правом ссылаться на Тору и Талмуд при вынесении решений по определенному кругу вопросов. В газете *Le Figaro* от 10 декабря 2009 г. приведены слова министра юстиции Израиля Яакова Неемана: «Шаг за шагом мы будем даровать гражданам Израиля законы Торы и сделаем Галаху основным законом страны. Мы должны вернуть народу наследие отцов. Тора дает ответы абсолютно на все вопросы, встающие перед нами»².

Отношение иудаизма к войне и миру

Война на протяжении всей истории преследовала евреев, что, конечно же, не могло не отразиться как в сознании людей, так и во внешних формах его выражения — иудейских текстах. Традиционное приветствие евреев — «шалом» — переводится на русский язык как «мир» (в значении антонима войны). Религия предписывает евреям в самые важные праздники читать, в числе прочих, молитву за человечество и мир на Земле, также просьбы о мире содержатся и в ежедневных молитвах. По многим признакам иудаизму присущи определенные черты пацифистского мировоззрения. Однако Тора и другие религиозные источники содержат положения о развязывании и ведении войны, таким образом, не отрицая возможности её существования, хотя и не поощряя агрессии. Многие раввины и мудрецы в своих трактатах подчеркивают нарушение моральных, этических и религиозных заповедей во время войны, осуждая её.

Не существует в еврейской истории какого-либо эквивалента или подобия европейского рыцарства, что связывают с нелюбовью иудейской религии к войне. Даже царь Давид — один из крупнейших героев и завоевателей в истории народа — не мог построить Храм именно по причине своей причастности к войне. Отсюда мы можем сделать вывод, что мир ставится целью, к которой заповедовано стремиться, стараясь не прибегать к решению конфликтов посредством насильственных действий.

Типология войн

в источниках иудаизма и право на войну

У евреев нет закрепленного разграничения между понятиями международных и немеждународных конфликтов и их регулирования. В основу первичной классификации войн положен признак обязательности их ведения. Так, они подразделяются на обязательную или заповедованную войну (милхемет мицва или милхемет хова) и необязательную или разрешенную войну (милхемет ршут). Милхемет мицва, в свою очередь, делится на несколько видов исходя из причин начала войны, таким образом затрагивая *jus ad bellum* (право на войну). Первая, неоспоримая, разновидность конфликта — война по повелению Бога. Единственным примером такой ситуации является захват земли Ханаанской (в том числе города Иерихон), прямо предписанный в Торе от лица Всевышнего: «Когда приведет тебя Бог, Всесильный твой, в страну, в которую вступаешь, чтобы овладеть ею, то

¹ Толковый словарь современного русского языка / Под ред. В. В. Лопатина, Л. Е. Лопатиной. — М.: Эксмо, 2009. — С. 250.

² Adrien Jaulmes, Et si la Torah se substituait à la loi israélienne... // *Le Figaro* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.lefigaro.fr/international/2009/12/10/01003-20091210ARTFIG00548-et-si-la-torah-se-substituait-a-la-loi-israelienne8230-.php>

изгонит он многие народы перед тобой: хеттов, и гиргашеев, и эмореев, и кнаанеев, и призеев, и хивеев, и иевусеев, семь народов, которые многочисленнее и сильнее тебя. И когда отдаст их тебе Бог, Всесильный твой, и ты разгромишь их, то уничтожь их, не заключай с ними союза и не позволяй им жить у тебя»³. Но, поскольку данный текст перечисляет конкретные народы и не подлежит расширительному толкованию, то следует подчеркнуть, что сейчас эта норма потеряла своё значение в связи с отсутствием субъекта.

Второй вид милхемет мицва — самооборона. В иудаизме существует принцип «пикуах нефеш» — «спасение души» или «спасение жизни». Он признает настолько высокую цену человеческой жизни, что позволяет нарушать почти любую заповедь с целью спасения своей жизни. Поэтому одна из заповедей еврея — защищать свою жизнь и жизнь своих близких, обороняться в случае возникновения опасности. Здесь, безусловно, прослеживается параллель с положением, закрепленным в ст. 51 Устава Организации Объединенных Наций, провозглашающим следующее: «Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации...»⁴.

Спорным является вопрос о расширительном толковании определения такого типа конфликтов. «Все согласны в том, что завоевательная война Иошуа была хова (обязательной), а войны Давида за расширение территорий были ршут (необязательные). Но мнения расходятся о статусе упреждающей войны, предотвращающей нападение идолопоклонников»⁵. Существует мнение, согласно которому право на самооборону, по Танаху, также включает в себя право на превентивную войну — возможность атаковать противника в случае угрозы нападения с его стороны с целью предотвращения последствий такого нападения. Поскольку указанное положение не получило какого-либо законодательного закрепления в иудейских текстах, равно как и в международном праве, так как Устав ООН содержит исчерпывающий список причин нанесения удара, вопрос продолжает оставаться дискуссионным. Неоднозначность ситуации обостряется тем, что критериев реальности и неминуемости угрозы нет ни в религиозных, ни в светских международных законах. Группа авторов полагает, что превентивные войны следует выделять в отдельную группу наряду с милхемет мицва и милхемет ршут⁶, объясняя это невозможностью определения степени угрозы, и, как следствие, степени обязательности этой войны. В мае 1967 г. министр обороны Сирии заявил: «Наши силы сейчас полностью готовы не только к отражению агрессии, но и к началу процесса освобождения, к уничтожению сионистского присутствия на арабской земле. Сирийская армия держит палец на спусковом крючке... Я, как военный человек, уверен, что пришло время вступить в войну на уничтожение»⁷. И в то же время по арабскому радио транслировали выступления, содержащие следующие высказывания: «С сегодняшнего дня больше не существует чрезвычайных международных сил, защищающих Израиль. Мы более не будем проявлять сдержанность. Мы далее не будем обращаться в ООН с жалобами на Израиль. Единственным методом воздействия, который мы применим в отношении Израиля, станет тотальная война, результатом которой будет уничтожение сионистского

государства»⁸. Поскольку таким речам предшествовал ряд террористических актов и мобилизация армий некоторых арабских государств, государство Израиль сочло данные акты как достаточные проявления вполне реальной угрозы вооруженного нападения, и, с точки зрения иудаизма, начало превентивную войну, незакрепленную в современном международном праве, которая в последствии получила название Шестидневной войны.

Существует ещё один вид вооруженных действий, включаемых в понятие милхемет мицва — оказание помощи другому государству с целью предотвращения распространения военных действий на свою территорию. Некоторые склоняются к мнению, что этот вид — лишь часть понятия превентивной войны, поскольку их объединяет общая мотивация: стремление к минимизации последствий войны. Следует отметить, что тот же принцип лежит и в основе международного гуманитарного права.

Второй тип конфликтов — милхемет ршут или необязательные войны, которые являются правом, а не обязанностью. Однако иудейские религиозные тексты содержат целый ряд условий, при которых начало таких действий возможно, помимо наличия уважительной причины для их начала. Впервые, история в истории, содержащаяся в книге Шофтим, рассказываемая Ифтахом Аммонитскому царю, закрепляет положения об обязательности применения, в первую очередь, мирных способов урегулирования споров и конфликтных ситуаций⁹, что вновь соотносится и с современными нормами международного права — аналогичное положение закреплено в ст. 33 Устава ООН: «Стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору»¹⁰. Второе условие начала милхемет ршут — Сангедрин (совет старейшин, выполнявший также и судебные функции) должен принять единогласное решение по таким действиям. Помимо судебного одобрения требуется также одобрение первосвященника, подтверждающее непротиворечие тех или иных действий словам Всевышнего¹¹. Однако институты первосвященства и Сангедрин прекратили своё существование около двух тысяч лет назад, а поскольку Талмуд отдаёт рассмотрение этого вопроса в их исключительную компетенцию, то на сегодняшний день ситуация милхемет ршут становится невозможной. Таким образом, единственное возможное основание для начала войны в наши дни, согласно иудейской традиции, становится самооборона, которая также может включать в себя и превентивные цели.

Начало ведения военных действий

Религия предписывает объявлять начало войны: нападение без предупреждения — грех. Даже в случае обязательной, самой негуманной, войны против ханаанских племен, основания которой описаны выше, еврейский полководец Иегошуа прислал ханаанам три письма: в первом он предлагал безопасно покинуть город всем, кто не хочет воевать, во втором — предлагал заключить мир, а последнее послание содержало предупреждение о начале войны¹². На 2-й Гаагской конференции в 1907 г. был принят ряд документов, в том числе Конвенция об открытии военных действий, в ст. 1 которой

³ Танах: Дварим 7:1–2.

⁴ Статья 51 Устава Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // Международное право в документах / Сост. Н. Т. Блатова. — М.: Юрид. лит., 1982. — С. 214.

⁵ Вавилонский Талмуд, Сота 44б.

⁶ См. Соломон Н. Иудаизм и этика войны // Международный журнал Красного Креста. — июнь 2005. — Т. 87. — № 858. — С. 83.

⁷ Хигер Л. Шестидневная война. К истории одного мифа [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.waronline.org/analysis/six-day-war.htm>

⁸ Mockery of UN, says Brown // The Times. — 1967. — May 19th. — P. 1.

⁹ Шофтим 11:12–24

¹⁰ Устав Организации Объединенных Наций от 26.06.1945, ст. 33

¹¹ Мишна, Сангедрин 1:5.

¹² см. Рамбам Мишнэй Тора. Законы о королях, их войнах и Короле Мошиахе 6:5.

закреплено, что «договаривающиеся державы признают, что военные действия между ними не должны начинаться без предварительного и недвусмысленного предупреждения, которое будет иметь или форму мотивированного объявления войны, или форму ультиматума с условным объявлением войны»¹³. В случае осады города воины должны предложить другой стороне конфликта заключить мир. «Когда подойдешь к городу, чтобы завоевать его, предложи ему мир»¹⁴. Тем самым мы вновь видим проявление принципов урегулирования конфликта мирным путем и минимизации последствий войны.

Jus in bello: иудаизм и право ведения войны

Помимо оснований и условий начала войны, Танах, Талмуд и другие писания содержат нормы, регулирующие непосредственно ведение военных действий. Иудаизм призывает проявлять гуманность и сострадание во всех случаях вооруженных конфликтов, даже если борьба идет с самым страшным грехом — идолопоклонничеством. «Нам пристало, как семени святому, во всем проявлять [сострадание], даже по отношению к врагам — идолопоклонникам»¹⁵.

В Танахе предусмотрено проведение различий между представителями разных полов. К женщинам в любой ситуации необходимо проявлять уважение и сострадание, поскольку «в силу природной слабости они обладают привилегией быть освобожденными от воинской службы»¹⁶. Наряду с женщинами особой защитой от убийства во время военных действий пользуются дети, а также некоторые гражданские объекты. «И [когда] Господь Бог твой предаст его в руки твои, порази в нем весь мужеский пол острием меча; только жен и детей и скот и все, что в городе, всю добычу его возьми себе и пользуйся добычей врагов твоих, которых предал тебе Господь Бог твой»¹⁷. Если среди пленных окажется женщина, но воин не захочет брать её в жены, он должен отпустить её и не имеет права продавать её в рабство¹⁸. В Женевских конвенциях 1949 г. также предусмотрена особая защита отдельных категорий лиц, включая женщин и детей. Например, статьи 12 как I, так и II Женевской конвенции 1949 г. говорят следующее: «К женщинам будут относиться со всем полагающимся их полу особым уважением»¹⁹. III и IV Женевские конвенции и Дополнительные протоколы I и II²⁰ также предусматривают особый статус женщин, детей и гражданских объектов в ситуациях войны.

Регулируются и отношения, связанные с окружающей средой: «Если долгое время будешь держать в осаде [какой-нибудь] город, чтобы завоевать его и взять его, то не порти деревьев, от которых можно питаться, и не опустошай окрестностей, ибо дерево на поле не человек, чтобы могло уйти от тебя в укрепление»²¹. С одной стороны, данную норму легко объяснить с практической точки зрения — в случае длительной осады города воины осаждающей державы в скором времени лишатся продовольствия, однако оговорка «ибо дерево на поле не человек, чтобы могло уйти от тебя в укрепление» ука-

зывает нам на мотивацию такого правила поведения, связанную именно с идеей гуманности. Здесь же просматривается и принцип, известный современному международному гуманитарному праву — принцип военной необходимости. «Только те деревья, о которых ты знаешь, что они ничего не приносят в пищу, можешь портить и рубить, и строить укрепления против города, который ведет с тобою войну, доколе не покоришь его»²². То есть возможность нанесения вреда природе и использование деревьев оправдывается только целью строительства укреплений, используемых в сражениях, иными словами, военной необходимостью.

Четвертая Книга Царств повествует об эпизоде, призывающем к гуманному отношению к военнопленным и стремлению отпустить их из плена. «И сказал царь Израильский Елисею, увидев их: не избить ли их, отец мой? И сказал он: не убивай. Разве мечом твоим и луком твоим ты пленил их, чтобы убивать их? предложи им хлеба и воды; пусть едят и пьют, и пойдут к государю своему»²³, что соотносится с Женевской конвенцией (III) об обращении с военнопленными, регламентирующей содержание лиц в плену и предусматривающей незамедлительную репатриацию военнопленных в случае прекращения военных действий.

Иудаизм призывает соблюдать права человека в любых ситуациях, даже если лицо виновно в преступлении. «Если в ком найдется преступление, достойное смерти, и он будет умерщвлен, и ты повесишь его на дереве, то тело его не должно ночевать на дереве, но погребти его в тот же день, ибо проклят пред Богом [всякий] повешенный [на дереве], и не оскверняй земли твоей, которую Господь Бог твой дает тебе в удел»²⁴.

Один из известнейших еврейских мудрецов Средневековья, Рабби Моше бен Маймон (Рамбам), собрал заповеди, касающиеся ведения военных действий, а также комментарии к ним в единый сборник «Законы о королях, их войнах и Короле Мошиахе», который является частью трактата «Мишнэ Тора», где подтверждаются все ранее указанные правила поведения, а также дается их толкование. Следует подчеркнуть, что Рамбам, трактую одну из заповедей военного времени²⁵, даёт ей расширительное толкование: «Не только колено Левия, но и всякий человек, кто умом и душой движим предстать перед Богом, служить Ему и познавать Его [...]»²⁶, приравнивается в своем правовом статусе к священнику в Храме — тем самым предоставляя защиту также и духовному персоналу противника, аналогичную предусмотренной Женевскими конвенциями I–IV и Дополнительными протоколами I и II к ним. Рамбам подчеркивает запрет на обман противников и применение вероломных методов в случае заключения с ними договора: «Запрещено лгать при заключении с ними договора и вероломно нарушать договор, после того как они согласились на условия мира и приняли семь заповедей»²⁷. Евреям было предписано всегда оставлять возможность нежелающим воевать уйти от мест сражений, этим и объясняется наличие заповеди о правилах осаждения города: «Когда осаждают город, чтобы захватить его, не окружают его со всех четырех сторон, но только с трех, и оставляют место для бегства тем, кто захочет спастись [из осажденного города]»²⁸. В еврейской традиции существует запрет, аналогичный закрепленному в Гаагском праве о запрещенных методах ведения войны, на использование в ка-

¹³ Конвенция об открытии военных действий // Международное право. Ведение военных действий: Сборник Гаагских конвенций и иных международных документов — 3-е изд., испр. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2011. — С. 15.

¹⁴ Дварим 20:10.

¹⁵ Сефер ха-Хиннук, № 527.

¹⁶ Филон Александрийский. Специальные законы, 219–223.

¹⁷ Дварим 20: 13–14.

¹⁸ см. Дварим 21: 12–14.

¹⁹ Ст. 12 Женевской Конвенции I от 12 августа 1949 г. об улучшении участи раненных и больных в действующих армиях // Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. — 2-е изд., испр. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2011. — С. 12, 44.

²⁰ См. ст. 14 ЖК III, ст. 85 ЖК IV, ст. 76–78 ДП I и др.

²¹ Дварим 20:19

²² Дварим 20:20.

²³ Четвертая Книга Царств 6:21–22.

²⁴ Дварим 21:22–23.

²⁵ Бемидбар 18:20.

²⁶ Рамбам Мишнэ Тора. Шмия вэйовель 13:12–13.

²⁷ Рамбам Мишнэ Тора. Законы о королях, их войнах и Короле Мошиахе 6:3.

²⁸ Рамбам Мишнэ Тора. Законы о королях, их войнах и Короле Мошиахе 6:7.

честве метода голода и жажды в осаждаемых городах: « [...] не отводят от города источник воды, чтобы жители страдали от жажды [...] »²⁹.

Заключение

В наши дни вопрос об отношении иудейской религии к войне не потерял своей актуальности, во-первых, потому, что Израиль является религиозным государством, где вышеприведенные источники могут являться официальными источниками права, а также потому, что евреи — народ, проживающий на территории огромного количества государств, в том числе находящихся в состоянии вооруженного конфликта. Анализируя заповеди, данные в еврейских текстах, можно сделать выводы о том, что основополагающими началами иудаизма в сфере ведения военных действий являются принцип урегулирования конфликта мирным путем, а в случае если это невозможно, принцип минимизирования последствий войны. Многие положения религии в отношении оснований начала войны, ограничения методов её ведения, предоставления защиты отдельным категориям лиц аналогичны нормам современного международного гуманитарного права. Спорным остается вопрос о правомерности, в соответствии с нормами права международной безопасности, так называемой превентивной войны. Однако представляется, что провозглашение мира как основной цели религии и народа, её исповедующего, поможет двигаться в направлении распространения гуманности, осуждения жестокости войны. В Талмуде, в книге Исаяи, содержится эпизод, позволяющий сформировать представления о позиции рассматриваемой религии к вопросу войны и мира в целом. Здесь речь идет о моменте прихода мессии, который люди должны стараться приближать по мере своих возможностей. « [Когда придет мессия] ... и будет Он судить народы, и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более, учиться воевать »³⁰.

Пристатейный библиографический список

1. Вавилонский Талмуд (перевод Ф. Байер). — Иерусалим, 2002.

²⁹ Рамбам Мишнэй Тора. Законы о королях, их войнах и Короле Мошиахе 6:8.

³⁰ Книга пророка Исаяи 2:4.

2. Дополнительные Протоколы I–II 1977 г. к Женевским Конвенциям 1949 года // Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. — 2-е изд., испр. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2011.
3. Женевские Конвенции I–IV от 12 августа 1949 года // Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. — 2-е изд., испр. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2011.
4. Mockery of UN, says Brown // The Times. — 1967. — May 19th.
5. Конвенция «Об открытии военных действий» // Международное право. Ведение военных действий: Сборник Гаагских конвенций и иных международных документов — 3-е изд., испр. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2011.
6. Рамбам Мишнэй Тора. Законы о королях, их войнах и Короле Мошиахе // Пишулин В. Законы о царях, и ведении войны. Рамбам. Мишней Тора [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://isradem.com/index.php?newsid=846>
7. Соломон Н. Иудаизм и этика войны // Международный журнал Красного Креста. — июнь 2005. — Т. 87. — № 858.
8. Танах (перевод К. И. Наймана). — М.: Москва, 1996.
9. Толковый словарь современного русского языка / Под ред. В. В. Лопатина, Л. Е. Лопатиной. — М.: Эксмо, 2009.
10. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // Международное право в документах / Сост. Н. Т. Блатова. — М.: Юрид. лит., 1982.
11. Филон Александрийский. Специальные законы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://books.google.it/books?id=QUd1IK47FSIC&pg=PA71&lpq>
12. Хигер Л. Шестидневная война. К истории одного мифа [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.waronline.org/analysis/six-day-war.htm>
13. Jaulmes A. Et si la Torah se substituait à la loi israélienne... // Le Figaro [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.lefigaro.fr/international/2009/12/10/01003-20091210ARTFIG00548-et-si-la-torah-se-substituait-a-la-loi-israelienne8230-.php>

Читайте

ЧЕШСКИЙ ЕЖЕГОДНИК МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Выпуск –2. Прага – 2011.

Выходит на английском языке

Инсур Фархутдинов

Иностранный инвестор

и принимающее государство: необходим баланс интересов (с. 231–248), а также и другие статьи по правовому режиму иностранных инвестиций.

Insur Zabirovich Farkhutdinov
**Foreign Investor
and Host State:
Need for Balance
Interests**

Key words:
globalization |
international law |
State sovereignty |
foreign investments
| host state |
liberalization | TNC |
Calvo clause | JCSID |
Most Favoured Nation
| National Treatment

Зиганшина А. М.

ИСЛАМ И СОВРЕМЕННОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ JUS AD BELLUM И JUS IN BELLO.

Данная статья посвящена сравнению и сопоставлению принципов современного международного гуманитарного права (МГП) и ислама с целью показать схожесть целей этих двух парадигм. В работе будет рассмотрено современное *jus in bello* в сравнении с концепциями в исламе, а также *jus ad bellum* и нормы ведения военных действий согласно шариату.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, ислам, шариат, джихад.

Ziganshina A. M.

ISLAM AND MODERN INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW: ISSUES OF JUS AD BELLUM AND JUS IN BELLO.

This article is dedicated to comparison between international humanitarian law (IHL) and Islam principles in order to show their similarities. Modern *jus ad bellum* and *jus in bello* will be compared and linked to the rules of warfare according to sharia.

Keywords: international humanitarian law, Islam, sharia, jihad.

Зиганшина А. М.

Происходящие в мире политические и геополитические процессы привели к перемещению вооруженных конфликтов в регионы, где преимущественно исповедуется ислам, и, как следствие, часто войны ведутся во имя Аллаха. Законы шариата начинают ассоциироваться с терроризмом, со стрельбой по мирному населению, с несоблюдением МГП и с сознательным запугиванием и устрашением общества. Невозможно отрицать, что после 11 сентября 2001 г. ислам стал ассоциироваться у большинства людей с агрессией, жестокостью и нетерпимостью. Огромное число террористических группировок используют вырванные из контекста Корана слова не просто в оправдание своих действий, но и для попыток убедить окружающих, что именно вера призывает их к подобным чудовищным деяниям. Стоит отметить, что религия десятилетиями использовалась в качестве инструмента в руках нечистоплотных политиков, и сейчас такой религией стал ислам. Зачастую сами террористы оказываются жертвами неверного толкования Священного Писания и сунны пророка Мухаммеда.

В то же время, говоря об исламе, нельзя не отметить важнейшее значение религиозных предписаний для исламского общества и исламского государства. Целью мусульманина является достижение довольства Аллаха и поклонение Ему в каждом своем действии, включая то, как именно и с кем мусульманин ведет войну. «Я ведь создал людей и джиннов только, чтобы они поклонялись Мне»¹ (51:56). Когда мусульманин идет на войну, он действительно ищет довольства своего Господа, однако для мусульманина играет огромную роль, будет он вести военные действия, соблюдая нормы шариата, или нет. «Все деяния оцениваются по намерениям» — это основополагающий принцип ислама, и участник войны должен намереваться соблюдать предписания Аллаха: как воевать, когда он имеет право на войну, и как он должен обращаться с неприятелем. Необходима верная трактовка Корана и сунны пророка, и ислам своей целью ставит распространение знаний. Более того, дауат (призыв) является обязанностью каждого мусульманина — мужчины. «Обрадуй верующих, которые каются и поклоняются, восхваляют и посягают (или путешествуют), кланяются и падают ниц, повелевают совершать одобряемое и запрещают предосудительное, и соблюдают ограничения Аллаха» (9:112). Кроме того, в самом Коране указывается на то, как должен быть совершен призыв: «Призывай на путь Господа твоего с мудростью и добрым увещанием и веди спор с ними посредством того, что лучше» (6:25).

Данная работа направлена на сопоставление принципов МГП и принципов ислама в доказательство того, что обе эти парадигмы исходят из общих начал гуманности и направлены на защиту жертв войны. Ислам, как и любая религия, призывает к добру и милосердию. Подобно тому, как и несоблюдение МГП не означает отсутствие защиты в вооруженном конфликте, несоблюдение основополагающих принципов исламского права не означает законность и религиозную оправданность действий, совершаемых под именем Аллаха. «Защита человеческой жизни и достоинства, имущества человека — это универсальные принципы ислама, которые появились значительно раньше, чем МГП», — верно отметил сирийский специалист по исламу Вабех эль-Зухили, который считается авторитетом в области исламского права. Распространение знаний о правилах ведения войны в исламе является важнейшим направлением в наше время в силу особых вызовов современности.

«Я думаю, что мы всегда должны сосредотачивать внимание на общих ценностях, а не на различиях в поведении людей, исповедующих различные религии, особенно в условиях нарастающего конфликта. Если бы мы больше внимания уделяли плодам — подлинным плодам религии — и пользе, которую они приносят, в мире было бы меньше разногласий, больше взаимопонимания и терпимости. Было бы очень полезно заниматься популяризацией этих ценностей и норм в условиях любого конфликта или войны, и тогда бы проведение людей на войне и их действия больше бы соответствовали предписанным правилам, а соблюдение минимальных гуманитарных норм было бы обеспечено даже при самых ужасных обстоятельствах»².

Стоит отметить, что большинство правил ведения войны указаны не в самом Коране, а в сунне пророка, однако это не делает эти законы необязательными для мусульман. Более того, Пророк в своих словах указывал на правила поведения для мусульман (адабы), давая более детальное толкование основным принципам, указанным в Коране. Также имеет значение то, что МГП — относительно молодая отрасль международного права, в то время как шариат, представляющий собой свод норм, регулирующий широкий круг отношений, в том числе вопросы войны, — существует уже 14 веков. В отличие от международного права, исламское право не выделяет право войны, оно рассматривается в целом, без подразделения на международное гуманитарное право. Участие в боевых дей-

¹ Коран (перевод И. Ю. Крачковского). — Уфа: Башкирское книжное издательство, 1991.

² Интервью с Ахмадом Али Нурбалой // Международный журнал Красного Креста. Июнь 2005 г.: Пер. с англ. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2006. — С. 13.

ствиях чаще всего изучается в разделе сийара и джихада³. Сийар регулирует взаимоотношения между исламскими и другими государствами, особенно во время войны, в том числе во время вооруженных конфликтов, происходящих в исламском мире. Эти нормы — составная часть внутреннего права и являются обязательными для мусульманских государств.

Jus ad bellum и ислам

Хотя первым международным документом, касающимся запрета войны, является Пакт Бриана-Келлога 1928 г., тем не менее переломным моментом в вопросе войны стал Устав ООН 1945 г., который запретил угрозу силой или ее применение, за исключением случаев индивидуальной или коллективной самообороны и применения силы по решению Совета Безопасности ООН⁴. Данная норма закрепляет «правомерную войну», ситуации, когда государство имеет право на вооруженный конфликт. Русский юрист Ф. Ф. Мартенс определяет jus ad bellum как «совокупность юридических норм, определяющих применение силы в открытой борьбе между государствами»⁵. С этой точки зрения мы можем говорить о jus ad bellum в исламе.

Война в исламе является крайней мерой, Пророк сказал: «Не стремитесь сразиться с врагом. Просите Бога о защите от зла...»⁶. Ислам не принял войну в качестве национальной политики, метода разрешения конфликтов. Как уже разъяснялось выше, война признается законной лишь в случае крайней необходимости.

Прежде чем объявить войну или джихад, неприятелю должен быть предоставлен выбор одной из трех возможностей: ислам как залог мира; восстановление добрососедских отношений или заключение мирного договора либо война, если неприятель преисполнен решимости сражаться⁷. Говоря об объявлении войны, важным является то, что в исламе войну объявить может лишь правитель государства, и война должна быть обязательно объявлена. Современное международное право также обязывает объявлять войну. В соответствии со ст. 1 III Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. состоянию войны обязательно должно предшествовать предупреждение в форме обоснованного объявления войны или ультиматума с условным объявлением войны⁸. Хотя эта норма сохраняется в современном международном праве, но не может рассматриваться как обязательное условие.

Существует мнение, что именно ислам повлиял на общепризнанную доктрину объявления войны, которая стала частью рыцарских кодексов во времена крестовых походов, пройдя через христианскую церковь, развилась и закрепились в современном международном праве⁹. Отмечается влияние ислама на труды Гуго Гроция в вопросах войны¹⁰.

В исламе рассматриваются три вида ситуаций, делающих законным применение военной силы, а именно:

1. Агрессия — коллективная или индивидуальная — против мусульман как проповедников ислама, попытка склонить их к апостасии либо развязывание войны против мусульман.

«Дозволено (сражаться) тем, с которыми сражаются, за то, что они обижены...» (22:39) и «И убивайте их, где встретите, и изгоняйте их оттуда, откуда они изгнали вас: ведь соблазн — хуже, чем убийство!...» (2:191).

При этом стоит отметить, что Коран не всегда верно толкуется в части борьбы с иноверцами. Зачастую этот аят из Корана применяют как легализацию насилия по отношению к иноверцам, однако более детальное изучение Корана указывает нам на другой аят, посвященный дозволенным случаям борьбы с иноверцами. В Коране сказано: «Аллах не запрещает вам творить добро и проявлять справедливость по отношению к тем немусульманам, кто не сражался с вами из-за вашей религии и не изгнал вас из ваших жилищ, — ведь Аллах любит справедливых. Аллах запрещает это только по отношению к тем, которые сражались с вами из-за религии, выгоняли вас из ваших жилищ и способствовали вашему изгнанию» (60:8–9). По мнению комментаторов Корана, этот аят не считается отмененным, на это указывает то, что в нем содержится недвусмысленное исключение: «кто не сражался с вами из-за вашей религии и не изгнал вас из ваших жилищ». Поэтому к каждому, кто попадает под категорию тех, кто не сражался с мусульманами из-за религии, необходимо проявлять благо.

В современном международном праве запрещение агрессии имеет значение общепризнанного и общеобязательного для всех государств принципа, который закреплён в Уставе ООН. Так, Устав ООН обязывает её членов разрешать все свои споры только мирными средствами, не допуская никаких исключений из этого принципа, и воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или её применения против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с целями ООН (ст. 2). Таким же образом относится к агрессии и ислам, запрещая ее и предусматривая самооборону как ответ на агрессию.

2. Помощь жертвам несправедливости, будь то отдельные лица или группы.

«И почему вы не сражаетесь на пути Аллаха и за слабых из мужчин и женщин и детей, которые говорят: «Господи наш! Выведи нас из этого селения, жители которого тираны, и дай нам от Тебя покровителя и дай нам от Тебя помощника?»» (4:75).

Можно сопоставить данное положение с деятельностью Совета Безопасности ООН при существовании любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии. Деятельность Совета Безопасности по поддержанию мира и безопасности заключается в определении тех или иных санкций против государств-нарушителей (в том числе военные операции против них); введении миротворческих формирований в зоны конфликта; организации постконфликтного урегулирования, включая введение международной администрации в зоне конфликта¹¹.

3. Самооборона и отражение нападения на отчизну.

«И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, но не преступайте, — поистине, Аллах не любит преступающих!» (2:190).

Данное положение не противоречит нормам современного международного публичного права, а именно ст. 51 Устава ООН. Международное право признает неотъемлемое право на индивидуальную и коллективную самооборону, также как и ислам.

¹¹ Устав ООН предусматривает похожие на мусульманские концепции урегулирования конфликта в случае угрозы международному миру и безопасности согласно главам 6 и 7.

³ Badawi N. Islamic jurisprudence and the regulation of armed conflict // Program on humanitarian policy and conflict research. — Harvard University, 2009. — P. 5.

⁴ Ст. 51 Устава Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // Международное право в документах / Сост. Н. Т. Блатова. — М.: Юрид. лит., 1982. — С. 196–231.

⁵ Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. — Т. II. — СПб., 1896. — С. 477.

⁶ Сахих аль-Бухари. Ясное изложение хадисов «Достоверного сборника»; составил имам Абу-ль-Аббас Ахмад бин 'Абд-уль-Латъф аз-Зубайди / Пер. с араб. Абдулла Нирша. — 5-е изд., истр. — М.: Умма, 2007. — С. 12.

⁷ Шейх Вахбех аль Зухили. Ислам и международное право // Международный журнал Красного Креста. Июнь 2005 г.: Пер. с англ. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2006. — С. 60.

⁸ Документы по международному гуманитарному праву и другие документы, относящиеся к ведению военных действий. — 5-е изд., дополн. — М.: Международный комитет красного креста, 2010.

⁹ Baron Michel de Taube, цит. Cockayne J. Islam and international humanitarian law: from a clash to a conversation between civilizations // IRRS September. — 2002. — Vol. 84. — № 847. — P. 3.

¹⁰ Weeramantry Ch.G. Islamic Jurisprudence: An International Perspective // Macmillan, Houndmills, 1988. — P. 149–158.

Индивидуальная самооборона в международном праве рассматривается как ответные вооруженные действия государства, предпринимаемые им для восстановления своей политической независимости, территориальной целостности и неприкосновенности, нарушенных вооруженным нападением другого государства¹².

Говоря о законной войне, стоит все же сказать, что война — это крайняя мера, и международное право призывает к мирному урегулированию споров и перемирию сторон. Устав ООН предоставляет сторонам, участвующим в споре, свободу выбора таких мирных средств, которые они считают наиболее подходящими для разрешения данного спора (ст. 3). I Женевская Конвенция 1949 г. (далее — ЖК I) также предусматривает рекомендацию заключать перемирие: «Каждый раз, когда это позволят обстоятельства, будут заключаться соглашения о перемирии или о прекращении огня или же местные соглашения, чтобы позволить подобрать раненых, оставшихся на поле боя, транспортировать их, а также произвести обмен ими» (ст. 15).

Ислам призывает к перемирию и стремлению примирить воюющие стороны. «Если две группы верующих вступают в сражение [между собой], то примирите их. Если же одна из них вершит насилие по отношению к другой, то сражайтесь против той, которая несправедлива, пока она не признает веления Аллаха. Когда же она признает, то примирите их по справедливости и действуйте беспристрастно. Воистину, Аллаху угодны справедливые» (49:9). В случае если сторона предлагает перемирие, мусульманская сторона обязана на него согласиться. «А если они отойдут от вас, не сражаясь с вами, и предложат вам мир, то Аллах не дает вам никакого пути против них» (4:90).

Суммируя, можно сделать вывод, что законной войной в исламе считается война справедливая, введущаяся против тех, кто воюет с мусульманами¹³. Прежде всего, речь идет о войне в качестве самообороны. И можно отметить, что современное международное право выделяет те же условия для законной войны. Кроме того, исламское право перекликается с современным международным правом в том, что касается призыва урегулировать споры мирными средствами, заключать перемирие, и соглашения о прекращении огня. Война и в исламском праве, и в международном праве является незаконной во всех случаях, кроме ограниченных случаев самообороны, предотвращения агрессии и борьбы с режимами, нарушающими права человека.

Джихад

Для того чтобы осветить данный вопрос, необходимо вначале дать правильное определение джихада, процитировав следующие слова Шейха Атийи Сакра, бывшего главы Комитета по Фатвам Аль-Азхара: «Джихад — одно из наиболее неверно понимаемых явлений в исламе. Многие мусульмане не имеют правильного представления о джихаде, есть также те, кто эксплуатирует его и злоупотребляет положениями о ведении джихада для достижения собственных политических целей. Есть также немусульмане, которые неправильно истолковывают его для дискредитации ислама и мусульман.

Именно по этой причине, вследствие непонимания его истинного значения, понятие джихада и его правила столь часто применялись неправильно. Слово “джихад” произошло от арабского “джахд”, означающего старание. Муджахид — тот, кто идет по пути Аллаха и прилагает для этого все свои усилия вплоть до полного утомления. Джихад, таким образом, означает приложение всех сил для достижения желаемого

или “предотвращения нежелательного”. Джихад никогда не был инструментом ведения войн против невинных. Он никогда не был средством запугивания или устрашения слабых и угнетенных. В исламе джихад — единственное в своем роде положение, установленное для защиты Божественного Послания от уничтожения врагами и нанесения ему вреда.

В действительности джихад — это не только война. Джихад бывает нескольких видов: джихад на поле боя, джихад против своих пороков. Индивидуальная борьба каждого мусульманина против своих пороков является самой сложной формой джихада, джихад своими познаниями, джихад материальными средствами¹⁴.

Таким образом, мы видим, что джихад, прежде всего, — это усердие для достижения милости Аллаха, продвижения религии и борьба с собственными недостатками. Объявляя же военный джихад, мусульманин берет на себя огромную ответственность. Есть достоверный хадис, указывающий на важность намерения в совершении джихада: «Первым из тех, над кем будет произнесен приговор в День Воскресения (на Суд), будет тот, кто умер мученической смертью. Он предстанет пред Аллахом, и Он даст знать ему о Своих дарах, и он признает их. (Всевышний) скажет: “И как ты распорядился ими?” И тот ответит: “Я сражался за Тебя, пока не умер мученической смертью”. Но скажет (Всевышний): “Ты лжешь. Ты действительно сражался, но лишь для того, чтобы (о тебе) могли сказать: он храбр и отважен. Так о тебе и говорили”. И потом будет нацелено протачить его лицом вниз к Огненному Аду и сбросить туда»¹⁵.

Jus in bello и ислам

Ислам регламентирует все процессы жизнедеятельности человека, включая правила ведения войны. Стоит особо отметить, что исламские принципы ведения войны были довольно развиты для своего времени и достаточно широко применимы. Кроме непосредственно сунны пророка Мухаммеда есть и другие примеры гуманности мусульман во время вооруженного конфликта.

Самым ярким примером является Салах ад-Дин¹⁶, который захватил Иерусалим в 1187 г. Он известен тем, что его солдаты не убили и не обошлись жестоко ни с одним из жителей. Чтобы следить за этим, Салах ад-Дин поставил специальные патрули для защиты христиан. Впоследствии он освободил богатых пленников за выкуп, а бедных — просто так. Кроме того, Салах ад-Дин гарантировал привилегии и неприкосновенность христианских паломников, посещающих Иерусалим. Салах ад-Дин разрешил врачам из армии противника приходить и лечить своих раненых соотечественников, а потом возвращаться в свой лагерь. Он отправил собственного врача к Ричарду Львиное Сердце, когда его противник был болен и нуждался в медицинской помощи¹⁷.

В 1280 г. в Испании в период арабского владычества был написан «Викайят» — свод законов войны, запрещающий убивать женщин, детей, стариков, сумасшедших, больных и парламентариев. Он также запрещает наносить увечья побежденным, отравлять ядом стрелы и источники воды¹⁸.

Ранние мусульманские договоры в сфере международного права можно наблюдать с IX в. Они касались исламской эти-

¹⁴ Ali S. S., Rehman J. The Concept of Jihad in Islamic International Law // Journal of Conflict & Security Law. — 2005. — Vol. 10 (3). — P. 321–43.

¹⁵ По свидетельству Абу Хурейра, передает Муслим, ан-Нас'аи и ат-Тирмизи М. Суан ат-тирмизи (Свод хадисов имама ат-Тирмизи). — Бейрут: Ибн Хазм, 2002.

¹⁶ Султан Египта и Сирии, талантливый полководец, мусульманский лидер XII века. Основатель династии Айюбидов, которая в период своего расцвета правила Египтом, Сирией, Ираком, Хиджазом и Йеменом.

¹⁷ Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2001. — С. 26.

¹⁸ Там же. — С. 25.

¹² Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. — М., 2002.

¹³ Шейх Вахбех аль Зухили. Ислам и международное право // Международный журнал Красного Креста. Июнь 2005 г.: Пер. с англ. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2006. — С. 63.

ки, экономического права, права вооруженных конфликтов, и освещали такие институты современного международного права, как право договоров, право дипломатических сношений, права заложников, беженцев, военнопленных¹⁹.

Таким образом, мы видим, что основные принципы МГП соблюдались не только при пророке Мухаммеде, но и после его смерти.

Для мусульманина является особо важным соблюдение всех предписаний ислама при совершении любых действий, включая военные действия. В одном из посланий командиру его армиями Саиду ибн Абу Вакасу Омар²⁰ ибн аль-Хаттаб писал: «Приказываю тебе и тем, кто тебя сопровождает, без нужды не утеснять ваших врагов, ибо грехи армии страшнее неприятеля. Мусульмане побеждают, потому что неприятель ослушался Господа, а иначе нам бы их не победить, потому что их больше, и вооружены они лучше. Если бы мы грешили так же, как неприятель, он был бы сильнее нас. Нам надо показать превосходство наших ценностей и добрых дел, а силой нам его не одолеть. Никогда не говорите, что враг хуже вас, и тогда он никогда нас не победит, даже если мы преступим закон, так как на многих людей совершали нападение и порабощали их те, кто хуже них»²¹.

Следует подробнее остановиться на отдельных принципах международного гуманитарного права, аналогичных закрепленным в исламе.

В первую очередь необходимо отметить разграничение между комбатантами (сражающимися) и гражданскими лицами (несражающимися), поскольку именно это определяет их статус, а следовательно, и право или запрет посягать на их жизнь. Необходимо строго соблюдать различие между комбатантами и гражданским населением, с тем чтобы выполнять нормы защиты населения и гражданских объектов от военных действий. Принцип проведения различий является наиболее важным в современном МГП²². В исламе также является важным данное разграничение, что подтверждается Кораном и сунной пророка. «Сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается против вас, но не преступайте [границ дозволенного]. Воистину, Аллах не любит преступающих [границы]» (2:190).

Несмотря на многолетнюю историю войн, определение сражающихся (комбатантов) было сформулировано лишь в 1907 г. на 2-й Гаагской конференции в Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. Лишь тогда, после долгих дискуссий, были установлены критерии, с помощью которых можно было отличить комбатантов от других участников вооруженных конфликтов (ст. 1):

«Военные законы, права и обязанности применяются не только к армии, но также к ополчению и добровольческим отрядам, если они удовлетворяют всем нижеследующим условиям:

- 1) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных;
- 2) имеют определённый и явственно видимый издали отличительный знак;
- 3) открыто носят оружие;
- 4) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны.

Ополчение или добровольческие отряды в тех странах, где они составляют армию или входят в её состав, понимаются под наименованием армии» (ст. 1).

Ислам также предусмотрел определенные критерии для того, чтобы человек имел право стать комбатантом. Прежде всего, это должен был быть взрослый человек старше 15 лет, не

¹⁹ Weeramantry Ch.G. *Justice Without Frontiers*. — Brill Publishers, 1997. — P. 13.

²⁰ Омар I, второй халиф Ислама (634–644).

²¹ Ayyad J. *Nuzum al-harb fi-l-Islam (Statutes of war in Islam)*, Maktabat al-Khanghi. — Cairo, 1951. — P. 43.

²² Shaw M. *International Law*. — 6th ed. — Cambridge University Press, 2008. — P. 1167–119; ICJ Advisory Opinion on Legality of the threat or use of nuclear weapon, 08 July 1996, paras. 78, 86.

имеющий долгов и участвующий в вооруженном конфликте по доброй воле²³. Кроме того, он был обязан иметь разрешение своей семьи на участие в конфликте²⁴. Данные положения содержат более высокий порог для участия в вооруженном конфликте, чем те, что мы имеем в наши дни, поскольку зачастую жертвами вооруженных конфликтов являются близкие участники вооруженных конфликтов, потерявшие своих родных, или не имеющие возможности с ними связаться. Так, в деле «Кипр против Турции» было решено, что молчание властей относительно состояния удерживаемого лица может быть квалифицировано как бесчеловечное обращение, направленное на родственников удерживаемых лиц²⁵.

Нормы МГП обеспечивают «специальной защитой» определенные категории лиц, являющиеся наиболее уязвимыми в вооруженном конфликте. А именно: женщины (ст. 76 Дополнительного протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. (далее — ДП I)), дети до 15 лет (ст. 77 ДП I), больные из гражданского населения (ст. 17 ДП I) и журналисты (ст. 79 ДП I). Подобные положения содержатся в исламе. Один из наиболее известных хадисов гласит: «Иди вперед во Имя Божье, с Божьей Помощью и блюди религию Пророка Аллаха. Не убивай старика, ребенка или женщину, не присваивай незаконно добычу, собирай свои трофеи и делай добро, потому что Аллах любит добродетельных»²⁶.

Руководствуясь наставлениями Пророка, Абу Бакр неоднократно отдавал своему военачальнику Язиду ибн Али Суфиану приказы следующего содержания: «Я даю тебе десять предписаний: Не убивай женщину, ребенка или старика, не руби плодовые деревья, не приводи в негодность пустующие земли, забивай овец, коров и верблюдов только для прокорма, не жги финиковые пальмы и не заливай их, не совершай гулуд²⁷ и не проявляй трусость»²⁸.

В соответствии с МГП государство должно обеспечить гуманное обращение с лицами, оказавшимися в его власти. Обращение с военнопленными перекликается в исламе и современном МГП, обе парадигмы призывают проявлять сочувствие к захваченному в плен неприятелю. Статус военнопленного обеспечивается защитой комбатантов, и ему посвящена IV Гаагская конвенция 1907 г. (далее — ГК IV) и III Женевская конвенция 1949 г. (далее — ЖК III), где определен правовой статус военнопленных. С военнопленным в любом случае необходимо обращаться гуманно, сторона обязана предоставлять им необходимые для нормальной жизнедеятельности условия питания (статьи 26, 31 III ЖК III), проживания и возможность связываться с внешним миром (статьи 69–77 ЖК III). Противника, который сдался в плен или прекратил принимать участие в военных действиях, запрещается убивать, также недопустимо наносить ему ранения (ст. 41 ДП I). Целью плена является не мстить, а ослабление армии неприятеля, нейтрализация и сохранение максимального числа жизней неприятеля в условиях войны.

Ислам обеспечивает защитой военнопленных, так же как и современное МГП, что подтверждается многочисленными

²³ Kelsay J. *Islam and the Distinction between Combatant and non-combatant* // Cross, Crescent and Sword: The Justification and Limitation of War in Western and Islamic tradition, 1990. — P. 206.

²⁴ Aboul-Enein H. Yousuf and Zuhur, Sherifa, *Islamic Rulings on Warfare*, Strategic Studies Institute. — US Army War College, Diane Publishing Co., Darby PA. — P. 12–13.

²⁵ Cyprus v. Turkey, European Court of Human Rights, Petition № 25781/94, Straoutsbour 10 may 2001 г. // *Elementair Internationaal Recht*, Asser Press, Den Haag, 2011.

²⁶ Приведено Аль-Байхаки (со слов Малика ибн Анаса) Цит. по Шейх Вахбех аль Зухили. *Ислам и международное право* // *Международный журнал Красного Креста*. Июнь 2005 г.: Пер. с англ. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2006. — С. 64.

²⁷ Гулуд означает сокрытие части трофеев.

²⁸ Aboul-Enein H.Y., Zuhur Sh. *Islamic Rulings on Warfare*, Strategic Studies Institute. — US Army War College, Diane Publishing Co., Darby PA. — P. 22.

хадисами. Пророк сказал: «Приказываю вам хорошо обращаться с пленными»²⁹. «Они кормят едой, несмотря на любовь к ней, бедняка, сироту и пленника» (76:8).

Ислам детально регламентирует вопрос пленения. Прежде всего, в исламе, как и в современном МГП, закреплено положение о раздельном содержании женщин и мужчин для обеспечения женщинам уважительного обращения с учетом пола (статьи 25, 108 ЖК Ш). С женщинами и детьми необходимо обращаться особо гуманно, учитывая их особо незащищенное положение в вооруженном конфликте. Также при Мухаммеде военнопленных не разделяли с их семьями. При пленении было важно сохранить человеческое достоинство и предоставлять не только еду, но и одежду, необходимые предметы, независимо от их вероисповедания³⁰. Во время правления Халифа Умара был введен полный запрет на отделение семьи от пленника после жалобы одного из пленников на то, что его лишили возможности общаться с дочерью.

Согласно исламскому праву пленник принадлежит государству, и лишь правитель может решать судьбу пленника: освободить по своей милости или освободить после получения выкупа. Наиболее распространенным выкупом было обучение десяти мусульманских детей чтению и письму. В современном МГП военнопленный также находится во власти государства (ст. 4 ГК IV, ст. 12 ЖК Ш), а не отдельных командиров. Однако в современном МГП пленник не теряет своей правоспособности (ст. 14 ЖК Ш), военнопленного нет необходимости выкупать.

Стороны не обязаны держать в плену всех комбатантов неприятеля, оказавшихся в их власти, они имеют право освободить пленников «под честное слово» (ст. 11 ГК IV, ст. 21 ЖК Ш). Освобождение военнопленных происходит тотчас по прекращении военных действий (ст. 118 ЖК Ш). После завоевания Мекки Пророк проявил терпимость в отношении курайшитов, которые причинили ему много вреда. Он сказал им: «Сегодня на вас нет вины. Идите, отныне вы свободны». Таким образом, мы видим, что в отношении принципа гуманности к военнопленным и конца плена у исламского права и современного МГП больше сходств, чем различий.

Думается, что очень важным в вопросе сопоставления двух парадигм является принцип недискриминации. Гаагские положения и Женевские конвенции защищают лиц вне зависимости от их расы, пола, религиозных убеждений и т.д. Ошибочно считается, что в исламском праве данный принцип полностью отсутствует и гуманное обращение распространяется лишь на мусульман. Более того, считается, что мусульмане настроены агрессивно против приверженцев иных религий. Данные заблуждения основываются на неверном толковании вырванных из контекста норм Корана, которые в действительности призывают к уважению «людей Писания» (христиан и иудеев). Ислам указывает на то, что все люди равны перед Аллахом, и единственное, что может сделать одного человека лучше другого в глазах Аллаха — это его вера, добрые дела и богобоязненность. «О люди! Мы создали вас мужчиной и женщиной и сделали вас народами и племенами, чтобы вы знали друг друга. Ведь самый благородный из вас пред Аллахом — самый благочестивый. Поистине, Аллах — знающий, сведущий!» (49:13). Пророк говорит: «Люди равны между собой как зубья гребня»³¹. Для регулирования отношений мусульман с христианами и иудеями приводится хадис: «И не

препирайтесь с обладателями Книги, иначе как чем-нибудь лучшим, кроме тех из них, которые несправедливы, и говорите: “Мы уверовали в то, что ниспослано нам и ниспослано вам. И наш Бог, и ваш Бог один, и мы Ему предаемся”» (29:46).

Современное МГП предусматривает не только защиту определенных категорий лиц, но и запрещает отдельные средства и методы ведения войны. ГК IV предусматривает норму, согласно которой право воюющих сторон применять средства поражения противника не является неограниченным (ст. 22). Данная конвенция также запрещает использовать яды или отравленное оружие. Подобное положение закреплено и в исламе, запрещается использовать ядовитые стрелы по причине излишних страданий, приносимых подобным оружием³². Запрет на использование оружия, ставящее своей целью причинение излишних страданий, также закреплен в IV Гаагской конвенции 1907 г.

Важно отметить, что именно ислам первым запретил catapultы как оружие неизбирательного нападения. В современном международном гуманитарном праве избирательность нападения является также ключевым принципом при выборе средств и методов ведения боя. Международное гуманитарное право, так же как и ислам, запрещает нападать на объекты, обеспечивающие жизнедеятельность гражданских лиц³³.

В исламе запрещено пытаться, сжигать человека заживо и иным способом издеваться над ним. Также запрещено обезображивать трупы³⁴. Это в некотором смысле переключается с запретом и ограничением использования зажигательного оружия (Протокол III к Конвенции ООН 1980 г.), а также с уважительным отношением к умершим (статьи 15,16, 17 ЖК I), (статьи 18,19 ЖК II), (ст. 16 ЖК IV).

Особо хотелось бы остановиться на таком понятии, как вероломство, поскольку в исламе оно шире и включает в себя и иные запреты, нашедшие отражение в современном международном гуманитарном праве.

Вероломство — действия, направленные на то, чтобы вызвать доверие противника и заставить его поверить, что он имеет право на защиту или обязан предоставить такую защиту согласно нормам международного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, с целью обмана такого доверия. Вероломство запрещается (ст. 23 IV ГК, ст. 37 ДП I) и признается серьезным нарушением МГП (ст. 85 ДП I; пп. XI п. а) ст. 8 Римского Статута МУС). Такие акты могут быть выражены в употреблении не по назначению флага перемирия, национального флага, знаков различия и униформы, равно как и эмблемы, указанных в Женевских конвенциях.

Омейядский халиф Омар Ибн Абдул Азиз писал одному из правителей халифата: «Нам стало известно, что когда Пророк Аллаха (мир ему) посылал куда-либо воинов, он говорил им: «Идите в свой поход во имя Аллаха и ради Аллаха, воюйте с неверными, не дезертируйте, не совершайте вероломства, не калечьте (врага). Не убивайте новорожденных. Повторите это своим армиям и дружинам — это Воля Божья. Да пребудет с вами мир»³⁵.

В исламе существует термин «аль-игтияль». Зачастую слово «аль-игтияль» используется для описания умышленного, организованного убийства важных лиц, которые имеют влияние в идеологических, политических, военных и руководящих сферах. Аль-Игтияль — предательское убийство, т.е. убийство кого-то обманым путем. Запрет данного действия

²⁹ Передано Аль-Табарани (приводится по Абу Азизу аль-Джумахи), *as-sunan al-kubra, da'irat al-ma'arif al-usmaniyya*. — 1st ed. — Beirut, 1935.

³⁰ Crone P. *God's Rule: Government and Islam*. — New York: Columbia University Press, 2004. — P. 371–372.

³¹ Приводится Абу Хатемом-ар-Рази в его *'Pal al Nadith* и др. Цит. по Шейх Вахбех аль Зухили. *Ислам и международное право // Международный журнал Красного Креста*. Июнь 2005 г.: Пер. с англ. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2006. — С. 63.

³² Kelsay J. *Al-Shaybani and the Islamic Law of War // Journal of Military Ethics*. — 2003. — Vol. 2 (1). — P. 63–75.

³³ Сахих аль-Бухари. Ясное изложение хадисов «Достоверного сборника»; составил имам Абу-ль-Аббас Ахмад бин 'Абд-уль-Латъф аз-Зубайди / Пер. с араб. Абдулла Нирша. — 5-е изд., испр. — М.: Умма, 2007. — С. 28.

³⁴ Там же. — С. 43.

³⁵ Шейх Вахбех аль Зухили. *Ислам и международное право // Международный журнал Красного Креста*. Июнь 2005 г.: Пер. с англ. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2006. — С. 65.

указан в Коране: «Воистину, Аллах оберегает тех, кто уверовал. Воистину, Аллах не любит всяких неблагодарных изменников» (22:38).

Имамы Ибн 'Атыйя, аль-Къуртуби и Абу Хайян аль-Андалуси в отношении этого аята говорили: «Передается, что этот аят был ниспослан по причине верующих. Когда их количество увеличилось в Мекке и неверные стали причинять им зло, некоторые верующие совершили хиджру в Эфиопию, а часть из оставшихся в Мекке верующих вздумала убивать тех из неверных, которых они смогут убить, совершая игытияль и вероломство. Тогда и был ниспослан этот аят. В этом аяте Аллах заверил верующих защитой и самым ясным образом запретил измену и предательство»³⁶.

Говоря же о таком методе ведения войны, как использование террористов-смертников³⁷, стоит отметить, что ислам порицает самоубийство. В Коране указан запрет на самоубийство: «О те, которые уверовали! Не убивайте самих себя, поистине, Аллах к вам Милосерден» (4:29–30). Кроме того, важно отметить другой аят, указывающий запрет на любое неправомерное убийство: «Кто убьет человека не за убийство или нечестие на земле, тот словно убил всех людей, а кто сохранит жизнь человеку, тот словно сохранит жизнь всем людям» (5:32).

Таким образом, мы видим, что самоубийство ни в коей мере не является разрешенным в исламе, и террористы смертники нарушают заветы ислама, а то, что они называют джихадом, в действительности является тяжким грехом. Согласно исламскому праву, террористы-смертники преступают, по крайней мере, 5 законов: убийство гражданских лиц, ранение гражданских лиц, вероломство, разрушение гражданских объектов и, наконец, сам суицид. По мнению М. Мунира, подобные действия не делают человека шахидом, а террористы-смертники своими актами игнорируют исламское право и издеваются над Божьими законами³⁸. Нарушая основы ислама, называя эти преступления актами любви к Аллаху, такие люди подрывают репутацию ислама. Стоит отметить, что сохранение хорошего мнения людей об Исламе — одна из задач мусульманина. Ее выполнение обязательно во взаимоотношениях с людьми и в политике. К примеру, пророк Мухаммед хотел перестроить Каабу, дабы восстановить ее на фундаменте Ибрагима, но его останавливало лишь то, что арабы начали бы говорить: «Мухаммед рушит Дом Аллаха». По этой причине он отказался от своего желания, дабы не портить репутацию ислама.

Современная эволюция исламской мысли и ее связь с международным гуманитарным правом и правом прав человека.

В наши дни мусульманское общество (умма) развивается и закрепляет принципы, на которых строится его религия. Кооперация мусульман привела их к созданию Организации исламского сотрудничества, в рамках которой была принята Каирская декларация прав человека 1990 г. Данный документ закрепляет основные права и свободы мусульман в соответствии с нормами шариата и современного международного публичного права.

Каирская декларация указывает на то, что основные права человека и универсальные свободы в исламе являются неотъемлемой частью исламской религии и что принципиально никто не имеет права отменять их полностью или частично или нарушать, или попирает их, поскольку они являются обяза-

тельными заповедями Господа, которые содержатся в Книгах откровения Господа и были ниспосланы через последнего из его Пророков для завершения предшествующих божественных посланий, что сделало их соблюдение актом молитвы, а их попрание или нарушение страшным грехом, и поэтому каждый человек несет личную ответственность, а исламский мир — коллективную ответственность за их охрану³⁹.

В ст. 3 Каирской декларации прав человека говорится:

а) В случае применения силы или вооруженного конфликта запрещается убивать таких мирных жителей, как старики, женщины и дети. Раненые и больные имеют право на медицинскую помощь; военнопленные имеют право на получение пищи, убежища и одежды. Запрещается уродовать трупы. Обязательно необходимо обмениваться военнопленными и организовывать посещения или воссоединения семей, разлученных обстоятельствами войны.

б) Запрещается вырубать деревья, повреждать посевы и убивать скот, разрушать гражданские строения и сооружения неприятеля путем обстрела, подрыва или с помощью иных средств.

Таким образом, из содержания указанной статьи явно прослеживается связь Каирской декларации с «правом Женевы» и «правом Гааги». Кроме того, Каирская декларация прав человека закрепляет то самое «твердое ядро» прав человека, на которое нельзя посягать в период вооруженного конфликта. В этом смысле Каирская декларация полностью согласуется с положениями универсальных (ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах, 1966 г.) и региональных (ст. 27 Межамериканской конвенции о правах человека, 1969 г., ст. 15 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., ст. 35 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г.) договоров по правам человека, предусматривающих действие «неизменного ядра» прав человека в ситуации вооруженного конфликта.

Другим важным шагом в развитии исламской мысли стала Десятилетняя программа действий, принятая на третьем Чрезвычайном саммите Организации исламского сотрудничества 7–8 декабря 2005 г., в Мекке, Королевстве Саудовская Аравия. В данной программе указывается на необходимость активной борьбы с терроризмом, борьбы с исламофобией и регулирования ситуации в конфликтных и постконфликтных зонах.

Хотелось бы остановиться на Лайхе для муджахедов, являющейся сводом правил для талибов, участвующих в вооруженных конфликтах. В Кодексе подчеркивается необходимость сократить число террористических атак с участием террористов-смертников, избежать жертв среди гражданского населения и завоевывать умы и души мирных жителей. Также в нем закреплены нормы о наказании пленных, не имеющие своего основания в исламском праве. Данный кодекс пренебрегает принципом проведения различий между воюющими и гражданским населением, разрешает вероломство. В своем исследовании Мухаммад Мунир сопоставляет нормы ислама и данного кодекса, полагая, что Талибан ошибочно приписывает некоторые нормы исламу⁴⁰.

Исламофобия является очень распространенным явлением в современном мире, и зачастую является следствием неверной трактовки норм Корана, касающихся войны. Подобная неверная трактовка привела к дискриминации и насилию мусульман. В декабре 2006 г. газета The International Herald Tribune опубликовала доклад Европейского центра по мониторингу проявлений расизма и ксенофобии, занимающегося

³⁶ Аль-Куртуби М. Талхис сахих аль-имам муслим.— Каир: ас-Салам.— Т. 1.— С. 668

³⁷ McDonald A., Terrorism, counter-terrorism and the jus in bello.— in Terrorism and International Law: Challenges and Responses / Schmitt M. N. (ed).— San Remo: International Institute of Humanitarian Law, 2002.— P. 65.

³⁸ Munir M. Suicide attacks and Islamic law // IRRIC.— 2008.— Vol. 90.— № 869.— P. 89.

³⁹ Cairo Declaration on Human Rights in Islam, 1990 // International and Regional Human Rights Documents / P.H.P.H.M.C. van Kempen (ed).— Netherlands: Wolf Legal Publishers, 2010.

⁴⁰ Munir M. The Layha for the Mujahideen: an analysis of the code of conduct for the Taliban fighters under Islamic law // IRRIC.— March 2011.— Vol. 93.— № 881.

выявлением нарушений этнического и религиозного характера в странах Евросоюза. В докладе приводятся сотни случаев проявлений исламофобии с 2004 г., среди которых: вандализм в отношении мечетей и мусульманских центров, оскорбления в адрес женщин, носящих мусульманские платки (хиджабы), нападения на мусульман, натравливание собак. Отмечен случай, когда группа граждан с бейсбольными битами напала на мусульманскую семью в Дании. Согласно докладу, дискриминация мусульман наблюдается на рынках труда и жилья, в сфере образования⁴¹.

Борьба с исламофобией является приоритетным направлением Организации исламской конференции. Также создаются отдельные органы по борьбе с исламофобией в СМИ. Например, в 2004 г. организация Совет американо-исламских отношений (CAIR) начала кампанию против исламофобии в американских СМИ.

К сожалению, трактовка религиозных норм в наши дни зачастую проводится не теологами, а политиками, и сами мусульмане получают неверную и искаженную информацию. Подобные ситуации мы можем регулярно наблюдать в горячих точках, самым последним примером могут быть высказывания освобожденных после «сделки Шалита» террористов. Они призывали захватывать в заложники израильских солдат для обмена на палестинских террористов, отбывающих наказание в израильских тюрьмах. Данные высказывания нарушают не только национальное законодательство, международное право, Каирскую декларацию прав человека, но и является грехом по исламу.

Заключение

В данной работе анализируется соотношение норм исламского права с нормами современного международного права. Религиозное право занимает важное место для исламского общества, и оно имеет приоритет над международным правом. В современном мире множество стран провозгласили ислам государственной религией, огромное количество неправительственных группировок говорят о том, что они придерживаются ислама. В силу этого необходимо отметить миролюбивость данной религии, непротигворечие основных нормам и принципам современного международного права.

Ислам, как и любая религия, призывает к добру, милосердию, гуманности и прощению. Мусульманство основывается на универсальных принципах гуманности, уважения человеческой личности и неотъемлемости ее основных прав, поскольку все люди созданы Аллахом равными. Именно эти принципы и являются основами «законов человечности и требований общественного сознания», под охраной которых находятся люди в ситуации вооруженного конфликта в соответствии с оговоркой Мартенса.

Пристатейный библиографический список

1. Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. — М., 2002.
2. Женевские Конвенции от 12 августа 1949 г. // Документы по международному гуманитарному праву и другие документы, относящиеся к ведению военных действий. — 5-е изд., дополн. — М.: Международный комитет красного креста, 2010.
3. Интервью с Ахмадом Али Нурбалой // Международный журнал Красного Креста. Июнь 2005 г.: Пер. с англ. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2006.
4. Коран (перевод И. Ю. Крачковского). — Уфа: Башкирское книжное издательство, 1991.
5. Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. — Т. II. — Спб., 1896.
6. Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2001.
7. Сахих аль-Бухари. Ясное изложение хадисов «Достоверного сборника»; составил имам Абу-ль-'Аббас Ахмад бин 'Абд-уль-Латыф аз-Зубайди / Пер. с араб. Абдулла Нирша. — 5-е изд., испр. — М.: Умма, 2007.
8. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // Международное право в документах / Сост. Н. Т. Блатова. — М.: Юрид. лит., 1982.
9. Шейх Вахбех аль Зухили. Ислам и международное право // Международный журнал Красного Креста. Июнь 2005 г.: Пер. с англ. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2006.
10. Aboul-Enein, H. Yousuf and Zuhur, Sherifa, Islamic Rulings on Warfare, Strategic Studies Institute // US Army War College, Diane Publishing Co., Darby PA, 2004.
11. Ali S. S., Javaid R. The Concept of Jihad in Islamic International Law // Journal of Conflict & Security Law. — Winter, 2005ю — Vol. 10 (3).
12. Antisemitism and Islamophobia rising across Europe, survey finds // The Guardian. — 2008. — 18 September. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.theguardian.com/world/2008/sep/18/islam.religion>
13. Ayyad J. Nuzum al-harb fi-l-Islam (Statutes of war in Islam), Maktabat al-Khanghi, Cairo, 1951.
14. Badawi N. Islamic jurisprudence and the regulation of armed conflict // Program on humanitarian policy and conflict research. — Harvard University, 2009.
15. Cairo Declaration on Human Rights in Islam, 1990 // International and Regional Human Rights Documents / P.H.P.H.M.C. van Kempen (ed.). — Netherlands: Wolf Legal Publishers, 2010.
16. Cockayne J. Islam and international humanitarian law: From a clash to a conversation between civilizations // IRRС. — September 2002. — Vol. 84. — № 847.
17. Crone P. God's Rule: Government and Islam. — New York: Columbia University Press, 2004.
18. Cyprus v. Turkey, European Court of Human Rights, Petition № 25781/94, Straoutsbour 10 may 2001 г. // Elementair Internationaal Recht, Asser Press, Den Haag, 2011.
19. ICJ Advisory Opinion on Legality of the threat or use of nuclear weapon, 08 July 1996. // Elementair Internationaal Recht, Asser Press, Den Haag, 2011.
20. Kelsay J. Al-Shaybani and the Islamic Law of War // Journal of Military Ethics. — March 2003. — Vol. 2 (1),
21. Kelsay J. Islam and the Distinction between Combatant and non-combatant // Cross, Crescent and Sword: The Justification and Limitation of War in Western and Islamic tradition, 1990.
22. Mcdonald A. Terrorism, counter-terrorism and the jus in bello // Terrorism and International Law: Challenges and Responses / M. N. Schmitt (ed.). — San Remo: International Institute of Humanitarian Law, 2002.
23. Munir M. Suicide attacks and Islamic law // IRRС. — March 2008. — Vol. 90. — № 869.
24. Munir M. The Layha for the Mujahideen: an analysis of the code of conduct for the Taliban fighters under Islamic law // IRRС. — March 2011. — Vol. 93. — № 881.
25. Shaw M. International Law. — 6th ed. — Cambridge University Press, 2008.
26. Weeramantry Ch.G. Justice Without Frontiers. — Brill Publishers, 1997.
27. Weeramantry Ch.G., Islamic Jurisprudence: An International Perspective. — Macmillan, Houndmills, 1988.

⁴¹ Antisemitism and Islamophobia rising across Europe, survey finds // The Guardian. — 2008. — 18 September [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.theguardian.com/world/2008/sep/18/islam.religion>

Гершиноква Д. А.
СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ – ПРИЗНАКИ ФОРМИРОВАНИЯ КЛИМАТИЧЕСКОГО ПРАВА

В статье исследуется процесс развития новой подотрасли экологического права – климатического права. Анализ проводится по различным критериям, сформулированным в работах теоретиков права. Выделяются также дополнительные признаки, такие как формирование новой научной и учебной дисциплины, накопление соответствующей судебной практики. Приведен подробный анализ двух ключевых многосторонних соглашений по проблеме изменения климата – РКИК ООН и Киотского протокола.

Делается вывод о формировании в первую очередь международного климатического права, вслед за которым неизбежно развивается национальное право, главным образом в поддержку реализации принятых международных обязательств стран по сокращению антропогенных выбросов парниковых газов.

Ключевые слова: изменение климата, Рамочная конвенция ООН об изменении климата, Киотский протокол, международное экологическое право, климатическое право.

Гершиноква Д. А.

Gershinkova D. A.
PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW – SOME FEATURES OF CLIMATE LAW DEVELOPMENTS

The article is devoted to the process of development of a new sub-branch of environmental law – the climate law. The analysis is based on certain criteria set forth in publications by law experts. There are also mentioned some additional features, such as development of a new educational and scientific discipline and relevant court decisions. A detailed analysis of two key multilateral climate agreements – the UNFCCC and the Kyoto Protocol – is also presented.

Conclusion is made about formation of international climate law as a primary process, inevitably followed by development of national law that supports implementation of countries' international commitments to combat greenhouse gas emissions.

Keywords: climate change, United Nations Framework Convention on Climate Change, Kyoto Protocol, international environmental law, climate law.

Вопросы теории права

Исследователями теории права признается, что деление систем права на самостоятельные отрасли является «одной из наиболее сложных и противоречивых проблем» современной доктрины права, так как установленных общепризнанных критериев такого деления нет. Ссылаясь на работы отечественных специалистов в теории права, М. Н. Копылов привел ряд существующих подходов признания совокупности правовых норм в качестве отрасли¹. К таковым относятся: специфический круг общественных отношений; специфические нормы, регулирующие эти отношения; специальные принципы права, крупная общественная значимость круга общественных отношений, обширный объем нормативно-правового материала; заинтересованность общества в выделении, отпочковании отрасли; принятие государствами широкого универсального кодифицирующего акта в данной области международных отношений.

О. И. Тиунов полагает, что подотрасли можно выделять «в случае, когда отрасль права складывается из значительного количества норм, которые можно подразделить по признаку типизации регулирования общественных отношений в рамках данной отрасли»². При этом предмет правового регулирования является ключевым критерием основанием деления права на отрасли и подотрасли. Однако, как подчеркивает автор, необходимо учитывать и такие субъективные факторы, как научно обоснованная правовая политика, мониторинг правоприменительной практики, уровень правового сознания в обществе, тенденции взаимодействия международного и государственного права. В отечественной юридической литературе можно встретить и более ранние

обоснования того, что в международном праве следует выделять подотрасли³.

Особенностью развития международного экологического права по объектам, находящимся вне пределов национальной юрисдикции, относящимся к разделяемым ресурсам или общему наследию человечества (атмосфера, климат, Мировой океан и т. д.) является реализация подхода «сверху вниз» – т. е. сначала формируются международные универсальные правовые нормы⁴, а вслед за этим развивается национальное законодательство.

И. И. Лукашук полагал, что «на первый план выдвигаются... в первую очередь конвенции, а также резолюции международных организаций и совещаний»⁵. Н. А. Соколова считает международные конвенции наиболее подходящей и удобной формой решения экологических проблем глобального характера, так как в них государства договариваются о цели, своих правах и обязанностях, принципах, на основе которых будет построено сотрудничество по достижению цели⁶. Кроме этого, в соответствии со ст. 38 Статута Международного суда ООН международные конвенции включены в перечень источников права, которые Суд принимает во внимание при разбирательствах.

Систематизация принципов и норм, выделение отдельных отраслей права (кодификация права) имеет важное практическое значение, так как способствует совершенствованию специфических норм по охране окружающей среды и приведению внутрисударственных норм «к общему знаменателю»⁷.

¹ Копылов М. Н. Введение в международное экологическое право. – М.: РУДН, 2007. – С. 43–44.

² Тиунов О. И. Предмет, система и принципы международного права окружающей среды // Журнал российского права. – 2013. – № 6. – С. 66–79.

³ Фельдман Д. И. Система международного права. – Казань, 1983. – С. 39–53.

⁴ Тимошенко А. С. Формирование и развитие международного права окружающей среды. – М.: Наука, 1986. – С. 77.

⁵ Лукашук И. И. Нормы международного права. – М.: Спарк, 1997. – С. 228–229.

⁶ Соколова Н. А. Теоретические проблемы международного права окружающей среды. – Изд-во Иркут. ун-та, 2002. – С. 159.

⁷ Валеев Р. М. Международное экологическое право: Учебник. – М.: Статут, 2012. – С. 81.

С учетом изложенного попробуем проанализировать сложившиеся международные нормы по проблеме изменения климата и ответить на вопрос, есть ли основания выделять новую подотрасль международного экологического права — климатическое право.

Специальные принципы

Международное сотрудничество по проблеме изменения климата основывается на общепринятых принципах международного права (закрепленные в Уставе ООН, Декларации о принципах международного права), а также на сформулированных в РКИК ООН специальных принципах (ст. 3). Эти специальные принципы «родились» из Декларации принципов Рио 1992 г.¹¹, например:

– общая, но дифференцированная ответственность стран (7-й принцип Рио). На основе этого принципа развитые страны взяли на себя повышенные обязательства по смягчению последствий изменения климата (конкретные — в Киотском протоколе), оказанию финансовой и технологической помощи развивающимся странам, так как «должны играть ведущую роль в борьбе с изменением климата и его отрицательными последствиями» (ч. 1 ст. 3). А в ч. 2 ст. 3 признаются «конкретные потребности и особые обстоятельства» развивающихся стран;

– принцип предосторожности (15-й принцип Рио): «Сторонам следует принимать предупредительные меры в целях прогнозирования, предотвращения или сведения к минимуму причин изменения климата и смягчения его отрицательных последствий» (ч. 3 ст. 3);

– право стран на устойчивое развитие (3-й и 4-й принципы Рио): «Стороны имеют право на устойчивое развитие и должны ему содействовать» (ч. 4 ст. 3);

– обеспечение свободной торговли (12-й принцип Рио): «Меры, принятые в целях борьбы с изменением климата, включая односторонние меры, не должны служить средством произвольной или необоснованной дискриминации или скрытого ограничения международной торговли» (ч. 5 ст. 3).

Принцип общей, но дифференцированной ответственности (в английском варианте — *common but differentiated responsibility*, CBDR) является ключевым принципом климатического сотрудничества, так как именно такой подход позволяет учесть различные особенности стран (доля в глобальных выбросах, уровень экономического развития и т.д.) в распределении «бремени» обязательств.

Обязательства и соблюдение — нормы мягкого и твердого права

В п. 2 ст. 4 РКИК ООН записано, что «стороны, являющиеся развитыми странами и другие стороны, включенные в приложение I, берут на себя следующие конкретные обязательства...», но далее в тексте Конвенции эти обязательства по странам не конкретизируются, хотя приводится общая цель — «индивидуально или совместно вернуться к уровням антропогенных выбросов» 1990 г. к концу столетия (пп. b п. 2 ст. 4). Для устранения этого пробела Киотский протокол установил общую для развитых стран цель по снижению на пять процентов выбросов в первый период обязательств — 2008–2012 гг. относительно базового 1990 г. и индивидуальные показатели сокращения/стабилизации выбросов для каждой из стран приложения I. Был также утвержден перечень регулируемых газов и отраслей экономики, в которых проводится инвентаризация выбросов. Количественные обязательства приняли 37 промышленно развитых стран и одна организация экономической интеграции — Европейский Союз.

Киотским протоколом были созданы вспомогательные механизмы для выполнения обязательств — так называемые «механизмы гибкости»: торговля квотами на выбросы и передача квот от одной стороны другой в результате реализации совместных проектов — проектов совместного осуществления

Особый предмет регулирования и принятый государствами универсальный кодифицирующий акт

Глобальное потепление было обнаружено в конце 70-х — начале 80-х гг. XX в. и объяснялось ростом концентраций парниковых газов в атмосфере, в основном от сжигания ископаемого топлива. Антропогенное изменение климата грозило необратимыми последствиями в экосистемах, флоре и фауне и становилось новым вызовом жизни на Земле, новым вызовом человечеству. В ответ на это в 1992 г. участниками Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата (далее — РКИК ООН, Конвенция), в которой были определены цель и принципы международного сотрудничества по противодействию антропогенному изменению климата⁸, вызванному ростом парниковых газов в атмосфере. Парниковые газы — в первую очередь водяной пар⁹, углекислый газ, метан — обладают высоким потенциалом глобального потепления, т.е. способны поглощать и переизлучать инфракрасное излучение от поверхности Земли, создавая парниковый эффект. При этом загрязнителями атмосферы эти газы не являются и, соответственно, до РКИК ООН были вне рамок действовавших международных соглашений по охране атмосферного воздуха. Таким образом, РКИК ООН является многосторонним соглашением по особому предмету регулирования.

Эффект потепления связан с перемешиванием газов в атмосфере в планетарном масштабе, поэтому требовался глобальный подход к решению проблемы роста выбросов. Целью РКИК ООН стала стабилизация концентрации парниковых газов в атмосфере Земли «на таком уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему» (ст. 2 РКИК ООН). Основными направлениями климатического сотрудничества стали сокращение выбросов парниковых газов (смягчение последствий изменения климата) и адаптация к изменениям климата. Адаптация обусловлена необходимостью снизить риски для жизни людей и экономик стран от негативных последствий изменения климата (ураганы, экстремальная жара и холод, сильные осадки, наводнения и т.д.).

РКИК ООН и принятый позже в 1997 г. Киотский протокол являются основными источниками международного права по проблеме изменения климата, определившими цель, принципы сотрудничества и средства достижения цели. Важно также отметить, что эти два соглашения получили широкое признание в мире и обеспечивают почти стопроцентное участие в них государств — членов ООН, объединяя 195 стран — сторон РКИК ООН и 192 стороны Киотского протокола¹⁰.

⁸ В ст. 1 РКИК ООН приводится определение изменения климата — изменение, которое прямо или косвенно обусловлено деятельностью человека, вызывающей изменения в составе глобальной атмосферы, и накладывается на естественные колебания климата, наблюдаемые на протяжении сопоставимых периодов времени. Таким образом, РКИК ООН проводит различие между антропогенным изменением климата и изменчивостью климата, обусловленной естественными причинами.

⁹ Свидетельств об антропогенном росте выбросов водяного пара нет. Водяной пар не включен в список регулируемых РКИК ООН парниковых газов (см. МГЭИК, 2007).

¹⁰ Background on the UNFCCC: The international response to climate change [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://unfccc.int/essential_background/items/6031.php

¹¹ См. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию, принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml

(между странами, имеющими количественные обязательства) и участия в механизме чистого развития (между имеющей обязательства развитой страной и не имеющей обязательств развивающейся). Эти экономические механизмы, созданные для снижения затрат и не обязательные для применения стали широко известны в мире. В общественном сознании Киотский протокол связывается именно с торговлей квотами.

Киотским протоколом был также определен важный для любого соглашения механизм соблюдения обязательств. Оценка соблюдения заключается в регулярной проверке отчетности стран и соблюдении сроков предоставления отчетности. В случае нарушений установленных правил страна-нарушитель на время отстраняется от участия в механизмах гибкости протокола. После устранения нарушений ограничения на участие снимаются. За первый период протокола было порядка 10 случаев отстранения стран¹².

На основе изложенного можно заключить, что РКИК ООН определила только рамочные основы сотрудничества, принципы и общую цель, а конкретные обязательства для стран закрепились позже — в Киотском протоколе. Поэтому РКИК ООН следует отнести к области мягкого права, а Киотский протокол — к области твердого права. Если проанализировать аналогичным образом два основных направления климатических действий — смягчение последствий изменения климата и адаптацию — то можно прийти к выводу, что в первом случае имеются конкретные обязательства сторон, механизм соблюдения и санкций — т.е. нормы твердого права, а для адаптации — нет. Адаптация включает в себя целый спектр мер, направленных на обеспечение устойчивого развития стран, повышение благосостояния граждан, решение вопросов безопасности — то, что находится в компетенции государств. Выразить адаптационные обязательства как международные, да к тому же выразить их количественно — едва ли выполнимая задача.

Научная основа принимаемых решений

Научные данные о состоянии климатической системы в настоящем и будущем играют важную роль в развитии климатического права. В преамбуле РКИК ООН отмечается, что «меры, требующиеся для понимания и решения проблем изменения климата, будут наиболее эффективными с экологической, социальной и экономической точек зрения в том случае, если они будут основаны на соответствующих научных, технических и экономических соображениях и будут постоянно пересматриваться в свете новых результатов, полученных в этих областях». Выводы Первого доклада Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) 1990 г., в котором был подтвержден антропогенный фактор глобального потепления, придали динамизм процессу подготовки РКИК ООН. В докладе были обозначены возможные элементы международного соглашения (конвенции) по климату и различные подходы к определению обязательств стран¹³. Доклады МГЭИК, в которых даются текущие оценки глобальных выбросов и прогнозы, а также рекомендации по повышению потенциала сокращения глобальных эмиссий, и сегодня являются научной основой принимаемых решений по проблеме изменения климата и тем самым источником новых знаний и информации, «в свете которых» принимаются решения. Дополнительный вклад вносят также доклады Программы ООН по окружающей среде, Международного энергетического агентства (МЭА) и многих других международных организаций и специализированных организаций ООН.

Пятый доклад МГЭИК, основная работа над которым завершилась в апреле 2014 г., вновь подтверждает факт гло-

бального потепления, его антропогенную природу, а также прогнозирует дальнейший рост выбросов парниковых газов вместе с экономическим развитием и ростом народонаселения планеты. Поэтому необходимо существенное сокращение выбросов, чтобы рост глобальной температуры оставался в пределах 2°C. Выше этого значения последствия для жизни на Земле могут быть необратимыми. Новые научные данные должны ориентировать участников климатических переговоров ООН на принятие решений, адекватных выводам ученых-климатологов.

Развитие национального законодательства по проблеме изменения климата

РКИК ООН рекомендует государствам «вести в действие эффективное законодательство в области окружающей среды» (преамбула Конвенции). Принятые обязательства стран по РКИК ООН и Киотскому протоколу дали толчок развитию национального права по проблеме изменения климата.

Согласно выводам группы зарубежных авторов, изучавших развитие национального «климатического» права за период 2007–2012 гг., наиболее выражено «климатическое» законодательство формировалось в развивающихся странах¹⁴. В Азии число стран, где были приняты различные законы по климатической проблематике или связанным вопросам, увеличилось с 0% до 9%, в Латинской Америке — с 3% до 15%. К 2012 г. 62% азиатских выбросов парниковых газов регулировались национальным законодательством, а в Латинской Америке — 63%.

В России к «климатическим» источникам российского права можно отнести законы о ратификации РКИК ООН¹⁵ и Киотского протокола¹⁶, Климатическую доктрину¹⁷, акты президента и правительства¹⁸. Право окружающей среды является комплексной отраслью в системе российского права, так как экологические отношения регулируются «как собственными нормами, так и нормами, содержащимися в других отраслях»¹⁹. Учитывая, что сокращение выбросов парниковых газов главным образом касается энергетического сектора, на который приходится около 80% российских выбросов²⁰, то законодательство, направленное на повышение энергоэффективности экономики, развитие возобновляемой энергетики²¹, а также на адаптацию к изменению климата²² и экологиче-

¹⁴ Navroz K. D., Hagemann M., Höhne N., Upadhyaya P. Developments in national climate change mitigation legislation and strategy // *Climate Policy*. — 2013. — Vol. 13. — № 6. — P. 649–664.

¹⁵ Федеральный закон Российской Федерации от 4 ноября 1994 г. № 34-ФЗ.

¹⁶ Федеральный закон Российской Федерации от 4 ноября 2004 г. № 128-ФЗ.

¹⁷ Распоряжение Президента РФ от 17 декабря 2009 г. № 861-рп.

¹⁸ Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2013 г. № 752 «О сокращении выбросов парниковых газов».

¹⁹ Бринчук М. М. Экологическое право (право окружающей среды). — М.: Юрист, 1998 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/ecologicheskoe-pravo-3/32.htm>

²⁰ Шестое Национальное сообщение Российской Федерации, представленное соответствии со статьями 4 и 12 РКИК ООН и статьей 7 Киотского протокола, Росгидромет, 2014. — С. 9–11 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.unfccc.int>

²¹ См. распоряжение Правительства Российской Федерации от 08 января 2009 № 1-р «Об основных направлениях государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2020 года», Федеральный закон Российской Федерации от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

²² См. Стратегию деятельности в области гидрометеорологии и смежных с ней областях на период до 2030 года (с учетом аспектов изменения климата), утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 сентября 2010 г. № 1458-р.

¹² См. Интернет-сайт РКИК ООН [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.unfccc.int>

¹³ IPCC First Assessment Report 1990, 277–278 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ipcc.ch>

ское просвещение, следует относить к нормам «климатического» права.

В некоторых странах мира были образованы министерства/департаменты по климату (в Дании, Великобритании, Австралии). Во многих странах были назначены высокие должностные лица (советники, послы) по вопросам изменения климата (Великобритания, США, ЕС, Россия, Новая Зеландия и др.).

Климатическая проблематика за последние 20 лет стала неотъемлемой частью повестки различных международных организаций и форумов (АТЭС, Группа восьми и Группа двадцати), двусторонних и региональных соглашений²³. Принимаемые решения в рамках компетенций этих организаций и форумов направлены на смягчение антропогенного воздействия на климат или адаптацию к изменению климата²⁴. Так, ИКАО и ИМО устанавливают стандарты выбросов CO₂ в международных авиа- и морских перевозках, АТЭС в 2012 г. утвердил список экологических товаров, для которых к концу 2015 г. будут снижены тарифы на 5%, Группа восьми объявляла о совместных обязательствах сократить выбросы на 50–80% к 2050 г. и оказывать финансовую помощь развивающимся странам. То есть в процессе работы различных форумов за границами РКИК ООН и Киотского протокола также формируются нормы мягкого и твердого права по климатической проблематике. Безусловно, ориентирами в этом процессе являются РКИК ООН и Киотский протокол и решения их органов.

Правоприменительная практика и формирование новой научной и учебной дисциплины

Постепенно накапливается судебная практика по вопросам, связанным с выполнением «климатических» обязательств на национальном или международном уровне. Отечественный и зарубежный опыт в этой связи свидетельствуют о том, что большинство судебных дел находится в плоскости гражданского (или коммерческого — заруб.) права и связаны с исками о нарушении обязательств сторон по договорам о реализации киотских механизмов²⁵, а также прав интеллектуальной собственности, режима свободной торговли в ВТО и др.²⁶

В 2010–2012 гг. получило известность разбирательство в Суде Европейского Союза по иску нескольких американских авиакомпаний о неправомерности директивы ЕС, которая предусматривала включение международной авиации в Европейскую систему торговли выбросами (ЕТС)²⁷. Согласно этой директиве все авиаперевозчики — европейские и зарубежные, совершающие полеты в/из стран ЕС, должны были с 2012 г. покупать на Европейском углеродном рынке

квоты на выбросы. Против таких односторонних мер выступили многие страны, в том числе и Россия, несмотря на то, что новая норма ЕС была представлена как весьма благородная инициатива по сдерживанию роста глобальных выбросов от авиаперевозок. Очевидное, казалось бы, нарушение норм международного права и правил ИКАО Судом ЕС не было признано, о чем обстоятельно изложено на 65 страницах решения суда²⁸. Этот прецедент интересен тем, что были обнаружены существующие в международном праве «лазейки», которые позволили ЕС, не нарушая норм международного права, фактически навязать свой подход к решению проблемы изменения климата иностранным партнерам. Тем не менее протесты зарубежных перевозчиков и принятые ответные меры в США (закон о запрете авиакомпаниям из США участвовать в ЕТС) и Китае (отказ от закупок аэробусов) заставили ЕС приостановить действие директивы до 2016 г.²⁹. В то же время в ИКАО активизировались обсуждения международных согласованных действий по сокращению выбросов от полетов гражданской авиации.

Другое направление «климатических» судебных разбирательств, примеров которых, правда, немного — это иски от частных лиц, организаций или государств к конкретным предприятиям или другим государствам о нарушениях прав человека, вреде здоровью, имуществу и т.д. Здесь суды сталкиваются с проблемой установления причинно-следственной связи ущерба и действий, которые привели к ущербу, а также определения круга ответственных лиц

В 2011 г. Палау — малое островное государство в Тихом океане — объявило о намерении обратиться в Международный суд ООН с просьбой вынести консультативное решение об ответственности развитых стран за происходящее изменение климата³⁰. Палау здесь выступает от имени группы малых островных государств, которые обеспокоены риском затопления своих территорий в результате повышения уровня океана в связи с изменением климата. Подробно этот случай проанализирован в работе американских юристов Корман и Гизель. Авторами отмечается, что если консультативное решение Международного суда будет вынесено, то может появиться новая норма международного права по проблеме изменения климата³¹. Правда, перспектив у такого иска все же немного, так как установить четкую причинно-следственную связь между выбросами парниковых газов в одном государстве и негативными последствиями в другом не представляется возможным. Концепция глобального потепления климата этого не предусматривает.

Прослеживаются признаки развития климатического права и как науки, и как учебной дисциплины. Формируемые нормы международного и национального права по проблеме изменения климата в западных источниках постепенно объединяются под названием «климатическое право» (например, в работах Д. Бодански³², К. Ку-

²³ См. Стратегию экономического развития СНГ на период до 2020 года (план мероприятий по реализации стратегии, утвержден 18.10.2011, раздел «Экология и защита окружающей среды»), Совместную программу действий на 2010–2011 гг. между Российской Федерацией и Королевством Бельгия, Его Сообществами и регионами 2010 года; договор между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Дания о содействии реализации проектов по статье 6 Киотского протокола 2010 года и др.

²⁴ Bodansky D. Multilateral Climate Efforts Beyond the UNFCCC, Arizona State University Sandra Day O'Connor College of Law, 2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1963928

²⁵ См., например, электронный ресурс «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

²⁶ Miles K. Arbitrating climate change: Regulatory regimes and investor-state disputes // *Climate Law*. — 2010. — Vol. 1. — P. 63–92; The EU ETS and the role of the courts: Emerging contours in the case of Arcelor Marjan Peeters. // *Climate Law*. — 2011. — Vol. 2. — P. 19–36.

²⁷ Directive 2008/101/EC of the European Parliament and the Council of 19 November 2008 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2009:008:0003:0021:en:PDF>

²⁸ Opinion of Advocate General Kokott delivered on 6 October 2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ec.europa.eu/clima/news/docs/2011100601_case_c366_10_en.pdf

²⁹ Reducing emissions from aviation [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ec.europa.eu/clima/policies/transport/aviation/documentation_en.htm

³⁰ Palau seeks UN World Court opinion on damage caused by greenhouse gases [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=39710&Cr=pacific+island&Cr1=#.U0rPaKJjMTA>

³¹ Korman A., Giselle B. Rethinking Climate Change: Towards an International Court of Justice Advisory Opinion // *The Yale Journal of International Law*. — 2012. — Vol. 37.

³² Bodansky D. M. The Art and Craft of International Environmental Law (2010) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://digitalcommons.law.uga.edu/fac_artchop/532; International Climate Change Law. Daniel Bodansky, Jutta Brunnée, and Lavanya Rajamani, выход в свет ожидается в ноябре 2014 г. (см. <http://ukcatalogue.oup.com/product/9780199664290.do>).

ловеси³³, Ж. Пил³⁴ и др.). В Нидерландах известное академическое издательство «Брилл» («Brill») выпускает журнал «Климатическое право» («Climate Law») ³⁵. Некоторые университеты в Великобритании и США уже в течение ряда лет набирают студентов для изучения нового предмета — климатического права с присуждением соответствующих ученых степеней (магистр права в области глобальной энергетики и климатической политики в университете Лондона; магистр права в области изменения климата и энергии в университете Данди, Великобритания) ³⁶. В России пока таких примеров нет.

На пути к новому соглашению

Согласно выводам Пятого доклада МГЭИК ³⁷ глобальная температура продолжает расти (на 0,85 °C за период 1880–2012 гг.) на фоне роста концентраций парниковых газов (концентрации CO₂ увеличились на 40% с доиндустриального периода, в первую очередь за счет выбросов от сжигания ископаемого топлива). Уровень опасности необратимых последствий в связи с потеплением остается высоким. Цель РКИК ООН не достигнута, и проблема изменения климата остается актуальным вопросом международной повестки дня. Показатели снижения выбросов в первый период Киотского протокола не обеспечили требуемых с научной точки зрения объемов сокращений выбросов, в основном, из-за неучастия в соглашении двух крупнейших мировых эмитентов — США и Китая ³⁸. Но, тем не менее, есть свои положительные результаты. Промежуточные оценки свидетельствуют о снижении совокупных выбросов парниковых газов группы развитых стран за 1990–2011 годы — на 9,3%, а если учесть поглощение углерода в лесах, то еще больше — на 14,5% ³⁹. Российские обязательства первого периода Киотского протокола заключались в стабилизации выбросов на уровне 1990 г. и были «перевыполнены», так как в среднем выбросы были на 30% ниже уровня 1990 г. Причиной этого достижения, правда, стали не только меры по сокращению выбросов, но, в значительной степени, — масштабный спад производства в 90-е годы прошлого столетия ⁴⁰. Признавая неэффективность протокола без участия США и ведущих развивающихся стран, Новая Зеландия, Россия и Япония решили не брать на себя количественных обязательств во втором периоде Киотского протокола (2013–2020 гг.), а Канада вообще вышла из соглашения. Таким образом, второй период Киотского протокола регулирует не более 15% глобальных выбросов парниковых газов, что не является адекватным подходом к решению глобальной проблемы изменения климата. Поэто-

му в 2011 г. были начаты переговоры по разработке до 2015 г. «протокола, иного правового акта или итогового документа, обладающего юридической силой, согласно Конвенции, примененного ко всем Сторонам», чтобы он «вступил в силу и начал осуществляться с 2020 года» ⁴¹.

Переговоры происходят в новых условиях по сравнению с началом 90-х годов прошлого века: теперь по совокупным выбросам лидируют развивающиеся страны — 54% по оценкам МЭА ⁴², в первую очередь за счет Китая. Эти страны, выражая готовность действовать добровольно на национальном уровне, не согласны принимать юридически значимые обязательства на международном уровне. Ключевой принцип РКИК ООН — принцип общей, но дифференцированной ответственности остается краеугольным камнем переговоров: как справедливо распределить обязательства между странами, учитывая реалии сегодняшнего дня? Существуют различные подходы к разделению «бремени» ответственности стран по таким признакам, как доля стран в глобальных выбросах, уровень выбросов на ВВП или на душу населения и др. ⁴³. Каждый из подходов имеет свои плюсы и минусы, по-своему может быть выгоден или не выгоден той или иной стране. Несколько лет переговоров пока не приблизили стороны к разрешению имеющихся противоречий.

Остается открытым и вопрос о продолжительности действия нового соглашения и о «корзине» регулируемых газов (список газов, выбросы которых учитываются), а также о системе соблюдения и о новых экономических (рыночных) механизмах. Киотский углеродный рынок не оправдал связанных с ним ожиданий. Цены на квоты оказались значительно ниже прогнозируемых. Практическая значимость механизмов гибкости в настоящее время обсуждается экспертным сообществом. Но в любом случае киотский опыт лежит в основе переговоров по новым рыночным механизмам.

Еще одним сложным вопросом переговоров является предложение развивающихся стран принять обязательства по адаптации к изменениям климата. Как отмечалось выше, конкретные количественные обязательства по адаптации сложно сформулировать вообще, и принятые в РКИК ООН обязательства по адаптации сотрудничать «в принятии подготовительных мер с целью адаптации» ⁴⁴ следует рассматривать в плоскости «мягкого права». Кроме новых источников финансовой помощи на цели адаптации здесь сложно что-либо придумать. На согласование всех параметров нового многостороннего соглашения остается полтора года.

Выводы

Современная теория права признает формирование новых отраслей или подотраслей права как результат прогрессивного развития права. Так, во второй половине XX в. интенсивно развивалось и сформировалось как самостоятельная отрасль международное экологическое право. К объектам, регулируемым нормами международного экологического права, относятся и климат.

Принятая в 1992 г. РКИК ООН определила специальные принципы и цель международного сотрудничества по проблеме антропогенного изменения климата, обнаруженного в 70–80-е гг. прошлого столетия, рамочные обязательства стран. Обязательства по сокращению выбросов были конкретизированы в Киотском протоколе 1997 г. для группы разви-

³³ Hollo E.J., Kulovesi K., Mehling M. (eds.) Climate Change and the Law. — Springer: Dordrecht, 2013, P. 1–8.

³⁴ Peel J. Climate Change law: the emergence of a new legal discipline // Melbourne University Law Review. — 2008. — Vol. 32. — № 3.

³⁵ A Journal on Climate Change and the Law [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.brill.com/products/journal/climate-law>

³⁶ Карапоткин Д. Г. Особенности преподавания энергетического права в Великобритании // Энергетическое право. — 2013. — № 2. — С. 36–39.

³⁷ МГЭИК, 2013 г.: Резюме для политиков. Содержится в публикации Изменение климата, 2013 г.: Физическая научная основа. Вклад Рабочей группы I в Пятый доклад об оценке Межправительственной группы экспертов по изменению климата. Кембридж Университи Пресс, Кембридж, Соединенное Королевство, и Нью-Йорк, США, с. 3–9.

³⁸ Working Group III contribution to the IPCC 5th Assessment Report «Climate Change 2014:

Mitigation of Climate Change», IPCC, 2014, Chapter 13, 60–61 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.ipcc.ch

³⁹ Документ FCCC/SBI/2013/19, с.8 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.unfccc.int>

⁴⁰ Шестое Национальное сообщение Российской Федерации, представленное соответствии со статьями 4 и 12 РКИК ООН и статьей 7 Киотского протокола, Росгидромет, 2014, с.9–11. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.unfccc.int>

⁴¹ Документ FCCC/CP/2011/9/Add.1, с. 2 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.unfccc.int>

⁴² CO₂ Emissions from Fuel Combustion. Highlights, IEA, 2013, с.10 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iea.org>

⁴³ Working Group III contribution to the IPCC 5th Assessment Report «Climate Change 2014: Mitigation of Climate Change» // IPCC. — 2014. — P. 30–31 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.ipcc.ch

⁴⁴ См. ст. 4.1f РКИК ООН.

тых стран (первый период 2008–2012 гг.). РКИК ООН и Киотский протокол являются универсальными международными соглашениями, устанавливающими основы регулирования специфических международных отношений, направленных на сокращение выбросов парниковых газов в атмосферу. 195 стран являются сторонами РКИК ООН и 192 — Киотского протокола, т.е. обеспечивается глобальный характер этих двух соглашений. Согласно выделяемым теоретиками права критериям, таким как наличие специфического круга общественных отношений и норм, регулирующих эти отношения, специальных принципов права, высокой общественной значимости круга общественных отношений, обширного объема нормативно-правового материала; а также принятие государствами широкого универсального кодифицирующего акта в данной области международных отношений — можно говорить о наличии этих признаков в сложившихся международных отношениях по проблеме изменения климата. Международные обязательства стран дали толчок развитию национальных норм права по проблеме изменения климата.

Важно также отметить, что формируемая подотрасль права обладает своими отличительными чертами. Можно выделить взаимосвязь проблематики изменения климата с множеством других сфер жизнедеятельности — предмет регулирования климатического права находится на стыке экономики, экологии, вопросов безопасности, здравоохранения и т.д. Другой особенностью климатического права является научное обоснование принимаемых международным сообществом решений. РКИК ООН и Киотским протоколом предусмотрен периодический обзор и оценка адекватности целей и соответствующих обязательств стран на основе новых научных данных.

В процессе формирования международных «климатических» норм кроме государств участвуют международные организации, научное сообщество, сильный голос имеют некоммерческие организации. Климатическое право развивается также как научная и учебная дисциплина.

Согласно последним научным данным рост выбросов парниковых газов и глобальной температуры продолжается. Новое многостороннее соглашение, переговоры по которому, как ожидается, завершатся в 2015 г., должно определить новые обязательства стран, систему контроля соблюдения обязательств и вспомогательные экономические механизмы выполнения обязательств на период после 2020 г. То есть будут построены новые рамки долгосрочного сотрудничества по проблеме изменения климата. Это станет новой ступенью развития климатического права.

Пристатейный библиографический список

1. Бринчук М. М. Экологическое право (право окружающей среды). — М.: Юрист, 1998 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/ecologicheskoe-pravo-3/32.htm>
2. Валеев Р. М. Международное экологическое право: Учебник. — М.: Статут, 2012.
3. Карапоткин Д. Г. Особенности преподавания энергетического права в Великобритании. Ж-л «Энергетическое право». — 2013. — № 2.
4. Копылов М. Н. Введение в международное экологическое право. — М.: РУДН, 2007.
5. Лукашук И. И. Нормы международного права. — М.: Спарк, 1997.
6. МГЭИК, 2013 г.: Резюме для политиков. Содержится в публикации Изменение климата, 2013 г.: Физическая научная основа. Вклад Рабочей группы I в Пятый доклад об оценке Межправительственной группы экспертов по изменению климата. — Кембридж: Университет Пресс, Кембридж, Соединенное Королевство, и Нью-Йорк, США, 2013.
7. Соколова Н. А. Теоретические проблемы международного права окружающей среды. — Изд-во Иркут. ун-та, 2002.
8. Тимошенко А. С. Формирование и развитие международного права окружающей среды. — М.: Наука, 1986.
9. Тиунов О. И. Предмет, система и принципы международного права окружающей среды // Журнал российского права. — 2013. — № 6.
10. Шестое Национальное сообщение Российской Федерации, представленное соответствии со статьями 4 и 12 РКИК ООН и статьей 7 Киотского протокола. — Росгидромет, 2014. — С. 9–11 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.unfccc.int>
11. Bodansky D. Multilateral Climate Efforts Beyond the UNFCCC, Arizona State University Sandra Day O'Connor College of Law, 2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1963928
12. Bodansky D. M. The Art and Craft of International Environmental Law, 2010 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://digitalcommons.law.uga.edu/fac_artchop/532
13. Climate Change and the Law. Springer: Dordrecht, 2013
14. CO2 Emissions from Fuel Combustion. Highlights, IEA. — 2013. — P. 10 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iea.org>
15. IPCC First Assessment Report. — 1990. — 277 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ipcc.ch>
16. Korman A., Giselle B.. Rethinking Climate Change: Towards an International Court of Justice Advisory Opinion // The Yale Journal of International Law. — 2012. — Vol. 37.
17. Miles K. Arbitrating climate change: Regulatory regimes and investor-state disputes // Climate Law. — 2010. — Vol. 1.
18. The EU ETS and the role of the courts: Emerging contours in the case of Arcelor Marjan Peeters // Climate Law. — 2011. — Vol. 2.
19. Navroz K. Dubash, Markus Hagemann, Niklas Höhne, Prabhat Upadhyaya Developments in national climate change mitigation legislation and strategy // Climate Policy. — Vol. 13. — № 6.
20. Peel J. Climate Change law: the emergence of a new legal discipline // Melbourne University Law Review. — 2008. — Vol. 32. — Is. 3.
21. Working Group III contribution to the IPCC 5th Assessment Report «Mitigation of Climate Change», IPCC, 2014, Chapter 13, 30–31, 60–61 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ipcc.ch>

Шангина Т.Н.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕФТЕГАЗОВЫХ КОМПАНИЙ

В работе рассматриваются правовые аспекты регулирования нефтегазовой отрасли. В статье представлен анализ юридической базы, регулирующей внешнеэкономическую деятельность в нефтегазовой сфере. Показаны текущее положение и тенденции развития в связи с вступлением в ВТО и образованием Таможенного союза. Даны рекомендации по применению юридического законодательства при реализации внешнеэкономической деятельности в нефтегазовой отрасли.

Ключевые слова: правовое регулирование, внешнеэкономическая деятельность, нефтегазовая отрасль, Таможенный союз, Инкотермс.

Shangina T.N.

LEGAL BASES OF REGULATION OF FOREIGN ECONOMIC OIL AND GAS OPERATIONS

The article focuses on the legal aspects of regulation of oil and gas industry. The article presents an analysis of the legal framework governing foreign economic activities in the petroleum sector. The paper shows the current status and trends of development in connection with the entry into the WTO and the formation of the Customs Union. Recommendations on the use of legal legislation in the implementation of foreign economic activity in the oil and gas industry are made.

Keywords: legal regulation, trade, oil and gas industry, the Customs Union, Incoterms.

Шангина Т.Н.

Российская Федерация относится к числу стран с наиболее крупной сырьевой базой нефтедобычи. Согласно государственному докладу «О состоянии минерально-сырьевой базы Российской Федерации» перспективные и прогнозные ресурсы нефти страны составляют 13% мировых. В последнее время достаточно часто встает вопрос о переходе российской экономики на новую модель развития, где основным направлением будет увеличение высокотехнологичного производства. Несмотря на безусловную выгоду перехода на новую модель развития, необходимо учитывать, что в ближайшее время Российская Федерация не готова увеличить долю высокотехнологичной продукции в своем экспорте. Следует отметить, что одним из главных источников экономического развития является энергия во всех её проявлениях и формах, а контроль за топливно-энергетическими ресурсами и средствами осуществления сырьевого экспорта является особенно важным. Все изложенное подтверждает актуальность исследования правовых основ регулирования внешнеэкономической деятельности нефтегазовых компаний.

Как указано выше, Российская Федерация обладает широким спектром энергетических ресурсов, а внешнеэкономическая деятельность является стратегическим ресурсом. При этом следует учитывать, что невосполнимость энергетических ресурсов накладывает особую ответственность на компании, осуществляющие реализацию нефтепродуктов. Таким образом, обеспечение максимально возможной эффективности реализации жидких углеводородов становится не только общегосударственной задачей, но и проблемой, которую, ради обеспечения собственных интересов, должна решать каждая из компаний нефтегазовой промышленности Российской Федерации.

На основе изучения механизмов взаимодействия частных и государственных компаний нефтегазовой отрасли на международных рынках должны быть обоснованы направления их совершенствования: адаптация корпоративных стратегий и организационных структур к требованиям геоэкономического развития страны, координация внешнеэкономической экспансии, совершенствование управления госпакетом национальных компаний и др.

Общеизвестно, что важнейшим конкурентным преимуществом российского топливно-энергетического комплекса (ТЭК) является его природно-ресурсный потенциал, который

и позволяет этому сектору экономики оставаться локомотивом социально-экономического развития Российской Федерации, одной из экономикообразующих отраслей, вносить главный вклад в формирование положительного торгового баланса, в рост валютных резервов, осуществить серьезное увеличение налоговых поступлений в бюджеты всех уровней. Многочисленные цифры подтверждают это, но эти же цифры подчас служат основанием для критики со стороны ряда российских и зарубежных экспертов, утверждающих, что высокая доля ТЭК свидетельствует о сильной зависимости российской экономики от добычи нефти и газа, и о том, что наша страна превращается в сырьевой придаток мировой экономики.

Проведенный анализ российского экспорта продемонстрировал неэффективность его товарной структуры, что проявляется в продолжающемся процессе увеличения сырьевой компоненты и в наличии сильной зависимости динамики экономического роста от изменений цен на нефть.

Удельный вес нефти в общем объеме российского экспорта за последние 5–6 лет находится в пределах 30–35%¹. В соответствии с официальными данными ресурсная обеспеченность Российской Федерации в нефти, исходя из сегодняшних экономических и технологических реалий, составляет по доказанным запасам 22–25 лет, а по прогнозным — около 50 лет. Маловероятно, что национальным интересам Российской Федерации соответствует неограниченное наращивание экспорта нефти.

Подчеркнем, что, в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 г. № 1715-р «Об утверждении Энергетической стратегии России на период до 2030 года»², несмотря на нацеленность последовательной минимизации влияния на экономику, именно экспорт энергоносителей, нефти в первую очередь, до 2030 г. будет оставаться основным определяющим фактором развития национальной экономики, который детерминирует формирование

¹ Статистика ВЭД. Аналитическая группа. Таможенная статистика России на январь 2014 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ved-stat.ru/tamozhennajastatistica>

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 года № 1715-р «Об утверждении Энергетической стратегии России на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.pravo.ru>

российского валового внутреннего продукта и доходной части бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Все сказанное подтверждает, что реализация внешнеэкономической деятельности в нефтегазовой отрасли требует государственного подхода, учитывающего экономические и политические интересы Российской Федерации и повышающие ее конкурентные преимущества на международном рынке. Фактор получения прибыли частным бизнесом, безусловно, сохраняется и имеет существенный вес, но необходимость укрепления контролирующей роли государства при обеспечении внешнеэкономической деятельности в сфере энергетики, и в том числе для предотвращения необоснованной конкуренции российских компаний на внешних рынках, в настоящее время только возрастает.

К формам такой координации относятся более серьезный подход государственных структур к решению соответствующих вопросов уже на стадии проработки проектов и программ внешнеэкономической деятельности за рубежом (например, путем организации экспертизы проектов и коммерческих предложений, проведения предквалификационного отбора и внутренних тендеров между российскими компаниями по поставкам оборудования и участию в проектах и т.д.), заключение долгосрочных контрактов на поставки энергоресурсов на внешний рынок, погашение и реструктуризация задолженности за поставленные российские энергоресурсы, создание различных межгосударственных хозяйствующих структур, содействие участию российских компаний в крупных зарубежных проектах, сотрудничество с международными кредитными организациями в разработке схем финансирования и возврата средств при реализации инвестиционных программ в ТЭК Российской Федерации т.п.

Нефтегазовый сектор Российской Федерации обладает достаточными условиями для реализации своего внешнеэкономического потенциала, но выполнение этой задачи требует значительных, и, к сожалению, увеличивающихся усилий по осуществлению стратегических направлений энергетической политики России на внешнем рынке. К числу достаточно существенных относятся следующие: расширение экспорта без ущерба для внутреннего рынка, что обеспечивается, в первую очередь, сбалансированной ценовой политикой; рост экспорта товаров с более высокой добавленной стоимостью при существенном улучшении их качества, в первую очередь, нефтепереработки, нефтехимии и газопереработки. Решению этой задачи будет способствовать приведение российских стандартов в соответствие с международными стандартами ИСО/МЭК; географическая диверсификация рынков сбыта, развитие северных, восточных и южных направлений (прежде всего в страны Северной Америки и Северо-Восточной Азии) с последующим увеличением их удельного веса; обеспечение безопасности транзита; освоение месторождений за рубежом; полное или долевое владение объектами энергетической инфраструктуры; привлечение зарубежных инвестиций; развитие новых форм сотрудничества.

В 2011 г. были сделаны важные шаги, способные существенно усилить позиции Российской Федерации в мировой экономике. Главное достижение связано с процессом по присоединению России к ВТО. В соответствии с достигнутыми договоренностями средневзвешенная ставка импортной пошлины в Российской Федерации снижена с 10% до 7,8%, а ставка по промышленным товарам — с 9,5% до 7,3%. Столь умеренное снижение, с учетом переходного периода, не должно оказать существенного влияния на конкурентные позиции российских производителей импортозамещающих товаров. В то же время доступ к принятым в ВТО механизмам устранения торговых ограничений и разрешения торговых споров способен существенно укрепить международные позиции российских экспортеров. Кроме того, присоединение к ВТО служит важным фактором, повышающим инвестиционную привлекательность страны. После присоединения на Российскую

Федерацию распространяются принятые правила защиты прав участников внешнеэкономических операций (в том числе инвесторов), что позволит более полно использовать возможности международного экономического сотрудничества. Вступление в ВТО существенно меняет правовые требования к участникам внешнеэкономической деятельности, расширяя их более широким пакетом юридических документов.

Кроме того, в 2011 г. наблюдалось дальнейшее усиление интеграционных процессов на постсоветском пространстве. В рамках развития более глубоких форматов сотрудничества 18 ноября 2011 г. главами России, Беларуси и Казахстана был образован Таможенный союз (ТС). Этот союз основывается на колоссально важном принципе: отмене всех таможенных пошлин по отношению друг к другу. Фактическая отмена границ между названными странами способствует динамике бизнеса, создает основу для нового этапа в передвижении товаров и капитала. На сегодняшний день по данным экспертов есть все основания утверждать, что механизм ТС обеспечит Беларуси, Казахстану и России прирост ВВП в 15% к 2015 г.³

Особое место в рамках Таможенного союза отведено регулированию таможенного обложения нефти и нефтепродуктов. Принимая как данность необходимость создания общего рынка нефти и нефтепродуктов государств — участников Единого экономического пространства, а также развития конкуренции на этих рынках в целях эффективного использования потенциала нефтегазовой отрасли, Российская Федерация, Республика Беларусь и Республика Казахстан подписали соглашение, вступившее в силу 1 января 2012 г. При экспорте сырой нефти и нефтепродуктов из России на территорию Республики Беларусь или Республики Казахстан для внутреннего потребления на территории указанных стран вывозные таможенные пошлины не осуществляются.

В ситуации если российские нефтепродукты и сырая нефть экспортируются из Российской Федерации через территорию Республики Беларусь или Республики Казахстан в третьи государства, порядок уплаты вывозных таможенных пошлин на нефть и нефтепродукты при вывозе их за пределы единой таможенной территории Таможенного союза определен комплексом отдельных мер, в том числе двусторонними соглашениями государств — участников Таможенного союза.

Рассматривая очерченное проблемное поле в юридической плоскости, отметим, что в рамках Таможенного союза функцию взимания таможенных пошлин в Российской Федерации реализует Федеральная таможенная служба. Нормативно-правовым базисом в определении ставок таможенных пошлин в нефтяной отрасли является Соглашение между Правительством РФ, Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Казахстан от 25 января 2008 г. «О едином таможенно-тарифном регулировании».

Согласно названному документу ставки таможенных пошлин в Российской Федерации зависят от вида товара (по классификации ЕТН ВЭД), страны происхождения, а также условий, определяющих применение специальных видов пошлин⁴.

С 1 июля 2010 г. вступил в силу новый Таможенный кодекс Таможенного союза (ТК ТС) трёх государств: Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан. Согласно ТК ТС единый таможенный тариф Таможенного союза устанавливается консолидированным решением Комиссии ЕЭС.

³ Мамытбеков Е. Таможенный союз к 2015 году обеспечит странам-участникам дополнительный прирост ВВП на 15–18 процентов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zakon.kz/158066-tamozhennyj-sojuz-k-2015-godu.html>

⁴ Стровский Л.Е., Казанцев С.К., Паршина Е.А. и др. Таможенное регулирование внешнеэкономической деятельности // Внешнеэкономическая деятельность предприятия / Под ред. проф. Л.Е. Стровского. — 3-е изд. — М., 2004.

Статья 79 ТК ТС определяет тот факт, что «плательщиками таможенных пошлин, налогов являются декларанты или иные лица, на которых в соответствии с настоящим Кодексом, международными договорами государств — членов Таможенного союза и (или) законодательством государств — членов Таможенного союза возложена обязанность по уплате таможенных пошлин, налогов»⁵.

На сегодняшний день вступило в силу Постановление Правительства Российской Федерации от 27 марта 2013 г. № 261 «Об утверждении ставок вывозных таможенных пошлин на нефть сырую и на отдельные категории товаров, выработанные из нефти, вывозимые за пределы территории Российской Федерации и территории государств-участников соглашений о Таможенном союзе»⁶.

Российская политика в области ценообразования после присоединения Российской Федерации к ВТО обеспечит покрытие затрат и получение дохода российскими производителями и поставщиками природного газа. Они должны действовать на основании коммерческих соображений. При этом данные правила не касаются поставок газа некоммерческим потребителям газа, в отношении которых Российская Федерация сохраняет право применять такое регулирование цен на природный газ, которое будет обеспечивать социально-экономические цели и задачи России. То есть обязательства в ВТО соответствуют нынешнему законодательству и практике.

Нововведения в Таможенном кодексе коснулись понятийного аппарата, форм таможенного контроля, введены новые положения о задержке товаров, исключены устная и конклюдентная форма декларирования, ограничен перечень документов для декларирования товаров при экспорте, изменены сроки.

Главной особенностью Закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ является необходимость подачи декларации на товары в электронной форме. Однако в соответствии с переходными положениями до 2014 г. сохраняется возможность подачи декларации в бумажном виде.

С принятием Таможенного кодекса Таможенного союза были значительно сокращены сроки оформления: товар выпускается таможенным органом в течение 2 дней со дня регистрации декларации, а товар, необлагаемый вывозными пошлинами, в течение 4 часов. Закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации» развивает этот подход и сокращает перечень документов, необходимых для предоставления в таможенный орган при декларировании товаров, к которым не применяются вывозные таможенные пошлины.

С вступлением в силу Таможенного кодекса Таможенного союза были значительно сокращены сроки оформления: товар выпускается таможенным органом в части осуществления контроля после выпуска товара. Принципиальным нововведением в Закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации» является увеличение срока таможенного контроля с одного года до трех лет, в течение которого таможенные органы могут осуществлять контроль после выпуска товаров в соответствии с заявленной процедурой. В связи с этим таможенным законодательством установлено, что документы, необходимые для таможенного контроля, должны храниться

⁵ Таможенный кодекс Таможенного союза; Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации»: по сост. на 2013 г.: с комментариями к последним изменениям. — М.: Эксмо, 2013.

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 27 марта 2013 г. № 261 «Об утверждении ставок вывозных таможенных пошлин на нефть сырую и на отдельные категории товаров, выработанные из нефти, вывозимые за пределы территории Российской Федерации и территории государств — участников соглашений о Таможенном союзе» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tsouz.ru/db/ettw/ettwto/Pages/ett27.aspx>

декларантами и иными заинтересованными лицами не менее трех календарных лет. Эти меры позволят упростить процесс таможенного оформления на этапе ввоза или вывоза товара, но обеспечат и контроль над достоверностью заявленных сведений на этапе постконтроля.

Не менее серьезным вопросом является осуществление в рамках ТС взаимопоставок всех товаров (включая энергоносители) по внутренним ценам страны-производителя. На практике это означает, что Россия поставляет своим партнерам энергоресурсы «по сниженным» ценам, и тем самым в течение определенного времени де-факто субсидирует экономики республик — членов ТС.

Можно сделать вывод, что для эффективного использования всех возможностей, которые Российская Федерация получает от членства в международных организациях и объединениях (ВТО, ТС), а также для решения проблем развития внешнеэкономического комплекса, обострившихся под влиянием глобального кризиса, Российской Федерации необходимо в течение ближайших трех лет предпринять решительные меры по совершенствованию внешнеэкономической деятельности, проанализировать текущие направления политики и стратегии страны в данной области, провести анализ юридической базы, регулирующей внешнеэкономическую деятельность в нефтегазовой отрасли.

Необходимо отметить, что с 1 января 2011 г. вступила в силу новая версия Инкотермс 2010. Между Инкотермс 2000 и новым Инкотермс 2010 есть ряд существенных отличий. Одни изменения будут включаться в новые договоры купли-продажи товаров, заключенные до 1 января 2011 г.; другие изменения просто должны быть обусловлены соглашением и приняты во внимание при подготовке контрактов, вступающих в силу с 1 января 2011 г.

Нужно обратить особое внимание на указанные сроки заключения внешнеэкономического договора, так как с 1 января 2011 г. любая ссылка на Инкотермс в контракте, подписанном после 1 января, будет подразумевать ссылку на Инкотермс 2010, если стороны не договорились иначе.

Если организация занимается внешнеэкономической деятельностью, то следует провести тщательную ревизию типовых договоров организации, в которых есть ссылки на Инкотермс, чтобы убедиться, что все договоры соответствуют нормам Инкотермс 2010.

Изменения в Инкотермс 2010 коснулись, прежде всего, условий поставки. Так, в последней версии исключены условия поставки: DAF, DES, DDU, DEQ. Из-за увеличивающегося количества прямых продаж и контейнеризации вместо этих терминов введены новые условия поставок Инкотермс 2010:

– Доставка в пункте (DAP). Данный термин заменяет собой ранее популярный термин «доставка без оплаты пошлин» (DDU), «доставка товара до границы» (DAF), «поставка с борта судна» (DES).

– Доставка на терминале (DAT), который заменяет собой термин «поставка с причала» (DEQ).

В 2009 г. ведущие страховые рынки приняли исправленные Условия страхования грузов (LMA/IUA). Термины «стоимость, страхование и фрахт» (CIF) и «перевозка и страховка оплачены» (CIP) были изменены для того, чтобы показать наличие страхования. Поправки также проясняют информацию по обязательствам относительно страхования.

Также революционным положением Инкотермс 2010 является обязанность сотрудничества продавца и покупателя в вопросах обеспечения экспортно-импортной очистки. Инкотермс 2010 закрепляет обязанности по предоставлению информации для того, чтобы добиться экспортно-импортной очистки (например, информация относительно цепи поставок).

Уточнены обязательства относительно сборов за транспортное обслуживание на терминале. Текст Инкотермс 2010 стремится к тому, чтобы уменьшить вероятность возникнове-

ния ситуаций, когда покупателю придется платить дважды за транспортное обслуживание на терминале. Цена за перевозку товаров до условленного места назначения, результатом чего обычно является то, что покупатели вынуждены платить дважды, должна исчезнуть благодаря поправкам в Инкотермс 2010 и условиям: CIP, CPT, CFR, CIF, DAT, DAP и DDP.

Инкотермс 2010 содержит и разъяснения по вопросу перепродаж товара (как, например, множественная перепродажа товара во время транзита). В частности, в термины FCA, CPT, CIP, FAS, FOB, CFR и CIF внесены поправки, предусматривающие, что продавец в середине цепочки продаж несет обязательство «обеспечить отгрузку товара», а не «отгрузить» товар. В обязательства продавца по заключению договора перевозки груза внесены поправки, позволяющие продавцу «обеспечить» договор поставки.

Основные поправки в новый текст Инкотермс 2010 не требуют каких-либо конкретных действий, но они должны быть рассмотрены и учтены при подготовке и заключении контрактов, которые вступили в силу с 1 января 2011 г.

В Инкотермс 2010 новый текст делит условия поставки на две широкие категории:

– доставка любым видом транспорта (морской, авто, воздушный, ж/д), к которым относятся условия ExW, FCA, CPT, DAT, DAP, DDP;

– доставка по морю и внутренним водным путям: доставку к борту судна / Free Alongside Ship (FAS), доставку на борт судна / Free on Board (FOB); стоимость, включая фрахт до / Cost and Freight (CFR), стоимость, страхование и фрахт / Cost, Insurance and Freight (CIF).

Ранее условия поставки FOB ошибочно использовались для обозначения любого пункта поставки. Новая редакция Инкотермс 2010 четко указывает, что правило FOB предназначено для использования исключительно для морского и внутреннего водного транспорта.

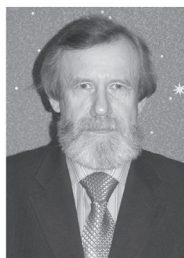
Инкотермс 2010 предусматривают обязательство сторон хранить договорную документацию и данные, независимо от их формы.

Таким образом, если компания занимается внешнеэкономической деятельностью либо планирует заключение внешнеэкономической сделки с применением Инкотермс, ей сле-

дует быть в курсе последних изменений. Путаница и потенциальные споры относительно применимого права и правил Инкотермс могут привести к весьма нежелательным последствиям, в том числе связанными с задержками и сложностями в таможенном оформлении грузов, поступающих по таким контрактам.

Пристатейный библиографический список

1. Мамытбеков Е. Таможенный союз к 2015 году обеспечит странам-участницам дополнительный прирост ВВП на 15–18 процентов. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.zakon.kz/158066-tamozhennyj-sojuz-k-2015-godu.html>
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 марта 2013 г. № 261 «Об утверждении ставок вывозных таможенных пошлин на нефть сырую и на отдельные категории товаров, выработанные из нефти, вывозимые за пределы территории Российской Федерации и территории государств — участников соглашений о Таможенном союзе» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tsouz.ru/db/etttr/ettwto/Pages/ett27.aspx>
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 года № 1715-р «Об утверждении Энергетической стратегии России на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.pravo.ru>
4. Статистика ВЭД. Аналитическая группа. Таможенная статистика России на январь 2014 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ved-stat.ru/tamozhennajastatistika>
5. Стровский Л. Е., Казанцев С. К., Паршина Е. А. и др. Таможенное регулирование внешнеэкономической деятельности // Внешнеэкономическая деятельность предприятия / Под ред. проф. Л. Е. Стровского. — 3-е изд. — М., 2004.
6. Таможенный кодекс Таможенного союза; Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации»: по сост. на 2013 г.: с комментариями к последним изменениям. — М.: Эксмо, 2013..

Бондаренко Виктор Николаевич

доктор философских наук, профессор. Опубликовал более восьмидесяти научно-философских произведений, а также восемнадцать поэтических сборников. В том числе: монографии — «Из опыта философского исследования методологии и теории марксистского социализма» (Уфа, 1990); «Марксистская светская религия» (Уфа, 1994); «Методологические принципы носеологической концепции классического марксизма» (Уфа, 1997); философские поэмы — «Диалог Сократа и Ф. Ницше» (Уфа, 2005); «Беседа Г. Гегеля и А. Шопенгауэра» (Уфа, 2006); «Книга перемен» (Уфа, 2008); «Небесные беседы с Лао-цзы» (Уфа, 2010).

В.Н. Бондаренко

Полёт над бездной

Толкачев К. Б. «КРЫМСКИЙ ВОПРОС» И СОВРЕМЕННОЕ ПРАВО: К ДИСКУССИИ О ЛЕГИТИМНОСТИ РЕФЕРЕНДУМА

В статье рассматривается вопрос о соответствии принципам и нормам международного права референдума, проведенного в Крыму, и состоявшегося воссоединения Республики Крым с Россией. Обосновывается его легитимность, сомнительность и несостоятельность юридических аргументов, выдвигаемых критиками референдума о статусе Крыма.

Ключевые слова: дух и буква права, принципы международного права, референдум, право на самоопределение, сецессия, легитимность, принцип территориальной целостности.

Tolkachev K. B. «CRIMEAN ISSUE» AND THE MODERN LAW: A DISCUSSION ON THE LEGITIMACY OF THE REFERENDUM

The article discusses the issue of compliance with principles and norms of international law of the referendum held in the Crimea, and the accomplished reunification of the Republic of Crimea with Russia. Its legitimacy is substantiated along with ambiguity and inconsistency of the legal arguments put forward by the critics of the referendum on the status of the Crimea.

Keywords: the spirit and the letter of the law, principles of international law, referendum, right to self-determination, secession, legitimacy, principle of territorial integrity.

Толкачев К. Б.

Дискуссия о соотношении духа и буквы права извечна в теоретико-правовой науке. Продолжается она и в современном международном праве, где, как правило, происходит постоянный поиск того варианта их соотношения, который в наибольшей степени конструктивен в конкретной ситуации. Но зачастую происходит достаточно вольное обращение с этими понятиями, обусловленное сугубо конъюнктурными соображениями. На первый план выносятся либо предельно строгое соответствие существующим нормам права, либо следование наиболее общим принципам, лежащим в основе современных международно-правовых норм. Но при этом именно необходимость обоснования истинности и неоспоримости своих позиций зачастую определяет, что именно представляется более важным в данной ситуации, дух или буква права. На основе этого происходит позиционирование своего отношения к той или иной проблеме, построение своей аргументации, обоснование своей правоты.

К тому же сам массив международных нормативных актов велик, сложен и во многом противоречив. В принципе, в настоящее время абсолютно любой акт, всякое действие государства может найти свое обоснование в действующих международных правовых нормах.

Несомненно, что существует примат естественного права, не зависящего от субъективной воли законодателя. Законы принимаются исходя из строгой внутренней логики развития права, действия закономерностей и принципов его развития, тех потребностей, которые существуют в них. Это в совокупности и определяет содержание всего существующего правового массива, в том числе и норм международного права. Они призваны выполнять конструктивную роль — разрешать существующие противоречия, возможные конфликты, снимать остроту в отношениях субъектов международного права. Естественное право отображает сам дух права, его сущность, социальное предназначение. Возможны разные доктринальные толкования одних и тех же норм международного права, но главное, чтобы они способствовали позитивной динамике развития отношений между государствами.

В последнее время ярким примером разногласий стала дискуссия относительно правовой оценки референдума в Республике Крым и его последствий. Анализ продолжающейся дискуссии, в которую вовлечены многие специалисты в области международного права, подтверждает, что зачастую происходит достаточно вольное толкование существующих международных нормативно-правовых актов, обусловленное

стремлением доказать нелегитимный характер воссоединения Крыма с Российской Федерацией.

Безусловно, неприемлемо давать оценку тем или иным явлениям или событиям в международной практике, основываясь лишь на одной группе принципов или норм международного права, сознательно подбирая лишь те из них, которые в наибольшей степени отвечают политическим интересам и позициям одной из сторон. Это — отход от принципа объективности в науке. К тому же этот подход неконструктивен — в этом случае дискутирующие стороны обречены на непонимание друг друга, неэффективный характер происходящих консультаций и контактов. Внутрикorporативная солидарность юристов предполагает диалог даже при диаметральной противоположности позиций, умение выслушать аргументы противоположной стороны, обосновать свою точку зрения.

Сейчас можно утверждать, что реакция стран Запада на события в Крыму неадекватна и не подтверждается никакими серьезными юридическими аргументами. Это попытка следовать букве международного права, существующим нормативным актам, да и то непоследовательная, не слишком строгая и политически некорректная. Достаточно очевидны двойные стандарты, избирательно отбираемые из международно-правовой практики и применяемые для анализа сходных явлений нормы международного права.

Можно согласиться с тем, что проведенный референдум и вынесенное решение о присоединении к России противоречит нормам украинского конституционного права. Действительно, согласно ст. 73 Конституции Украины вопросы об изменении территории Украины решаются исключительно всеукраинским референдумом. Но это не означает, что он незаконен с позиций международного права.

Прежде всего следует сослаться на косовский прецедент, заключение Международного суда ООН от 22 июля 2010 г., принятое по запросу Генеральной Ассамблеи ООН по инициативе Сербии, где подтверждался тот факт, что одностороннее провозглашение независимости частью государства не нарушает какую-либо норму международного права: «... общее международное право не содержит какого-либо применимого запрета на провозглашение независимости»¹. При-

¹ Консультативное заключение от 22 июля 2010 г. Соответствие одностороннего провозглашения независимости Косово нормам международного права [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://legal.un.org/ICJsummaries/documents/russian/180_r.pdf

нятое на крымском референдуме решение о независимости как раз и попадает под определение «одностороннее провозглашение независимости». В 2010 г. тем самым признавалась сецессия Косово, выход края из состава Сербии. Но сейчас иностранные дипломаты доказывают, что в случае с Косово западные страны заступались за права народа, подвергающегося серьезным преследованиям, что это была «спасительная сецессия», не являющаяся прецедентом.

Аргументация, обосновывающая независимость Косово, во много строится на том, что косовский народ подвергался грубым нарушениям прав человека со стороны сербов. Действительно, если Конституция Югославии 1974 г. предоставляла Косово достаточно высокую степень автономии, то в течении 1988–1990-х гг. принятые конституционные поправки резко ограничили автономию и упразднили Косовскую Ассамблею. Но нечто подобное происходило и с Крымом. Конституция Республики Крым, принятая в 1992 г., также устанавливала особый статус Крыма в составе Украины, систему органов государственной власти, гарантии прав и свобод человека. Но уже с 1994 г. украинские власти в одностороннем порядке стали предпринимать меры по ограничению автономии: отменена Конституция Крыма и ряд законов, принятых его Верховным Советом, приняты законы «О статусе Автономной Республики Крым» и «О разграничении полномочий между органами государственной власти Украины и Республики Крым». В результате этого Крым стал рядовым административно-территориальным образованием в составе Украины, сохранив лишь отдельные атрибуты автономии. Одним из нововведений стала отмена государственного статуса русского и крымско-татарского языков, государственным стал лишь украинский язык.

Налицо достаточно очевидное нарушение воли народа Крыма, проголосовавшего 6 мая 1992 г. за свою Конституцию, нарушение прав и свобод проживающих на его территории граждан. Но это почему-то не принимается во внимание, не рассматривается как один из аргументов в пользу состоявшегося референдума.

Существует провозглашенное Хартией ООН право наций на самоопределение, которое уже неоднократно позволяло обрести независимость отдельным народам. «Все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава». Право народов на самоопределение можно рассматривать как проекцию естественного права на уровень взаимоотношений больших социальных групп, общностей, государств.

В Декларации о принципах международного права указывается, что способы осуществления права на самоопределение могут быть «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса»².

Действительно, право народа на самоопределение традиционно рассматривается, как право, реализуемое внутри государства, без выхода из его состава. Это обеспечивает территориальную целостность государства, придает стабильность современному международному правопорядку. Но бывают ситуации, и это признает международное право, когда народ не может реализовать свое право на самоопределение без выхода из состава государства, где он находится, и либо образования нового независимого государства, либо присоединения к другому государству, как это и произошло с Крымом.

² Декларация о принципах международного права. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей на двадцать пятой сессии. 15 сентября — 17 декабря 1970 года. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Двадцать пятая сессия. — Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1971. — С. 155.

Правом на самоопределение в свое время воспользовались Алжир, Нигер, Камерун, Буркина-Фасо и ряд других государств. Но сейчас приводится аргумент, что это право было признано в условиях деколонизации, для стран «третьего мира», обретающих государственный суверенитет. Дескать, это не может распространяться на современные европейские государства. Но при этом официальный Лондон не стал возражать против проведения в сентябре 2014 г. референдума в Шотландии, хотя и выступает против ее независимости. Опять-таки налицо подтасовка фактов, некорректное обращение с нормативно-правовым материалом, произвольное их толкование.

В качестве аргумента против крымского референдума высказывается также мнение, что референдум о государственном суверенитете Крыма необходимо было проводить на всей территории Украины, поскольку она не является федеративным государством. Но можно вспомнить о проведенном под эгидой ООН референдуме, провозгласившем независимость Южного Судана от Республики Судан, который состоялся только на юге страны. Это же можно сказать и о референдуме, проведенном ООН в 1993 г. в Эритрее, отделившейся от Эфиопии.

Сецессия же как таковая государствами ООН безусловно не поощряется, поскольку существует общепризнанный принцип территориальной целостности государства. Но если следовать Декларации о принципах международного права, принцип территориальной целостности упоминается лишь в контексте вмешательства извне, связан с угрозой силой или ее применением в отношении территориальной целостности или политической независимости со стороны другого государства. Это не предполагает невозможности изменения территории государств вследствие каких-либо внутренних процессов, что и происходило мирным путем при распаде СССР и разделе Чехословакии. Поэтому, если бы было доказано российское вмешательство во внутренние дела Украины, лишь это позволило бы поставить под вопрос легитимность референдума и его результатов, как нарушающих территориальную целостность Украины.

К тому же в Венской декларации Всемирной конференции ООН по правам человека подчеркивается, что государства, претендующие на защиту своей целостности, должны иметь «правительства, представляющие интересы всего народа на их территории без каких-либо различий»³. А легитимность действующего правительства Украины сомнительна, даже если исходить из действующих норм национального конституционного права.

Следует отметить, что в международном праве принцип территориальной целостности и право наций на самоопределение несут конкурентный характер. Как правило, национальные правовые системы закрепляют примат принципа территориальной целостности, формируют механизм его обеспечения. В то же время современная практика международных отношений свидетельствует о том, что значимость и реальная роль декларируемого международным правом права наций на самоопределение не только не снижается, но, напротив, играет весьма значимую роль во многих регионах планеты. Правда, не следует оба эти подхода абсолютизировать — именно конкретика обстоятельств определяет, что более подходит для данной конкретной ситуации — доминирует либо необходимость сохранения целостности государства, либо право народа обрести собственную государственность.

Мировая практика продемонстрировала достаточно много прецедентов, когда отдельная территория выходила из состава суверенного государства вследствие проведенного на ее территории референдума, даже если это не соответствова-

³ Всемирная конференция по правам человека. Венская декларация и программа действий. Июнь 1993 года. — М: Международные отношения, 1995. — С. 23.

ло законодательству страны. Это соответствует современной западноевропейской правовой традиции, построенной на принципе народовластия.

Профессор МГУ Владимир Алексеевич Томсинов в статье, опубликованной недавно в «Вестнике МГУ», рассмотрел такую острую проблему международного права, как право народа на самоопределение и способ его реализации путем сепарации. Он пришел к выводу, что воссоединение Крыма с Российской Федерацией в полной мере соответствует нормам и принципам международного права, выраженным в Уставе ООН, международным конвенциям и декларациям, практике Международного суда и международно-правовой традиции разрешения споров, возникающих в подобных ситуациях. Он пишет, что этот случай в будущем войдет в учебники по международному публичному праву, но не в качестве прецедента, а в виде исключительного случая⁴.

Справедливость — категория скорее нравственная, чем правовая. В международном праве сложно найти ситуацию, когда восстановление исторической справедливости рассматривалось бы как основание, серьезный аргумент для каких-либо действий. Но ситуация с возвращением Крыма является именно тем примером, когда практически все население и Российской Федерации, Республики Крым расценивает это как вполне справедливое, логичное и последовательное действие. Крым всегда был связан с Россией исторической судьбой, культурными, экономическими связями. Передача его в состав УССР в свое время произошла с грубейшими нарушениями правовых норм Советского Союза. Поэтому воссоединение с Россией представляет собою именно восстановление исторической справедливости, отвечающее воле многонационального крымского населения.

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин недавно, во время традиционной «прямой линии», правда, применительно к другим обстоятельствам, высказался о том, что в правящих кругах ряда европейских страна происходит возврат к здоровому консерватизму. Происходит переосмысление моральных и этических норм, называемых обществом недемократическим путем. Тех норм, которые сопровождаются разрушением традиционных ценностей, противоречат мировоззрению и воле большинства населения. Наверное, стремления ряда стран навязать всему мировому сообществу свое видение и свои оценки происходящего в мире, оправдать свои действия в Югославии, Ираке, Афганистане также можно расценить именно как попытку разрушить, расшатать, взбудоражить традиционное международное сообщество, внести в него новые ценности и представления. И следует надеяться на то, что возобладает стремление к традиционной, стабильной, сложившейся на

протяжении послевоенных десятилетий системе внутриевропейских межгосударственных отношений.

Возвращаясь к дискуссии о духе права, можно вспомнить события сентября — октября 1993 г. в России, когда острый конституционно-правовой кризис был преодолен силовым путем. Президентский указ № 1400 был нелегитимен с позиций действовавшего российского конституционного права, но он все же позволил преодолеть сложившуюся ситуацию и выстроить ныне действующую систему органов государственной власти. До сих пор продолжаются дискуссии о морально-нравственной, политической и правовой оценке тех событий. Но тогда западные правящие круги и ведущие зарубежные юристы достаточно единодушно говорили о конфликте законности и целесообразности в России, о полном соответствии действий Президента Б. Н. Ельцина духу права, задачам нормализации общественно-политической обстановки в стране. Сейчас, спустя два десятилетия, какие-либо аргументы в пользу духа права применительно к действиям российского руководства Западом уже не приветствуются.

Необходима комплексная оценка ситуации, ясные формулировки и серьезные правовые аргументы, позволяющие оценить крымский референдум с позиции норм действующего международного права. Пока же можно фиксировать многочисленные нарушения странами Запада Декларации принципов международного права, произвольное толкование его норм, попытки действовать с позиций силы, а не права. Это не способствует конструктивному диалогу, снятию напряженности в международных отношениях, нормализации внутриевропейских межгосударственных отношений. Воссоединение Крыма с Российской Федерацией не противоречит ни принципам, ни нормам современного международного права, в полной мере соответствует существующим нормативным правовым актам.

Пристатейный библиографический список

1. Декларация о принципах международного права. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на двадцать пятой сессии. 15 сентября — 17 декабря 1970 года. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Двадцать пятая сессия. — Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1971.
2. Всемирная конференция по правам человека. Венская декларация и программа действий. Июнь 1993 года. — М: Международные отношения, 1995.
3. Консультативное заключение от 22 июля 2010 г. Соответствие одностороннего провозглашения независимости Косово нормам международного права [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://legal.un.org/ICJsummaries/documents/russian/180_r.pdf
4. Томсинов В. А. «Крымское право» или юридические основания для воссоединения Крыма с Россией // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». — 2014. — № 2.

⁴ Томсинов В. А. «Крымское право» или юридические основания для воссоединения Крыма с Россией // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». — 2014. — № 2. — С. 3–32.

Третьяков А. В.

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПОСТРОЕНИЯ «ЯДРА СТРУКТУРЫ» ОТДЕЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ НА ПРИМЕРАХ ПОСТРОЕНИЯ «ЯДРА СТРУКТУРЫ» ЯВЛЕНИЙ «РЕЖИМ» И ЮРИДИЧЕСКИЕ «РЕЖИМНЫЕ КАТЕГОРИИ»

Материал статьи продолжает тенденцию развития в науке новой «концепции интегративных построений» для отдельных исследований, успешно примененной ранее в интегративных построениях понятийного аппарата и концептуальной базы¹. В представленной информации с новых научных позиций объясняется развитие принципов «концепции интегративных построений» в отношении «ядра структуры» отдельных общеизвестных явлений (терминов, понятий, категорий и т.д.), тем самым подтверждается универсальность и самой «концепции...». Суть интегративных построений основана на анализе дополнительной информации, заложенной в метафизические (изначальные) научные смыслы некоторых многогранных явлений, не затрагивая при этом их терминологических толкований, которые даны в энциклопедиях, словарях и иной научной литературе. Однако, представленный материал обладает и самостоятельной ценностью, т.к. дает возможность, после изучения и правильного объяснения метафизических смыслов, применить интегративные построения к основам структур отдельных многогранных явлений. Эта информация, должна помочь ученым-исследователям и специалистам-практикам, применить в своих разработках (теориях, определениях, доказательствах, анализах и т.д.) новую «концепцию...» в отношении элементов «ядра структуры» некоторых явлений.

Ключевые слова: основа структуры, ядро, построение, режим, порядок, «режимные категории», сложная потребность, понятие.

Третьяков А. В.

Tretyakov A. V.

CONSTRUCTING OF «CORE STRUCTURE» OF «REGIME» AND «REGIME CATEGORIES» PHENOMENA AS AN EXAMPLE OF INTEGRATIVE CONSTRUCTION OF «CORE STRUCTURE» OF INDIVIDUAL PHENOMENA

The article continues the upward trend in science's new «concept of integral constructs» for research, successfully applied previously in integrative conceptual framework and construct on this conceptual base.

The information provided with new scientific positions explains the development of the principles of «integrative concept of constructing» in relation to «core structure» of individual well-known phenomena (terms, concepts, categories etc.), thus confirmed the versatility of «integrative concept of construct» itself. The essence of integrative constructions bases on the analysis of additional information in the metaphysical (original) scientific meanings of some multifaceted phenomena, without affecting their terminological interpretations, which are given in encyclopedias, dictionaries and scientific literature. However, the material presented has a value in itself, as it gives the opportunity to apply construct integrative approach to the basics of structures of multifaceted phenomena with proper explanation of metaphysical meanings. This information should help researchers to apply the «integrative concept of constructs» to elements of phenomena «core structure» in their designs, theories, definitions, evidence, analyzes etc.

Keywords: basis of the structure, core, construction, regime, order, «regime categories», complex needs, concept.

В наших уже указанных в аннотации ранних материалах предлагаемая информация тесно связана с понятиями «метафизический смысл», «интегративные построения», а также с явлениями «режим», «режимные категории» (новое понятие в науке), «порядок», «потребность» и др. В этих материалах нами было достаточно ясно дано объяснение интегративных основ построения понятийного аппарата, концептуальной базы, затронут вопрос однозначности понимания (объяснения, чтения, комментирования и т.д.) отдельных многогранных явлений.

В настоящем исследовании методика изложения и понимания материала нашей информации берет за основу те же интегративные (объединительные) построения, которые уже практиковались исследователем. Мы как бы продолжаем развивать те начала новой «концепции интегративных построений», методы и принципы которой уже с успехом применялись в интегративных построениях понятийного аппарата и концептуальной базы, как пример нового взгляда на проводимые научные исследования (эксперименты, анализы, различные научные положения и построения, создание документов и т.д.) теоретического, аналитического или практического характера.

Давайте посмотрим новым взглядом, с позиций «концепции интегративных построений», на ту основу структуры явлений (терминов, категорий, теорий и т.д.), которую исследователь предлагает назвать «ядром (основой) структуры», а в качестве «основных действующих лиц», привлечем уже известные нам явления: «режим», «порядок», «режимные категории», «потребность», «механизм» и др.

Другими словами, основная задача настоящей информации — объяснить и показать членам научного сообщества преимущества интегративных построений, теперь уже в отношении «ядра структуры» некоторых общеизвестных явлений.

Можно утверждать, что материалы прошлых публикаций и настоящей статьи дают возможность современным ученым-исследователям и специалистам-практикам, при собственных экспериментах, абстрактных рассуждениях, анализах, объяснениях, доказательствах, принятых решениях и т.д., опираться на новые, пока, возможно, малоизвестные в науке принципы и методы интегративных построений, которые в нашем случае мы будем применять в отношении «ядра структуры» отдельных многогранных явлений, стоящих «во главе угла» некоторых исследований (экспериментов, анализов, теорий и т.д.).

Данная информация рассчитана на широкий круг читателей всего современного научного сообщества, интересующихся новыми идеями и видами проводимых абстрактных (теоретических), аналитических и практических исследований, объяснений, доказательств и т.д. в современной науке.

Поскольку в рассуждениях настоящей статьи мы будем пользоваться материалами прошлых публикаций, то перед

¹ Третьяков А. В. Явление «режим» как предпосылка современного толкования нового понятия: «режимные категории» // Вестник гражданского процесса. — № 6. — С. 212–234; Третьяков А. В. Интегративные принципы начал основ построения современных концептуальных баз, на примере концептуальной базы «теории режимов» // Вестник гражданского процесса. — № 1. — С. 176–187.

изложением сути новой информации, касающейся непосредственно построений «ядра структуры» многогранного явления, нам крайне необходимо коротко напомнить суть отдельной информации (выводы, определения, положения и т.д.), по уже проведенным исследованиям явлений «режим», «порядок», «режимные категории» и др., на примере и с использованием которых мы и будем изучать основы интегративных построений «ядра структуры» некоторых многогранных явлений.

Сначала вспомним положения и определения, которых ранее не было в науке, в том числе в науке права. Эти положения и определения будут необходимы нам для анализа и объяснения настоящего материала. Прежде всего, напомним отдельные «опорные моменты» нового толкования научных смыслов и определений, необходимых для исследования понятий, а именно:

1. Все понятия с термином «режим» были объединены исследователем в новое единое понятие: «режимные категории»². Если применить «режимные категории» к юридической науке, то прежде всего к ним можно отнести общетеоретическое понятие «правовой режим», из сути которого «вытекают» все отраслевые правовые категории, например: «гражданско-правовой режим», «уголовно-правовой режим», «международно-правовой режим» и т.д. В свою очередь, любая отраслевая «режимная категория» будет общетеоретическим понятием для правовых режимов отдельных объектов права, например: «правовой режим средств индивидуализации», «военный режим», «режим внутреннего моря» и т.д.

2. Любая «режимная категория» (словосочетание, ее означающее) в своей основе имеет единый «элемент — явление» под названием «режим». Этот «элемент — явление» для всех «режимных категорий» является как бы общеизвестным (базовым, изначальным, первоосновным, материнским и т.д.) понятием. Именно «режим» будет той «опорой», которая сможет помочь нам в четком раскрытии и объяснении (понимании, комментировании и т.д.) метафизического смысла всех других «режимных категорий». Это значит, что наличие четких, ясных, однозначных определений, положений и объяснений по основополагающему «центру происхождения» производных «режимных категорий» явления «режим» обязательно отразится на понимании, (объяснении, чтении, комментировании и т.д.) любой другой «режимной категории». Следовательно, изменение научного смысла базового явления «режим» (в том числе — его структуры и содержания) аналогично отразится на научном смысле всех других «режимных категорий». Здесь под понятием «явление» толкуется тот его смысл, который рассматривает это понятие в качестве «... формы проявления сущности, внешнего обнаружения сущности...»³.

Поскольку структура и содержание научного смысла любого понятия (термина, категории и т.д.), например, «режимных категорий», являются самыми важными элементами для объяснения (понимания, комментирования и т.д.) явления, то можно утверждать, что единообразное толкование структуры и содержания научного смысла всех «режимных категорий» позволит любому, кто имеет дело с их научным смыслом, аналогично (похоже) его понимать (толковать, комментировать и т.д.).

Такое положение очень важно и представляет значительный экономический интерес и для всего научного сообщества, и для бизнеса, и для многих органов власти, так как позволяет избежать (предотвратить, уменьшить и т.д.) количество неверных решений, а значит и лишних затрат (финансовых, материальных, организационных). Это касается любой «режим-

ной категории», в том числе и для науки права. Для последней единообразное понимание (толкование и т.д.) полных научных смыслов (терминологического и метафизического) правовых режимов различного уровня напрямую влияет на суть и исполнение принимаемого документа (определения, постановления, решения, текста и т.д.), что затрагивает и законотворчество, и правоприменение.

3. Можно добавить, что на сегодня «режимные категории» значительно востребованы, о чем говорят приведенные в прошлом исследовании примеры⁴. Во многих случаях «режимные категории» являются основным связующим звеном всего проводимого исследования, его построений, (определений, положений и т.д.). Это — один из практических аспектов использования «режимных категорий».

4. Для научного объяснения смысла единообразного толкования «режимных категорий», представляющих группу подобных явлений, исследователем введено в науку новое определение — аксиома, названное «универсальной аксиомой первоосновы понятия» (любого: категории, явления, термина и т.д. для любой отрасли науки). На эту аксиому будет опираться и наша информация. Напомним её содержание⁵: «Чтобы узнать и описать природу, сущность, структуру и содержание любого понятия (категории, явления, термина и т.д.), являющегося одним из понятий некоторой группы подобных явлений (более «высокого» или более «низкого» ранга), необходимо обратиться к такому явлению (категории, понятию, термину и т.д.), которое считалось бы первоосновой («матерью», «базовым понятием») всех других явлений этой группы и имело бы одинаково толкуемый изначальный смысл, входящий в смыслы всех понятий этой группы (то есть входящий «ядром» во все другие явления)».

В нашей информации понятие «ядро явления» будет играть самую важную роль и будет рассматриваться как «ядро структуры». Аксиома стала для исследователя «первым стержнем» (опорой) современного объяснения изучаемых многогранных научных явлений. Возможно, она станет научным стержнем и для многих других исследовательских построений как самого исследователя, так и других ученых-исследователей и специалистов-практиков.

5. Универсальность интегративных построений в «концепции интегративных построений», в том числе и для «ядра структуры» некоторых явлений (терминов, понятий, категорий, теорий и т.д.), входящих в группу подобных явлений, строится на общей принадлежности и категоричности базовых (изначальных) явлений (для рассматриваемых нами «режимных категорий» это — общенаучное и категоричное базовое явление «режим», что было доказано ранее⁶). На примере явлений «режим» и «режимные категории» исследователь покажет, проанализирует и объяснит научные интегративные построения в отношении «ядра структуры». «Режимные категории» будут рассматриваться в нашем исследовании в качестве фундамента построения.

6. И вот тут мы переходим непосредственно к материалу, относящемуся к сути нашей статьи. В ходе предыдущего изучения «режимных категорий»⁷ обнаружилось, что между категориями «режим» и «порядок» существует изначальная взаимосвязь, которая позволяет категории «режим» помочь категории «порядок» «воцариться» (перестроиться) в объективной реальности в своем новом качестве: «новый порядок»,

² Третьяков А. В. Явление «режим» как предпосылка современного толкования нового понятия: «режимные категории» // Вестник гражданского процесса. — № 6. — С. 212–234.

³ Философский словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/ya/javlenie.html>

⁴ Третьяков А. В. Явление «режим» как предпосылка современного толкования нового понятия: «режимные категории» // Вестник гражданского процесса. — № 6. — С. 212–234.

⁵ Там же.

⁶ Третьяков А. В. Явление «режим» как предпосылка современного толкования нового понятия: «режимные категории» // Вестник гражданского процесса. — № 6. — С. 212–234.

⁷ Там же.

если «старый порядок» из-за внешних изменений уже не может выполнять свои функции.

7. Как показал нам ход прошлых исследований⁸, метафизический (изначальный) научный смысл категории «порядок» дополняет терминологическое толкование понятия «порядок» и, обобщая определения энциклопедических словарей, с учетом метафизического смысла, можно предварительно дать следующее определение: «Порядок — это четкое (благоустроенное, налаженное, организованное, правильное), ожидаемое (определённая последовательность действий, ход, оценка чего-либо), гармоничное расположение чего-либо». Как мы затем доказали, в этом определении имеется и временная, и пространственная составляющие изучаемой категории, с учетом которых научный смысл и определение категории «порядок» приобретет следующий вид: «Порядок — это расположение чего-либо или состояние чего-либо в пространстве и (или) во времени, следующее определенному правилу (алгоритму)».

8. В дальнейших рассуждениях исследователем установлено, что категория «режим» — «... это как бы продолжение категории „порядок“, только в его нестабильном (динамическом) изменяющемся качестве („механизма изменения объективной реальности“), который необходим для появления в этой реальности новой (откорректированной) стабильной категории „порядка“»⁹. Причем, по мнению исследователя: «Механизм — это тип замкнутой системы, когда любое изменение в программе работы приводит к гибели всей „системы — механизма“ и создания (опираясь или нет на ее основу) новой „системы — механизма“ замкнутого типа»¹⁰. Кроме того, исследователем введено в науку новое определение системы, через понятие «... не замкнутой целостной субстанции...»: «Система — это саморегулирующаяся, организованная, не замкнутая целостная субстанция, способная к развитию при благоприятных условиях или, наоборот, к сопротивлению воздействиям со стороны внешней среды, создавая (или не создавая) при этом новые элементы, и представляющая собой совокупность (комплекс) элементов (каждый из которых выполняет определенную функцию, в рамках заложенной программы), действующих как единое целое, в целях достижения необходимого результата»¹¹. И здесь мы опять сталкиваемся с понятием «ядро системы» («ядро явления», «ядро структуры») как совокупностью (комплексом) элементов, каждый из которых выполняет определенную функцию. Фактически здесь мы начали самостоятельное базовое синергетическое исследование, которое, при дальнейшей проработке, может вылиться в отдельную непростую работу. Материал по «ядру системы» (у нас это будет «ядро структуры») и явится основой того анализа, который составит базу настоящей информации.

9. Исследователь отмечает, что «... появление любого «режима» для той или иной ситуации — это видимое проявление той потребности „автора (-ов) режима“, которая должна быть удовлетворена после установления (изменения старой и установление новой) реальности окружающей действительности»¹². Другими словами, видимый смысл и основная роль любого режима — это удовлетворение (объективно-субъективной) потребности, которая диктуется объективными изме-

нениями окружающей действительности и желанием «автора (-ов) режима».

Имея все эти замечания и опираясь на них, можно начать изложение своих позиций по представлению научному сообществу метафизических смыслов и интегративных (объединительных) универсальных построений в отношении основ «ядра структуры» явления «режим», с участием в этих построениях явления «порядок», «потребность», «режимные категории».

Но для начала проанализируем терминологическую научную суть понимания исследователем явления «потребность». Свой анализ, как и в предыдущих исследованиях, начнем, заглянув в энциклопедии и словари, которые дают расшифровку значения слова «потребность». Все они дают приблизительно одинаковое толкование этого термина. Для примеров объяснения дадим несколько таких определений: С. И. Ожегов «Толковый словарь русского языка»¹³: «Потребность — надобность, нужда в чем-нибудь, требующая удовлетворения»... Д. Н. Ушаков «Большой толковый словарь современного русского языка»¹⁴: «Потребность, потребности — надобность, нужда в чем-нибудь, без удовлетворения которой невозможно обойтись». «Современный толковый словарь русского языка» Ефремовой¹⁵: «Потребность — необходимость, надобность, нужда в чем-л.».

Однако в понятии «потребность» исследователь предлагает учитывать и изначальную (метафизическую, дополняющую) научную суть этого явления. С ее помощью раскрывается полный научный смысл явления «потребность», где взаимодействуют и взаимодополняют друг друга объективная и субъективная стороны явления «потребность». С учетом обоих научных смыслов вновь вводимый исследователем в науку полный (не терминологический!) научный смысл явления «потребность» звучит так:

«Потребность — это порождение объективных внешних изменений существующей реальности (объективная сторона) и разума в рамках определенной неудовлетворённости субъекта (субъективная сторона) существующим положением дел».

Это вновь вводимое в науку определение полного научного смысла понятия «потребность» с учетом его метафизической сути показывает, что в объективной реальности накопились такие изменения, которые не могут быть решены в рамках существующего положения дел (существующего порядка), и в объективную реальность необходимо внести: 1) отдельные небольшие изменения (скорректировать); 2) полностью заменить отдельные части объективной реальности (частичная замена ценностей) или 3) полностью (радикально) поменять имеющиеся ценности объективной реальности на новые, например: социалистические принципы на капиталистические и др.

Неудовлетворенность «разума субъекта» (физическое лицо, юридическое лицо, государство или его отдельные структуры) существующим положением дел и ведет к взаимодействию обеих сторон потребности между собой.

Потребность может быть как простая, так и сложная.

Для простой потребности характерна меньшая степень проблематичности ее выполнения, создается меньше логических звеньев (почти всегда хватает одного звена!), через которые осуществляется удовлетворение возникшей потребности, а переход от первого звена до последнего осуществляется по

⁸ Третьяков А. В. Явление «режим» как предпосылка современного толкования нового понятия: «режимные категории» // Вестник гражданского процесса. — № 6. — С. 212–234.

⁹ Там же.

¹⁰ Третьяков А. В. Явление «режим» как предпосылка современного толкования нового понятия: «режимные категории» // Вестник гражданского процесса. — № 6. — С. 212–234.

¹¹ Там же.

¹² Третьяков А. В. Явление «режим» как предпосылка современного толкования нового понятия: «режимные категории» // Вестник гражданского процесса. — № 6. — С. 212–234.

¹³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ozhegov.info/slovar/>

¹⁴ Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov>

¹⁵ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3-х т. — Т. 2. — М.: АСТ, 2006.

простой форме, и неудовлетворенность погашается. Примером простой потребности может быть, например, желание чихнуть и т. д.

Сложная потребность характеризуется большей степенью проблематичности ее исполнения, имеет сложную схему логических звеньев (больше их количество), вследствие чего переход от первого до последнего звена осуществляется в усложненной форме, и неудовлетворенность также погашается.

Для удовлетворения сложной потребности необходимо нечто вроде механизма (инструмента), позволяющего осуществить удовлетворение потребности.

Таким механизмом (инструментом), по мнению исследователя, в объективной реальности выступает категория «режим», поскольку ее действие позволяет разрешить сложный логический переход от первого звена до последнего, а следовательно, погасить сложную потребность и убрать неудовлетворенность (пример: человек — спортсмен, когда спортивный режим (режим питания, распорядок дня и т. д.) удовлетворяет потребность человека быть спортсменом. Можно привести и другие примеры).

Таким образом, выяснив роль сложной потребности и связь ее с категорией «режим», мы объяснили и природу сущности (смысл) категории «режим»: это — удовлетворение сложной потребности.

Опираясь на все предыдущие рассуждения исследователя, можно попытаться дать категории «режим» хотя бы предварительное научное философско-метафизическое современное определение, но с обязательным учетом последующих пояснений исследователя. В двух словах: «Режим — это механизм (инструмент) для воздействия на объективную реальность с целью удовлетворения сложной потребности «автора (-ов) режима». Фактически изложение настоящего материала в дополнение к предыдущим исследованиям¹⁶ закладывает фундамент появления в науке методологической основы для использования метафизических смыслов и интегративных построений некоторых многогранных явлений в исследованиях и построениях современных теорий для многих научных дисциплин. В основах таких построений в большинстве случаев фигурирует группа подобных явлений, во главе с «базовым явлением» этой группы.

В качестве примера построения основ таких теорий исследователь предлагает рассмотреть построение основ теории бытия режимов различных уровней («режимных категорий»), которую исследователь предлагает назвать «теорией режимов». Наша статья, наряду с уже имеющимися публикациями исследователя, закладывает еще один «кирпичик» в «теорию режимов», в виде обсуждения вопроса построения «ядра структуры» на примере ядра категории «режим». Но здесь все не так просто.

В практическом плане, с учётом нового, предлагаемого исследователем интегративного универсального подхода (метода) к научному построению «ядра структуры» некоторых явлений (терминов, категорий, теорий и т. д.), на примере научного построения «ядра структуры» явления «режим» («ядра режима»), с участием в этом практическом построении метафизического смысла явления «режим», полное предварительное научно-практическое определение явления «режим», показывающее практическую работу, может быть представлено следующим образом: «Режим (динамическая сторона категории «порядок») — это механизм (инструмент), который состоит из пяти основных элементов (основа структуры — «ядро

структуры»!): 1) цели; 2) алгоритма выполнения деятельности; 3) результата — (три ключевых элемента); 4) механизма действий; 5) смыслового центра (исполнительные элементы), и при помощи всего этого механизма (с учётом дополнительных элементов и всех связей, которые пока не отражены) субъект объективной реальности воздействует на эту реальность и изменяет ее, в целях достижения (удовлетворения) своей сложной потребности».

В этом предварительном, новом научно-практическом определении явления «режим», данном исследователем, присутствуют категории: «режим», «порядок», «сложная потребность», научный метафизический смысл которых был ранее раскрыт исследователем на уровне новых научных понятий-определений, а также вводится новое понятие: «основа структуры» — «ядро структуры» (или «ядро режима» для явления «режим»). С помощью «ядра структуры» («ядра режима») «режим» будет воздействовать на объективную реальность с целью ее изменения для удовлетворения сложной потребности субъекта («автора (-ов) режима»).

Анализируя вышесказанное, однозначно можно констатировать следующее: удовлетворение потребности субъекта целиком зависит от полученного результата, а степень удовлетворенности результатом зависит от его соответствия поставленной цели, так как только через цель результат обретает свою практическую ценность.

Из научно-практического определения и пояснений исследователя видно, что даже до своей реализации в объективной реальности «режим» представляет собой не простое, как принято считать в настоящее время, а сложное метафизическое образование, состоящее не из одного элемента.

Указанное выше пятиэлементное образование можно назвать «ядром структуры» явления «режим» (или «ядром режима»). «Ядро» — это квинтэссенция¹⁷ (от лат. quinta essentia — «пятая сущность», основа, самая суть явления...»), то есть для явления «режим» ядро — это субстанция, отображающая только основные элементы категории «режим».

Все вышеприведенные объяснения дают также и основу для понимания смыслового и жизненного циклов категории «режим» (это — вновь вводимые в наше исследование понятия, суть которых для категории «режим» будет разъяснена ниже).

Для дальнейшего восприятия новой метафизической понятийной логики построения «ядра структуры» некоторых явлений (понятий, теорий, исследований и т. д.), на примере явления «режим», (следовательно, «режимных категорий», поскольку явление «режим» входит основным «элементом — явлением» во все эти понятия), рассмотрим более подробно назначение каждого элемента «ядра режима».

1. Цель режима — это первый ключевой элемент «ядра режима» («ядра структуры»). Конечное достижение цели — установление определенного нового порядка (новая статика режима), который удовлетворит потребность «автора (-ов) режима». В то же время цель является одновременно:

1.1) точкой проявления режима во внеобъективной предметной реальности субъекта (только в мысленной реальности «автора (-ов) режима»), в чьем разуме родилась определенная неудовлетворенность (потребность). В объективной предметной реальности до определенного момента режим не осознается субъектом, создающим его, поскольку внимание субъекта переключено пока на разработку плана (разработку задач по достижению цели) реализации режима;

1.2) точкой появления режима в объективной предметной реальности. Этой точкой может считаться момент переключения внимания субъекта на разработку алгоритма выполнения плана реализации режима (алгоритма выполнения деятель-

¹⁶ Третьяков А. В. Явление «режим» как предпосылка современного толкования нового понятия: «режимные категории» // Вестник гражданского процесса. — М.: Статут, 2013. — № 6. — С. 212–234; Третьяков А. В. Интегративные принципы начал основ построения современных концептуальных баз, на примере концептуальной базы «теории режимов» // Вестник гражданского процесса. — М.: Статут, 2014. — № 1. — С. 176–187.

¹⁷ Современный толковый словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://baldatop.com/dictionary/search?dic=modernbse&word=квинтэссенция>

ности: программы реализации задач по достижению цели режима).

Следовательно, можно констатировать: момент предметного появления режима в объективной реальности является момент начала разработки алгоритма реализации цели (алгоритм выполнения деятельности).

2. Алгоритм выполнения деятельности — это второй ключевой элемент «ядра режима», представляющий из себя сложный комплекс программ, который направлен на выполнение поставленных задач для осуществления комплексной деятельности, и назначение которого — достигнуть определенного результата. Алгоритм является той основой, которая позволяет появиться режиму в предметной реальности, так как режим появляется тогда, когда появляется цель, и субъект начинает продумывать свою деятельность (алгоритм) ее реализации.

Достижение результата является основной функцией алгоритма, и сама ценность этой функции проявляется только тогда, когда при действии обратной связи с целью и через стадии обработки данных будет возможно определить характер результата: полностью он совпадает с поставленной целью или нет. Если режим достиг цели — конечной или промежуточной (для «промежуточного режима»), — то он выполнил свое «предназначение», то есть выполнил свой «смысловой цикл».

В понимании исследователя, вновь введенная в науку «сущность смыслового цикла режима — это удовлетворение потребности» (достижение поставленной цели через результат). В этом случае функция выполнения алгоритма режима (с помощью механизма действия через результат) обретает свою ценность (здесь понятие «цикл» — это течение (алгоритма выполнения), имеющее определенное направление своего движения по круговому принципу, в соответствии с заложенной программой).

Создавая режим, субъект должен учитывать и «жизненный цикл режима». Здесь, в понимании исследователя, введенная в науку для категории «режим» сущность понятия «жизненный цикл режима» можно охарактеризовать так: «Жизненный цикл режима — это “течение жизни” режима от его появления до его “возможной смерти”». «Возможная смерть» режима произойдет в том случае, если субъект («автор (-ы) режима»), внесет (-ут) изменения в устанавливаемый им режим.

В процессе создания алгоритма субъект будет использовать различные средства реализации этого алгоритма, в зависимости от вновь вводимого исследователем понятия «сфера заинтересованности» режима. «Сфера заинтересованности» режима — это та сфера деятельности общества, в которой производятся те или иные изменения объективной реальности, для возможности удовлетворения потребности автора (-ов) рассматриваемого режима», т. е., если это правовая сфера, то деятельность и средства будут правового характера, если экономическая сфера, то деятельность и средства — экономического характера и т. п.

3. Результат — третий ключевой элемент «ядра режима». Ради этого элемента происходят все усилия по созданию «режима». Но ценность результата зависит от его соответствия поставленной цели, ибо только через сопоставление (оценку) с целью результат можно считать положительным, отрицательным или требующим корректировки. С помощью результата субъект может оценить качество и масштабы изменений в существующей объективной реальности, внести коррективы (при необходимости), и добиться конечной цели: удовлетворить свою потребность.

4. Механизм действия (изменения, выполнения) является четвертым элементом «ядра режима», имеющим исполнительный характер. Этот элемент как бы «вытекает» из алгоритма и «сферы заинтересованности» режима. Другими словами, механизм действия не имеет определенной структуры и содержания: они определяются тем алгоритмом и той «сферой

заинтересованности», которая будет основой этого алгоритма (например: если основа правовая, то и алгоритм будет правовой, если основа экономическая, то — экономический и т. д.), соответственно, и механизм будет менять свою структуру и содержание. Механизм действия выполняет функцию претворения в жизнь задуманного алгоритма, а в достижении результата заключается «метафизический смысл жизни» (смысловой и жизненный циклы) механизма действия. Это — отражение его специфики. Механизм действия (изменения, выполнения) не является ключевым элементом ядра.

5. Смысловой центр является пятым и также исполнительным элементом «ядра режима». «Смысловой центр — это некое “звено”, “неполный элемент”, предназначенный зафиксировать момент окончания “смыслового цикла” режима, то есть “сказать”: “на этом этапе режим достиг цели, либо не достиг ее”». В этом понимании смысловой центр не является собственно элементом, так как не имеет собственного «полноценного» содержания. Смысловой центр играет как бы роль «фиксатора», с помощью которого режим просто «делает вывод» о своем смысле бытия, то есть «выясняет» (через сравнение!) соответствие результата параметрам цели: удовлетворена потребность или нет. И хотя роль смыслового центра не столь велика, как ключевых элементов, однако смысловой центр есть необходимый элемент в «ядре режима» (исходя из указанных пояснений), появляющийся лишь при определенных обстоятельствах, почему его и можно назвать «неполным элементом». Смысловой центр также не является ключевым элементом ядра.

Описав последний элемент «ядра режима», мы фактически почти полностью раскрыли суть нашей статьи: показать возможность распространения интегративных построений в отношении «ядра структуры» отдельных явлений на примере научного универсального интегративного построения «ядра структуры» явления «режим». С рассмотрением при этом метафизического смысла основных элементов ядра для отдельных явлений на примере элементов ядра категории «режим».

Универсальность и интегративную сущность самого построения «ядра структуры» отдельных явлений, на примере категории «режим», можно объяснить следующим образом: термин «режим» входит во все словосочетания, означающие «режимные категории», как элемент любого такого словосочетания. Логично предположить, что и «ядро режима» будет входить в основу «ядер структур» всех производных «режимных категорий», т. е. «ядро режима» будет присутствовать во всех «производных» (частных) режимах, например, в «ядрах» категорий «правовой режим», «гражданско-правовой режим» и т. д. Но в каком качестве?

То есть возникает вопрос: каким образом, опираясь на ядро категории «режим», можно представить основу («ядро структуры») «производного режима» для любого раздела науки, например, в науке права для категорий: «правовой режим», «гражданско-правовой режим» и т. д., и чем, например, «ядро правового режима» будет отличаться от ядра категории «режим»? Следовательно, надо четко представлять: как проявляется специфика элементов ядра правового режима, гражданско-правового режима и т. д.

Другими словами, это выглядит так: категория «режим» является «матерью», «изначальным понятием», «центром происхождения» всех производных «режимных категорий». Логично предположить, что элементы «ядра структуры» («ядра режима») полностью войдут во все «ядра структур» производных «режимных категорий», исполняя в них ту же роль, что и в «ядре структуры» категории «режим». Но в каждой «режимной категории» эти элементы будут иметь свою специфику, являющуюся сутью практического использования конкретной «режимной категории» в объективной реальности.

Раскрытие практического использования конкретной «режимной категории» и специфики работы отдельных элементов не являются сутью представляемой информации в настоящей статье. Это можно сделать в дальнейшем.

Фактически пояснениями шести предыдущих абзацев мы ввели в юридические научные дисциплины (и научные дисциплины других наук!), разъяснение сути универсального метода интегративных построений, в данном случае в отношении основ «ядра структуры» отдельных многогранных явлений (терминов, понятий, категорий и т.д.) на примере явления «режим». Ранее универсальность метода была исследована в отношении понятийного аппарата и концептуальной базы, о чем говорилось выше.

По ходу исследования некоторых характеристик многогранных явлений мы ввели в науку отдельные нестандартные объяснения, используя для этих объяснений в качестве примера явление «режим». На примере этого явления мы показали и объяснили суть и назначение основных элементов «ядра структуры» и дали новые оригинальные толкования как самим элементам, так и некоторым моментам «появления и жизни» явления «режим». Например, по-новому дано объяснение жизненных и смысловых циклов, сфер заинтересованности, моментов появления категории «режим» в виртуальной и объективной реальности и др.

Рассмотренные выше универсальные принципы построения основ «ядра структуры» отдельных явлений, объяснение и описание элементов на примере явления «режим» могут быть использованы другими членами научного сообщества при собственных доказательствах, объяснениях, построениях, выводах, например: при обосновании принимаемых решений, определений, постановлений и т.д.

В заключение можно дать несколько пояснений, добавлений, выводов:

1. Ради объективности необходимо отметить, что для полноценной оценки всей структуры любой «режимной категории» кроме основных элементов «ядра структуры» нужно знать и дополнительные элементы этой структуры;

2. Необходимо также знать и представлять, как эти основные и дополнительные элементы взаимодействуют между собой и с «внешним миром». То есть необходимо знать и представлять связи элементов. Значит, надо ответить на вопрос: нужны ли для такого взаимодействия дополнительные условия?

3. Рассмотренная информация имеет межотраслевое звучание, т.к. изложенный в ней материал можно использовать во многих как юридических, так и в несвязанных с юридической отраслью научных дисциплинах. Например: сами прин-

ципы построения «ядра структуры»; сам универсальный метод интегративных построений; некоторые нестандартные объяснения и толкования «ядерных элементов»; моменты природы и сущности отдельных категорий и др. Эту информацию можно напрямую использовать в отдельных дисциплинах социально-гуманитарных, технических и естественных наук, например: философия, синергетика, социология и другие дисциплины;

4. Но в каждой дисциплине такое использование должно иметь свою специфику практического применения, которая и играет роль фактора практического применения описанных положений;

Затронутые выше вопросы (например, вопрос взаимодействия основных элементов между собой и с «внешним миром» и др.) могут быть подробно рассмотрены нами в дальнейших исследованиях.

Возможно, рассмотренные исследователем в данной статье универсальные интегративные построения в отношении «ядра структуры» и некоторые смежные вопросы подскажут членам научного сообщества и практикам новые идеи для практического применения информации исследователя.

Пристатейный библиографический список

1. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3-х т. — Т. 2. — М.: АСТ, 2006.
2. Ожегов С.И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ozhegov.info/slovar/>
3. Современный толковый словарь. — М.: Большая советская энциклопедия // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://baldatop.com/dictionary/search?dic=modembse&word=квинтэссенция>
4. Третьяков А. В. Интегративные принципы начал основ построения современных концептуальных баз, на примере концептуальной базы «теории режимов» // Вестник гражданского процесса. — 2014. — № 1.
5. Третьяков А. В. Явление «режим» как предпосылка современного толкования нового понятия: «режимные категории» / Вестник гражданского процесса. — 2013. — № 6.
6. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov>
7. Философский словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/ya/javlenie.html>

Сулейманова Л. Ш.

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО КАК СУЩНОСТНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ

В статье правовое государство рассматривается как неотъемлемое составляющее конституционно-правового статуса государства, призванного гарантировать народный суверенитет, нерушимость со стороны государства законных прав и свобод человека и гражданина, которые в XXI в. стали общепризнанной нормой жизни людей и мощным пластом их духовной культуры.

Ключевые слова: верховенство правового закона, обеспечение условий для реализации каждым членом общества конституционных прав и интересов, усиление взаимной ответственности человека и государства.

Suleymanova L. Sh.

LEGAL STATE AS THE QUINTESSENTIAL EXPRESSION OF DEMOCRACY

In the article the legal state was considered as an integral component of the constitutional-legal status of the state, designed to ensure national sovereignty, the guarantee of inviolability of legal rights and freedoms of man and citizen by the state, which in 21st century became the accepted norm of life and a strong layer of their spiritual culture.

Keywords: rule of legal law, ensuring conditions for implementing by every member of the society of constitutional rights and interests, strengthening of mutual responsibility of the person and the state.

Сулейманова Л. Ш.

Мировое сообщество признало, что правовое государство — это самая прогрессивная форма жизнеустройства современного человечества, наиболее многосторонне выражающая институты демократии. Поэтому закрепление в Конституции постсоветской России 1993 г. ее статуса в качестве «демократического федеративного правового государства» (ст. 1) является исторически правильным и приемлемым в определении вектора развития России в мировом сообществе. Однако всякому непредвзятому человеку очевидно, что между правовыми нормами Основного закона страны и ее повседневной реальностью имеется заметная дистанция. Исторически это объясняется продолжающимся переходным периодом от одного типа государства к другому. По мнению некоторых исследователей, наша страна все еще находится на начальном этапе постсоветского периода. А с позиции правовой науки эта дистанция объясняется тем, что Конституция, закрепляя систему общепринятых в силу своей полезности и разумности ценностей, в том числе модель демократически-правовой государственности, являет собой не констатацию реальности, а идеал (должное), к которому необходимо стремиться. Поэтому, по мнению доктора юридических наук, профессора Л. С. Мамута, «Основной Закон выполняет, в частности такие роли: он служит ориентиром, который указывает общее направление процесса формирования и совершенствования российского демократически-правового государства. Являясь вместе с тем критерием отбора средств и методов, необходимых для осуществления данного процесса, он выступает главнейшей легальной опорой критики и акций по устранению дефектов в структуре и деятельности институтов государства и занятых в нем лиц; он работает в качестве стимулятора законосообразного поведения и подъема политической и правовой культуры граждан, госслужащих, должностных лиц всех рангов, общества в целом»¹.

Но до воплощения в правовую норму Конституции идея правового государства прошла длительный исторический путь. Уже первые разработчики концепции правового государства отталкивались от сущности естественного права как совокупности таких социальных норм, цель которых заключалась в защите и расширении свободы людей. Эта суть естественного права вытекает из социальной природы, есте-

ства человека, созданного быть свободным. Также принцип разделения власти на самостоятельные ветви в концепции правового государства, как гарантия против злоупотребления властью, представляет возможность обеспечения государством основ демократии. Связывая такую модель государственного обустройства с правовым законом, мыслители вкладывали в нее гуманное, морально-этическое содержание. Ибо такие законы государства требуют от людей вести себя или пользоваться свободой так, чтобы не ограничивать права и свободы других людей. Только тогда отношения в обществе могут приобрести гармоничный характер. Таким образом, в совокупности общественно-политическая мысль в понятие правового государства вкладывала его социальную ориентированность. То есть оно должно быть полезным, в первую очередь, для общества и людей. Этот краткий обзор формирования идеи правового государства свидетельствует, что человеческая мысль издавна искала ответ на вопрос: какова взаимосвязь человека, общества, государства и права? И логически вытекал новый сакраментальный вопрос — какое государство может быть оптимальным, позволяющим разумно и гуманно (демократически в соответствии с современными взглядами на общественное развитие) соотносить все названные социальные институты — человека, общество, государство и право.

В наше время многими странами правовое государство воспринимается как наиболее оптимальная, т.е. наиболее приемлемая, лучшая из возможных, наиболее благоприятная модель. Такое содержание вкладывается в это слово в XX в. Действительно, как показала история прошлого века, другие модели демократически организованного государства, в частности, коммунистическая концепция и попытки ее воплощения, оказались утопичными для современного человечества. И пока другой, более приемлемой модели для прагматичного, ставящего в ряд главных материальные ценности человеческого сообщества, кроме правового государства, не придумано. Ибо оно направляет все структуры власти на защиту законных прав и интересов каждого человека, и, соответственно, на возможность реализации каждым человеком своих законных прав и интересов.

В литературе бытует мнение, что главным показателем правового государства является верховенство закона. Поэтому правовое государство связывают с государством, которое, прежде всего, само подчиняется праву. По мнению одного из последовательных разработчиков современной концепции

¹ Мамут Л. С. Современная российская государственность и культура демократии // Государство и право. — 2009. — № 1. — С. 9.

правового государства доктора юридических наук, профессора Ф. М. Раянова верховенство закона — это не основная характеристика правового государства, а внешняя, второстепенная. Действительно, государство, как организация политической власти, есть продукт исторического развития общества. Поэтому правовое государство, как оптимальная модель современного общественного развития, должно быть сформировано на подлинно демократической основе. Именно поэтому Ф. М. Раянов главный сущностный показатель правового государства связывает с демократичностью государственной власти: «Другими словами, в правовом государстве главное не столько в том, что государство, его органы и должностные лица действуют в рамках законов, а в том, что цели, преследуемые ими при этом, полностью соответствуют интересам государствообразующего народа»². Поэтому создание правового государства требует развитого гражданского общества, правовой культуры всех слоев населения, признания и утверждения в общественном мнении приоритета общечеловеческих ценностей, эффективной рыночной экономики, действительного соответствия внутригосударственного законодательства нормам международного права и общепризнанным принципам, развития независимого суда как самостоятельной ветви власти, когда любой человек может через правосудие защитить свои законные права и интересы, восстановить правовую справедливость. В этом первоначаль-

² Раянов Ф. М. Проблемы теории государства и права (юриспруденция). — М: Издательский дом «Право и государство», 2003. — С. 131.

ном ряду предпосылок правового государства в наши дни, на наш взгляд, значительную и действенную роль государствообразующей силы играет наличие в обществе третьего класса — той части населения, которая живет за счет производительного материального и интеллектуального труда и в силу этого глубоко заинтересована в стабильности и прогрессе во всех сферах жизни. Насколько мощным будет в обществе этот социальный слой, настолько действенной будет сила влияния государствообразующего народа на степень демократичности политической организации власти.

В целом, уровень развития современного государства оценивается тем, в какой степени оно обеспечивает человеку возможность реализации им основных, конституционных правовых норм. Защищенность законопослушного, порядочного в морально-этическом плане человека в наши дни проявляет себя как одна из главных социальных ценностей на пути прогресса. Главным гарантом, способствующим реализации такой меры свободы человека в обществе, остается правовая модель государства.

Пристатейный библиографический список

1. Андреева Н. Н., Арапова Н. С., Баш Л. М. и др. Словарь иностранных слов. — М., 1997.
2. Мамут Л. С. Современная российская государственность и культура демократии // Государство и право. — 2009. — № 1.
3. Раянов Ф. М. Проблемы теории государства и права (юриспруденция). — М: Издательский дом «Право и государство», 2003.

Филиппова Ж. Д.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕФИНИЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Анализируется акцентуация дефиниции «правосознание» в современной отечественной юридической науке, проанализированы структурные элементы: правовая идеология и правовая психология.

Ключевые слова: правосознание, правовая идеология, правовая психология.

Filippova J. D.

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF SENSE OF JUSTICE DEFINITION IN MODERN DOMESTIC JURISPRUDENCE

Accentuation of «sense of justice» definition in the modern domestic jurisprudence is analyzed, as well as the structural elements: legal ideology and legal psychology.

Keywords: sense of justice, legal ideology, legal psychology.

Филиппова Ж. Д.

Право как социальное явление вызывает то или иное отношение к нему людей, которое может быть положительным или отрицательным. Люди в определенной форме выражают свое отношение ко всему, что охватывается правовым регулированием. Данное отношение может быть рациональным, разумным и эмоциональным, на уровне чувств, настроений. Правосознание — неизбежный спутник права¹. Обусловлено это тем, что право — регулятор отношений людей, наделенных волей и сознанием.

Категория «правосознание» является одной из центральных в теории государства и права, поскольку правосознание тесно связано с правом и государством и определяет специфику правопонимания². Государство и право как идеальные образы порождены человеческим сознанием и, будучи объективированными в правовых текстах и институтах государства, осознаются и оцениваются человеком.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что в контексте современной теории познания научное правовое мышление характеризуется единством субъекта и объекта познания: «... то, что изучают гуманитарные дисциплины, не может целиком стать объектом, оно присутствует и в субъекте, благодаря чему, собственно, и возможно осмысление социальной жизни»³.

Правосознание — сложное структурное явление, которое имеет двойственный характер, обуславливающий его место и роль в процессе создания и реализации норм права, и, в конечном счете, формирования правового государства. С одной стороны, правосознание является необходимым создающим фактором при формировании позитивного права, поскольку прежде чем получить выражение в юридических нормах, результатах деятельности правотворческих органов, определенные интересы и потребности людей проходят через волю и сознание индивидов, создающих правовые нормы. Сама система позитивного права является продуктом творческой реализации правосознания — в первую очередь правовой идеологии, но в определенной степени и правовой психологии законодателя. Законодатель в России в известной степени обезличен, имена авторов законов традиционно не указываются при их принятии. Вместе с тем нельзя не считать с тем, что авторы законопроектов обладают собственным правосознанием, ко-

торое и проявляется в результатах их деятельности. С другой стороны, на законодателя прямо или косвенно воздействует правосознание отдельных групп и индивидов, а также общественное правосознание, что, в конечном счете, отразится на содержании закона.

Как отмечал еще И. А. Ильин, «для того чтобы нормы положительного права подверглись обновлению и исправлению, необходимо, во-первых, чтобы люди в этом действительно нуждались (потребность в реформе), во-вторых, чтобы эта нужда была осознана (выяснение потребности), в-третьих, чтобы сложилось уверенное знание того, что именно и в какую сторону должно быть изменено (составление проекта реформы) и, наконец, в-четвертых, чтобы эта осознанная потребность могла бы побудить уполномоченных создателей права осуществить реформу (предложение, принятие и утверждение проекта»⁴.

Следовательно, на уровне связи правосознания законодателя и общества и заключается потенциал эффективности позитивного права, уровень качества правовых норм, их соответствие потребностям общественного развития.

В настоящее время отрицать значимость права и правового регулирования на теоретико-идеологическом уровне, конечно же, не принято. Поэтому правовой нигилизм в доктринальном плане для современной России неактуален. Однако подпитываемый юридической некомпетентностью правовой нигилизм прочно удерживает свои позиции не только на уровне обычного, но и профессионального правосознания. Неуважительное отношение к праву сегодня демонстрирует не только «обычный человек с улицы», но и те, кто по долгу службы должен стоять на страже правопорядка. Эксперты все чаще говорят о развитии опасной тенденции, связанной с аберрацией профессионального правосознания, которое нередко генерирует преступные установки и ориентации.

Очевидно, что изменение отношения общества и индивидов к праву — это трудоемкая задача, растянутая во времени. Вполне возможно, что для этого потребуется не одно десятилетие, напряженные усилия нескольких поколений. Существующие в российском социуме проблемы и сложности не должны отодвигать решение указанной выше задачи на второй план. Напротив, ее успешное решение должно рассматриваться в качестве стратегической цели проводимой в нашей стране правовой реформы.

В структуре правосознания традиционно выделяют правовую идеологию и правовую психологию.

¹ Теория государства и права: Учебник / Под ред. В. К. Бабаева. — М.: Юрист, 2004. — С. 301.

² Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права: Учебник. — СПб., 2005. — С. 152.

³ Овчинников А. И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. — Ростов-на-Дону, 2002. — С. 49.

⁴ Ильин И. А. Собр. соч. (доп. том). Мир перед пропастью. — Ч. III. — М., 2001. — С. 85.

Теоретическое осознание и оценка права, конструирование типов правопонимания осуществляются в рамках правовой идеологии. Вообще под идеологией понимается система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений⁵.

Правовая идеология — это социально и мировоззренчески обусловленная система теоретических взглядов на государство и право. Правовая идеология становится частью политической идеологии, чем прямо или косвенно правовой идеологии придается официальный, нормативный характер. Господство одной политико-правовой идеологии может прямо закрепляться в действующей Конституции того или иного государства, как это было, например, в Советском Союзе, когда идеология правящей партии КПСС фактически возводилась в ранг закона. Ничего подобного мы не обнаружим в современной Конституции РФ. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Может создаться такое впечатление, что наше государство полностью деидеологизировано. Однако анализ положений Конституции РФ позволяет сделать вывод о том, что ее идеологической основой являются либеральные ценности западного происхождения⁶.

Надо отметить то, что правовая идеология, в отличие, например, от естественно-научного знания, не является полностью достоверным знанием, поскольку ее содержание зависит от мировоззренческих установок. В этом смысле она представляет практическую философию права, а не строго научное знание о правовой действительности⁷. Роль правовой идеологии в правовом регулировании достаточно очевидна — на основе правовых воззрений, теорий, доктрин осуществляется правотворчество; важны рациональные компоненты и в процессе реализации права.

Особой значимостью в правовой идеологии обладает юридическая наука, поскольку научная теория определяет стратегию развития правовой жизни общества, осуществляет всесторонний анализ современной правовой ситуации. Научные доктрины могут выступать в качестве источников права. Освоение правовой теории, рациональное осмысление роли права в жизни общества являются важными и необходимыми элементами юридического образования, формирования юридического профессионализма⁸.

Важным элементом для характеристики содержательной стороны правосознания является такая его составная часть, как правовая психология. В современной юридической науке принято считать, что правовая психология — это несистематизированное и нерационализированное восприятие правовой действительности в виде чувств, эмоций и переживаний, характерных для общества в целом или конкретной социальной группы⁹.

Правовая психология — это живой источник правовых идей и представлений, «без их правильного понимания любая правовая политика обречена на провал»¹⁰. Именно

в правовой психологии происходит подлинная легитимация существующей власти и правопорядка. Это, казалось бы, аксиоматическое положение почему-то не всегда учитывается в современной России. Еще Н. М. Коркунов указывал на обязанность властвующих при отправлении функций государства учитывать и отражать в актах властвования представления о государстве и праве, сформировавшиеся в общественном правосознании: «Для того чтобы орган власти мог в своей деятельности опереться на сознание подчиняющихся их зависимости от государства, необходимо, чтобы его действия находились в известном соответствии с этим сознанием подвластных, с теми представлениями, какие они имеют о государстве, о его отношении к праву, к личной и общественной свободе»¹¹.

В настоящее время появились научные исследования, в которых конституционное правосознание рассматривается как специфическое проявление общественного и правового сознания; как социальный фактор, позволяющий выявить отношение к конституционным нормам — признание объективной необходимости Конституции РФ и ее приоритета в правовой системе государства. Оно является необходимой формой жизнедеятельности человека, служит внутренним регулятором юридически значимого поведения и источником правовой активности в конституционно-правовой сфере, претворения юридических норм в фактической деятельности граждан и должностных лиц.

В современном российском обществе необходима кардинальная переоценка ценностей, установок сознания, в том числе и правового. Однако теперь основное внимание должно быть направлено на смену приоритетов: от прежней системы «государство — общество — личность» к новой системе отношений «личность — общество — государство». Таким образом, во главу угла должны быть поставлены личность, реализация и защита ее прав и свобод. А для этого необходимо формирование и воспитание личностей, которые ощущали бы необходимость главенства права, осознавали потребность в создании развитой системы законодательства, соотносили правовые ценности с общечеловеческими ценностями, поскольку от уровня правового сознания зависит характер поведения людей в правовой сфере, и в итоге степень достижения поставленной Конституцией РФ цели — формирование правового государства.

Пристатейный библиографический список

1. Горбатова М. К., Домнина А. В. Основные теоретические подходы к определению понятия и содержания профессионального правосознания // Российская юстиция. — 2014. — № 1.
2. Ильин И. А. Собр. соч. (доп. том). Мир перед пропастью. — Ч. III. — М., 2001.
3. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. — М., 1904.
4. Мартышин О. В. Идеино-политические основы современной российской государственности // Государство и право. — 2006. — № 10.
5. Овчинников А. И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. — Ростов-на-Дону, 2002.
6. Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права: Учебник. — СПб., 2005.
7. Теория государства и права: Учебник / Под ред. В. К. Бабаева. — М.: Юристъ, 2004.
8. Философский энциклопедический словарь. — М., 1989.

⁵ Философский энциклопедический словарь. — М., 1989. — С. 200.

⁶ Мартышин О. В. Идеино-политические основы современной российской государственности // Государство и право. — 2006. — № 10. — С. 31–37.

⁷ Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права: Учебник. — СПб., 2005. — С. 159.

⁸ Философский энциклопедический словарь. — М., 1989. — С. 304.

⁹ Теория государства и права: Учебник/под ред. В. К. Бабаева. — М.: Юристъ, 2004. — С. 460.

¹⁰ Горбатова М. К., Домнина А. В. Основные теоретические подходы к определению понятия и содержания профессионального правосознания // Российская юстиция. — 2014. — № 1. — С. 63–67.

¹¹ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. — М., 1904. — С. 260, 263.

Крижус И. К.

МЕХАНИЗМ АКТИВАЦИИ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА

В статье автор анализирует понятие активации нормативного правового акта и его механизм. Понятие введения в действие нормативного правового акта рассматривается в двух аспектах: легализации и активации нормативного правового акта. Автор даёт определение понятию механизма активации нормативного правового акта и рассматривает составляющие его средства.

Ключевые слова: закон, действие закона, введение в действие нормативного правового акта, подготовка закона к действию, механизм активации нормативного правового акта.

Krizhus I. K.

THE MECHANISM OF NORMATIVE LEGAL ACT ACTIVATION

In the article the author analyses the concept of activation of normative legal act and its mechanism. The author's concept of introduction of normative legal act into effect is considered in two aspects: legalization and activation of normative legal act. The author gives a definition of the concept of a normative legal act activation mechanism and analyzes its components.

Keywords: law, force of law, introduction into effect and activation of normative legal act, preparation of the law to action, activation mechanism of normative legal act.

Крижус И. К.

Нормативно-правовой акт является ведущим источником права в Российской Федерации, основная цель такого акта — регуляция, упорядочивание общественных отношений, которая осуществляется при помощи нормативных средств и правил, в нём заложенных. Но, с другой стороны, нормативный правовой акт, устанавливая правила поведения, сам является продуктом деятельности специальных субъектов, результатом правотворчества. Соответственно, работа с нормативными правовыми актами не должна быть стихийной и хаотичной. Её планомерность и ритмичность, упорядоченность должны быть сориентированы только на главный результат, а именно — действие нормативного правового акта. Причем о действии правовых актов можно говорить только тогда, когда сформулированные в них требования воплощаются в поведении субъектов, реализуются в их юридических правах и обязанностях.

Стоит констатировать, что положения не каждого нормативного правового акта фактически реализуются на практике. Так, еще в XIX веке русский юрист, профессор Московского университета, председатель Первой Государственной думы С. А. Муромцев в результате своего анализа обстоятельств, по которым норма не реализуется, обосновывал вывод о наличии «действующих» и «мертвых» норм, и даже «бессильных» норм¹. И в настоящее время стоит констатировать подобное. С чем это связано?

Причин имеется множество, начиная с пороков формы и содержания актов, заканчивая низким уровнем правового сознания и правовой культуры субъектов, адресатов нормативного правового акта. Но, среди прочих, стоит обратить внимание на то обстоятельство, что нормативный правовой акт самостоятельно действовать не может, он должен стать частью правового сознания лиц, на регуляцию поведения которых он направлен. Поэтому одним из основных вопросов действия нормативного правового акта должна стать подготовка к его восприятию субъектами и реализация положений такого акта на практике, подготовка к введению его в действие.

Только заранее закладывая в нормативный правовой акт потенциальную действенную силу, заранее готовясь к воплощению его положений в жизнь, возможно как-то исправить сложившуюся ситуацию тотальной неэффективности нормативных правовых актов в нашей стране. Любой нормативный правовой акт необходимо заранее, предварительно, пока он

не вступил в силу, подготавливать к моменту, когда он станет полноценным источником права и будет готов к имплементации в жизни общества.

Введение нормативного правового акта в действие, по нашему мнению, не сводится только к опубликованию акта, а состоит из средств, которые могут быть поделены на два больших блока:

1) направленные на введение в действие нормативного правового акта, как внешней формы, источника права, которые составляют механизм его легализации. Сюда относятся одобрение нормативного правового акта (например, закон подлежит одобрению Советом Федерации), подписание или отклонение нормативного правового акта (например, право вето Президента РФ при подписании текста закона), официальное опубликование и т.п.;

2) направленные на подготовку к введению в действие содержания нормативного правового акта, то есть подготавливающие правовой акт к его реализации. Сюда включаются организационно-управленческие, специально-юридические, социально-психологические (идеологические и информационные), материально-технические и контрольно-диагностические и иные средства, составляющие механизм активации нормативного правового акта.

Как сказано в одном из словарей, активация — это в основном подготовка к действию², или, например, под активацией понимается приведение какой-либо системы, объекта, органа, аппарата, машины и т.д. в работоспособное состояние³.

Под активацией нормативного правового акта мы понимаем этап введения принятого (сформированного) нормативного правового акта в действие, подготовительную процедуру, заключающуюся в приведении его к действительности, возбуждении нормативно-регулятивных средств в нём заложенных, перевод их в состояние готовности к реализации.

Логично, что готовиться к действию закона (иного нормативного правового акта), проводить процедуру его активации необходимо после принятия и до вступления в силу, а ни после, ведь закон должен реально действовать с момента вступления в силу, иначе такой нормативно-правовой акт далёк от понятия закона в научном смысле этого слова.

¹ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. 2-е изд., доп. — СПб.: Изд. дом СПбГУ, Изд-во юрид. фак-та СПбГУ, 2004. — С. 142–143.

² Большой толковый психологический словарь Т. 1. (А-О) / Пер. с англ. А. Ребер. М., ООО «Изд-во АСТ», Изд-во «Вече», 2001 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/487/word/aktivacija>.

³ Большой толковый словарь Владимира Чернышева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.e-slovar.ru/dictionary/1/990/>.

Любой нормативный правовой акт должен предусматривать механизм его активации, включающий комплекс специальных средств правового и иного характера, направленных на увеличение действенности нормативного правового акта, перевод его из латентного, пассивного состояния к готовности быть реализованным. Активационные средства должны осуществляться до момента вступления нормативного акта в силу в течение временного интервала, названного «*vacatio legis*». Этот технический термин, который относится к периоду между обнародованием закона и временем, когда закон приобретает юридическую силу, очень часто используется в католическом каноническом праве, где равен трём месяцам. В юриспруденции и праве этот латинский термин «*vacatio legis*» приблизительно переводится как «отсутствие закона» и указывает на состояние недействительности нормы, ещё не вступившей в силу⁴.

В российской теории закона подобного термина не было разработано, однако само это обозначенное им явление существует. По общему правилу, если говорить о законах, то этот период равен десяти дням, если в законе не установлен иной срок. Но, что касается других нормативных правовых актов, то установление такого срока отнесено к компетенции правотворческого органа. Большинство нормативных правовых актов в Российской Федерации вступает в силу с момента их опубликования, что автоматически препятствует проведению мероприятий по подготовке действия этих актов, введению их содержания в действие. Подобный интервал времени должен охватывать все средства, направленные на подготовку нормативного правового акта к действию, составляющие механизм его активации.

С. В. Бахвалов предложил следующие механизмы, охватывающие полный жизненный цикл закона: «I этап: 1) механизм разработки текста закона; 2) механизм принятия закона; 3) механизм обнародования закона; II этап 4) механизм начала действия закона; 5) механизм внесения изменений в закон; 6) механизм приостановления действия закона; 6) механизм прекращения действия закона»⁵. На наш взгляд, не рассуждая о достоинствах или недостатках подобной классификации, важно было бы ввести промежуточный этап подготовки нормативного правового акта к действию (реализации), включающий механизм активации нормативного правового акта. В одном из своих значений механизм понимается как совокупность состояний и процессов, из которых складывается какое-либо явление⁶, и, с другой стороны, механизм это — внутренне устройство, система чего либо.

Под механизмом активации нормативного правового акта понимается комплекс взаимосогласованных средств правового и не правового характера, осуществляемых государством, органами и должностными лицами государственного аппарата, имеющих своим назначением цель подготовить нормативно-правовой акт к реальному, обеспеченному действию.

Социально-психологические средства, включаемые в механизм активации вводимого нормативного правового акта, рассчитаны на правовое информирование и пропаганду, раскрытие для адресатов целей вводимого акта, приобретение адресатами знания норм вводимого акта, привитие установки действовать в соответствии с вводимым актом, создание соответствующей мотивации. Основным средством, с которого и начинается механизм активации, является опубликование (обнародование) нормативного правового акта. Все мероприятия (средства), включенные в этот блок, призваны формиро-

вать правовое сознание адресатов вводимого нормативного правового акта. Сюда же включаются не только информационные, но и просветительские мероприятия, направленные на правовое образование и воспитание с учетом вводимого акта и на своевременное изменение образовательных стандартов и учебно-методической базы. По сути, мероприятия данного блока рассчитаны на правовую социализацию и адаптацию, которая не должна заканчиваться на определенном этапе социализации личности, но продолжаться всю его сознательную жизнь, постоянно модернизируя правовое сознание индивида в связи с введением в действие новых правовых актов.

Как пишет В. М. Шафиров, должно стать правилом, чтобы в числе мер, предусмотренных для введения в действие нормативно-правового акта, обязательно предусматривался перечень образовательных, просветительских мероприятий, позволяющих подготовить население к принятию и осуществлению адресованных им принципов и норм права. Их следует закреплять в законе (ином правовом нормативном документе) о введении в действие конкретных нормативно-правовых актов⁷.

Активация нормативного правового акта здесь должна состоять из: разработки и изменении образовательных программ с учётом положений вводимого акта; издания новых редакций учебников, пособий и хрестоматий; корректировки учебных планов образовательных учреждений; организации специальных курсов и проведения специальных семинаров; организации курсов повышения квалификации работников сферы юридического образования и т.п. Причем данные мероприятия должны реализовываться в каждом конкретном случае введения в действие нового нормативного правового акта.

Отдельно должны осуществляться рекламные мероприятия, направленные на подготовку введения нормативного правового акта в действие, как процесс донесения информации от законодателя до целевой аудитории (адресатов) вводимого акта посредством медиаканалов или иными способами. Реклама вводимых нормативных правовых актов и/или их отдельных положений, по сути, является разновидностью некоммерческой социальной рекламы, направленной на изменение моделей общественного поведения в вводимых таким актом рамках и привлечение к такому акту внимания адресатов.

Также одним из средств по активации нормативного правового акта должна являться правовая агитация, под которой можно понимать устную, печатную и наглядную информационную деятельность, воздействующую на правовое сознание и настроение адресатов с целью побудить их к активному осуществлению правовых положений или другим действиям в рамках вводимого нормативного правового акта.

Считаем, что необходимо составлять памятки, методические рекомендации и инструкции к нормативному правовому акту. Между прочим, инструкция в переводе с латинского языка означает распоряжение, издаваемое административной властью во исполнение или в дополнение и развитие закона, а равно определяющее образ действия должностных лиц⁸.

В XIX веке подобные средства информирования применялись повсеместно. Сегодня инструкции к законам должны быть снова использованы в полную силу и уже есть, правда единичные, примеры. Например, на сайте МВД РФ размещена памятка в помощь гражданину о федеральном законе «О полиции»⁹. Или, например, с целью своевременного ин-

⁴ Vacatio legis [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Vacatio_legis.

⁵ Бахвалов С. В. Законодательная технология (некоторые проблемы теории и методологии): Дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород: РГБ, 2006. — С. 108.

⁶ Большой толковый словарь русского языка // Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб, «Норинт», 2000. — С. 539.

⁷ Шафиров В. М. Естественно-позитивное право: проблемы теории и практики: Автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. — Нижний Новгород, 2005. — С. 48.

⁸ Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. Издатели: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — СПб, 1890. — Т. XIII. — Имидоэфиры. Историческая школа. — С. 245–246.

⁹ Памятка в помощь гражданину о федеральном законе «о полиции» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.mvd>.

формирования учащихся, родителей, учителей и руководителей общеобразовательных учреждений о положениях федерального закона № 83-ФЗ от 8 мая 2010 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» разработан плакат о реализации положений данного закона¹⁰.

Важнейшими средствами по активации опубликованного, но не вступившего в силу нормативного правового акта должны стать мероприятия, направленные на его толкование и интерпретацию. Толкование целесообразно использовать как одну из мер по введению акта в действие, где правотворческий орган наряду с принятием нормативного правового акта принимал бы инструкции по применению или использованию акта в его дополнение и толкование. В таком случае под данными инструкциями понимаются документы, акты аутентичного толкования, содержащие правила, указания или руководства, устанавливающие порядок и способ осуществления толкуемых нормативно-правовых актов, исходя из их смысла и содержания.

Организационно-управленческие средства, входящие в механизм активации вводимого нормативного правового акта, связаны с тем моментом, что введение нормативного правового акта в действие, по сути, является деятельностью, которая, в свою очередь, происходит по определенным правилам и является деятельностью регламентирующей и организующей, институциональной по своей сути. Соответственно, должны быть предусмотрены соответствующие субъекты осуществления этой деятельности. И основными субъектами этой деятельности должны являться все государственные и региональные органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также органы, осуществляющие локальное регулирование в отношении вводимых актов соответствующего уровня.

Основное назначение средств данного блока — это организация исполнения вводимых нормативных правовых актов, причем организация не последующего исполнения и реализации, а предварительная подготовительная организация фактического исполнения и реализации положений вводимого акта. И естественно, что основная нагрузка по осуществлению этих мероприятий ложится на органы исполнительной власти, так как функция последней «состоит в осуществлении управленческой, организационной деятельности, направленной на исполнение правовых актов, принятых непосредственно народом или его представительными органами»¹¹.

Организационно-управленческая деятельность по введению нормативного правового акта в действие предполагает организационно-исполнительную и организационно-распорядительную деятельность государственных органов и их должностных лиц, контроль управляющих структур за надлежащим исполнением закона различными звеньями управленческого аппарата, служащими государственных организаций.

Часто для того, чтобы ввести тот или иной нормативный правовой акт в действие, требуется создание определенных властных институтов, изменение структуры органов различного уровня власти, организации и реорганизации учреждений, изменения штатного расписания, повышение квалификации кадров, совершенствование каналов взаимодействия и связей структурных подразделений органов и организаций, налаживание системы межведомственного взаимодействия, взаимоотношений с другими органами (организациями), разработку

планов реализации вводимого нормативного правового акта и т.д. Так, «органы исполнительной власти призваны своевременно издавать правовые акты, обеспечивающие реализацию законов; выделять необходимые материально-финансовые средства для реализации закона; осуществлять организационно-управленческие мероприятия в соответствии с законом; совершенствовать правозащитные процедуры и деятельность правоохранительных органов; контролировать результаты действия закона и готовить предложения по его совершенствованию; осуществлять сбор и давать оценку информации о реальных изменениях в регулируемой сфере»¹².

Таким образом, создание институциональной и организационной базы становится существенным для реализации положений вводимого нормативного правового акта. Например, зачастую новый нормативный правовой акт предполагает создание или модернизацию исполнительных органов или распределение полномочий между различными органами в свете принимаемого акта. Организация реализации положений вводимого акта должна быть осуществлена в ряду активационных мероприятий до вступления акта в силу.

Также часто подчеркивается, что «плохая конкретизация законодательных предписаний ограничивает действие закона, затрудняет активность его адресатов»¹³; «признание формул действия на основе и во исполнение закона на практике далеко не всегда сопровождается реальной перестройкой в соответствии с ними действий и актов исполнительных органов, органов управления. То игнорируются законы в целом или их отдельные положения, то допускаются прямые нарушения законодательных норм, то не принимаются акты в их развитие и не изменяются или не отменяются устаревшие акты, то отношение к закону и реагирование на него наблюдается с опозданием, от случая к случаю. В итоге подрыв авторитета закона и преувеличенная роль подзаконных актов ослабляют эффект правового регулирования и воздействия на происходящие процессы и объекты управления»¹⁴.

Как отмечал в бытность первым заместителем председателя Правительства Российской Федерации И. И. Шувалов, человек, который не понаслышке знаком с деятельностью главного органа исполнительной власти в стране: «... эффективное осуществление законов связано с принятием подзаконных актов, обеспечивающих их действие и реализующих установленную законодательством компетенцию Правительства Российской Федерации». Причем, по его мнению: «Для решения этих вопросов и эффективной реализации законов необходимы планомерная работа и согласованные действия парламента и Правительства Российской Федерации, с тем чтобы одновременно с законом готовились проекты подзаконных актов, обеспечивающих применение данного закона на практике»¹⁵.

Следует согласиться с этим высказыванием, ибо, по нашему мнению, эту деятельность необходимо осуществлять одновременно и параллельно с введением нормативного акта в действие, чтобы вместе с законом готовились проекты подзаконных актов, а не после вступления нормативного акта в силу, тем самым фактически оставляя его без конкретизации, а, следовательно, и без реализации.

Примером деятельности по введению акта в действие, на приведение его к реальному осуществлению, активации его положений, правда, после его вступления в силу, служит

¹⁰ [ru/userfiles/pamjatka_police.pdf](http://userfiles/pamjatka_police.pdf) [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/документы/1299>.

¹¹ Ковачев Д. А. Принцип разделения властей в конституциях государств Восточной Европы. // Конституционные реформы в государствах Содружества. — СПб, 1993. — С. 122.

¹² Исполнительная власть в Российской Федерации. Проблемы развития // Отв. ред. д-р юрид. наук И. Л. Бачило. — М.: Юристъ, 1998. — С. 15.

¹³ Гойман В. И. Действие права (методологический анализ). — М., 1992. — С. 95.

¹⁴ Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс: полный курс. — М.: 2001. — С. 373.

¹⁵ Шувалов И. И. Правительство Российской Федерации в законотворческом процессе. — М.: Норма, 2004. — С. 85.

издание административного регламента, представляющего официальный документ, регламентирующий предоставление государственными органами услуг гражданам и организациям.

Также в рассматриваемый блок мероприятий должны быть включены и различные согласительные и координационные мероприятия, направленные на активацию вводимого нормативного правового акта. Осуществление различных координационных и согласительных мероприятий, призванных предупредить возникновение спорных (коллизийных) вопросов при вступлении вводимого нормативного правового акта в силу. В качестве таких мероприятий необходимо использовать, например, различные согласительные процедуры.

К примеру, в конституционном праве под ними понимается регламентированная законом совместная деятельность субъектов конституционно-правовых отношений по устранению возникающих между ними разногласий на взаимоприемлемой (компромиссной) основе. Важно отметить превентивную функцию согласительных процедур. «Согласительные процедуры, используемые в федеральном законодательном процессе, являются полифункциональными и комплексными, поскольку представляют собой одновременно важный этап и составную часть механизма разрешения юридических коллизий на стадии разногласия и этап законодательного процесса»¹⁶.

Следующий блок средств, направленных на активацию вводимого нормативного правового акта, включает специально-юридические мероприятия, обеспечивающие: правильный выбор нормативно-регулятивных средств при конструировании нормативного правового акта, соответствующих предмету регулирования вводимого акта; изменение и отмену законов и (или) подзаконных актов, издание административных регламентов; систематизацию нормативных правовых актов; соблюдение пределов принятия ведомственных актов, соблюдение принципов разделения предметов ведения и принципов разделения властей; обеспечение условий принятия локальных актов; решение вопросов обратной силы вводимого акта. Также целесообразно включить сюда средства юридико-технического плана. Например, в зависимости от вида норм должен подбираться, конструироваться соответствующий механизм их активации.

Также к числу мероприятий данного блока отнесём и определение момента вступления нормативного правового акта в силу, как важное мероприятие, направленное на определение периода времени, достаточного для осуществления активации нормативного правового акта.

Кроме того, особой составляющей данного блока активационных мероприятий должна стать деятельность по систематизации законодательства, в частности, такими её видами, как учёт нормативных актов и их инкорпорацией, ведь необходимо своевременно учитывать вводимые нормативные акты и своевременно включать их в различные сборники, справочные правовые системы, которые должны находиться в свободном доступе.

В данный блок необходимо включить и освоение нормативно-регулятивных средств, заложенных при конструировании и принятии нормативного правового акта, при помощи апробационных мероприятий. Последние позволяют опробовать вводимые правовые нормы на практике в отдельных регионах или территориях, как бы произвести «отладку» акта, заключающуюся в обнаружении, локализации и устранении ошибок, допущенных в конструкции и содержании нормативного правового акта.

¹⁶ Бобракова Е. Е. Согласительные процедуры в конституционном праве: Общие основы и особенности применения в федеральном законодательном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2001. — С. 7.

Следует согласиться с В. В. Оксамытным, но с включением не только в законодательную социологию, но и в механизм введения нормативных правовых актов такого средства, как проведение законодательного эксперимента как способа проверки истинности или ложности, правильности или неверности целей, которые ставит перед собой законодатель. По мнению теоретика, законодательный эксперимент «представляет собой создание определенной ситуации локального масштаба, в которой анализируется действие специально разработанного для нее закона. Цель такого эксперимента — определить, какого рода закон или иной нормативный акт необходимы для новых условий и как они будут действовать, и лишь затем, после соответствующего анализа и выводов, решать вопрос о введении закона на всей территории и для всех лиц»¹⁷.

Действительно, целесообразно, новые правовые конструкции опробовать, например, на региональном или муниципальном уровнях, естественно, в рамках соответствующих предметов ведения, как бы по аналогии, а затем уже использовать на уровне федерального правового регулирования. Например, пресловутую монетизацию льгот можно было бы опробовать на примере какого-нибудь муниципалитета или региона, например, заменить часть льгот, предоставляемых муниципальным образованием или субъектом федерации, денежным эквивалентом, и далее уже проанализировать действие такого акта. Если бы подобная апробация, отладка была произведена, то явно никто бы не принял подобный «сырой» и резонансный федеральный закон.

Блок материально-технических средств включает: выделение финансовых средств, целевое бюджетное финансирование, привлечение иных средств, правильное использование государственного и муниципального имущества и т.п. При введении в действие нормативного правового акта рекомендуется «предусмотреть использование материально-финансовых средств, включая: объём затрат материальных и денежных средств, новый режим использования имущества, ресурсов, способы стимулирования и поддержки предпринимательства, возможный прирост или снижение выпуска товаров, продукции, оказания услуг, затраты времени на проведение мероприятий в связи с реализацией положений закона, на обеспечение оборота средств, получение прибыли (дохода). Полезно ещё на стадии разработки проекта закона рассчитать затраты средств, провести подготовительные мероприятия»¹⁸.

Как было верно подмечено: «Материально-технические, финансовые средства представляют собой материальные предпосылки действия закона. Если закон не содержит отсылки на источник финансирования или государство не может покрыть расходы, связанные с его реализацией, то акт не воплотится в практические действия адресатов. Особенно это касается законодательных актов социально-экономического характера. Следовательно, материально-техническое обеспечение — мощный, а в ряде случаев определяющий источник действия закона»¹⁹.

Нормативный правовой акт, не требующий очевидных государственных затрат на реализацию, может иметь другие, негосударственные расходы. В этом смысле интересно замечание Д. Бейтса, утверждающего, что «... затраты относятся как к частному, так и государственному сектору; если увели-

¹⁷ Оксамытный В. В. Сравнительная теория закона: учебное пособие. — М.: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2009. — С. 74.

¹⁸ Как применять закон: практическое пособие / Ю. А. Тихомиров; Редкол.: Е. Г. Азарова, М. Я. Булошников, В. Г. Емельянова, Т. О. Кошаева, М. А. Митюков, Ю. А. Тихомиров (Гл. ред.), Г. С. Шапкина. — М.: Известия, 1993. — С. 11.

¹⁹ Зелепукин А. А. Правовая культура, правотворческая и правоприменительная практика. // Правовая культура. Научный журнал. 2006 г. — № 1. — С. 91.

чиваются затраты для государственного сектора, это неизбежно скажется на затратах для частного сектора, что выразится в дополнительном налогообложении»²⁰. Поэтому иногда введение в действие нормативного правового акта предполагает для надлежащей его реализации дополнительные расходы для его адресатов. Соответственно, если подобные средства не будут изысканы и подготовлены до вступления нормативного правового акта в силу, то можно поставить вопрос о действительности такого необеспеченного заранее акта.

Заключительный блок объемлет контрольно-диагностические средства, которые призваны обеспечить контроль над введением нормативных правовых актов в действие, включая мониторинг последствий действия и воплощения на практике его норм, оценку их эффективности и влияния на общественные отношения, социологические исследования.

Данный блок включает в себя не только последующую оценку эффективности механизма введения нормативного правового акта, то есть то, насколько удачно акт был активирован, но и предполагает наличие мероприятий, осуществляемых до вступления акта в силу, направленных на введение его в действие в широком смысле этого понятия.

Считаем, что набор всех средств, входящих в механизм активации нормативного правового акта, не представляется возможным перечислить, так как каждый нормативный правовой акт глубоко индивидуален и, соответственно, уникален механизм введения в действие того или иного нормативного правового акта.

Активация как практический (содержательный) этап введения нормативного правового акта в действие заканчивается моментом вступления акта в силу, однако это не означает окончания осуществления некоторых мероприятий, которые переходят из разряда подготовительных и активационных в обеспечительные, например, мероприятия по правовому обучению и воспитанию, информационно-обеспечительные, материально-обеспечительные и т. п.

Механизм активации нормативного правового акта должен быть использован для каждого нового вводимого в действие нормативного правового акта без исключения. Активация нормативного правового акта должна стать самостоятельной и обязательной частью процесса введения его в обязан и должна иметь своей целью создание условий для успешного осуществления акта после обретения им юридической силы. В противном случае законы будут действовать экспромтом, удивляя законодателя и правоприменителя неожиданными последствиями их реализации, которые те, как всегда, постараются нивелировать принятием всё новых и новых нормативных правовых актов.

Пристатейный библиографический список

1. Бахвалов С. В. Законодательная технология (некоторые проблемы теории и методологии): Дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород: РГБ, 2006.

2. Бейтс Д. Цена законов // Оценка законов и эффективности их принятия. Материалы Международного семинара. М.: Издание Государственной Думы, 2003.
3. Бобракова Е. Е. Согласительные процедуры в конституционном праве: Общие основы и особенности применения в федеральном законодательном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2001.
4. Большой толковый психологический словарь Т. 1. (А-О) / Пер. с англ. А. Ребер. М., ООО «Изд-во АСТ», Изд-во «Вече», 2001 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/487/word/aktivacija>.
5. Большой толковый словарь Владимира Чернышева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.e-slovar.ru/dictionary/1/990/>.
6. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб., «Норинт», 2000. Ша-фиров В. М. Естественно-позитивное право: проблемы теории и практики: Автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. — Нижний Новгород, 2005.
7. Гойман В. И. Действие права (методологический анализ). — М., 1992.
8. Зелепукин А. А. Правовая культура, правотворческая и правоприменительная практика. // Правовая культура. Научный журнал. 2006 г. — № 1.
9. Исполнительная власть в Российской Федерации. Проблемы развития / Отв. ред. д-р юрид. наук И. Л. Бачило. — М.: Юристъ, 1998.
10. Как применять закон: практическое пособие / Ю. А. Тихомиров; Редкол.: Е. Г. Азарова, М. Я. Булошников, В. Г. Емельянова, Т. О. Кошаева, М. А. Митюков, Ю. А. Тихомиров (Гл. ред.), Г. С. Шапкина. — М.: Известия, 1993.
11. Ковачев Д. А. Принцип разделения властей в конституциях государств Восточной Европы. // Конституционные реформы в государствах Содружества. — СПб, 1993.
12. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. 2-е изд., доп. — СПб.: Изд. дом СПбГУ, Изд-во юрид. фак-та СПбГУ, 2004.
13. Оксамытный В. В. Сравнительная теория закона: учебное пособие. — М.: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2009.
14. Памятка в помощь гражданину о федеральном законе «о полиции» [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.mvd.ru/userfiles/pamjatka_police.pdf
15. Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс: полный курс. — М.: 2001.
16. Шувалов И. И. Правительство Российской Федерации в законотворческом процессе. — М.: Норма, 2004.
17. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. Издатели: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — СПб, 1890. — Т. XIII. — Имидоэфиры. Историческая школа.
18. Vacatio legis [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Vacatio_legis.

²⁰ Бейтс Д. Цена законов // Оценка законов и эффективности их принятия. Материалы Международного семинара. М.: Издание Государственной Думы, 2003. — С. 152.

Читайте

ЧЕШСКИЙ ЕЖЕГОДНИК МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Выпуск –2. Прага – 2011.

Выходит на английском языке

Инсур Фархутдинов

Иностраннный инвестор

и принимающее государство: необходим баланс интересов (с. 231–248),
а также и другие статьи по правовому режиму иностранных инвестиций.

Insur Zabirovich Farkhutdinov

**Foreign Investor
and Host State:
Need for Balance
Interests**

Key words:
globalization |
international law |
State sovereignty |
foreign investments
| host state |
liberalization | TNC |
Calvo clause | ICSID |
Most Favoured Nation
| National Treatment

Деменишин А. В.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПОНИМАНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ПРАВОВОГО АКТА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВОВЕДЕНИИ

В статье рассматриваются вопросы роли и места обязательности правового акта в современном отечественном правоведении. Автор рассматривает презумпцию обязательности правового акта как явление правовой жизни общества, указывает на проблемы, возникающие в исследуемой сфере.

Ключевые слова: обязательность, презумпция обязательности, правовое регулирование, нормативно-правовой акт.

Demenishin A. V.

ABOUT SOME APPROACHES TO THE LEGAL ACT OBLIGATORY IN CONTEMPORARY RUSSIAN JURISPRUDENCE

The article investigates the issues of the role and position of legal act obligatory in contemporary Russian jurisprudence. The author examines the presumption of legal act obligatory as a legal phenomenon of society, points to problems in the legal science.

Keywords: obligatory, presumption of obligatory, legal act, legal regulation.

Деменишин А. В.

Конституция провозглашает Российскую Федерацию демократическим, правовым государством. Представляется, что такой характеристике Россия может соответствовать в случае, если будет обеспечена соответствующая юридическая обязательность правовых актов.

Прежде всего, следует обратить свое внимание на то, что презумпция обязательности правовых актов обеспечивает реализацию конституционного принципа правовой определенности, что в свою очередь в целом влияет на общий уровень развития правовой системы.

Как справедливо отмечает П. Л. Лавров, к пониманию обязательности возможно прийти двумя разными путями: во-первых, человек в рамках собственного развития шаг за шагом все определеннее ощущает в себе понятие обязательности, которое для него представляется с совершенной ясностью; и, во-вторых, это осознание понятия обязательности «искусственным путем», опосредованно, когда общество делает некоторые действия принудительными, однако отмечается, что такая посылка не имеет ничего общего с «внутренней обязательностью»¹.

Словари определяют обязательность как свойство (отличительная, характерная черта, качество), по значению выраженное в способности кого-либо, чего-либо быть безусловно необходимым, должным, неизменно присутствующим, безусловно (не вызывающим никаких сомнений) исполнимым. В свою очередь, обязательное понимается как необходимое, безусловное, должное для исполнения; неизменно присутствующее кому-либо, чему-либо, обычное для кого-либо, чего-либо, требуемое в законодательном порядке, как оценочная характеристика чего-либо (явления, поведения, нормы)².

Хотелось бы более подробно остановиться на одной из возможных форм обязательности в праве, в частности на обязательности правового акта.

Актуализируя проблему обязательности правового акта, нужно отметить недостаточную методологическую разработанность, неоднозначность стандартов обязательности, что непременно может повлечь правовую неопределенность и выступить в качестве угрозы законности и правопорядка

в обществе. Некорректно воспринятое обществом свойство обязательности или, напротив, необязательности правового акта может легко перерасти в деструктивный фактор правовой жизни, угрозу правовой безопасности, препятствующей всесторонней реализации основополагающих правовых идей и ценностей как основы правовой политики современного государства.

Еще в XIX в. выдающийся русский писатель М. Е. Салтыков-Щедрин обозначил эту проблему, указав на то, что «строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения».

Становится очевидным, что обеспечить предсказуемость правовых актов, их ясность и недвусмысленность, гарантировать гражданам способность предвидеть последствия своего поведения, юридически не закрепляя и не претворяя в жизнь обязательность правового акта, практически невозможно.

Следует отметить, что в юридической науке вопрос обязательности правового акта зачастую остается в стороне от крупных общетеоретических разработок. В большинстве случаев исследователи ограничиваются констатацией существования обязательности в праве как должного в её непосредственной связи с нормативностью права и формальной определенностью, без выявления индивидуальных сущностных и содержательных характеристик данного правового явления, либо рассмотрением вопросов обязательности в сугубо отраслевом или институциональном аспекте.

Одним из первых на проблему обязательности правового акта обратил свой взор И. Кант, отмечая, что «обязательность есть особое отношение воли к закону, имеющее вид зависимости и означающее принуждение к поступкам, хотя принуждение одним лишь разумом и его объективным законом, и которая называется поэтому долгом, так как патологически побуждаемый (хотя этим еще не определенный и, стало быть, всегда свободный) произвольный выбор заключает в себе желание, проистекающее из субъективных причин, и поэтому могущие часто противиться чистому объективному основанию определения, следовательно, нуждающиеся как в моральном принуждении в противодействии практического разума, которое можно назвать внутренним, но интеллектуальным принуждением»³.

Д. Н. Щекин справедливо отмечает, что «обязательность является правовой ценностью, заслуживающей всемерной

¹ Лавров П. Л. Избранные произведения в двух томах. Философия и социология. — Т. 2. — Ч. 2. — М.: Издательство социально-экономической литературы «Мысль», 1965. — С. 201–203.

² См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 1949–1992.; Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Русский язык, 2000.

³ Кант И. Критика чистого разума // Собрание сочинений в восьми томах. — Т. 4. — М.: Чоро, 1994. — С. 411.

поддержки»⁴. Р. Ю. Белькович отмечает, что нормальное функционирование государственных институтов предполагает подчинение субъектов требованиям, содержащимся в правовых нормах. Эта необходимость отражается в таком признаке норм права, как обязательность⁵.

Многоаспектные проблемы обязательности исследованы юридической наукой недостаточно, следует избегать упрощенного представления об обязательности как исключительной и бесспорной, ибо в основе таких воззрений зачастую лежит представление о праве как исключительно принудительном, статичном, формальном явлении. Такое представление, на наш взгляд, может исказить действительное и необходимое современное понимание обязательности правового акта как явления правовой жизни с учетом современных правовых реалий, где правоотношения постоянно усложняются, а высшей ценностью в государстве признается человек, наделенный правами и свободами.

В Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» в п. 9 сказано, что существенными признаками, характеризующими нормативный правовой акт, являются: издание его в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления или должностным лицом, наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений.

Юридическая энциклопедия под редакцией Л. В. Тихомировой и М. Ю. Тихомирова дает следующую дефиницию правовому акту: «... официальный письменный документ, имеющий обязательную силу, принятый уполномоченным субъектом права, выражающий властные веления, порождающий определенные правовые последствия, создающий юридическое состояние и направленный на регулирование общественных отношений»⁶.

По своей природе обязательность тесно связана с процедурами введения в действие и прекращения действия нормативного правового акта. Именно с действием правового акта связана его обязательность, действие правового акта выступает в качестве главной предпосылки признания правового акта обязательным.

Так, в соответствии с ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

Из приведенных положений Конституции РФ следует, что нормативно-правовой акт приобретает свойство обязательности с того момента, когда государство признает его введенным в действие в соответствии с предусмотренными законодателем процедурами.

Введение в действие нормативного правового акта означает, что он приобретает юридическую силу. При этом, по факту, юридическая сила акта позволяет определиться со сферой действия нормативного правового акта — определенными государством пределами возможного его осуществления в качестве обязательного предписания⁷.

⁴ Шекин Д. Н. Юридические презумпции в налоговом праве: Дисс. канд. юрид. наук. — М., 2001. — С. 89

⁵ Белькович Р. Ю. Критический обзор транзакционных теорий политического обязательности // Бюллетень Владикавказского института управления. — 2011. — № 35. — С. 6–9.

⁶ Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. — Изд. 5-е, доп. и перераб. / Под ред. М. Ю. Тихомирова. — М., 2001. — С. 673.

⁷ См. Саматов Ф. С. Юридическая природа актов Конституционно-го суда: Дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 1997. — С. 71.

Следует учесть то обстоятельство, что правовой акт по общему правилу утрачивает свою обязательность в момент прекращения своего действия. Соответственно, обязательное регулирующее воздействие на конкретные общественные отношения он может оказывать вплоть до момента утраты своей юридической силы.

Таким образом, признание правового акта не введенным в действие или не действующим (недействительным) может вести к утрате свойства обязательности.

Действующее законодательство регламентирует особый порядок опровержения обязательности правового акта и как следствие — признания недействующими нормативных правовых актов полностью или в части в рамках отдельных видов судебных производств.

Кроме того, дискусионен вопрос относительно обязательности актов, которые не соответствуют основополагающим гуманистическим правовым ценностям.

Универсального алгоритма опровержения обязательности, который бы одинаково подходил для всех без исключения правовых актов, ни юридической наукой, ни законодателями не предложено. Опровержение обязательности правового акта может быть обусловлено как собственным содержанием такого акта, так и процедурой отмены правового акта.

Представляется, что исходя из возможности опровержения обязательности правового акта по различным как объективным, так и субъективным причинам, следует, что обязательность правового акта — это правовая презумпция. Это означает ее не достоверный, а вероятный характер, пусть степень её вероятности и достаточно велика в связи с тем, что обусловлена обобщением максимально большого количества случаев.

Презумпция обязательности правового акта, выступая особым нормативно-регулятивным средством более высокого уровня абстракции — нормативным обобщением, является сложной юридической конструкцией и включает в свое содержание несколько классически действующих презумпций: презумпцию законности нормативных правовых актов, в том числе соответствия иным правовым актам высшей юридической силы, издание уполномоченным субъектом в соответствии с предоставленными Конституцией РФ полномочиями, при соблюдении всех необходимых процедурных правил, презумпции правильности и обоснованности нормативного правового акта, и, безусловно, презумпцию легитимности нормативного правового акта, согласно которой нормативный акт по общему правилу действует постоянно до его официальной отмены и обязательен для применения всеми субъектами права, в том числе субъектами правоприменения.

Презумпция обязательности правового акта есть не что иное, как особое нормативно-регулятивное средство — сложносоставное нормативное обобщение (сложносоставная презумпция), характеризующееся высокой степенью вероятности имеющихся предположений, тем самым проявляющее наивысшую регулятивную энергию.

Вместе с тем, несмотря на регулятивный потенциал презумпции, она выступает в качестве обобщения не достоверного, а лишь вероятного, пусть и с высокой степенью, поскольку основывается на обобщении достаточно большого количества случаев.

По смыслу действующего процессуального законодательства, до тех пор, пока заинтересованное лицо не обратится в судебные органы с заявлением о признании недействующим нормативного правового акта, он является обязательным для исполнения, а для правоприменителя каждый нормативный акт является одинаково обязательным, законным, обоснованным, правильным, вплоть до момента прекращения им действия в пределах, установленных действующим законодательством.

Правильной представляется позиция В. М. Шафировой, согласно которой «при решении конкретного юридическо-

го вопроса (дела) в случае сомнения по поводу соответствия закона (его отдельной нормы) правам человека руководствоваться не действующим, вызывающим сомнение законом (его отдельной нормой), а принципами и нормами международного права, Конституции, закрепляющими положение о правах человека»⁸. Таким образом, ученым предложена модель, согласно которой презумпция обязательности правового акта опровергается и в тех случаях, когда закон или его отдельная норма не соответствует правам человека. Обязательной такая норма быть не может ни для правоприменителя, ни для субъектов непосредственной реализации права даже в том случае, если формально она введена в действие и не признана недействительной (недействующей).

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» предложена следующая модель выхода из ситуации при наличии противоречий между нормами различных правовых актов. Если имеются противоречия между нормами процессуального или материального права, подлежащими применению при рассмотрении и разрешении данного дела, то решение является законным в случае применения судом в соответствии с ч. 2 ст. 120 Конституции Российской Федерации, ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» и ч. 2 ст. 11 Гражданского процессуального кодекса РФ нормы, имеющей наибольшую юридическую силу.

При этом Верховным Судом не дается разъяснения, что делать правоприменителю в том случае, если акты равной юридической силы находятся в противоречии друг с другом.

Обязательность правового акта утрачивается в тех случаях, когда акт утрачивает свою юридическую силу, до этого момента он является действующим, то есть порождающим правовые последствия, а каждый правовой акт является равно обязательным для применения всеми без исключения участниками правоотношений. Так, справедливо отмечает В. Н. Хропанюк, что «степень юридической силы правовых актов может быть различна, однако степень обязательности содержащихся в них норм абсолютно одинакова для всех тех, к кому относятся их предписания. Это принципиальное положение составляет основу функционирования правового государства»⁹. При этом правовой акт считается законным до тех пор, пока в предусмотренных законом процедурах не будет доказано обратное.

Однако, по логике Верховного Суда РФ, судебный орган по своему усмотрению может принять решение при конфликте между конкретными правовыми актами о неприменении какого-либо правового акта, несмотря на его декларированную обязательность. То есть на основании своего усмотрения он определяет обязательность и необязательность регулирующих общественные отношения норм в период их действия.

Вызывает серьезные опасения традиционная позиция ряда ученых и юристов-практиков относительно такого основания утраты юридической силы правового акта, а соответственно и утраты его обязательности, как «фактическая утрата силы», при которой не отмененная норма права как бы забывается обществом, не применяется, фактически утрачивает силу.

Представляется, что нельзя признать юридически обоснованной во всех случаях позицию, при которой, если норма не применяется по каким-либо основаниям, в том числе в связи с принятием нового правового акта по тому же вопросу, но не прекратила своего действия в предусмотренном законом порядке, она утрачивает свое свойство обязательности в связи

с тем, что она не соответствует подходу к пониманию права, утверждающему, что права и свободы — это высшая ценность, а правотворческий орган осуществляет свою деятельность профессионально, в соответствии с общепризнанными принципами и нормами права.

Такая позиция не соответствует тем правовым ценностям, заложенным в Конституции РФ, препятствует эффективной и беспрепятственной реализации прав и свобод граждан, является фактором, отражающим низкий уровень правовой культуры и правосознания в обществе, явственно указывает на дефекты юридической техники в деятельности правотворца и правоприменителя, что в итоге подрывает основы принципа правовой определенности в обществе.

На «формальную отмену» правового акта как основание опровержения презумпции обязательности правового акта на государственном властном уровне указывается в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части», согласно которому судья отказывает в принятии заявления в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 134 или ч. 8 ст. 251 ГПК РФ в случаях, когда в заявлении оспаривается недействующий нормативный правовой акт или его часть, в том числе формально не отмененный, но фактически не действующий в силу издания более позднего акта.

Сама по себе «фактическая отмена правового акта» не должна рассматриваться в качестве ординарного случая, более того, для развитой правовой системы не должна быть характерна в связи с тем, что подобная конструкция является причиной возникновения правовых коллизий и как следствие — нарушения прав граждан. Признавая то обстоятельство, что в правовой среде существуют две нормы, регулирующие одни и те же общественные отношения, государство не в состоянии гарантировать, что субъекты правоотношений будут действовать именно в соответствии с той нормой, которая является фактически действующей, а не с той, которая фактически утратила свое свойство обязательности. Подобная ситуация напрямую влияет на снижение уровня правовой безопасности субъектов правоотношений и ставит под угрозу презумпцию правомерности поведения и законопослушности гражданина.

В защиту указанной позиции также можно отметить, что сама по себе «отмена — это активная деятельность, направленная на объявление чего-либо ранее назначенного, установленного недействительным, не подлежащим выполнению»¹⁰.

В случае с правовым актом — это должна быть непременно деятельность специального субъекта, при этом должна явственно проследиваться воля, выраженная в специальной форме, на прекращение юридической силы и, соответственно, обязательности правового акта, что в случае «формальной отмены» зачастую не происходит.

«Формальная отмена» правового акта как явление, естественно, существует и может быть оценена как негативная составляющая правовой жизни общества, фактор, препятствующий положительной юридической деятельности¹¹. Безусловно, необходимо стремиться к упразднению такой формы утраты юридической силы правового акта, что позволит отнестись к презумпции обязательности правового акта не как к научной декларации, а как к реальному юридическому инструменту — фактору правовой определенности и механизму разрешения юридических коллизий.

Тем самым, обязательность является той самой правовой ценностью, заслуживающей особо пристального внимания. Обязательность выступает неотъемлемым положительным

⁸ Шафиров В. М. Законность в правовом государстве // Российская юстиция. — 2011. — № 4.

⁹ Хропанюк В. Н. Теория государства и права: учебник. — 3-е изд., дополн. и испр. — М.: 2008. — С. 244.

¹⁰ Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. 1-е изд.-е. — СПб.: Норинт, 1998.

¹¹ Правовая политика: словарь и проект концепции / Под ред. А. В. Малько. — Саратов, 2010. — С. 50–51.

элементом правовой жизни общества, который является базовым фактором для развития и функционирования стабильной правовой системы. Подобное отношение к обязательности обусловлено тем обстоятельством, что акт официально признан государством, а на субъектов правоотношений возлагается обязанность, в соответствии с которой они должны соотносить свои поведенческие акты и юридические действия. Игнорирование обязательности правового акта может привести к нарушению принципа законности, что таит в себе большие угрозы торжества верховенства права.

Вместе с тем, как показывает практика, в некоторых случаях правовому акту, пусть и формально не отмененному, не свойственна обязательность, например, в тех случаях, если произошла «формальная отмена» правового акта или он не является законным, обоснованным, справедливым, целесообразным.

Во всяком случае, роль обязательности в правовой сфере высока и её значение нельзя преуменьшить в связи с тем, что она обеспечивает реализацию целого комплекса правовых принципов и ценностей, является фактором устранения правовых коллизий и обеспечения правовой безопасности субъектов правоотношений.

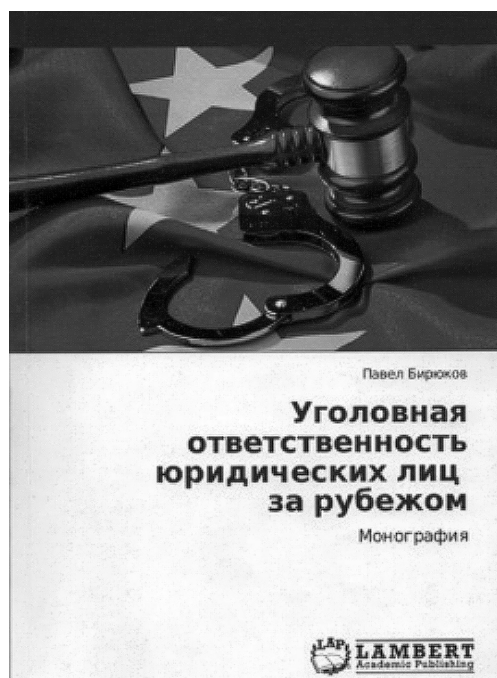
Итак, рассматривая обязательность правового акта, прежде всего, хочется отметить влияние подхода к правопониманию для её оценки в современном отечественном правоведении. Обязательность правового акта — это неперемное условие поддержания законности и правопорядка в современном правовом государстве, без которого немисливо достижение высоких стандартов правовой определенности.

Концептуально обязательность правового акта — это сложносоставное нормативное обобщение (сложносоставная презумпция), включающее в себя презумпцию законности правовых актов, презумпцию правильности и обоснованности правового акта, презумпцию легитимности правового акта. Достижение обязательности правового акта — значит достижение высокого уровня предсказуемости как со стороны субъектов, непосредственно реализующих права и обязанности, так и со стороны правотворческих и правоприменительных органов. Именно это и обуславливает отношение к обязательности правового акта как к приоритету правовой политики и закономерно желаемому явлению правовой жизни любого правового общества. Как и любая другая презумпция, презумпция обязательности правового акта может быть опровергнута,

однако однообразного, универсального механизма для этого ни юридической наукой, ни законодателями не предложено, в частности, опровержение презумпции обязательности «фактической отменой» правового акта далеко не всегда соотносится с утвержденными и реализуемыми в правовом государстве общепризнанными правовыми ценностями. Представляется, что процедуры опровержения презумпции обязательности правового акта могут быть различны, как и алгоритм их реализации, но они в любом случае должны соответствовать идее приоритета общечеловеческих ценностей как основы правовой политики государства, а также принципам, задачам и целям правового регулирования.

Пристатейный библиографический список

1. Белькович Р. Ю. Критический обзор транзакционных теорий политического обязательства // Бюллетень Владикавказского института управления.— 2011.— № 35.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. 1-е изд.-е.— СПб.: Норинт, 1998.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный.— М.: Русский язык, 2000.
4. Кант И. Критика чистого разума/ Собр.соч. в восьми томах.— Т. 4.— М.: Чоро, 1994.
5. Лавров П. Л. Избранные произведения в двух томах. Философия и социология.— Т. 2, часть 2.— М.: Издательство социально-экономической литературы «Мысль», 1965.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка.— М., 1949–1992.
7. Правовая политика: словарь и проект концепции / Под ред. А. В. Малько.— Саратов, 2010.
8. Саматов Ф. С. Юридическая природа актов Конституционного суда: Дисс. ... канд. юрид. наук.— М., 1997.
9. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия.— Изд. 5-е, доп. и перераб./ Под ред. М. Ю. Тихомирова — М., 2001.
10. Хропанюк В. Н. Теория государства и права: Учебник.— 3-е изд., дополн. и испр.— М., 2008.
11. Шафиров В. М. Законность в правовом государстве // Российская юстиция.— 2011.— № 4.
12. Щекин Д. Н. Юридические презумпции в налоговом праве: Дисс. ... канд. юрид. наук.— М., 2001.

Легостаева В. В.

О ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ПОЗИТИВНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье исследуются философско-правовые аспекты позитивной юридической ответственности. В этом контексте особое внимание уделяется вопросам соотношения категорий свободы и ответственности.

Ключевые слова: позитивная юридическая ответственность, свобода и ответственность, право и мораль.

Legostaeva V. V.

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE POSITIVE LEGAL RESPONSIBILITY

In this article the philosophical and legal aspects of the positive legal responsibility are considered. Within this context special attention is paid to correlation of categories of freedom and responsibility.

Keywords: positive legal responsibility, freedom and responsibility, law and morality.

Обращение к сфере философского знания является ничем не заменимой методологической основой понимания феномена позитивной юридической ответственности.

Разумеется, отнюдь не все философские категории могут быть перенесены без остатка в область теории права. Согласно замечанию Р. Лукича, в отношении права могут быть сформулированы почти все вопросы о сущем и должном, которые обычно ставит и на которые отвечает философия. Однако механическое восприятие тех или иных философских подходов применительно к сфере юридического знания несет в себе риск ошибочных выводов. Ведь право — лишь один из компонентов социальной действительности. Оттого произросшие на почве философии заключения относительно всей социальной действительности в целом далеко не всегда могут быть распространены на каждый из ее компонентов в отдельности¹.

С учетом отмеченных выше ограничений мы тем не менее убеждены, что анализ проблематики юридической ответственности вообще и позитивной модели в частности не может не основываться на философском осмыслении категорий ответственности и тесно связанной с ней категории свободы. Именно опора на философию позволяет рассмотреть взаимосвязь ответственности со свободой воли и прежде всего — с реализацией этой свободы в отношениях, урегулированных социальными нормами вообще и правовыми в частности.

В методологическом отношении различие позитивной и негативной моделей юридической ответственности базируется на фундаментальном законе диалектики — законе единства и борьбы противоположностей, поскольку позитивный и негативный аспекты юридической ответственности всякого единства противоположностей достаточно глубоко изучены в философской литературе². Противоположности являются диалектическими, когда они являются существующими одновременно и взаимодействующими между собой антиподами. Причем понимание одного невозможно без учета содержания другого.

Как известно, диалектический материализм имеет строго определенную сферу применения — относится только к за-

конам движения и развития того или иного явления⁴. Может ли в таком случае динамика правовой ответственности быть уподоблена двухзвенной цепочке: соблюдение обязанности (позитивная ответственность); несоблюдение обязанности — обязанность претерпеть осуждение и ее соблюдение (негативная ответственность)? Согласимся, что обязанность соблюдать предписания правовых норм и обязанность претерпеть осуждение со стороны государства не могут быть признаны такого рода диалектическими противоположностями, поскольку обязаны оставаться обязанностями, т.е. имеют общую сущность, а оттого не могут быть абсолютно противопоставлены друг другу. Согласимся, что существо обязанности раскрывает не столько сравнение ее с другими обязанностями того же субъекта, сколько корреспондирование ее правам другого лица. Но все же, если говорить о позитивной и негативной моделях юридической ответственности, в диалектическое взаимодействие вступают (и, стало быть, обнаруживают себя в качестве противоположных частей единого целого) не обязанность соблюдать позитивные предписания и обязанность претерпеть осуждение со стороны государства, но прежде всего поведение противоправное (и связанные с ним неблагоприятные последствия) и правомерное поведение, реализуемое сознательно и активно, с опорой не только на позитивные предписания, но и на нормы естественно-правового происхождения (не обязательно закрепленные в позитивном праве).

Философское обоснование позитивной правовой ответственности не может быть осуществлено вне перевода «свободы» и «ответственности» как категорий философского дискурса в категории дискурса правового. В этих целях первоочередной интерес представляет то содержание, которое названным категориям придается в философии. В самом общем виде свобода определяется как отношение субъекта к его действиям, при котором последние являются результатом целеполагания данного субъекта⁵. При этом подлинная свобода невозможна не только без возможности выбора, но без соответствующей ценностной основы, сообщающей совершаемому выбору должную целенаправленность.

При этом в содержании ответственности как общесоциальной категории выделяются три аспекта.

Во-первых, это социальное требование, обращенное к членам социума и предполагающее необходимость оценки ими своего поведения с точки зрения этических соответствий (добро и зло; должное и не должное). Здесь ответственность предстает социальной нормой, которая, формулируя соответствующее требование, предполагает принципиальную воз-

¹ См.: Лукич Р. Методология права. — М., 1981. — С. 69.

² Мусаткина А. А. Финансовая ответственность в системе юридической ответственности. Дисс. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2004. — С. 13; Липинский Д. А. Проблемы юридической ответственности / Под ред. Р. Л. Хачатурова. — СПб, 2003. — С. 10.

³ См.: Горбач В. И. Проблемы диалектических противоречий. — М., 1972. — С. 74, 91, 112; Бородин В. В. Проблемы противоречия в материалистической диалектике. — М., 1982. — С. 83–84; Ныркин В. В. Поощрение и наказание как парные юридические категории / Под ред. А. В. Малько. — Саратов, 2006. — С. 46–49.

⁴ Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 1. Элементный состав. — М., 2004. — С. 84, 192.

⁵ Левицкий С. А. Трагедия свободы. — М., 1994. — С. 121.

возможность санкции за его несоблюдение. Таким образом, ответственность ограничивает свободу индивида и вместе с тем является непременным фактором этой свободы. Защита жизни, собственности, самой свободы возможна только за счет ограничения этой самой свободы.

Во-вторых, это социальная реакция (одобряющая или осуждающая) на поведение субъекта и его последствия. Юридически этот аспект выражен применением мер поощрения и мер принуждения (наказания). Здесь ответственность не составляет содержания свободы, а выступает ее следствием.

Наконец, ответственность как субъективная способность к самооценке своего поведения с точки зрения существующих ограничений индивидуальной свободы. У лица, не способного к такой самооценке, объем его индивидуальной свободы не совпадает с социально признанным объемом индивидуальной свободы, а потому для него свобода как социальный феномен утрачивает свое значение. Юридически этот аспект выражен категориями «вменяемости» / «деликтоспособности». Поскольку же в общесоциальном аспекте не выработано особого понятия, выражающего способность личности отвечать за свои поступки (подобно деликтоспособности в юриспруденции), постольку имеет место употребление термина «ответственность» и в плане способности нести ответственность. При этом речь идет о тех качествах личности, которые выражаются в осознании ею совершаемых поступков, правильной оценке возможных последствий, готовности держать за них ответ⁶.

Итак, необходимым условием для возникновения ответственности является свобода. Свобода воли, свобода выбора вариантов поведения — предпосылка ответственности.

Свобода как философская категория характеризуется таким состоянием индивида, при котором он осознает объективную необходимость и достигает своей цели, действуя по собственной воле. Свобода личности может включать в себя два основных момента — внутреннюю и внешнюю стороны. Внутренняя сторона свободы — это свобода воли, внешняя — свобода действий. Индивид всегда может быть свободен лишь настолько, насколько позволяют это ему объективные условия существования, обстоятельства, в которых он находится. В основе его выбора лежит знание о последствиях того или иного действия. Таким образом, в правовое поле попадает только внешняя сторона свободы. Субъектом, определяющим внешнюю сторону свободы, является общество. Именно оно устанавливает правила поведения индивида, которые могут ограничивать его свободу в целях обеспечения безопасности самого общества и тех общественных отношений, которые в нем установлены.

Свободу можно понимать и как определенную степень духовного развития личности, при которой она способна, созидаательно воздействуя на окружающую действительность, сохранять свою внутреннюю целостность независимо от внешнего воздействия. Социум представляет собой высшее единство, базирующееся, в конечном счете, не «на порядке необходимости, а на порядке свободы»⁷.

Свобода в широком смысле — как возможность действовать по своему усмотрению — является естественным состоянием общества и индивида. В таком случае принцип свободы играет роль основополагающего постулата, на котором базируется реализация правовых норм. В более узком смысле свобода означает субъективную возможность совершать или не совершать конкретные действия, производные от тех прав и свобод, которыми обладает субъект действия. Поэтому свобода в субъективном смысле оказывается юридической мерой свободы коллектива и индивидов⁸.

Пределы ответственности детерминированы пределами свободы. «Лишь свободные могут взять на себя ответственность...»⁹. Заметим, что ответственность и свобода — понятия, смысловое наполнение которых неразрывно связано с конкретным субъектом. С другой стороны, сознательное выполнение обязанностей возможно только там, где есть свобода выбора.

Свобода выбора отдельного индивида не должна идти вразрез с интересами сообщества и ущемлять свободу других лиц. Необходимость соблюдения этих ограничений порождает ответственность. По сути, ответственность оборачивается гарантией свободы: «Юридическая ответственность — это выраженная в законе внешняя мера и гарантия свободы, которая способствует охране и защите интересов личности, конституционного строя, правомерному поведению субъектов и их воспитанию через стимулы и ограничения»¹⁰. Уровень субъективной свободы в каждом обществе различен, но в любом случае он должен быть прямо пропорционален уровню ответственности. Характерной чертой гражданского общества является, возможно, более сбалансированное соотношение свободы и ответственности.

В правовой сфере свобода являет себя в осуществлении совокупности субъективных прав. В первую очередь речь идет об управомочивающих нормах (и соответствующих им правоотношениях), предоставляющих субъекту выбор тех или иных вариантов правомерного поведения. Так, например, взаимобусловленность свободы и ответственности наглядно выступает в нормах гражданского права. Гражданское законодательство основывается на признании свободы — граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора. В таком случае субъекты гражданских правоотношений при заключении договора реализуют свое право на свободу договора. Однако, заключив его, они становятся ответственными за выполнение обязательств по данному договору, несут ответственность за его нарушение. Субъекты гражданских правоотношений, заключающие договор, свободны сами, по собственному усмотрению решать вопросы о заключении договора и его содержании (с учетом действующих норм права), устанавливать пределы ответственности. Именно свобода, выраженная в субъективных правах, порождает ответственность субъектов правоотношений и позволяет им определить объем их ответственности.

Итак, свобода не может быть безгранична. Существование в социальном пространстве предполагает не только свободу, но и ответственность, так как отсутствие таковой ведет к различного рода ущемлениям свободы вплоть до полного закабаления и порабощения личности. Понятия ответственности и свободы неразделимы. Именно неистребимое стремление к свободе членов общества обуславливает само существование феномена социальной ответственности. Признание за субъектом права свободы воли — краеугольный камень юридического регулирования, и, в том числе, института юридической ответственности в случае если такое регулирование, не ограничиваясь одной легальностью, претендует на легитимность¹¹. Ведь свобода, по замечанию Ш.—Л. Монтескье, есть «право делать все, что дозволено законами; если бы гражданин мог делать то, что этими законами запрещается, то у него не было бы свободы, так как то же самое могли бы делать и прочие граждане»¹².

⁹ Бердяев Н. А. Философия свободы. — М., 2000. — С. 277.

¹⁰ Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. — Саратов, 1996. — С. 217.

¹¹ Чухвичев Д. В. Свобода личности и юридическая ответственность // Государство и право. — М., 2005. № 3. — С. 103.

¹² Монтескье Ш.—Л. О духе законов. — М., 1999. — С. 137.

⁶ Кучинский В. А. Личность, свобода, право. — М., 1978. — С. 53.

⁷ Пигров К. С. Социальная философия. — СПб, 2005. — С. 71.

⁸ Подробнее см.: Кутафин О. Е. Юридический энциклопедический словарь. — М., 2002. — С. 458–459.

Таким образом, ответственность в позитивном (положительном, активном, перспективном) плане интерпретируется как осознание индивидуальным субъектом права значения своего поведения, влекущего за собой не только понимание своего морального долга и следование ему, но и гармонизацию этого поведения со своим правовым статусом (согласование со своими правами и обязанностями). При этом весьма важны темпоральные характеристики этих процессов: настоящее и будущее. Между тем принципиально иной является темпоральность ответственности негативного (ретроспективного) плана: она наступает за совершенное в прошлом деяние, за уже имевшее место нарушение юридических предписаний.

Социальная ответственность обладает двойственной природой (социальный феномен и качество личности)¹³. Различим как внешний момент социальной ответственности (исходящее от социума требование инициативного исполнения долга), так и субъективно-индивидуальное отношение субъекта к своему долгу («чувство долга»). На уровне правового регулирования этот аспект ответственности рассматривается в качестве способности осознавать действующие правовые ограничения и последствия собственного поведения (вменяемость, порождающая деликтоспособность). Вместе с тем этот личностный аспект ответственности самым тесным образом связан с моралью, нравственностью и совестью.

В ряде исследований позитивную, положительную ответственность соотносят именно с моральной ответственностью, а не с иными видами социальной ответственности. Так, А. П. Черменина отмечает, что моральная ответственность может выступать в двух формах: как объективная неизбежность быть судимым за прошлое, за совершенный проступок, и как субъективная внутренняя моральная ответственность индивида. Поэтому в морали ответственность выступает в двух аспектах: «отрицательном» и «положительном», что и отличает ее от правовой и политической¹⁴.

Действительно, мораль и право тесно связаны между собой. Поскольку позитивные запреты никогда не совпадают полностью с приемлемыми для коллективного правосознания ограничениями, между ними неизбежен определенный разрыв, то во всяком случае большинство правонарушений воспринимается общественным сознанием в качестве глубоко безнравственных явлений. Более того, механизмы моральной ответственности позволяют предупредить не только аморальные поступки, пребывающие в пределах правомерного поведения, но также и правонарушения. «В обществе правовое и моральное осуждение органически взаимосвязаны. Являясь различными способами воспитания человека, они, однако не заменяют друг друга. В то же время для общества, конечно же, лучше, если «сработает» нравственное принуждение и не будет нужды применять к человеку принуждение правовое»¹⁵.

Да, содержание позитивной социальной ответственности определяется различными регуляторами, в частности нормами морали. В связи с этим нельзя согласиться с определением социальной ответственности как особого правового отношения, относящегося к юридическим связям¹⁶. По нашему мнению, содержание рассматриваемой категории нельзя сводить только к урегулированным юридическими нормами правоотношениям. Чувство ответственности перед окружающими, обществом и государством формируется не только нормами

права, но и иными регуляторами. В силу названного обстоятельства ограничивать содержание ответственности в ее позитивном значении только рамками правовых отношений не вполне корректно. И вместе с тем подчеркнем еще раз, еще более неверно целиком и полностью отождествлять моральную и позитивную ответственность.

Заметим, что взаимосвязь позитивной модели юридической ответственности и моральной ответственности рельефно раскрывает проблема эвтаназии. Позитивная ответственность за эвтаназию связана с осознанием соответствующими лицами необходимости и условий правомерного поведения в отношении безнадежно больных, обращающихся с просьбой о лишении их жизни по мотивам сострадания. Такое осознание, как правило, наступает не только на основе знания и понимания соответствующих норм уголовного законодательства, но и на основе принципов морали и религии. Определяя свое отношение к эвтаназии как в целом, так и в каждом конкретном случае, человек руководствуется не только правовыми запретами и дозволениями. Он исходит из своих моральных установок, свойственных ему представлений о добре и зле, а также из религиозных положений, если является верующим. Таким образом, моральные и религиозные нормы можно рассматривать как составные элементы позитивной ответственности за эвтаназию. Наряду с нормами права они в течение длительного времени оказывали и продолжают оказывать влияние на отношение общества и отдельных индивидов к этому явлению. Соответственно, в контексте исследования позитивной ответственности необходимо ориентироваться на традиционные, общепринятые представления о морали как регулятор поведения человека в обществе. Такие представления однозначно осуждают убийство по мотивам сострадания как аморальный поступок и оправдывают наступающую в этом случае негативную юридическую ответственность, связанную с реакцией государства на эвтаназию как противоправное деяние. В условиях существующего законодательного запрета эвтаназии способствовать формированию связанной с правомерным поведением позитивной ответственности могут только те моральные нормы, которые осуждают убийство по мотивам сострадания. Следовательно, позитивная моральная ответственность определяется формированием ценностных установок, направленных на осуждение убийства по любым мотивам и запрет эвтаназии¹⁷.

Подводя черту под проведенным выше сжатым анализом специфики позитивной модели юридической ответственности в контексте ее сопоставления с ответственностью моральной, отметим, что своеобразным связующим звеном между ними выступают родственные эмоциональные состояния, сопровождающие реализацию рассматриваемых вариантов социальной ответственности. Действительно, в психологическом отношении механизм юридической ответственности обладает двойной направленностью. С одной стороны, он формирует и закрепляет в сознании субъекта ответственности чувство ответственности, возникающее в процессе реализации позитивных обязанностей. С другой стороны, после совершения правонарушения и в процессе применения юрисдикционным органом соответствующих санкций это чувство преобразуется в чувство вины. Оба состояния, будучи обусловлены императивами, вытекающими из осуществления целостного правового феномена — юридической ответственности — не только психологически детерминированы и социально необходимы, но и, будучи укоренены в правосознании, оказывают положительно мотивационное воздействие на поведение субъектов права.

Итак, в фундаменте позитивной ответственности лежит свобода выбора, позволяющая субъекту права базировать свое поведение на определенных ценностях. С другой стороны, по-

¹³ Шабуров А. С. Политические и правовые аспекты социальной ответственности личности. Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. Екатеринбург, 1992. — С. 10–11.

¹⁴ См.: Черменина А. П. Проблема ответственности в современной буржуазной этике // Вопросы философии. — 1965. — № 2. — С. 86.

¹⁵ Карпец И. И. Уголовное право и этика. — М., 1985. — С. 44.

¹⁶ Базылев Б. Т. Сущность позитивной юридической ответственности // Правоведение. — СПб, 1979. — № 4. — С. 42.

¹⁷ Капинус О. С. Эвтаназия как социально-правовое явление. — М., 2006.

зитивная ответственность воздействует на реализацию личной свободы, ограничивая круг приемлемых вариантов поведения и выступая, таким образом, элементом контроля поведения человека в его общественных, в том числе юридически значимых связях.

В целом, анализ философско-правовых аспектов предмета исследования, во-первых, убеждает, что позитивная ответственность в правовой сфере (позитивная правовая ответственность) обладает онтологическими основаниями. При этом феноменологическому обоснованию соответствующей категории в особенности служит анализ взаимного соотношения между собой таких базовых понятий, как «свобода и «ответственность». Во-вторых, этот анализ выявляет ее субстанциональное «ядро» — правовой статус как нераздельное единство прав и обязанностей — ввиду чего позитивная ответственность в правовой сфере распространяется на реализацию субъектом как его обязанностей, так и его прав.

Тем самым обращение к философским первоосновам ответственности раскрывает сложную природу позитивной ответственности в праве, а именно — включение в ее состав как позитивной ответственности за надлежащее осуществление обязанностей (или собственно позитивной юридической ответственности), так и позитивной правовой ответственности за надлежащее осуществление прав. И тот, и другой элементы характеризуются общностью теоретико-методологических предпосылок, однако по-разному соотносятся с институтом юридической ответственности. В частности, позитивная ответственность за выполнение обязанностей принадлежит общему объему понятия «юридическая ответственность», в отличие от «борьбы за право» — второго компонента позитивной ответственности в праве, являющегося принципиально важным по вкладу, вносимому в формирование здорового правосознания идеолого-правовым концептом.

Пристатейный библиографический список

1. Базылев Б. Т. Сущность позитивной юридической ответственности // Правоведение. — СПб., 1979. — № 4.
2. Бердяев Н. А. Философия свободы. — М., 2000.

3. Бородин В. В. Проблемы противоречия в материалистической диалектике. — М., 1982.
4. Горбач В. И. Проблемы диалектических противоречий. — М., 1972.
5. Капинус О. С. Эвтаназия как социально-правовое явление. — М., 2006.
6. Карпец И. И. Уголовное право и этика. — М., 1985.
7. Кутафин О. Е. Юридический энциклопедический словарь. — М. 2002.
8. Кучинский В. А. Личность, свобода, право. — М., 1978.
9. Левицкий С. А. Трагедия свободы. — М., 1994.
10. Липинский Д. А. Проблемы юридической ответственности/Под ред. Р. Л. Хачатурова. — СПб., 2003.
11. Лукич Р. Методология права. — М., 1981.
12. Монтескье Ш. — Л. О духе законов. — М., 1999.
13. Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина/Н.И. Матузов. — Саратов, 1996.
14. Мусаткина А. А. Финансовая ответственность в системе юридической ответственности. Дисс. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2004.
15. Нырклов В. В. Поощрение и наказание как парные юридические категории. Саратов, 2006.
16. Пигров К. С. Социальная философия. — СПб, 2005.
17. Сырых В. М. Логические основания общей теории права. — Т. 1. Элементный состав. — М., 2004.
18. Чермина А. П. Проблема ответственности в современной буржуазной этике // Вопросы философии. — 1965. — № 2.
19. Чухвичев Д. В. Свобода личности и юридическая ответственность // Государство и право. — М., 2005. — № 3.
20. Шабуров А. С. Политические и правовые аспекты социальной ответственности личности. Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. — Екатеринбург, 1992.
21. Кутафин О. Е. Юридический энциклопедический словарь. — М., 2002.

Троценко К. В.

СООТНОШЕНИЕ ЗАКОНА И ОБЫЧАЯ В РЕГУЛИРОВАНИИ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ ИНОРОДЦЕВ В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ СВОДА ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье рассмотрены особенности регулирования брачно-семейных отношений среди инородцев, проживающих на территории Российской империи, на основе закона, обычаев и религиозных норм. Автором выделены различия в регулировании брачно-семейных отношений среди инородцев, проживающих на территории Западной и Восточной Сибири.

Ключевые слова: законодательство, обычай, брачно-семейные отношения.

Trotsenko K. V.

LAW AND CUSTOM RATIO IN REGULATION OF MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS OF FOREIGNERS DURING THE PERIOD OF OPERATION OF RUSSIAN EMPIRE CODE

The article describes the features of the regulation of marriage and family relations of foreigners residing at the territory of the Russian Empire on the basis of law, customs and religious norms. The author highlighted differences in the regulation of marriage and relationships among foreigners residing in Western and Eastern Siberia.

Keywords: law, custom, marriage and family relations.

Троценко К. В.

В Российской империи существовала только церковная форма брака, и все вопросы семьи и брака находились в юрисдикции религиозных организаций. Однако если в отношении христиан сочетание норм позитивного канонического права было более-менее определено, то запрет на заключение браков между христианами и нехристианами¹, к которым в большой степени относились инородцы, способствовал превращению обычая в один из основных источников, регулировавших брачно-семейные отношения. Необходимо отметить, что изучение правовых обычаев инородцев активно началось со второй половины XIX в., достаточно вспомнить труды М. М. Ковалевского².

Правовые обычаи в сфере брачно-семейных отношений, тем самым, представляли собой нечто среднее между нормами светского и канонического права, так как были сформированы, как правило, под воздействием религиозных норм, но затем веками поддерживались государством, несмотря на отдельные противоречия³.

Такой подход, по большому счету, был закреплен и в период кодификации права — в Своде законов Российской империи⁴. Свод достаточно подробно регламентировал для подданных условия и порядок вступления в брак.

Однако в первую очередь это касалось христианских религиозных норм, и было неприменимо к регулированию брачно-семейных отношений инородцев, в том числе населяющих Западную и Восточную Сибирь. В силу вполне объективных причин противоречий между правом и обычаем здесь было гораздо больше.

Связано это с тем, что брачно-семейные отношения у народов Сибири в XIX в. (и, естественно, в предшествующие периоды) регулировались в основном религиозными нормами и обычаями, которые были очень своеобразны и разрознены на отдельных территориях Сибири⁵.

В частности, дошедшие до нас данные свидетельствуют о том, что обычное право сибирских народов регулировало все сферы семейно-брачных отношений. Характерной особенностью обычаев кочевых народов Сибири было отсутствие жестких ограничений и правил. В обычном праве данных народов преобладала оценочная функция, которая была направлена не только на социализацию личности, но и на формирование отношения рода к поступкам индивида. Общественное мнение выступало «основным критерием при регулировании общественных отношений, что позволяло индивидуально подходить к каждой ситуации»⁶.

Брак у сибирских народов рассматривался в первую очередь с экономической и хозяйственной стороны, как возможность укрепить свое благосостояние⁷. Брачный договор не учитывал разницу в возрасте и личные симпатии, основным критерием было экономическое положение семьи. Соглашение имело устную форму и заключалось в результате договоренности двух семей. Будущие супруги сторонами договора не выступали, поэтому брачные обязательства продолжались после смерти одного из супругов.

Брак являлся гражданско-правовым договором двух семей, который предусматривал два вида условий: имущественные; неимущественные.

У народов Сибири встречалось несколько форм заключения брака: сватовство с уплатой калыма, левират, брак убегом, похищение невесты, обмен невестами, сорорат, тайный брак (похищение невесты или мнимое похищение — брак убегом)⁸.

Брак убегом или с похищением невесты впоследствии не всегда оформлялся. Конкубинат — форма брака без оформления отношений, возник на основе брака убегом. Дети, рожденные в таком браке, носили фамилию матери, родство велось по материнской линии⁹.

Левират и сорорат — это похожие формы брака, которые чаще всего встречались у бурятов. Эти формы заключения бра-

¹ Дорская А. А. Гражданский брак в Российской империи: историко-правовой аспект // История государства и права. — 2008. — № 6. — С. 22.

² Игнатъева М. В. М. М. Ковалевский как антрополог права: Автореферат диссертации ... канд. юрид. наук. — СПб., 2006.

³ Дорская А. А. Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права. — СПб.: Астерион, 2007. — С. 98.

⁴ Свод законов о состояниях // Свод законов Российской империи. — СПб., 1912. — Т. IX.

⁵ Зенько М. А. К проблеме изучения обычного права у аборигенов Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 1997. — № 1 — С. 87.

⁶ Наумкина В. В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства XIX — начала XX вв.: Автореф. ... дисс. докт. юрид. наук. — М., 2010. — С. 13.

⁷ Дамешек Л. М. Кодификация норм обычного права народов Сибири в XIX веке // Источниковедение теории государства и права дореволюционной России. — Иркутск, 1983. — С. 33–35.

⁸ Наумкина В. В. Систематизация обычаев коренных народов Восточной Сибири в XIX веке // Право и образование. — 2008. — № 10. — С. 145.

⁹ Сибирь в составе Российской империи. — М.: Новое литературное обозрение, 2007. — С. 86.

ка стали следствием высокого калыма. По обычаям калым за жену платился один раз. Левират предусматривал заключение брака между вдовой и братом или родственником умершего мужа. Для семьи умершего такой брак был выгоден, так как калым в данном случае не выплачивался. Если умерший вел хозяйство совместно с родителями (не был отделен), то не надо было выделять долю вдове и детям. Если вдова отказывалась от левирата, ей необходимо было вернуть калым семье умершего и вернуться в дом родителей, забрать можно было только свое платье. У сибирских народов левират как форма брака к началу XIX в. начал отмирать и встречался не у всех народов¹⁰.

Имущественные договоренности носили индивидуальный характер, обеспечивали гарантии сохранности брака и определялись с учетом экономического положения семей, должностного положения, хозяйственных характеристик невесты, репутации в обществе¹¹. Неимущественные условия регулировались обычаями и возникали после совершения брачного обряда.

Коренное население Сибири с большим уважением относилось к обычаям, поэтому даже после принятия христианства многие продолжали признавать действие обычаев как альтернативных норм. Если православные нормы содержали иные правила или запрещали какие-либо действия, бытующие в обществе, то чаще делался выбор в пользу обычаев.

Активное распространение православия среди кочевых народностей приводило к двойственной ситуации, когда с одной стороны сохранялись прежние устои и обычаи, с другой — появлялись новые религиозные нормы. Иностранцы, исповедующие христианскую веру, попадали в сферу влияния законодательства Российской империи, для всех остальных сохранялась главенствующая роль обычаев¹².

В данной области общественных отношений фактически произошло наложение христианства на существующий уклад и образ жизни.

Для коренного населения большее значение имели традиции и устои общества, а также реальные возможности. Венчание в церкви было доступно не всем из-за кочевого образа жизни и отдаленности мест обитания некоторых родов. Предпочтение отдавалось обычаям еще и потому, что у некоторых народов сохранялось многоженство (например, у якутов, бурятов и т.д.), связанное с огромной ролью женщины в ведении домашнего хозяйства.

Многоженство позволяло расширить и укрепить хозяйство.

Сложности в сфере семейных отношений возникали при принятии христианства иностранцем, уже находящемся в браке, заключенном по обычаям племени. Конфликты всегда возникали и в случае принятия православной веры замужней женщиной или женщиной, за которую был уплачен калым (частично или полностью). Такое положение до определённого периода, в целом, не доставляло никаких неудобств ни самим иностранцам, ни империи. Связано это с тем, что генеральной линией государственной политики России по отношению к аборигенам вплоть до первой четверти XIX в. являлась консервация их форм социальной организации, быта и хозяйствования.

При этом нельзя не отметить, что такие своеобразные традиции, как «калым», все же доставляли немало неудобств. Высокий калым часто становился причиной тяжб, разбирать которые приходилось российской администрации. При этом широкое распространение христианства в среде иностранцев Сибири само по себе пережитки родовых обычаев не устраняло.

По оценке современников, «иностранцы, принявшие крещение, не понимают силы и значения христианских таинств, даже к бракосочетанию по христианскому обряду обращаются весьма редко, и после него разводятся так же легко, как и при внебрачном сожительстве»¹³.

Отчасти по этой причине, отчасти в связи с проводимой кодификацией российского законодательства в первой четверти XIX в. данный подход постепенно меняется — обычаи и традиции начинают собираться и систематизироваться с целью формирования стройной государственной политики в этом вопросе.

Цели и задачи обновленной политики Российской империи по регулированию брачно-семейных отношений иностранцев были изложены в Уставе об управлении иностранцев, принятом в 1822 г.¹⁴.

Параграф 68 этого Устава гласил: «Все кочующие и бродячие иностранцы, как выше сказано, управляются по их собственным степным законам и обычаям. Но поелику законы сии и обычаи в каждом племени имеют некоторое и часто важное от других отличие, притом же, сохраняясь поныне через одни изустные предания, могут быть и сбивчивы и неопределенны: то по сим причинам предоставляется местному Начальству от почетнейших людей собрать полные и подробные о сих законах сведения, рассмотреть оные по Губерниям в особых Временных Комитетах, смягчить все дикое и жестокое, отменить несообразное с другими установлениями, и расположить в надлежащем порядке, представить местному Главному Управлению на утверждение».

Анализ положений данного параграфа свидетельствует о том, что российская администрация, на практике постоянно сталкивающаяся с целым комплексом верований и обычаев, зачастую противоречащих друг другу, чувствовала определённые сложности в их применении (особенно при разборе сложных дел и случаев). Однако и отменять эти обычаи (по крайней мере, в брачно-семейных отношениях) Российская империя, в целом, не собиралась.

Параграф 68 Устава обязывал должностных лиц собирать и предоставлять информацию относительно «степных законов и обычаев». Данная работа проводилась весьма активно — в качестве примеров таковых донесений отметим:

а) Рапорт Томскому земскому суду от дворянского заседателя Корсакова от 20 января 1824 г.¹⁵. «Рапортом Тогурский отдельный дворянский Заседатель Корсаков на указ сего суда от 26 Декабря прошлого 1823 года за № 7564 сему суду доносит, что обитающие во вверенном управлению его отделении иностранцы одного поколения имеющие у себя коренное наименование Остяков будучи более 200 лет верноподданными Российской Империи по всем делам состоят судом и правую под общими в Российской Империи существующими узаконениями на равных с Русскими и никаких особых по азиатскому обычаю законов и обычаев у себя не имеют, причём поясняет, что он соображаясь с Высочайше изданным для управления Сибирских губерний учреждением Устава об Иностранцах главы 8 с параграфом 68 и основываясь на точном смысле его законоположения что есть ли может принят быть уважительным один обычай существующий между Иностранцами ведомства Тогурскаго отделения употребляемый ими при бракосочетании, обычай сей состоит в следующем: холостый иностранец желающий жениться сватается у подобного себе иностранца за дочь, отец девки не иначе согласится выдать

¹⁰ Карлов В. В. Обычное право народов Сибири и его изучение // Обычное право народов Сибири. — М., 1997.

¹¹ Сборник обычного права сибирских иностранцев Западной Сибири / Под ред. Д. Я. Самоквасова. — Варшава, 1876. — С. 56 // Российский государственный исторический архив. — Ф. 1251. — Оп. 1. — Д. 173.

¹² Макеева О. А. Регулирование семейных отношений в России: исторические уроки и современные проблемы // История государства и права. — 2012. — № 3. — С. 14.

¹³ Иностранцы Минусинского округа // Якушкин Е. И. Обычное право русских иностранцев. Материалы для библиографии обычного права. — М., 1899. — С. 75.

¹⁴ Устав об управлении иностранцев Сибири // Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1830. — Т. 38. — № 29126.

¹⁵ Печатный экземпляр проекта Свода Степных Законов кочевых иностранцев Восточной Сибири // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). — Ф. 1264. — Оп. 1. — Д. 269. — Л. 132.

замуж дочь свою как наперед получить от жениха за дочь свою так называемый поихнему: Калым. (Калым сей значит, что жених должен будущему тестю своему за дочь его заплатить единовременно за воспитание и наснарядить ее за муж смотря по состоянию своему самый бедный рублей 40 и 50, а зажиточные плотят по 100 и 200 рублей и без сего Калыму ни один Инородец не может жениться и получить себе невесту, от чего самые бедные не имея у себя денег, принуждены проводить холостую жизнь даже до самой старости, кроме же сего обычая никаких других тамошние инородцы не имеют)».

б) Сведения, собранные о поколении жительствовавших в Кузнецкой Округе Ясашных, о законах их, образе жизни, нравах, обычаях и обрядах¹⁶:

«Свадебный обычай таков: с жениховой стороны родственники приезжая к родителям невесты с вином, которое делается из молока, утачивают и соглашают на отдачу в замужество дочери, обещая дать за то калым (калым есть по договору плата несколько скотом, или деньгами, а когда калым с полна доставится, тогда жених увозит невесту к себе, у коего, а равно и у отца невесты во время таковых свадеб собираются гости не только ближние, но даже живущие верст за сто и более, и всякой везет с собой вино, которое потребляют в общем кругу)»;

в) выписка статей из подлинных показаний инородцев о степных законах и обычаях, вошедших в проект Свода¹⁷. В их числе, например, содержались:

— «Показ Верховенских Бурят. § 17. Некрещенные Буряты не изменяя ни в чем древняго своего обычая засватывают невест, отцы и матери женихов условливаются с таковыми ж невест, с согласия с обеих сторон ближайших родственников, у коих ежели нет отцов и матерей, то условливаются ближайшия их родственники, как то: братья, дядья и проч. Условию в случае бывают при приглашенных в довольном числе посторонних почетных Братских словесно, и потому как утвержденные многими свидетелями не могут быть они изменчивы»;

— «Верхолен Показ. § 24. Есть ли по каким причинам засватанная невеста не пожелает идти в замужество за нареченнаго ей жениха, и от того стараясь свсем избегнуть, объявит своему отцу, матери, или родственникам, тогда с обеих сторон родственники делают между собою общий совет, и по обоюдному согласию решают сие обстоятельство засватаньем другой невесты»;

— «Улож Селенгинск. § § 59, 60. Есть ли кто либо женясь проживает некоторое время и nebude от жены детей, или хотя и будут но не мужского, а женска пола: то муж с согласия первой жены, для сыновняго наследства, может жениться на другой; буде и от второй жены не будет сыновей, то он также с согласия первых 2х жен, может взять и третью жену; более же оных брать не позволять и запрещать»;

— «Селенг. Улож. § § 49, 51. Буде кто либо женится и от возимешего к ней отвращения или по другим каким причинам проводит ее обратно к отцу и матери, то должен возвратит есть ли была лошадь с седлом со всем прибором, из платья лучшую одну шубу, одни уджи, одну шапку, унты и прочий убор, одного бурхана; с отца же ея из числа отданного калыма ничего не требовать. При кановом случае, есть ли имеются сыновья, должны остаться при отце, а буде дети женскаго пола, то мать должна взять одну жочь любящую, а прочия остаются при отце же»;

— Показания о законах и обычаях Тунгусов Князь Гантимуров — «по наблюдением его в продолжение 25 ти летнего начальства над Тунгузскими Родами, единственную почти у них причиную непорядков, смут и междоусобий, равно

и у Бурят, по смежности кочующих, бывают тяжбы, относящиеся к калымам, в особенности по причине сговоров между малолетними».

И целый ряд других сведений.

В целом, сохранившиеся данные свидетельствуют, что работа по сбору сведений была весьма активной, а собранная информация была систематизирована и использована законодателем в дальнейшем. В частности, в Своде степных законов кочевых народов Восточной Сибири¹⁸ отмечалось, что регулирование и понимание брачно-семейных отношений у инородцев, не исповедующих христианскую веру, на основе принятых у них обычаев, представляло известные затруднения и «неустройства»:

«1) Обращенные с совершеннолетними девицами мальчики, возмужав, обходятся сурово с устаревшими, и между тем привыкшими к вольности женами, которые от отчаяния уходят от мужей, и нередко покушаются на свою жизнь»;

2) по смерти родовича, платившего за сына или родственника в течении многих лет сговорной скот по частям, что происходит без свидетелей, нареченный тесть запирается в получении задатков, а пришедший в возраст жених, вчинает напрасный иск, и остается без жены и без всякого имущества»;

3) за помолвленную невесту надобно внести калым другим, или пускается в воровство, только бы добыть сколько нужно ему, для расплаты...».

Так как выделенные затруднения непосредственным образом касались работы российской администрации на территории Сибири, авторы Свода предложили целый ряд поправок — «к устранению вышеизложенных неустройств, приняты в сем Своде следующие начала¹⁹:

1) воспрещены браки ранее определенного для сего возраста (Разд. I, § 9);

2) ограничено право родителей, старшего в семействе родственника или воспитателя позволять или останавливать браки детей и питомцев (там же, § § 11, 36);

3) воспрещено принуждать к вступлению в брак без взаимного согласия лиц обоего пола (там же, § 13), что не может быть почетно новостью; ибо в инструкции, данной Графом Саввою Владиславичем Рагузинским Пограничным Дозорщикам, 1728 года Июня 27 дня, о разборе маловажных дел между инородцами, в 5 пункте сказано: «Свадьбы и женитьбы имеют место быть между Российскими подданными (инородцами) по их закону и обыкновению, добровольно, без принуждения; не допускать никого к неправде и озлоблению девиц».

4) вдовам предоставлена полная свобода выходить замуж, за кого пожелают (там же, § 51);

5) неограниченное родство кости, для супружеств стеснительное, не упомянуто в принадлежностях брака (там же, § § 9–15);

6) воспрещены браки по свойству: между пасынком и мачехой, свекром и снохою (там же, § 15); и соответственно сему:

7) в изложении правил свадебного договора (Разд. III, гл. 2) включены следующая ограничения:

а) признаны не подлежащими разбору в Родовых Судах, иски по поводу выдачи калыма, неявленных, или произведенных прежде одного года до бракосочетания, а равно иски по условиям, не согласным с постановленными правилами (Разд. III, § 276); чем, разборы, начальство затрудняющие невозможностью приводить в известность расчеты и другие обстоятель-

¹⁶ Печатный экземпляр проекта Свода Степных Законов кочевых инородцев Восточной Сибири // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). — Ф. 1264. — Оп. 1. — Д. 269. — Л. 137.

¹⁷ Проект «Степных законов» для народностей, населяющих Иркутскую и Енисейскую губернии // РГИА. — Ф. 1264. — Оп. 1. — Д. 280. — Л. 317–323.

¹⁸ Печатный экземпляр проекта Свода Степных Законов кочевых инородцев Восточной Сибири. Приложение II. Особья объяснения, Раздел первый О правах и обязанностях семейственных, Объяснение I к § 9 // РГИА. — Ф. 1251. — Оп. 1. — Д. 173. — Л. 52.

¹⁹ Печатный экземпляр проекта Свода Степных Законов кочевых инородцев Восточной Сибири. Приложение II. Особья объяснения, Раздел первый О правах и обязанностях семейственных, Объяснение I к § 9 // РГИА. — Ф. 1251. — Оп. 1. — Д. 173. — Л. 52.

ства, происходившая между сватовьями, в течении многих лет, прекращается;

б) согласно обычаю Селенгских Бурят, назначена самая умеренная плата родственникам, в случае вступления девицы в замужество без их ведома (там же, § 292);

в) согласно Уложению Хоринцев и показанию Тунгусов Нерчинских, признано действительным брачное условие даже в случае несостоятельности жениха к платежу полного калыма, если невеста желает с ним вступить в брак (там же, § 285);

г) не присвоено братьям права выдавать сестер за калым: права без основания усиленного в Иркутском проекте (§ 113), где сказано, чтою они калым делили между собою по равным частям;

д) разорительные взыскания, в случае неустоек и разных недоборов калыма, вообще ограничены, и наконец,

е) понятие калым приведено к первоначальному его значению (Разд. III, § 272)».

Как можно увидеть, подобная кодификация свидетельствовала о пристальном внимании составителей проекта к донесениям, полученным в силу требований параграфа 68 Устава об управлении инородцев.

Отдельно отметим, что глубокое изучение донесений и других данных привело к тому, что российские власти не стали отменять калым, а лишь привели его понимание к «общему знаменателю». Хорошо понимая тот факт, что нормативная отмена калыма отнюдь не приведет к его изжитию, законодатель продемонстрировал государственную мудрость, сохранив этот институт, чтобы создать оптимальные возможности целенаправленного и устойчивого функционирования общественной системы в целом и брачно-семейных отношений сибирских народов в частности. Подобный подход российский законодатель демонстрировал и на Кавказе (в отношении адата), что позволяет говорить о том, что регулирование жизни инородцев в Российской империи развивалось по единой схеме.

После кодификационных реформ М. М. Сперанского обычное право кочевых народов Сибири было официально признано частью правовой системы государства. Этот факт сопровождался кодификацией обычаев, что было закономерным этапом и логическим завершением процесса становления отраслей права.

Однако развитие российского государства, широкое распространение христианства в Сибири все же сопровождалось постепенным вытеснением национальных обычаев, чему способствовало официальное разграничение государством сфер действия нормативных актов и этнических обычаев на национальных окраинах²⁰.

Во многом этому способствовал Свод законов Российской империи, который достаточно подробно регламентировал для подданных условия и порядок вступления в брак. Соответственно, эти условия касались и народов Западной и Восточной Сибири.

Книга первая Свода законов «О правах и обязанностях семейных» регулировала семейно-брачные отношения. Также отчасти эти вопросы регламентировались Законом о состояниях.

Устанавливался брачный возраст для мужчин — 18 лет, и для женщин — 16 лет. Существовали возрастные ограничения: лицам старше 80 лет вступать в брак запрещалось. Заключение брака зависело не только от согласия вступающих в брак, но и от согласия их родителей, опекунов или попечителей. Лица, состоящие на военной или гражданской службе, должны были иметь письменное разрешение начальства на их брак. Помещичьи крестьяне не могли вступать в брак без разрешения владельца. Запрещались браки христиан с нехристианами. Законным браком считался лишь церковный брак.

По сути, реформа М. М. Сперанского и последовавшие кодификация и систематизация ускорили интеграцию корен-

ных народов Сибири в административно-правовую систему России, целью которой была трансформация формы существующих регуляторов при сохранении существующих механизмов реализации. Юридический статус коренных народов Сибири определялся не только разрядом, но и вероисповеданием человека. Дальнейшее распространение христианства, а также развитие инфраструктуры Сибири приводило к постепенному вытеснению действия обычаев в семейно-брачных отношениях.

Пристатейный библиографический список

1. Дамешек Л. М. Кодификация норм обычного права народов Сибири в XIX веке // Источниковедение теории государства и права дореволюционной России. — Иркутск, 1983.
2. Дорская А. А. Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права. — СПб.: Астерион, 2007.
3. Дорская А. А. Гражданский брак в Российской империи: историко-правовой аспект // История государства и права. — 2008. — № 6.
4. Зенько М. А. К проблеме изучения обычного права у аборигенов Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 1997. — № 1.
5. Иванова Н. Ю. Нарушение прав евреев на приобретение и аренду недвижимых имуществ в черте постоянной оседлости в конце XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 8–2.
6. Игнатьева М. В. М. М. Ковалевский как антрополог права. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Санкт-Петербург, 2006.
7. Инородцы Минусинского округа // Якушкин Е. И. Обычное право русских инородцев. Материалы для библиографии обычного права. — М., 1899.
8. Карлов В. В. Обычное право народов Сибири и его изучение // Обычное право народов Сибири. — М., 1997.
9. Макеева О. А. Регулирование семейных отношений в России: исторические уроки и современные проблемы // История государства и права. — 2012. — № 3.
10. Наумкина В. В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства XIX — начала XX вв.: Автореф... дисс. докт. юр. наук. — М., 2010.
11. Наумкина В. В. Систематизация обычаев коренных народов Восточной Сибири в XIX веке // Право и образование. — 2008. — № 10.
12. Мудукаев Р. С. Исторический опыт защиты прав коренных малочисленных народов России // История государства и права. — 2010. — № 3.
13. Печатный экземпляр проекта Свода Степных Законов кочевых инородцев Восточной Сибири. Приложение II. Особые объяснения, Раздел первый О правах и обязанностях семейственных, Объяснение I к § 9 // РГИА. — Ф. 1251. — Оп. 1. — Д. 173.
14. Проект «Степных законов» для народностей, населяющих Иркутскую и Енисейскую губернии // РГИА. — Ф. 1264. — Оп. 1. — Д. 280.
15. Сборник обычного права сибирских инородцев Западной Сибири / Под ред. Д. Я. Самоквасова. — Варшава, 1876. — С. 56 // Российский государственный исторический архив. — Ф. 1251. — Оп. 1. — Д. 173.
16. Свод законов о состояниях // Свод законов Российской империи. — СПб, 1912. — Т. IX.
17. Сибирь в составе Российской империи. — М.: Новое литературное обозрение, 2007.
18. Устав об управлении инородцев Сибири // Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1830. — Т. 38. — № 29126.

²⁰ Мудукаев Р. С. Исторический опыт защиты прав коренных малочисленных народов России // История государства и права. — 2010. — № 3. — С. 2–4.

Ананидзе Ф. Р.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ОСТРОВА ГУАМ — НАРОДА ЧАМОРРО

В статье проделан анализ правового положения народа чаморро — коренного народа острова Гуам. Исследование проведено на основе действующего законодательства Гуам и законов США, прямо или косвенно регулирующих статус чаморро и Гуам в целом. Отдельное место в статье уделено историческим факторам и обстоятельствам, в известном смысле предопределяющим сегодняшнее фактическое и правовое положение народа чаморро.

Ключевые слова: чаморро, Гуам, Марианские острова, Гуамский Конгресс, «Конституция» Гуама 1950 года (Guam Organic Act), Закон о землях чаморро 1974 года.

Ananidze F. R.

LEGAL STATUS OF GUAM'S ISLAND INDIGENOUS PEOPLES — THE CHAMORRO PEOPLE

The article deals with the legal status of the Guam's Island indigenous people — the Chamorro people. The research is made on the base of the Guam and USA current legislation, which regulates directly or indirectly the legal status of the Chamorro people. Particular attention is paid to the historical and particular facts characterizing current legal status of Chamorro people.

Keywords: Chamorro people, Guam, Marines Island, Congress of Guam, Constitution of Guam of 1950 (Guam Organic Act), Chamorro Law of the Land of 1974.

Ананидзе Ф. Р.

Гуам — один из наибольших в группе Марианских островов, расположенных в Микронезии. Площадь острова — 549 км². Население острова составляет 158 тыс. человек. Из них: 47% — чаморро, относящиеся к индонезийской языковой группе, 25% — филиппинцы, 13% — американцы (в основном военнослужащие). Почти все население острова исповедует католицизм. Официальными языками Гуам являются английский и чаморро. Остров имеет статус неприсоединившейся территории США, жители которой являются гражданами США, однако без права участия в выборах президента США. Гуам имеет одного делегата в Палате представителей США, не имеющего права голоса. Местный однопалатный законодательный орган состоит из 15 членов, которые избираются сроком на два года, исполнительная власть принадлежит правительству во главе с губернатором, избираемым населением сроком на четыре года. Столицей Гуама является г. Хагатна (Агана). С XVI в. остров принадлежал испанцам, в 1898 г. он переходит в руки США. С 1941 по 1944 гг. островом правили японцы. С 1944 г. — это крупнейшая военная база США. В 1950 г. острову предоставлено право местного самоуправления¹.

Западная колонизация Гуама многое изменила в жизни аборигенного населения острова, тем не менее народ чаморро — коренной народ Гуама — сохранился и выжил как отдельный этнос и самобытное сообщество. До начала колонизации острова испанцами в XVI в. чаморро был суверенным народом, обладавшим богатой культурой, традициями и обычаями. Эти традиции и обычаи продолжают определять саму суть народа чаморро и сегодня, несмотря на большие трудности в выживании, сохранении, защите и развитии их самобытности как отдельного этноса, связанные с изменениями в социальном, политическом и этническом устройстве Гуама².

Народ чаморро заселяет о. Гуам на протяжении почти четырёх тысяч лет³. Согласно антропологическим данным

чаморро являются потомками мигрантов из Юго-восточной Азии, которые добрались до островов Микронезии небольшими группами на каноэ, пользуясь при этом своими традиционными навигационными знаниями. Они верили, что занятые ими острова представляют собой центр Вселенной. Сообщество чаморро сохраняло, поддерживало и развивало устные предания и легенды, связующие свой народ с его окружающей средой.

В доколониальный период общество чаморро характеризовалось наличием кастовой системы. В ней правящим классом были *chamoggi*, а низшим классом — *manachang*. В каждой деревне чаморро были управляющие (*maga'lahi*). Это были своего рода авторитетные люди, которые определяли жизнь всей деревни. Характерной чертой общества чаморро также являлось то, что оно во многом характеризовалось матриархальностью. «Женщины, в особенности старшие в общине, которые были замужем и матерями, имели большое влияние в древнем обществе чаморро. Через систему родственных связей по материнской линии женщины осуществляли контроль над жизнью семьи, собственностью и вопросами наследования. Они играли центральную роль в определении условий бракосочетания, активно участвовали в торговле и пользовались большим влиянием в местных органах управления»⁴. Такие обычаи действовали также при определении права собственности на землю, а частная собственность семьи рассматривалась в качестве основы сохранения семьи как ячейки общества; земля должна была передаваться из поколения в поколение, а не чужакам или в сферу общественного распоряжения. Народ чаморро создал довольно хорошо организованную экономику, которая основывалась на сельскохозяйственном производстве, рыболовстве и охотничьем промысле, успешно развивал торговлю с населением других островов. Семьи чаморро коллективно распределяли земли, водные и иные ресурсы с целью обеспечить равный доступ к ним всех членов клана.

Исходя из того, что сегодняшний правовой статус острова и его коренных жителей всецело связан с его колониальным прошлым, считаем целесообразным каждому из этих периодов выделить определенное место в данной статье.

¹ Народы мира 2003. Экономико-политический справочник / Под ред. А. С. Булатова. — М., 2003. — С. 578–579.

² Ананидзе Ф. Р. Правовое положение народа чаморро — коренного народа острова Гуам: история и современность. // Актуальные проблемы международного права. Материалы ежегодной международной научно-практической конференции кафедры международного права. 11–12 апреля 2008 года. Ответственные редакторы: А. Я. Капустин, Ф. Р. Ананидзе. — М.: РУДН. 2009. — С. 321–322.

³ Wuerch W. L., Ballendorf D. A. Historical Dictionary of Guam and Micronesia. — L., 1994.

⁴ Souder L. T. Daughters of the Island: Contemporary Chamorro Women Organizers on Guam. — L., 1992. — P. 224.

1. Период испанского владычества (1565–1898). Первооткрывателем острова считается испанский путешественник и мореплаватель Фернан Магеллан. Будучи португальцем, Ф. Магеллан в 1519–1522 гг. совершал кругосветное путешествие и в 1521 г. он высадился на Гуам. В 1565 г. Мигель Лопес де Легаспи (испанский конкистадор, в последующем первый генерал-губернатор Филиппин) официально заявил права Испании на Гуам и его северные острова. Они были названы Марианскими в честь королевы Марианны, которая профинансировала экспедицию Магеллана. Таким образом, после тысяч лет существования народа чаморро в качестве суверенного, независимого, остров Гуам наряду с другими Марианскими островами был объявлен испанцами собственностью Испании. В 1668 г. Испания образовала свою первую колонию и немедленно приступила к процессу приобщения народа чаморро к христианству и западному образу жизни. Испанская колонизация оказала огромное влияние на культуру народа чаморро в политической, социальной, религиозной и экономических сферах. Новая культура (европейская) несла с собой некоторые прогрессивные явления, как, например, агротехнические технологии (чаморро научились выращивать маис), разведение домашнего скота, выделывание кожи и др., а также страдания и потери для чаморро — население подвергалось насильственной христианизации и внедрению европейского уклада жизни. Численность чаморро сокращалась. Не последнюю роль в этом сыграли европейские болезни, иммунитет от которых у аборигенов отсутствовал. Народ чаморро сопротивлялся. Исторические документы того времени содержат сведения о восстаниях и бунтах чаморро против испанских колонизаторов. Они перманентно продолжались в течение нескольких десятилетий и получили название «Чаморро-испанские войны». Несмотря на ожесточенную борьбу чаморро за восстановление своей свободы, они потерпели поражение. В итоге количество коренного населения острова к началу 1700-х сократилось с 50 тыс. до 3 тыс. человек.

Тем не менее Гуам постепенно становится портом захода для испанских галеонов, плывущих через Тихий океан из мексиканского Акапулько в филиппинскую Манилу. Из Америки они везли золото и серебро, останавливались на Гуам, затем продолжали дорогу в Китай, где свои богатства обменивали на шелк и специи для продажи в Европе.

Так продолжалось несколько столетий. За этот период испанский колониализм оказал губительное воздействие и принес существенный ущерб культуре коренных чаморро. Испанские обычаи и традиции во многом смешались с местной культурой, традициями и обычаями. Однако многие из основополагающих традиций и обычаев чаморро все-таки сохранились. Также, несмотря на смешанные браки чаморро с испанцами, семейные линии чаморро тоже были сохранены. То есть чаморро удалось не только выжить в период испанской колонизации, но и сохранить свои древние традиции и обычаи. Сегодня они продолжают быть стержневым фактором выживания, сохранения и развития чаморро как отдельного народа и этноса в целом.

После почти 250-летней жизни под испанским флагом Гуам и народ чаморро попали под власть другой колониальной державы — США. В результате испано-американской войны по Парижскому договору 1898 г. Гуам, как и ряд других испанских владений в Тихоокеанском регионе и в Карибском бассейне (Куба, Пуэрто-Рико), был передан США.

2. Американский период (1898–1941). Как уже было отмечено, в 1898 г. Гуам отошел к США вследствие испано-американской войны, а год спустя, в 1899 г., США официально купили Гуам и другие Марианские острова у Испании за 20 млн. долларов. С началом американской оккупации остров находился под властью военно-морского флота США, расположенного на нем, так как согласно указу Президента США Уильяма Маккинли Гуам перешел под управление Министерства военно-морских сил США.

Американское присутствие на острове во многом благоприятно повлияло на жизнь островитян. В частности, произошли изменения к лучшему в таких сферах жизни, как сельское хозяйство, здравоохранение, санитария, система образования, управление земельными ресурсами, налоговая политика, коммунальные услуги. Но и негатива было очень много. Например, в государственных школах было запрещено использование языка чаморро. Статистика говорит о том, что в 1940 г. около 75% населения Гуама старше 10 лет говорили по-английски, а язык чаморро преобладал в неофициальном общении. Таким образом, дети чаморро воспитывались в странном полуанглийском, полуаборигенном социальном окружении, что однозначно наносило непоправимый урон культуре и традициям чаморро. С другой стороны, чаморро местными властями не рассматривались в качестве граждан гуамского общества, и они не имели права участвовать в управлении страной.

Справедливости ради следует отметить, что в 1917 г. был создан Гуамский Конгресс. Однако он являлся всего лишь совещательным органом, а его члены назначались военным командованием. Такое положение дел заставляло чаморро чувствовать себя в определенном смысле неполноценными. Они считали, что такая форма правления противоречила идеалам американской демократии и неоднократно обращались в Конгресс США с просьбой определить политический статус Гуама и права чаморро в связи с американской оккупацией⁵.

В 1901 г. Верховный Суд США принял решение по делу *Downes v. Bidwell*, которым фактически отказал народу чаморро как в праве на самоопределение, так и в основных гражданских свободах. В данном решении четко было сказано, что Конституция США не может применяться к островным территориям в той же мере, что и к штатам. Далее Суд выработал для США новую территориальную доктрину в отношении их владений, применив концепцию «невключённых территорий», которые Суд определил как «не являющиеся неотделимой частью США» и не собирающиеся стать одним из штатов. Таким образом, на основании данного решения американские военные продолжали осуществлять абсолютный контроль над островом Гуам и народом чаморро. Исходя из положений данного решения Верховного Суда США чаморро не подпадал под конституционную защиту и поэтому не получил основных прав в соответствии с американской правовой системой, включая право на судебную защиту и право на обращение в федеральные суды за пределами Гуама. Кроме того, все местные судьи и прокуроры подчинялись военному губернатору.

3. Период японской оккупации (1941–1944). 10 декабря 1941 г. островное подразделение кораблей охранения проиграло оборонительное сражение, и Гуам сдался японским тихоокеанским морским силам — японские войска сменили американские, которые контролировали остров в течение 2,5 лет. Гуам и чаморро столкнулись с новыми проблемами. В этот период Гуам был даже переименован в «Омия Джима» («Остров великого святилища») и включен в Великую японскую восточноазиатскую сферу взаимного процветания. В течение 2,5 лет население Гуам насильно подвергалось японизации, его против собственной воли подчиняли японскому укладу жизни. В этот период на острове действовала смертная казнь, народ чаморро подвергался пыткам, издевательствам, голоду, принудительному труду (японцы заставили чаморро вырыть по всему острову фортификационные укрытия, которые служили для японцев убежищем во время авианалётов). Японцы запретили использование английского и местного языков и обязали местное население изучить японский язык. В 1942 г., когда Япония передала контроль над островом япон-

⁵ Petition Relating to Permanent Government for the Island of Guam. H. R. Doc. — № 419. — 1902.

ским военно-морским силам, была разрешена небольшая свобода в отправлении религиозных обрядов и ведении бизнеса. Несмотря на такую ситуацию, народ чаморро оказывал жесточайшее сопротивление японским оккупантам, однако силы были неравны.

4. Период после освобождения от японцев и статуса территории США (1944 — по настоящее время). 21 июля 1944 г. американцы вернулись на остров, прогнав оттуда японцев (эта дата считается здесь Днем освобождения). Гуам, благодаря своему стратегическому положению, был быстро определен как место западно-тихоокеанского штаба оперативного командования. После окончания Второй мировой войны на Гуаме была восстановлена военно-морская администрация. Президент США Г. С. Трумэн в 1949 г. подписал закон об образовании новой территории, согласно которому Гуам получил статус неприсоединенной территории с ограниченным самоуправлением. Последнее выразилось в том, что жителям Гуама было предоставлено право выбирать губернатора, вице-губернатора, сенаторов, мэров.

Народ чаморро обрадовался такому исходу событий, но эйфория быстро прошла. С момента возвращения на остров американцы занялись присвоением земель чаморро и выселением оттуда законных владельцев. Главное в этом мероприятии заключалось в том, что отрицались какие-либо права чаморро на традиционно занимаемые ими земли. Таким образом, американцы захватили, по сути, половину территории острова. Особо следует отметить также тот факт, что военная администрация присваивала не только стратегически важные территории, но и сельскохозяйственные угодья, и наиболее живописные местности. В итоге чаморро лишились даже права находиться на этих территориях.

В 1950 г. США приняли Organic Act («Конституцию» Гуама)⁶. Этот закон распространил гражданство США как на чаморро, так и на других жителей острова и их детей, родившихся после 11 апреля 1899 г. на Гуаме и постоянно проживающих там, в штатах или на других территориях под суверенитетом США. В это число вошли граждане Испании и других стран, проживавшие на Гуаме с 11 апреля 1899 г. и продолжающие пребывать на территориях под юрисдикцией США и не предпринимавшие попыток сохранить или приобрести гражданство других государств. Закон также наделил гражданством всех лиц, родившихся на о. Гуам после 11 апреля 1899 г. и живущих на территориях, на которые распространяется суверенитет США, при условии, что они не предпринимали мер по оформлению гражданства других стран до вступления в силу этого закона. Organic Act также закрепил права человека в полном соответствии с Конституцией США (свобода вероисповедания, свобода высказываний, свобода прессы, право на жизнь, право на свободу, право на собственность). Им также были гарантированы права на мирные собрания и на быстрое и открытое судебное разбирательство. В то же время законом не регламентировался суд присяжных, он оставался на усмотрение местного законодательства Гуама. Законом запрещается дискриминация по признакам расы, языка, цвета кожи, религии, всем гарантируется равная судебная защита. Постепенно на острове были созданы все три ветви власти, из числа гражданского населения были организованы местные законодательные органы с правом принятия решений, в итоге была образована ограниченная система самоуправления острова, чем закончился более чем 50-летний период военного правления на Гуаме.

Помимо всего, Organic Act 1950 г. предоставил народу чаморро определенные преимущества. В частности, п. 9 (а) данного закона позволяет Губернатору Гуама по своему усмотрению назначать и выдвигать квалифицированных специалистов на основании их «гуамского происхождения». Кроме

⁶ The Organic Act of Guam, Ch. 512, 64 Stat. 384 (1950), § § 1421–1424 (1988).

того, положения закона предусматривают предоставление лицам «гуамского происхождения» возможности получения высшего образования и профессиональной переподготовки. Однако термин «гуамское происхождение», использованный в законе, на практике применяется не только к коренным обитателям, но и к любым лицам, включая другие национальности, представители которых попали на Гуам в период его оккупации. Таким образом, можно сделать вывод, что, поскольку в законе нет точного определения термина «чаморро», любые преимущества предоставляются не только коренным жителям, но и всем постоянно и законно проживающим там гражданам, несмотря на то, что, как утверждают защитники прав чаморро, Конгрессом США при принятии Organic Act термины «происхождение» и «гуамское» рассматривались как синонимы термина «чаморро»⁷.

Действующим законодательством Гуама регламентировано очень малое количество специальных прав коренных жителей. Позитивным явлением в этом плане можно считать принятие в 1974 г. Закона о землях чаморро, который повторил положения принятого на Гавайях Закона о земельных комиссиях 1921 г. В соответствии с Законом о землях чаморро Комиссия по землям чаморро должна передать родовые земли чаморро и земли, принадлежащие правительству Гуама, в лизинг «коренным чаморро» для сельскохозяйственного, животноводческого использования и для проживания, получатели должны платить 1 доллар ежегодно в течение 99 лет⁸. В отличие от гавайского закона, в котором принадлежность к коренному населению определялась по «принципу крови» (50% и более), Закон Гуама определяет «коренного чаморро» как «любое лицо, ставшее гражданином США в силу Organic Act или потомков этого лица». Также предусматривается, что трое из пяти членов Комиссии по землям чаморро должны быть коренными чаморро.

Подготовка Комитетом по самоопределению закона о Содружестве явилась еще одной попыткой закрепления прав чаморро как коренного народа. Суть вопроса заключается в следующем: хотя проект этого закона не был принят и не действует, но его положения относительно прав чаморро свидетельствуют об их признании местным правительством в контексте рассмотрения вопроса о самоопределении. В частности, в документе сказано: «Конгресс США признаёт, что Содружество не ограничивает стремление народа чаморро приобрести какой-либо окончательный статус в ходе реализации неотъемлемого права на самоопределение как это закреплено в ст. 73 Устава ООН и в резолюции ГА ООН № 1514»⁹. Следует при этом отметить очень любопытный факт: несмотря на то, что данное положение достаточно ясно отражает намерение законодателя, при голосовании на Гуаме оно не было принято большинством избирателей.

Следующей попыткой гуамского руководства обратиться к проблемам коренного народа стало создание закона о регистрации чаморро. Целью принятия закона явилось составление базы данных о численности чаморро на Гуаме, их статусе и регистрации семей, обладающих избирательным правом. Данный закон определяет чаморро как: «1) все жители острова Гуам по состоянию на 11 апреля 1899 г., включая временно отсутствовавших, и являвшихся испанскими подданными и 2) все, кто родился на острове Гуам до 1800 г., и их потомки, проживавшие на Гуаме с 11 апреля 1899 г., включая временно отсутствовавших и их потомков». В соответствии с данным законом был создан консультативный регистрационный орган,

⁷ Perez M. P. The Dialectic of Indigenous Identity in the Wake of Colonialism: the Case of the Chamorros of Guam. — 1997. — P. 264.

⁸ Quan A. F. Guam Code Annual. // Asian-Pacific Law & Policy Journal. — 2002. — Vol. 3. — Issue 1.

⁹ Guam Commonwealth Act, art. 1, § 103 (a), H.R. 98, 101st Congress (1st Session). — 1989.

все члены которого должны быть чаморро и обладать опытом работы с проблемами коренного населения.

Можно сделать заключение о том, что правительство Гуама в определенном смысле признает специальные права чаморро как коренного народа, однако его действия иногда могут восприниматься как «дискриминация по расовому признаку», что вызывает возражения, основанные на положениях о равенстве, закреплённых в Конституции США и в Organic Act. В частности, Верховный Суд США, рассмотрев 14 поправку о праве на равную защиту, пришёл к выводу, что различия, основанные на расовом признаке, закрепляемые как в федеральном законодательстве, так и в законодательстве штатов, подлежат «тщательной проверке». Если закон будет признан основанным на расовых основаниях, законодателью придётся доказывать его «государственную важность»¹⁰.

Для народа чаморро в данной ситуации важно получить федеральное признание как коренного народа, чтобы установить формальные опекунские отношения с США. Суды поддерживают стремление местных властей и властей штатов признать права коренного народа даже при отсутствии федерального признания. Дело в том, что северный сосед Гуама — Содружество северных Марианских островов — включило в свою Конституцию положение, предоставляющее льготы на владение землёй коренным народам чаморро и каролинцам. Статья 805 Пакта о создании Содружества северных Марианских островов в политическом союзе с США закрепляет политическую связь между этой территорией и США, а также позволяет правительству островов ограничивать владение и контроль над недвижимым имуществом в пользу потомственных жителей островов «ввиду важности владения землёй для культуры и традиций народа Северных Марианских островов»¹¹. Данное положение позднее было включено в ст. XII Конституции СМО.

Также коренные жители Гавайских островов, несмотря на отсутствие формального признания со стороны федерального правительства, по законам своей страны наделены специальными правами. В соответствии с законом о поселениях гавайского населения (Hawaiian Homes Commission Act) 1921 г. государство выступает в качестве опекуна, передавая в лизинг земли, выделяемые федеральным правительством в пользу коренных гавайцев. Государство здесь выступает также в роли поручителя в Кредитном обществе по переданным землям (Ceded Lands Trust), образованном в соответствии с законом об адмиссии, управляя землями и государственными доходами от опеки «для улучшения положения коренных гавайцев»¹². Также ст. 12 Конституции Гавайев закрепляет обязанность государства «защищать все обычные права и традиции, необходимые для существования и обеспечения культурных и религиозных потребностей» коренных гавайцев. Поправками к Конституции был создан Департамент по делам гавайцев (ОНА), государственный орган, созданный для обеспечения использования государственных доходов от переданных земель в интересах коренных гавайцев и улучшения условий их жизни. Все 9 членов органа по опеке Департамента должны иметь гавайское происхождение. В 1980 г. гавайские законодатели приняли решение о передаче Департаменту (ОНА) 20% государственных доходов, полученных от переданных государству в доверительное управление земель¹³.

Несмотря на отсутствие федерального признания, местные органы власти принимают законы и постановления, нацеленные на защиту и расширение прав коренного насе-

ления. Правительство Гуама могло бы следовать примеру властей Северных Марианских островов и Гавайских островов и обеспечить защиту духовных и культурных потребностей народа чаморро. Хотя чаморро до сих пор не получили федерального признания, правительство Гуама имеет обязательства и несёт ответственность перед своим коренным народом за защиту и сохранение их прав. Федеральное признание и формальное установление отношений опеки с федеральным правительством, в свою очередь, обеспечило бы прочную правовую базу для существования в национальном законодательстве Гуама норм, закрепляющих специальные права коренного народа.

Сегодня осознание народом чаморро своего прошлого и настоящего подчинённого положения приводит к росту политической активности. Специалисты отмечают попытки чаморро сохранить и защитить свою культуру, обычаи и традиции как форму сопротивления ассимиляции. Это сопротивление влиянию запада и американскому доминированию отражается не только в научных и политических спорах, но и в современном искусстве, в песнях и поэзии.

Первые попытки выступить в защиту прав коренного народа чаморро были предприняты в начале 1970-х группой активистов (Para Pada). Группа выступала за сохранение культуры и языка чаморро, за возвращение владельцам земель, присвоенных федеральными властями, и за самоуправление чаморро. Эта группа очень активно работала позднее в Комиссии по самоопределению, где ее активисты продолжали утверждать, что только чаморро имеют право участвовать в плебисците о самоопределении. Они утверждали, что именно народ чаморро был лишен испанцами в своё время права на самоопределение, стало быть, сегодня чаморро должны иметь решающий голос при определении политического статуса своей страны. Народ чаморро отделяет себя от других этнических групп, прибывших на Гуам значительно позднее, и полагает, что эти группы не должны участвовать в принятии решений о политическом статусе Гуама. В период подготовки проекта закона о Содружестве активисты Para Pada настаивали на включении в документ специальных положений, закрепляющих права коренного народа. В итоге такие усилия не пропали даром, и вопрос о самоопределении чаморро вышел на международную арену. Организация «ORI-R» была первой из гуамских общественных движений, принявших участие в работе органов ООН по проблеме коренных народов в колонизированных странах¹⁴.

В 90-е годы прошлого столетия было образовано движение «Нация чаморро». Общественное движение в защиту прав чаморро стало более активным и радикальным. Обращаясь к членам сообщества чаморро, организация призывала бороться за суверенитет и самостоятельность. Движение предлагало народу чаморро защищать собственные суверенитет и культуру путём защиты пяти неотъемлемых традиционных составляющих: земли (tano), воды (hanom), воздуха (aire), духовности (hinnenghe) и культуры (kottura). Движение объявило себя суверенной нацией и приняло участие в массовых протестах и акциях неповиновения. Добиваясь признания прав коренного народа на земли и ресурсы, активисты движения в 1992 г. приняли участие в активизации деятельности Комиссии по опеке над землями чаморро, созданной ещё в 1974 г. для передачи «земель чаморро» в лизинг «коренным чаморро». Предложив включить в текст закона о Содружестве определение «коренные чаморро», движение во главе с А. Сантосом обратилось этим требованием в один из местных судов, принявшим решение в их пользу, и потребовало от губернатора создать специальную комиссию по контролю над выполнением закона.

¹⁴ Souder-Jaffery L., Underwood R. A. eds. Chamorro Self-Determination. — W., 1987. — P. 103.

¹⁰ Quan A. F. Ibid. — P. 88.

¹¹ Perez M. P. The Dialectic of Indigenous Identity in the Wake of Colonialism: the Case of the Chamorros of Guam. — 1997. — P. 264.

¹² Kanehe L. M. The Akaka Bill: The Native Hawaiian's Race for Political Recognition // Hawaii Law Review. — 2001. — № 23.

¹³ Van Dyke J. The Political Status of the Native Hawaiian People // Law and Policy Review. — 1998. — № 95. — PP. 108–109.

Конституция США от 17 сентября 1787 г. с поправками до 1971 г. включительно устанавливает, что «Конгресс обладает полномочиями по регулированию торговли с иностранными государствами и между несколькими штатами, а также с индейскими племенами» (раздел 8 (1) и (3))¹⁵. В момент подготовки и принятия Конституции США «индейские племена рассматривались в качестве отдельных народов», и отношения между ними и федеральным правительством воспринимались как формальные по своей сути. Поскольку Конгресс признавал индейские племена суверенными единицами внутри границ США, отношения были как бы межгосударственными. Как заявлял судья Маршалл: «Многочисленные договоры, заключённые США с чероки, признают их в качестве людей, способных поддерживать отношения войны и мира, могущих нести ответственность за нарушение своих договорённостей или за любые агрессивные действия в отношении граждан США со стороны членов своих обществ. Законы принимались в соответствии с духом этих договоров. Действия нашего правительства прямо признают народ чероки в качестве государства, и суды должны руководствоваться этими документами»¹⁶.

Хотя федеральное правительство вступало в договорные отношения и признавало суверенитет коренных американских народов, населявших Америку до прибытия европейцев, оно тем не менее постановило, что Конгресс будет полностью контролировать дела индейцев. В то же время Верховный Суд США отметил, что Конгресс и федеральное правительство несут ответственность по установлению опеки над коренными народами для обеспечения их выживания и процветания. По мнению Суда, доктрина опекунской ответственности лежит в основе власти над индейцами, почти во всех договорах федеральное правительство гарантирует «защищать» племена.

Опекунская ответственность считается одним из краеугольных камней основы отношений федерального правительства с сообществом коренных народов в США. Изначально опекунские отношения возникли по требованию индейских племён, заключавших договоры, в которых взамен своих племенных земель они должны были получить защиту федерального правительства в виде образования постоянных резерваций. Плюсы опекунских отношений с федеральным правительством в данном случае заключаются в том, что признанные на федеральном уровне племена могут участвовать в федеральных индейских программах, предлагающих помощь с жильём, здравоохранением, по землеустройству, в образовании и в трудоустройстве. Кроме того, эти племена получают финансовую поддержку от федерального центра, а также обладают более широким политическим суверенитетом и автономией, защищаемыми судами.

Коренное население в США, будучи федерально-признанным и находящееся в опекунских отношениях с федеральным правительством, рассматривается судами как полуавтономные нации, состоящие с ним в «специальных отношениях». Это позволяет «разумно» подходить к оценке различных программ и политических решений, направленных на защиту и улучшение положения коренного населения, а не подвергать их тщательной проверке, как это обычно делается в случаях, затрагивающих расовые проблемы.

Хотя федеральное правительство изначально действительно имело дело и обеспечивало защитой индейские племена, проживавшие на континентальной части США, последовавшие территориальные приобретения ввели в поле зрения

правительства новые группы коренного населения. В результате возник вопрос: следует ли распространить опекунские отношения и на этих новичков. Сюда входило коренное население Аляски, Гавайских островов, Самоа и народ чаморро. Из этих четырёх групп только аборигены Аляски признаны федеральным правительством в качестве коренного населения¹⁷.

Несмотря на то, что федеральное правительство формально не установило специальных опекунских отношений с народом чаморро в виде договора, закона или постановления, можно найти достаточно свидетельств в поддержку существования опекунских отношений и мнения о бесспорной необходимости федерального признания народа чаморро, как и других коренных общин в США. Во-первых, другие группы коренного населения, не включённые в этот перечень в период подготовки Конституции, сегодня подпадают под защиту Commerce Clause (Раздел 8 (1) и (3) Конституции США 1787 г.)¹⁸. Во-вторых, федеральное законодательство рассматривает чаморро наряду с другими коренными народами. Наконец, изучение положений Organic Act и намерений их авторов даёт ряд доказательств в пользу существования опекунских отношений.

Как и чаморро, жители Аляски и Гавайских островов являются коренными группами, которые оказались под контролем США гораздо позднее принятия Конституции. Кроме того, по своему происхождению и культуре они отличаются от коренных американцев в континентальной части, исторически и традиционно объединённых в «племена». Тем не менее, несмотря на эти отличия и на то, что индейские племена давно уже управлялись федеральным правительством, обе эти группы были признаны Конгрессом и федеральными судами как отдельные коренные населения, находящиеся в специальных отношениях с США.

Поскольку с коренными жителями Аляски и Гавайских островов у США есть «особые отношения», а на первых из них распространяется политика опекунства, о котором свидетельствует богатая практика взаимоотношений США с этими субъектами, то можно говорить о существовании прецедента, которым может воспользоваться народ чаморро для получения федерального признания и укрепления «специальных отношений» с США. Из чего надо исходить при этом? Чаморро такой же коренной народ, как жители Гавайских островов и Аляски, которые получают помощь от федерального правительства. Подобно Аляске, можно сказать, что отношения опеки возникли, когда США заняли Гуам и получили полную власть над островом и его населением. В принципе Гуам также был куплен у другого государства, как и Аляска. Несмотря на отсутствие ясно выраженных федеральных актов, признающих чаморро коренным народом, принятие Конгрессом решений об оказании помощи жителям островов Тихого океана доказывает, что федеральное правительство приняло на себя обязательства по оказанию помощи коренным жителям региона, в том числе и чаморро. Такая точка зрения высказывается и федеральными судами.

Принципы международного права ясно закрепляют неотъемлемое право коренных народов, таких как чаморро, на самоопределение. В силу обладания этим правом они могут определять и контролировать свою судьбу путём самоуправления и получить признание государства, в котором проживают. Кроме того, они имеют право контролировать и управлять своими историческими землями и территориями, к которым привязаны культурно и духовно.

¹⁵ Ананидзе Ф. Р. Правовое положение коренных народов в Северной и Латинской Америке. // Международно-правовые основы по содействию, поощрению и защите прав коренных народов. Материалы лекций по Программе стажировок для русскоязычных коренных народов УВКПЧ ООН по правам человека / Под общ. ред. А. Х. Абашидзе. — М., 2009. — С. 343–344.

¹⁶ Cherokee Nation v. Georgia. 30 US 1 (1931).

¹⁷ Cohen F. S. Handbook on Federal Indian Law. — NY, 1986. — P. 401.

¹⁸ Ананидзе Ф. Р. Правовое положение коренных народов в Северной и Латинской Америке. // Международно-правовые основы по содействию, поощрению и защите прав коренных народов. Материалы лекций по Программе стажировок для русскоязычных коренных народов УВКПЧ ООН по правам человека / Под общ. ред. А. Х. Абашидзе. — М., 2009. — С. 343–344.

Международное право считается частью правовой системы США. Федеральные суды обязаны придерживаться положений международных договоров, участником которых являются США, а также обычных международно-правовых норм, «если эта норма явно не противоречит федеральному закону или недвусмысленному исполнительному решению»¹⁹. Поскольку народ чаморро обладает международно-признанным правом на самоопределение, США должны признавать и уважать это право, формально согласившись с тем, что этот народ находится под опекой. Кроме того, в своих докладах ООН о статусе чаморро США признали именно этот народ коренным обитателем острова Гуам. В своём первом ежегодном докладе в ООН в 1946 г. США сообщили: «Коренное население Гуама называется чаморро. Происхождение древних чаморро невыяснено, но скорее всего это группа отделилась и была изолирована на Марианских островах от прамайцев при их миграции из Азии на восток».

В целом можно говорить, что, в соответствии с международным правом, чаморро — это коренной народ, обладающий международно-признанным правом на самоопределение. США, как доминирующая сила, управляющая сегодня делами чаморро, в соответствии с международным правом обязаны защищать и обеспечивать соблюдение прав этого коренного народа. Непризнание этих прав нарушает фундаментальные и неотъемлемые принципы, выработанные мировым сообществом.

Тем не менее народ чаморро по сей день сталкивается со сложной задачей сохранения собственной самобытности и культуры. В течение трёх веков колониализма, оккупации и попыток ассимиляции чаморро продолжают сопротивление. Правительство США должно формально признать народ чаморро в качестве коренного народа, а правительство Гуама обязано закрепить перечень специальных прав коренного народа.

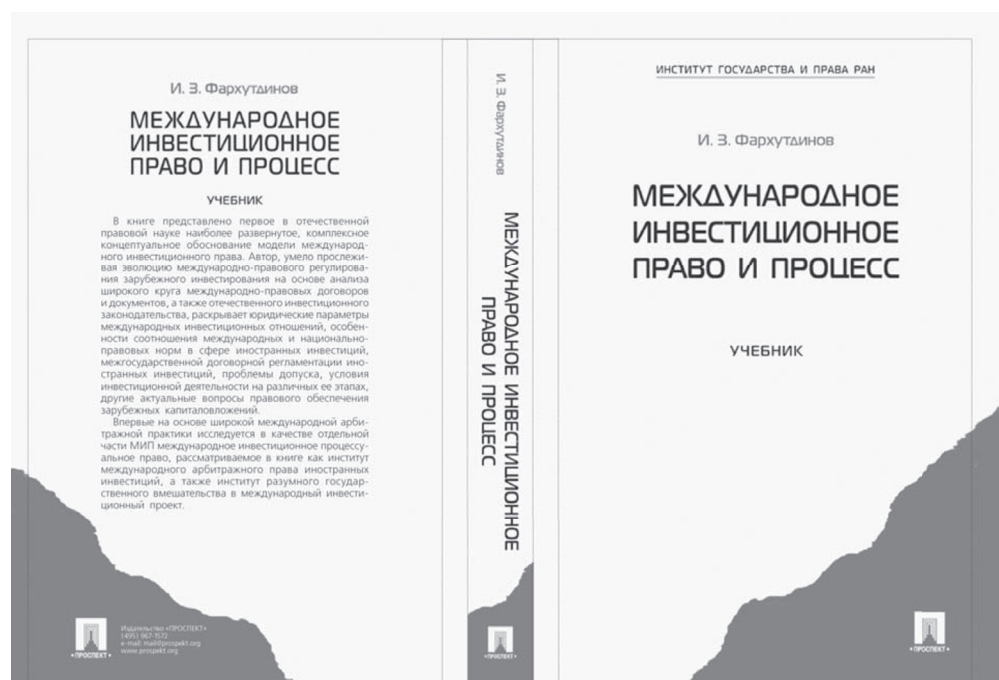
Пристатейный библиографический список

1. Ананидзе Ф. Р. Правовое положение народа чаморро — коренного народа острова Гуам: история и современность // Актуальные проблемы международного

права. Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции кафедры международного права. 11–12 апреля 2008 года / Ответственные редакторы: А. Я. Капустин, Ф. Р. Ананидзе. — М.: РУДН, 2009.

2. Ананидзе Ф. Р. Правовое положение коренных народов в Северной и Латинской Америке // Международно-правовые основы по содействию, поощрению и защите прав коренных народов. Материалы лекций по Программе стажировок для русскоязычных коренных народов УВКПЧ ООН по правам человека / Под общ. ред. А. Х. Абашидзе. — М. 2009.
3. Народы мира 2003. Экономико-политический справочник / Под ред. А. С. Булатова. — М., 2003.
4. Cherokee Nation v. Georgia. 30 US 1 (1931).
5. Cohen F. S. Handbook on Federal Indian Law. — NY, 1986.
6. Guam Commonwealth Act, art.1, § 103 (a), H.R. 98, 101st Congress (1st Session), 1989.
7. Kanehe L. M. The Akaka Bill: The Native Hawaiian's Race for Political Recognition // Hawaii Law Review. — 2001. — № 23.
8. Petition Relating to Permanent Government for the Island of Guam. H. R. Doc. — 1902. — № 419.
9. Perez M. P. The Dialectic of Indigenous Identity in the Wake of Colonialism: the Case of the Chamorros of Guam. — 1997.
10. Quan A. F. Guam Code Annual // Asian-Pacific Law & Policy Journal. — 2002. — Vol. 3. — Issue 1.
11. Souder L. T. Daughters of the Island: Contemporary Chamorro Women Organizers on Guam. — L. 1992.
12. Souder-Jaffery L., Underwood R. A. / eds. Chamorro Self-Determination. — W., 1987.
13. The Organic Act of Guam, Ch. 512, 64 Stat. 384 (1950), §§ 1421–1424 (1988).
14. Wuerch W. L., Ballendorf D. A. Historical Dictionary of Guam and Micronesia. — L., 1994.
15. Van Dyke J. The Political Status of the Native Hawaiian People // Law and Policy Review. — 1998. — № 95.
16. Wuerch W. L., Ballendorf D. A. Historical Dictionary of Guam and Micronesia. — L., 1994.

¹⁹ См.: Van Dyke J. The Political Status of the Native Hawaiian People // Law and Policy Review. — 1998. — № 95. — P. 139.

Ямаева А. И.

КОНСТИТУЦИОННОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ САМОБЫТНОСТИ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ В БЕЛЬГИИ

В институциональной структуре Бельгии языковое разделение и территориальность этой страны отражают довольно сложную языковую разрозненность на политическом уровне и строятся на основе двух принципов: территориальности и биполярности. В этой статье автор раскрывает строительство языковой самобытности в Бельгии в течение XIX века. Автор анализирует четыре основополагающих принципа, введенных в бельгийское законодательство в течение XX века. Данные принципы были определены в целях урегулирования лингвистических споров и помогли сформировать бельгийскую модель в части языковой территориальности, путем создания языковых границ; введением парламентских мер по защите языковых меньшинств на национальном уровне и в регионе Брюссель; введением культурной и социально-экономической децентрализации.

Ключевые слова: государство, конституция, международный, право, полномочия, демократия.

Ямаева А. И.

Yamaeva A. I.

CONSTITUTIONAL FORMATION OF LINGUISTIC IDENTITY AND TERRITORIALITY IN BELGIUM

Linguistic identities and territoriality in Belgium's institutional structure reflect rather complex political management of linguistic identities and are based on the two principles of territoriality and bipolarity. In this article the author discovers the construction of linguistic identities in Belgium during the nineteenth century. The author analyses four fundamental principles introduced in Belgian legislation during the twentieth century. These principles were defined in order to settle linguistic disputes, and have helped to shape the Belgian model in part of: linguistic territoriality establishment of a language frontier; institution of parliamentary measures to protect the linguistic minority at national level and in the Brussels region; introduction of cultural and socio-economic decentralization.

Keywords: state, constitution, international, law, authority, democracy.

Политическое регулирование языкового разнообразия в Бельгии сложилось под влиянием различных исторических соглашений политического характера, заключенных в различные ключевые моменты бельгийской истории. Каждое соглашение было сложным и включало в себя множество деталей и исключений из правил, однако не представляло возможным включить все необходимые нюансы. Автор пытается определить некоторые ключевые принципы, лежащие в основе и определившие текущее положение бельгийской модели с разнообразным институциональным порядком. В этой статье автор не сосредотачивает свое внимание на общих характеристиках бельгийской федеральной системы. Федерализация страны является важным элементом не только в урегулировании языковых споров, но и в других фундаментальных аспектах, автор покажет постепенную институционализацию языковой самобытности, построенную на основе двух принципов: территориальности и биполярности. Для воссоздания полной картины автор склоняется к выводу, что необходимо начать с происхождения языкового спора в Бельгии, непосредственного строительства языковой самобытности.

История часто умалчивает о происхождении языкового спора. Так, в Конституции Бельгии 1830 г. значится, что в одну нацию были объединены два народа — фламандцы и валлоны. Тем не менее, в отличие от некоторых регионов Испании (Каталония, Страна Басков), Великобритания (Шотландия), и Франция (Корсика), субъекты федерации в Бельгии не являются историческими общинами, датируемыми до основания Бельгии¹. До 1930 г. нет упоминания о смешении культур на территориях, которые впоследствии стали частью Бельгии. Термины «Фландрия» и «Валлония» появляются лишь эпизодически, без ссылок на два разных народа и две разные культуры².

Бельгия была основана как унитарная страна, где выбор языка был практически бесплатным. К минусам, которые можно отметить на практике, если брать пример Франции — можно отнести принцип «одна страна, один язык». Французский является языком правящего класса, основные массы употребляют фламандский и валлонский диалекты.

Проводится идентичность политики, направленная на укрепление бельгийской идентичности для узаконения нового государства. Впоследствии это дает бельгийцам общую историю, уходящую в несколько столетий. Именно с этой точки появляется миф о битве бельгийцев за свободу, против засилья иностранных держав, начиная с Юлия Цезаря. Важным шагом в этом бою является «Битва золотых шпор» 1302 г., в которой фламандские войска победили французские. В исторической хронологии данное событие в конце концов привело к бельгийской революции 1930 г., отмечаемой ежегодно как национальный день³.

Достаточно быстро после событий 1930 г. родилось фламандское движение, которое просуществовало довольно долго, с фламандскими территориями и фламандским языком, который бытовал наравне с французским.

Фламандский язык начал использовать стандартизированный вариант — общую версию фламандских диалектов, но только с 1860 г. термин «Фландрия» вводится для обозначения той части страны, где говорят на фламандском языке. В борьбе за признание языка фламандское движение превращает формирующуюся лингвистическую идентичность в политическую⁴. Начинается строительство фламандской нации, с принятием во внимание фламандского мифа о национально-освободительной битве (которая стала борьбой фламандцев против французского государства), и в особенности «Битвы золотых шпор».

¹ Deschouwer K. «And the peace goes on? Consociational democracy and Belgian politics in the twenty-first century» // West European Politics (Special issue on the politics of Belgium).— Vol. 29.— № 5.— 2006.— P. 895–911.

² Wils L. Van Clovis tot Di Rupo. De lange weg van de naties in de Lage Landen.— Anvers et Apeldoorn: Garant, 2005.

³ Tollebeek J. Historical representation and the Nation-State in romantic Belgium (1830–1850) // Journal of the History of Ideas.— № 59.— 1998.— p. 329–353.

⁴ Martiniello M. Culturalisation des différences, différenciation des cultures dans la politique belge, Paris, Centre d'études et de recherches internationales // Sciences Po.— 1998.

Фламандское движение получило успех с принятием первых законов о языке, признающих фламандский язык, как в органах управления, органах правосудия, так и в начальных школах, но только на фламандской территории, так же как и французский язык. Постоянным раздражителем фламандского движения служило увеличение количества французов в высших фламандских классах, которые рисковали снизить демографическое большинство фламандцев в Бельгии, территорию которой все более занимал фламандский язык. Эта причина породила отстаивание принципа территориальности⁵.

В ответ на фламандское движение и его желание учредить национальные двуязычные учреждения развивается валлонское движение, укрепляя франкоязычный блок Бельгии. В то время как фламандское движение особенно поддерживает христианскую партию, валлонское движение привлекает в основном либеральных и социалистических активистов, которые чувствуют себя меньшинством перед лицом большинства католической Фландрии. Валлонское движение также конструирует Валлонскую нацию. Оно берет в расчет ключевой элемент исторического национализма Бельгии: валлонское движение рассматривает бельгийскую революцию как праздник Валлонии, провозглашая, что именно кровь валлонцев была пролита в данном сражении. В данном случае, как и на примере фламандцев, выбор был сделан не случайно, он должен был интерпретироваться как символ оппозиции нидерландцев, который раскрывает позицию франкофонов в Бельгии. Таким образом, символами изменения Бельгии служили исторически сложившиеся лингвистические разногласия. Эти два движения возглавлялись представительствами своих народов⁶.

В данном случае не имеет значения численность фламандского и валлонского движения, так как именно они сыграли решающую роль в строительстве субнациональной идентичности, которая впоследствии стала основой для многих разногласий. Данное событие в свою очередь являлось основанием для бельгийского компромисса XX в., который ввел в бельгийское законодательство и политическую практику термин языковой самобытности.

Далее автор считает необходимым упомянуть четыре элемента соглашения, соответствующие трем ключевым моментам истории Бельгии.

Языковое и территориальное одноязычие

Существовало два варианта решения вопроса о признании равенства нидерландцев с французами: широкое двуязычие в национальном масштабе либо региональное одноязычие. Франкофонское меньшинство во Фландрии хотя и предпочитало статус-кво, двуязычие было предпочтительней одноязычия, способствуя большей защите французов во Фландрии.

Фламандское движение склонялось к решению, которое устанавливало целостность фламандской территории, несмотря на то, что многие фламандские политики изначально были не против широко распространенного двуязычия. Однако Валлонское движение не хотело принимать это решение, которое бы затрагивало характер одноязычия Валлонии (оно могло быть неблагоприятным для функционирования одноязычия французов).

Принцип территориальности был уже частично реализован в различных законах, регулирующих употребление языков начиная с 1920 г., но в этом контексте это был первый компромисс, признающий двуязычие. Таким образом, Закон Гентского университета, который до сих пор является

франкоязычным университетом, в 1923 г. вводит правило, по которому голландские студенты должны заниматься обучением две трети времени на нидерландском языке и треть времени на французском языке, и наоборот для франкоязычных студентов.

В 1930 г. Гентский университет был полностью нидерландоязычным, следуя принципу территориальности. Это отмечает начало законодательной деятельности, которая формально устанавливает принцип регионального одноязычия. Таким образом, нидерландофоны во фламандских муниципалитетах и французы в муниципалитетах Валлонии могут пользоваться единственным официальным языком в администрации (1932 г.), в начальном и среднем образовании (1932 г.) и в правосудии (1935 г.). И только 17 коммун Брюсселя получают официальный двуязычный статус. В историографии валлонское и фламандское движения воспринимаются как победители спора, а франкофоны Фландрии — как проигравшие⁷.

В то время как некоторые исключения еще сохраняются (в частности, в отношении образования), в случаях, когда применение закона было нежелательным, закон уже четко признает языковую однородность Фландрии и Валлонии. Однако было и 17 двуязычных муниципалитетов, где выбор закона об одноязычии не мог осуществляться, что часто порождало желание расширить территорию двуязычия, и это способствовало бельгийской концепции биполярности.

Фиксация лингвистической границы

Несмотря на то, что каждая коммуна имела свой языковой статус, Закон 1932 г. ввел правило изменения языкового статуса для коммун, находящихся около лингвистической границы, где языковая перепись (организуемая каждые десять лет) показывала, что большинство местных жителей говорят не на официальном языке. Муниципалитеты, где по крайней мере 30% населения говорило на другом языке, должны были переходить на систему защиты языкового меньшинства при помощи внедрения внешнего двуязычия и организации двуязычной учебной системы образования. Принцип территориальности был внедрен, но границы между территориями оставались мобильными.

Противоречия особенно проявились в переписи 1947 г. (результаты которой были опубликованы в 1954 г.), что удивительным образом увеличило франкоязычную половину в коммунах вокруг Брюсселя, по сравнению с переписью 1930 г.

В значительном числе муниципалитетов меньшинство населения франкофонов составляло от 30 до 50%. В 1954 г. три коммуны, бывшие первоначально фламандскими, присоединились к брюссельскому округу. Фламандцы видели в этом то, что система теряет целостность фламандских территорий и боялись, что они могли стать более ограниченными в правах в результате последующих переписей, опасаясь в долгосрочной перспективе демографической потери фламандского большинства⁸.

Эта постоянная «франциализация» фламандских коммун была причиной второго основополагающего принципа лингвистического соглашения: образование лингвистических границ, официально установленных в 1962 г. Таким образом, принцип территориальности был официально определен для четырех лингвистических регионов: нидерландского, французского, двуязычного и немецкого.

В то же время, в противоположность уменьшению 19 коммун Брюсселя, вводились исключения в виде прав на персональный язык, так называемое языковое упрощение, для защиты языковых меньшинств на местном уровне. Действи-

⁵ Zolberg A. The making of Flemings and Walloons: Belgium, 1830–1914 // The Journal of Interdisciplinary History. — Vol. 5. — № 2. — 1974. — P. 179–235.

⁶ Leton A., Miroir A. Les Conflits communautaires en Belgique. — Paris: PUF, 1999.

⁷ Sonntag S. K. The politics of compromise: the enactment of regional unilingualism // The International Journal of the Sociology of Language. — Vol. 104. — № 2. — 1993. — P. 9–30.

⁸ Leton A., Miroir A. Les Conflits communautaires en Belgique. — Paris: PUF, 1999.

тельно, в ряде городов, которые располагаются вдоль языковой границы, местные жители, если имеют на то желание, могут использовать другой язык вместо официальный языка администрации коммуны. Образование дошкольное и школьное может быть также организовано на выбранном языке, но с разрешения этих школ, что не распространяется на соседние языковые коммуны⁹.

Другим исключением является поддержание избирательного и юридического округа Брюсселя-Халле-Вилворда, который охватывает как двуязычные коммуны Брюсселя, находящиеся вокруг этого города, так и различные фламандские коммуны провинции Брабант. Это позволяет брюссельским кандидатам очень популярных партий франкофонов управлять голосами в периферии коммун (наравне с меньшинством франкофонов). Наиболее важные принципы, такие как существование лингвистических регионов, будут интегрированы при первом пересмотре Конституции в 1970 г.

Защита языкового меньшинства

Первая государственная реформа 1970 г. отмечается также введением третьего принципа лингвистического мира, где парламентская защита меньшинства проявилась на национальном уровне и в Брюсселе.

В самом деле, несмотря на «франциализацию» вокруг Брюсселя, демографическая эволюция на национальном уровне была благоприятна для фламандцев, поскольку происходило увеличение численности населения во фламандских провинциях. Этот факт был учтен с 1965 г., т.к. фламандские споры были очень многочисленны не только в Валлонии, но и в брюссельских сообществах (к последним относились также фламандские). Такая ситуация возникла у представителей франкофонов из-за опасений в уменьшении численности населения и просьб о поддержке в защите.

Отвечая на эту просьбу в 1970 г., первоначально национальный парламент делает разделение на две лингвистические группы. Начиная с этого момента каждый избранный должен был принадлежать к либо группе нидерландофонов, либо к группе франкофонов. Никому из избранных представителей нельзя было избежать этого общинного разделения, которое символически было нетривиально: национальные представители должны быть либо нидерландофонами, либо франкофонами. Компромисс поэтому проходит путем создания биполярности в национальном представительстве и через институционализацию языковой самобытности за счет национальной идентичности.

Создание парламентом этих языковых групп было необходимо для активации трех механизмов защиты, установленных в Конституции, которая предусматривала, что решения должны быть всегда приняты в консенсусе между общинами. В этом случае они вводят в этот лингвистический план систему демократического консенсуса, который определяется политологом А. Липпортом¹⁰.

Сначала за решения на институциональном уровне должны проголосовать в соответствии с законом, который говорит о «квалифицированном большинстве», где проголосовать должны две трети депутатов в Палате представителей и в Сенате, а также «двойное» большинство каждой языковой группы.

Затем применяется процедура, называемая «процедурой тревожного звонка»: в случае если менее четверти депутатов лингвистической группы считает, что проект закона идет против интересов их коммуны, они могут активировать эту

процедуру, которая остановит парламентское рассмотрение, и досье в конце концов возвращается на стол правительства.

И, в заключение, состав этого национального правительства отображает также необходимость в нахождении консенсуса, т.к. он состоит из равных частей: как министров нидерландофонов, так и франкофонов (за исключением премьер-министра)¹¹.

Наряду с этими механизмами, которые особенно защищают языковое меньшинство франкофонов на национальном уровне, вводится брюссельская агломерация механизмов в защиту меньшинств нидерландофонов.

Культурная и социально-экономическая федерализация

Окончательный пересмотр Конституции 1970 г. вводит модель языкового соглашения, которая выводит Бельгию на путь федерализма: наделение субнациональных образований некоторой автономией. Бельгийская федеральная система уникальна тем, что создала на одной территории два типа субъектов федерации, которые явились экстернализацией компромисса между фламандцами в области децентрализации на культурном уровне — перенесенными общинами — и валлонцами в области децентрализации на социально-экономическом уровне, во главе с регионами.

Это также институционализация, более объяснимая языковыми характеристиками, с записью о существовании трех общин (фламандской, валлонской и брюссельской) в бельгийскую Конституцию. Несмотря на то, что в Бельгии существует три общины, тот факт, что германоязычная община имеет только 60 000 жителей, не является действительным препятствием биполярной динамики.

В то же время создается три региона (Фландрия, Валлония и Брюссель). Сообщества с течением времени становятся компетентными в области культуры, образования, персонализации (здоровье, помощь людям) и языковой работы регионов в территориальной области, таких как пространственное планирование, окружающая среда и занятость. Существование коммун и регионов будет обозначено в ст. 1 бельгийской Конституции с 1993 г., когда Бельгия официально становится федеративным государством.

Институционализация трех регионов усиливает территориальное деление Бельгии. В то же время она ослабляет доминирование биполярности, сделав брюссельский регион практически независимым. Тем не менее необходимо отметить, что в культурном плане Брюссель не признается в качестве конкретного сообщества, и только фламандское сообщество имеет обширную компетенцию в области коммун брюссельского региона. Сообщество по-прежнему представлено как город, где сосуществуют фламандцы и франкофоны.

Четыре основных принципа лингвистического соглашения, упомянутые выше, не были вдохновлены связью территориальности и биполярности. Но имели значение именно эти основные критерии, которые можно рассматривать вместе: определение языкового региона, которое базируется на принципе одноязычия региона, разделение на коммуны политических представительств на национальном уровне, организация инструментов социализации (медиа, образование, культура), основанная на лингвистической базе или введении системы в Брюсселе или в коммунах франкофонов и фламандцев, компетенции в области связей.

Пристатейный библиографический список

1. Constitution Beige (Decretee le 7 fevrier 1831, revisee en 1893 et en 1920–1921) dans Sennelle R. Textes et

⁹ Constitution Beige (Decretee le 7 fevrier 1831, revisee en 1893 et en 1920–1921) dans Sennelle R. Textes et documents. Collection «Idees et etudes» // La reforme de L'Etat Beige. — Tome V. — № 336. — 1990.

¹⁰ Loi speciale du 8 aout 1980 de reformes institutionnelles. — (M.B., 15 aout 1980).

¹¹ Deschouwer K. «And the peace goes on? Consociational democracy and Belgian politics in the twenty-first century» // West European Politics (Special issue on the politics of Belgium). — Vol. 29. — № 5. — 2006. — P. 895–911.

- documents. Collection «Idées et études» // La reforme de L'Etat Beige. — Tome V. — № 336. — 1990.
2. Loi speciale du 8 aout 1980 de reformes institutionnelles. — (M.B., 15 aout 1980).
 3. Loi speciale du 16 juillet 1993 visant a achever la structure federale de l'Etat. — (M.B., 20 juillet 1993).
 4. Loi speciale du 5 mai 1993 sur les relations internationales des Communautés at des Regions. — (M.B., 8 mai 1993).
 5. Deschouwer K. «And the peace goes on? Consociational democracy and Belgian politics in the twenty-first century» // West European Politics (Special issue on the politics of Belgium). — Vol. 29. — № 5. — 2006.
 6. Leton A., Miroir A. Les Conflits communautaires en Belgique. — Paris: PUF, 1999.
 7. Lijphart A. Democracy in Plural Societies. — Yale University Press, 1980.
 8. Martiniello M. Culturalisation des différences, différenciation des cultures dans la politique belge, Paris, Centre d'études et de recherches internationales // Sciences Po. — 1998.
 9. Sinardet D. «Медиа и политика в вихре бельгийского турбулентного общества» // LITS, M. (dir.), Le vrai-faux journal de la RTBF. Les réalités de l'information. — Charleroi, Couleur Livres, 2007.
 10. Sonntag S. K. «The politics of compromise: the enactment of regional unilingualism», The International Journal of the Sociology of Language. — Vol. 104. — № 2. — 1993.
 11. Tollebeek J. «Historical representation and the Nation-State in romantic Belgium (1830–1850)» // Journal of the History of Ideas. № 59. — 1998.
 12. Uyttendaele M. «Федерализм региональный или федерализм коммунальный?», in DELPEREE, F. (dir.), La Constitution fédérale du 5 mai 1993. — Bruxelles: Bruylant, 1993.
 13. Wils L. Van Clovis tot Di Rupo. De lange weg van de natiën in de Lage Landen. — Antwerpen et Apeldoorn: Garant, 2005.
 14. Zolberg A. «The making of Flemings and Walloons: Belgium, 1830–1914» // The Journal of Interdisciplinary History. — Vol. 5. — № 2. — 1974.
 15. Loi speciale du 16 juillet 1993 visant a achever la structure federale de l'Etat. — (M.B., 20 juillet 1993).
 16. Loi speciale du 5 mai 1993 sur les relations internationales des Communautés at des Regions. — (M.B., 8 mai 1993).

Об авторе

Александр Михайлович СОЛНЦЕВ

Кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов. В 2005 г. с отличием окончил магистратуру РУДН по специальности «Международное право». В 2008 г. защитил кандидатскую диссертацию под руководством профессора А. Х. Абашидзе на тему «Роль международных судебных учреждений в разрешении международных экологических споров». Проходил стажировку в Университете Амстердама (University van Amsterdam, Нидерланды, 2001–2002 гг.) и в Управлении Верховного комиссара ООН по правам человека (Женева, 2012 г.). Член Российской ассоциации международного права. Сфера научных интересов: проблемы теории и практики международного права, в особенности вопросы международного экологического права, международного космического права, мирного разрешения споров; проблемы защиты прав человека; африканистика. Автор и соавтор более 150 работ, опубликованных в России и за рубежом.

А. М. Солнцев

СОВРЕМЕННОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
О ЗАЩИТЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Наше издательство предлагает следующие книги:

Издательская группа
URSS
Каталог изданий в Интернете:
<http://URSS.ru>
E-mail: URSS@URSS.ru

117335, Москва, Телефон / факс:
Нахимовский (многоканальный)
проспект, 56 +7 (499) 724 25 45

Справки и заказы на книги, а также обзорные материалы присылать по адресу: URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на веб-странице этой книги на сайте <http://URSS.ru>

А. М. Солнцев

**СОВРЕМЕННОЕ
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
О ЗАЩИТЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ
И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ
ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА**

Бухаров М. Я.

КРЕДИТНЫЕ ИСТОРИИ КАК МЕТОД МИНИМИЗАЦИИ ФИНАНСОВЫХ РИСКОВ ПРИ ВЫДАЧЕ БАНКАМИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КРЕДИТОВ

В статье рассматривается проблема эффективности законодательной минимизации финансовых рисков банков при выдаче ими потребительских кредитов. Анализируется современное законодательство, в частности — ФЗ «О кредитных историях», который преследует цель — сбор кредитных историй должников для минимизации кредитных рисков банков. Говорится о том, что для эффективной реализации ФЗ «О кредитных историях» необходимо внести поправки, которые поспособствуют достижению цели закона — минимизации кредитных рисков банков.

Ключевые слова: кредитные истории, потребительские кредиты, минимизация финансовых рисков банков.

Buharov M. Ya.

CREDIT HISTORIES AS A METHOD OF MINIMIZATION OF FINANCIAL RISKS IN THE COURSE OF GRANTING CONSUMER CREDITS BY BANKS

The article envisages the problem of efficiency of legislative minimization of banking financial risks in the course of granting consumer credits by them. The modern legislation, in particular the Federal law «On credit histories» which pursues the purpose of gathering credit histories of debtors for minimization of credit risks of banks is analyzed. It is noted that for effective realization of the Federal law «On credit histories» it is necessary to make amendments which will promote achievement of the purpose of the law — to minimize the credit risks of banks.

Keywords: credit histories, consumer credits, minimization of financial risks of banks.

Бухаров М. Я.

Выдачей потребительских кредитов в настоящее время занимаются не только традиционные финансовые институты — банки, ломбарды, но также и кредитные потребительские кооперативы. Но банки, в отличие от ломбардов и кредитных потребительских кооперативов, являются особыми субъектами финансового рынка, что подтверждается ФЗ РФ «О банках и банковской деятельности», в ст. 1 которого сказано: «Банк — кредитная организация, которая имеет исключительное право осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических лиц и юридических лиц, размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности, открытие и ведение банковских счетов физических лиц и юридических лиц»¹.

Банки, как и ломбарды и кредитные потребительские кооперативы, занимаются предпринимательской деятельностью, которая согласно ст. 2 ГК РФ есть «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке»². Основными фундаментальными операциями банков, направленными на получение прибыли, являются: 1) привлечение денежных средств физических лиц и юридических лиц на депозитные счета (пассивные операции) и 2) выдача кредитов физическим и юридическим лицам (активные операции)³. Деятельность по предоставлению физическим лицам потребительских кредитов ведется через офисы банковских учреждений, а также при помощи сети интернет.

Исходя из особого статуса, банковская деятельность не только лицензируется, чтобы соответствовать определенным законодательным условиям, но также и охраняется специальными законами от возможных предпринимательских рисков. Это показывает заинтересованность законодателя не столько в безопасности отдельного банка, сколько в создании устойчивой и стабильно функционирующей банковской системы.

Одним из таких законов можно назвать ФЗ РФ «О кредитных историях», благодаря которому с 2005 г. начали функционировать бюро кредитных историй в России. Основными целями этого закона, согласно п. 2 ст. 1, являются «создание и определение условий для формирования, обработки, хранения и раскрытия бюро кредитных историй информации, характеризующей своевременность исполнения заемщиками своих обязательств по договорам займа (кредита), повышения защищенности кредиторов и заемщиков за счет общего снижения кредитных рисков, повышения эффективности работы кредитных организаций»⁴.

Законодательно выделены Центральный каталог кредитных историй и бюро кредитных историй. Согласно пп. 6 и 8 ст. 3 «бюро кредитных историй — юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с законодательством Российской Федерации, являющееся коммерческой организацией и оказывающее в соответствии с настоящим Федеральным законом услуги по формированию, обработке и хранению кредитных историй, а также по предоставлению кредитных отчетов и сопутствующих услуг», «центральный каталог кредитных историй — структурное подразделение Банка России, которое ведет базу данных, создаваемую в соответствии с настоящим Федеральным законом для поиска бюро кредитных историй, содержащих кредитные истории субъектов кредитных историй»⁵. Такое разделение говорит о принадлежности к английской системе создания частных бюро кредитных историй, но с российским новшеством — Центральным каталогом бюро кредитных историй, созданным Центральным

¹ Федеральный закон РФ от 02 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — 05 февраля. — № 6. — Ст. 492.

² Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс РФ [Текст]: [федер. закон РФ: часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. — 1994. — 05 декабря. — № 32.

³ Маркова О. М. Банковские операции: учебник для бакалавров / О. М. Маркова, Н. М. Мартыненко, О. С. Рудакова, Н. В. Сергеева. — М.: Издательство Юрайт, 2012. — С. 29.

⁴ Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О кредитных историях» // Собрание законодательства РФ. — 2005. — 03 января. — № 1 (часть 1), ст. 1, п. 2.

⁵ Там же, ст. 3, пп. 6 и 8.

Банком. А. А. Вишневым отмечено существование трех систем бюро кредитных историй: 1) публичной во Франции, где бюро кредитных историй выступает официальным государственным органом; 2) частной в Англии, где бюро кредитных историй создаются частными лицами, без существования государственного регистратора и 3) смешанной в Германии, где существует и государственный орган, и частные бюро кредитных историй⁶.

А. А. Вишневым также выделяется момент соответствия системы построения бюро кредитных историй и влияние выбора системы на защиту определенных интересов. Так, при функционировании публичной системы бюро кредитных историй делается акцент на защиту общесистемного финансового риска, тогда как при функционировании исключительно частных бюро кредитных историй акцент делается на защиту частных интересов банков⁷. В первом случае, при публичной системе, защищаются интересы государственные, а во втором случае, без вмешательства государства, — частные, поскольку частные бюро кредитных историй преследуют цель заключения как можно с большим количеством банков договоров на оказание информационных услуг, чтобы своевременно им предоставлять за деньги информацию о неблагонадежных заемщиках.

Исходя из модели создания системы бюро кредитных историй и особенностей защиты интересов в России, следует сказать о том, что цели ФЗ РФ «О кредитных историях» не могут быть в полной мере реализованы ввиду содержания пп. 3 и 4 ст. 5. В этих пунктах говорится: «3. Кредитные организации обязаны представлять всю имеющуюся информацию, определенную статьей 4 настоящего Федерального закона, в отношении всех заемщиков, давших согласие на ее представление, в порядке, предусмотренном настоящей статьей, хотя бы в одно бюро кредитных историй, включенное в государственный реестр бюро кредитных историй» и «4. Источник формирования кредитной истории представляет информацию в бюро кредитных историй только при наличии на это письменного или иным способом документально зафиксированного согласия заемщика. Согласие заемщика на представление информации в бюро кредитных историй может быть получено в любой форме, позволяющей однозначно определить получение такого согласия»⁸.

То есть в законе, цель которого заключена в аккумулировании кредитных историй заемщиков для минимизации кредитных рисков, как общесистемных, так и частных, пре-

пятствием являются пп. 3 и 4 ст. 5, в соответствии с которыми информация может быть направлена в бюро кредитных историй только при согласии заемщика. Несмотря на существование таких положений, предусматривающих согласие заемщика на предоставление его кредитной истории в бюро кредитных историй, ответственность для заемщика при отказе от такого согласия не предусмотрена.

Для полной и эффективной реализации целей ФЗ РФ «О кредитных историях» представляется необходимым внести поправки в пп. 3 и 4 ст. 5, сделав согласие заемщиков на предоставление их кредитной истории в бюро кредитных историй не правом, а обязанностью. Такая поправка в ФЗ РФ «О кредитных историях» позволит не только в полной мере исполнять цели его создания — минимизацию публичных и частных финансовых рисков, но и создаст предпосылки для реализации банками предоставления кредитов через интернет, без посещения офисов потенциальными клиентами. Ведь на данный момент банки осуществляют только сбор заявок через интернет на получение кредита, но не предоставляют кредиты потенциальным клиентам без посещения банков напрямую. Благодаря поправке реализовалась бы возможность — иметь абсолютно всю информацию по кредитам всех физических и юридических лиц в электронном виде, что позволило бы банкам начать одобрять и предоставлять кредиты «on-line» (то есть в сети интернет) за счет того, что у банков был бы доступ к электронной базе с кредитными историями всех потенциальных заемщиков. Также сократилось бы время на получение одобрения кредита потенциальным заемщиком, поскольку вся необходимая информация о нем была бы доступна банкам.

Пристатейный библиографический список

1. Вишневы А. А. Современное банковское право: банковско-клиентские отношения: Сравнительно-правовые очерки. — М.: Статут, 2013.
2. Маркова О. М. Банковские операции: учебник для бакалавров / О. М. Маркова, Н. М. Мартыненко, О. С. Рудакова, Н. В. Сергеева. — М.: Издательство Юрайт, 2012.
3. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс РФ: [Федер. закон РФ: часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. — 1994. — 05 декабря. — № 32.
4. Федеральный закон от 02 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — 05 февраля. — № 6. — Ст. 492.
5. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О кредитных историях» // Собрание законодательства РФ. — 2005. — 03 января. — № 1 (часть 1). — Ст. 44.

⁶ Вишневы А. А. Современное банковское право: банковско-клиентские отношения: Сравнительно-правовые очерки. — М.: Статут, 2013. — С. 197–199.

⁷ Там же. — С. 199.

⁸ Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О кредитных историях» // Собрание законодательства РФ. — 2005. — 03 января. — № 1 (часть 1), ст. 5 пп. 3 и 4.

Егоров В. С.

ПАЕВОЙ ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ФОНД КАК ОПТИМАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ КОЛЛЕКТИВНОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проведен анализ преимущества юридической конструкции паевого инвестиционного фонда как механизма коллективного инвестирования. Выявлена проблема в дефиниции паевого инвестиционного фонда, рассмотрено соотношение гражданского и специального законодательства, регулирующего его правовой режим. Дано авторское определение паевого инвестиционного фонда.

Ключевые слова: паевой инвестиционный фонд, коллективное инвестирование, управляющая компания, преимущества паевых инвестиционных фондов, доверительное управление, имущественные комплексы.

Egorov V. S.

UNIT INVESTMENT FUNDS AS THE OPTIMAL VEHICLE FOR COLLECTIVE INVESTMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the advantages of legal structure of unit investment fund as a collective investment vehicle. A problem in definition of unit investment fund is identified, the correlation of civil and special legislation regulating its legal status is considered. Author's definition of unit investment fund is given.

Keywords: unit investment fund, collective investment, management company, unit investment funds advantages, trust management, property complexes.

Egorov V. S.

Развитие международного финансового центра (далее — МФЦ) является одной из приоритетных задач, решение которой необходимо для устойчивого развития России. МФЦ нуждается в прозрачных и надежных правовых конструкциях коллективного инвестирования, позволяющих привлекать средства инвесторов и размещать их на рынках капитала. В связи с этим представляется целесообразным проведение анализа паевого инвестиционного фонда (далее — ПИФ) как основного механизма коллективного инвестирования.

ПИФы обычно используются для инвестирования в активы, чья потенциальная доходность значительно выше традиционных низкорискованных способов вложений (к примеру, депозитов). Общеизвестным является принцип, что уровни доходности и риска имеют прямую корреляцию (чем выше доходность, тем выше и риск). В этой связи интересно проанализировать юридические гарантии инвесторов, предусмотренные действующим законодательством. Управление экономическими рисками зависит от управляющей компании и инвестиционной стратегии, которой она придерживается, а юридические риски определяются действующим законодательством.

Ключевой гарантией прав и интересов пайщиков (инвесторов) является сохранение за ними права собственности на имущество, переданное в ПИФ¹. Таким образом, исключается риск обращения взыскания на имущество ПИФа в случае банкротства управляющей компании. Данное положение получило особую актуальность на волне массового отзыва банковских лицензий². В случае банкротства банка или отзыва его лицензии страдают прежде всего крупные вкладчики и держатели его облигаций, которые по сути не получают возможность возместить хотя бы часть своих средств. Указанный риск исключается в случае банкротства управляющей компании ПИФа.

Одновременно с этим конструкция доверительного управления ПИФом позволяет осуществлять все фактические и юридические действия, необходимые для инвестирования

его средств (п. 3 ст. 11 ФЗ «Об инвестиционных фондах»). Однако стоит отметить, что управляющая компания ПИФа ограничена в действиях, совершаемых ею в качестве доверительного управляющего. Данные ограничения оправданы, так как они направлены, прежде всего, на исключение риска злоупотребления со стороны управляющей компании и диверсификации инвестиций (ст. 40 ФЗ «Об инвестиционных фондах»). Данные ограничения носят исключительно положительный характер, обеспечивая интересы инвесторов.

Доверительное управление ПИФом осуществляет только специальный субъект — управляющая компания. Деятельность последней подлежит лицензированию, которое является гарантом достаточной квалификации сотрудников управляющей компании, что необходимо для осуществления доверительного управления. Дополнительно контроль за деятельностью управляющей компании проводится Банком России.

Однако, наряду с очевидными преимуществами конструкции ПИФа, есть недостатки в его правовом регулировании, которые необходимо выявить и устранить.

В частности, стоит отметить, что правовое регулирование отношений по формированию и использованию такой формы коллективного инвестирования, как ПИФ, отличается комплексным характером. Так, основу регулирования составляет специальный федеральный закон — ФЗ «Об инвестиционных фондах» и Гражданский кодекс РФ, дополняемые многочисленными актами, принятыми Федеральной службой по финансовым рынкам³.

¹ См.: п. 1 ст. 10 ФЗ РФ от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 49 (от 3 декабря). — Ст. 4562.

² См.: Дементьева С. Дан приказ ему на запад [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/2457405>.

³ См., напр.: Приказ Федеральной службы по финансовым рынкам от 15 апреля 2008 г. № 08-17/пз-н «Об учете прав на инвестиционные паи паевых инвестиционных фондов»; Методические рекомендации об особенностях государственной регистрации прав на недвижимое имущество, находящееся в составе паевого инвестиционного фонда, и сделок с ним, утвержденные приказом Федеральной регистрационной службы от 25 июля 2007 г. № 157; Приказ Федеральной службы по финансовым рынкам от 22 мая 2008 г. № 08-20/пз-н «О требованиях к срокам приема заявок на приобретение и погашение инвестиционных паев закрытого паевого инвестиционного фонда и порядке выплаты денежной компенсации при погашении инвестиционных паев закрытого паевого инвестиционного фонда»; Положение о дополнительных требованиях к порядку подготовки, созыва и проведения обще-

Обращает на себя внимание текстуальная неточность формулировки связи ГК РФ и ФЗ «Об инвестиционных фондах». Так, в соответствии с ФЗ «Об инвестиционных фондах» под паевым инвестиционным фондом понимается обособленный имущественный комплекс, состоящий из имущества, переданного в доверительное управление управляющей компании учредителем (учредителями) доверительного управления с условием объединения этого имущества с имуществом иных учредителей доверительного управления, и из имущества, полученного в процессе такого управления, доля в праве собственности на которое удостоверяется ценной бумагой, выдаваемой управляющей компанией.

Из приведённого определения следует, что ПИФом может признаваться только такой имущественный комплекс, который формируется и управляется через договорный институт доверительного управления и существует до тех пор, пока сохраняют силу отношения по доверительному управлению. Иными словами, признак нахождения имущественного комплекса в доверительном управлении является существенным для определения понятия ПИФа. Соответственно, если говорить о ПИФах во взаимосвязи п. 4 ст. 1012 ГК РФ и п. 1 ст. 10 ФЗ «Об инвестиционных фондах», то возникает несколько парадоксальная ситуация, а именно: ГК РФ определяет (п. 4 ст. 1012), особенности доверительного управления имущественным комплексом, передаваемым в доверительное управление и предполагающим данный аспект как существенный признак, что лишено всякой логики. В этой связи целесообразно говорить об особенностях правового режима ПИФа, который уже включает в себя в качестве конструктивного элемента наличие доверительного управления имущественным комплексом.

Логическая связь понятий «доверительное управление» и «паевой инвестиционный фонд» транслируется далее в ФЗ «Об инвестиционных фондах» и ряде других подзаконных нормативных актов, где говорится о правилах доверительного управления ПИФом и т.п. По нашему мнению, если доверительное управление как договорная форма является той самой специфической юридической конструкцией ПИФа как имущественного комплекса и отделяет его от иных имущественных комплексов как объектов гражданских прав, включая иные инвестиционные фонды, то выражение «доверительное управление ПИФом» является неточным, так как не учитывает существенный признак ПИФа. Соответственно, более точным является использование сочетаний «особенности правового режима ПИФа» как объекта гражданских прав.

Для устранения текстуального противоречия в использовании понятий «паевой инвестиционный фонд» и «доверительное управление», а также ввиду того, что определение ПИФа, данное в ст. 10 ФЗ «Об инвестиционных фондах», по нашему мнению, размывает грани между понятиями «инвестиционный фонд» и «договор доверительного управления», предлагается следующее определение понятия «паевой инвестици-

онный фонд» и соответственно авторская редакция п. 1 ст. 10 ФЗ «Об инвестиционных фондах»: «Паевой инвестиционный фонд — обособленный имущественный комплекс, предназначенный для осуществления инвестиционной деятельности исключительно в интересах физических и юридических лиц, находящийся в их общей долевой собственности, доли которых удостоверяются ценной бумагой — инвестиционным паем.

Паевой инвестиционный фонд передаётся в доверительное управление управляющей компании, пользование и распоряжение которым осуществляются управляющей компанией исключительно в интересах учредителей доверительного управления.

Учредителем (учредителями) доверительного управления являются физические и юридические лица, в общей долевой собственности которых находится паевой инвестиционный фонд.

Имущество и имущественные права учредителя (учредителей) доверительного управления передаются в доверительное управление управляющей компании на условиях объединения этого имущества и имущественных прав с имуществом и имущественными правами иных учредителей доверительного управления, а также имуществом и имущественными правами, полученными в процессе такого управления».

Таким образом, понятие «доверительное управление» в текстуальном плане обособляется от понятия «паевой инвестиционный фонд» в тексте ФЗ «Об инвестиционных фондах» и принятых в соответствии с ним нормативно-правовых актах. Кроме этого, в предлагаемом определении выделяется, что доверительное управление является исключительной договорной формой, посредством которой паевой инвестиционный фонд формируется и используется для реализации инвестиционных целей собственников (пайщиков), но не смешивается непосредственно с понятием ПИФа как обособленного имущественного комплекса.

Паевой инвестиционный фонд является оптимальной структурой коллективного инвестирования, которая исключает риск утраты имущества в связи с обращением взыскания по обязательствам управляющей компании, позволяя при этом осуществлять все фактические и юридические действия, необходимые для инвестирования средств пайщиков.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 49 (от 3 декабря). — Ст. 4562.
2. Приказ Федеральной службы по финансовым рынкам от 22 мая 2008 г. № 08–20/пз-н «О требованиях к срокам приема заявок на приобретение и погашение инвестиционных паев закрытого паевого инвестиционного фонда и порядке выплаты денежной компенсации при погашении инвестиционных паев закрытого паевого инвестиционного фонда» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2008. — № 25 (от 23 июня).
3. Дементьева С. Дан приказ ему на запад [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/2457405>.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (по состоянию на 01.08.2013 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5.

го собрания владельцев инвестиционных паев закрытого паевого инвестиционного фонда (утв. приказом Федеральной службы по финансовым рынкам от 7 февраля 2008 г. № 08–5/пз-н); Приказ Федеральной службы по финансовым рынкам от 21 декабря 2006 г. № 06–154/пз-н «Об утверждении Положения о регистрации правил доверительного управления паевыми инвестиционными фондами и изменений и дополнений в них»; Приказ Федеральной службы по финансовым рынкам от 28 декабря 2010 г. № 10–79/пз-н «Об утверждении Положения о составе и структуре активов акционерных инвестиционных фондов и активов паевых инвестиционных фондов» и др.

Игбаева Г. Р.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО ОМБУДСМЕНА В СФЕРЕ СТРАХОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Начавшийся процесс институционализации финансового омбудсмена в сфере страховой деятельности свидетельствует о скором его развитии и внедрении в правовое пространство России. Развитие института финансового уполномоченного в сфере страховой деятельности должно основываться на учете и анализе условий процесса институционализации. На основе их анализа требуется выработать стратегию, подготовить законодательную базу и полный сценарий внедрения механизма. Только такой подход позволит органично внедрить институт страхового омбудсмена в российскую действительность.

Ключевые слова: институционализация, финансовый омбудсмен, страховой омбудсмен, страховые споры, досудебный порядок.

Igbaeva G. R.

INSTITUTIONAL CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF THE FINANCIAL OMBUDSMAN IN THE SPHERE OF INSURANCE ACTIVITY

The process of institutionalization of the financial Ombudsman in the sphere of insurance activity marks its development and implementation in the legal space of Russia. Its development shall be based on the consideration and analysis of the process of institutionalization. It is required to develop a strategy, prepare the legal framework and the full script of the implementation mechanism on the basis of their analysis. Only this approach will allow to seamlessly implement the insurance Ombudsman in the Russian reality.

Keywords: institutionalization, the financial Ombudsman, the insurance Ombudsman, insurance disputes, pre-trial procedure.

Игбаева Г. Р.

Создание института финансового омбудсмена все ближе к финальной стадии. Начавшийся процесс институционализации финансового омбудсмена в сфере страховой деятельности свидетельствует о скором его развитии и внедрении в правовое пространство России. Развитие института финансового уполномоченного в сфере страховой деятельности должно основываться на учете и анализе условий процесса институционализации.

Одним из необходимых условий появления новых институтов служит соответствующая социальная потребность. При этом можно говорить как об объективной, так и о субъективной ее разновидностях.

Объективная потребность состоит в понимании того, что альтернативное разрешение страховых споров является вспомогательной для правосудия системой, позволяющей разгрузить судебную систему и обеспечить ее эффективное функционирование.

За прошлый год число судебных споров по страхованию достигло почти 600 тыс.¹. Подобный вал страховых споров свидетельствует о явных пробелах соответствующего законодательства, позволяющих страховщикам попирает принцип добросовестности по каждому договору страхования, ущемляя права другой стороны, особенно по массовым видам страхования с участием непрофессиональных субъектов гражданского оборота.

Однотипные нарушения со стороны страховщиков по договорам обязательного страхования могут быть объяснены отсутствием эффективных способов защиты прав другой стороны.

Субъективная потребность заключается в наличии возможности выбора того или иного способа урегулирования спора. В отличие от многих зарубежных стран в России до сих пор наиболее распространенной является судебная форма защиты нарушенных прав, хотя Конституция РФ предоставляет возможность гражданам самостоятельно защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ).

Как справедливо отмечает В. Ф. Яковлев, «судебное решение не означает прекращения конфликта, оно означает только прекращение спора»². Необходимы иные способы урегулирования конфликтов, в частности медиация, институт омбудсмена.

Государственный суд зачастую не является оптимальным для сторон спора средством разрешения их конфликта. Сложившаяся практика доведения споров до судов в подавляющем числе случаев не позволяет сохранять отношения между страховщиком и его клиентом, приводит к потере клиента и создает в общей потребительской массе негативные отношения к представителям страхового бизнеса³.

Страховое законодательство не предусматривает специальных средств защиты прав страхователей и третьих лиц в обязательном страховании, связанных с использованием альтернативных способов.

В ряде зарубежных стран существует практика рассмотрения претензий и выработки соглашений между спорящими сторонами в специально созданных организациях. Действуют институты уполномоченных по правам страхователей (омбудсменов) в Армении, Великобритании.

В большинстве стран института финансового омбудсмена рассматривает споры с кредитными, страховыми, залоговыми (т.н. ломбардами) организациями, кредитными союзами. Причем в Германии сферы профессиональной деятельности омбудсменов разделены и существуют отдельно банковские, отдельно страховые омбудсмены. Большинство стран переняли опыт Германии⁴.

Положительный опыт применения отдельных внесудебных способов защиты свидетельствует об огромном его потенциале в сфере страхования, особенно массовых его видах (преимущественно обязательном). Опыт работы института финансового омбудсмена, который создал Ассоциация

¹ Верховный Суд и ЦБ поддержали досудебное урегулирование в ОСАГО [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://news.mail.ru/politics/17693248/>

² Вениамин Яковлев призвал адвокатов развивать примирительные процедуры [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/05/16/forum-site-anons.html>

³ Игбаева Г. Р. Перспективы внесудебных способов защиты в сфере обязательного страхования // Евразийский юридический журнал.— 2014.— № 1.

⁴ Там же.

российских банков (АРБ), также подтверждает его высокую эффективность. По словам Г. А. Тосуняна, «80% претензий потребителей снимаются после того, когда по телефону обстоятельно объясняют причины конфликтов. Подобным образом было урегулировано свыше 4 из более чем 8 тысяч обращений. Еще около 400 споров было урегулировано в досудебном порядке — путем переговоров между потребителем и банком или в результате обращения омбудсмена в кредитную организацию»⁵.

Вторым условием, свидетельствующим об образовании социального института, является наличие особой культурной среды. Прежде всего, речь идет о системе ценностей, этических норм, образцов деятельности. Эта система гарантирует сходное поведение людей, согласовывает и направляет их определенные устремления, устанавливает способы удовлетворения их потребностей, т. е. должна сформироваться определенная субкультура.

В отношении к институту омбудсмена в сфере страхования это условие институционализации пока находится в зачаточном состоянии. Защита прав с помощью альтернативных процедур еще не стала нормой поведения, не заняла своего места в системе ценностей.

Наконец, третьим условием, свидетельствующим о формировании социального института, является наличие необходимых ресурсов (материальных, финансовых, трудовых, организационных), которые общество должно стабильно пополнять.

Для института омбудсмена в сфере страхования это условие должно выражаться в наличии и широком предложении услуг по урегулированию споров с помощью квалифицированных специалистов, имеющих определенный опыт работы в сфере страхования и осуществляющих свою деятельность как независимая структура, наличие соответствующей законодательной базы. Следует констатировать, что и это условие сегодня отсутствует.

Россия, как и отдельные зарубежные страны, не имеет законодательного регламентирования института омбудсмена. Институт находится на саморегулировании. При рассмотрении гражданско-правовых споров общественный примиритель на финансовом рынке (финансовый омбудсмен) руководствуется Регламентом общественного примирителя на финансовом рынке (финансового омбудсмена) и Положением об общественном примирителе на финансовом рынке (финансовом омбудсмене)⁶.

Внедрение обсуждаемого механизма урегулирования страховых споров требует единой, слаженной инициативы со стороны страховых организаций, Минфина, России, Банка России, судебных и законодательных органов, научных специалистов по страховому праву, частных юристов и адвокатов.

Страховое сообщество оценивает его неоднозначно. Наиболее практичные шаги для создания института страховых омбудсменов в России были предприняты со стороны государства.

Целесообразность развития обсуждаемого механизма была отмечена в Стратегии развития страховой отрасли в Российской Федерации на 2008–2012 годы, разработанной Минфином России.

Создание эффективных механизмов досудебного урегулирования споров в сфере страхования, в частности института страхового омбудсмена, обозначено в качестве одной из задач развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 г.⁷

Из стратегии остается неясно, планируется ли создание самостоятельного института страхового омбудсмена или в рамках института финансового омбудсмена, ведь в задачах Стратегии используется термин «страховой омбудсмен», а в разделе 10 «Защита прав потребителей страховых услуг, повышение страховой культуры, популяризации страхования» — «финансовый омбудсмен».

В июле 2012 г. Минфин России вместе с Ассоциацией российских банков начал разработку проекта закона «О финансовом уполномоченном по правам потребителей услуг финансовых организаций»⁸. За основу был взят Закон об институте омбудсмена Республики Армения. Законопроект определяет правовой статус и компетенцию финансового уполномоченного (финансового омбудсмена), порядок рассмотрения им заявлений граждан и урегулирования споров, структуру и порядок финансирования службы финансового омбудсмена⁹. Данный законопроект предусматривает создание Службы финансовых уполномоченных, являющейся по организационно-правовой форме автономной некоммерческой организацией и состоящей из финансовых омбудсменов по сферам деятельности финансовых организаций.

Ряд экспертов высказывают мнение, что омбудсмен может стать дополнительным препятствием на пути страхователей к правосудию и замедлит защиту их интересов. В частности, Д. Спицын отмечает, что «такая новация — это явный ход в пользу страховщиков. Для граждан омбудсмен станет дополнительным барьером на пути к правосудию. В результате до суда дойдет далеко не каждый недовольный клиент. А значит, в гораздо меньшей степени будут работать потребительские штрафы и неустойки»¹⁰.

Омбудсмен должен быть независим от страховщиков и от страхователей, но обладать при этом очень широкими полномочиями. Н. Г. Часовикова справедливо отмечает, что данный институт может стать, с одной стороны, действенным средством механизма защиты прав страхователей, с другой — очередным бюрократическим институтом, создающим проблемы как страховщикам, так и клиентам¹¹.

Много вопросов порождает финансирование деятельности уполномоченного. Законопроект предусматривает, что она будет финансироваться за счет Центробанка и участников финансовых рынков. Страховщик, решивший присоединиться к Страховому бюро Финансового омбудсмена, должен будет сделать вступительный взнос, а затем уплачивать специальный ежегодный взнос. Размер взносов предполагается рассчитывать как процент от годового членского взноса в ВСС. При этом он должен быть не менее 60 тыс. и не более 500 тыс. руб.¹²

В Германии обязательным к исполнению является решение омбудсмена по делам с суммой иска до 5 тыс. евро. Причем решение обязательно только для организации, а потребитель может в случае несогласия обратиться в суд. В России аналогичная система также будет удобна. Законопроект предлагает, что омбудсмен будет рассматривать страховые споры, сумма которых не превышает 100 тыс. руб. В эту сумму входят все споры по ОСАГО, большинство конфликтов по КАСКО,

ской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 31. — Ст. 4255.

⁸ О создании института финансового омбудсмена (уполномоченного) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.minfin.ru/ru/regulation/bank/Inst-fin-omb/>

⁹ Экспертное мнение о проекте см.: Иванов О. М. Правовая природа и обязательность решений финансового омбудсмена // Арбитражный и гражданский процесс. — 2013. — № 1. — С. 2–8.

¹⁰ <http://www.asn-news.ru/blogs/93/post/665>

¹¹ Часовикова Н. Г. Страховой омбудсмен: есть ли шансы на успех? // <http://www.insur-info.ru/comments/720>.

¹² Кого защитит «обязательный» омбудсмен? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.asn-news.ru/news/46368#ixzz31hR19b1A>

⁵ Тосунян Г. А. Зачем нам омбудсмен // Банковское обозрение. — 2012. — № 10. — С. 20–22.

⁶ Вестник Ассоциации российских банков. — 2010. — № 18.

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 22.07.2013 № 1293-р «Об утверждении Стратегии развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 года».

а также мелкие страховые случаи по имуществу и здоровью. Обращение к нему будет обязательным для граждан — потребителей страховых услуг перед обращением в суд.

Особое внимание должно быть уделено обеспечению гарантий исполнения принимаемых уполномоченными решениями. Законопроект их не предусматривает. Цель омбудсмена — эффективная защита прав потребителя финансовых услуг путем оперативного вынесения решения по спору — будет достигнута лишь в том случае, если его решение будет исполнено финансовой организацией. Представляется, что для гарантирования исполнения решения уполномоченного, их необходимо приравнять к исполнительным листам и законодательно должно быть закреплено право сторон на обращение для исполнения к Федеральной службе судебных приставов. Данная поправка разгрузила бы судебную систему и решила бы вопрос о реализации решений, принятых уполномоченными по рассмотренным спорам.

Как отмечает К. А. Гацалов, «оценивая перспективы развития института страхового омбудсмена, следует учитывать существующие в России препятствующие обстоятельства: отсутствие намерений у большинства страховщиков, низкий уровень доверия, правовой и страховой культуры населения, отсутствие эффективных рычагов по принуждению сторон спора к исполнению решения примирителя и другие»¹³.

Идея развития системы защиты интересов лиц, участвующих в отношениях по страхованию, заслуживает тщательного изучения. Основная проблема в этой сфере — противоречивое законодательство. Оно создает проблемы не только для страхователей, но и для страховщиков, органов страхового надзора, судов.

В такой правовой ситуации страховому омбудсмену будет очень сложно работать, беспристрастно разбираться в деле. Судебная практика в отношении страхования противоречива. Страховой омбудсмен будет работать в том же правовом пространстве, что и суды. Но судебная система и омбудсмен вряд ли смогут себе позволить различия мнений.

Основной целью должно быть снижение числа споров в страховании не за счет введения новых институтов, а за счет совершенствования страхового законодательства. Цель должна быть связана с созданием условий для минимизации таких споров.

Требуется учитывать все условия институционализации, на основе их анализа выработать стратегию, подготовить зако-

дательную базу и полный сценарий внедрения механизма. Только такой подход позволит органично внедрить институт страхового омбудсмена в российскую действительность.

Пристатейный библиографический список

1. Вениамин Яковлев призвал адвокатов развивать примирительные процедуры [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/05/16/forum-site-anons.html>
2. Верховный Суд и ЦБ поддержали досудебное урегулирование в ОСАГО [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.mail.ru/politics/17693248/>
3. Гацалов К. А. Страховой омбудсмен в России: возможные пути и перспективы развития // Юридическая и правовая работа в страховании. — 2010. — № 2.
4. Игбаева Г. Р. Перспективы внесудебных способов защиты в сфере обязательного страхования // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 1.
5. Кого защитит «обязательный» омбудсмен? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.asn-news.ru/blogs/93/post/665>
6. О создании института финансового омбудсмена (уполномоченного) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.minfin.ru/ru/regulation/bank/Inst-fin-omb/>
7. Распоряжение Правительства РФ от 22.07.2013 № 1293-р «Об утверждении Стратегии развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 31. — Ст. 4255.
8. Регламент общественного примирителя на финансовом рынке (финансового омбудсмена) и Положение об общественном примирителе на финансовом рынке (финансового омбудсмена) // Вестник Ассоциации российских банков. — 2010. — № 18.
9. Страховщикам предложат омбудсмена на пробу [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.asn-news.ru/news/46368#ixzz31hR19b1A>
10. Тосулян Г. А. Зачем нам омбудсмен // Банковское обозрение. — 2012. — № 10.
11. Часовикова Н. Г. Страховой омбудсмен: есть ли шансы на успех? // <http://www.insur-info.ru/comments/720>.
12. Экспертное мнение о проекте см.: Иванов О. М. Правовая природа и обязательность решений финансового омбудсмена // Арбитражный и гражданский процесс. — 2013. — № 1.

¹³ Подробно см. Гацалов К. А. Страховой омбудсмен в России: возможные пути и перспективы развития // Юридическая и правовая работа в страховании. — 2010. — № 2.

Читайте

ЧЕШСКИЙ ЕЖЕГОДНИК МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Выпуск –2. Прага – 2011.

Выходит на английском языке

Инсур Фархутдинов

Иностраный инвестор

и принимающее государство: необходим баланс интересов (с. 231–248),

а также и другие статьи по правовому режиму иностранных инвестиций.

Insur Zabirovich Farkhutdinov
**Foreign Investor
and Host State:
Need for Balance
Interests**

Key words:
globalization |
international law |
State sovereignty |
foreign investments
| host state |
liberalization | TNC |
Calvo clause | ICSID |
Most Favoured Nation
| National Treatment

Посулихина Н. С.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ НАРУШЕНИИ ЛИЦЕНЗИОННЫХ ТРЕБОВАНИЙ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В статье рассмотрены некоторые аспекты административной ответственности при нарушении лицензионных требований в сфере здравоохранения, исследована нормативно-правовая база, устанавливающая административную ответственность за нарушение лицензионных требований в сфере здравоохранения Российской Федерации.

Ключевые слова: лицензия, административная ответственность, медицинская деятельность.

Posulikhina N. S.

SOME ASPECTS OF ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR VIOLATION OF THE LICENSING REQUIREMENTS IN THE HEALTH CARE SPHERE

The article discusses some aspects of administrative liability for violation of the licensing requirements in the health care sphere, the legal basis establishing the administrative liability for violation of the licensing requirements in the health care sphere of the Russian Federation is studied.

Keywords: license, administrative liability, medical activity.

Посулихина Н. С.

Осуществление государственной власти всегда связано с реализацией функций государства. Одной из важнейших функций государства, в особенности социального, которым согласно ст. 7 Конституции Российской Федерации¹ провозглашается Россия, является создание системы независимой оценки качества социальных учреждений, в том числе в сфере здравоохранения. Этот механизм позволит решить поставленную задачу в случае разработки эффективной модели лицензирования медицинской деятельности. В последние годы многое удалось сделать для развития здравоохранения. Выросла продолжительность жизни. Снижается смертность от сердечно-сосудистых заболеваний. Но мы по-прежнему далеки от нужных показателей.

Главной целью государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»² провозглашается обеспечение доступности медицинской помощи и повышение эффективности медицинских услуг, объемы, виды и качество которых должны соответствовать уровню заболеваемости и потребностям населения, передовым достижениям медицинской науки. Одним из технических средств, призванных повысить доступность медицинских услуг для населения, является запись на прием к врачу в электронном виде. Для определения эффективности проводимых технических мероприятий был проведен опрос граждан, столкнувшихся с теми или иными трудностями при использовании сервиса «Запись на прием к врачу в электронном виде»³. По данным проведенного опроса большинство респондентов указали на проблемы в работе порталов/систем записи на прием к врачу в субъектах Российской Федерации; второй по значимости недостаток связан с отсутствием актуальных расписаний медицинских учреждений. Также среди прочих препятствий получения доступной квалифицированной медицинской помощи указаны такие, как отказ в приеме, проблемы в работе портала госуслуги.ру и другие трудности (см. рис. 1).

Рис. 1. С какими трудностями Вы столкнулись при использовании сервиса «Запись на прием к врачу в электронном виде»?

Таким образом, данные опроса указывают на наличие системных дефектов в механизме создания необходимой инфраструктуры в системе электронной записи на прием к врачу в субъектах Российской Федерации, что ограничивает доступ граждан к квалифицированной медицинской помощи.

В государственной программе по развитию здравоохранения ставится вопрос не только об обеспечении доступности медицинской помощи, но и о повышении качества предоставляемых услуг. Основной гарантией получения качественной медицинской помощи в лечебной организации является наличие у нее специального разрешения (лицензии).

Например, очень распространенным нарушением действующего законодательства в настоящее время является самостоятельное проведение какой-либо организацией обязательных медицинских осмотров работников при отсутствии у нее лицензии на соответствующие виды медицинской деятельности. На основании ч. 1 ст. 213 Трудового кодекса Российской Федерации⁴ работники, занятые на тяжелых работах и на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, а также на работах, связанных с движением транспорта, проходят обязательные предварительные (при поступлении на работу) и периодические медицинские осмотры для определения пригодности этих работников для выполнения поручаемой работы

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. — 03.03.2014. — № 9. — Ст. 851.

² См.: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 294 Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» // СЗ РФ. — 28.04.2014. — № 17. — Ст. 2057.

³ Сайт ОФ «Министерство здравоохранения Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rosminzdrav.ru>.

⁴ См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. — 07.01.2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.

и предупреждения профессиональных заболеваний. В соответствии с медицинскими рекомендациями указанные работники проходят внеочередные медицинские обследования.

Как следует из ч. 2 ст. 212 и ч. 7 ст. 213 Трудового кодекса Российской Федерации, работодатель обязан в случаях, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, организовать за счет собственных средств проведение обязательных предварительных (при поступлении на работу) и периодических (в течение трудовой деятельности) медицинских осмотров, других обязательных медицинских обследований с сохранением за ними места работы и среднего заработка на время прохождения указанных медицинских осмотров.

Важно отметить, что трудовое законодательство возлагает на работодателя обязанность обеспечить проведение обязательных медицинских осмотров работников. При этом трудовое законодательство не требует их проведения именно силами сторонних организаций. Предварительные и периодические осмотры проводятся медицинскими организациями любой формы собственности, имеющими право на проведение предварительных и периодических осмотров, а также на экспертизу профессиональной пригодности в соответствии с действующими нормативными правовыми актами.

В то же время проведение медицинских осмотров, согласно п. 10 ст. 2 Федерального закона № 323-ФЗ (далее — Закон № 323-ФЗ)⁵, относится к медицинской деятельности. А ст. 2 Закона № 323-ФЗ допускает осуществление медицинской деятельности как медицинскими организациями на основании лицензии (юридическими лицами независимо от организационно-правовой формы, для которых медицинская деятельность является основным (уставным) видом деятельности), так и иными юридическими лицами наряду с их основной (уставной) деятельностью. В последнем случае положения Закона № 323-ФЗ (в том числе и требования о наличии лицензии) применяются к таким организациям в части, касающейся медицинской деятельности. Таким образом, Закон № 323-ФЗ допускает возможность осуществления медицинской деятельности не только непосредственно медицинскими организациями, но и иными юридическими лицами при наличии у них лицензии.

Следовательно, работодатель вправе организовать проведение обязательных медицинских осмотров работников как в лицензированной медицинской организации (посредством заключения с ней договора), так и в собственном структурном подразделении, наделенном функциями по осуществлению медицинской деятельности (например, медпункте), при условии получения лицензии на соответствующий вид деятельности. Таким образом, в случае если проведение осмотров осуществляется самим работодателем, то именно он несет ответственность за их качество.

Но для того, чтобы нормы действующего законодательства в сфере лицензирования медицинской деятельности соблюдались индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами различных организационно-правовых форм, необходим эффективный механизм привлечения недобросовестных субъектов к ответственности, в первую очередь административной.

Административная ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (такая лицензия) обязательно (обязательна), установлена ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ⁶. Однако объективную сторону такого административного правонарушения составляет осуществление субъектом правонарушения именно предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии). При этом под предпринимательской деятельностью понимается самостоятельная, осуществляемая

на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Поэтому осуществление медицинской деятельности без лицензии в отношении собственных работников, по сути, не является административным правонарушением, предусмотренным ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ. Данной позиции также придерживается и суд, который в одном из своих постановлений отметил, что квалифицирующим признаком объективной стороны административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ, является осуществление субъектом правонарушения именно предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии).

В соответствии с абзацем 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ⁷ предпринимательской деятельностью является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке⁸.

Таким образом, принимая данный судебный акт, суды первой и апелляционной инстанции пришли к выводу о недоказанности наличия в действиях юридического лица объективной стороны правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ, исходя из отсутствия доказательств, свидетельствующих об осуществлении юридическим лицом медицинской деятельности, направленной именно на получение прибыли. По мнению автора, целесообразно внести изменения в ст. 14.1 КоАП РФ и изложить ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ в следующей редакции: «Осуществление деятельности без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (такая лицензия) обязательно (обязательна), влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двух тысяч до двух тысяч пятисот рублей с конфискацией изготовленной продукции, орудий производства и сырья или без таковой; на должностных лиц — от четырех тысяч до пяти тысяч рублей с конфискацией изготовленной продукции, орудий производства и сырья или без таковой; на юридических лиц — от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей с конфискацией изготовленной продукции, орудий производства и сырья или без таковой». По аналогии целесообразно внести изменения в части 3 и 4 настоящей статьи. Небольшая корректировка рассматриваемой статьи позволит значительно расширить круг недобросовестных субъектов на рынке медицинских услуг, привлечь к ответственности которых станет возможным.

Не менее важным вопросом является сама процедура привлечения виновного лица к ответственности, в том числе за несоблюдение лицензионных требований. Дела об административных правонарушениях, предусмотренных КоАП РФ, рассматривают в пределах своих полномочий должностные лица, указанные в главе 23 КоАП РФ. В соответствии с ч. 3 статьи 23.1 КоАП РФ дела об осуществлении организацией медицинской деятельности без специального разрешения (лицензии) или с нарушением условий, предусмотренных специальным разрешением (лицензией) рассматривают судьи арбитражных судов. В соответствии с ч. 3 ст. 28.3 КоАП РФ протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных частями 2, 3 и 4 ст. 14.1 КоАП РФ, вправе составлять должностные лица федеральных органов исполнительной власти, их структурных под-

⁷ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. — 05.12.1994. — № 32. — Ст. 3301.

⁸ См.: Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 25.03.2010 по делу № А32-39593/2009-5/836-123АП Дело по заявлению о привлечении общества к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ направлено на новое рассмотрение, поскольку суды не назвали доказательства, свидетельствующие о том, что водители являлись работниками общества. В судебных актах в нарушение статей 168 и 271 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации не приведены мотивы, по которым отклонены доказательства, представленные прокуратурой // Документ опубликован не был.

⁵ См.: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации // СЗ РФ. — 28.11.2011. — № 48. — Ст. 6724.

⁶ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. — 07.01.2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.

разделений и территориальных органов, а также иных государственных органов, осуществляющих лицензирование отдельных видов деятельности и контроль за соблюдением условий лицензий, в пределах компетенции соответствующего органа.

Недоработка существующего механизма привлечения недобросовестных медицинских организаций и индивидуальных предпринимателей к административной ответственности заключается в том, что между составлением протокола об административном правонарушении, выявленном, например, в ходе выездной проверки, и рассмотрением данного дела в суде имеется временной промежуток, благодаря которому недобросовестный субъект вполне может исправить выявленные нарушения действующего лицензионного законодательства и, соответственно, избежать полагающейся административной ответственности. В данном контексте целесообразно обратиться к одному из решений Арбитражного суда Еврейской автономной области⁹, в котором управление здравоохранения правительства Еврейской автономной области обратилось в Арбитражный суд Еврейской автономной области с заявлением о привлечении индивидуального предпринимателя, осуществляющего медицинскую деятельность, к административной ответственности по ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ. Заявленное требование мотивировано наличием в действиях предпринимателя грубых нарушений лицензионных требований при осуществлении медицинской деятельности, которые выразились в отсутствии у лица, привлекаемого к административной ответственности, документов, регламентирующих внутренний контроль качества и безопасности медицинской деятельности. Управлением здравоохранения по факту отсутствия у предпринимателя документов, регламентирующих внутренний контроль качества и безопасности медицинской деятельности, составлен протокол об административном правонарушении по ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ. Предприниматель в протоколе указал, что обстоятельства дела не соответствуют действительности, между тем от подписания протокола отказался. А в зале судебного заседания предпринимателем уже было предоставлено Положение о порядке осуществления внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности, утвержденное предпринимателем. В этой связи арбитражный суд пришел к выводу об отсутствии в действиях предпринимателя состава вменяемого административного правонарушения. Таким образом, по мнению автора, для оптимизации процедуры привлечения к административной ответственности лиц, нарушающих лицензионные требования при осуществлении медицинской деятельности, целесообразно расширить полномочия должностных лиц федеральных органов исполнительной власти, их структурных подразделений и территориальных органов, осуществляющих лицензирование медицинской деятельности, в контексте самостоятельного рассмотрения дел об осуществлении организацией медицинской деятельности без специального разрешения (лицензии) или с нарушением условий, предусмотренных специальным разрешением (лицензией), и установлением штрафных санкций для недобросовестных предпринимателей.

По мнению автора, также вопросом первоочередной важности в механизме реформирования процедуры привлечения к административной ответственности недобросовестных субъектов рынка медицинских услуг является введение процедуры лицензирования физических лиц (врачей) наряду с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Рассматривая лицензионно-разрешительную систему в широком смысле, автор считает, что это особый вид административной деятельности, направленной на государственное подтверждение квалификации и профессиональных качеств отдельных субъектов, предоставления им специальных правовых статусов (специальной правоспособности или отдельных прав), позволяющих

заниматься деятельностью (совершать действия), которая требует высокого профессионализма и квалификации субъекта-исполнителя или является исключительной в сравнении с общими требованиями административно-правовых режимов. По мнению автора, данное определение затрагивает сущность процедуры лицензирования, которая одной из основных задач ставит выявление соответствующего уровня квалификации медицинского работника, который будет непосредственно оказывать медицинские услуги. В связи с этим возникает дискуссионный вопрос о субъектах при осуществлении процедуры лицензирования. В настоящее время лицензию в Российской Федерации могут получить только юридические лица и индивидуальные предприниматели. В то же время в ряде зарубежных стран (Великобритания, Израиль, США, Германия) получателями лицензий являются физические лица — врачи. Автор полагает, что данный подход является наиболее правильным в общем механизме распределения рисков оказания некачественной медицинской помощи и индивидуальной ответственности за недобросовестные действия медицинского работника. Неоднократно поднимавшийся вопрос о переходе от лицензирования лечебных учреждений к лицензированию врача по-прежнему остается неразрешенным. Это ведет к ряду негативных последствий. Фактически в настоящее время руководитель соответствующего юридического лица, которое оказывает медицинскую помощь, отвечает за всех работающих в штате такой организации врачей.

Подводя итоги рассмотренных деформаций действующего законодательства в сфере привлечения к административной ответственности недобросовестных субъектов рынка медицинских услуг, уместно отметить, что грамотная корректировка уже действующих нормативно-правовых актов и введение новой административной процедуры привлечения к ответственности непосредственно врачей-лицензиатов позволит сформировать эффективную нормативную и организационно-методическую базу для обеспечения высокого качества предоставляемых медицинских услуг.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. — 05.12.1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. — 07.01.2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. — 03.03.2014. — № 9. — Ст. 851.
4. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 294 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» // СЗ РФ. — 28.04.2014. — № 17. — Ст. 2057.
5. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 25.03.2010 по делу № А32-39593/2009-5/836-123АП Дело по заявлению о привлечении общества к административной ответственности по части 2 статьи 14.1 КоАП РФ направлено на новое рассмотрение, поскольку суды не назвали доказательства, свидетельствующие о том, что водители являлись работниками общества. В судебных актах в нарушение статей 168 и 271 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации не приведены мотивы, по которым отклонены доказательства, представленные прокуратурой // Документ опубликован не был.
6. Решение Арбитражного суда Еврейской автономной области от 13 января 2014 г. По делу № А16-1377/2013 // Документ опубликован не был.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ // СЗ РФ. — 07.01.2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.
8. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации // СЗ РФ. — 28.11.2011. — № 48. — Ст. 6724.

⁹ См.: Решение Арбитражного суда Еврейской автономной области от 13 января 2014 г. По делу № А16-1377/2013 // Документ опубликован не был.

Молчанов Б. А.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВЫХ ОСНОВ В ГОСУДАРСТВАХ ДРЕВНЕГО МИРА

В статье рассматривается процесс становления и развития социальных и научных взглядов на субъект преступления в государствах Древнего мира. Раскрывается содержание научных подходов к субъекту преступления с позиций вменяемости, гармоничного развития физического и психического в человеке.

Ключевые слова: субъект преступления, вменяемость, объективные и субъективные признаки вменяемости, объективное вменение, волевой и интеллектуальный элементы вменяемости, злая воля, субъективные признаки преступления.

Molchanov B. A.

CRIMINAL-LEGAL VIEWS ON THE SUBJECT OF CRIME IN THE FORMATION OF STATEHOOD (PROBLEMS OF SANITY AND INSANITY)

The article considers the process of formation and development of social and scientific views on the subject of crime in the states of the Ancient world. The scientific approaches to the subject of the crime from positions of responsibility and harmonious development of the physical and the psychic in human being are described.

Keywords: subject of crime, insanity, objective and subjective signs of sanity, objective incrimination, will and intellect as a sign of sanity, evil will, subjective signs of a crime.

Молчанов Б. А.

Исторические исследования вопросов вменяемости свидетельствуют о том, что в древних государствах, в период Средневековья и нового времени, как на законодательном уровне, так и в трудах философов и юристов обращалось внимание на значение психических расстройств для определения юридической ответственности. По отношению общества и государства к психически нездоровым лицам можно судить об общем уровне развития государственности и права.

Истоки учения о субъекте преступления следует искать во времена, когда уголовное право еще не выделилось в самостоятельную науку и отрасль, было зависимо (в Древнем мире) от философии, когда еще не были известны термины «субъект преступления», «вменяемость». При этом в древности общественное мировоззрение опиралось на религиозное представление о мире, вселенной, Боге и «лишь отчасти касалось отношения этих мировых начал к человеку»¹.

Не умаляя значения правовой мысли древневосточных государств — Индии, Китая, Месопотамии и др., — обратимся к правовым учениям Древней Греции и Древнего Рима, поскольку именно они повлияли на развитие учения о субъекте преступления в европейских государствах и России. А также обратимся к правовым идеям, возникшим в Древнем Израиле, поскольку Пятикнижие Моисея оказало влияние на формирование правовой и политической мысли в средневековой Европе.

Авторитетные ученые утверждают, что в государствах древности и Средневековья было распространено объективное вменение преступлений², а, следовательно, субъекту преступления и его признакам внимание не уделялось. К субъектам преступления законодательство относило кроме людей еще и животных, не предусматривалась личная ответственность за преступление. Например, в IX–VIII вв. до н. э. в Греции Закон Ликурга рекомендовал умерщвлять физически неполноценных младенцев (Спарта).

Согласимся, что объективное вменение имело место, но отметим, что в рассматриваемый период законодательно уже наметилась необходимость правового определения субъекта преступления. Объективное вменение в рассматриваемый период объясняется необходимостью укрепления государственного авторитета с помощью осуществления охранительной функции — вытеснением принципа талиона, защитой интересов большинства населения, а не единичных правонарушителей. Иной точки зрения по этому поводу придерживается В. Г. Павлов. Он считает, что «признание субъектами преступлений предметов, животных, насекомых в рабовладельческом и феодальном уголовном праве объясняется господством мистических взглядов на преступление как на деяние, оскорбляющее бога и охраняемый им мир на основании принципа: ответственность наступает в любом случае и для всякого, причинившего вред»³.

Общественную поддержку мести, принципа талиона, а впоследствии, — объективного вменения Г. С. Фельдштейн объяснил с помощью анализа психической природы человека: его естественной негативной реакцией против всего, что нарушает неприкосновенность индивида без учета действительной причины, вызвавшей вред. Обиженный индивид думает только о себе, рассуждает с точки зрения своего ущерба, а не с точки зрения субъекта преступления. Но с развитием личности, общества и государства бессознательные и инстинктивные средства охраны интересов постепенно совершенствуются, и вместо мести развивается правосудие, а значит — начинают учитываться особенности самого субъекта преступления⁴.

Так, в источниках права древних государств, кроме объективного вменения отражались субъективные признаки преступления. В Древнем Израиле, например, имели место формулировки: «С намерением умертвить ближнего коварно», «когда ссорятся», «известно было, что вол бодлив был... но хозяин его не стерег», указывающие волевой и интеллектуальный элементы вменяемости. Различались умышленные и неумышленные преступления, хотя чаще всего наказание за них следовало одинаковое. В Древней Греции, в Законах Драконта (409–408 гг. до н. э.), регламентировалось неумышленное убийство. В законодательстве Древних Афин, судя по речи Демос-

¹ Есипов Е. Е. Очерк русского уголовного права. Часть общая: Преступления и преступники. Наказание и наказуемые. — Изд. 3-е. — М. 1904. — С. 22.

² Кистяковский И. А. Понятие субъекта прав // Журнал министерства юстиции. — 1903. — № 8. — Октябрь. — С. 120.; Пусторослев П. П. Преступность, виновность и вменяемость // Журнал Министерства юстиции. — 1907. — Апрель. — С. 88–90; Спасович В. Д. Избранные труды и речи / Сост. И. В. Потапчук. — Тула, 2000. — С. 132.

³ Павлов В. Г. Субъект преступления. — СПб, 2001. — С. 59.

⁴ См.: Фельдштейн Г. С. Учение о формах виновности в уголовном праве. — М., 1903. — С. 35.

фена против Арестократа (в п. 53), раскрывалось значение «нечаянного» убийства в силу сильного душевного волнения — во время спортивных соревнований или из ревности⁵.

Более подробно особенности субъекта преступления были закреплены в праве Древнего Рима. Там обращалось внимание на социальное положение, возраст, болезнь и старость субъекта. Не любое физическое лицо признавалось субъектом права, а только свободные индивиды. Дети и рабы не являлись субъектами права (Законы XII таблиц (451–450 гг. до н.э.). Таблица 12. Ст. 2b)⁶. Рабы несли уголовную ответственность только с разрешения хозяина (Дигесты Юстиниана. — Кн. 1. — Титул V. — ст. 13). Выделялись возрастные категории — взрослые и несовершеннолетние. Возраст влиял на размер ответственности. В ст. 109 кн. 3 Институций Гая (II в. н.э.) давалось обоснование малолетнего как субъекта права: «Дитя и тот, кто близок к детству, немного рознятся от сумасшедшего, потому что малолетние этого возраста не имеют никакого рассудка». При этом конкретизировалось, что малолетний может являться субъектом права, если он «имеет понятие» о значении юридических сделок. (См.: Институции Гая. — Кн. 3. — Ст. 109 // В кн.: Гай. Институции / Пер. с лат. Ф. Дадынского; под ред. В. А. Савельева, Л. Л. Кофанова. — М., 1996).

Юридическое значение придавалось случаям «лишения рассудка» у субъекта права. В этом случае ему назначались опекуны. А согласно ст. 106 кн. 3 Институций Гая, «сумасшедший не может совершить никакого юридического акта, так как он не понимает, что делает», то есть, по сути, уже определялось уголовно-правовое значение невменяемости (Законы XII таблиц. Таблица 5, 8. Ст. 6–7а // В кн. Законы XII таблиц / Текст, пер., вступ. ст. Л. Л. Кофанова; отв. ред. В. И. Уколова. — М., 1996). За вред, причиненный животными, ответственность в Древнем Риме, в отличие от Древнего Израиля, нес его владелец, а не животное. А в Дигестах Юстиниана правовой статус душевнобольных лиц регламентировался в частноправовых отношениях.

Из приведенных примеров видно, что в древности, несмотря то, что причинно-следственная связь между субъектом и преступлением носила преимущественно объективный характер, на законодательном уровне регламентировалось положение субъекта преступления. Обращалось внимание на наличие вины и мотивов преступления. Для определения ответственности законодателем учитывался волевой критерий субъекта преступления — умышленно или неумышленно совершено преступление. Интеллектуальный критерий — понимания содержания фактической и социальной сторон своих действий — видимо, подразумевался, так как в правовых актах упоминалось случайное причинение вреда. Законодателями Древности интересовали не причины неполноценности, а возможные негативные последствия от деятельности таких лиц для общества. Закон защищал от психически больных общественную и частную собственность.

Как известно, развитие законодательства несколько отстает от развития общественной жизни и правовой мысли, поэтому чтобы составить наиболее полное представление о субъекте преступления и вменяемости в государствах древности, следует учитывать сложившиеся мировоззрение общества в рассматриваемый период и особенности государственности, стоящие перед ней задачи. Следует помнить, что в государствах Древности жизнеспособность государства является производной от физической силы его граждан. Исповедовался культ военного искусства, физического здоровья и тела.

Обращаясь к Древней Греции, отметим, что по свидетельству Ликурга (IX–VIII в. до н.э.), Плутарха (ок. 45 — ок. 127 н.э.), Аристотеля и других видных деятелей, «неполноценные» люди «вычленились» из общества, поскольку не могли принести ему практической пользы. Подобное отношение к «неполноценным» имело место и в Древнем Риме. Философ Сенека (ок. 4 до н.э. — 65 н.э.) утверждал: «Мы убиваем уродов и топим детей, которые рождаются на свет хилыми и обезображенными. Мы поступаем так не из-за гнева и досады, а руководствуясь правилами разума: отделять негодное от здорового»⁷.

В античных государствах, в том числе и в Греции, тесно переплетавшиеся с философией медицина и врачебные рекомендации базировались на современных им философских постулатах. Государство и право должны были гармонично вписываться во Вселенную, а для этого необходимо было обосновать различия между свободным индивидом и рабом, выводимым законодателем за рамки субъекта прав. Отсюда последовала разработка понятия сознательной, выбирающей между добром и злом воли свободного человека, подчиненной только универсальному разуму, справедливости.

Греческие философы рабством считали подчинение низшим, чувственным побуждениям, недостойным человека. С точки зрения древних греков, индивиды совершали правонарушения, когда подчинялись своим чувствам, страстям, а когда они руководствовались разумом — их поведение признавалось соответствующим морали и правомерным. Таким образом, мировоззрение древних греков объясняет причины объективного вменения и указания на субъективные признаки правонарушения, содержащиеся в вышеуказанных правовых памятниках Древней Греции.

Однако интерес к изучению человека проявлял Сократ, его последователь Платон, а затем Аристотель. Вероятно, именно с Платона (428/427–348/347 гг. до н.э.) и Аристотеля началось противопоставление биологического и социального в человеке⁸. Можно говорить о том, что идеи Платона и Аристотеля послужили истоками выделения юридического и медицинского критериев вменяемости.

Платон указал на сложность психики человека, ее влияние на потребность: в душе он выделил три начала: разумное, аффективное (яростное) и вожделеющее. Сильнейшее из этих начал, с его точки зрения, — вожделеющее. Он обратил внимание на взаимозависимость психического и физического в человеке: «способность рассуждать», принимать решения, по Платону, человек получает только при одновременном развитии физических и интеллектуальных способностей («гимнастического» и «муссического» начал). Несправедливость, порочность, а соответственно и противоправность Платон сравнивал с физической болезнью, слабостью. Но в то же время, следуя мировоззрению своего времени, указывал, что наказание должно следовать за нарушение справедливости, в зависимости от социальной значимости нарушения⁹.

Центр тяжести преступления с объективной стороны на субъективную Платон переносил в трактате «О законах». Он выступил за индивидуализацию наказаний. Более серьезное наказание должен нести тот, кто совершил преступление по собственному неблагоприятию, дал волю гневу, ревности, по сравнению с теми, кто совершил преступления в силу легковерия юности. Он ратовал за личную ответственность субъекта преступления, выступал против того, чтобы за преступление отвечали потомки преступника.

⁵ См.: Законодательству Древних Афин по речам Демосфена // В кн. Демосфен. Речи: В 3 т. — Т. 1. / Отв. ред. Е. С. Голубцова, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролов. — М., 1994.

⁶ О разделении субъектов прав в Древнем Риме см. также: Институции Гая. — Книга 1. — ст. 49, 51 и др. // В кн.: Гай. Институции / Пер. с лат. Ф. Дадынского; Под ред. В. А. Савельева, Л. Л. Кофанова. — М., 1996.

⁷ Малофеев Н. Н. Западная Европа: эволюция отношения общества и государства к лицам с отклонениями в развитии. М.: Издательство «Экзамен», 2003. — С. 12–14.

⁸ Иванов Н. Аномальный субъект преступления. Проблемы уголовной ответственности. — М., 1998. — С. 20.

⁹ Платон. Сочинения в 3-х т. — М., 1971. — Т. 3. — С. 232–241.

При этом Платон в диалогах «Протагор» и «Горгий» наметил в теории опасного состояния, впоследствии описанную Э. Ферри. Высказывая идею охраны общества от опасного преступника, Платон подразделял лиц, преступивших закон, на поддающихся и не поддающихся исправлению. Платон в рамках этой классификации подразделял преступников на излечимых и неизлечимых.

Аристотель конкретизировал представление о субъекте преступления и его ответственности. Во-первых, он внес важные изменения в представление о разуме и воле, по сравнению с Сократом и Платоном, у которых понятия разума и воли сливались с нравственностью. Аристотель доказывал различия между разумом и волей. С его точки зрения, если бы человек был только «чистым умом», все его действия были бы предопределены знанием наилучшего. Но, имея кроме ума страстную душу, человек может, для удовлетворения страсти, предпочесть низшие идеалы высшим. По Аристотелю, свобода воли обусловлена несовершенством природы человека и возможностью «самоопределения разума». Если следовать мыслям Платона, следует выделить три самостоятельных признака вменяемости — разум, ярость (эмоции, аффекты) и желания, а анализируя мнение Аристотеля, признаками вменяемости следует считать только разум и волю, а эмоции, с его точки зрения, лишь воздействуют на волю от природы несовершенного человека.

Во-вторых, Аристотель указал на то, что разум присущ именно человеку, а не животным¹⁰. В «Нокомаховой этике» Аристотель дал абстрактное понятие субъекта права, как человека со «средне развитыми» способностями. При этом разум является главным детерминантом его поступков.

В-третьих, идеи Аристотеля стали восприниматься как предшествующие индетерминистскому направлению в философии и юриспруденции¹¹. По Аристотелю, когда мы бросаем камень в пространство, мы не можем его вернуть назад или остановить, но мы ответственны за вред, который может быть причинен камнем, так как первоначальное действие было свободным. Дух должен господствовать над телом, а разум над инстинктом, как хозяин над рабом.

В-четвертых, Аристотель, хотя и считается основателем индетерминистских теорий, в то же время был далек от идеи беспричинной злой воли правонарушителя, поскольку указывал, что на человека влияют три фактора: природа, привычка и разум.

В-пятых, Аристотель заложил идею равенства полноправных граждан перед законом, которая впоследствии была распространена на всех людей. Эта идея важна и для учения о субъекте преступления, поскольку памятники права знают дифференцированную ответственность представителей различных социальных групп населения, неравенство их как субъектов преступления¹². Кроме того, он очертил будущий смысловой круг терминов «воля», «выбор» («решение»), «произвольное», «цель» и т.д. Все термины были восприняты стоиками, а от них перешли к римским авторам и в патристику.

Иначе, чем Платон и Аристотель, объяснял причины ответственности человека, а следовательно, и его свободы воли, Эпикур (341–270 гг. до н.э.). Он выступал против идеи непреодолимого влияния на человека внешних обстоятельств, судьбы и утверждал, что люди способны к самопроизвольности. Основанием такого утверждения служил видоизмененный атомизм: Душа (как у человека, так и у животных), состоящая из особых атомов, обладает силой произвольных движений, проявляющейся как свободная воля. Однако, заменив представление о детерминизме судьбы таким же глобальным — о случайности, Эпикур не смог обосновать причины выбора решения человека, как не смогли этого сделать и представите-

ли стоиков. Разум людей, по Эпикуру, — это дар богов, а восприятие происходящего он объяснял проникновением в органы чувств образов вещей. Его идеи о человеке как участнике общественных отношений были строго сенсуалистичны¹³.

Древнегреческие философы исходили в своих рассуждениях из эмпирических ощущений, абсолютизировали значение разума до вселенских масштабов. Разум противопоставлялся биологической природе человека. Его наличие объективно предполагалось, как и в современном уголовном праве. Субъективными признавались и свобода воли, и эмоции, аффекты, вызванные внешними причинами. Однако точное значение последних для вменяемости, как и в современности, не определялось.

В Древней Греции были намечены важные для развития учения о субъекте преступления идеи равенства всех перед законом; личной ответственности виновного. С одной стороны, они поясняют причины непризнания в законодательстве субъектами права рабов и правоспособность свободных граждан, обосновывают объективное вменение необходимостью вселенской гармонии, недопустимостью отклонения от мирового разума, которому подчиняются даже боги. А с другой стороны, они существенно развивают представление о субъекте преступления, по сравнению с представлением законодателя. Указывают на необходимость учета не только объективного критерия вменяемости, но и субъективного.

Отмечают, что при определении вины следует исходить из средних способностей любого человека с учетом влияния на него внутренних потребностей и внешних обстоятельств. Свои воззрения на человека, субъекта права, они уже обосновывали с помощью психологии: 1) человек, в отличие от животных, обладает разумом, который по законам природы стремится к добру; 2) в душе человека имеет место разумное и эмоциональное начало; 3) для определения ответственности (нравственной и юридической) необходимо учитывать здорового человека, который, следуя воззрениям древних греков, всегда стремится к правомерной деятельности, к добродетелям, а преступления совершают только те, чей разум и свобода воли недостаточно развиты.

В Древнем Риме воззрения крупнейших юристов были отражены в вышерассмотренных правовых актах, которые для своего времени носили прогрессивный характер и подробнее, чем греческое законодательство, описывали правовое положение субъекта преступления и признаки его вменяемости. В философском осмыслении правового положения личности римляне, как и греки, решающую роль отводили Вселенскому разуму, но четче обозначили проблему противопоставления внешней причинности человеческих действий нравственной свободе выбора, которая в уголовном праве Средневековья привела к противопоставлению детерминистских и индетерминистских теорий.

Плавт, Луций, Овидий, как впоследствии и представители детерминистского направления в уголовном праве (сторонники антропологической и социологической школ уголовного права — Э. Ферри, Ф. Лист и др.), указывали на влияние на субъекта преступления социальных и психических факторов — общей порчи нравов, корыстолюбия, честолюбия. Пруденций упоминал о гневе, гордости, злобе, жажде вина и крови. Лукреций указывал на «ужасную бедность»¹⁴. А Цицерон и Сенека, хотя и признавали зависимость человека от Провидения, Высшего разума, большее внимание, как и греческие философы, обращали на его нравственный выбор, свободу воли, стремящуюся к добродетели, определяемой Высшим разумом. Но Цицероном и Сенекой были высказаны и новые

¹⁰ См.: Аристотель. Сочинения в IV т. — М., 1976. — Т. 1. — С. 399.

¹¹ Чубинский М. П. Очерки уголовной политики. — М., 2008. — С. 91.

¹² Аристотель. Сочинения в IV т. — Т. IV. — М., 1976. — С. 612–621.

¹³ Мотрошилова Н. В. Внутренняя логика атомизма и позиция Эпикура // История философии. Запад-Россия-Восток. Книга первая. Философия древности и Средневековья. — М., 1995. — С. 90–93.

¹⁴ Чубинский М. П. Очерки уголовной политики. — М., 2008. — С. 103.

идеи, послужившие развитию представления о субъекте преступления, и в том числе и о вменяемости.

Цицерон, как и другие идеологи, считал, что в душе человека выделяется разумная и эмоциональная стороны. Сильные душевные волнения он понимал как психический процесс, а не отклонение от Высшего разума. Глубже своих предшественников он анализировал его причины: желания и радость, страх и горе в настоящем и будущем. Волю он понимал так же, как Аристотель, — как дарованное природой стремление к разумному благу. С позиции Цицерона субъект, совершающий преступление, всегда отклоняется от разума, от «здорового состояния», неверно оценивает происходящее.

Думается, что именно Цицерон первым указал на возможность пограничного состояния вменяемости и невменяемости¹⁵.

Он разделил людей в зависимости от их направленности («пороков») на: злонравных — стремящихся к «дурным делам»; благонравных — склоняющихся к «хорошим делам» и неустойчивых — промежуточных между добром и злом. При этом он обращал внимание, что в душе человека могут иметь место изъяны (пороки) и болезни. Первые характеризуют постоянный уклад жизни, а вторые могут быть излечены. Он, как и греческие мыслители, большое внимание уделял взаимосвязи физического и психического в человеке, но, в отличие от своих предшественников, указывал на врожденные склонности к определенным психическим недугам и деяниям: одни люди склонны к страху, а другие к иным страстям. Ответственность человек должен нести, поскольку душевные болезни и страсти происходят от пренебрежения к разуму¹⁶. При этом Цицерон так увлекся субъективными признаками преступления, что не усматривал принципиальной разницы между субъектом, совершившим убийство и покушавшимся на убийство, выступал за равенство наказаний за оконченное и неоконченное преступление: «Minus doleudum fuit re non perfecta, sed puniedum certe nihilo minus»¹⁷.

Для Сенеки, как и для Цицерона, на первом плане стоял не причиненный вред, а сам субъект преступления, его разум и воля (Сенека, как и другие стоики, развивал идеи о влиянии на индивида внешних факторов, всемирного разума, Провидения). Человек может только принять или отвергнуть то или иное «представление». При этом внутренняя свобода воли человека, с точки зрения Сенеки, не зависит от внешних факторов. Ответственность субъекта преступления определяется независимостью нравственного решения от внешней причинности. Соответственно, невменяемость же характеризуется «природным тупоумием», «отсутствием самосознания», как у животных и камней¹⁸.

Таким образом, важнейшими новыми идеями Древнего Рима, повлиявшими на развитие учения о субъекте преступления и вменяемости, являются: анализ Цицероном сильного душевного волнения как психического процесса; разделение им людей в зависимости от их направленности («пороков») на злонравных, благонравных и неустойчивых — фактически обозначившее возможность пограничного состояния между вменяемостью и невменяемостью; указание на врожденные склонности человека к психическим болезням; указание Сенекой на врожденные свойства субъекта преступления.

В целом, в правовой мысли Древнего мира уже наметились многие идеи об уголовно-правовом значении субъекта преступления, которые развивались как новеллы в уголовно-правовых школах, возникших уже в XIX в. новой эры.

Пристатейный библиографический список

1. Аристотель. Сочинения в IV т. — М., 1976. — Т. 1.
2. Есипов Е. Е. Очерк русского уголовного права. Часть общая: Преступления и преступники. Наказание и наказуемые. — Изд. 3-е. — М., 1904.
3. Законодательству Древних Афин по речам Демосфена // В кн. Демосфен. Речи: В 3 т. — Т. 1. / Отв. ред. Е. С. Голубцова, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролов. — М., 1994.
4. Иванов Н. Аномальный субъект преступления. Проблемы уголовной ответственности. — М. 1998.
5. Кистяковский И. А. Понятие субъекта прав // Журнал министерства юстиции. — 1903. — № 8.
6. О разделении субъектов прав в Древнем Риме см. также: Институции Гая. Книга 1, ст. 49, 51 и др. / В кн.: Гай. Институции / Пер. с лат. Ф. Дадынского; Под ред. В. А. Савельева, Л. А. Кофанова. — М., 1996.
7. Малофеев Н. Н. Западная Европа: эволюция отношения общества и государства к лицам с отклонениями в развитии. — М.: Издательство «Экзамен», 2003.
8. Мотрошилова Н. В. Внутренняя логика атомизма и позиция Эпикура / История философии. Запад-Россия-Восток. Книга первая. Философия древности и Средневековья. — М., 1995.
9. М. Т. Цицерон. Тускуланские беседы. п. XIII, XIV / В кн. Марк Тулий Цицерон. Избранные сочинения / Перевод с лат. и комментарии. ст. М. Л. Гаспарова. — М., 1975.
10. Платон. Сочинения в 3-х т. — М., 1971. — Т. 3.
11. Пусторослев П. П. Преступность, виновность и вменяемость // Журнал Министерства юстиции. — 1907. — Апрель.
12. Сенека. О блаженной жизни // В кн. Древнеримские мыслители. — Киев, 1958.
13. Спасович В. Д. Избранные труды и речи / Сост. И. В. Потапчук. — Тула, 2000.
14. Фельдштейн Г. С. Учение о формах виновности в уголовном праве. — М., 1903.
15. Чубинский. М. П. Очерки уголовной политики. — М., 2008.

¹⁵ Сенека. О блаженной жизни // В кн. Древнеримские мыслители. — Киев, 1958. — С. 511, 612; Чубинский М. П. Очерки уголовной политики. — М., 2008. — С. 101.

¹⁶ Цицерон М. Т. Тускуланские беседы. п. XIII, XIV // В кн. Марк Тулий Цицерон. Избранные сочинения / Перевод с лат. и комментарии. Ст. М. Л. Гаспарова. — М., 1975.

¹⁷ Чубинский М. П. Очерки уголовной политики. — М., 2008. — С. 101.

¹⁸ Сенека. О блаженной жизни / в кн. Древнеримские мыслители. — Киев, 1958. — С. 511, 612.

Бимбинов А. А.

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПОЛОВОГО СНОШЕНИЯ И ИНЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА С ЛИЦОМ, НЕ ДОСТИГШИМ ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА

Статья посвящена характеристике объективной стороны преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 134 УК РФ. В ней приводятся различные точки зрения относительно понятий «половое сношение», «мужеложство», «лесбиянство». На основе медицинских и юридических положений, а также судебной практики формулируются авторские определения названных действий сексуального характера. Также делается акцент на несовершенстве конструирования указанной статьи. На основе более взвешенного и обоснованного подхода предлагается новая редакция ст. 134 УК РФ.

Ключевые слова: объективная сторона, половое сношение, мужеложство, лесбиянство, действие сексуального характера, проникновение.

Bimbinov A. A.

OBJECTIVE ASPECT OF THE SEXUAL INTERCOURSE AND OTHER ACTIONS OF SEXUAL CHARACTER WITH THE PERSON UNDER THE AGE OF SIXTEEN

The article is devoted to the characteristic of the objective aspect of a crime, responsibility for which is provided by Art. 134 of the Criminal Code of the Russian Federation. Various points of view are given concerning concepts of sexual intercourse, sodomy, lesbianism. On the basis of medical and legal provisions as well as jurisprudence the author formulates definitions of the mentioned actions of sexual character. Also, the imperfection in formulation of specified article is stressed. On the basis of more weighed and reasonable approach the new edition of Art. 134 of the Criminal Code of the Russian Federation is offered.

Keywords: objective aspect, sexual intercourse, sodomy, lesbianism, action of sexual character, penetration.

Бимбинов А. А.

Объективной стороной преступления «половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» согласно частям 1 и 2 ст. 134 УК РФ является совершение полового сношения, мужеложства или лесбиянства. Уголовный закон, констатируя данные действия, не раскрывает их содержание. Определение понятий «половое сношение», «мужеложство» и «лесбиянство» можно найти в практике высших судов и научной литературе.

Разъяснений высшей судебной инстанции по вопросам, непосредственно связанным с правовой оценкой действий, предусмотренных ст. 134 УК РФ, в настоящее время нет. Понятия полового сношения, мужеложства и лесбиянства даны в постановлении Пленума «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации», где разъясняется, что: «... под половым сношением следует понимать совершение полового акта между мужчиной и женщиной, под мужеложством сексуальные контакты между мужчинами, под лесбиянством — сексуальные контакты между женщинами»¹. Однако при квалификации деяний по ст. 134 УК РФ полностью ориентироваться на данное постановление не представляется возможным, так как приведенное выше толкование не устраняет всех вопросов, связанных с применением законодательства. Далеко не всякий половой акт между мужчиной и женщиной или сексуальный контакт между мужчинами будет являться половым сношением или мужеложством соответственно. Более детально преступные действия по ст. 134 УК РФ рассматриваются в науке. Ввиду того, что данные действия имеют не юридическую, а медицинскую природу, представляется необходимым в первую очередь обратиться к мнению специалистов в области сексологии.

Так, половое сношение в медицинской литературе определяется как нормативный гетеросексуальный коитус², как

физиологический половой акт лица мужского пола с лицом женского пола, выполненный путем введения естественного мужского полового члена во влагалище (пенильно-вагинальный контакт)³.

В уголовно-правовой науке авторы при установлении смысла сексуальных действий опираются на медицинские определения, поэтому понятие полового сношения также формулируется по-разному. Под половым сношением понимают введение полового члена мужчины во влагалище женщины⁴, совершение естественного гетеросексуального акта, характеризующегося наличием возможности зачатия⁵, естественное совокупление мужчины и женщины, при котором входят в контакт друг с другом их половые органы⁶.

Стоит отметить, что ряд ученых полагают достаточным использование для определения действий по ст. 134 УК РФ только медицинских источников, а попытки определения полового сношения в уголовно-правовом смысле считают несостоятельными, поскольку вкладывание различного содержания в одно и то же понятие, используемое различными науками, нарушает нормальный процесс обмена информацией⁷.

2010 [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://kea-com.ru/socialnye-strategii-seksualnogo-povedeniya-iz-knigi-ontogenez-seksualnosti/>

³ См.: Мастерс У., Джонсон В., Колодни Р. Основы сексологии. — М., 1998. — С. 692.

⁴ См.: Корнеева А. В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А. И. Рарог. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2011. — С. 274.

⁵ См.: Мурзина Л. И. Уголовная ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста // Вестник Пензенского государственного университета. — 2013. — № 3. — С. 62.

⁶ См.: Кузнецов В. И. Постановление Пленума Верховного суда РФ: дискуссионные вопросы // Сибирский юридический вестник. — 2005. — № 4. — С. 50.

⁷ См., напр.: Игнатов А. Н. Квалификации половых преступлений. — М., 1974. — С. 22–23; Затона Р. Е. Уголовно-правовой и криминологический аспекты ответственности за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста: Дисс. ... канд. юрид.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «Гарант».

² См.: Агарков С. Т., Кащенко Е. А. Сексуальность в цивилизации: от пещер до небоскрегов (социогенез сексуальности). Воронеж,

Безусловно, суть действий, описываемых в диспозициях ст. 134 УК РФ, должна соответствовать медицинскому инструментарию. Однако, учитывая формальный состав преступления и необходимость точного установления момента окончания деяния, определять рассматриваемые действия можно только с учетом юридических критериев. В этой связи верной представляется позиция, согласно которой характеристика анализируемых деяний должна приводиться с учетом данных как медицины, так и юриспруденции. Подобный подход позволит добиться наибольшей определенности уголовно-правовой нормы и единообразия практики ее применения.

Таким образом, половое сношение можно определить как гетеросексуальное сокоупление (сокоупление мужчины и женщины), заключающееся во введении полового члена во влагалище (вагинальный секс).

Преступление, предусмотренное ст. 134 УК РФ, имеет формальный состав, следовательно, является окончанным в момент совершения описанного в законе действия. С лексической точки зрения половое сношение является процессом. В сексологии данный процесс именуется копулятивной стадией, которая начинается с момента интросиссии (введения эрегированного полового члена во влагалище), продолжается фрикциями (возвратно-поступательными движениями полового члена во влагалище) и заканчивается эякуляцией (семяизвержением)⁸.

Очевидно, что в реальной жизни не каждое половое сношение сопровождается явно выраженными фрикционными движениями и не всегда заканчивается эякуляцией, в то время как без интросиссии половое сношение невозможно, поэтому рассматриваемое преступление будет считаться окончанным с момента введения головки полового члена во влагалище. Сложившаяся судебная практика подтверждает данную позицию. Так, приговором Константиновского районного суда Амурской области установлено, что Д. Ю. Отводников, достоверно зная, что несовершеннолетняя [ФИО] не достигла шестнадцатилетнего возраста, осознавая противоправный характер своих действий, понимая, что раннее начало половой жизни потерпевшей связано с нарушением нормального физиологического и нравственного формирования ее личности, с целью удовлетворения своих половых потребностей умышленно ввел свой половой член в состоянии эрекции во влагалище потерпевшей, вступив с последней в половое сношение⁹.

Мужеложством в медицине принято считать мужской гомосексуальный анальный коитус¹⁰. В теории уголовного права такого единства в определении данного термина нет.

В современной правовой науке в качестве мужеложства рассматривают сексуальный контакт между лицами мужского пола, выражающийся во введении полового органа одного лица в анальное отверстие другого¹¹, половое сношение мужчины с женщиной с введением полового члена в аналь-

ное отверстие партнера¹², мужской гомосексуализм¹³. Отдельные авторы считают, что понятие мужеложство следует трактовать более широко и охватывать им помимо анального секса оральные и фаллоимитирующие контакты между мужчинами¹⁴.

Представляется, что для целей действующего уголовного закона и, в частности, ст. 134 УК РФ определение мужеложства как сексуального контакта между лицами мужского пола, выражающегося во введении полового члена одного партнера в анальное отверстие другого, является наиболее удачным. Другие позиции относительно понятия мужеложства страдают некоторой неточностью.

Определять мужеложство через категорию «половое сношение» было принято во времена действия УК РСФСР 1960 г. Сегодня, исходя из системного анализа статей 131, 132 и 134 УК РФ, где названным действиям сексуального характера определено самостоятельное значение, такой подход является необоснованным. Более того, с лексической и физиологической точки зрения половое сношение между однополыми людьми невозможно.

Попытки отождествления мужеложства и мужского гомосексуализма также следует признать неверными. Данные понятия имеют совершенно разную смысловую нагрузку и не могут определять друг друга. Мужеложством является конкретное действие сексуального характера, в то время как мужской гомосексуализм — это явление, вид сексуальности человека.

Мнение, согласно которому к мужеложству относятся и другие, отличные от анального, контакты между мужчинами, противоречит действующему законодательству, положениям медицинской науки и общепринятому представлению о мужеложстве.

«Словам закона следует придавать тот смысл, который они имеют в обычном словоупотреблении»¹⁵. Наиболее общепринятое словоупотребление мужеложства основано на медицинских и юридических признаках данного действия и означает сексуальный контакт между лицами мужского пола, совершаемый путем введения полового члена одного лица в анальное (заднепроходное) отверстие другого лица.

Такого же мнения и правоприменители. «Под мужеложством понимается удовлетворение половой страсти путем сношения мужчины с женщиной посредством введения полового члена активного партнера в задний проход пассивного партнера. <...> Все иные формы удовлетворения половой страсти... мужеложством не являются»¹⁶.

Преступление, совершенное в форме мужеложства, подобно его совершению в форме полового сношения, будет являться окончанным в момент введения головки полового члена в анальное отверстие.

¹² См., напр.: Фаткуллина М., Островская Ю. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ // Уголовное право. — 2009. — № 5. — С. 98.

¹³ См., напр.: Бородин С. В. Новое уголовное право России. Особенная часть: Учеб. пособие / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой. — М., 1996. — С. 72.

¹⁴ См.: Даниелян Р. С. Энциклопедия уголовного права. — Т. 15. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. — Издание профессора Малинина — СПб ГКА. — СПб., 2011. — С. 464.; Яковлев Я. М. Половые преступления. — Душанбе, 1969. — С. 330.

¹⁵ Шляпочников А. С. Толкование советского уголовного закона. — М., 1960. — С. 163.

¹⁶ Справка Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда «О результатах обобщения судебной практики по рассмотрению судами области уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 134 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:FWSEIclGVBIJ:files.sudrf.ru/802/docum_sud/doc20110518-065204.doc+&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ru

наук. — Саратов, 2000. — С. 32–33.; Кулаков А. В. Уголовно-правовой и криминологический аспекты насильственных действий сексуального характера: Дис. ... канд. юрид. наук. — Рязань, 2004. — С. 48.

⁸ См.: Общая сексология: руководство для врачей / Под ред. Г. С. Васильченко. — М., 1977. — С. 152.

⁹ Приговор Константиновского районного суда Амурской области от 28 января 2010 года Дело № 1–25/10 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-konstantinovskij-rajonnyj-sud-amurskaya-oblast-s/act-101770160/>

¹⁰ См.: Кон И. С. Введение в сексологию. — М.: Медицина, 1989. — С. 325–326.; Авдеев М. И. Курс судебной медицины. — М., 1959. — С. 500.; Старович З. Судебная сексология. — М., 1991. — С. 54–55.

¹¹ См., напр.: Сяткин Н. Н. Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста: законодательный и правоприменительный аспекты: Дисс. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2013. — С. 72.

В отличие от полового сношения и мужеложства, третий способ совершения преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, — лесбиянство не является конкретным действием сексуального характера. Об этом свидетельствуют как данные сексологии, так и мнения ученых-правоведов.

Лесбиянством в различных источниках называют женский гомосексуализм¹⁷, способ удовлетворения полового влечения, когда участвует половой орган хотя бы одной из партнерш¹⁸, форму удовлетворения полового желания женщиной в отношении другой женщины посредством любых действий сексуального характера¹⁹, общение женщины с женщиной в половой сфере путем соприкосновения их половых органов, а также иные любовно-страстные действия, совершаемые руками и другими органами и частями тела²⁰.

Несмотря на обилие формулировок, авторы едины в одном — лесбиянство представляет собой всю совокупность возможных сексуальных действий, совершаемых лицами женского пола в отношении друг друга.

Вместе с тем рассматриваемое деяние имеет ярко выраженную социальную обусловленность, поэтому важным является существование четкого представления о том, какие действия будут преступными, а какие нет. В этой связи возникает необходимость в универсальном определении для той совокупности действий, которая подпадает под признаки лесбиянства.

К решению данной проблемы в науке уголовного права подходят следующим образом. Н. Н. Изотов, А. Г. Кибальник и И. Г. Соломонович считают, что понятием лесбиянства охватывается практически любое проявление женского гомосексуализма²¹. С. Д. Цэнгэл, напротив, полагает, что к лесбиянству относятся не любые сексуальные контакты между женщинами, а лишь те, где задействован половой орган хотя бы одной из партнерш²². По мнению же Н. А. Исаева, для констатации того, что преступление совершено в форме лесбиянства, достаточно всего двух критериев: сексуальный характер действий и женский пол партнеров²³.

Касательно проявлений женского гомосексуализма стоит отметить, что многие из них находятся за пределами уголовно-правовых отношений. Лесбиянство в уголовном законе — это совокупность определенных действий, а не сексуальная ориентация, в то время как гомосексуализм — это определенный вид сексуальности, сексуальная ориентация человека, которая может проявляться во всех сферах его жизнедеятельности. Кроме того, лицо, совершившее преступление в форме лесбиянства или мужеложства, не обязательно должно относиться к соответствующему виду нетрадиционной сексуальной ориентации. В зависимости от различных причин акт мужеложства или лесбиянства может быть единичным случаем в сексуальной жизни лица.

Позиция С. Д. Цэнгэл относительно понимания лесбиянства неоправданно сужает круг преступных действий. Если следовать ее логике, то мануальные и оральные воздействия

одного лица женского пола на анальное отверстие другого лица женского пола, совершенные в целях сексуального удовлетворения, лесбиянством признаваться не будут.

Наиболее верной среди представленных видится точка зрения Н. А. Исаева. Действие, какое бы то ни было, для квалификации по ст. 134 УК РФ должно в первую очередь иметь сексуальный характер. Действия, имеющие сексуальный характер (сексуальные действия), — это контактные формы поведения между двумя и более лицами, возникшие под влиянием сексуального влечения (желания, либидо) и непосредственно направленные на сексуальное возбуждение или удовлетворение сексуальной потребности. Сексуальные действия между лицами женского пола будут являться лесбиянством. Такую же позицию воспроизводят немногочисленные судебные решения.

Так, 19 марта 2014 г. Якутским городским судом Республики Саха (Якутия) К. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 134 УК РФ. По делу установлено, что К., находясь вместе с А. в квартире № -, дома № — по ул. Кирова, заведомо зная, что несовершеннолетняя А. не достигла шестнадцатилетнего возраста, желая удовлетворить свои половые потребности, умышленно, осознавая общественно опасный характер своих действий, предвидя наступление последствий в виде нарушения половой неприкосновенности несовершеннолетней, а также её нормального психического развития и желая их наступления, с целью совершения ненаследственных действий сексуального характера, лежа на кровати с несовершеннолетней А., предложила последней вступить с ней в сексуальные действия — лесбиянство, на что А. согласилась. Затем К. стала гладить своими руками половые органы — клитор и половые губы А., а также целовать её в губы, то есть совершила лесбиянство с А., не достигшей шестнадцатилетнего возраста и половой зрелости²⁴.

Таким образом, основываясь на медицинских положениях и правоприменительной практике, можно сделать вывод, согласно которому под лесбиянством надлежит понимать любое сексуальное действие, в том числе с использованием фаллоимитирующих приспособлений, совершенное лицом женского пола по отношению к другому лицу женского пола.

В этой связи вероятно возникновение вопросов по поводу квалификации таких действий, как поцелуи, объятия, поглаживания между лицами женского пола. Представляется, что данные и подобные им действия при наличии других обязательных объективных и субъективных признаков состава рассматриваемого преступления должны быть квалифицированы как лесбиянство только в случае их явно выраженного сексуального характера. Поцелуи, объятия и поглаживания, совершаемые в целях сексуального удовлетворения (возбуждения), как правило, имеют место во время предварительных сексуальных ласк, что, безусловно, относит данные действия к лесбиянству. Поцелуи, объятия и поглаживания, совершаемые без цели сексуального удовлетворения, например при встрече и прощании, не относятся к лесбиянству и не имеют уголовно-правового значения.

Оконченным преступление, совершенное в форме лесбиянства по ч. 2 ст. 134 УК РФ, будет с момента начала первого действия сексуального характера.

Преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 134 УК РФ, характеризуется отсутствием какого бы то ни было насилия или угрозы его применения к потерпевшему (потерпевшей) или другим лицам. Данный вывод можно сделать исходя из сравнительного анализа составов преступлений, предусмотренных статьями 131, 132 и 134 УК РФ. Любое действие сексуального характера, сопровождаемое применением насилия или угрозой его применения, должно быть ква-

¹⁷ См.: Кон И. С. Введение в сексологию. — М.: Медицина, 1989. — С. 324.

¹⁸ См.: Старович З. Судебная сексология. — М., 1991. — С. 54.

¹⁹ См.: Корнеева А. В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А. И. Рарог. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2011. — С. 282.

²⁰ См.: Бородин С. В. Постатейный Комментарий к Уголовному кодексу РФ 1996 г. / Под ред. А. В. Наумова. — М., 1996. — С. 274.

²¹ См.: Изотов Н. Н., Кибальник А. Г., Соломонович И. Г. Уголовная ответственность за насильственные действия сексуального характера. — Ставрополь, 2000. — С. 42.

²² См.: Цэнгэл С. Д. Энциклопедия уголовного права. — Т. 15. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. — Издание профессора Малинина — СПб ГКА. — СПб., 2011. — С. 158.

²³ См.: Исаев Н. А. Сексуальные преступления как объект криминологии. — СПб., 2007. — С. 215.

²⁴ Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 19 марта 2014 года Де-ло № 1–255–14 // Отдел по информационному обеспечению деятельности Якутского городского суда.

лифицировано, в зависимости от формы сексуального контакта, по соответствующей части ст. 131 или ст. 132 УК РФ.

Представляется, что по смыслу закона сексуальные действия в рамках ст. 134 УК РФ, учитывая их ненасильственный характер, совершаются добровольно. Добровольность в данном случае предполагает осознанное и волевое согласие участников сексуального контакта на совершение указанных действий, при отсутствии любых факторов принуждения. Физическое принуждение оценивается как насильственное половое преступление, а принуждение с помощью шантажа или зависимого положения требует дополнительной квалификации по ст. 133 УК РФ.

Кроме того, добровольные сексуальные действия характеризуются взаимностью, которая выражается, с одной стороны, в свободном совершении данных действий и, с другой стороны, в дозволении совершать названные действия в отношении себя.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об отсутствии иных, отличных от полового сношения, мужеложства и лесбиянства, действий сексуального характера в диспозиции рассматриваемой статьи.

Уголовная ответственность за насильственные (с применением насилия, угрозой его применения или с использованием беспомощного состояния потерпевшего) действия сексуального характера предусмотрена в статьях 131 и 132 УК РФ, где помимо полового сношения, мужеложства и лесбиянства указываются также иные действия сексуального характера, которые позволяют охватить весь круг возможных сексуальных действий. Касательно ненасильственных сексуальных действий законодателем предусмотрена ответственность в ст. 134 УК РФ лишь за половое сношение (ч. 1), мужеложство и лесбиянство (ч. 2), а иные действия сексуального характера, которые упоминаются в названии ст. 134 УК РФ, законодателем в диспозицию не включены. Такое решение по меньшей мере является спорным.

Создается ситуация, в которой совершеннолетний может быть привлечен к уголовной ответственности только за действия сексуального характера в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, совершенные в форме полового сношения, мужеложства и лесбиянства. Любые другие сексуальные действия (иные действия сексуального характера) с лицом, не достигшим шестнадцати лет, по ст. 134 УК РФ не преследуются, а значит, находятся за рамками анализируемого состава. Возникает вопрос: как квалифицировать иные действия сексуального характера, социальная обусловленность криминализации которых ничуть не меньше действий, описанных в ст. 134 УК РФ?

Выходом из сложившейся ситуации, в первую очередь для правоприменителей, стала норма о развратных действиях (ст. 135 УК РФ), которые ввиду отсутствия своего законодательного определения носят оценочный характер.

Так, приговором Магаданского городского суда Магаданской области установлено, что Т. 26 июня 2013 г., в дневное время, оставшись наедине с несовершеннолетней М. на берегу реки Магаданки, действуя умышленно, достоверно зная, что М. не достигла шестнадцатилетнего возраста, осознавая противоправность своих действий, с целью удовлетворения своих половых потребностей и возбуждения у несовершеннолетней М., не достигшей половой зрелости, интереса к половым отношениям, обнажил свой половой член, который поместил в рот несовершеннолетней М. Таким образом, Т., являясь лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, совершил развратные действия, без применения насилия в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста и половой зрелости²⁵.

Такое правоприменительное решение является вынужденной необходимостью и никак не оправдывает законодателя за столь серьезный пробел в конструкции состава рассматриваемого преступления.

Стоит сказать, что возможность квалифицировать иные действия сексуального характера по ст. 135 УК РФ говорит о развращающем характере любых сексуальных действий, совершаемых в отношении лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста.

Анализируя далее объективную сторону преступления, необходимо отметить, что нынешняя редакция ст. 134 УК РФ содержит два основных состава, которые отдельно устанавливают ответственность за половое сношение в ч. 1 и отдельно за мужеложство и лесбиянство в ч. 2. С точки зрения системного подхода к названным действиям, а также возможности применения первого примечания к ст. 134 УК РФ это выглядит вполне логичным, однако предусмотренные санкции в ч. 1 и ч. 2 ст. 134 УК РФ, точнее разница между ними, вносят еще больший диссонанс в регламентацию ответственности за действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста.

В настоящее время создана ситуация, при которой строгость наказания за совершение ненасильственных действий сексуального характера с лицом в возрасте до шестнадцати лет будет зависеть не от тяжести содеянного и возможных последствий для несовершеннолетнего, а от пола партнеров и конкретного способа их сексуального контакта.

Так, при равнополюсти потерпевшего и виновного последнего грозит наказание до четырех лет лишения свободы только за совершение вагинального секса, который определяется как половое сношение и карается по ч. 1 ст. 134 УК РФ. Участие виновного в любых других формах сексуальных действий с потерпевшим, в том числе сексуальных ласках, оральном или анальном сексе, а также сексе с использованием фаллозамещающих приспособлений, расценивается как развратные действия по ч. 1 ст. 135 УК РФ, где максимальная санкция не превышает трех лет лишения свободы.

Сексуальные действия совершеннолетнего мужчины с не достигшим шестнадцатилетнего возраста мальчиком, заключающиеся во введении полового члена одного из партнеров в заднепроходное (анальное) отверстие другого необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 134 УК РФ как мужеложство, наказание за которое достигает шести лет лишения свободы. В то же время сексуальные действия между теми же партнерами с введением фаллоимитатора в анальное отверстие мужеложства не образуют и как развратные действия наказываются максимально тремя годами лишения свободы. Такое же наказание грозит виновному за сексуальные ласки и оральные секс с несовершеннолетним, не достигшим шестнадцати лет.

Наибольшее удивление вызывает предусмотренная ответственность за действия сексуального характера совершеннолетней женщины с девочкой моложе шестнадцати лет, где любая форма сексуального контакта между ними, будь то сексуальные ласки, оральные секс или секс с использованием искусственных приспособлений, определяется как лесбиянство по ч. 2 ст. 134 УК РФ и наказывается лишением свободы до шести лет.

Стоит отметить, что описанная выше картина, характеризующая ответственность за отдельные виды сексуальных действий с подростками, во многом является результатом непродуманного, бессистемного и точечного подхода законодателя к конструированию ст. 134 УК РФ. Данная статья с начала действия УК РФ 1996 г. подвергалась изменениям семь раз, однако, несмотря на это, многие проблемы с возможностью ее применения так и не были решены.

²⁵ Приговор Магаданского городского суда Магаданской области от 19 декабря 2013 года. Дело № 1-763/2013 (33186) // Отдел по обе-

спечению судопроизводства по уголовным делам Магаданского городского суда.

В науке уголовного права высказываются различные способы выхода из сложившейся ситуации.

Так, наиболее распространенным предложением является возвращение первоначальной редакции диспозиции ст. 134 УК РФ с добавлением к ней иных действий сексуального характера²⁶.

Еще один подход, напротив, заключается в перемещении мужеложства и лесбиянства из ст. 134 в ст. 135 УК РФ, образуя тем самым ненасильственное подобие составам преступлений, предусмотренных ст. 131 и ст. 132 УК РФ²⁷.

Позиция Е. А. Котельниковой не связана с законодательными изменениями ст. 134 УК РФ. Автор считает, что достаточно переформулировать определения понятий в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 15 июня 2004 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ» следующим образом: «Мужеложство — совершение виновным таких действий в отношении потерпевшего, которые нарушают его телесную неприкосновенность и выражаются в имитации полового сношения путем воздействия на область половых органов или проникновения в естественные полости тела хотя бы одной стороны сексуального контакта; лесбиянство — совершение виновной таких действий в отношении потерпевшей, которые нарушают ее телесную неприкосновенность и выражаются в имитации полового сношения путем воздействия на область половых органов или проникновения в естественные полости тела хотя бы одной стороны сексуального контакта; иные действия сексуального характера — это способы удовлетворения полового влечения между лицами разного пола, нарушающие телесную неприкосновенность потерпевшей (потерпевшего), которые связаны с воздействием на область половых органов или проникновением в естественные полости тела хотя бы одной стороны сексуального контакта»²⁸.

Каждое из предложенных изменений способно благотворно повлиять на сегодняшнюю регламентацию ненасильственных сексуальных преступлений. Вместе с тем, учитывая добровольный характер и широкий круг возможных сексуальных действий, последствия от которых крайне неодинаковы, потребность в более обоснованном и справедливом решении останется.

Представляется, что решение проблемы должно проходить на законодательном уровне, а конструирование рассматриваемой статьи должно объективно отражать степень общественной опасности ненасильственных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста.

Оценка названных действий должна основываться в первую очередь на возможных негативных последствиях для несовершеннолетнего лица. Желания комитета Государственной думы по вопросам семьи, женщин и детей дифференцировать уголовную ответственность за половое сношение, мужеложство, лесбиянство и развратные действия в зависимости от ха-

рактера, способа и характеристик субъекта посягательства²⁹, выразившееся в разделении традиционной формы сексуального контакта от нетрадиционной (ч. 1 и ч. 2 ст. 134 УК РФ), на практике не может быть осуществлено, так как, к примеру, мужеложство подразумевает только одну форму нетрадиционных сексуальных действий, в то время как все остальные (оральный секс между лицами мужского пола и т.д.) наказываются как развратные действия. Более того, установление повышенной ответственности, исходя из гомосексуальной характеристики контакта, не имеет правового обоснования. Дифференциацию уголовной ответственности за ненасильственные действия сексуального характера правильнее проводить, основываясь на объективных признаках их возможных последствий.

В литературе, ввиду формальной конструкции состава, возможным последствиям анализируемого преступления уделяется мало внимания. Так, указывается, что последствиями сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних являются разрыв девственной плевы, венерическое заболевание, ВИЧ-инфекция, наличие у потерпевшей беременности³⁰.

Для более подробного анализа последствий необходимо обратиться к медицинским источникам. В порядке организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации, утвержденном приказом Минздравсоцразвития РФ, возможные последствия называются применительно к конкретной форме сексуальных действий.

Так, сексуальные действия, не связанные с проникновением (трение полового члена о тело, мастурбация и др.), могут вызывать разнообразные повреждения на теле: кровоизлияния, ссадины и царапины в области лобка, наружных половых органов, промежности, на бедрах, плечах и других областях тела. Отек и гиперемия слизистых оболочек преддверья влагалища также могут стать следствием интенсивных сексуальных контактов.

Сексуальные действия с проникновением в естественные полости тела, помимо вышеописанного, могут вызывать различные последствия органического и функционального характера, включая заражение венерическими заболеваниями и ВИЧ-инфекцией, приводящие к стойкому расстройству здоровья, психическим заболеваниям, утрате способности к совокуплению и зачатию. Характерными признаками вагинального секса (полового сношения) являются зияние половой щели, воронкообразное углубление, атрофия и изменение цвета кожных покровов в области промежности, задней спайки и ладьевидной ямки. Анальный секс (в том числе мужеложство) может являться причиной повреждений в области заднепроходного отверстия и прямой кишки (кровоподтеки, ссадины, надрывы и разрывы слизистой оболочки и др.), желудочно-кишечных заболеваний, сопровождающихся запорами или поносами, а также выпадения прямой кишки³¹.

К сожалению, указанные признаки, ввиду определенной специфики данного правового акта, характеризуют далеко не

²⁶ См., напр.: Василенко Д. Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, посягающими на нормальное половое и нравственное развитие малолетних: Дисс. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2002. — С. 10.; Романов В. Г. Уголовная ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — С. 10–11.

²⁷ См.: Данелян Р. С. Энциклопедия уголовного права. — Т. 15. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. — Издание профессора Малинина — СПб. ГКА. — СПб., 2011. — С. 467.

²⁸ Котельникова Е. А. Насильственные посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород, 2007. — С. 8–9.

²⁹ Заключение комитета Государственной думы ФС РФ от 20.09.2011 № 3.6–12/121.2 по проекту Федерального закона № 577813–5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

³⁰ См.: Руководство для следователей / Под общ. ред. В. В. Мозякова. — М., 2005. — С. 525.

³¹ Приказ Мин-здравсоцразвития РФ от 12.05.2010 № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 10.08.2010 № 18111) // Справочная правовая система «Консультант-Плюс».

все последствия совершения сексуальных действий. Дополнить картину возможных последствий помогут результаты анкетирования работников учреждений здравоохранения (всего опрошенных — 42 специалиста).

Так, среди возможных последствий для несовершеннолетнего от совершения с ним сексуальных действий без проникновения во влагалище, анус или ротовую полость медицинские работники называют личностные расстройства (цинизм, чувство вины, эгоцентризм, депрессия, инфантилизм, раздражительность и др.), физические повреждения (травмы, кровоподтеки, ссадины), физиологические нарушения (раннее половое созревание, сексуальная дисфункция), в редких случаях венерические заболевания.

Последствия сексуальных действий с проникновением в естественные полости тела, по мнению медиков, могут быть те же, что характерны для сексуальных действий без проникновения, а также подростковая беременность и такие серьезные нарушения развития, как гормональный сбой, гипобиблидемия, нарушение сексуального самоопределения, психологическая травма, механическая травма, психические расстройства различной этиологии, инфекционные заболевания, венерические заболевания, ВИЧ-инфекция.

Очевидно, что перечисленные последствия не исчерпывают всего круга возможных последствий сексуальных действий с несовершеннолетними, однако их достаточно для того, чтобы сделать вывод о том, что сексуальные действия с проникновением в полости тела представляют большую опасность для несовершеннолетнего, чем сексуальные действия без проникновения.

Представляется, что данный вывод должен быть положен в основу дифференциации уголовной ответственности за совершение действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. Установление одной ответственности за половое сношение, другой — за мужеложство и лесбиянство и третьей — за все остальные формы сексуальных действий не отражает реальной характеристики степени общественной опасности этих действий.

Кроме того, перечисление в законе отдельных форм сексуальных контактов (половое сношение, мужеложство, лесбиянство) запутывает правоприменителя и создает трудности в квалификации. Поэтому логичным видится исключение из текста закона неюридических терминов с добавлением вместо них общего понятия, которое бы охватывало весь спектр сексуальных действий. Считаем возможным использовать в законе оборот «действие сексуального характера» как понятие, обозначающее любую форму сексуальных контактов между людьми.

Формы сексуальных контактов с проникновением во влагалище, анус или ротовую полость можно обозначить как «действие сексуального характера, совершенное с проникновением в тело». Такое решение позволит выровнять ответственность за все формы сексуальных действий, совершенных с проникновением в естественные полости тела (вагинальный, анальный и оральный секс).

Таким образом, учитывая все вышеизложенное, ст. 134 УК РФ можно изложить в следующей редакции:

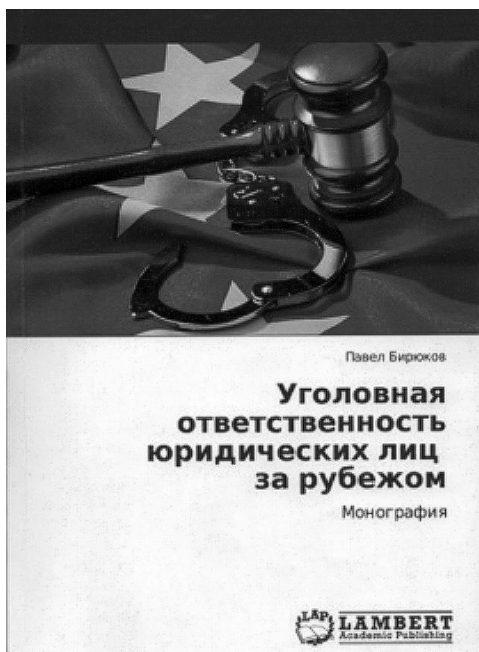
«1. Действие сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, — ...
2. То же деяние, совершенное с проникновением в тело, — ...».

Пристатейный библиографический список

1. Заключение комитета Государственной думы ФС РФ от 20.09.2011 № 3.6–12/121.2 по проекту Федерального закона № 577813–5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера

- ра, совершенные в отношении несовершеннолетних» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
2. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 12.05.2010 № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 10.08.2010 № 18111) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «Гарант».
4. Справка Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда «О результатах обобщения судебной практики по рассмотрению судами области уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 134 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:FWSelclGVBJJ:files.sudrf.ru/802/docum_sud/doc20110518-065204.doc&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ru
5. Приговор Константиновского районного суда Амурской области от 28 января 2010 года. Дело № 1–25/10 г. [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-konstantinovskij-rajonnyj-sud-amurskaya-oblast-s/act-101770160/>
6. Приговор Магаданского городского суда Магаданской области от 19 декабря 2013 года. Дело № 1–763/2013 (33186) // Отдел по обеспечению судопроизводства по уголовным делам Магаданского городского суда.
7. Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 19 марта 2014 года. Дело № 1–255–14 // Отдел по информационному обеспечению деятельности Якутского городского суда.
8. Авдеев М. И. Курс судебной медицины. — М., 1959.
9. Агарков С. Т., Кашенко Е. А. Сексуальность в цивилизации: от пещер до небоскребов (социогенез сексуальности).— Воронеж, 2010 [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://kea-com.ru/socialnyestrategii-seksualnogo-povedeniya-iz-knigi-ontogenez-seksualnosti/>
10. Васильченко Д. Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, посягающими на нормальное половое и нравственное развитие малолетних: Дисс. ... канд. юрид. наук.— Ростов-на-Дону, 2002.
11. Затона Р. Е. Уголовно-правовой и криминологический аспекты ответственности за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста: Дисс. ... канд. юрид. наук.— Саратов, 2000.
12. Игнатов А. Н. Квалификации половых преступлений. — М., 1974.
13. Изотов Н. Н., Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Уголовная ответственность за насильственные действия сексуального характера. — Ставрополь, 2000.
14. Исаев Н. А. Сексуальные преступления как объект криминологии. — СПб., 2007.
15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А. И. Рарог. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2011.
16. Кон И. С. Введение в сексологию. — М.: Медицина, 1989.
17. Котельникова Е. А. Насильственные посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность: уголовно-правовая характеристика и проблемы квали-

- фикации: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород, 2007.
18. Кузнецов В. И. Постановление Пленума Верховного суда РФ: дискуссионные вопросы // Сибирский юридический вестник. — 2005. — № 4.
 19. Кулаков А. В. Уголовно-правовой и криминологический аспекты насильственных действий сексуального характера: Дисс. ... канд. юрид. наук. — Рязань, 2004.
 20. Мастерс У., Джонсон В., Колодни Р. Основы сексологии. — М., 1998.
 21. Мурзина Л. И. Уголовная ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста // Вестник Пензенского государственного университета. — 2013. — № 3.
 22. Новое уголовное право России. Особенная часть: Учеб. пособие / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой. — М., 1996.
 23. Общая сексология: руководство для врачей / Под ред. Г. С. Васильченко. — М., 1977.
 24. Постатейный Комментарий к Уголовному кодексу РФ 1996 г. / Под ред. А. В. Наумова. — М., 1996.
 25. Романов В. Г. Уголовная ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2013.
 26. Руководство для следователей / Под общ. ред. В. В. Мозякова. — М., 2005.
 27. Старович З. Судебная сексология. — М., 1991.
 28. Сяткин Н. Н. Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста: законодательный и правоприменительный аспекты: Дисс. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2013.
 29. Фаткуллина М., Островецкая Ю. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ // Уголовное право. — 2009. — № 5.
 30. Шляпочников А. С. Толкование советского уголовного закона. — М., 1960.
 31. Энциклопедия уголовного права. — Т. 15. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. — Издание профессора Малинина — СПб ГКА. — СПб., 2011.
 32. Яковлев Я. М. Половые преступления. — Душанбе, 1969.

Вяземская А. А.

НЕЗАКОННОЕ КУЛЬТИВИРОВАНИЕ НАРКОСОДЕРЖАЩИХ РАСТЕНИЙ ПО СТ. 231 УК РФ И ПЛОЩАДКИ КУЛЬТИВАЦИИ КАННАБИСА ПО НИДЕРЛАНДСКОМУ ПРАВУ

Предметом настоящего исследования является изучение нидерландского уголовного законодательства в сфере регулирования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. И Российская Федерация, и Королевство Нидерландов являются государствами — участниками ООН и следуют международно-правовым нормам, которые содержатся в подписанных ими конвенциях. Среди таких норм есть и правила регулирования законного и незаконного оборота наркотиков. Как следствие, некоторые преступные деяния признаются таковыми в уголовно-правовых системах обоих государств. В настоящей статье автор предпринимает попытку сравнительно-правового анализа ст. 231 УК РФ и нидерландского уголовного-правового законодательства в соответствующей сфере, чтобы выяснить, относится ли это преступление к подобным деяниям. Автор использовал компаративистский метод, методы толкования и контекстного анализа, исследованы нидерландские нормативные правовые акты и научная литература. В заключение автор делает выводы о том, какие правовые последствия наступят за совершение аналогичного ст. 231 УК РФ деяния на территории королевства и какие сходства и различия есть между российским и нидерландским вариантами реагирования на проблему.

Ключевые слова: анализ, каннабис, культивирование, наркосодержащее растение, наркотические средства, Нидерланды, Опиумный закон, психотропные вещества, ст. 231 УК РФ, характеристика.

Вяземская А. А.

Vyazemskaya A. A.

ILLICIT CULTIVATION OF NARCOTIC PLANTS UNDER THE ART. 231 OF THE RUSSIAN CRIMINAL CODE AND PLANTATIONS FOR THE CULTIVATION OF CANNABIS UNDER THE DUTCH LAW

The subject of this study is a research of the Dutch criminal law concerning the regulation of crimes related to illicit trafficking of the narcotic drugs and psychotropic substances. Both Russia and the Netherlands are State Parties to the United Nations and respectively follow the norms of the international law contained in the conventions they have signed. Among these rules the rules governing the legal and illegal drug trafficking can be mentioned. As a consequence some of the criminal acts are common to the criminal legal systems of both countries. In this article the author attempts to perform a comparative legal analysis of the Art. 231 of the Russian Criminal Code and the Dutch criminal law legislation in the relevant field in order to find out if the crime under this article can be considered as one of such criminal acts. The author used comparative method, and also methods of interpretation and context analysis; Dutch regulations and scientific articles were studied. In summary the author draws conclusions what are the legal consequences for committing an act on the territory of the Netherlands if this act is similar the one described under the Art. 231 of the Russian Criminal Code, what are the similarities and the differences between the Russian and the Dutch way to solve the problem.

Keywords: analysis, cannabis, cultivation, narcotic plant, narcotic drug, the Netherlands, Opium Act, psychotropic substances, Art. 231 of the Russian Criminal Code, characteristic.

Культивирование — первая стадия в цепочке, формирующей незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ¹. В УК РФ есть статьи, предусматривающие ответственность за все стадии этой цепочки — приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку, производство, сбыт, пересылку, контрабанду как наркотических средств и психотропных веществ и их аналогов, так и их прекурсоров, а равно растений, содержащих такие вещества (статьи 228–229.1 УК РФ). При этом культивирование растений, содержащих наркотических средства, психотропные вещества либо их прекурсоры, выделено в отдельный состав, который, судя по размеру предусмотренных санкций, считается менее общественно опасным, нежели остальные преступления данного цикла.

Нидерландский законодатель тоже сгруппировал составы преступлений, охватывающие процесс оборота наркотиков, но использовал другой критерий разделения. В ст. 2 Опиумного закона² предусмотрена ответственность за перевозку на территорию Нидерландов или за их пределы (п. А), выращивание, подготовку, обработку, переработку, продажу,

доставку, поставку и транспортировку (п. В), хранение (п. С), изготовление (п. D) наркотиков, перечисленных в Списке I, являющемся частью Опиумного закона, где перечислены так называемые тяжёлые наркотики. Статья 3 Опиумного закона вводит запрет на совершение тех же действий, но в отношении наркотиков, перечисленных в Списке II, приложенном к Опиумному закону, в котором перечислены лёгкие наркотики. Иными словами, нидерландский законодатель сформулировал два схожих состава преступления с множественными альтернативными вариантами совершения объективной стороны, характеризующихся одинаковыми элементами объективной стороны преступления, но совершаемыми по поводу разных предметов. И в основе этого разграничения лежит ключевое для нидерландского способа урегулирования вопросов, связанных с оборотом наркотиков, разделение всех наркотиков на тяжёлые и лёгкие.

В рамках настоящего исследования мы можем рассмотреть только часть составов преступлений, предусмотренных статьями 2–3 Опиумного закона, — те, в которых объективная сторона выражается в совершении действий по выращиванию растений, содержащих наркотики, перечисленные либо в Списке I, либо в Списке II, прилагающихся к Опиумному закону.

Первоначально ст. 2 Опиумного закона не включала в себя такой вариант совершения объективной стороны преступле-

¹ Blom T. Opiumwetgeving en drugsbeleid // Deventer: a Wolters Kluwer business. — 2008. — P. 127.

² Opiumwet от 12.05.1928 // Staatsblad. — 1928. — № 167. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://wetten.overheid.nl/BWBR0001941/geldigheidsdatum_09-05-2014/informatie

ния, как «выращивание», на тот период преступным было только культивирование растений, содержащих в себе вещества из Списка II. Дополнение было внесено в статью Законом от 01.06.2006 г. «Об имплементации Рамочного решения № 2004/757/JBZ Совета Европейского Союза от 25.10.2004 г., устанавливающего минимальные положения о составных элементах преступных деяний и наказаний в области незаконного оборота наркотиков (PbEU L 335)»³.

Как и в отечественном законодательстве, нидерландским законом устанавливаются особые условия, при которых разрешается заниматься выращиванием растений, содержащих наркотики или психотропные вещества. По общему правилу, необходимо получить особое разрешение, называемое «исключением», на занятие такого рода деятельностью. Ограничен круг органов, которые могут выдавать подобные разрешения, и круг случаев, когда подобное решение выдётся, а также существует перечень требований, которым должен удовлетворять кандидат на получение разрешения. Основные правила выдачи разрешения закреплены в Опиумном законе.

В ст. 8 Опиумного закона говорится, что разрешение может быть предоставлено или продлено только в случае, если лицо, подавшее заявку, докажет министру, что соответствует всем предъявляемым к нему требованиям. В пп. А — С перечислены эти требования. Во-первых, лицо должно действовать в интересах здравоохранения или обеспечения здоровья животных. Во-вторых, ему необходимо совершить научное или аналитически-химическое исследование, либо доказать, что оно действует в учебных целях, в случае если это не нарушает интересы здравоохранения. В-третьих, лицу требуется совершить действие, по общему правилу запрещённое статьями 2–3 Опиумного закона. Оно может совершать такое действие по соглашению с другим лицом, получившим разрешение в соответствии с ч. 1 ст. 6 Опиумного закона, фармацевтом или врачом, управляющим аптекой, ветеринаром, организацией или лицом, названным в ч. 2 или 3 ст. 5 Опиумного закона, владельцем лицензии или разрешения, полученного в другом государстве, на ввоз наркотиков в это государство, если это не нарушает интересы здравоохранения. При этом ч. 1 ст. 6 Опиумного закона гласит, что министр может предоставить разрешение на совершение действий, запрещённых в статьях 2–3 Опиумного закона, а равно расширять, изменять, дополнять и отзываться такое разрешение. В ч. 2 ст. 5 Опиумного закона устанавливается, для каких целей может выдаваться рассматриваемое разрешение. Такими целями являются медицинские, в частности, стоматологические и ветеринарные, кроме того, разрешение может быть выдано лицам, которым запрещённые вещества необходимы для целей личного медицинского использования, и лицам, которые должны иметь эти вещества в своём распоряжении во исполнение законов Нидерландов и получили эти вещества в законном порядке. Отдельно в ч. 3 ст. 5 Опиумного закона устанавливается, что разрешение на совершение действий, запрещённых статьями 2–3 Опиумного закона, может быть дано королевским декретом по рекомендации министра.

Кто ответственен за выдачу разрешения? Статья 1 Опиумного даёт однозначный ответ на этот вопрос: министр здравоохранения, благосостояния и спорта. Согласно ч. 2 ст. 6 Опиумного закона разрешение может быть предоставлено на срок не более пяти лет. В рамках своих полномочий министр издал

07.01.2003 г. Правила о разрешения по Опиумному закону⁴. В них описывается процедура получения разрешения: в каких учреждениях, на совершение каких именно действий может быть выдано разрешение, какую информацию для этого надо предоставить.

С точки зрения уголовного права преступными будут действия лица по выращиванию растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, если оно нарушило правила получения разрешения или условия действительности разрешения.

В частности, объективная сторона преступления может характеризоваться любым из следующих действий (бездействий):

1. Получение разрешения на основе поддельных документов;
2. Осуществление деятельности, не обозначенной в разрешении (например, если разрешение выдано на выращивание кокаиновых кустов и их продажу медицинским учреждениям, а лицо занимается их экспортом за рубеж);
3. Осуществление деятельности, на которую было выдано разрешение, но в отношении другого растения;
4. Осуществление разрешённой деятельности в иных целях, чем были заявлены при получении разрешения (например, лицо получило разрешение на культивирование наркосодержащих растений в учебных целях, а само занимается коммерческой деятельностью);
5. Культивирование наркосодержащих растений без получения на то разрешения;
6. Культивирование наркосодержащих растений за пределами срока действия разрешения;
7. Культивирование растений в больших объёмах, чем определено лицензией.

При этом от того, какие именно наркотические средства и психотропные вещества содержатся в растении, зависит размер наказания. Если это вещества из Списка I Опиумного закона, то лицо подлежит ответственности по ч. 4 ст. 10 Опиумного закона, и ему угрожает лишение свободы на срок до 8 лет либо денежный штраф пятой категории. Если же из растения можно получить вещества, перечисленные в Списке II Опиумного закона, то оно подлежит ответственности по ч. 2 ст. 11 Опиумного закона, которая предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет или денежный штраф четвёртой категории.

Отдельно от всех растений, которые могут выступить предметом данного преступления, стоит каннабис. Если по отношению ко всем остальным растениям действует общий запрет на культивирование, то по поводу каннабиса действуют особые, более мягкие правила.

Согласно п. 3.2.1. Инструкции по Опиумному закону⁵, выделяется два типа культивирования конопли: профессиональное/коммерческое и непрофессиональное/некоммерческое культивирование. Некоммерческое выращивание конопли, если оно производится в небольшом размере для личного потребления и если оно совершается совершеннолетним лицом, не является приоритетным направлением для реакции со стороны правоохранительных органов. Они могут принять решение о конфискации конопли и невозбуждении уголовного дела. Для несовершеннолетних же приобретение и хранение лёгких наркотиков запрещено безусловно⁶.

⁴ Wet- en regelgeving. Ministerie Volksgezondheid, Welzijn en Sport // Staatscourant. — 2003. — № 6 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://wetten.overheid.nl/BWBR0014570/geldigheidsdatum_07-04-2014/informatie

⁵ Aanwijzing Opiumwet. Registratienummer: 2012A021 // Staatscourant. — nr. 26938. — 2012 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.om.nl/organisatie/beleidsregels/overzicht/drugs/@160000/aanwijzing-opiumwet/>

⁶ Rijksoverheid. Ben ik strafbaar als ik drugs bezit, gebruik, produceer of verhandel? // Rijksoverheid. — 2014 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.rijksoverheid.nl/onderwerpen/drugs/vraag-en-antwoord/ben-ik-strafbaar-als-ik-drugs-bezit-gebruik-produceer-of-verhandel.html>

³ Wet van 1.06.2006 tot implementatie van het kaderbesluit nr. 2004/757/JBZ van de Raad van de Europese Unie van 25 oktober 2004 betreffende de vaststelling van minimumvoorschriften met betrekking tot de bestanddelen van strafbare feiten en met betrekking tot straffen op het gebied van de illegale drugshandel (PbEU L 335) // Staatsblad. — 2006. — № 292 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://zoek.officielebekendmakingen.nl/stb-2006-292.html>

Приоритетным направлением борьбы является профессиональное коммерческое культивирование. Оно определяется по следующим критериям:

1. Масштаб культивирования. Если выращивается 5 или менее растений, презюмируется, что культивирование является некоммерческим. Подобные случаи рассматриваются как культивирование конопли в небольшом количестве для личного использования.

2. Степень профессионализма, с которой осуществляется культивирование. Здесь имеет значение тип помещения, в котором выращивается конопля, использование специальных приборов для освещения, отопления, орошения. В Приложении 1 к Инструкции по Опийному закону перечислены условия, позволяющие определить профессиональность культивирования (см. Таблицу 8 приложения к настоящей работе). Первый критерий не принимается во внимание, если лицо в своей деятельности выполняет два или более условий из этого Приложения, поскольку презюмируется, что его деятельность является профессиональной.

3. Цель культивирования. Вне зависимости от первого критерия, если удаётся установить, что целью деятельности по культивированию конопли является извлечение финансовой выгоды, признаётся, что лицо осуществляет профессиональную/коммерческую деятельность.

Появление этого критерия связано со вступлением в силу Закона от 18.03.1999 г. «О внесении изменений в Опийный закон в связи с введением повышенных штрафов за профессиональное производство и бизнес по производству конопли».

В комментарии к Приложению 1 отмечается, что этот список не является закрытым, иными словами, в зависимости от обстоятельств конкретного дела правоприменитель может принять решение о наличии профессионального культивирования, даже если признаки, по которым он принял такое решение, нигде легально не закреплены. На наш взгляд, такое решение нельзя назвать правильным. Граница между непрофессиональным и профессиональным выращиванием чрезвычайно тонка, более того, она определяется не на законодательном уровне, а в акте легального толкования. При этом разницу в правовых последствиях, зависящую от мнения правоприменителя по конкретному случаю, нельзя назвать незначительной: в одном случае лицу не угрожает уголовная ответственность, а во втором — он может быть приговорён к лишению свободы на срок до двух лет (ч. 3 ст. 11 Опийного закона). Отсутствие закрытого списка признаков, по которым определяется профессиональность культивирования, является также предпосылкой к различному, — а возможно и неверному! — применению одного и того же закона в идентичных по обстоятельствам делах, рассматриваемых в разных судах или даже в одном суде, но разными судьями.

В научной литературе высказывается мнение, что профессиональными стоит считать те площадки культивирования, которые соответствуют двум и более критериям профессиональности из приведённой выше таблицы соответствия⁷. Такое решение вопроса, на наш взгляд, является правильным и объективным, при этом правоприменителем, естественно, должно приниматься во внимание общее количество таких критериев и масштабы, в которых реализуются методы профессионального выращивания конопли.

Итак, что же представляют собой площадки культивирования конопли? Это места, специально оборудованные для выращивания растения каннабиса. Растения помещены в горшки или лоточки и находятся под специальными лампами. Как правило, используются плунжерные наносы, оросительные установки и другое профессиональное и полупрофессиональное оборудование. Площадки культивирования конопли могут быть расположены в сараях, складах и в других функциональных помещениях, но кроме того и в обычных частных

жилищах. Культивирование может происходить и вне помещения, но это случается реже.

В профессиональной литературе отмечается, что законодательство не делает чёткого разграничения между растениями и саженцами растений, а кроме того не даёт определения широко употребляемому понятию «площадка культивирования»⁸. Также встречается критика в адрес сформулированных критериев определения профессиональности действий по культивированию: чёткий количественный критерий не действует при использовании других двух критериев, которые, в отличие от однозначного количественного критерия, сформулированы более обтекаемо. Бывают случаи, когда площадкой культивирования признаётся место, в котором вообще нет ни растений каннабиса, ни саженцев; такое происходит, если площадка уже оборудована для культивирования, но растения либо ещё не высажены, либо уже собраны. Чем более продвинута площадка в техническом отношении, чем более она организована, тем выше вероятность, что правоохранительными органами она будет признана профессиональной. Кроме того, в качестве площадок культивирования признаются места, в которых выращиваются клоны (вегетативное потомство одного растения) и саженцы для последующей транспортировки их в места профессионального культивирования. В некоторых регионах в качестве площадок культивирования признаются также специальные помещения, предназначенные для просушки растений.

В контексте борьбы с незаконным культивированием конопли основной проблемой, характерной только для Нидерландов, называется «проблема чёрного хода»: хотя кофешопы и обладают правом легальной торговли каннабисом через «главный вход», из-за высокого спроса на этот товар они вынуждены пополнять свои запасы через «чёрный ход». На настоящий момент неясно, какими будут последствия и каким будет решение этой проблемы со стороны нидерландского правительства. Ежегодно уничтожается около 6 000 площадок незаконного культивирования⁹, конфискуется примерно 2,7–2,8 млн. растений и саженцев ежемесячно. Криминологи полагают, что наиболее очевидным последствием станет рост цен на каннабис, что в свою очередь сделает этот рынок ещё более привлекательным для организованной преступности.

Согласно решению суда области Ден Босх, подготовка помещения, освобождение места в рамках подготовки к выращиванию конопли ещё не является собственно выращиванием. Также нет причин говорить о покушении на выращивание, поскольку на этот момент ещё не совершены действия, непосредственно вызывающие общественно опасный результат¹⁰. Заключаем поэтому, что преступление считается совершённым с момента высаживания первых саженцев, т.е. с момента начала непосредственно выращивания растений. При этом само деяние является длительным, поэтому для наступления уголовной ответственности не важно, каким был дальнейший результат этой деятельности, был ли выращенный каннабис, например, впоследствии реализован, и даже доросли ли растения до той стадии, в которой начинается выработка вещества тетрагидроканнабиол. Национальный консультативный комитет председателей судов уголовного сектора и трибуналов подготовил документ под названием «Ориентационные пункты по уголовным наказаниям», в котором обозначены границы, в которых стоит назначать штрафы в зависимости от размера площадки для культивирования конопли. Целью этого документа является попытка унифицировать насколько

⁸ Wouters M. Cannabis control: consequences for consumption and cultivation. — Amsterdam: University of Amsterdam Dissertation. — Faculty of Law. — 2013. — P. 48 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://dare.uva.nl/document/465414>

⁹ Wouters M. Там же.

¹⁰ Rechtbank's-Hertogenbosch, 01/085014-00. LJN AD4401 // 's-Hertogenbosch. — 10.10.2001. — NJ 2002. — C. 193.

⁷ Blom T. Там же.

это возможно процесс назначения штрафов в Нидерландах. Так, согласно этому документу, лицо, впервые совершившее культивирование конопли, не состоящее в организованной группе, выращивающее растения с умеренной степенью профессионализма, если при этом количество растений составляет 50–100, подлежит наказанию в виде штрафа в размере 900 евро. Если же на площадке культивируются 100–500 растений, лицу грозит 6 недель лишения свободы, а за 500–1000 растений — 12 недель лишения свободы.

Объект рассматриваемых преступлений получается комплексным. Во-первых, объектом преступления, диспозиция которого содержится в п. В ст. 2 Опиумного закона, является совокупность общественных отношений по законному безопасному для общества культивированию растений, содержащих вещества, перечисленные в Списке I Опиумного закона. Эти общественные отношения урегулированы Опиумным законом и рядом подзаконных актов, предусматривающих возможность выращивания таких растений в научных, учебных, медицинских и иных целях. В связи с общественной опасностью таких растений, осуществлять их культивирование может строго очерченный круг лиц, которые обязаны получить специальное разрешение. И получение разрешения, и само культивирование урегулированы жёсткими правилами. Отношения по соблюдению этих правил, пребывающие в ограниченных ими рамках, и есть объект рассматриваемого преступления.

Сходный состав, диспозиция которого описана в п. В ст. 3 Опиумного закона, имеет в качестве объекта общественные отношения по поводу законного культивирования растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, поименованные в Списке II Опиумного закона. Для урегулирования этих общественных отношений также созданы правила, описывающие как возможность получения разрешения, так и осуществление деятельности по культивированию. Отдельно в этой группе выделяются общественные отношения по регулированию культивирования конопли, поскольку они урегулированы более детальными и послабляющими правилами. В связи с тем, что в Нидерландах допустима коммерческая деятельность по торговле каннабисом, более широкий круг лиц может участвовать в общественных отношениях по его культивированию. С другой стороны, наркотическая политика в качестве цели имеет борьбу с незаконным распространением также и лёгких наркотиков, поэтому в отношении этого типа коммерческой деятельности действуют также и ограничения. Нарушение этих ограничений превращает законную деятельность в незаконную, чему и противостоит уголовное право.

Предмет преступления описан в начале настоящего параграфа в применении ко всем преступлениям, относящимся к наркотической группе, но требует дополнительного комментария. Когда речь идёт о незаконном выращивании конопли, предметом деяния является «конопля». Термин относится ко всему растению, независимо от того, содержит ли оно активные элементы. Черенки конопли, под которыми понимаются свободные (без корней) части растения, что становятся основой для выращивания новых полноценных растений, также описываются этим термином. Согласно Опиумному закону, коноплей является любая часть растения рода *Cannabis*, из которого не была удалена смола, за исключением семян. В случае, если из растения уже была удалена смола, оно становится более не пригодным к дальнейшему производству, а полученная смола становится объектом другого преступления — производство гашиша, которое охватывается п. В ст. 3 Опиумного закона.

В случае, если лицо своими действиями нарушает оба запрета, предусмотренные п. В ст. 2 и п. В ст. 3 Опиумного закона, то, согласно ч. 1 ст. 55 УК Нидерландов, в отношении него используется наиболее тяжёлая из возможных санкций,

в данном случае это санкция за деяние из п. В ст. 2 Опиумного закона.

С точки зрения субъективной стороны данное деяние может быть совершено только умышленно. Невозможно осуществлять профессиональную деятельность по выращиванию растений, запрещённых к свободному обороту, и не осознавать профессионализма своей деятельности. Также сознанием лица должно охватываться, что выращиваемые им растения относятся к запрещённым, а не к обычным сельскохозяйственным культурам. Цель является факультативным признаком: если будет доказано, что лицо действовало с целью дальнейшего сбыта, то, независимо от других параметров осуществлённого им деяния, оно будет признано преступным.

Субъект преступления общий — физическое деликтоспособное лицо. Как правило, такие лица обладают специальными познаниями в области ботаники, необходимыми для осуществления культивирования.

Регулирование рассматриваемых деяний российским и нидерландским правом различается по многим ключевым позициям, но наблюдаются также и сходные позиции в регулировании:

1. Объективная сторона деяния, предусмотренного ст. 231 УК РФ, описывает исключительно культивирование растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества либо их прекурсоры. В нидерландском Опиумном законе культивирование является одним из возможных способов совершения незаконного оборота наркотиков;

2. В нидерландском праве предусмотрена ответственность за совершение двух преступлений, описываемых с помощью одинаковой объективной стороны и различающихся по предмету — какие именно наркотические вещества содержатся в выращиваемых растениях. По российскому праву это не оказывает влияния на степень общественной опасности;

3. Общий принцип регулирования общественных отношений, являющихся объектом данного преступления, един для обеих правовых систем: деятельность по культивированию таких растений потенциально опасна, поэтому нуждается в особом регулировании. Для её осуществления в научных, учебных, медицинских и др. целях нужно получить специальное разрешение, либо лицензию, предусматривающие, какие именно растения, для каких именно целей, на каких условиях можно культивировать. Нарушение правил получения такого разрешения/лицензии или нарушение ограничений, прописанных в разрешении/лицензии, является преступным;

4. В Нидерландах культивирование и продажа каннабиса являются особыми видами законной деятельности, но их осуществление возможно в строго ограниченных рамках, нарушение которых также будет являться преступлением. В России такая деятельность незаконна всегда (за исключением ситуации, описанной в прошлом абзаце);

5. Субъекты и субъективная сторона деяний в обеих правовых системах одинаковы;

6. В обоих случаях деяние считается продолжаемым и считается совершённым с момента высадки растений;

7. По российскому законодательству возможна ответственность и за приготовление, и за покушение на совершение деяния, предусмотренного ст. 231 УК РФ, а по нидерландскому законодательству покушение и приготовление невозможны вплоть до высадки растений, поскольку до этого момента ещё не совершены никакие общественно опасные действия. В отдельных провинциях окончением преступления признаётся и создание полностью подготовленной площадки культивирования до высадки на неё растений.

Пристатейный библиографический список

1. Aanwijzing Opiumwet. Registratienummer: 2012A021 // Staatscourant. — nr. 26938. — 2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.om.nl/organisatie/beleidsregels/overzicht/drugs/@160000/aanwijzing-opiumwet/>

2. Blom T. Opiumwetgeving en drugsbeleid // Deventer: a Wolters Kluwer business. — 2008.
3. Opiumwet от 12.05.1928 // Staatsblad. — 1928. — № 167 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://wetten.overheid.nl/BWBR0001941/geldigheidsdatum_09-05-2014/informatie
4. Rechtbank 's-Hertogenbosch, 01/085014-00. LJN AD4401 // 's-Hertogenbosch. — 10.10.2001. — NJ 2002. — P. 193.
5. Rijksoverheid. Ben ik strafbaar als ik drugs bezit, gebruik, produceer of verhandel? — 2014. // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.rijksoverheid.nl/onderwerpen/drugs/vraag-en-antwoord/ben-ik-strafbaar-als-ik-drugs-bezit-gebruik-produceer-of-verhandel.html>
6. Wet van 1.06.2006 tot implementatie van het kaderbesluit nr. 2004/757/JBZ van de Raad van de Europese Unie van 25 oktober 2004 betreffende de vaststelling van minimumvoorschriften met betrekking tot de bestanddelen van strafbare feiten en met betrekking tot straffen op het gebied van de illegale drugshandel (PbEU L 335) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://zoek.officielebekendmakingen.nl/stb-2006-292.html>
7. Wet- en regelgeving. Ministerie Volksgezondheid, Welzijn en Sport // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://wetten.overheid.nl/BWBR0014570/geldigheidsdatum_07-04-2014/informatie
8. Wouters M. Cannabis control: consequences for consumption and cultivation Amsterdam: University of Amsterdam. — Dissertation. — Faculty of Law. — 2013. — P. 48 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://dare.uva.nl/document/465414>

Зорин Р. Г.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ И УСТРАНЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НАРУШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассмотрены проблемы правовой оценки процессуальных нарушений в уголовном процессе. Исследованы критерии, с учетом которых осуществляется их правовая оценка. Автором акцентировано внимание на проблемах криминалистического обеспечения процедуры распознавания и устранения процессуальных нарушений и их негативных правовых последствий в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовный процесс, процессуальные нарушения, правовая оценка, закономерности выявления и устранения, эффективность и качество.

Zorin R. G.

CRIMINALISTIC RESEARCH OF FORMATION AND ELIMINATION REGULARITIES OF PROCEDURAL VIOLATIONS IN CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

In the present article the problems of legal assessment of procedural violations in criminal trial are considered. The criteria relevant for their legal assessment are investigated. The attention is focused on the problems of criminalistic support of the procedure of recognition and elimination of procedural violations and their negative legal consequences in criminal legal proceedings.

Keywords: criminal trial, procedural violations, legal assessment, regularities of identification and elimination, efficiency and quality.

Зорин Р. Г.

Существует основополагающее мнение о том, что доказательства, полученные с нарушением требований норм уголовно-процессуального права, являются недопустимыми. Это мнение стало центральным в доказательственном праве. Полемика в данном случае обусловлена вопросом о правомерности доказательств в связи с незначительными, несущественными отступлениями от закона, порой вызванными объективными причинами¹. Стороны в уголовном судопроизводстве принимают различные решения, в зависимости от того: как они оценивают те или иные доказательства; как понимают действующее уголовно-процессуальное законодательство; каковы их интересы в процессе; какое внешнее законное или противозаконное давление на них оказывается со стороны других участников процесса или лиц, действующих в интересах соответствующих участников процесса; каков их уровень квалификации, образования, интеллекта, уровень знания законов логики и методов научного познания². Различные оценки объектов оценочной деятельности в области уголовного судопроизводства, данные субъектами уголовно-процессуальных правовых отношений, во многом зависят от наличия противоречий в уголовно-процессуальном законодательстве и практике его реализации, то есть в применении, исполнении, использовании и соблюдении уголовно-процессуальных норм³.

Критически оценивая ситуацию, отметим, что умышленно допускаемые нарушения нередко имеют определенную направленность, смысловую нагрузку. Высокое интеллектуальное обеспечение процедуры формирования процессуальных нарушений придает им утонченность форм и содержания, ставит высокие барьеры на пути их распознавания, установления объективной, всесторонней правовой оценки. Одних лишь знаний основ уголовно-процессуального права исследователю нарушений явно недостаточно. Существенные нарушения

могут привести к ошибкам субъектов познавательно-установительной деятельности в сфере уголовно-процессуальных правоотношений, к иным процессуальным нарушениям. К наиболее распространенным нарушениям следовало бы отнести необоснованное, незаконное ограничение пределов и предмета доказывания, приводящее к нарушению принципа всесторонности, полноты и объективного исследования обстоятельств по уголовному делу, ограничение либо лишение права реализации законных прав и интересов участников уголовного процесса и т. д.

Следует согласиться с А. А. Ширвановым, который замечает: «Если проблема нарушений в уголовном судопроизводстве с давних времен привлекает внимание процессуалистов, то криминалисты ею практически не занимались»⁴.

«Действительно, существенное нарушение подлежит криминалистическому и уголовно-процессуальному анализу в целях своевременного его выявления, установления и устранения. При распознавании существенного нарушения подлежат исследованию присущие ему причинно-следственные связи. Возникает оно не только в связи с несоблюдением норм и принципов закона, но и в связи с ненадлежащим использованием тактических приемов, как предусмотренных законом, реализуемых по усмотрению органа уголовного преследования, так и не предусмотренных законом. Поэтому природа происхождения существенного нарушения, как и его содержание, носит уголовно-процессуальный и криминалистический характер. Представляется важным исследовать закономерности преобразования существенного уголовно-процессуального нарушения из одного качественного состояния в другое, как в процессе его возникновения, формирования, так и в их негативных правовых последствиях. Необходимым также является установление момента возникновения обратимости-необратимости наступления негативных правовых последствий в результате совершения существенного уголовно-процессуального нарушения и допущения самой возможности его наступления»⁵.

¹ Соркин В. С. Источники доказательств как средство установления истины по делу в уголовном судопроизводстве: Монография. — Гродно: ГрГУ, 2012. — С. 10.

² Курс уголовного судопроизводства: Учебник: В 3 т. / Под ред. В. А. Михайлова. — Т. 1: Общие положения уголовного судопроизводства. — М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2006. — С. 48.

³ Бенер А. Г. Оценка качества уголовного судопроизводства: выявление и предупреждение нарушений уголовно-процессуального закона: Дис. ... канд. юрид. наук. — Сургут, 2007. — С. 123.

⁴ Ширванов А. А. О причинах нарушений закона в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. — 2005. — № 8. — С. 24.

⁵ Зорин Р. Г. Криминалистическое и уголовно-процессуальное обеспечение процесса распознавания существенных нарушений в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь // Вестник ГрГУ им. Янки Купалы. Сер. 4, Правоведение. — 2011. — № 2. — С. 75.

Процессуальное нарушение представляет собой явление, выраженное в форме действий-бездействий, имеющее организационное, криминалистическое (тактическое, методическое), психологическое обоснование, а в нередких случаях и мотивированное деяние, влекущее либо могущее повлечь за собой наступление негативных правовых последствий, препятствующее реализации целей и задач уголовного судопроизводства. И здесь надо подчеркнуть тесную взаимосвязь и взаимозависимость положений уголовного процесса и криминалистики. Так, использование ненадлежащих криминалистических (научно-практических) рекомендаций, имеющих внешнее выражение в уголовно-процессуальных актах, есть процессуальное нарушение, суть которого заключается, как минимум, в неполноте познания исследуемого криминального события. Ведущая роль в механизме правовой оценки нарушений принадлежит криминалистическому обеспечению процедуры наступления и протекания негативных правовых последствий.

Итак, ненадлежащая реализация тактических приемов или реализация ненадлежащих тактических приемов влекут за собой как ошибки, так и процессуальные нарушения, в том числе существенные. Нарушения, формирование которых происходит в сфере использования криминалистических рекомендаций, нередко наполнены интеллектуальным инструментарием, носят прогнозный, управляемый характер. Субъект, умышленно допускающий процессуальное нарушение с целью получения ожидаемого им эффекта, должен не только осознавать момент наступления негативных правовых последствий, но и предвидеть их — в частности, ответную реакцию адресата воздействия. Управляемый характер реакций (поведения) адресата воздействия в результате допущения нарушения свидетельствует о его успешном выполнении и, вместе с тем, о степени негативного воздействия его последствий, о расстановке сил и средств, о тактическом преимуществе либо проигрыше на данный момент со стороны отправителя негативного воздействия. И коль нарушение допущено, то оно обязательно повлечет негативные правовые последствия, которые должны заботить не только адресата воздействия, но и, что примечательно, его отправителя.

Среди ученых-процессуалистов нет единого мнения о том, следует ли относить к нарушениям лишь те из них, которые являются следствием несоблюдения норм уголовно-процессуального права. Однако в сфере уголовно-процессуальных правоотношений осуществляется специфическая познавательно-удостоверительная деятельность, где должна царить гармонизация содержания и формы. Наполнение формы уголовно-процессуальных актов криминалистически значимым содержанием, как известно, должно соответствовать нормам права. И здесь сосредоточен ряд латентных и потенциальных уголовно-процессуальных нарушений.

Только при помощи использования криминалистических знаний во многих случаях становится возможным распознавание нарушений, равно как и предвидение длительности, интенсивности, диапазона их негативного воздействия. Процессуалисты — ученые и практики — должны чаще обращаться к сфере знаний криминалистической тактики, криминалистической методики, а ученые-криминалисты, в свою очередь, должны прислушиваться к речам «брата-процессуалиста» и прочувствовать потребности (проблемы) отрасли уголовно-процессуального права. Процессуалисты и криминалисты решают общие, по существу, задачи, касающиеся раскрытия и расследования преступлений. Размежевание, дистанцирование наук уголовного процесса и криминалистики, искусственное отдаление процессуалистов и криминалистов, ученых и практиков на пути познания закономерностей раскрытия и расследования преступлений является неверным и ошибочным. Напротив, им следует сплотить усилия в разработке научно-практических рекомендаций, направленных на раскрытие и расследование преступлений, на совершенствование положений наук криминалистики и уголовного процесса.

Решение проблем, связанных с осуществлением правовой оценки процессуальных нарушений, важно абсолютно для всех правовых институтов уголовного судопроизводства. Их исследование должно носить комплексный и системный характер. Познание природы процессуальных нарушений, закономерностей их возникновения и устранения осуществляется с учетом использования не только уголовно-процессуальных, но и криминалистических, уголовно-правовых, психологических знаний.

Правовая оценка нарушений представляет собой вид мыслительной деятельности, и, как следствие, совершение процессуального акта выступает в качестве внешнего выражения исследуемой процедуры. Этапы правовой оценки нарушений: выявление, установление (распознавание) фактов допущения процессуальных нарушений, их причин, условий и негативных правовых последствий, в том числе самой возможности либо неизбежности их наступления. В качестве причин и условий могут выступать взаимосвязанные и взаимозависимые процессуальные акты в форме действий-бездействий. Субъектами, допускающими процессуальные нарушения, могут быть любые лица, вовлеченные в сферу уголовно-процессуальных правоотношений. При этом они должны быть наделены процессуальным статусом и, соответственно, обладать правами и обязанностями. Иными словами, они должны иметь то или иное отношение к рассматриваемому уголовному делу.

Права Т. З. Егорова, которая полагает, что «оценку доказательств нельзя рассматривать только как умственную, логическую операцию. Если бы оценка сводилась только к актам мысли, к сугубо умственным операциям, то она не выходила бы за пределы сознания соответствующего субъекта уголовно-процессуального доказывания, была бы никому, кроме этого лица, неизвестна и лишалась бы всякого своего правового значения. Оценка средств уголовно-процессуального доказывания, сводимая лишь к умственным операциям, не могла бы быть урегулирована соответствующими правовыми нормами по той простой причине, что акты мысли, не нашедшие своего внешнего проявления, неподвластны законодателю (они остаются внутри сознания того, кто мыслит, и подчинены законам мышления)»⁶.

Факт выявления, установления процессуальных нарушений должен иметь свое внешнее надлежащее (предусмотренное нормами УПК) выражение (процессуальную форму отражения). Любой субъект уголовного процесса вправе давать оценку доказательствам, их источникам, подразумевающую вместе с тем и оценку допущенных нарушений, их роли, причин, условий и негативных правовых последствий. Данная деятельность в обязательном порядке должна найти свое подтверждение в процессуальных документах (итоговых — промежуточных: постановление об оценке доказательств, постановление об оценке процессуальных нарушений), решениях. В противном случае большинство нарушений по-прежнему будут возникать и оказывать свое негативное влияние латентно.

Средства и способы устранения нарушений для всех участников процесса, в частности, для тех, чьи законные права и интересы затронуты, должны быть очевидны. Следует нормативно возложить обязанность на орган, ведущий уголовный процесс, выявлять, устанавливать и устранять процессуальные нарушения, их условия, основания и негативные правовые последствия, и делать это незамедлительно, с момента, когда было обнаружено такое существенное нарушение, а сам факт устранения негативных правовых последствий должен быть максимально приближен к моменту его допущения, либо выявления, либо установления. Процессуальное оформление процедуры выявления, установления, устранения про-

⁶ Егорова Т. З. Средства доказывания в судебных стадиях российского уголовного процесса: Дис. ... канд. юрид. наук. — Ижевск, 2003. — С. 44–45.

цессуальных нарушений и их негативных правовых последствий — это вид правовой гарантии обеспечения законных прав и интересов личности, общества, государства в сфере уголовно-процессуальных правоотношений. В свою очередь, выявление, установление процессуальных нарушений должно повлечь за собой в обязательном порядке выявление, установление причин и условий, избрание мер правового характера, направленных на их устранение.

Л. Д. Калинкина констатирует: «Принципиальным видится и дифференцированный подход к оценке характера и степени тяжести нарушений уголовно-процессуального закона, обусловливаемых учетом различий характера роли и предназначения нарушаемых уголовно-процессуальных норм для уголовно-процессуальной деятельности. При этом, безусловно, необходимо исходить из обязательности соблюдения при производстве по уголовному делу каждой и всякой уголовно-процессуальной нормы (что диктуется требованиями осуществления уголовно-процессуальной деятельности в точном соответствии с предписаниями норм материального и процессуального права). Учет разнохарактерных роли, содержания и предназначения уголовно-процессуальных норм при оценке нарушений уголовно-процессуального закона особенно необходим, чтобы определить, нарушения каких норм могут и должны приводить к негативным правовым последствиям, устранение которых, безусловно, необходимо, поскольку без их соблюдения не может оставаться в силе состоявшееся судебное решение. Фундаментальный характер уголовно-процессуальных норм должен определяться их ролью, значением для достижения задач и цели судопроизводства, для постановления законного, обоснованного, мотивированного и справедливого судебного решения. Значение для уголовного судопроизводства тех или иных норм различно. Нормы, обеспечивающие торжественность, срочность судопроизводства, при всей их важности и необходимости, никогда не могут повлиять на постановление законного и обоснованного судебного решения. Однако есть другие уголовно-процессуальные нормы — это нормы, обеспечивающие права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства; нормы, соблюдение которых гарантирует получение и использование достоверной, допустимой доказательственной информации; нормы, лишь при выполнении которых постановляются законные и обоснованные приговор и иные судебные решения»⁷.

В механизме правовой оценки установлению подлежат следующие обстоятельства:

- процессуальная форма (внешнее выражение) процессуального нарушения;
- личность субъекта-отправителя нарушения и личность субъекта-адресата воздействия (при этом круг субъектов-адресатов нарушения может быть абсолютно определенный, относительно определенный, неопределенный, т.е. их множество);
- негативные правовые последствия (момент их наступления, носят ли они обратимый, т.е. устранимый, характер или нет).

«Диапазон негативного воздействия существенных нарушений устанавливается:

- по кругу отстаиваемых законных прав и интересов личности и государства в уголовном процессе;
- по кругу принимаемых процессуальных промежуточных и итоговых решений;
- по кругу решаемых задач уголовного процесса;

– по кругу субъектов, вовлеченных в процессуальный акт, сопряженный с фактом допущения процессуальных нарушений;

– по кругу процессуальных следственных и иных уголовно-процессуальных действий;

– по кругу средств и способов решения процессуальных и криминалистических задач;

– по кругу негативных правовых последствий существенных нарушений, а также по степени интенсивности и устойчивости их воздействия и другие»⁸.

Любое (выявленное, установленное) существенное нарушение должно приобрести характеристику (описание в постановлении об оценке доказательств, о правовой оценке процессуальных нарушений), как минимум, наступивших негативных правовых последствий. Иначе говоря (выявленное, установленное) существенное нарушение (правонарушение) должно иметь историю его возникновения, развития, вплоть до его устранения. Можно только предположить, что сие утверждение не найдет поддержки среди большинства практиков. Одним из аргументов «против» послужит, очевидно, тот, что данная процедура затянет процесс. Вместе с тем необходимо учесть, что выявление, установление и устранение противоречий, нарушений осуществляется системно, в рамках всех стадий уголовного процесса. Это следует вполне естественно принимать как неизбежность, в чем и заключается одна из задач прокурорского надзора, а также процессуального ведомственного и судебного контроля по уголовным делам.

Надо признать, что отсутствия четких критериев справедливости, нравственности, совести, присущих правовой оценке указанных явлений в сфере уголовно-процессуальных правоотношений, влечет за собой известные затруднения в реализации механизма правовой оценки нарушений и их негативных правовых последствий.

А. Г. Бенер совершенно справедливо отмечает, что, «к сожалению, до настоящего времени важнейшие уголовно-процессуальные понятия «законность», «справедливость» и «обоснованность» остаются дискуссионными. Ни в УПК РФ, ни в учебной литературе, ни в научной литературе по уголовному процессу не дается однозначных и четких определений законности, справедливости и обоснованности, что создает определенные трудности с их реализацией в реальных уголовно-процессуальных правовых отношениях по конкретным уголовным делам. Дело в том, что нас должны интересовать не просто законность, обоснованность как некие предельно общие понятия, а то, насколько законно, обоснованно или справедливо то или иное процессуальное решение или деяние субъекта уголовного судопроизводства. Например, можно поставить вопрос, а насколько законен, обоснован и справедлив приговор по данному уголовному делу? Какие критерии должны быть заложены в оценку законности, обоснованности и справедливости? Соответственно, указанные понятия должны быть достаточно четкими и определенными, чего пока не наблюдается»⁹. И. С. Дикарев акцентирует: «Именно справедливость судебного решения следует признать важнейшим критерием, позволяющим судить о том, является допущенное в ходе судебного производства по уголовному делу нарушение закона фундаментальным или нет»¹⁰. Трудно не согласиться и с С. Г. Ольковым, который, в частности, пишет: «Основное свойство справедливости — это предполагаемо истинная

⁷ Калинкина Л. Д. Нарушение фундаментальных уголовно-процессуальных норм — основание для повторного судебного производства по уголовным делам // Судебные производства в российском уголовном процессе: Материалы 3 междунар. науч. — практ. конф., Саранск, 24 дек. 2010 / Редкол.: Л. Д. Калинкина (отв. ред.), Н. Р. Мухудинова. — Саранск, 2011. — С. 44–50.

⁸ Зорин Р. Г. Криминалистическое обеспечение процесса распознавания диапазона и динамики существенных нарушений в уголовном судопроизводстве // Вестник Карагандинского университета. Сер. Право. — 2012. — № 1 (65). — С. 78.

⁹ Бенер А. Г. Оценка качества уголовного судопроизводства: выявление и предупреждение нарушений уголовно-процессуального закона: Дис. ... канд. юрид. наук. — Сургут, 2007. — С. 80.

¹⁰ Дикарев И. С. Понятие фундаментальных нарушений в уголовном процессе // Российская юстиция. — 2009. — № 6. — С. 49–52.

оценка. То есть истина и справедливость — близкие по смыслу понятия, хотя истина — это результат, а справедливость — оценка этого результата, которая может быть как точной, так и ошибочной»¹¹. И здесь стоит лишь подчеркнуть, что проблемы определения роли и значения категорий нравственности, справедливости, обоснованности в уголовном процессе требуют отдельных самостоятельных и вместе с тем комплексных научных исследований.

Действительно, трудно себе представить результат справедливости, который стал бы очевидным и приемлемым для всех и каждого, когда, например, делится один кусок хлеба поровну между несколькими изголодавшимися, с различными потребностями, весом, насыщением. При этом кто-то из них не насытится предназначенной долей и обязательно останется голодным. Восторжествовала ли справедливость?.. Или, например, факт обезображения лица и шеи (тела) потерпевшего, который устанавливает исключительно суд. Как может суд решить эту задачу, какими критериями при этом он руководствуется?.. Думается, что никто другой не может и не вправе определить за человека, причинены ли ему телесные повреждения, повлекшие обезображение его лица и тела, или нет и в какой степени это право должно принадлежать самому пострадавшему, с учетом, разумеется, выводов и заключений психологической и судебной медицинской экспертизы.

Необходимо разработать критерии справедливости, учитываемые в процессе и в результате принятия итоговых и промежуточных процессуальных решений, ибо в разные исторические эпохи представления о справедливости были различными.

Можно сколько угодно рассуждать о стремлении к справедливости, но и она устанавливается в уголовном процессе на основании применения норм права. В решении этого вопроса усматриваются прямые и обратные взаимосвязи и взаимозависимости между нормами уголовно-процессуального права и сложившимися на современном этапе представлениями о справедливости.

О недостижении справедливости можно судить в случаях допущения процессуальных нарушений, существенных нарушений и ошибок. Условные процессуальные нарушения, приобретающие свой существенный характер посредством высказываемых мнений, суждений, оценок правового характера, неминуемо предстанут результатом спора состоящих сторон, иных процессуальных оппонентов. Лишь прямое указание законодателя о надлежащем выполнении тех или иных действий приводит к суждению о допущении безусловного существенного процессуального нарушения. Однако и при этом необходимо учитывать условия, в которых такое нарушение стало возможным.

Следует также определить, что из себя представляет допущение процессуального нарушения: либо это факт, либо сведения о фактических данных, если учитывать, что большинство нарушений, в частности существенных, носит оценочный характер. Ибо определить, что это факт (например, допущение процессуального нарушения, имеющего условный характер), означает поставить под удар принцип презумпции невиновности. Здесь возникает сомнение: подтвердится ли ранее выявленный (на стадии предварительного расследования) факт допущения нарушения на контрольных стадиях кассационного и надзорного производства или будет опровергнут. И с этим необходимо разобраться...

Проблема видится в распознавании нарушений, допущенных лицами, вовлеченными в сферу уголовно-процессуальных правоотношений на стадии возбуждения уголовного дела до вынесения одноименного постановления, когда процессуальный статус их не определен, равно как и выполняемые ими

процессуальные функции. Причины и условия нарушений следует рассматривать с учетом сложившихся закономерностей их возникновения, формирования, преобразования и устранения. Возникновение причин и условий, способствующих допущению нарушений, есть результат деятельности субъектов уголовно-процессуальных правоотношений, их взаимодействий, процессуально и криминалистически значимых воздействий. Нарушение всегда обращено к третьим лицам, и, как правило, его негативные правовые последствия должны либо могут дойти до адресата.

Действительно, процессуальные нарушения, в том числе существенные, имеют оценочный характер, но критерии, по которым нарушения следует относить к существенным (фундаментальным), должны быть нормативно определены. Должен быть выработан и алгоритм действий, в соответствии с которым контролирующий орган будет обязан устанавливать ряд обстоятельств, свидетельствующих о наличии или отсутствии относимости тех или иных нарушений к существенным, имеющим условный характер.

В этой связи мы разделяем точку зрения С. Г. Олькова, который утверждает, что «было бы необходимым создать положение (кодекс) уголовно-процессуальных правонарушений, что, в свою очередь, еще более будет дисциплинировать участников уголовного судопроизводства, ибо плохо представляется перечень существенных нарушений, предусматриваемых нормами УПК, который ни при каких условиях не станет исчерпывающим, равно как невозможно определить исчерпывающий перечень нарушений (несущественных) и учесть все великое многообразие процессуальных (криминалистически значимых) судебно-следственных ситуаций, в которых встречаются нарушения»¹². В свою очередь А. А. Ширванов определяет: «Обозначить перечень всех уголовно-процессуальных правонарушений в уголовно-процессуальном праве, закрепить за каждым из них санкцию, весьма проблематично»¹³.

Думается, что такая группа процессуальных нарушений, как устранимые — неустранимые должна войти в общепринятую классификацию нарушений, так как на самом деле любые нарушения (как существенные, так и несущественные) могут быть устранимыми, тогда как неустранимыми могут быть исключительно существенные. Полагаем, что неустранимые нарушения, как и их негативные правовые последствия, не только могут, но и должны свидетельствовать о факте допущения именно процессуального правонарушения. Нередко существенные нарушения проявляются уже в виде внешнего выражения их негативных правовых последствий. Таким образом, и по последствиям можно судить о том, существенное нарушение было допущено или нет.

Ученые совершенно справедливо связывают проблему определения предназначения уголовного процесса и проблему формирования нарушений. Так, Т. А. Москвитина в связи с этим отмечает, что если призывы к отказу от истины найдут поддержку законодателей и будут закреплены в законе, то в вопросе о существенных процессуальных нарушениях логически неизбежны изменения. Из числа критериев существенных процессуальных нарушений должно быть исключено указание на влияние или возможность влияния на всесторонность, полноту и объективность исследования обстоятельств дела, на законность и обоснованность приговора. И тогда важным будет лишь то, соблюдена форма или нет. Однако нарушения форм уголовного судопроизводства не всегда могут и должны повлечь указанные в законе последствия (отмену приговора). В таком случае придется просто отказаться от понятия существенных нарушений уголовно-процессуального закона (форм судопроизводства), а в УПК указать на конкретные наруше-

¹¹ Ольков С. Г. Уголовно-процессуальные правоотношения. — Тюмень: Выssh. shk. MVD RF, 1996. — С. 59.

¹² Ольков С. Г. Уголовно-процессуальные правоотношения. — Тюмень: Выssh. shk. MVD RF, 1996.

¹³ Ширванов А. А. О причинах нарушений закона в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. — 2005. — № 8. — С. 23.

ния, которые должны приводить к негативным правовым последствиям. В законе возможно будет использовать лишь казуальный способ изложения предписаний о нарушениях, влекущих отмену приговора, то есть о нарушениях, которые, в силу указания закона, всегда влекут отмену приговора¹⁴.

Действительно, как можно избежать нарушения закона, не определившись с целью уголовного процесса? Неопределенность действия тех или иных правовых институтов значительно расширяет диапазон негативного воздействия существенных нарушений, имеющих (оценочный) условный характер. Их возникновение все больше зависит от интерпретаций, заметно расширяются границы усмотрений правоприменителя.

Безусловно, определение целей и задач уголовного процесса скажется и на представлении о существе процессуальных нарушений. Любые манипуляции, связанные с определением предназначения уголовного процесса, незамедлительно повлекут необходимость внесения изменений, дополнений в отрасли уголовно-процессуального права. А между тем цель уголовного процесса влияет на подходы в осуществлении познавательно-удостоверительной деятельности субъектов, в осуществлении их функций. И если форма не сильно пострадает, то наполнение (содержание) будет совершенно точно иным. Очевидно, что в зависимости от того, определится законодатель с целью объективной истины в уголовном процессе или нет, будут установлены функции субъектов, формы их взаимодействия. Требования к содержанию процессуальной, криминалистической деятельности изменятся. Только гармоничное развитие одновременно всех правовых институтов уголовно-процессуального права позволит быть приближенным к эффективному и качественному уголовному процессу.

Результаты криминалистических исследований закономерностей формирования и устранения процессуальных нарушений будут способствовать повышению эффективности и качества уголовного судопроизводства. Необходимость разработки данного направления будет способствовать объединению усилий процессуалистов и криминалистов ради достижения целей раскрытия и расследования преступлений.

Пристатейный библиографический список

¹⁴ Москвитина Т. А. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона и средства их выявления, устранения и предупреждения в уголовном процессе России: Дис. ... канд. юрид. наук. — Ярославль, 1997. — С. 84.

1. Бенер А. Г. Оценка качества уголовного судопроизводства: выявление и предупреждение нарушений уголовно-процессуального закона: Дис. ... канд. юрид. наук. — Сургут, 2007.
2. Дикарев И. С. Понятие фундаментальных нарушений в уголовном процессе // Российская юстиция. — 2009. — № 6.
3. Егоров Т. З. Средства доказывания в судебных стадиях российского уголовного процесса: Дис. ... канд. юрид. наук. — Ижевск, 2003.
4. Зорин Р. Г. Криминалистическое и уголовно-процессуальное обеспечение процесса распознавания существенных нарушений в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь // Вестник ГрГУ им. Янки Купалы. Сер. 4, Правоведение. — 2011. — № 2.
5. Зорин Р. Г. Криминалистическое обеспечение процесса распознавания диапазона и динамики существенных нарушений в уголовном судопроизводстве // Вестник Карагандинского университета. Сер. Право. — 2012. — № 1 (65).
6. Калинкина Л. Д. Нарушение фундаментальных уголовно-процессуальных норм — основание для повторного судебного производства по уголовным делам // Судебные производства в российском уголовном процессе: Материалы 3 междунар. науч. — практ. конф., Саранск, 24 дек. 2010 / Редкол.: Л. Д. Калинкина (отв. ред.), Н. Р. Мухудинова. — Саранск, 2011.
7. Курс уголовного судопроизводства: Учебник: В 3 т. / Под ред. В. А. Михайлова. — Т. 1: Общие положения уголовного судопроизводства. — М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2006.
8. Москвитина Т. А. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона и средства их выявления, устранения и предупреждения в уголовном процессе России: Дис. ... канд. юрид. наук. — Ярославль, 1997.
9. Ольков С. Г. Уголовно-процессуальные правоотношения. — Тюмень: Высш. шк. МВД РФ, 1996.
10. Соркин В. С. Источники доказательств как средство установления истины по делу в уголовном судопроизводстве: Монография. — Гродно: ГрГУ, 2012.
11. Ширванов А. А. О причинах нарушений закона в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. — 2005. — № 8.

Читайте

ЧЕШСКИЙ ЕЖЕГОДНИК МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Выпуск –2. Прага – 2011.

Выходит на английском языке

Инсур Фархутдинов

Иностраный инвестор

и принимающее государство: необходим баланс интересов (с. 231–248),
а также и другие статьи по правовому режиму иностранных инвестиций.

Insur Zabirovich Farkhutdinov
**Foreign Investor
and Host State:
Need for Balance
Interests**

Key words:
globalization |
international law |
State sovereignty |
foreign investments
| host state |
liberalization | TNC |
Calvo clause | ICSID |
Most Favoured Nation
| National Treatment

Каримова Г. Ю.

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

В статье рассматриваются основания и особенности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних. Проанализированы материалы судебной практики применения меры пресечения в виде заключения под стражу в Республике Башкортостан.

Ключевые слова: несовершеннолетние, мера пресечения, заключение под стражу, постановление суда, преступление.

Karimova G. Yu.

FEATURES OF APPLICATION TO MINORS OF A MEASURE OF RESTRAINT IN THE FORM OF IMPRISONMENT (ON MATERIALS OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

In the article the bases and features of election of a measure of restraint in the form of imprisonment concerning minors are considered. Materials of court practice of application of a measure of restraint in the form of imprisonment in the Republic of Bashkortostan are analyzed.

Keywords: minors, measure of restraint, imprisonment, court resolution, crime.

Каримова Г. Ю.

Защита прав и интересов несовершеннолетних является одним из приоритетных направлений государственной молодежной политики. Это направление также рассматривается в разработанной Минобрнауки России Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации на 2006–2016 годы¹, которая направлена, в первую очередь, на поддержку позитивных тенденций в развитии молодого поколения и усиление степени противодействия негативным.

Конституцией РФ установлено, что детство находится под защитой государства (ст. 38), и это обязывает государство и общество принимать все необходимые меры к защите прав и свобод детей как наиболее уязвимой категории населения, нуждающейся в постоянной опеке.

Несовершеннолетние в силу своей незрелости, несформировавшихся черт характера попадают под влияние взрослых, в том числе и отрицательное, перенимают их манеры. Личность несовершеннолетних преступников отличается от других преступников, прежде всего, возрастом и мотивацией. Возрастная характеристика преступников позволяет сделать выводы о криминогенной активности и особенностях преступного поведения представителей различных возрастных групп².

Известный русский криминалист С. В. Познышев отмечал, для того, чтобы мстить и пугать, не надо много изучать человека, но для того, чтобы воспитательным образом серьезно повлиять на преступника, нужно знать многое такое из его личности, что дается лишь систематическим научным наблюдением³.

Правильность такого подхода не теряет актуальности и в настоящее время. Изучение личности несовершеннолетнего преступника должно носить комплексный характер, затрагивать различные сферы его жизни.

В настоящее время отмечается увеличение удельного веса преступных посягательств на личность, сопровождающихся элементами цинизма, глумления над людьми, садизма. Среди несовершеннолетних возрастает жестокость, которая свой-

ственна современной насильственной преступности. Интересным в этой связи является исследование Н. А. Барановского, который отмечал, что в межличностных конфликтах находили проявление следующие чувства (влечения) и мотивы поведения: озлобление — 52%, месть — 20%, гнев — 10%, ревность — 3%, жестокость и обида — 2%⁴. Конфликт, по мнению исследователей, лежал в основе 78% тяжелых телесных повреждений, совершаемых в семье и быту⁵. Число этих преступлений не только возросло, они стали более жестокими и опасными⁶.

В юридической литературе отмечается, что последние годы характеризуются существенным изменением социального состава преступников. Эти изменения, прежде всего, были связаны с кризисом производства, развитием частного сектора экономики, оттоком значительного числа работников из государственных в частные структуры, ростом безработицы, увеличивающей ряды лиц, не имеющих постоянного источника дохода. Именно эта категория граждан играет сейчас основную роль в криминализации общества⁷.

Уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, пострадавших от преступления, а также защиту личности от незаконного, необоснованного осуждения, обвинения, ограничения ее прав и свобод⁸. Определяя назначение уголовного процесса, законодатель заявил о приоритете соблюдения прав и свобод личности. Реализация этого принципа связана с решением множества задач, среди которых большое значение имеет применение уголовно-процессуального принуждения⁹.

¹ Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации. Утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 18.12.2006 г. № 1760-р. // Собрание законодательства РФ. — 2006. — N 52 (ч. III). — Ст. 5622.

² См.: Антонян Ю. М. Криминология: избранные лекции. — М.: Логос, 2004. — С. 80.

³ См.: Познышев С. В. Криминальная психология. — Л., 1926. — С. 177.

⁴ Барановский Н. А. Социальные потребности личности и преступное поведение: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 1978. — С. 13.

⁵ Ревин В. П. Криминальное насилие в сферах семьи, быта, досуга // В сб.: Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. — Вып. 8. — М., 1995. — С. 147.

⁶ Преступность и реформы в России. — М., 1998. — С. 129.

⁷ См.: Криминальная ситуация на рубеже веков в России / Под ред. А. И. Долговой. — М., 1999. — С. 42.

⁸ Ефремов И. А. Некоторые заблуждения о судебной экспертизе при осуществлении уголовного судопроизводства // Евразийская адвокатура. — 2013. — № 3 (4). — С. 47–51; Закомолдин А. В. Адвокатская тайна и реализация права на квалифицированную юридическую помощь в уголовном процессе России // Евразийская адвокатура. — 2013. — № 6 (7). — С. 48–50.

⁹ Тарасов А. В. Принуждение и ответственность в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2004.

Меры пресечения являются наиболее строгой составной частью института мер процессуального принуждения. Меры пресечения — это предусмотренные законом средства процессуального принуждения, применяемые уполномоченными государственными органами и должностными лицами в отношении обвиняемого (а в исключительных случаях — подозреваемого) при наличии достаточных оснований полагать, что он скроется от дознания, предварительного следствия и суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью; угрожать свидетелю¹⁰, иным участникам уголовного судопроизводства; уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по делу, а также для обеспечения исполнения приговора (ст. 97 УПК РФ).

Одной из наиболее строгих мер пресечения является заключение под стражу. Лицо, взятое под стражу, физически изолируется от общества и содержится под охраной. При заключении под стражу на первый план выступает физическое ограничение свободы, в результате которого резко сужается возможность скрыться от органов предварительного расследования и суда, воспрепятствовать осуществлению задач уголовного судопроизводства и продолжать преступную деятельность¹¹.

Согласно международно-правовым положениям, в частности Минимальным стандартным правилам ООН, касающимся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, содержание их под стражей до суда применяется в течение кратчайшего периода времени. Несовершеннолетних правонарушителей нельзя содержать в учреждении, где они могут подвергаться отрицательно влиянию со стороны взрослых лиц, находящихся под арестом¹².

Заключение под стражу до судебного разбирательства может применяться к несовершеннолетнему лишь в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода времени. При рассмотрении ходатайства органов предварительного следствия о применении в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу суду следует проверять обоснованность изложенных в нем положений о необходимости заключения несовершеннолетнего под стражу и невозможности применения в отношении него иной, более мягкой, меры пресечения.

Так, постановлением Иглинского районного суда С., подозреваемому в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 111, ч. 1 ст. 161 УК РФ, избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Кассационная инстанция отменила постановление суда, материалы дела направила в тот же суд на новое рассмотрение, указав следующее. В соответствии со ст. 108 УПК РФ заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы свыше двух лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении должны быть

указаны конкретные фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение¹³.

Суду надлежит в каждом конкретном случае устанавливать, имеются ли иные обстоятельства, кроме указанных в ст. 108 УПК РФ, свидетельствующие о необходимости изоляции лица от общества. К числу таких обстоятельств, которые могут иметь существенное значение для решения вопроса об аресте несовершеннолетних, следует отнести, например, наличие судимости, направленность умысла, дерзость и агрессивность преступных действий, последствия преступлений, наличие связей с криминальной средой, особенности личности несовершеннолетнего, его отношение к содеянному и последующее поведение, наличие правонарушений в возрасте до 14 лет¹⁴.

Применение к несовершеннолетнему меры пресечения в виде заключения под стражу возможно лишь в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, с обязательным указанием правовых и фактических оснований такого решения.

Постановлением Калининского районного суда г. Уфы отказано в удовлетворении ходатайства о продлении срока содержания под стражей в отношении К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ. Кассационная инстанция отменила постановление в связи со следующим. Судом в соответствии с требованиями статей 97, 99, 109 УПК РФ не учтено, что К. обвиняется в совершении особо тяжкого преступления, основания, по которым в его отношении была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, не изменились.

Кроме того, в случае совершения несовершеннолетними тяжкого или особо тяжкого преступления, с момента вынесения приговора и до вступления его в законную силу суд может принять решение об оставлении меры пресечения без изменения.

Так, Учалинский районный суд РБ, признавая виновными несовершеннолетних С. и А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, принял решение до вступления приговора в законную силу меру пресечения подсудимым не изменять, оставив прежнюю — содержание под стражей.

При избрании меры пресечения следует учитывать, что в соответствии с частями 1 и 2 ст. 108 УПК РФ и ч. 6 ст. 88 УК РФ избрание меры пресечения в виде заключения под стражу не допускается в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, который подозревается или обвиняется в совершении преступлений небольшой или средней тяжести впервые, а также в отношении остальных несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой тяжести впервые. Суду также необходимо руководствоваться требованием ст. 423 УПК РФ об обязательном обсуждении возможности применения альтернативной меры пресечения в виде передачи несовершеннолетнего под присмотр родителей, опекунов, попечителей или других заслуживающих доверия лиц, а находящегося в специализированном детском учреждении — под присмотр должностных лиц этого учреждения (статья 105 УПК РФ).

Следует согласиться с Л. И. Беляевой¹⁵, которая предлагает искать возможность для применения таких альтернативных мер, как, например, постоянный надзор, активная

¹⁰ Новиков С. А. Институт показаний свидетеля в уголовном процессе России: проблемы совершенствования // Евразийская адвокатура. — 2013. — № 2 (3). — С. 100–101.

¹¹ Рыжаков А. П. Научно-практический комментарий к Постановлению Пленума Верховного суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС КонсультантПлюс; Закомолдин А. В. О совершенствовании законодательной регламентации возможностей адвоката-защитника в процессе избрания в отношении его подзащитного отдельных мер пресечения // Евразийская адвокатура. — 2014. — № 1 (8). — С. 50–52.

¹² Права человека: Сборник международных договоров. — Нью-Йорк, 1989. — С. 281–282.

¹³ Судебный вестник Башкортостана. Ведомственный журнал для судей Республики Башкортостан. — 2009. — № 1 (16). — С. 91.

¹⁴ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. — 2011. — № 29.

¹⁵ Беляева Л. И. Альтернативные меры, применяемые к несовершеннолетним в контексте международных стандартов // Уголовное право: стратегия развития в XXI в.: Матер. VI Междунар. науч. — практ. конф. 29–30 января 2009 г. — М., 2009. — С. 488.

воспитательная работа, помещение в семью или воспитательное заведение. Следует активнее применять различные педагогические меры, для чего необходимо закрепить их законодательно.

Пристатейный библиографический список

1. Антонян Ю. М. Криминология: избранные лекции. — М.: Логос, 2004.
2. Барановский Н. А. Социальные потребности личности и преступное поведение: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 1978.
3. Беляева Л. И. Альтернативные меры, применяемые к несовершеннолетним в контексте международных стандартов // Уголовное право: стратегия развития в XXI в.: Матер. VI Междунар. науч.— практ. конф. 29–30 января 2009 г. — М., 2009.
4. Судебный вестник Башкортостана. Ведомственный журнал для судей Республики Башкортостан. — 2009. — № 1 (16).
5. Ефремов И. А. Некоторые заблуждения о судебной экспертизе при осуществлении уголовного судопроизводства // Евразийская адвокатура. — 2013. — № 3 (4).
6. Закомолдин А. В. Адвокатская тайна и реализация права на квалифицированную юридическую помощь в уголовном процессе России // Евразийская адвокатура. — 2013. — № 6 (7).
7. Закомолдин А. В. О совершенствовании законодательной регламентации возможностей адвоката-защитника в процессе избрания в отношении его подзащитного отдельных мер пресечения // Евразийская адвокатура. — 2014. — № 1 (8).
8. Криминальная ситуация на рубеже веков в России / Под ред. А. И. Долговой. — М., 1999.
9. Новиков С. А. Институт показаний свидетеля в уголовном процессе России: проблемы совершенствования // Евразийская адвокатура. — 2013. — № 2 (3).
10. Познышев С. В. Криминальная психология. — Л., 1926.
11. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. — 2011. — № 29.
12. Права человека: Сборник международных договоров. — Нью-Йорк, 1989.
13. Преступность и реформы в России / Под ред. А. И. Долговой. — М., 1998.
14. Ревин В. П. Криминальное насилие в сферах семьи, быта, досуга // В сб.: Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. — Вып. 8. — М., 1995.
15. Рыжаков А. П. Научно-практический комментарий к Постановлению Пленума Верховного суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС Консультант-Плюс.
16. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации. Утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 18.12.2006 г. № 1760-р. // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (ч. III).
17. Тарасов А. В. Принуждение и ответственность в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2004.

Фесик П. Ю.

ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРОГРАММЫ «ФОРВЕР» ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

В статье отражены основные правила использования компьютерной программы «ФОРВЕР» для расследования преступлений против личности. Рассмотрены возможные ошибки, которые могут привести к негативным результатам при использовании программы. Также в статье содержатся предложения, направленные на дальнейшее совершенствование программного продукта.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений, программа «ФОРВЕР», изнасилование, причинение вреда здоровью.

Fesik P. Yu.

FEASIBILITY OF USING THE FORVER COMPUTER PROGRAM FOR INVESTIGATING CRIMES AGAINST THE PERSON

The article reflects the basic rules of the use of the FORVER computer program for investigating crimes against the person. The author considers possible mistakes that may lead to negative results of such use. Also the article contains proposals for further enhancement of the software product in question.

Keywords: criminalistic characteristics of the crimes, the FORVER computer program, rape, bodily harm infliction.

Фесик П. Ю.

Необходимость более широкого использования информационных технологий в процессе расследования преступлений неоднократно подчеркивалась руководством правоохранительных органов РФ¹, поэтому создание и внедрение в деятельность следственных подразделений подобных программных продуктов необходимо оценивать положительно.

Коллективом авторов (сотрудники Нижегородского государственного университета и сотрудники следственного управления по Нижегородской области Следственного комитета РФ) во главе с профессором юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского В. Ю. Толстоуцким был разработан программный комплекс, который получил название «ФОРВЕР». Данный инструмент предназначен для выдвижения криминалистических версий при расследовании убийств в условиях неочевидности.

Вместе с тем, по нашему мнению, функциональное предназначение компьютерной программы «ФОРВЕР» позволяет «перенастроить» программу и для расследования других видов преступлений, в частности, насильственных преступлений, направленных против личности.

При изучении возможностей использования данного программного комплекса предпринималась попытка применить его для расследования преступлений, которые были совершены в сфере здравоохранения, но данная попытка окончилась безрезультатно, так как не был собран массив уголовных дел данной категории, которые бы обеспечивали репрезентативность представленных данных.

Отсюда следует, что для использования компьютерной программы при расследовании других видов преступлений первым важнейшим условием является наличие достаточного объема уголовных дел данной категории, что обеспечивается набором базы данных путем внесения в базу данных уголовных дел изучаемой категории.

При создании базы данных необходимо придерживаться некоторых правил, которые позволили бы создать репрезентативную базу данных и обеспечили бы наиболее эффективное использование программы.

Во-первых, необходимо ответить на вопрос, какое количество уголовных дел, внесенных в базу, достаточно для работы программы?

На данный вопрос сложно ответить, указывая конкретное количество уголовных дел. При создании базы данных из уголовных дел необходимо учитывать, что количество уголовных дел должно быть достаточным для обеспечения репрезентативности представленных данных. Если уголовных дел будет малое количество, то при применении программы для расследования уголовного дела в базе просто не будет дел, которые по признакам бы совпадали с тем делом, которое расследует следователь, и результат применения программы окажется неэффективным, что сразу вызовет негативную оценку программы со стороны следственных работников.

В момент разработки программы «ФОРВЕР» в базе данных программы находилось 408 уголовных дел, что представляется недостаточным, так как по многим делам, которые проверялись через программу, наблюдалось несоответствие признаков с теми признаками, которые содержались в базе.

Может возникнуть впечатление, что чем больше будет уголовных дел в базе данных, тем достоверней будут результаты программы. С одной стороны, это действительно так, но не стоит забывать, что введенные в базу данных уголовные дела должны быть из одного региона или нескольких соседних регионов. Не приходится ожидать эффективной работы программы, если она будет основываться на уголовных делах, которые были рассмотрены в Нижегородской или Московской областях, а применяться программа будет для расследования уголовных дел, к примеру, на Северном Кавказе или на Дальнем Востоке. Очевидно, что в данных регионах различаются и экономические, и социальные факторы, и, как следствие, признаки преступления будут совершенно иными. По этой же причине не стоит ограничиваться разовыми внесениями уголовных дел в базу данных, поскольку у аналогичных, на первый взгляд, преступлений, совершенных в разные временные интервалы, также могут наблюдаться различия по субъектному составу, по мотивам совершения преступления и т. д.

Поэтому в конкретном регионе (область, республика) необходимо организовать систематическую работу по сбору сведений об уголовных делах данной категории, которая будет проводиться в крупных населенных пунктах данного региона

¹ Материалы всероссийского совещания Следственных управлений Следственного комитета при прокуратуре РФ по итогам работы за 2007 год // Вестник следственного комитета при прокуратуре РФ № 1 (1) — 2008. — С. 42.

с целью внесения выявленных сведений об уголовном деле в базу данных.

Отдельно необходимо отметить, какие именно сведения нужно указывать при занесении в базу данных сведений о преступлениях. Проблема заключается в том, что разные исполнители могут не одинаково называть одни и те же признаки. Также при формировании базы данных необходимо, чтобы те сотрудники, которые занимаются внесением данных в базу, понимали, для чего это делается, и могли оценивать и контролировать полноту и правильность своих действий.

Исходя из этого, можно сказать, что введение необходимых сведений в базу данных должно осуществляться по единому стандартизированному классификатору, который будет создан на основе криминалистической характеристики исследуемого вида преступлений.

Основой выдвижения криминалистических версий является криминалистическая характеристика преступлений определенного вида. В компьютерной программе «ФОРВЕР» реализована трехзвенная структура криминалистической характеристики преступлений. Подобная структура позволяет использовать статистические методы при обработке уголовных дел, содержащихся в базе данных, выявляя в описании события преступления те элементы, которые носят постоянный и переменный характер. Определение переменных данных необходимо для выдвижения криминалистических версий, выраженных в процентном отношении.

На наш взгляд, для возможности использования компьютерной программы «ФОРВЕР» для расследования других видов преступлений необходимо создать трехуровневую криминалистическую характеристику изучаемого вида преступлений. Это второй по важности вопрос после репрезентативности исследуемых дел.

Вполне логично предположить, что компьютерная программа «ФОРВЕР» может быть использована для расследования тех преступлений, криминалистическая характеристика которых содержит элементы, сходные с элементами криминалистической характеристики убийств.

Постараемся рассмотреть криминалистическую характеристику таких видов преступлений, как изнасилование и причинение вреда здоровью. Поскольку данные виды преступлений, как и убийства, являются преступлениями против личности, то при описании данных видов преступлений могут использоваться такие же элементы и признаки криминалистической характеристики.

Криминалистическую характеристику изнасилований предлагали такие авторы, как Е. П. Ищенко², А. А. Топорков, А. Г. Филиппов³

В учебнике под редакцией Н. П. Яблокова представлена следующая криминалистическая характеристика изнасилований:

1) по объекту преступления: характеристика жертвы — кто потерпевший (потерпевшая), состояние здоровья, умственное развитие, достижение половой зрелости; образ жизни и поведение; как оказался (оказалась) на месте происшествия и известен ли ей (ему) насильник, если известен, то в каких отношениях они находились до преступления; какие следы могли остаться на теле и одежде насильника; кому известно о случившемся; в чем выразились насилие или действия сексуального характера, как потерпевшая (потерпевший) сопротивлялась насильнику и др.;

2) по объективной стороне — где, когда и при каких обстоятельствах совершено половое преступление; в чем выразилось насилие; применялись ли какие-либо средства для

приведения жертвы в беспомощное состояние (спиртные напитки, наркотики и т. п.); был ли насильник вооружен (холодное оружие, огнестрельное оружие) или имел при себе иной предмет (железный прут, палку, камень) и т. п.;

3) по субъекту преступления: характеристика преступника — кто он, если известен; возраст; образ жизни; алкоголик, наркоман; наличие судимости; состояние здоровья и психики; отношение к жертве; несовершеннолетний, группа несовершеннолетних, группа насильников; как она образовалась, роль каждого в содеянном и т. п.;

4) по субъективной стороне — при каких обстоятельствах и когда возник умысел виновного на половое сношение или действие сексуального характера против воли потерпевшей (потерпевшего); сознавал ли он, что совершил противоправное деяние, применил насилие или угрозы (слова, действие), которые сломили сопротивление женщины (потерпевшего) и т. п.⁴

Относительно расследования преступлений, связанных с причинением вреда здоровью, ученые выделяют следующие обстоятельства, подлежащие установлению: кто является потерпевшим, в каких отношениях он находился с виновным, как, каким способом, когда и где был причинен вред здоровью потерпевшего, каковы последствия преступления, мотивы и цель преступления, формы вины и т. д.⁵

Описывая криминалистическую характеристику убийств, мы выделяли такие элементы, как подозреваемый в совершении преступления, жертва преступного посягательства, способ совершения преступления, место и время преступного посягательства.

При описании подозреваемого в совершении преступления мы выделяли следующие варианты реализации данного элемента: возраст подозреваемого, пол подозреваемого, характер занятости подозреваемого, наличие судимости у подозреваемого и характер совершенных им ранее преступлений, характеристика подозреваемого, предрасположенность к совершению преступлению, личные отношения с потерпевшим, совершение преступления в одиночку или группой, семейное положение подозреваемого, отношение подозреваемого к месту преступления.

При раскрытии такого элемента, как жертва преступного посягательства, мы использовали следующие признаки: характеристика жертвы, возраст жертвы, занятость, отношение жертвы к месту преступления, наличие судимости, семейное положение, пол жертвы, наличие у жертвы психических расстройств, предрасположенность жертвы к совершению преступления против нее.

Такой элемент криминалистической характеристики убийств, как способ совершения преступления, имеет следующие признаки: орудие преступления, совершение каких-либо действий с телом жертвы, характер и количество ранений.

Сравнивая элементы описания криминалистической характеристики убийств и изнасилований и преступлений против личности, можно указать, что многие элементы совпадают.

Например, при расследовании любого из этих трех видов преступлений большое значение уделяется характеристике жертвы (необходимо раскрыть, какой образ жизни ведет жертва, потребляет ли алкоголь или наркотические средства).

При описании характеристик виновного в обоих случаях выделяются такие характеристики, как пол, возраст, наличие судимости, употребление наркотических средств или алкоголя, наличие психических отклонений.

При расследовании убийств, половых преступлений и преступлений, связанных с причинением вреда здоровью,

² Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: Учебник / Под ред. Е. П. Ищенко. — М.: Юридическая фирма «Контракт»: Инфра-М, 2003. — С. 555.

³ Криминалистика: Учебник / Под ред. А. Г. Филиппова. — М.: Высшее образование, 2007. — С. 328.

⁴ Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н. П. Яблоков. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2001.

⁵ Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. Р. С. Белкина. — 2-е изд. — М.: Норма, 2004. — С. 715.

важным признаком является характер насилия, вид оружия, которое было применено подозреваемым.

Во всех трех случаях важную роль играет время и место совершения преступления и связь фигурантов дела с данным местом.

Таким образом, можно утверждать, что в криминалистической характеристике рассмотренных нами преступлений наблюдается немало одинаковых признаков, соответственно между данными признаками возможно выявление корреляции с помощью статистических методов. Поскольку данные преступления являются достаточно распространенными, то сложностей по набору базы данных из однотипных уголовных дел не возникнет, как это произошло при исследовании преступлений медицинских работников.

Проблема в том, что в литературе не рассмотрены значения эти признаков. При описании криминалистической характеристики убийств мы в структуре криминалистической характеристики выделяли три уровня: уровень элементов, признаков, градаций. Поскольку любой признак преступления в конкретной ситуации проявляется по-разному, то именно для обозначения проявления признака преступления в конкретной ситуации и соответственно для процентного выражения следственных версий и был введен уровень градаций.

Подводя итоги, хочется указать, что использование компьютерной программы для расследования других видов преступлений вполне возможно, но для этого необходимо соблюдение рассмотренных нами выше рекомендаций по набору базы данных из уголовных дел одной категории, а также необходимо решить такую теоретическую задачу, как выделение в структуре криминалистической характеристики данных видов преступлений трех уровней.

Пристатейный библиографический список

1. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. «Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. Р. С. Белкина. — 2-е изд. — М.: Норма, 2004.
2. Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н. П. Яблоков. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2001.
3. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: Учебник / Под ред. Е. П. Ищенко. — М.: Юридическая фирма «Контракт»: Инфра-М, 2003.
4. Материалы всероссийского совещания следственных управлений Следственного комитета при прокуратуре РФ по итогам работы за 2007 год // Вестник следственного комитета при прокуратуре РФ. — 2008. — № 1 (1).
5. Криминалистика: Учебник / Под ред. А. Г. Филиппова. — М.: Высшее образование, 2007.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

ӘЛ-ФАРАБИ АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АЛЬ-ФАРАБИ

«ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ДСҰ-НА КІРУ
ЖАҒДАЙЫНДА КЕЛЕН ОДАҒЫНЫҢ ДАМУЫНЫҢ
МӘСЕЛЕЛЕРІ МЕН БОЛАШАҒЫ»
атты халықаралық ғылыми теориялық
МАТЕРИАЛДЫҢ ЖИНАҚТАТЫ
Заң ғылымдарының докторы, профессор
Н. Мухитдин Баукеевич Мухитдин
Заң ғылымдарының кандидаты, профессор
Нажмитдин Баукеевич Мухитдиновты
еске алуға арналған

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
Международной научно-теоретической конференции
«ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА В УСЛОВИЯХ
ВХОЖДЕНИЯ КАЗАХСТАНА В ВТО»,
посвященной памяти доктора юридических наук,
профессора
Мухитдинова Нажмитдина Баукеевича

АЛМАТЫ 2013

**Юнусов А. А., Юнусов Э. А., Юнусов С. А.
ОБЩЕПРАВОВОЙ ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ
КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ТРАНСФОРМАЦИИ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА**

В настоящей статье рассматриваются вопросы реализации общеправового принципа справедливости в современном уголовно-исполнительном праве России, а также предлагаются некоторые законодательные, теоретические и практические варианты совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы России в свете новых требований.

Ключевые слова: справедливость, общеправовой принцип, уголовно-исполнительная система, реформы, отбывание наказания.

**Yunusov A. A., Yunusov E. A., Yunusov S. A.
GENERAL LEGAL PRINCIPLE OF JUSTICE AS METHODOLOGICAL
BASIS OF TRANSFORMATION OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE LAW**

This article considers the issues of implementation of common law principle of justice in the modern Russian criminal-executive law and also offers some legal, theoretical and practical options for improving the activity of criminal-executive system of Russia in the light of the new requirements.

Keywords: justice, general legal principle, the criminal-executive system, reforms, execution of the punishment.

Общеправовой принцип справедливости является одной из вечных, сложных и многозначных тем в теории права и «неудобных» для научного обихода понятий, так как каждая эпоха и культура порождает свои представления об источниках и содержании понятия философской и социально-правовой справедливости, которые носят взаимопротиворечивый, а порой и несовместимый характер¹. Стремление обрести жизнь и ее истину проистекает, в конечном счете, из нашей экзистенциальной жажды справедливости, а не из интереса или любопытства².

Принцип приоритета общечеловеческих ценностей справедливости, равенства и свободы — аксиологический императив, который сегодня признает все мировое сообщество. Справедливость как общечеловеческая ценность, фундамент прогрессивного развития России, гарантия и показатель правовой защищенности личности базируется на прочной международно-правовой основе. Справедливость провозглашена во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., в Международных пактах об экономических, социальных и культурных правах, о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., в Венской декларации о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века, принятой десятым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию 15 апреля 2000 г., в Бангкокской декларации «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия», принятой одиннадцатым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (18–25 апреля 2005 г.), и во многих других международных актах.

Президент России В. В. Путин в своих Посланиях Федеральному Собранию Российской Федерации неоднократно

обращал внимание на необходимость создания в России демократического, свободного и справедливого общества и государства, авторитет которого должен основываться на способности принимать справедливые законы и твердо добиваться их исполнения. Он отметил: «Везде наблюдается обостренная реакция на отсутствие справедливости, на безответственность и бездействие отдельных представителей государства, неверие в равенство перед законом и неотвратимость наказания для преступника, убеждение в том, что все куплено и правды нет».

Исторически сложилось так, что феномен справедливости в российской государственности всегда становился актуальным в судьбоносные, переходные моменты страны, которые, как правило, сопровождались кризисом понимания многих социально значимых явлений, а также переоценкой большинства сложившихся устоев общественной жизни. Современная Россия, ориентируясь на передовое международное сообщество в построении демократического государства, коренным образом изменяет исторически сложившиеся подходы к месту и роли справедливости в жизни нашего общества. Вместе с тем в реалиях правовой действительности наблюдаются значительные пробелы в реализации принципа справедливости. Свидетельством этому являются решения Европейского суда по правам человека, результаты работы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, акты прокурорского реагирования, материалы судебного и ведомственного контроля и т. д.

Юнусов А. А.

Юнусов Э. А.

Юнусов С. А.

¹ Исаев И. А. «О противоречиях у стойков»: естественное право и справедливость // История государства и права. — 2013. — № 17. — С. 2–7; Пахалов М. Ю. Справедливость: от объективной ценности в политико-правовой мысли западноевропейского Средневековья к современной абстракции // История государства и права. — 2013. — № 17. — С. 39.

² Печерская Н. В. Современный дискурс справедливости: Джон Ролз или Майкл Уолцер? // Общественные науки и современность. — 2001. — № 2. — С. 77.

Наиболее полно эффективность реализации принципа справедливости можно увидеть при анализе деятельности уголовно-исполнительной системы, так как именно там, в концентрированном виде, происходит его воплощение в реальную жизнь. Проблемность реализации принципа справедливости в уголовно-исполнительном праве связана с тем, что несмотря на снижение числа зарегистрированных преступлений (с 2302,2 тыс. в 2012 году до 2206,2 тыс. в 2013 году)³ по состоянию на 1 февраля 2014 г. в учреждениях УИС содержалось 674,1 тыс. человек⁴.

В 2013 г. в Федеральную службу исполнения наказаний поступило 32589 (АППГ — 31712, + 2,5%) обращений граждан, осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в которых было 41882 вопроса. По категориям заявителей в ФСИН России обратилось 8225 граждан (25% от общего числа обратившихся), 2027 сотрудников УИС (6%) и 357 членов их семей (1%), 1813 пенсионеров УИС (5%), 11299 осужденных (35%) и 8276 их родственников (25%), 184 подозреваемых в совершении преступлений (6%), 26 осужденных без изоляции от общества (0,08%)⁵. Из общего количества полученных обращений 30% (11477) поступили через высшие органы государственной власти и центральные органы управления: из Администрации Президента Российской Федерации (4088), Государственной Думы (510) и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (55), Генеральной прокуратуры Российской Федерации (1894), Аппарата Правительства Российской Федерации (429), Минюста России (1737), других министерств и ведомств, прокуратуры республик, краев и областей, а также общественных организаций (671). По сравнению с 2012 годом их количество уменьшилось на 6%⁶.

Основной тематикой поступающих письменных обращений являются просьбы осужденных, лиц, содержащихся под стражей, и их родственников: о переводах в исправительные колонии ближе к месту жительства — 8213 (25% от всех поступивших за 2013 г.); по вопросам медицинского обслуживания в ИК и СИЗО, установления или восстановления группы инвалидности, освобождения по состоянию здоровья — 5599 (17,2%) (АППГ — 5319); об условно-досрочном освобождении из мест лишения свободы и помиловании — 924 (АППГ — 1474); коммунально-бытовые вопросы — 441 (АППГ — 403); переводы в другие ИУ из-за конфликта с осужденными — 528, из-за конфликта с администрацией ИУ — 402⁷.

Остается высоким уровень поступления жалоб на нарушение законности сотрудниками УИС — 2018 (АППГ — 2116), в т.ч. на злоупотребление служебным положением руководителями УИС — 120 (АППГ — 137), незаконное водворение в СИЗО — 755 (АППГ — 663), незаконное лишение или предоставление прав осужденным — 9 (АППГ — 14), незаконное применение спецсредств — 34 (АППГ — 30), рукоприкладство — 627 (АППГ — 696).

Остается высоким уровень поступления обращений граждан, сотрудников УИС и бывших работников УИС по вопросам кадрового обеспечения — 2180 (АППГ — 2015). Увеличилось количество жалоб на неправильное увольнение из УИС — 176 (АППГ — 130), снятие дисциплинарного взыскания — 34 (АППГ — 27). Повысился показатель поступления ходатайств о направлении в образовательные учреждения

ФСИН России — 25 (АППГ — 17), прием на работу в УИС — 224 (АППГ — 162)⁸.

Высокий уровень количества обращений от сотрудников УИС по вопросам труда и заработной платы — 800 (АППГ — 669), пенсионного обеспечения — 470 (АППГ — 761); выдаче государственных жилищных сертификатов и получение субсидии на приобретение или строительство жилья — 3015 (АППГ — 3244).

Коррупционный характер нарушений был отмечен в 126 жалобах граждан (АППГ — 102, + 23%).

Следует отметить, что с каждым годом увеличивается количество обращений граждан с благодарностью в адрес сотрудников учреждений и органов УИС — 74 (АППГ — 63, + 16%)⁹.

Научная уникальность статьи определяется выработкой концепции реализации справедливости в праве и ее методологии. Было проведено исследование о том, что общеправовой принцип справедливости в праве и его реализация в современной уголовно-исполнительном праве России рассматривается с учетом современных условий развития общества и государства, их трансформации, демократизации и либерализации всех сторон жизни, формирования правового социального государства и гражданского общества, функционирования органов и учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, на основе произошедших в 2005–2013 гг. изменений в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве, а также с учетом положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, Государственной программы Российской Федерации «Юстиция» (утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 04.04.2013 г. № 517-Р), и стандартов международного права.

Определяются современные подходы к пониманию справедливости, которые отражают современное состояние общества и государства, а также существующие реалии. В работе по-новому представляется взаимосвязь методологической основы справедливости и существующей исторической эпохи, определяются и уточняются основания, условия и критерии справедливости для конструирования законодательной модели и ее закрепление в уголовно-исполнительном праве и в других отраслях российского права.

В статье с позиции системного и диалектико-материалистического подхода разработаны новые решения общетеоретических и прикладных проблем, имеющих существенное значение для науки теории государства и права в целом и уголовно-исполнительного права в частности.

Опираясь на методологию, следует сформулировать понятие, существенные составляющие и генезис принципа справедливости норм права, поскольку справедливость приравняется к слову «правда» (то есть означает «правильно», «прямить», «вправлять», «выпрямить» и ассоциируется со словами «правильно», «по совести», «по правоте») ¹⁰, то справедливыми можно назвать общественные отношения людей, соответствующие исторической необходимости и практической возможности создания условий жизни для человека, которые отвечают данной эпохе.

Уместно констатировать, что весь процесс отбывания наказаний осужденными к лишению свободы, вся деятельность государства, учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, должны строиться исходя из современных реалий, с учетом стигмы элементов накопившего положительного

³ [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/>.

⁴ См.: [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://xn -- h1akkl.xn -- p1ai/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>.

⁵ ФСИН России [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://фин.пф/structure/management/obzor-obrashcheniy-grazhdan/>.

⁶ ФСИН России: // [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://фин.пф/structure/management/obzor-obrashcheniy-grazhdan/>.

⁷ ФСИН России [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://фин.пф/structure/management/obzor-obrashcheniy-grazhdan/>.

⁸ ФСИН России [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://фин.пф/structure/management/obzor-obrashcheniy-grazhdan/>.

⁹ ФСИН России [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://фин.пф/structure/management/obzor-obrashcheniy-grazhdan/>.

¹⁰ Емельянов В. В. Антропологический поворот в науках о Древнем Востоке (на примере ассириологии) // Вопросы философии.— 2013.— № 2.— С. 139–140.

опыта консерватизма, состояния уровня культуры и цивилизации, с неперенным учетом ценностей справедливости, и исходя из четкого отражения в международных стандартах, а также в уголовно-исполнительной политике России. Осуществление всех этих мероприятий несомненно будет способствовать реализации в ней общеправового принципа справедливости в уголовно-исполнительном праве, а следовательно — исправлению правонарушителей и борьбе с преступностью.

Анализ законодательства и правоприменительной практики деятельности правоохранительных органов, в частности, уголовно-исполнительной системы, позволяет, на наш взгляд, определить общеправовой принцип справедливости, как равные, беспрепятственные, политико-правовые, моральные, социально-экономические условия и возможности для реализации человеком и гражданином своего личностного потенциала и потребностей. А также складывающиеся из этого общественные отношения, которые соответствуют исторической необходимости и практической возможности создания условий жизни человека, отвечающих данной эпохе, с учетом геополитического расположения региона. Действительно является аксиомой, что справедливость комментируется как синоним таких слов как «правда», т.е. означает «править», «прямить», «выпрямлять», «выпрямить» и ассоциируется со словами «правильно», «по совести», «по правоте». Слово «право» исходит от категории «праведно», «справедливость». Существенным основанием категории справедливости является наличие равных пропорциональных прав и обязанности у субъектов права.

Понятие справедливости со времен появления человека и по сегодняшний день — одна из часто употребляемых категорий и ценностей общественной жизни.

Требование обеспечения справедливого процесса отбывания наказания лиц, лишенных свободы, являющееся следствием для общеправового принципа справедливости, а также требований международных актов, должно носить конституционный характер. Такая необходимость вызвана несокращающимися нарушениями законности в отношении этих лиц в деятельности УИС России. Поэтому предлагается ст. 50 Конституции РФ дополнить ч. 4 и изложить ее в следующей редакции: «Каждый осужденный за преступление имеет право на справедливое обращение со стороны администрации и персонала исправительного учреждения и условия отбывания наказания».

На основании международных актов констатируется, что справедливость является принципом уголовно-исполнительного права, закрепление которого в УИК РФ усиливает его воздействие на поведение субъектов уголовно-исполнительных правоотношений. В ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса России отсутствует принцип справедливости, хотя по содержанию кодекса он просматривается. Возникает необходимость дополнить ст. 8 УИК принципом справедливости, а ч. 5 ст. 10 УИК дополнить и изложить ее в следующей редакции: «Все действия и решения, принимаемые администрацией и персоналом исправительного учреждения в отношении осужденных, должны быть справедливыми».

Также предлагается изложить ч. 2 ст. 1 УИК РФ в следующей редакции: «Задачами уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации являются регулирование порядка и условий отбывания наказаний, определение средств исправления осужденных, охрана их прав, свобод и законных интересов, оказание осужденным помощи в социальной адаптации и реализации принципа справедливости». Для решения данных задач вся деятельность сотрудников УИС должна отвечать всем требованиям справедливости.

Существуют различные подходы к пониманию принципа справедливости в исторической, юридической, социальной, философской, религиозной, природной, уголовно-исполнительной сферах жизнедеятельности общества. По существу

ценности и назначение у них — одинаковая, идентичная, естественная, социальная, правовая и правоприменительная составляющие, направленные на справедливое мироустройство и мироздание, урегулирование общественных отношений для динамичного развития личности, общества и государства.

Как бы ни трактовали ее различные ученые (правоведы, историки, философы, социологи и политологи, практические работники), категория правовой справедливости со своими едиными корнями, развитием, ценностью, специфическими чертами, практическим воплощением и знанием в различных сферах общественной жизни носит универсальный характер. Справедливость не обладает различным пониманием, сущностью, ценностью и назначением. Она одна в методологическом плане и выполняет общую роль в политической, социально-экономической, культурной, религиозной и, особенно, в правовой сферах, т.е. принцип справедливости является универсальной категорией; нет ни одного правового феномена, а также иных структур, в которых бы она не проявлялась. Международно-правовые нормы должны быть пронизаны ценностями справедливости и требовать такого у руководства государств мира, чтобы подобным образом были построены их национальные правовые системы стран мира.

Теоретическая проблема принципа справедливости связана с его практической реализацией в правотворческом процессе государственных органов и в непосредственном внедрении в служебную деятельность сотрудников учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Вопросы категории справедливости находятся в постоянном поле зрения научных трудов ученых-историков, философов, политологов, социологов и, в особенности, правоведов, в качественном, количественном, пространственном и во временном измерениях. Постоянно проводятся исследования в этой области, однако юридическая практика инертнее и медленнее принимает разработанные новеллы на вооружение, чем другие сферы общественной и государственной жизни: все это часто носит застойный характер. Пока ещё в этом направлении данные отношения не носят практического применения.

Все научно-теоретические разработки, полученные в ходе конференций, должны изучаться и быть приняты во внимание в свете требований времени для реализации в практической деятельности с целью модернизации уголовно-исполнительной системы России. Теория и практика находятся в состоянии обоюдного свободного заимствования по схеме теория-практика: практика-теория и науки, т.е. теоретические разработки проводятся не ради науки, а ради практического внедрения.

Необдуманное заимствование юридических конструкций, выработанных (под видом международных стандартов и общечеловеческих ценностей) правовой доктриной зарубежных стран, представляется нарушением положений правовой справедливости в уголовно-исполнительном праве России. Рецепции противоречащих праву норм в законодательстве приводят к уменьшению или утрате последним своих регулирующих свойств, а также доверия граждан.

Соблюдение принципа справедливости в уголовно-исполнительном праве является необходимым условием государственного и правового развития уголовно-исполнительной системы. В случае заимствования юридической практики зарубежных стран в деятельности ФСИН России должны учитываться российские условия быта, менталитета, модуса, культуры, а также традиции, географическое расположение и другие факторы, с которыми обязательно следует считаться.

Например, в России нельзя отказываться от принудительного труда осужденных. Целесообразно их трудоустроить в соответствии с имеющимися у них способностями и специальностями, а если нет такой возможности, то предоставить им любую работу. Труд является социальным увлечением, сущностью человеческой жизни и основным условием функционирования

живого организма, как движение. Занятость трудом отвлекает осужденных от возникновения девиантного поведения и его воплощения в реальность, способствует их исправлению.

Реализация принципа справедливости в процессе отбывания наказания позволяет успешно решить такие задачи, как предотвращение применения запрещенных способов обращения с осужденными, унижающих их человеческое достоинство, обеспечение осужденных оплачиваемым трудом, их защиты от негативного влияния лидеров уголовной среды, законности деятельности персонала учреждений и органов, исполняющих наказания, реализации прав осужденными. Необходимо полагать, что правонарушителей в основном лишают свободы, но не всех остальных естественных прав и общечеловеческих ценностей. Наоборот, следует принять все возможные меры для сохранения за осужденными прав и соблюдения их законных интересов, оказывать им всяческую социально-правовую помощь и поддержку, чтобы они вернулись в общество в здоровом состоянии, как полноправные граждане. Персонал сотрудников учреждений должен быть толерантными к осужденным, потому что совершение некоторых преступлений можно считать, исходя из среды обитания, скорее всего, бедой, чем виной, т.е. иногда в места лишения свободы и правда «падают безвинные», либо лица, которые случайно попали в трудную жизненную ситуацию¹¹ или совершили преступление по неосторожности.

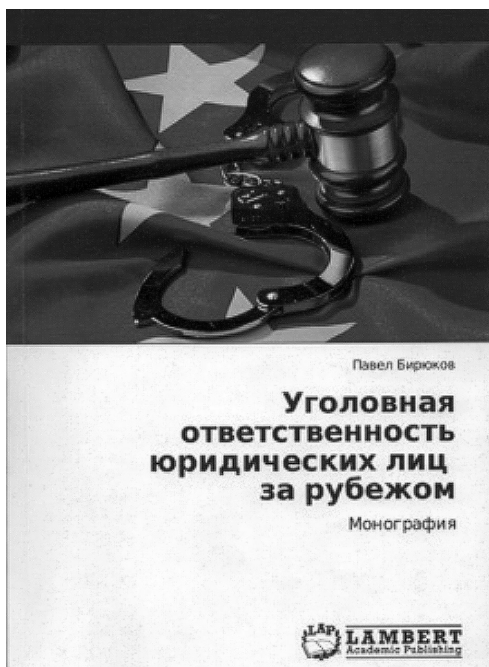
Подводя итог вышеизложенного, можно констатировать, что в соответствии с Государственной программой Российской Федерации «Юстиция» (утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 04.04.2013 г. № 517-Р), реализация принципа справедливости в уголовно-испол-

нительном праве, в конечном итоге, должна способствовать обеспечению основ дальнейшего развития уголовно-исполнительной системы, приближению ее деятельности к международным стандартам и потребностям общественного развития; расширению сферы применения уголовно-исполнительных мер, не связанных с лишением свободы; минимизации негативных последствий лишения свободы, способствующих распространению в обществе криминальной субкультуры; созданию системы регламентированных стимулов правоопослушного поведения осужденных; повышению эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы, направленной на достижение целей наказания и минимизацию негативных социальных последствий, связанных с изоляцией осужденных от общества; разработке системы новых исправительных технологий работы с осужденными, основанных на достижениях в области психологии, педагогики и права; повышению уровня материального обеспечения работников уголовно-исполнительной системы, их социальной защиты.

Пристатейный библиографический список

1. Емельянов В. В. Антропологический поворот в науках о Древнем Востоке (на примере ассириологии) // Вопросы философии. 2013. — № 2.
2. Исаев И. А. «О противоречиях у стоиков»: естественное право и справедливость // История государства и права. 2013. — № 17.
3. Пахалов М. Ю. Справедливость: от объективной ценности в политико-правовой мысли западноевропейского Средневековья к современной абстракции // История государства и права. 2013. — № 17.
4. Печерская Н. В. Современный дискурс справедливости: Джон Ролз или Майкл Уолцер? // Общественные науки и современность. 2001. — № 2.

¹¹ Выступление В. В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России. — 21 марта 2014 г.

Аминова Г. Г.
О НЕФОРМАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМАХ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ
С УЧАСТИЕМ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ

В деятельности политических партий возникает немало конституционно-правовых споров, для разрешения которых используются не только формальные (правовые) механизмы, но и неформальные. Данная статья посвящена анализу неформального регулирования споров с участием политических партий в Российской Федерации, для эффективного разрешения которых, по мнению автора, необходимо использовать правовые процедуры медиации.

Ключевые слова: политическая партия, конституционно-правовой спор, политическое урегулирование споров, медиация, переговоры.

Aminova G. G.
ABOUT INFORMAL MECHANISMS OF DISPUTE RESOLUTION
WITH THE PARTICIPATION OF POLITICAL PARTIES IN RUSSIA

Many constitutional law disputes appear in activities of the political parties for resolution of which formal (law) mechanisms are used as well as informal ones. This article discusses an analysis of informal settlement of disputes with the participation of the political parties in the Russian Federation for the effective resolution of which law procedures of mediation need to be used as the author say.

Keywords: political party, constitutional law dispute, political settlement of disputes, mediation, negotiations.

Аминова Г. Г.

Общественные отношения настолько разнообразны и сложны, что право не всегда в силах их отрегулировать, а также не всегда способно разрешить все конфликты, возникающие в процессе осуществления участниками своих прав и обязанностей. В особенности это характерно для сферы политических отношений, где отчасти действуют неформальные институты (по-другому — «теневое» право). Использование неформальных институтов в регуляции общественных отношений в литературе связывается как с существующей политической и правовой системами, так и с отношением населения к праву, с правовой культурой и правовым нигилизмом граждан: «Когда соблюдение закона не является обязательным, население живет в условиях осуществления неформальных процедур»¹.

Считается, что неформальные практики весомо влияют на характер функционирования формальных институтов в таких сферах, как законодательная политика, судебная политика, партийная система, финансирование политических кампаний, электоральные процессы².

М. В. Подхомутникова определяет неформальные политические практики как «постоянно воспроизводимые стереотипные правила взаимодействия субъектов политики, установленные и поддерживаемые посредством социокультурных регуляторов: ценностей, политических ориентаций, установок деятельности, а не формально-правовых норм»³.

Достаточно подробное исследование формальных и неформальных институтов мы видим у В. Меркель и А. Круассан, которые выделили следующие различия данных институтов. По мнению данных авторов, «формальные институты (конституции, уставы, законы и административные нормы) детерминируют формальные структуры политической системы и механизмы легитимной власти, гарантирующие соблюдение формальных правил средствами убеждения (в идеале) или же угроз и санкций, а к неформальным институтам

относятся традиции, обычаи, моральные ценности, религиозные убеждения, сети и другие нормы общения долгосрочного характера»⁴. В. Меркель и А. Круассан отмечают, что «если формальные правила возникают, изменяются и внедряются путем насаждения извне, то неформальные вырастают на основе самоорганизующейся динамики социального взаимодействия»⁵. «В случае формальных институтов установлением и внедрением правила, а также преследованием за их нарушение, занимается государство. Неформальные институты, напротив, генерируются социально. Неодинаковы и их притязания на значимость. Формальные институты претендуют на общую значимость, неформальные — лишь на партикулярную. Формальные процессы принятия решений протекают в бюрократизированных инстанциях и в соответствии с установленными процедурами. Неформальные — перемещаются из этих инстанций в параллельные структуры и осуществляются в виде «системы переговоров» участвующих акторов»⁶.

Необходимо отметить, что чем слабее партийная система и чем менее развита система организованных групп интересов, тем вероятнее (при прочих равных условиях) доминирование исполнительной власти и неформальное регулирование политических процессов⁷.

Политологи выделяют четыре типа неформальных институтов: дополняющие, аккомодационные, конкурентные и замещающие. Аккомодационные институты развиты, когда формальный институт эффективен и легитимен для общества, но не совсем устраивает элиту своим результатом⁸. В нашем случае данные институты не представляют интереса, поскольку существующие формальные институты в виде судебных и административных органов находятся под достаточно сильным влиянием действующей элиты и, соответственно, принимают решения, «удобные» ей. Конкурентные институты преобладают, когда неэффективность формальных институтов очевидна, но они продолжают существовать в силу того, что

¹ Большаков И. Политическая культура, неформальные институты и стабильность системы // Власть. — 2002. — № 2. — С. 70.

² См.: Подхомутникова М. В. Неформальные политические практики в современной России: Автореф. дис. ... канд. полит. Наук [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dissertat.com/content/neformalnye-politicheskie-praktiki-v-sovremennoirossii>

³ Там же.

⁴ Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (II) // Полис. — 2002. — № 2. — С. 23.

⁵ Там же. — С. 23.

⁶ Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (II) // Полис. — 2002. — № 2. — С. 23.

⁷ Там же. — С. 23.

⁸ См.: Большаков И. Указ. соч. — С. 72.

неформальный институт связан с нарушением юридических или моральных норм и не может быть легализован⁹. Поскольку не имеется сведений о том, что неформальные процедуры, применяемые при разрешении споров, возникающих между политическими партиями, нарушают юридические нормы и не могут быть легализованы, то нет необходимости рассматривать данные институты. Замещающие институты становятся доминирующими, когда государство вообще не в состоянии поддерживать легитимность официальных институтов¹⁰. Данные институты также останутся вне поля нашего зрения, поскольку существующие формальные институты разрешения споров с участием политических партий контролируются государством и в состоянии поддерживать легитимность. Для нас представляют интерес дополняющие институты, которые преобладают тогда, когда мы имеем дело с эффективными официальными институтами, доверие к которым высоко. Так, предлагается «институционализация растущей и расширяющейся сети переговоров для улаживания конфликтов»¹¹. Широкий комплекс переговоров и согласования позиций облегчает процесс принятия решений и координации между акторами, что, в свою очередь, повышает доверие между ними и институтами. Поэтому существование в России партий и властных группировок с различными позициями требует специальных механизмов по их согласованию¹². Таким образом, в разрешении споров между политическими партиями все же существует потребность в регулировании неформальными институтами (политическое урегулирование).

Необходимо отметить следующие преимущества политического регулирования конституционно-правовых споров, возникающих в сфере деятельности политических партий.

Во-первых, политическое урегулирование конфликтов позволяет сторонам выбирать сценарий коллегиального (паритетного) взаимодействия, формирует установку на компромисс посредством взаимных уступок. К тому же оппоненты в перспективе не утрачивают возможности сотрудничества и взаимодействия, ощущают чувство относительной безопасности и стабильности отношений¹³.

Во-вторых, проникновение неформальных практик в формально-правовые институты может придать политической системе относительную стабильность¹⁴.

В-третьих, российские законы часто не соответствуют нормативным представлениям акторов о справедливости, а также привычному и естественному для них способу урегулирования конфликтов. К тому же закон относится к нарушителю более сурово, чем обычай¹⁵.

Стремление к свободе и самоопределению, свойственное общественным и политическим организациям, предопределяет модель прямых переговоров как наиболее предпочтительную всеми сторонами и, как правило, наиболее разумный инструмент политического разрешения конфликта. Им следует пользоваться также тогда, когда у одной стороны есть возможность осуществить свои интересы в одностороннем порядке¹⁶.

М. М. Лебедева выделяет следующие «причины, по которым не всегда возможно урегулирование конфликтов в рамках юриспруденции:

⁹ Там же. — С. 72.

¹⁰ См.: Большаков И. Указ. соч. — С. 73.

¹¹ Сергеев В. М. Демократия как переговорный процесс. — М.: Московский общественный научный фонд, 1999. — С. 13–14.

¹² См.: Большаков И. Указ. соч. — С. 71.

¹³ См.: Пряхина Т. М. Конституционные конфликты // Государство и право. — 2004. — № 11.

¹⁴ См.: Меркель В., Круассан А. Указ. соч. — С. 25.

¹⁵ См.: Панех Э. Л. Неформальные институты и формальные правила: закон действующий vs. закон применяемый // Политическая наука. — 2003. — № 1. — С. 38.

¹⁶ См.: Бесемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах. — Калуга, «Духовное познание», 2004. — С. 121.

– многие конфликты возникают именно из-за того, что противоречия, лежащие в их основе, не описываются существующими нормами, либо в ходе самого конфликта стороны либо одна из них стремятся изменить нормы, обязательства, имеющееся положение дел и т.п. Иными словами, конфликт возникает относительно правил и норм;

– при судебном разбирательстве вполне вероятно, что интересы одной из сторон будут полностью удовлетворены, а другой — нет. На переговорах можно выйти за пределы конкретного конфликта и увязать интересы (подключив и такие, которые не затрагиваются конфликтом) так, что это будет выгодно обеим сторонам;

– обратившись в суд, стороны должны следовать принятым решениям, даже если они обе не согласны с ними, в то время как договорные решения могут быть более гибкими, а значит, и более приемлемыми для сторон;

– судебные решения, как правило, не изменяют характера отношений сторон. Зачастую они так и остаются конфликтными. А это значит, что вероятность нового конфликта весьма высока»¹⁷.

Следует иметь в виду, что политическое урегулирование споров не может не учитывать правовые нормы. Кроме этого, решения, принимаемые путем переговоров, должны оформляться в правовом виде. В противном случае слишком велик риск того, что они не будут выполняться или возникнут споры относительно характера достигнутых договоренностей¹⁸.

Выбор средств и методов политического урегулирования конфликта не является неограниченным. В частности, участники конфликта должны уважать интересы контрагентов: не совершать действий, влекущих усугубление и эскалацию конфликтной ситуации; не предлагать заведомо неприемлемые варианты разрешения разногласий; ход переговоров должен носить открытый характер, позволяющий принять участие в обсуждении проблемы любой заинтересованной стороне; должны стремиться создать атмосферу доверия и взаимопонимания; достигнутые договоренности должны соблюдаться сторонами¹⁹.

Однако существенным минусом неформального регулирования является то, что неформальные институты подрывают авторитет закона, что, в свою очередь, ведет к нежеланию обращаться в правоохранительные и судебные органы для разрешения возникающих разногласий между субъектами политики, и веру в возможность справедливого решения таких разногласий. К тому же неформальные институты замедляют формирование современной деловой этики, ведут к криминализации политики²⁰.

Каким же должно быть отношение правоведов к неформальным институтам? Однозначно, оно не должно носить резко негативную окраску, поскольку в существующих условиях полностью искоренить регулирование общественных отношений данными институтами невозможно. Поэтому «основная задача правоведа — определение правовых и институциональных (организационных) механизмов, позволяющих избавляться от негативных проявлений “теневое” регулирования или нивелировать их»²¹. Как справедливо отмечает С. В. Васильева, «необходимо научиться видеть положительный потенциал, который заключает в себе “теневое” право, рассматривать его и с точки зрения среды, стимулирующей

¹⁷ Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов: Учеб. пособие. — М.: Аспект Пресс, 1999. — С. 23.

¹⁸ Там же. — С. 24.

¹⁹ См.: Пряхина Т. М. Указ. соч.

²⁰ См.: Подхомутникова М. В. Указ. соч. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dissertat.com/content/neformalnye-politicheskie-praktiki-v-sovremennoi-rossii>

²¹ Васильева С. В. Правовые и неформальные институты во взаимоотношениях представителей бизнеса и органов исполнительной власти // Труды кафедры конституционного и административного права. Вып. 1. Издательство «ТЕИС». — М., 2006. — С. 99.

развитие потенциально позитивных неформальных институтов»²². Причем «было бы также полезным выявить тенденции сосуществования “теневого” регулирования и официальных институтов, в частности понять, в каких случаях и в каком виде возникает необходимость восприятия неформальных явлений позитивным правом, при каких условиях институты “теневого” и правового регулирования могут без противоборства сосуществовать»²³.

В сфере разрешения споров, возникающих между политическими партиями, между политическими партиями и иными общественными объединениями преобладают такие формы разрешения, как переговоры, заключение политических соглашений как актов разрешения конфликтов. Например, результатом разгоревшегося конфликта между политическими партиями «Единая Россия» и «Справедливая Россия» является подписание политического соглашения²⁴. В указанном соглашении партии не только наметили последующее их сотрудничество, но также определили свои действия по разрешению конфликтов, возникающих в будущем. Обе партии будут обсуждать их «в ходе цивилизованной межпартийной дискуссии, в том числе с использованием СМИ». Однако, как мы видим, остались неизвестными факты того, каким образом велись переговоры между этими партиями, каковы были позиции сторон, каким образом согласовывались эти позиции, кто являлся представителем от партий и иные вопросы. Данная информация не представлена ни на официальных сайтах партий, ни в других средствах массовой информации.

Большой минус для исследования представляет дефицит информации о разрешаемых конфликтах в сфере деятельности политических партий. Многие споры разрешаются культурно, без огласки в средствах массовой информации, поэтому достаточно затруднительно проанализировать данные конфликты с точки зрения их разрешения и того, насколько они учитывают правовые формы. Однозначно можно сказать, что такие конфликты на практике есть и в существующих политико-правовых условиях число их будет возрастать.

Необходимо отметить, что переговоры как форма разрешения конфликтов, возникающих между политическими партиями, в том числе в процессе заключения соглашений между ними, конфликтов между политическими партиями и иными общественными объединениями, оптимальна. Однако при проведении переговоров должны учитываться правовые формы. Так, на наш взгляд, для переговоров можно было бы позаимствовать какие-либо процедуры из медиации. В зарубежных государствах медиация получила распространение не только при решении коммерческих споров, но также при решении внутривнутриполитических споров и конфликтов. Так, например, в Берлине в достижении соглашения по вопросам канализации и утилизации сточных вод участвовала 21 организация из сферы коммунального управления. Они воспользовались помощью независимого медиатора-юриста, который предложил удовлетворяющий все стороны подход к решению проблемы. В США медиация используется в парламентских процедурах при разработке и обсуждении законов. Там также применяются специальные техники переговоров и при создании технических норм (ГОСТ), и при значимых общественных спорах на коммунальном, региональном и государственном уровнях²⁵.

Необходимо отметить следующие черты медиации, необходимые для разрешения конституционно-правовых споров в процессе создания и деятельности политических партий.

Во-первых, переговоры оптимально было бы проводить при помощи посредника, или по-другому — медиатора. Таким медиатором могло бы быть лицо, не состоящее ни в одной из спорящих политических партий. Однако медиатор должен хорошо разбираться в существующей политической ситуации. Неплохо, если медиатор будет иметь к тому же юридическое образование. Однако задача медиатора — помочь участника конфликта вести диалог. Но при этом он не принимает никаких решений за них, не советует им и выполняет все функции «нейтрального» посредника²⁶. Во-вторых, соглашение, которое будет заключено по результатам медиации (медиативное соглашение) должно иметь в будущем юридические последствия, оно должно быть исполнимым сторонами. То есть, в случае неисполнения стороной соглашения, другая должна иметь возможность обратиться в суд за принудительным исполнением. Большим преимуществом медиативного разрешения конфликта является то, что оно позволяет сохранить или достойно прекратить взаимоотношения.

Однако конфиденциальность, которая является одной из черт медиации, при разрешении конфликтов между политическими партиями, между политическими партиями и иными общественными организациями, в большинстве случаев будет трудно сохранить. Так, Федеральный закон № 193-ФЗ от 23 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в ч. 1 ст. 5 говорит, что при проведении процедуры медиации сохраняется конфиденциальность всей относящейся к указанной процедуре информации, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами, и случаев, если стороны не договорились об ином. Поскольку политические партии являются субъектами публичной политики, то для их деятельности присуща гласность. Поэтому конфликты, которые возникают в процессе их деятельности, практически мгновенно становятся объектом освещения в средствах массовой информации. Однако гласными в основном становятся данные о том, кто стал субъектом конфликта и предмет спора, в то время как данные о формах разрешения конфликтов отсутствуют.

Таким образом, в разрешении конституционно-правовых споров между политическими партиями, между политическими партиями и иными общественными объединениями, большую роль играют неформальные институты регулирования. Поэтому при разрешении подобных конфликтов должна использоваться такая форма неформального разрешения споров, как переговоры. Однако они должны проводиться с использованием процедур правового регулирования, например, медиации. Использование медиации в политике свидетельствует о развитии культуры разрешения конфликтов, а также политико-правовой культуры. Однако медиация является не только порождением высокой культуры использующих ее людей, но также способом формирования культурной среды, в которой она получает наибольшее развитие. К тому же медиация является важнейшим фактором формирования институтов гражданского общества, в рамках которых и реализуются такие ценности, как свобода граждан, утверждение начал справедливости и безопасности²⁷.

Пристатейный библиографический список

1. Большаков И. Политическая культура, неформальные институты и стабильность системы // Власть. — 2002. — № 2.
2. Подхомутникова М. В. Неформальные политические практики в современной России: Автореф. дисс. ...

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Конфликт исчерпан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/02/09/konflikt.html>

²⁵ См.: Пономарева Н. Г. Проблема медиации: структурный и историко-генетический аспекты // Научный вестник Уральской государственной службы. — 2011. — № 2 (15). — С. 14.

²⁶ См.: Пель М. Приглашение к медиации. Практическое руководство о том, как эффективно предложить разрешение конфликта посредством медиации. Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования». — М., 2009. — С. 168.

²⁷ Пономарева Н. Г. Указ. соч. — С. 14.

- канд. полит. наук [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/neformalno-politicheskie-praktiki-v-sovremennoi-rossii>
3. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (II) // Полис.— 2002.— № 2.
 4. Сергеев В. М. Демократия как переговорный процесс.— М.: Московский общественный научный фонд, 1999.
 5. Пряхина Т. М. Конституционные конфликты // Государство и право.— 2004.— № 11.
 6. Панях Э. Л. Неформальные институты и формальные правила: закон действующий vs. закон применяемый // Политическая наука.— 2003.— № 1.
 7. Бесемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах.— Калуга, «Духовное познание», 2004.
 8. Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов: Учеб. пособие.— М.: Аспект Пресс, 1999.
 9. Васильева С. В. Правовые и неформальные институты во взаимоотношениях представителей бизнеса и органов исполнительной власти // Труды кафедры конституционного и административного права. Вып. 1. Издательство «ТЕИС».— М., 2006.
 10. Конфликт исчерпан [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/02/09/konflikt.html>
 11. Пономарева Н. Г. Проблема медиации: структурный и историко-генетический аспекты // Научный вестник Уральской государственной службы.— 2011.— № 2 (15).
 12. Пель М. Приглашение к медиации. Практическое руководство о том, как эффективно предложить разрешение конфликта посредством медиации. Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования».— М., 2009.

Мозговая Н. М., Шакирова Э. В.
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УЧАСТИЯ ОППОЗИЦИИ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье анализируются существующие в современной России политические барьеры допуска оппозиции на политический рынок. Особое внимание уделяется федеральному законодательству, регулирующему сферу избирательного и партийного строительства. Делается вывод о том, что низкие барьеры допуска политических акторов на политический рынок способствуют силе оппозиции, а высокие — ее слабости.

Ключевые слова: политическая оппозиция, гибридный политический режим, политическая партия, электоральный цикл.

Mozgovaya N. M., Shakirova E. V.
LEGAL BASES OF PARTICIPATION
OF OPPOSITION IN POLITICAL LIFE OF MODERN RUSSIA

In the article existing political barriers of the admission of opposition on the political market in modern Russia are analyzed. The special attention is paid to the Federal legislation regulating the sphere of voting and party construction. The conclusion that low barriers of the admission of political actors on the political market promote opposition force, and high — its weaknesses is drawn.

Keywords: political opposition, hybrid political regime, political party, electoral cycle.

После принятия Конституции в 1993 г. началась работа по созданию избирательного законодательства, этом же году было принято положение «О выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году», которое утвердило право выдвижения кандидатов от избирательных объединений и групп избирателей, единообразный порядок поддержки выдвижения кандидатов в виде сбора подписей, обязательную альтернативность выборов и судебный механизм разрешения избирательных споров¹. В 1994 г. был принят Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации», став первым звеном в системе нового избирательного законодательства и во многом определив вектор его развития на последующие годы². В 1995 г. были приняты федеральные законы «О выборах Президента Российской Федерации» и «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»³. Последний закон утвердил достаточно либеральные принципы участия политических субъектов в избирательных процессах, а также установил вполне демократическую планку в 5% в качестве электорального барьера при распределении мест в законодательной ассамблее⁴. И хотя, как отмечают эксперты, в 1998–1999 гг. на российских выборах начали практиковаться методы отмены регистрации кандидатов как проявления административного ресурса, что стало следствием изменения избирательного законодательства в 1997 г., в целом указанные практики носили ограниченный масштаб и использовались главным образом на выборах регионального и муниципального уровня⁵. Более широкое распространение использование административного ресурса на выборах получило в последующие периоды.

Отражением низких барьеров входа на политический рынок стало развитие многопартийности в России. В политологии для определения уровня многопартийности принято использовать формулу расчета эффективного числа партий,

которая была разработана М. Лааксо и Р. Таагеперой в 1979 г. и представляет собой формулу в виде:

$$N = \frac{1}{\sum S_i^2}$$

где S_i — это доля голосов (мест), полученных i — партией на выборах или при распределении мест в парламенте⁶. Используя эту формулу, исследователи находят, что эффективное число электоральных партий⁷ в 1993 г. равнялось показателю 7,6; в 1995 г. — 10,7; в 1999 г. — 6,8⁸. Эффективное число парламентских партий⁹ в 1994–1995 гг. составляло 8,53; в 1996–1999 гг. — 5,7; в 2000–2001 гг. — 7,8; в 2001–2003 гг. — 4,7¹⁰. О низких входных барьерах на политический рынок говорит и рост количества зарегистрированных партий. К 1999 г. в России их количество достигло 139¹¹.

В 2001 г. наблюдалось резкое повышение законодательных барьеров допуска оппозиции на политический рынок. Основным инструментом этого стало принятие Закона «О политических партиях»¹² с последующим ужесточением избирательного законодательства. В частности, согласно Закону

Мозговая Н. М.

Шакирова Э. В.

¹ Иванченко А.В., Любарев А. Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. — М., 2006. — С. 70–71.

² Там же. — С. 86.

³ Иванченко А.В., Любарев А. Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. — М., 2006. — С. 86.

⁴ Там же.

⁵ Иванченко А.В., Любарев А. Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. — М., 2006. — С. 141.

⁶ Laakso M., Taagepera R. Effective number of parties: a measure with application to West Europe // Comparative Political Studies. — 1979. — Vol. 12. — № 1. — P. 3–27.

⁷ Расчет производится на основе доли полученных голосов партиями от избирателей.

⁸ Гельман В. Я. Политические партии в России: от конкуренции — к иерархии // Политические исследования. — 2008. — № 5. — С. 136.

⁹ Расчет производится по доли мест партии или фракции в парламенте.

¹⁰ Гельман В. Я. Указ. соч. — С. 136.

¹¹ Кынев А. Партий много не бывает // Демократия. ру от 26. 04. 2012. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.democracy.ru/article.php?id=3395>.

¹² Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» // Российская газета. — 2001. — 11 июля [Электронный

«О политических партиях» устанавливался запрет на создание региональных и межрегиональных партий; запрещалось с июля 2003 г. иным, кроме политических партий, общественным объединениям выдвигать кандидатов на федеральных и региональных выборах, устанавливались жесткие требования к численности политической партии (партия должна была иметь не менее 10 тыс. членов и региональных отделений не менее чем в половине субъектов РФ численностью не менее 100 человек)¹³. Кроме того, устанавливался сложный бюрократический порядок регистрации партий и государственное финансирование партий в зависимости от итогов выборов в Государственную Думу¹⁴.

Следует отметить, что в 2004 г. в Закон «О политических партиях» были внесены поправки, которые еще более сузили рамки для развития партийного строительства в России. В частности, требования к минимальной численности партий увеличилось сразу в пять раз: с 10 до 50 тыс. человек. Одновременно также увеличивались и требования к минимальной численности региональных отделений партий: для отделений, которые партия должна иметь не менее чем в половине субъектов РФ, со 100 до 500, для остальных отделений — с 50 до 250¹⁵. Кроме того, Закон обязал партии при регистрации региональных отделений представлять в территориальный орган, ведающий регистрацией, список членов региональных отделений. По мнению ряда экспертов, это нанесло удар развитию оппозиционных партий, поскольку граждане в ряде регионов могут опасаться вступать в них, если об их членстве станет известно властям¹⁶.

Еще одной мерой, усложнившей партийное строительство и объективно повысившей барьеры для участия в политической борьбе, стал Закон «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации», принятый 21 июля 2005 г.¹⁷. Данный закон отменил институт избирательных блоков, что вместе с ужесточением требований по минимальному количеству членов партии привело к исчезновению многих из них.

Перечисленные ограничения и ужесточения избирательного законодательства существенным образом отразились на развитии политического плюрализма и сократили возможности оппозиции. Наглядным результатом этого стало резкое сокращение зарегистрированных партий в России. Если в 1999 г., как мы указывали выше, в России действовало 139 политических организаций, то после принятия Закона «О политических партиях» 2001 г. на выборах Государственной Думы 2003 г. смогли принять участие только 44 политические партии¹⁸. К 2006 г. число зарегистрированных партий сократилось до 19 и в период 2003–2006 не было создано ни одной партии¹⁹. К выборам 2007 г. зарегистрированных партий

в России осталось только 15, а к концу 2008 г. их количество сократилось до 7²⁰.

Эффективное число электоральных партий сократилось до показателя 5,34 в 2003 г., а к 2007 г. составило всего 2,25. Эффективное число парламентских партий в период 2003–2007 гг. составляло всего 1,97, а в период 2007–2011 гг. сократилось до 1,92²¹, что согласно типологии Дж. Сартори говорило о формировании в России партийной системы однопартийного типа с доминирующей силой²².

Приведенные данные позволяют оценить барьеры допуска оппозиции на политический рынок в России как высокие. Отсюда следует, что низкие барьеры допуска политических акторов на политический рынок способствуют силе оппозиции, а высокие — ее слабости.

В период электорального цикла 2011–2012 гг. барьеры допуска на политический рынок в России оставались высокими. Выражением этого стала регистрация на выборах Государственной Думы 2011 г. только 7 политических партий. Относительно выборов российского парламента в 2011 г. в докладе ОБСЕ/БДИЧ резюмировалось: «В техническом отношении подготовка к выборам в Государственную Думу РФ 4 декабря была организована хорошо, но сами выборы характеризовались тесным слиянием государственных органов власти и правящей партии. Несмотря на то, что в выборах принимали участие семь партий, отказ некоторым партиям в регистрации сузил пространство для политической конкуренции. Также борьба была смещена в пользу правящей партии. Свидетельством тому послужили отсутствие независимости избирательных органов, предвзятость большинства СМИ, а также излишнее вмешательство государственных органов на разных уровнях. Это не обеспечило необходимых условий для честной предвыборной борьбы»²³.

Президентские выборы 2012 г. также сопровождалась отсечением от избирательной гонки оппозиционных кандидатов. Например, административным путем к выборам не был допущен кандидат от партии «Яблоко» Г. Явлинский²⁴.

Некоторая либерализация партийного законодательства, смягчившая требование к минимальному количеству членов партий, сократив его сразу до 500 человек, произошла только после завершения выборов 2011–2012 гг.²⁵. Ее результатом стала волна нового партийного строительства в России, однако эффекты этого могут сказаться только на будущих выборах.

Пристатейный библиографический список

1. Гельман В. Я. Политические партии в России: от конкуренции — к иерархии // Политические исследования. — 2008. — № 5.
2. Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. — М.: ГУ ВШЭ, 2010.

ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2001/07/11/partii-dok.html>

¹³ Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» // Российская газета. — 2001. — 11 июля [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2001/07/11/partii-dok.html>

¹⁴ Иванченко А. В., Любарев А. Е. Указ. соч. — С. 153–154.

¹⁵ Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 168-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О политических партиях"» // Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/112365/>

¹⁶ Иванченко А. В., Любарев А. Е. Указ. соч. — С. 204.

¹⁷ Федеральный закон Российской Федерации от 21 июля 2005 г. № 93-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. — 2005. — № 3830. — 26 июля.

¹⁸ Иванченко А. В., Любарев А. Е. Указ. соч. — С. 158.

¹⁹ Кынев А. Избирательная реформа Владимира Путина и региональные выборы // Полит. ру от 12.03.2007 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://polit.ru/article/2007/03/12/kynev/>

²⁰ Кынев А. Партий много не бывает // Демократия. ру от 26. 04. 2012. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.democracy.ru/article.php?id=3395>

²¹ Гельман В. Я. Политические партии в России: от конкуренции — к иерархии // Политические исследования. — 2008. — № 5. — С. 136.

²² Сартори Дж. Партии и партийные системы: рамки анализа // Партии и выборы: Хрестоматия / Ред. и сост. Анохина Н. В., Мелешкина Е. Ю. — Ч. 1. — М.: Юрайт, 2004. — С. 156–167.

²³ Российская Федерация, выборы в Государственную Думу 4 декабря 2011 г. Итоговый отчет Миссии ОБСЕ/БДИПЧ по наблюдению за выборами. — Варшава, 2012. — С. 1.

²⁴ Смирнов С. ЦИК: Явлинский выбывает из президентской гонки // Ведомости. — 2012. — 24 января [Электронный документ]. — Режим доступа:

http://www.vedomosti.ru/politics/news/1483937/yavlinskij_vybyvaet_iz_borby_za_post_prezidenta.

²⁵ Кузьмин В. Апрельские тезисы. Дмитрий Медведев подписал закон о партиях // Российская газета. — 2012. — № 5746 (73). — 4 апреля.

3. Иванченко А. В., Любарев А. Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. — М., 2006.
4. Кузьмин В. Апрельские тезисы. Дмитрий Медведев подписал закон о партиях // Российская газета. — 2012. — № 5746 (73). — 4 апреля.
5. Кынев А. Партий много не бывает // Демократия. ру от 26. 04. 2012. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.democracy.ru/article.php?id=3395>
6. Кынев А. Избирательная реформа Владимира Путина и региональные выборы // Полит. ру от 12.03.2007 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://polit.ru/article/2007/03/12/kynev/>
7. Сартори Дж. Партии и партийные системы: рамки анализа // Партии и выборы: Хрестоматия / Ред. и сост. Анохина Н. В., Мелешкина Е. Ю. — Ч. 1. — М.: Юрайт, 2004.
8. Смирнов С. ЦИК: Явлинский выбывает из президентской гонки // Ведомости. — 2012. — 24 января [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/politics/news/1483937/yavlinskij_vybyvaet_iz_borby_za_post_prezidenta
9. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» // Российская газета 2001 11 июля [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2001/07/11/partii-dok.html>.
10. Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 168-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О политических партиях”» // Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/112365/>.
11. Федеральный закон Российской Федерации от 21 июля 2005 г. № 93-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета — 2005. — № 3830. — 26 июля.
12. Шакирова Э. В. Политическая оппозиция как фактор увеличения агрессии у молодежи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. — 2013. — № 4 (30). — Часть III.
13. Шакирова Э. В. Концепт гибридного политического режима в современной политологии как аналитическая рамка анализа российской политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. — 2013. — № 6 (32). — Часть II.
14. Шакирова Э. В. Понятие политической оппозиции // Актуальные проблемы науки и техники: Сб. трудов VI Международной научно-практической конференции молодых ученых. — Уфа, 2013. — Т. II.
15. Laakso M., Taagepera R. Effective number of parties: a measure with application to West Europe // Comparative Political Studies. — 1979. — Vol. 12. — № 1.
16. Magaloni B. Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule // Comparative Political Studies. — 2008. — Vol. 41. — № 4–5.

Виноградова Н. В.

ГЕОПОЛИТИКА, ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ПРИНЦИП КУЛЬТУРПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ

В статье рассматривается проблема преодоления конфликта культур, принципы мирного сосуществования народов, в частности, принцип толерантности, указывается на опасность слияния культуры с политикой и властью.

Ключевые слова: толерантность, геополитические интересы, культура, легитимация власти.

Vinogradova N. V.

GEOPOLITICS, TOLERANCE AND PRINCIPLE OF CULTURAL AND POLITICAL POWER LEGITIMATION

The article considers the problem of overcoming the conflict of cultures, the principles of peaceful coexistence of peoples, in particular the principle of tolerance, the dangers of merger of culture with politics and power.

Keywords: tolerance, geopolitical interests, culture, legitimation of power.

Виноградова Н. В.

Современный мир ставит перед человечеством всё больше вопросов. Куда идёт цивилизация? Каковы основополагающие принципы мирного сосуществования столь разных в политическом, социально-экономическом, культурном и правовом отношении стран и народов? Какие факторы являются определяющими в развитии мирового сообщества? Все эти вопросы по-прежнему остаются актуальными, несмотря на возникающие временные периоды потепления международных отношений, принимаемые декларации и подписываемые соглашения.

Именно таким временем надежд и ожиданий позитивных перемен был период конца 80-х — начала 90-х годов, когда многим политикам, учёным и общественным деятелям казалось, что человечество вступает в новую эру, эру отсутствия конфронтации и непонимания. В работах тех лет можно встретить оптимистические высказывания относительно возможностей развития мировой цивилизации. «Сейчас, может быть, впервые в современной истории, международные отношения не затуманены ни империалистически-колониальными интересами, ни идеологизированной конфронтацией, оправдывавшейся тезисом “всемирной классовой борьбы”. Мировое сообщество стоит перед альтернативой: или вернуться к старой и привычной парадигме жизни, или выходить на качественно новый уровень её понимания»¹. И, конечно же, верилось, что человечество откажется от традиционной опоры на баланс сил и разделение сфер влияния, и выберет второй путь в соответствии с требованиями технологической революции и единого информационного пространства. По прошествии уже более 20 лет мы можем констатировать, что в области технологий достигнуты огромные успехи, а единое информационное пространство фактически сформировалось, но это не помешало в политической сфере по-прежнему руководствоваться геополитическими интересами. Кроме того, крах коммунистической системы вскрыл новые проблемы, связанные с приобретением бывшими союзными республиками статуса независимых государств и дальнейшим развитием постсоветского пространства.

В современных межгосударственных отношениях, на наш взгляд, важным фактором остаётся то, что очень часто геополитические интересы прикрываются интересами народа, объясняются с позиций культурных и духовно-ценностных потребностей людей. Хотя нельзя не учитывать и тот факт, что многообразие культур в мире действительно является

источником многих конфликтов, над разрешением которых «ломают голову» лучшие умы человечества уже не одно столетие. На протяжении всего XX в. международное сообщество выработало принципы мирного сосуществования народов, закрепляя их в международно-правовых соглашениях: Статуте Лиги Наций (1919 г.), Уставе ООН (1945 г.), Международном пакте о гражданских и политических правах (1966 г.), Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.) и др. Серьёзным шагом в закреплении прав и свобод человека стала Декларация принципов толерантности, утверждённая резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 г. Статья 1 Декларации определяет толерантность как «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности... Толерантность — это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Толерантность — это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира»². В век глобализации экономики, мобильности, крупномасштабных миграций и перемещения населения эскалация нетерпимости и конфликтов потенциально угрожает всем частям мира и носит глобальный характер, поэтому от неё нельзя отгородиться национальными границами. Большое значение документ придаёт реализации принципа толерантности на государственном уровне, социальным аспектам, а также воспитанию и образованию в данной сфере. Подобные идеи прописаны в законодательстве и документах, принимаемых в Российской Федерации, например, в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (от 13 июня 2012 г.) и Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (от 19 декабря 2012 г.).

Несмотря на очевидность всех провозглашённых принципов, их реализация на практике оказывается довольно сложным делом и по-прежнему является темой для дискуссий среди философов, политологов, юристов, публицистов и широкой общественности. В журнале «Вопросы философии» № 9 за 2011 г. опубликованы материалы круглого стола украинских и российских философов и ряд статей на тему «Единство мира и многообразие культур», звучащих особенно актуально в свете последних политических событий. Заслуживает

¹ Из истории мировой цивилизации. — М.: Российская экономическая академия им. Г. В. Плеханова, 1993. — С. 53.

² Декларация принципов толерантности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php>

внимания точка зрения Е. К. Быстрицкого о специфическом сращении культуры и политики, в связи с чем он использует понятие культурполитики. По его мнению, «именно культурполитические действия современные власти воспринимали как единственный путь к самолегитимации»³. В условиях отказа от старой коммунистической идеологии требовалось создание новой системы ценностей, и «именно в качестве такой основы и актуализируется геополитически акцентированный образ культуры»⁴. В случае России и Украины это: для России — идея единой, целостной культуры постсоветского пространства, для Украины же — идея отъединения собственного культурного мира и культурной традиции от других культурполитических миров. Вместе с тем и в России всё чаще слышны заявления о том, что «Россия — не Европа» (эта формулировка присутствовала в первоначальном проекте Основ государственной культурной политики), что у России свой, отличный от Запада путь развития. Действительно, именно культура является объединяющим началом в обществе, обеспечивает его развитие и определяет особенности, обладает высоким воспитательным потенциалом. Однако нельзя исключать факт, на который указывает Е. К. Быстрицкий: «Глобализация культурполитики, то есть сращивание культуры

и власти, политики и культуры, может привести к новому геокультурному слоуму и новой системе конфликтов культур, преодолевать которые с каждым разом будет всё сложнее»⁵.

Таким образом, принцип толерантности в современных условиях, в том числе в межгосударственных отношениях, предполагает признание существования разных, отличных друг от друга культурных миров. Уважение и почитание своей культуры, патриотические настроения не должны перерастать в самоизоляцию от достижений мировой культуры, ксенофобию и неприятие другой культуры и идентичности, а лозунг культурной уникальности в руках политиков не должен становиться знаменем, ведущим в бой или на баррикады.

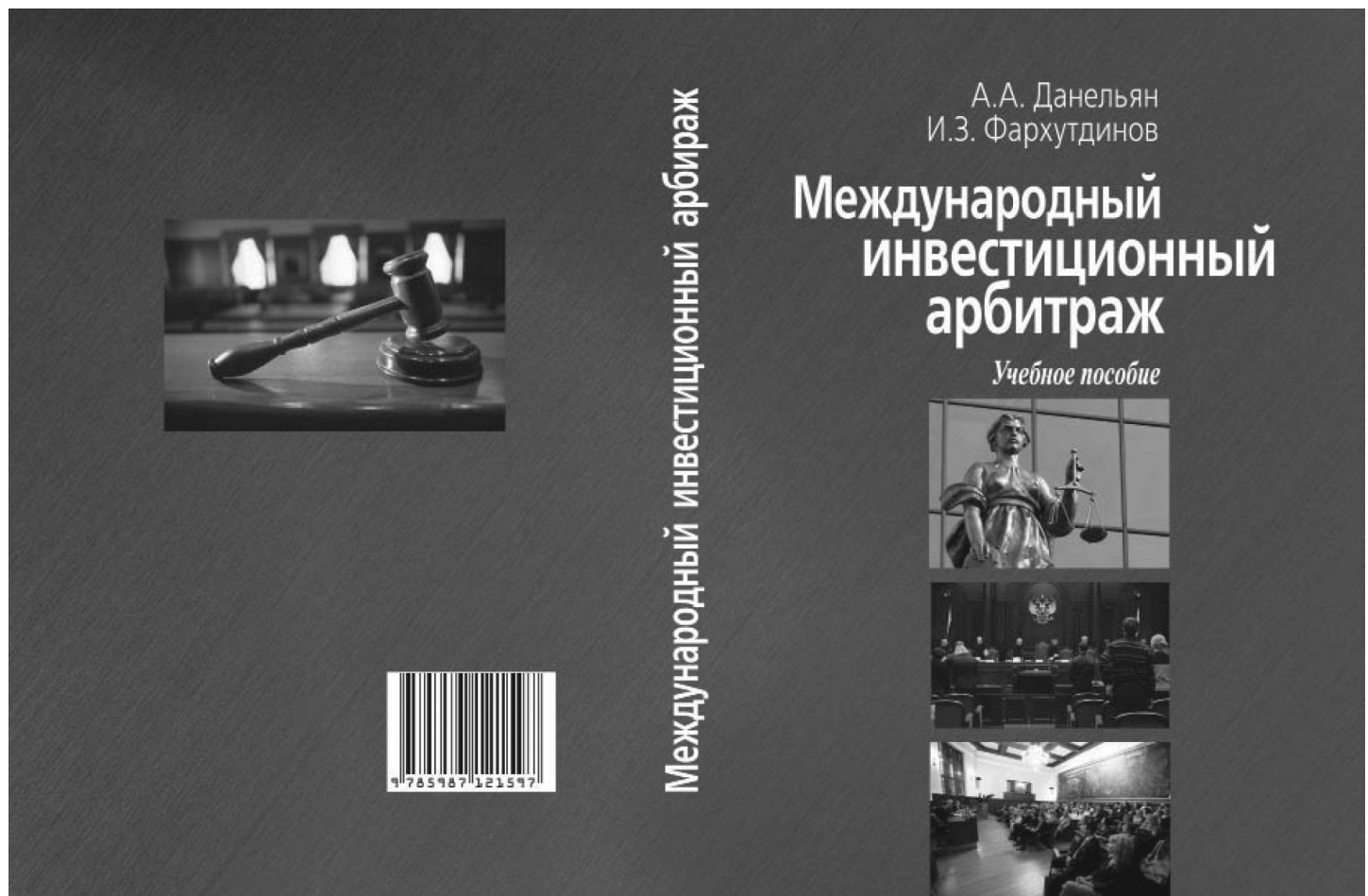
Пристатейный библиографический список

1. Быстрицкий Е. К. Конфликт культур и методология толерантности // Вопросы философии.— 2011.— № 9.
2. Декларация принципов толерантности. [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php>
3. Из истории мировой цивилизации.— М.: Российская экономическая академия им. Г. В. Плеханова, 1993.

³ Быстрицкий Е. К. Конфликт культур и методология толерантности // Вопросы философии.— 2011.— № 9.— С. 74.

⁴ Там же.

⁵ Быстрицкий Е. К. Конфликт культур и методология толерантности // Вопросы философии.— 2011.— № 9.— С. 85.

Бугера В. Е., Гиндуллин Н. Ф.
КОНЦЕПЦИЯ НЕОАЗИАТСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА
В СССР: ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье излагается концепция неоазиатского способа производства, существовавшего в СССР и некоторых других странах в XX в.

Ключевые слова: общественно-экономическая формация, неоазиатский способ производства, неоазиатская бюрократия, класс капиталистических администраторов, класс неоазиатских администраторов, класс государственных рабочих, феодализм, государственный капитализм, монополистический капитализм, мировой экономический кризис.

Bugera V. E., Gindullin N. F.
CONCEPT OF NEOASIATIC MODE OF PRODUCTION
IN THE USSR: LEGAL AND ECONOMIC ASPECTS

The article introduces the concept of neo-Asiatic mode of production existed in the USSR and some other countries in the 20th century.

Keywords: socio-economic formation, neo-Asiatic mode of production, neo-Asiatic bureaucracy, class of capitalist administrators, class of neo-Asiatic administrators, class of state workers, feudalism, state capitalism, monopolistic capitalism, the global economic crisis.

Вкратце, в существеннейших чертах, охарактеризуем неоазиатский способ производства, возникший в первой половине 1930-х гг. в СССР, а после Второй мировой войны — и в некоторых других странах.

При неоазиатском способе производства место капиталистических монополий и кормящихся при них фирм помельче занял новый эксплуататор, единственная на всю страну монополия, владеющая рабочими силами жителей этой страны, — государство.

Главными действующими лицами при неоазиатском способе производства являются две фигуры: неоазиатский бюрократ и государственный рабочий (в классе государственных рабочих входили промышленные рабочие, колхозные и совхозные крестьяне, а также рядовые работники, занятые в производстве, продуктом которого не являются средства производства и вещественные предметы потребления). Государственные рабочие не были рабами — государство не могло, к примеру, продать их другому хозяину. Чтобы дать ему имя, которое отличало бы его от всех остальных способов производства и вместе с тем подчёркивало бы его сходство с азиатским (между прочим, это сходство — хороший пример того, как действует диалектический закон отрицания отрицания), мы и называем его неоазиатским способом производства.

Средние и мелкие бюрократы из государственного аппарата управления экономикой представляли собой переходный между неоазиатской бюрократией и государственными рабочими класс, к которому снизу, в качестве непосредственно соприкасающейся с классом государственных рабочих и даже переходящей в него части, примыкает мелкая бюрократия. Весь этот класс, по аналогии с классом капиталистических администраторов, мы назовем классом неоазиатских администраторов. Что же касается лиц, обслуживающих госаппарат, но не являющихся начальниками — всякого рода консультантов, архивных работников, секреташ-машинисток и т.д. и т.п. — то они представляют собой одну из тех подгрупп внутри класса государственных рабочих, которые вплотную примыкают к классам неоазиатских администраторов и мелкой буржуазии. В частности, эту подгруппу отделяет от большинства государственных рабочих некоторое отличие по занимаемому ими месту в исторически определенной системе общественного производства (проще говоря, в системе производительных сил).

Те страны, в которых возник неоазиатский способ производства, занимали в мировой системе империализма более

или менее угнетённое положение и были поставлены этой системой в экстремальную ситуацию. Мировые войны и беспощадная эксплуатация со стороны как буржуазии высокоразвитых метрополий, так и своих местных эксплуататоров-соотечественников грозили им вымиранием населения. С другой стороны, пролетариат и мелкобуржуазные крестьянские массы этих стран были, благодаря разнообразным стечениям обстоятельств, в силах экспроприировать старых эксплуататоров, отнять у них политическую власть и создать новый государственный аппарат. Этот госаппарат был как раз тем, что могло мобилизовать все силы управляемых им народов на индустриализацию, на борьбу с враждебными капиталистическими государствами, на движение по пути прогресса. Этот путь пролегал по костям миллионов людей, но всё же был путём прогресса — усложнения общества, роста находящихся в его распоряжении материальных и интеллектуальных сил. Созидание в одном сочеталось с разрушением другого, но всё-таки в общем итоге созидание перевешивало разрушение. Такой прогресс характерен для классовых, антагонистических, эксплуататорских обществ; но ведь общество в СССР и подобных ему странах таким и было. Ту работу, которую в большинстве стран (прежде всего высокоразвитых) проделал капитализм, в некоторых странах сделал неоазиатский способ производства и выросшая из него общественно-экономическая формация. Именно неоазиатский строй дал жителям бывшего СССР городские дома и электричество в селе, радио и телевидение, детские сады и пенициллин, всеобщее бесплатное обучение и лечение. Да, все это было оплачено морями крови, но в классовых обществах просто не бывает иначе.

Неоазиатские государства сыграли прогрессивную роль в развитии общества не только в своих странах, но и во всём мире. Дело в том, что эти государства приняли участие в борьбе капиталистических монополий и принадлежащих им буржуазных государств за передел мира. В этой борьбе они использовали рабочее и национально-освободительное движение как в развитых капстранах, так и в колониях и полуко-

Бугера В. Е.

Гиндуллин Н. Ф.

лониях. Поддержка рабочего и национально-освободительного движения в капстранах со стороны неоазиатских государств носила чем дальше, тем более ограниченный характер: с одной стороны, правители СССР и подобных ему государств наускивали пролетариев и угнетённые народы на буржуазию, с другой же стороны — всё чаще и чаще удерживали пролетариат от «опрометчивых» попыток взять власть. Однако это всё-таки была поддержка, и она принесла населению капстран немало пользы.

Вот как описывает ситуацию в капиталистической экономике программа IV Интернационала, написанная Л. Троцким: «Производительные силы человечества перестали расти. Новые изобретения и усовершенствования не ведут уже к повышению материального богатства. Конъюнктурные кризисы, в условиях социального кризиса всей капиталистической системы, обрушивают на массы всё более тяжкие лишения и страдания. Рост безработицы углубляет, в свою очередь, финансовый кризис государства и подкапывает расшатанные денежные системы. Демократические правительства, как и фашистские, шествуют от одного банкротства к другому»¹.

Так все и было. Еще В. Ленин писал в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма»: «... самая глубокая экономическая основа империализма есть монополия. Это — монополия капиталистическая, т.е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой. Но тем не менее, как и всякая монополия, она порождает неизбежное стремление к застою и загниванию. Поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно, и ко всякому другому прогрессу, движению вперёд; постольку является далее экономическая возможность искусственно задерживать технический прогресс. Пример: в Америке некий Оуэнс изобрёл бутылочную машину, производящую революцию в выделке бутылок. Немецкий картель бутылочных фабрикантов скупает патенты Оуэнса и кладёт их под сукно, задерживает их применение. Конечно, монополия при капитализме никогда не может полностью и на очень долгое время устранить конкуренции с всемирного рынка... Конечно, возможность понизить издержки производства и повысить прибыль посредством введения технических улучшений действует в пользу изменений. Но тенденция к застою и загниванию, свойственная монополии, продолжает в свою очередь действовать, и в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известные промежутки времени она берёт верх»².

Накануне Второй мировой войны эта тенденция взяла верх практически во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства капстран, за исключением предприятий, работавших на войну. Темпы роста производительности труда были близки к нулю; масса прибавочной стоимости продолжала прирастать почти исключительно за счёт ухудшения положения пролетариев и прочих эксплуатируемых слоёв общества (особенно в колониях). Как следствие — рост рабочего и национально-освободительного движения, давившего снизу на монополистический капитал. Это давление усиливалось хотя и ограниченной, но всё же поддержкой сбоку — со стороны первого в мире неоазиатского государства, СССР. В некоторых капстранах буржуазия ответила на давление снизу и сбоку приходом фашистов к власти. Рабочее движение внутри своих стран фашистские режимы обломали успешно, но их попытка

справиться с СССР не увенчалась успехом: борьба за передел мира привела к войне государств, руководимых фашистами, не только с СССР, но и с другими империалистическими державами. В результате этой войны фашизм рухнул, число неоазиатских государств умножилось, колониальная система империализма начала разрушаться и, в конце концов, рухнула совсем (сменившись, впрочем, системой неокOLONИализма), рабочее движение в капстранах воспряло. Перед капитализмом встала угроза скорой гибели, и мировой буржуазии волей-неволей пришлось принять ряд мер, чтобы эту гибель отсрочить.

Во-первых, монополии пошли на значительные уступки пролетариату. В ряде стран были расширены экономические права пролетариата: расширялась сфера рабочего контроля, большие права получили профсоюзы, высокого уровня развития достигла система социального обеспечения. Классические примеры такого рода мы находим в ФРГ, Австрии, скандинавских странах. Политические права пролетариата многих капстран тоже заметно расширились.

Во-вторых, стали шире вводиться и строже соблюдаться антимонопольные законы. Конкуренция, совсем было утрачившая роль стимула к повышению производительности труда, вновь начала подхлестывать технический прогресс. Раз уж монополиям пришлось умерить свой производ по отношению к пролетариату, то им приходилось увеличивать свои прибыли путем наращивания производительности труда. Производительные силы, развитие которых приостановилось было в промежутке между двумя мировыми войнами, стали прогрессировать.

Впрочем, был ещё один источник возмещения тех потерь, которые понесли монополии развитых капстран, наделав уступок своим пролетариям: грабёж бывших колоний. Однако с тех пор, как национально-освободительное движение в последних привело к образованию там суверенных государств, грабить их стало труднее. Правда, грабёж этот не прекратился, и именно благодаря ему разрыв между жизненным уровнем жителей развитых капстран и стран «третьего мира» увеличивается. Однако при этом производительные силы и жизненный уровень населения бывших колоний и полуколоний всё-таки несколько вырос, и сейчас часть их живет несколько зажиточнее, чем до Второй мировой войны.

Следует обратить внимание на одну любопытную закономерность, открытую В. Белоцерковским³: чем ближе к границам неоазиатских государств, тем выше уровень жизни в капстранах, тем более развита там система социального обеспечения, а в Западной Европе ещё и тем больше производительной и политической демократии. В каких странах происходили послевоенные «экономические чудеса»? ФРГ, Сингапур, Тайвань, Южная Корея, Япония... Именно туда после войны плыли капиталы из США, послужившие первотолчком для крутого подъёма производства. Конечно, те средства, которые одолжили немецким, японским и т.п. промышленникам американские банкиры, вернулись к ним с хорошими процентами, но только этим нельзя объяснить, зачем Уолл-Стриту понадобились «экономические чудеса» у границ неоазиатских государств. Так, с Латинской Америки монополии США имеют не меньше прибыли и при этом не тратят средств на подъём её экономики. Зачем же американскому капиталу понадобилось подкармливать капитал бывших врагов Америки во Второй мировой войне — Японии и Германии, опять ставший сегодня его опасным конкурентом? Да затем же, зачем в США устраивали широко рекламируемую отправку «гуманитарной помощи» в эти и другие регионы. Ответ на этот вопрос известен на Западе настолько хорошо, что его знают даже сатирики: «В 1952 г. сообщалось, что Эверелл Гарриман получил 7 328 903 976 долларов, чтобы щедрой рукой

¹ Агония капитализма и задачи Четвёртого Интернационала (мобилизация масс вокруг переходных требований как подготовка к завоеванию власти) // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). — 1938. — № 66–67. — С. 1.

² Ленин В. Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — Т. 27. — С. 396–397.

³ См. Белоцерковский В. Химера капитализма // Знамя. — 1990. — № 7.

рассыпать их по миру, и дополнительно ещё один миллиард, неизрасходованный в предыдущем году. К 1955 году послевоенные расходы Соединённых Штатов на иностранную помощь достигли внушительной цифры — 50 млрд. долларов... Делом этим занималось за границей 115 250 человек, из них — 30 681 американец. Гуверовская комиссия... пришла к заключению, что экономическую помощь нужно оказывать и впредь, чтобы «обеспечить нам максимальную военную безопасность и повысить жизненный уровень в свободном мире». Комиссии дали понять, что мирная помощь поможет также в борьбе с коммунистическим влиянием»⁴.

Итак, мы видим, что неоазиатские государства сыграли в первое время своего существования огромную прогрессивную роль. Во-первых, они подтолкнули вперёд свои собственные страны; во-вторых, они подействовали на уже совсем было загнивший капитализм, как на усталого осла Ходжи Насредина — бедняга побежал вперёд с неожиданной прытью. Поэтому хотя Октябрьская революция и не была социалистической, но тем не менее оказалась весьма нужным для всего человечества делом.

Ничто не вечно под луной; и прогрессивная роль неоазиатского государства не является исключением из этого правила. После того, как управляемые неоазиатской бюрократией страны одна за другой вырывались из экстремальной ситуации, у представителей этого общественного слоя быстро исчезли стимулы повышать производительность труда. Если уж при капитализме, когда даже при самой высокой концентрации капитала в экономике обязательно действуют несколько конкурирующих друг с другом фирм, монополии порождают застой и загнивание, то что уж говорить об экономике, в которой действует только одна фирма! В конце концов, неоазиатский способ производства во всех странах, где он существовал, вошёл в стадию застоя и гниения. Производительность труда продолжала расти только в военной промышленности, подхлёстываемой гонкой вооружения; ВПК превратился в опухоль, растущую за счёт высасываемых из слабеющего неоазиатского общества соков. Производительные силы перестали прогрессировать; новые изобретения внедрялись в порядке исключения (разве что в военной промышленности дело обстояло иначе). В общем, неоазиатский строй загнил так же, как капитализм загнил накануне Второй мировой войны. Из двигателя общественного прогресса он превратился в его тормоз.

Это проявилось и на международной арене. После войны, когда неоазиатских государств стало несколько и их вес в мировой политике резко возрос, буржуазные государства стали заметно стоворчивее и миролюбивее по отношению к ним. От Второй мировой войны через холодную войну к политике «мирного сосуществования» — так шёл процесс ослабления конфронтации между буржуазными и неоазиатскими государствами. По мере этого ослабления неоазиатские государства всё меньше и меньше поддерживали классовую борьбу пролетариата, всё больше и больше старались сдерживать его. Компартии шли по тому же пути обуржуазивания, по которому перед ними уже прошли социалдемократы. Это хорошо видно на примере испанской компартии: в 70–80-х гг. она являлась крупнейшей правой социал-шовинистической партией в Испании (тамашиния Социалистическая рабочая партия тогда была уже стопроцентно буржуазной политической организацией), а после ликвидации КПСС обуржуазилась окончательно: её большая часть во главе с подавляющим большинством партаппарата и генсеком вошла в состав испанской соцпартии. Далее, неоазиатские государства конфликтовали между собой; это приводило к расколам компартий на промосковские, маоистские, ходжистские, чучейские (кимирсеновские) и т.д., что отталкивало от них пролетарские массы.

⁴ Паркинсон С. Закон Паркинсона. — М., 1976. — С. 160.

К тому же всё более загнивавший неоазиатский строй утрачивал свой привлекательный имидж в глазах пролетариата развитых капстран, уровень жизни которого в послевоенные годы заметно повысился. Таким образом, вскоре после войны неоазиатские государства уже не столько усиливали, сколько ослабляли — и чем дальше, тем больше — давление пролетариата на буржуазию (до, во время и сразу после войны усиление, напротив, перекрывало ослабление). В свою очередь капитализм, по мере того как давление на монополии снизу и его поддержка сбоку ослабевали, начал опять сбавлять ход: технического прогресса становилось всё меньше, вреда от него (загрязнение окружающей среды и расхищение природных богатств, производство новых видов вооружения и т.д.) — всё больше, кризисы — всё сильнее и т.д. Эти зловещие симптомы обнаружили в 70-х, усилились в 80-х, а в 90-х гг. перспектива гибели человечества стала настолько реальной, что разговоры о ней даже пошли на убыль: все уже привыкли к мысли о грядущих катастрофах.

Между тем перед неоазиатской бюрократией, которая, несмотря на застой и упадок в экономике своих стран, продолжала расти в соответствии с законом Паркинсона, встал вопрос о том, как же всё-таки повысить производительность труда: прибавочного продукта для прокормления чиновников требовалось всё больше и больше, а темпы роста производительности труда приближались к нулю. Ни каждый бюрократ, ни каждый государственный рабочий в отдельности не были заинтересованы в работе на государство: для городского и сельского рабочего это означало «горбатиться на чужого дядю», а у самих «чужих дядь» было много возможностей увеличить свою личную долю прибавочного продукта, не надрываясь на своём административном посту. Однако общий классовый интерес неоазиатской бюрократии всё же заключался в дальнейшем повышении производительности труда. Но как это сделать? Ответа бюрократам не пришлось выдумывать — его навязал мировой рынок, давивший извне на неоазиатскую экономику, проникавший в её поры, разъедавший её закостенелую структуру. Конкуренция между предприятиями, фирмами, а также между самими рабочими — за рабочие места; безработица, создание резервной промышленной армии, производство ради прибыли вместо производства ради премии и ордена — таков был этот ответ. Непосредственно для верхушки неоазиатской бюрократии — то есть для той её части, которая прежде других частей занята защитой её общеклассовых интересов — реставрация капитализма означала превращение присвоенного ею прибавочного продукта, произведенного государственными рабочими, в капитал, приносящий прибыль. Таковы были основные причины реставрации капитализма, начатой верхушкой неоазиатской бюрократии и уже произошедшей во всех бывших неоазиатских государствах. Однако этот капитализм оказался изначально монополистическим: государство из единственной монополии превратилось в крупнейшую, а новые капиталистические фирмы изначально зарождались тесно связанными в монополистические объединения, так или иначе экономически подконтрольные этой крупнейшей монополии. В качестве монополистического реставрированный капитализм оказался изначально загнивающим, паразитическим, не способствующим техническому прогрессу. Правда, неоазиатской бюрократии, изменившей свою классовую сущность и ставшей главной частью буржуазии, он принёс новые богатства — но лишь за счёт бывших государственных рабочих, ныне опять ставших пролетариями.

Монополистический капитализм, возникший на развалинах неоазиатского строя, не является новой общественно-экономической формацией. Всякая общественно-экономическая формация и способ производства, на котором она основана, способствует переходу производительных сил на более высокий уровень по сравнению с тем, который их породил. Здесь этого нет. Реставрированный в бывших неоазиатских странах капитализм — это лишь экономический уклад, на какое-то

время возобладавший в хозяйстве этих стран, переходное явление, продукт разложения неоазиатского способа производства и основанной на нём общественно-экономической формации.

Неоазиатский способ производства похож на азиатский не только тем, что практически все те средства производства и рабочая сила, которые не находятся в индивидуальной собственности, находятся в авторитарной собственности государства, — этим он похож и на феодализм, — но и тем, что при нем имеется прямая технологическая необходимость в существовании больших бюрократических аппаратов, управляющих производством (при феодализме такой прямой необходимости нет). Такая же необходимость существует и при капитализме, и порождена она промышленным прогрессом: вплоть до начала НТР последний обуславливал неуклонное нарастание доли отношений авторитарных собственности и управления по сравнению с долями отношений индивидуальных и коллективных собственности и управления в системе производственных отношений. Действие этой необходимости усиливается разного рода экстремальными ситуациями, то и дело возникающими в истории антагонистических социальных организмов: чем более централизовано авторитарное управление экономикой (т.е. чем более оно преобладает над индивидуальным и коллективным управлением), тем более обладающий экономической властью класс способен сконцентрировать все силы общества, не считаясь с жертвами, для такого выхода из экстремальной ситуации, который соответствует интересам этого класса. В тех случаях, когда такой выход осуществляется через прогресс производительных сил, централизация управления экономикой со стороны эксплуататорского класса играет прогрессивную историческую роль: именно так и обстояло дело в большинстве тех стран, где на смену старым эксплуататорам пришел новый эксплуататорский класс неоазиатской бюрократии.

Неоазиатское государство на любой стадии своего развития может выступать и в роли капиталиста — например, занимаясь на мировом рынке банковскими операциями, посреднической торговлей или нанимая пролетариев за рубежом. Чем больше число пролетариев, работающих на данное государство, по отношению к общему числу работающих на него государственных рабочих; чем большее количество овеществленного труда — по отношению к общему количеству труда, воплощенному в продукции, созданной за некоторый промежуток времени всеми государственными рабочими, работающими на данное государство — заключено в доходе, полученном данным государством от банковских и торгово-посреднических операций за этот же промежуток времени, — тем в большей мере данное государство есть капиталистическая монополия, тем в меньшей мере оно является неоазиатским.

Важно отметить, что все существовавшие до сих пор неоазиатские государства в начале своего формирования проходили такую стадию развития — более или менее мимолетную, — когда входящий в их состав аппарат управления экономикой является капиталистической монополией, а политический аппарат еще не окончательно перестал принадлежать тем эксплуатируемым классам, которые создали это государство в ходе революции. Иными словами, неоазиатская бюрократия, формируясь, проходит в своем зародышевом развитии две трудноразличимые, накладывающиеся друг на друга фазы: мелкобуржуазную (это когда аппарат управления экономикой еще только начинает отращивать от рожденного революцией политического аппарата насилия, и большинство будущих неоазиатских бюрократов еще являются всего лишь слугами, продающими свои услуги совершившим революцию эксплуатируемым классам — пролетариату, мелкой буржуазии, феодальному крестьянству, крестьянству азиатского типа и т.п.) и буржуазную (это когда аппарат управления экономикой уже отрос и стал отчетливо различимой частью госаппарата,

но еще не превратился в единственную организацию, владеющую рабочими силами постоянных жителей этого государства и при этом эксплуатирующую последних, — а значит, еще не успел окончательно ликвидировать совершившие революцию эксплуатируемые классы и полностью присвоить созданный ими политический аппарат).

В XX в. человечество окончательно превратилось в единый социальный организм, основными способами производства (на которых были основаны соответствующие общественно-экономические формации) внутри которого стали капиталистический и неоазиатский. Сейчас неоазиатский способ производства всюду, где он был, уже разложился в монополистический капитализм. Монополистический капитализм, возникший на развалинах неоазиатского строя, не является новой общественно-экономической формацией, а представляет собою всего лишь экономический уклад — потому что ни в республиках бывшего СССР, ни в Албании, ни на Кубе и т.п. он не способствует прогрессу производительных сил, а, напротив, тормозит его и даже способствует их регрессу. Это связано с тем, что во всем мире капиталистическая общественно-экономическая формация — казалось бы, вновь, как и в начале XX в., охватившая все человечество — впала в застой, начинает размываться, разваливаться... Одно из проявлений размывания и развала современного капитализма — мировой экономический кризис, который длится вот уже шесть лет и все никак не может закончиться, перетекая в фазу стагнации гораздо более медленно и вяло, чем его предшественники в 1929–1933 и начале 70-х гг.

Пристатейный библиографический список

1. Агония капитализма и задачи Четвёртого Интернационала (мобилизация масс вокруг переходных требований как подготовка к завоеванию власти) // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). — 1938. — № 66–67. — С. 1.
2. Барлыбаев Х. Путь человечества: самоуничтожение или устойчивое развитие. — М., 2001.
3. Бугера В. Собственность и управление. — М., 2003.
4. Бугера В. Сущность человека. — М., 2005.
5. Клифф Т. Государственный капитализм в России. — М., 1991.
6. Ленин В. Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — Т. 27. — М., 1958–1965.
7. Ленин В. Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — Т. 42. — М., 1958–1965.
8. Ленин В. Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — Т. 45. — М., 1958–1965.
9. Паркинсон С. Закон Паркинсона. — М., 1976.
10. Самари К. План, рынок и демократия. Опыт так называемых «социалистических стран». — М., 1992.
11. Тиктин Х. Тезисы о природе эпохи (на англ. и рус. яз.) // Материалы международного научно-практического коллоквиума «Либеральные и авторитарные общества: прошлое, настоящее, будущее» (г. Уфа, 28–30 марта 2002 г.). — Уфа, 2002.
12. Юферева Е. Ленинское учение о госкапитализме в переходный период к социализму. — М., 1969.
13. Brown A., Ickes B., Ryterman R. The Myth of Monopoly: A New View of Industrial Structure in Russia. August 1994. Copies of the paper are available in the World Bank, 1818 H. Street NW, Washington, DC 20433, USA.
14. Nove A. The Soviet Economic System. — Boston, 1986.
15. Schapiro L. & Godson J. The Soviet worker: From Lenin to Andropov. — New York, 1984.
16. Ticktin H. Origins of the Crisis in the USSR: Essays on the Political Economy of a Disintegrating System. — Armonk, New York & London, 1992.

Султанова Э. М.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ СУБЪЕКТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена проблеме профессиональной этики субъекта юридической деятельности в контексте выявления социальных факторов и механизмов ее становления. Профессиональное становление — это процесс взаимодействия двух переменных — потребностей индивида как социального субъекта и особенностей той социальной среды, в которой происходит профессиональное становление. Изменение средовых условий влечет за собой изменение требований к социальным субъектам, что приводит к изменению содержания и ценностных оснований профессиональной деятельности.

Ключевые слова: социальная среда, социальный субъект, юридическая деятельность, профессиональная этика, профессиональное становление, динамика развития.

Sultanova E. M.

SOCIAL FACTORS AND MECHANISMS OF FORMATION OF PROFESSIONAL ETHICS OF THE SUBJECT OF LEGAL ACTIVITY

The article is devoted to the problem of professional ethics of the legal activities' subject in the context of the social factors and mechanisms of its formation identification. Professional formation is a process of interaction of two variables — the needs of the individual as a social subject and features of the social environment where professional formation. Changing environmental conditions entails changing demands on social subjects, which leads to changes in the content and value of the grounds of professional activity.

Keywords: social environment, social entity, legal activity, professional ethics, professional formation, dynamics of development.

Султанова Э. М.

Основная теоретическая проблема, которая должна решаться в рамках исследования сущностных характеристик и ценностных оснований профессиональной этики субъекта юридической деятельности — это вопрос о том, каковы те социальные механизмы поведения индивида, которые детерминируют и опосредуют его взаимоотношения с профессиональной средой, определяя тем самым их взаимную эффективность¹. Профессиональная этика рассмотрена в контексте следующих параметров — это социальное мышление субъекта юридической деятельности и обусловленность его социальной средой. В этом особенность исследовательского подхода, использованного в представленной статье, который характеризуется следующими чертами: во-первых, изучением представления молодых специалистов о содержательной характеристике понятия «профессиональная этика» — это исходный материал; во-вторых, профессиональная этика рассматривается как процесс, чем обусловлено развитие темпорального подхода; в-третьих, работа с представлениями о профессиональной этике неизбежно предполагает анализ такой категории, как «ценности». Хотя это не входит в приоритетные задачи, тем не менее понятия «ценности», «доминантные ценности», «гуманизм», «рационализм» — это те категории, которые позволяют рассмотреть профессиональную этику юриста на индивидуализированном уровне.

К теоретико-методологическим проблемам тесно примыкает ряд социально-практических проблем, связанных с поисками путей управления изучаемыми процессами. В частности, с поисками тех социальных факторов, которые детерминируют процесс и результаты взаимодействия субъекта юридической деятельности и среды и в то же время являющиеся управляемыми, т.е. поддающимися направленному и сравнительно быстрому изменению. Такими факторами являются не личностные характеристики субъекта юридической деятельности и даже не особенности реализации его профессиональной деятельности, как было бы естественно предположить. Для этого необходимо выделить основные характеристики профессиональной среды и социальных процессов, по кото-

рым должно измеряться и прогнозироваться взаимодействие субъекта юридической деятельности и профессиональной среды². Можно предположить, что этими характеристиками являются: эффективность субъекта юридической деятельности в профессиональной среде; характер его психологического состояния в профессиональной среде; развитие субъекта юридической деятельности в профессиональной среде; структура его профессиональной деятельности и включенности ее в структуру социальной среды.

Названные концептуальные рамки обнаруживают три спорных теоретических момента, анализ которых также позволяет обозначить особенности нашего подхода. Первый — связан с трактовкой профессиональной этики как условия профессионального роста. Второй момент возникает при ответе на вопрос, обладают ли субъекты, реализующие профессиональную этику собственной самобытной субъектностью, или профессиональная этика — это только условие в освоении социально-профессиональной реальности. Третий момент обусловлен дискуссией о преобладании социальной либо индивидуальной детерминации в реализации профессиональной этики в современном обществе. Во всех случаях профессиональная этика выступает системообразующим элементом всех теоретических подходов, имеющих отношение к проблеме достижения профессиональной и социальной зрелости³. Методологические элементы этого ряда возникают там, где встает вопрос о том, каким образом должен быть задан предмет исследования — как профессиональная среда, где человек определяется строго функционально по отношению к ней, или как взаимоотношение двух самостоятельных систем — системы личности и профессиональной системы?

Связь профессиональной этики с характеристиками субъекта юридической деятельности можно рассмотреть через такие показатели, как, во-первых, степень и структура профессиональной деятельности юриста; во-вторых, эмпирически достоверные типы профессионального поведения субъек-

¹ Ковалев Д. В. Общество и отечественная правовая культура. XX век. — М.: ИНФРА, 2004.

² Лукашева Е. А. Механизм действия социокультурного комплекса цивилизаций// Ценности и образы права. — М., 2007. — № 4. — С. 15–28.

³ Мальцев Г. В. Нравственные основания права. — М., 2008.

екта юридической деятельности, которые рассматривают как типы личности в социальной среде; в-третьих, выявленные социальные, социально-психологические и психологические характеристики субъекта юридической деятельности, определяющие форму действия механизма становления профессиональной этики⁴. Главная задача здесь заключается в том, чтобы выявить характеристики личности, связанные со структурой профессиональной этики в целом. Устанавливается (на основе эмпирических данных) связь между характеристиками личности и степенью общей динамики реализации профессиональной этики, а затем с помощью факторного анализа выявляются те переменные, которые определяют и выражают способность субъекта юридической деятельности к реализации профессиональной этики. Здесь и проявляется связь профессиональной этики с психологическим самочувствием и развитием субъекта юридической деятельности, эффективностью его профессионального функционирования. В результате можно получить не аналитическую, а эмпирическую, сопоставимую с реальным поведением субъекта юридической деятельности, типологию реализации профессиональной этики и, соответственно, типологию субъектов юридической деятельности в конкретной социальной среде (правоохранительной системе)⁵.

Следующая задача состоит в том, чтобы выяснить, каким образом связан характер становления профессиональной этики с тем взаимоотношением субъекта юридической деятельности и социальной среды, которое называется эффективностью. Сложность этой задачи состоит в том, что, с одной стороны, необходимо, чтобы индивидуальная социальная эффективность и индивидуальная профессиональная этика были разными параметрами, иначе бессмысленно выяснять, есть ли между ними связь. Это значит, что они должны измерять разные характеристики поведения, взаимоотношения субъекта юридической деятельности и социальной среды и следует описать в разных категориях. С другой стороны, если рассматривать эффективность в широком смысле слова, как функциональное отношение между субъектом юридической деятельности и социальной средой, то окажется, что элементы и механизмы реализации профессиональной этики должны рассматриваться в качестве показателей или форм социальной эффективности специалиста в обществе⁶.

Имея значения четырех переменных — типа реализации профессиональной этики субъекта юридической деятельности в социальной среде, социальной эффективности субъекта юридической деятельности, его психологического самочувствия и перспективы развития — можно сделать некоторые предположения о характере их связи. Во-первых, между степенью реализации профессиональной этики и степенью эффективности индивида не существует прямой связи, т.е. не существует связи между эффективностью индивида по профессиональным функциям среды и эффективностью по ее целям. Во-вторых, существует связь между структурой профессиональной этики и степенью эффективности субъекта юридической деятельности. В-третьих, существует связь между структурой профессиональной этики и структурой эффективности. Например, субъект юридической деятельности, функционирующий преимущественно на уровне реализации гуманистических либо рациональных (коммерческих) целей в деятельности, окажется более эффективным на уровне межличностного общения, чем на уровне общественной активности. В-четвертых, существует связь между степенью

реализации профессиональной этики и характером психологического самочувствия субъекта юридической деятельности. Чем выше степень реализации профессиональной этики, тем лучше это состояние (социальные характеристики оказывают влияние в первую очередь на те механизмы реализации профессиональной этики, которые связаны с принятием роли и вознаграждения, а также социально-психологические характеристики связаны прежде всего с механизмами принятия норм и ролевых требований). В-пятых, существует связь между структурой профессиональной этики и силой потребности в профессиональном и нравственном развитии.

Если выделить основные типы личности субъектов юридической деятельности по двум признакам — потенциал профессиональной этики и его социальная эффективность — то можно предположить, что они будут выглядеть определенным образом. Во-первых, социальная среда воспринимается субъектом юридической деятельности не как сфера непосредственного удовлетворения потребностей, а как среда, где он может получить средства для удовлетворения этих потребностей, которое происходит в другом месте. Его основное требование к социальной среде — это высокий профессиональный статус и хорошая психологическая обстановка. В этом случае тип профессиональной этики таков — на уровне ценностей, норм и ролей — слабая, на уровне реализации личных интересов — высокая. Во-вторых, социальная среда воспринимается как та сфера, где человек должен иметь возможность удовлетворять свои основные потребности. Здесь тип профессиональной этики (и, соответственно, тип отношения к социальной среде) зависит от того, какую из основных потребностей субъект юридической деятельности в первую очередь стремится удовлетворить и какова его система ценностей. В связи с этим профессиональная этика всегда индивидуальна и относительна, а процесс реализации профессиональной этики — бесконечен. Следовательно, профессиональную этику можно рассматривать и как потенциал, способствующий профессиональной деятельности с целью установления определенного состояния, и как само состояние, при котором потребности субъекта удовлетворены с учетом требований со стороны социальной среды.

Таким образом, основные переменные, определяющие динамику становления профессиональной этики субъекта юридической деятельности таковы: во-первых, это модель и структура профессиональной этики, степень включения индивида в профессиональную среду; во-вторых, эффективность индивида в обществе и его психологическое самочувствие; в-третьих, объективные характеристики профессиональной среды.

Таким образом, обобщающий термин для обозначения всех действующих на субъекта юридической деятельности условий и средств в формировании нормативных образцов поведения и мышления — это «факторы становления профессиональной этики». Следует отметить, что в литературе нет единой классификации факторов реализации профессиональной этики. Одни и те же факторы могут относиться к разным категориям. Поэтому при обсуждении проблемы факторов становления профессиональной этики необходимо упорядочить и отвести каждому из них определенное место и роль в этом процессе. В качестве методологической основы здесь может выступить исходная схема нормативноценностной ситуации как предельная модель процесса становления профессиональной этики субъекта юридической деятельности. На наш взгляд, на первом этапе анализа можно ограничиться тремя факторами.

Первый фактор, определяющий динамику развития и содержание профессиональной этики — автономное развитие внутреннего мира субъекта юридической деятельности, его сознания, установок, ценностных ориентаций, надежд, ожиданий и т.д. Среди этих элементов наиболее важны для понимания профессионального поведения ценностные ориентации.

⁴ Красникова Е. А. Этика и психология профессиональной деятельности представителей юридических профессий. — М.: «Форум-ИНФРА», 2003.

⁵ Мальцев Г. В. Развитие права: к единению с разумом и наукой. — М., 2005.

⁶ Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной морали» // Правоведение. — 1994. — № 2.

Они достаточно устойчивы, значительно меньше поддаются внешним воздействиям, чем мнения или ожидания. В этом смысле ценностные ориентации могут рассматриваться как «первичные» элементы, из которых и состоит тот динамический ряд, откуда появляются альтернативы развития. Это представления о нравственных основаниях деятельности юриста как условия реализации профессиональной этики.

Второй фактор — это обобщенное восприятие и оценка субъектом юридической деятельности своей профессиональной востребованности. Не по конкретным экономическим или моральным критериям, а по ощущению того, является ли он «субъектом» профессиональной деятельности или лишь «объектом». В эмпирическом исследовании ближе всего к такому интегральному восприятию профессиональной востребованности стоит способность индивидуальной профессиональной этики соответствовать ценностным доминантам профессиональной среды и принять позитивную динамику её реализации, поскольку отношение к возможности реализации профессиональной этики есть вопрос самоопределения индивида. В нем переживается и решается проблема функционирования социальной реальности, подчиняющейся рациональным и нравственным критериям субъектов юридической деятельности. Именно отношение к ценностному содержанию профессии становится основным стимулом для формирования индивидуальной профессиональной этики.

Третий фактор, характеризующий качественные сдвиги в динамике становления и развития профессиональной этики в более широком теоретическом контексте — это проблема взаимоотношения внешней и внутренней детерминации поступков в условиях профессиональной значимости той или иной ценностной доминанты. Самая большая проблема, которая возникает при изменении условий становления профессиональной этики — это психологическое (мотивационное и поведенческое) обоснование, конкретизация тех ценностей, которые человек принимает, выбирает.

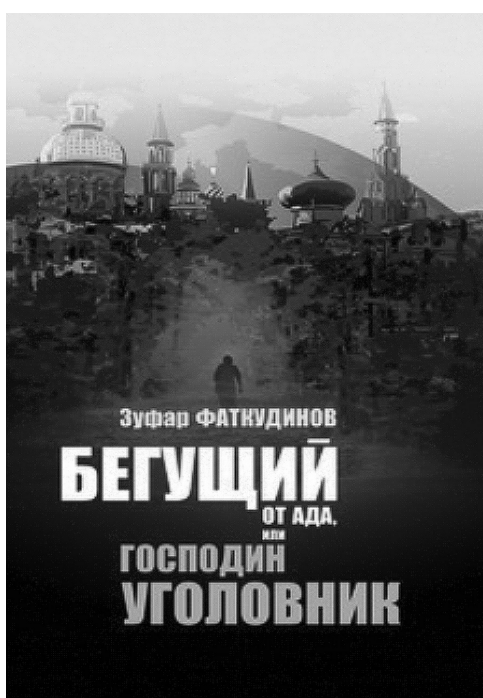
Четвертый фактор становления профессиональной этики субъектов юридической деятельности — это сформированность такого качества, как «профессиональное мышление». Очень часто в интерпретации подобных явлений человек пользуется общепринятыми значениями, которые распространены в его социокультурной среде.

Таким образом, при определении социальных факторов и механизмов становления профессиональной этики субъекта юридической деятельности актуализируются следующие моменты: во-первых, профессиональная этика — это универсальная характеристика социальной реальности; во-вторых, профессиональная этика представляет собой специфическое проектирование общей культуры в сферу профессиональной деятельности; в-третьих, профессиональная этика — это системное образование, избирательно взаимодействующее с окружающей средой и включающее в себя ряд структурно-функциональных компонентов; в-четвертых, единицей анализа профессиональной этики выступает творческая по своей природе профессиональная деятельность; в-пятых, особенности формирования и реализации профессиональной этики обуславливаются индивидуально-творческими, психофизиологическими и возрастными характеристиками, сложившимся социальным опытом личности.

Решение всех перечисленных проблем является необходимой предпосылкой для решения более общей, выдвигающейся сегодня на первый план задачи становления профессиональной этики субъекта юридической деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Ковалев Д. В. Общество и отечественная правовая культура. XX век. — М.: ИНФРА, 2004.
2. Красникова Е. А. Этика и психология профессиональной деятельности представителей юридических профессий. — М.: «Форум-ИНФРА», 2003.
3. Лукашева Е. А. Механизм действия социокультурного комплекса цивилизаций // Ценности и образы права. — М., 2007. — № 4.
4. Мальцев Г. В. Нравственные основания права. — М., 2008.
5. Мальцев Г. В. Развитие права: к единению с разумом и наукой. — М., 2005.
6. Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной морали» // Правоведение. — 1994. — № 2.

Джантаев Х. М.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО – СУБЪЕКТ МЕТАПРАВА

В данной статье, являющейся явно дискуссионной, автор, на основе анализа высказываний отечественных и зарубежных ученых, ряда международно-правовых актов, неофициальных контактов и соглашений определенных групп землян с представителями внеземных цивилизаций, предлагает свое представление о месте человечества в Сообществе обитаемых миров и роли планетарного права землян в формировании Метаправа Вселенной.

Ключевые слова: *homo sapiens*, индивид, человечество, цивилизация, Галактика, космическое право, межцивилизационное право – Метаправо и его субъекты.

Djantaev H. M.

HUMANITY – THE SUBJECT OF METALAW

In this article, which is obviously debatable, the author, based on the analysis of the statements of domestic and foreign scholars, a number of international legal instruments, informal contacts and agreements of certain groups of earthlings with representatives of the extraterrestrial civilizations, offers his view on the place of humanity in the Community of inhabited worlds and the role of earthlings' planetary law in the formation of Universe Metalaw.

Keywords: *homo sapiens*, individual, humanity, civilization, Galaxy, space law, inter-civilizational law – Metalaw and its subjects.

Джантаев Х. М.

Сегодня население нашей планеты созрело для осознания того факта, что ход развития человеческого общества обусловлен не столько социальными и экономическими процессами, сколько природными факторами, объективно присутствующими в окружающей его среде и космическом пространстве. Иными словами, человечество уже начинает понимать, что оно развивается не столько согласно нормам права, которое выработано им самим, сколько согласно нормам права несравненно более высокого уровня, фрагменты которого на протяжении нескольких тысячелетий, безусловно, послужили «исходным материалом» теории естественного права.

Учитывая, что современная наука оперирует данными о миллиардах галактик, в которых находятся планетарные системы, подобные нашей, было бы верхом наивности полагать, что земляне были единственными во Вселенной адресатами Всеобщего права (Метаправа — *Jus Universalis*).

О том, что «открытые ими» законы Природы, как и законы социального бытия цивилизации, действующие в нашей Реальности, являются выражением (земной проекцией) единых Законов существования Вселенной, люди имели представление с незапамятных времен. Это нашло свое отражение в исторически известных юридических понятиях, поскольку *jus naturale* (естественное право) рассматривалось, например, римлянами, как выражение естественного порядка вещей и законов, в соответствии с которыми развивается и человечество: «Закон государства, противоречащий естественному праву, не может рассматриваться как закон» (Цицерон)².

¹ Мелхиседек Д. Древняя тайна Цветка Жизни / Пер. с англ. под ред. И. В. Сутокской. — М.: ООО Изд. София, 2009. — С. 21.

² Цит. по кн. Храпанюк В. Н. Теория государства и права. — М.: Изд. ДТД, 1995. — С. 149.

Jus naturale — естественное право, противопоставляется позитивному праву, «изобретенному» самим человечеством, во-первых, как совершенно идеальная норма, и во-вторых, как норма,

До тех пор, пока мы не поймем, что все мы окружены (как воздухом, которым дышим) правом, в виде «проявившихся» и пока «дремлющих» норм, пока мы не осознаем, что право пронизывает нас, как невидимые лучи, до тех пор право (в нашем мозгу) остается отделенным от самого себя и от полноты своего потенциала. Все «островки», атомы и молекулы права взаимосвязаны и составляют единый целостный организм.
Друнвало Мелхиседек¹

Современная наука «продвинулась в понимании феномена права настолько, — констатирует С. Ермаков, — что уже в состоянии не только охарактеризовать “изначальные” архетипические предпосылки Метаправа, но и смоделировать его гипотетическую структуру, сколь бы умозрительной она нам ни показалась»³. Речь идет не столько о степени адекватности этой модели ее «внеземному оригиналу», сколько о том, что необходимость в таком праве все явственнее проявляется предчувствием скорой встречи землян (потенциальных субъектов) с реальными субъектами этой универсальной правовой системы.

С точки зрения официальной научной парадигмы мы пока не имеем неопровержимых свидетельств в пользу существования внеземных форм разумной жизни, равно как не имеем оснований утверждать и обратное, заявляют иные исследователи⁴. Однако кажущаяся на первый взгляд маловероятной

вытекающая из самой природы, и потому неизменная и не зависящая от человеческого установления.

Вот как понимал это право один из выдающихся деятелей эпохи Возрождения Ф. Рабле: «Этот обычай мог утвердиться только потому, что сама Природа дает ему объяснение, которое каждый из нас может постигнуть самостоятельно, без посторонней помощи, и это мы называем естественным правом». (См.: Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. — М.: Изд. Правда, 1991. — С. 46).

³ Ермаков С. Э. Идея Метаправа и встречи с иным Разумом // Московский журнал международного права. — 1999. — № 2. — С. 44–55.

⁴ То, что мы не одни во Вселенной — практически общепризнано. Проблема эта далеко не нова. Еще в Средние века великий итальянский мыслитель Дж. Бруно, сожженный на костре инквизиции, был страстным проповедником идеи множественности обитаемых миров. В дальнейшем идея широкой распространенности жизни и разума во Вселенной получила всеобщее признание и развитие. О множественности обитаемых миров писали философы, писатели, поэты. Убеденными сторонниками этой идеи были ученые И. Ньютон, М. Ломоносов, П. Лаплас и многие

возможность встречи с внеземным Разумом с каждым днем становится все более реальной⁵.

Многие явления общественной жизни нынешних землян свидетельствуют в пользу предположения о том, что человечество все стремительнее преодолевает период подготовки к какому-то невиданному доселе эволюционному скачку, к качественному изменению сознания накануне предстоящей встречи с внеземным Разумом⁶. Не этими ли причинами вызваны процессы, связанные с созданием международных наднациональных органов, позитивная динамика в деле унификации и гармонизации национальных законодательств всех стран — членов ООН и окончательное закрепление примата международного права над внутригосударственным, не говоря об иных набирающих силу тенденциях, связанных с глобализацией? Не из этой ли «серии» едва теплившаяся в минувшем веке, а ныне все шире овладевающая умами землян идея о Всемирной Федерации государств и Мировом правительстве, прообразом «парламента» которого все чаще называют Организацию Объединенных Наций?

Складывается впечатление, что по завершении указанных процессов человечеству предстоит встретиться с «братьями по разуму», выступив единым общественным организмом с единой системой планетарного права, призванной стать земной частью Метаправа, регулирующего отношения, складывающиеся между человечеством и представителями иных миров⁷.

другие. В начале прошлого века великий русский философ-ученый К. Э. Циолковский писал о широкой распространенности разумной жизни во Вселенной: «Теоретически мы уверены в бесконечности Вселенной и числа ее планет. Неужели ни на одной из них нет жизни?! Это было бы уже не чудом, а чудешем! Итак, заселенная Вселенная есть абсолютная истина». (См.: Циолковский К. Э. Причина Космоса. — Калуга, 1925. — С. 57).

В другой работе «Воля Вселенной. Неизвестные разумные силы» (Калуга, 1928) он писал: «Может быть, вмешательство иных существ в жизнь Земли еще не подготовлено развитием людей. А может быть, оно повредило бы человечеству в настоящее время. Большинство людей совершенно невежественны и смотрят на Вселенную почти так же, как животные. Если бы они увидели вмешательство иных существ в земные дела, то сейчас поняли бы это с точки зрения своей веры. Проявился бы фанатизм с его преступлениями и больше ничего».

В более поздней работе «Монизм Вселенной» (Калуга, 1931 г.) К. Э. Циолковский высказывается еще решительнее. На вопрос корреспондента «Почему же обитатели иных миров не дадут нам о себе знать?», К. Э. Циолковский дает такой ответ: «Потому что человечество к этому еще не подготовлено. Масса находится на очень низкой ступени развития. Заявление иных миров произведет невообразимый переполох на Земле. Начнутся войны, погромы и черт знает что еще. Когда же распространится просвещение, повысится культурный уровень, тогда мы узнаем многое о жизни иных планет».

⁵ Ермаков С. Э. Указ. соч. — С. 47.

⁶ В наше время о существовании внеземного Разума, со ссылкой на научные источники, говорят многие практикующие ученые-астрофизики, включая С. Шостака — старшего астронома Проекта по поиску внеземных цивилизаций из института Маунтин-Вью (Калифорния, США). И известный ученый, писатель-фантаст и популяризатор науки А. Азимов оптимистически оценивал поиски в этом направлении (См.: Контакт с инопланетянами — скоро! // Аномалия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: anomaly.su/node/1356).

⁷ В последнее время многие ученые говорят о необходимости заблаговременного издания некоего «Процессуального кодекса» (Протокола) встречи с гостями из Космоса: «Мы склонны полагать, что «официальный» непосредственный контакт с иными разумными существами... может произойти лишь в случае появления таких норм, то есть их разработки и принятия до возникновения острой в том необходимости» (См.: Ермаков С. Э. Указ. соч. — С. 47). Пусть даже нормы эти будут принимать во внимание лишь опыт развития человеческой цивилизации, уровень развития права соответствует уровню развития общества и общественного сознания.

Метаправо наших дней — это доктринальные представления современных философов и публицистов о совокупности правовых норм, предназначенных для того, чтобы регламентировать отношения человека с внеземными цивилизациями. Зримые контуры и прикладной характер эти представления начали обретать на заре космической эры, когда ученые в один голос заговорили о скорой неизбежной встрече землян с представителями внеземного Разума и установлении с ними равноправных договорных отношений. А космонавтов и астронавтов, в соответствии с буквой и духом норм международного космического права, мир наделил с тех пор статусом «посланцев человечества» (редко кто с того времени задавался вопросом: «посланцев человечества» — к кому?).

Хотя, справедливости ради, надо отметить, что интуитивный образ идеи Метаправа и задолго до этого не одно столетие волновал умы величайших мыслителей прошлого⁸.

Сегодня, когда мы еще только в самых общих чертах можем представить себе «каркас и несущие опоры» этой правовой системы, к которой начали приближаться со времен первых стартов космических кораблей, можно, тем не менее, сослаться на ряд действующих норм международного космического (и не только) права, имеющих самое непосредственное отношение к Метаправу и всему человечеству — его потенциальному субъекту.

А в рамках Организации Объединенных Наций, между тем, специально для этой цели созданный орган трудится над разработкой процессуальных норм «Протокола Встречи» представителями иных миров, переговоров с ними и закрепления достигнутых результатов в выработанном сторонами соглашении.

В соответствии с Резолюцией Генеральной Ассамблеи, представленной главами почти 200 государств — членов ООН, в 2010 г. уже назначен «Министр внешних связей землян» («Космический посол»), ответственный за встречу и переговоры с пришельцами из других галактик. Надо полагать, руководители этих государств в полной мере осознавали всю серьезность происходящего, когда голосовали за принятие указанной Резолюции. Невозможно представить себе, чтобы столь значимый для судеб человечества международный документ принимался ими шутки ради... Разумеется, за всем этим стоит информация такого сногшибательного и шокирующего свойства, что ее недозированное (залповое) обрушение на головы землян может, как обоснованно опасались признанные в этой области эксперты, произвести смятение в умах и душах неподготовленных людей, во многом еще пребывающих в плену стереотипов и предрассудков прошлых времен⁹.

Ведь если нет нормы или потребности в ней, значит общество еще к чему-либо не готово, полагает С. Э. Ермаков.

⁸ В 1970 г. в ФРГ опубликован труд известного немецкого юриста Е. Фазана «Встреча с иным Разумом. Научные основы Метаправа». В этой работе рассматриваются правовые взаимоотношения землян с инопланетянами, причем исходной гипотезой служит предположение, что все разумные существа Вселенной подчиняются категорическому императиву И. Канта («Поступай так, чтобы твое поведение могло стать нормой»). Хотя сама эта гипотеза, по меньшей мере, сомнительна, постановка вопроса о «метаправе» характерна для нашего времени (См.: Зигель Ф. Ю. Проблема НЛО и Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.miger.ru/zigel_un.htm).

⁹ Разумеется, для человечества будет шоком тот факт, что к нему явились представители иного Разума, которые на тысячи, миллионы, а может и миллиарды земных лет опережают их в своем развитии (иначе бы не они — к нам, а мы — к ним прилетели...). Человечеству придется свыкнуться с мыслью, что не оно — «единственное и неповторимое» дитя Мироздания... Неслучайно один из родоначальников Метаправа, известный американский ученый Э. Хейли, неизменно подчеркивал необходимость преодоления человечеством геоцентризма и антропоцентризма существующих правовых систем для построения отношений с внеземными

И в этом смысле вполне оправдано учреждение единого для всех земель международного органа при ООН, который, кроме (собственно) встречи гостей из Космоса, призван обеспечить безболезненность предстоящего контакта пришельцев с современной человеческой цивилизацией, вплотную приблизившейся к новой фазе своей эволюции, к тому историческому рубежу, когда во всех областях жизни реально возникает планетарный уровень интеграции. Как справедливо заметил В. Налимов: «Хотим мы того или нет, но бытие людей на нашей планете должно стать единым. Подлинно единым — иначе катастрофа»¹⁰.

Формирование разветвленной системы международного права, становление подсистем космического права, развитие атомного права и такой новой отрасли, как экологическое право, приобретающей общечеловеческое измерение, несколько приоткрывают историческую завесу над новыми горизонтами права, позволяя прогнозировать некоторые общие тенденции правового развития. Многие вопросы, связанные с формированием космической цивилизации как глобальной исторической перспективы, еще не получили адекватного их значению развития в теории права и рассматриваются преимущественно не в правовой, а в философской литературе¹¹. Именно в этой литературе формирующийся уровень правового развития получил название Метаправа¹². Нам кажется, настала пора и юристам (которых Фридрих Энгельс (не без основания) называл «людьми консервативного мышления») обратить свой взор на эту, становящуюся фантастически актуальной, проблему.

Метаправо вряд ли может быть чем-то иным, отмечает С. Ермаков, «кроме как сформулированным соответственно уровню развития общества выражением принципов естественного права, то есть тех объективных “протонорм”, которые лежат в основе взаимодействия различных живых существ и их сообществ в среде их обитания. Метаправо есть выражение единых принципов существования нашего Мира на языке юриспруденции. Его субъектами, таким образом, могут стать как отдельные индивидуумы, так и их сообщества, в том числе и все человечество. В основе метаправовых установлений должны лежать наиболее общие и в то же время достаточно конкретные нормы, отражающие законы Бытия»¹³.

Обратившиеся к данной теме исследователи выделяют (и на наш взгляд, совершенно обоснованно) два уровня Метаправа как права, следующего за допланетным уровнем правового развития:

а) планетарный¹⁴ и

цивилизациями (См.: Формирование Метаправа [Электронный ресурс]. — Режим доступа: txb.ru/38/87.html).

Информация о наших соседях по Галактике с некоторых пор подается в СМИ в строго дозированных «порциях». Вне всякого сомнения, правительства и главы государств — членов ООН (голосовавшие за принятие Резолюции об учреждении должности чиновника ООН, ответственного за переговоры с представителями внеземных цивилизаций) куда более широко осведомлены о контактах землян с пришельцами, чем мы, простые смертные.

¹⁰ Налимов В. В. Искушение святой Руси. На грани третьего тысячелетия. — Томск — М.: Изд. Водолей, 2002. — С. 212.

¹¹ Ударцев С. В. Метаправо: о глобальной эволюции права // Вестник Московского государственного открытого университета (МГОУ). — 2003. — № 2. — С. 33–42.

¹² Рубцов В. В., Урсул А. Д. Контакт цивилизаций и проблема Метаправа // В кн.: Циолковский К. Э. Философские и социально-политические проблемы освоения космического пространства. Труды XXI–XXIII чтений, посвященных разработке научного наследия К. Э. Циолковского (Калуга, 1986, 1987, 1988), Секция «К. Э. Циолковский и философские проблемы освоения космоса». — М., 1991. — С. 181–190).

¹³ Ермаков С. Э. Указ. соч. — С. 47.

¹⁴ Еще в 1988 г., выступая в Организации Объединенных Наций, глава Советского Союза М. С. Горбачев отмечал необходимость формирования «мирового сообщества правовых государств», подчиняю-

б) гипотетически межцивилизационный¹⁵.

Иными словами, Метаправо — закономерная (и завершающая цикл правового развития) фаза, раскрывающая на планетарном и космическом уровнях глубинную природу и пространственную протяженность действия Всеобщего права — Jus Universalis.

Нет никакого сомнения в том, что осмысление феномена Метаправа внесет смысловые и ценностные коррективы в правовопонимание, сложившееся на предшествующем (допланетарном, докосмическом) уровне развития права. Новые горизонты этого феномена потребуют совершенно иных подходов и к толкованию его норм¹⁶. Элементарная логика и интуиция подсказывают, что по мере становления нового сознания человечества, нового миро- и правовопонимания, Планетарное право будет приведено в соответствие с Межгалактическим: это всего лишь «новый виток спирали» его эволюции. Так когда-то и на планетарном уровне постепенно утверждался примат международного права над национальным, внутригосударственным правом, а по большому счету — естественного над позитивным, универсального над локальным. Ведь человечество, в конечном итоге, всегда одержимо жаждой целостности, стремлением свести разрозненные части в некое органическое единство.

На определенном этапе развития человеческой цивилизации, как уже отмечалось, право имеет почти исключительно антропоцентристские ценности и характеристики (человек — мера всех вещей, мера права). Однако постепенно, по мере исторической эволюции цивилизации, право выходит на новый уровень развития своего потенциала, сочетающего в себе антропоцентристский и более широкий, НЕантропоцентристский, так сказать, космический РАЗУМОцентристский (или метаСОЦИАЛЬНОцентристский) аспекты своей природы. Новые смысловые элементы МЕТАсоциальности содержат и гипотетический уровень контактов разных цивилизаций¹⁷.

Человек сознает и фиксирует в праве свое неразрывное единство с Биосферой и Космосом. Человечество начало движение по пути управляемой коэволюции общества и природы, поскольку уже осознано, что прежний курс может привести его к гибели.

Это уже НАДмеждународный уровень правового регулирования. Многомерность, многовариантность и бесконечность Мира, особенно на уровне исторического развития цивилизации, когда она обретает статус космической и существенно расширяет среду и формы своего обитания во Вселенной, актуализирует такие проблемы философии права, как формирование, принципы, содержание, формы Метаправа как межцивилизационного явления и средства регулирования отношений на более высоком уровне по сравнению с международным и планетарным (цивилизационным) правом.

На этом этапе исторического развития разумные основы Метаправа все более глубоко проникают во внутригосударственное право, все более урегулированным и разветвленным становится международное право, которое, по существу,

щих свою внешнеполитическую деятельность международному праву, констатируя определенные подходы планетарной стадии развития права (См.: Горбачев М. С. Выступление в Организации Объединенных Наций 7 декабря 1988 г. — М., 1988. — С. 21).

При всем том, что «Горби» — дипломированный юрист, а впоследствии — лауреат Нобелевской премии и почетный профессор ведущих университетов мира, — указанное заявление из уст тогдашнего руководителя Советского Союза звучало, по меньшей мере, необычно.

¹⁵ Ударцев С. В. Указ. соч. — С. 35.

¹⁶ Разумеется, все, что связано с Метаправом, бесконечно далеко от обыденного сознания. Здесь должно «включаться» отвлеченное мышление, свободное от прямолинейности и однобокости, мышление нового тысячелетия.

¹⁷ Ударцев С. В. Указ. соч. — С. 39.

оформляется в целостную моно- или полицентрическую сложносоставную, но тем не менее единую мировую систему права — во многом саморегулируемую, но все более унифицированную глобальную правовую систему, объединяющую в «правовом поле» всю земную цивилизацию¹⁸.

В Метаправе найдется выражение новая, более сложная система ценностей, учитывающая и экологию биосферы Земли, и экологию Космоса, и ценности и принципы, позволяющие регулировать возможные социальные отношения более высокого уровня, а также ценности и принципы человечества как космической цивилизации¹⁹. Индивид как составная часть человечества реально превращается в субъекта космического права. Наряду со статусом гражданина национального государства, все более полно оформляется его статус как члена единого политико-правового сообщества планеты Земля, а возможно и сообщества более высокого космического уровня — ведь его статус «растет» вместе со статусом его общества. Но вот вопрос: какое место займет человечество во вселенской иерархии цивилизаций? А может, во Вселенной уже давно сложилась и иерархия иерархий? С учетом возможной естественной неравномерности развития цивилизаций, в зависимости от условий существования, времени и места появления, ступени эволюции и т.д. вопрос далеко не праздный. Хотя, если исходить из того, что во Вселенной действует право, а не бесправие, каждый субъект, надо полагать, займет место, соответствующее уровню его развития, что не в последнюю очередь будет определяться принципами Метаправа, включающими как общечеловеческие ценности, так и ценности более высокого порядка — Вселенские. Земное право (Метаправо первого уровня (планетарно-цивилизационное) с его основным принципом «поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы другие поступали с тобой») будет все более пополняться НЕантропоцентристским (ПЮСтантропоцентристским), экологическим и иным содержанием.

Основной принцип Метаправа второго уровня (гипотетически межцивилизационного) имеет, как справедливо отмечает С. В. Ударцев — автор наиболее полного исследования рассматриваемого феномена — свою специфику. Во-первых, он выходит из границ антропоцентристских ценностей человеческого (земного) права, расширяется до масштабов ценностей космического Разума, с учетом уровня эволюции и масштабов космических контактов человеческой цивилизации. Во-вторых, он должен учитывать уровни космических цивилизаций, их сознания, ступени развития их науки и техники. В-третьих, он исходит из иерархии космических цивилизаций, из иерархии стадий развития космического Разума и степени овладения им Законов Космоса и его эволюции. Более развитые (условно говоря, «старшие») цивилизации будут, очевидно, иметь определенный приоритет и в политико-правовом отношении, включая приоритет принципов их цивилизационного права в Метаправе второго уровня²⁰.

Таким образом, глобальные тенденции развития человечества указывают на грядущее раскрытие правом своей космической природы, на формирование новой надстройки, структуры и содержания правовой системы в эпоху формирования единой человеческой космической цивилизации, начало которой было положено 4 октября 1957 г., когда человечество впервые

открыло себе путь в Космос. Право все более определенно выявляет новые грани своего потенциала и более глубинный смысл и содержание как явление и фактор Эволюции человечества и элемент глобальной космической Эволюции²¹.

Из сказанного выше с неизбежностью следует вывод о том, что последней, планетарной ступенькой к Метаправу является Мировое право, завершающее цикл своего развития в масштабах всей Земли. Ему соответствует (и оно соответствует тому) Всемирное государство со своим Мировым правительством. Естественно, это государство не будет унитарным — это невозможно в принципе... Скорее всего, оно не будет и федеративным — люди слишком крепко привязались к своей «любимой игрушке» под названием «суверенитет». По всей вероятности, земляне придут путем референдума (в режиме онлайн...) к конфедеративной форме объединения государств, контуры которого уже начали прорисовываться на карте Европы...

Сама идея Мирового правительства и трансформации международного права в право надгосударственное не нова. Уже более ста лет она владеет умами ученых. В начале минувшего века уже высказывались предложения о превращении Лиги Наций в орган «Международной власти», стоящий над государствами²². В 80-х гг. минувшего века некоторые эксперты рассматривали ООН как нарождающуюся форму Всемирного правительства²³. Выступая с планами реорганизации ООН, они упорно повторяли вслед за такими учеными, как А. Тойнби, что к 2000 г. требуется создать Всемирное правительство для того, чтобы решить три проблемы: перенаселение, несоответствие между производством и потреблением и ухудшение состояния окружающей среды²⁴. По мнению французского интеллектуала Ж. Аттали, институты ООН должны обрести «истинную сверхнациональную власть». Первоначальной формой такой власти, по его мнению, может быть «постоянно действующая встреча в верхах глав государств, представляющих нации различных континентов». Она может стать прообразом таких институтов в будущем и определить некоторые из необходимых стандартов. Если этого не сделать, то «такие институты будут навязаны комитетами самозванных экспертов или же тайных заговорщиков». При этом государства и правительства не исчезнут, а «будут действовать в локальных границах»²⁵.

Приверженцами идеи надгосударственного или «Мирового» права, призванного регламентировать отношения Мирового правительства, были такие известные публицисты Запада, как французский юрист Ж. Ссель, изложивший свою концепцию в курсе лекций, прочитанных в Гаагской Академии международного права²⁶, его соотечественник Ш. Руссо²⁷, швейцарец П. Гуттенхейм²⁸, австриец А. Фердросс²⁹, их американские коллеги К. Левенштейн³⁰, Х. Бриггс³¹ и Ф. Джессеп³².

²¹ Там же.

²² Politis N. Les nouvelles tendances du droit International. Paris, 1927. P. 52; Garnier W. Le nouveau droit international // Revue general de droit international public // Recueil des cours. — 1932. — Vol. 42. — P. 130.

²³ Док. ООН А/РV. 2117.

²⁴ Советский Союз и Организация Объединенных Наций. 1971–1975 гг. Изд. Наука. — М., 1981. — С. 19.

²⁵ Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. — М., 1993. — С. 126–131.

²⁶ Scelle G. Regles generales du droit de la paix // Requeil des cours. — 1933. — Vol. 46. — P. 93.

²⁷ Rousseau Ch. Droit international public. — Paris 1953. — P. 10.

²⁸ Guggenheim P. Traite de droit international public. — Geneve, 1953. — Vol. 1. — P. 27.

²⁹ Verdross A. Droit international et le science diplomatique et politique. — 1954. — № 3. — P. 221.

³⁰ Loewenstein K. Sovereignty and Cooperation // The American Journal of International Law. — 1954. — Vol. 27. — P. 248.

³¹ Briggs H. Problem of the World Government // The American Journal of International Law. — 1947. — Vol. 41. — P. 109–110.

³² Jessup Ph. A Modern Law of Nations. An Introduction. — N.Y., 1948. — P. 185.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ударцев С. В. Указ. соч. — С. 39.

В. В. Налимов ввел в научный оборот понятие «метасознание» как «способность» воспринимать на глубинных уровнях сознания воздействия, идущие непосредственно от Вселенского сознания. Признавая космическую природу права, следует иметь в виду и данный неизученный аспект правосознания, очевидно, весьма высокого уровня (См.: Налимов В. В. Испытание святой Руси. На грани третьего тысячелетия. — Томск — М.: Изд. Водолей, 2002. — С. 53). Когда мы говорим о МЕТАправе, следует иметь в виду замечание указанного автора.

²⁰ Ударцев С. В. Указ. соч. — С. 39.

Советские юристы, верные духу своего времени, подвергли подобные взгляды резкой критике, называя их «реакционным течением буржуазной науки». Наиболее рельефно эту позицию наших соотечественников выразил профессор Д. Б. Левин³³.

И в наши дни имеются как сторонники, так и противники этой идеи. Вот мнение одного из противников: «Международный правопорядок имеет, следовательно, координационно-правовую, а не субординационно-правовую структуру, то есть “горизонтальную”, а не “вертикальную” структуру... Создание всемирного государства не предвидится»³⁴.

Не менее убедителен и сторонник рассматриваемой идеи: «На рубеже II и III тысячелетий Новой эры человечество вступает в период формирования единой планетарной политико-правовой организации, Всемирной федерации (конфедерации) с нарастающими элементами мирового универсального права и мировой властной организации. И, хотя этот процесс не завершился, тенденция проявилась достаточно отчетливо»³⁵.

Как видим, у каждой стороны спора — свои веские аргументы. Но идея продолжает жить. Человечество и в мыслях не держит расстаться с нею, напротив...

Даже далекий от юриспруденции наш великий соотечественник — А. С. Пушкин мечтал вместе со своим польским собратом по «поэтическому цеху», А. Мицкевичем, о временах, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся». Проникновенный очерк посвятил будущему Всемирному государству и сын Туманного Альбиона — Г. Уэллс. Задолго до осязаемого воплощения этой идеи в реальность светлые умы России: К. Э. Циолковский, Е. П. Блаватская, Н. К. Рерих, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский и др. — с поразительной прозорливостью описали устройство и принципы деятельности Всемирного государства.

Рассматриваемая идея, как видим, не первое столетие занимает умы гениальных сынов и дочерей человечества.

Вот что писал по этому поводу в позапрошлом веке швейцарский юрист И. К. Блюнчли: «Всемирное государство есть идеал человеческого прогресса... Правда, сознание общности человечества находится на степенях мечты. Оно еще не пробудилось со всей ясностью и не дошло до единой воли. Но стремление к такому организованному жизненному общению существует, и позднейшие века будут свидетелями осуществления Всемирного государства»³⁶.

«Идея о едином государственном объединении всего человечества, — писал В. И. Вернадский, — становится реальностью только в наше время, и то, очевидно, становится пока только реальным идеалом, в возможности которого нельзя сомневаться. Ясно, что создание только такого государства есть необходимое условие организованности Ноосферы, и к нему человечество неизбежно придет»³⁷. Мы всецело разделяем убежденность выдающихся ученых в их научном прогнозе.

После освещения теоретической части рассматриваемой проблемы рассмотрим ее практическую сторону. Вопрос: имеются ли доказательства того, что человечество может выступать (или уже выступает) консолидированным субъектом какого-либо ныне действующего права: национального, международного, наднационального? Ответ: однозначно, человечество не является субъектом национального права, поскольку

оно не «вмещается» в его рамки, очерченные государственными границами. С международным правом тоже не все обстоит так просто, хотя действие его норм (во времени, в пространстве и по кругу лиц) значительно шире и масштабнее, чем в национальном праве, особенно в тех случаях, когда оно обретает наднациональный характер.

Другой вопрос, более конкретный: имеются ли в таком случае хотя бы отдельные международно-правовые нормы, в которых человечеству (в целом) был бы придан статус субъекта права?

Ответ положительный: да, такие нормы имеются, и это именно нормы некоторых отраслей международного права: космического, уголовного, атомного, экологического и спортивного — как минимум...

Начнем в порядке очередности. Вот мнение одного из патриархов отечественной науки международного космического права Г. П. Жукова на этот счет: «Некоторые юристы рассматривают человечество в целом в качестве субъекта международного космического права. Такая точка зрения обосновывается возможностью контактов с внеземными цивилизациями, а также концепцией “общего наследия человечества”, получившей отражение в Соглашении о Луне 1979 года»³⁸. Далее профессор, чей авторитет в данной сфере неоспорим, отмечает: «Некоторыми авторами обосновывается точка зрения относительно международной космической правосубъектности отдельных индивидов (физических лиц). В подтверждение делаются ссылки на статью V Договора по Космосу 1967 года, в котором говорится, что “государства-участники Договора рассматривают космонавтов как посланцев человечества в Космос. Данная формулировка носит характер торжественного признания космонавта как личности, совершающей свои полеты на благо всего человечества”»³⁹.

В двух рассмотренных международно-правовых документах речь идет о «благах всего человечества» и «общем наследии человечества». И «блага», и «наследие» — категории (выражающие интересы субъекта) сугубо правовые, по поводу которых, собственно, и возникают те или иные правоотношения. К несубъектам права — это азбучные истины общей теории права — указанные категории неприменимы. Стало быть, представители государств-участников названных договоров отразили истинное положение дел, назвав вещи своими именами: человечество — субъект права. В данном конкретном случае — субъект международного космического права.

Какую бы страну ни представлял космонавт, преодолевший в своем корабле земное притяжение, он — посланник человечества: и в околоземном космическом пространстве, и на Луне, и на других небесных телах. Несмотря на имеющий место дух соперничества космических держав, несмотря на их плохо скрываемый национальный эгоизм, за пределами земной атмосферы они — русские, американцы, китайцы и др. — все же предпочитают именоваться «посланцами человечества». И это справедливо. С космодрома какой бы страны они ни стартовали, выйдя в открытый космос, они неминуемо обретают статус посланцев Земли.

Представим себе ситуацию: в одном из районов нашей Галактики встретились корабли из разных звездных систем, один из которых управляется землянином. И вдруг на вопрос добродушного собеседника: «А ты, парень, откуда сам? будешь?» наш «землячок» понесет (обычную в «домашнем употреблении») ахиною о своем государстве, а то и регионе своего проживания, с перечислением всех милых его сердцу подробностей, забыв сказать главное: «Я — сын Земли!». Вежливо и внимательно выслушает его «собрат по разуму», но ничего не поймет... Описанная ситуация, пусть и несколько

³³ Левин Д. Б. Основные проблемы современного международного права. — М.: Гос. изд. юр. лит.-ры., 1958. — С. 62–63.

³⁴ Вольфганг Граф Витцум и др. Международное право = Volkerrecht / Пер. с нем. науч. ред. и сост. указ. Т. В. Яковлева. — М.: Инфотропик Медиа, 2011. — С. 6.

³⁵ Ударцев С. В. Указ. соч. — С. 39.

³⁶ Цит. по кн. Тихомиров А. П. Монархическая государственность [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.rus-sky.com/gosudarstvo/mongos/mg_29.htm.

³⁷ Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. — М., 1991. — С. 76.

³⁸ Жуков Г. П. Международное космическое право и вызовы XXI столетия. К 50-летию полета Юрия Гагарина в космос: Учеб. пособие. — М.: РУДН, 2011. — С. 54.

³⁹ Там же.

гротескная, наглядно демонстрирует все тот же факт, что за пределами ближайшего к Земле космического пространства всякие разговоры о национальной принадлежности никем из неземлян попросту не будут поняты, а если и будут поняты, то не вызовут интереса. Для них любой из нас, прежде всего и главным образом — землянин (человек с планеты Земля). В межзвездных мирах общение, надо полагать, идет не на уровне племен, народов, рас, а на уровне планетарных цивилизаций. Между сторонами происходит межгалактический диалог. Любое снижение этого уровня автоматически исключает всякое дальнейшее общение, поскольку собеседник должен, как минимум, представлять всю свою планету, а не какую-то ее часть.

Профессор А. Х. Абашидзе в своем предисловии к цитированной выше работе Г. П. Жукова отмечает: «7 апреля 2011 года Генеральная Ассамблея ООН выразила убежденность в общей заинтересованности человечества в содействии исследованию и использованию космического пространства, являющегося общим достоянием человечества (выделено нами — Х.Д.), в мирных целях»⁴⁰. Из сказанного явно следует, что космическое пространство не является достоянием отдельного государства или группы государств. Оно — достояние всего человечества, выступающего в данном случае единым субъектом космического права, от которого уже рукой подать и до Метакосмоса... Чтобы признать столь очевидный факт, вовсе не обязательно дожидаться контакта землян с пришельцами из глубин Вселенной. Вполне достаточно и того, что земляне сами вышли за «земную околицу», побывали на Луне, «столбят участки» на Марсе, Венере и других планетах Солнечной системы. Они, в конце концов, уже полвека являются космической цивилизацией.

И обретение человечеством в полной мере статуса субъекта космического права и Метакосмоса — не блажь и не забавное изобретение досужих умов, а настоятельная необходимость достижения землянами нового, более высокого по сравнению с тем, к которому они успели привыкнуть, эволюционного уровня, позволяющего им свободно интегрироваться в Сообщество обитаемых миров Вселенной и обрести в нем свое подобающее место.

Таким образом, факт существования норм космического права, список которых не исчерпывается приведенными, которые регулируют отношения человечества как единого субъекта со всем (живым и неживым) Космосом, вряд ли нуждается в каких-либо дополнительных доказательствах — приведенные документы демонстрируют это, что называется, буквально.

⁴⁰ См.: Абашидзе А. Х. Предисловие к кн. Жуков Г. П. Международное космическое право и вызовы XXI столетия. К 50-летию полета Юрия Гагарина в космос: Учеб. пособие. — М.: РУДН, 2011. — С. 6.

Человечество, имеющее общее достояние в Космосе и направляющее в Космос своих представителей — посланцев, названо и в других документах международного космического права. Вот эти документы: Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами от 29 марта 1972 г., содержащая положения, касающиеся «общей заинтересованности всего человечества» (См.: Международное публичное право. Сборник документов: в 2 ч. Ч. 1 / Сост. и авт. вступ. статьи К. А. Бекяшев, Д. К. Бекяшев. — М.: Велби, Изд-во Проспект, 2006. — С. 85–86); Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела в мирных целях от 27 января 1967 г., где «государства-участники рассматривают космонавтов как посланцев человечества в Космос» (См.: Указ. соч. — Ч. 1. — С. 1801); Конвенция о передаче и использовании данных дистанционного зондирования Земли из Космоса от 19 мая 1978 г., где говорится, что «эта деятельность осуществляется на благо и в интересах всех народов, независимо от степени их экономического и научного развития» (См.: Указ. соч. — Ч. 2. — С. 1816) и др.

Однако, как мы упоминали ранее, имеются нормы и иных, кроме космического права, отраслей международного права, пусть более «приземленных», которые регулируют отношения всех землян со своими, не самыми симпатичными, представителями — злодеями, совершившими преступления против всего человечества. Сошлемся на Конвенцию о неприменении срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (выделено нами — Х.Д.) от 26 ноября 1968 года⁴¹.

Другой, не менее известный публицистам международно-правовой документ содержит положения об «избавлении человечества от этого отвратительного бедствия» (геноцида — Х.Д.)⁴².

Здесь и далее мы говорим о противоправных деяниях, направленных своим острием против всего населения Земли, выступающего в роли консолидированного субъекта планетарного надгосударственного права. Приводимые положения соответствующих актов прямо говорят о том, что со всеми нами может случиться, «учитывая опустошительные последствия, которые имела бы для человечества ядерная война...»⁴³ или применение иного «оружия массового уничтожения, от которого необходимо избавиться в интересах всего человечества...»⁴⁴.

Однако безопасность населения Земли зависит не только от «грязного оружия» и преступлений против человечества. За последнее столетие земляне «умудрились» превратить окружающий мир в огромную мусорную свалку. Это бедствие, воистину, имеет глобальный характер. За полвека космической эры человечество сумело замусорить и все прилегающее к Земле космическое пространство... Здесь и «преступник», и «потерпевший» выступает в одном лице — это все человечество, выступающее субъектом международного экологического права⁴⁵.

Несмотря на столь удручающую картину жизни современного человечества, бывает и «на его улице (один раз в четыре года) праздник» — Олимпийские игры, на всем протяжении которых оно (человечество), отложив в сторону все прочие дела, с замиранием сердца наблюдает за выступлени-

⁴¹ См.: Конвенция о неприменении срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (Международное публичное право. Сборник документов: в 2 ч. — Ч. 2. — С. 1916–1917).

⁴² См.: Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. (Указ. соч. — Ч. 1. — С. 398).

⁴³ См.: Договор о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 г. (См.: Указ. соч. — С. 1048); Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения от 11 февраля 1971 г. (Указ. соч. — С. 1052).

⁴⁴ Цит. из текста Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (Указ. соч. — С. 1057).
О человечестве в целом как о потенциальной жертве ядерной войны и загрязнении окружающей среды говорится и в Договоре о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (См.: Указ. соч. — С. 1083).

⁴⁵ Декларация Тысячелетия, принятая в Центральном учреждении ООН в Нью-Йорке главами государств и правительств 8 октября 2000 г., содержит положения, касающиеся устойчивого развития всего человечества (См.: Указ. соч. — С. 85–86). Здесь уместно отметить Венскую конвенцию об охране озонового слоя от 22 марта 1985 г. (См.: Указ. соч. — С. 2124–2127); Протокол об ограничении выбросов окислов азота или их трансграничных потоков к Конвенции 1979 г. о трансграничном загрязнении воздуха от 16 сентября 1987 г. (См.: Указ. соч. — Ч. 2. — С. 1987); Рамочную конвенцию Организации Объединенных Наций об изменении климата от 9 мая 1999 г., в которой сказано, что «изменения климата и его неблагоприятные последствия являются предметом общей озабоченности человечества» (См. Указ. соч. — С. 2135); Киотский Протокол к рамочной конвенции ООН об изменении климата (См. Указ. соч. — С. 2200–2215).

ями своих представителей на Всемирной спортивной арене. В эти дни человечество как бы «смотрится в зеркало», с восторженным изумлением узнавая себя в своих лучших «эталонах» — Олимпиадах... Руководит Играми, как и всем планетарным спортом, международная неправительственная организация — Международный олимпийский комитет (МОК). Эта организация является субъектом ряда отраслей международного публичного права, включая, естественно, международное спортивное право. Субъектами этой отрасли международного права являются индивиды (спортсмены и судьи Олимпиады), неправительственные и межправительственные организации, государства и все прогрессивное человечество вместе взятое, как это явствует из Основного закона МОК — его «Регламентов»⁴⁶.

Атрибуты Всемирных игр: гимн, флаг, символика, олимпийский огонь — не являются собственностью одного какого-либо государства, хотя возродил этот праздник для всех землян француз, олимпийский огонь зажигается в Греции, а штаб-квартира МОК находится в Швейцарии. Олимпийские игры и их атрибуты — достояние всего человечества. Это общеизвестный и бесспорный факт.

Разумеется, достояние человечества не ограничивается указанными выше предметами и объектами. Принадлежностью человечества, по образному выражению К. Э. Циолковского, является его «колыбель» — планета Земля.

Данный постулат, что особенно важно, никем не оспаривается: ни пришельцами из глубин Океана, ни инопланетными расами. Все, что находится на поверхности Земли, в ее недрах, в Мировом океане, в лесах, морях, реках, озерах и т. д., до последней капли, песчинки, молекулы является неотъемлемой собственностью всех землян — достоянием всего человечества — как солнечное тепло, как лунный свет, как воздух, которым все мы дышим...

Таким же его достоянием является и естественный спутник планеты Земля — Луна.

Этот очевидный для всех факт до сих пор не нашел своего нормативного закрепления в каком-либо отдельно взятом документе какой-либо правовой системы, поскольку планетарное право, оперирующее категориями подобного масштаба и состоящее из норм такого уровня императивности, человечеством еще не сформировано. Отдельные же его нормы, как было показано, пока остаются вкраплениями, разбросанными по разным отраслям международного права, и ждут своей дифференциации.

Хотя, с другой стороны, рассматриваемое положение, как непреложная, объективная истина, и не нуждается в каких-либо подтверждениях и доказательствах. Юридически же оно будет зафиксировано, надо полагать, в недалеком будущем законодательным органом Всемирного правительства, когда и правосубъектность человечества в планетарном (Ноосферном) праве будет провозглашена соответствующим официальным актом.

До тех же пор (как и до сих пор) этот само собой разумеющийся факт будет восприниматься юристами (ими — в первую очередь) и всеми здравомыслящими людьми планеты как вполне правомерная презумпция или, скорее, — как аксиома.

Таким образом, задолго до объединения всех стран планеты во Всемирное государство, до создания в этой связи Мирового правительства, которое самым фактом своего существования подтвердило бы легитимность всемирной правосубъектности человечества, не говоря уже о том, что официальный контакт землян с внеземной цивилизацией придал бы этой правосубъектности более высокий (метаправовой) уровень, и в нынешних нормах допланетарного права имеет-

ся немало положений, однозначно признающих человечество единым субъектом тех или иных правоотношений глобального характера.

Было бы очень странно, если бы такие нормы отсутствовали в наше время, когда угрозам и вызовам, грозящим человечеству, можно противопоставить только его объединенные усилия, поскольку решение проблем подобного масштаба и сложности уже давно стало не по плечу одному или нескольким государствам.

Национальное право, международное право, наднациональное право, планетарное право и Метаправо в его земном измерении — ступени эволюции этого феномена, доступные пониманию человечества на разных этапах его развития, но отнюдь не его изобретение: оптимизация структуры в живой природе происходит объективно, в зависимости от инстинктивной потребности субъекта. В противном случае пришлось бы признать, что идеальный «правопорядок» пчелиной или муравьиной «цивилизации» — изобретение отдельных «гениальных» пчел или муравьев... А ведь в чьих-то глазах и мы — люди серии *homo sapiens* — не более чем пчелы и муравьи... при всем нашем непомерном самомнении.

Рассмотренные нормы — всего лишь часть растущего объема этих «первокирпичиков» грядущего права, позволяющего разглядеть его контуры. С течением времени они будут проступать все отчетливее — такова наметившаяся тенденция. Это как раз тот случай, о котором автор бессмертного «Фауста» Иоганн Вольфганг фон Гете сказал:

«Насущное отходит в даль, а дальность,

Приблизившись, приобретает явность...».

Таких норм с каждым днем будет становиться все больше, по мере изменения состояния дел на нашей планете — процесс, как было отмечено, объективный. Постепенно из этих норм, регулирующих исключительно отношения глобального масштаба, сформируются институты, отрасли и, наконец, — система права. Такова природа этого феномена.

Наши многоопытные коллеги-публицисты, коснувшиеся рассматриваемой проблемы, не высказывают резко негативного отношения к правосубъектности человечества. Они вполне справедливо указывают лишь на то, что в его классическом понимании такой субъект права, как человечество, отсутствует сегодня... Мы же, поддавшись наивному любопытству дилетантов, решились заглянуть в Завтра, которое начинается (или уже началось?) сегодня...⁴⁷

Право как социальный феномен — не менее загадочное явление, чем сама Вселенная, породившая его. Со дня своего появления на свет оно несет в себе массу парадоксов, один из которых содержится в вопросе, который, что называется, «сам лезет в глаза»: как могут все разновеликие части целого обладать качеством, которого напрочь лишено само это целое?

В самом деле, правосубъектностью, теперь уже и международной, обладают даже индивиды (миллиардные частицы человечества) и группы индивидов, объединенные в ассоциации: неправительственные, смешанные, межправительственные; в государства и их объединения. Но самому человечеству, с упорством, достойным лучшего применения, большая часть наших коллег отказывает в обладании этим качеством. Гово-

⁴⁷ Профессор Ю. Н. Малеев отмечает: «Сегодня... весьма сомнительно существование такого субъекта» (человечества — Х.Д.). (См.: Малеев Ю. Н. Концептуальное обоснование превентивной гуманитарной интервенции // Международное право — International Law. — 2009. — № 2. — С. 7).

Цитированный нами автор, говоря о том, что «создание всемирного государства не предвидится», отрицает, тем самым, правосубъектность человечества и в обозримой исторической перспективе, хотя о наличии черт наднациональности в действующем международном плане (применительно к защите прав человека) говорит как о само собой разумеющемся факте (См.: Вольфганг Граф Витцум и др. Указ. соч. — С. 6).

⁴⁶ См.: Джантаев Х. М. МОК и его регламенты в системе международного права // Вестник РУДН. Серия юридические науки. — 2011. — № 1. — С. 135–146.

рят: ждите контакта с пришельцами из Космоса. Как прилетят — так сразу субъект...

Но ведь для того, чтобы стать субъектом Метаправа первого уровня, как было отмечено, вовсе не обязательно выступать стороной переговоров с внеземной цивилизацией. Достаточно обрести статус субъекта планетарно-цивилизационного права, зримые черты которого все явственнее прорисовываются в некоторых нормах международного права, регулирующих отношения общепланетарного масштаба.

Что же до контактов и переговоров землян с представителями далекого Космоса, они происходили и происходят уже не первое десятилетие... Другое дело, что они носят (так уж сложилось) неофициальный характер. Сокрты, до времени, от широкой общественности, читай — человечества... Но в век информатизации все тайны — «скоропортящийся товар». Неслучайно сегодня во всех странах мира (почти одновременно) снимается гриф секретности с документов спецслужб, в которых отражены обстоятельства многочисленных встреч землян с пришельцами из Космоса⁴⁸.

В декабре 2011 г. Ватикан объявил о своей готовности устроить гостям из Космоса торжественный прием. То есть Католическая церковь не отвергает внеземных форм жизни и заявляет, что была бы рада встрече с представителями иных цивилизаций⁴⁹. Казалось бы, служители культа должны были «с порога отметить» все, что касается инопланетной жизни, противоречащей земной, — устроенной, согласно Священному писанию, в определенный отрезок времени и определенным образом... Однако прагматичному подходу Святого Престола к данной проблеме есть объяснение — отрицание очевидного факта отвратило бы взоры миллиардной массы верующих от лица Церкви...

Абсолютное большинство ученых, имеющих отношение к данной теме, было солидарно в том, что феномен космиче-

⁴⁸ См.: Горелов О. Вслед за США, Францией, Великобританией и Израилем материалы о контактах с представителями внеземного Разума обнародовало и правительство Новой Зеландии // Наша версия. — 2011. — 21–27 марта.

Не является исключением в этом ряду государств и Россия. На Центральном ТВ все чаще стали предоставлять эфирное время бывшим военным высокого ранга, ученым и специалистам определенной области знаний, которые в свое время, по долгу службы, имели прямое отношение к рассматриваемой проблеме. Так, 30 ноября 2013 г. генерал-лейтенант Алексей Савин — бывший командир в/ч 1003, руководивший группой боевых экстрасенсов МО СССР, поведал (уже второй раз в течение полугодия) многомиллионной аудитории российских телезрителей, что в 1989 г. перед ним (руководством страны) была поставлена задача выхода на контакт с представителями внеземной цивилизации. Их снабдили необходимыми кодами — и контакт состоялся... Потом этих контактов было много. Общение, во время которого шел интенсивный обмен информацией, продолжалось вплоть до развала СССР, после чего программа была свернута. Кроме контактов на уровне телепатии, имел место и «личный» контакт с гостями из Космоса. Он состоялся около 25 лет назад в подмосковном лесу, где приземлились пришельцы. По приглашению гостей наши военные побывали на борту их корабля.

Помимо военных, по словам генерала А. Савина, данной проблемой занималась и Академия наук, в недрах которой, в соответствии с распоряжением Президиума АН СССР № 0172, было создано соответствующее закрытое научное учреждение.

⁴⁹ Множество стран, представители ООН, Ватикана в течение последних лет все активнее ведут секретные переговоры с внеземными цивилизациями по выходу из планетарного кризиса, по обеспечению безболезненной трансформации человека, без паники и катастроф, в свой новый эволюционный статус. Сознание большей части человечества уже созрело для открытой встречи с «братьями по разуму». Перед землянами во всей остроте встала задача создания Мирового Альянса для принятия помощи от внеземного Разума, для перехода к внеземным знаниям (См.: Обращение экспертной группы «Deep Earth Transform» от 31 мая 2011 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: forum.lighthouse.ru/viewtopic.php?f=24&t=8389).

ских кораблей пришельцев, более известных под названием «неопознанные летающие объекты» (НЛО), имеет глобальный характер, поскольку «летающие тарелки» наблюдаются на всех континентах, включая Антарктиду. Сказанное, по их мнению, подтверждает необходимость объединения усилий всего человечества для выстраивания общей линии поведения (формирования единой политики, если угодно) по отношению к предстоящему официальному и, надо полагать, продолжительному диалогу с нашими соседями по Вселенной, безусловно, намного опередившими нас в своем развитии (иначе бы не они над нами, а мы — над ними кружили в своих летающих, недоступных их пониманию, аппаратах).

Учитывая изложенное, участие Организации Объединенных Наций в рассматриваемой проблеме уже много лет назад считалось делом предрешенным. Первым из специалистов в рассматриваемой области, обратившихся в ООН, был К. фон Кевикский⁵⁰.

В июне 1967 г. Генеральный секретарь ООН У Тан сделал известное заявление, что «проблема НЛО является важнейшей после Вьетнамской проблемы, стоящей перед ООН»⁵¹.

В начале ноября 1967 г. в Майнце (ФРГ) состоялся VII Международный конгресс по изучению НЛО, принявший соответствующую Резолюцию, согласно которой неопознанные летающие объекты (НЛО) признаны кораблями из Космоса, и этот вопрос является жизненно важной проблемой, касающейся всего человечества, требующей объединения усилий во имя установления мирных отношений с внешним Космосом.

За последние десятилетия некоторые правительства, государственные деятели и ведущие ученые определили НЛО... как воздушные корабли, «не произведенные ни одной из наций мира» и происходящие с других небесных тел. ООН поддерживает данное определение, отмечая как отрадное явление тот факт, что ни одно из государств не входило в Совет Безопасности с протестом в связи с угрозами со стороны НЛО, направленными против его суверенитета или территориальной целостности⁵².

Согласно пп. I и II части «Б» Резолюции, принятой в Майнце, забота ООН должна стать безопасностью нашей планеты и ее обитателей относительно любой акции, могущей возникнуть в результате нашего мирного исследования Космоса. ООН должна быть наделена высшей властью в космическом пространстве. Астро- и космонавты должны быть законными представителями Генеральной Ассамблеи в космическом пространстве и на других небесных телах.

⁵⁰ Колмен фон Кевикский, американец венгерского происхождения, еще в 1952 г. обратился к этой проблеме. В 1965 г. он предложил руководству ООН создать аналитическую группу для глобального изучения НЛО. Из всемирно известных авторитетов идею поддержал тогда лишь Г. Оберт, один из основоположников космонавтики. В 1966 г. К. фон Кевикский учредил ИКУФОН и представил «на суд» ООН проект «Глоб», приложив к нему 135 документов, касающихся НЛО, зарегистрированных в Секретариате ООН. Вскоре к этому проекту присоединился известный специалист в данной области Д. Мак-Дональд (США) — профессор Аризонского университета. Постепенно, с оглядкой, боясь дискредитировать свой научный авторитет, к проблеме НЛО стали обращаться и другие известные ученые и научные сообщества. В 1967 г. К. Вальдхайм, будущий Генеральный Секретарь ООН (на ту пору руководитель одного из комитетов ООН) внял просьбе ученых о включении проблемы НЛО в число приоритетных в деятельности Организации. Тогда-то, в 1967 г., действующий Генеральный секретарь ООН У Тан и сделал свое, приведенное выше, заявление об НЛО (См.: Зигель Ф. Ю. Проблема НЛО и Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.miger.ru/zigel_un.htm).

⁵¹ См.: Зигель Ф. Ю. Указ. соч.

⁵² Зигель Ф. Ю. Проблема НЛО и Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.miger.ru/zigel_un.htm.

В соответствии с п. III Резолюции, ионосфера нашей планеты на высоте от 80 км (Линия Теодора фон Кармана) до 800 км должна быть объявлена суверенной космотерриторией Земли — поясом безопасности в Космосе под юрисдикцией ООН. Эта статья должна быть внесена в Парижское соглашение о международной аэронавигации (1919 г.) и Чикагское соглашение по гражданской авиации (1944 г.) или во всякий относящийся сюда международный многосторонний договор⁵³.

Если судить по отдельным опубликованным в США документам, связь некоторых правительств с инопланетянами на неофициальном уровне установлена давно. Например, американский общественный деятель Б. Купер в своем докладе «The Secret Government» (Тайное правительство) от 23 мая 1989 г. утверждает: «Представители инопланетян контактируют с нами со времен президента Д. Эйзенхауэра. Они предлагали нам помощь в нашем духовном развитии. Главным условием сотрудничества с их стороны было предложение начать демонтаж и уничтожение землянами ядерного оружия, прекращение землянами взаимного истребления и варварской эксплуатации земных ресурсов. Человечество должно жить в гармонии с природой». Несмотря на отказ США разоружиться, конкретное соглашение с пришельцами (его следовало бы назвать «сепаратным» — Х.Д.) все же было достигнуто. Договоренности касались невмешательства сторон в дела друг друга. Они договорились (до времени) сохранять в тайне присутствие инопланетян на Земле. Пришельцы снабжают США передовыми технологиями и не заключают никаких договоров с другими нациями. Они, под контролем правительства США, будут забирать к себе ограниченное количество земель для исследований и невредимыми возвращать их в место захвата. Стороны на время действия Соглашения обмениваются послами и делегациями в составе 16 человек для взаимного изучения. Для инопланетян будут построены две закрытые подземные базы (для совместного использования в необходимых случаях). Стороны предпримут все необходимые меры по сохранению тайны и предотвращению утечки информации⁵⁴.

В силу разных причин, установление и анализ которых не входит в предмет настоящего исследования, о предстоящей встрече землян с гостями из Космоса сегодня открыто заговорили в ООН, в сети, в СМИ. Впервые в истории нашей цивилизации создано официальное представительство по связям землян с инопланетянами. Его, в соответствии с Резолюцией Генассамблеи ООН, возглавила 58-летняя ученая-астрофизик из Малайзии Мазлан Отман.

С 2011 г. представительство получило финансирование ООН и приступило к работе при этой всемирной универсальной организации. Сама М. Отман так охарактеризовала свои задачи: «Продолжающиеся поиски связи с внеземными жителями оставляют надежду, что в один прекрасный день человечество примет сигналы от инопланетян. Когда это случится, нам придется дать скоординированный ответ, который будет учитывать все стороны вопроса. А ООН — готовый механизм для подобной координации»⁵⁵. Рассматриваемый документ и его комментарий человеком, назначенным на указанную должность, безусловно, можно назвать явлением метаправового уровня.

На последовавшей затем международной конференции по исследованию космоса в Бэкин-Гэмшире (Англия) М. Отман заверила всех собравшихся ученых и политиков в том, что «привет из Космоса» мы в скором времени все же получим. Это наводит на мысль о том, что «Космический посол человечества» знает, но не договаривает многое из того, что пока недоступно широкой мировой общественности⁵⁶.

При всеобщей заинтригованности и непостижимости сути происходящего, трудно не согласиться с мнением тех наблюдателей, которые полагают, что без явных на то оснований Генеральная Ассамблея ООН создавать такое учреждение при Организации, финансировать его деятельность и вводить должность его главы, «ответственного за переговоры с представителями внеземного Разума», в здравом рассудке не станет...⁵⁷.

Ученые многих стран проявляют нескрываемое нетерпение по поводу предстоящих событий Вселенского масштаба. Не успели британские власти обнародовать архивные правительственные данные по вопросу контактов с пришельцами, как в Дублине (Ирландия) прошла конференция, на которой европейские ученые ломали голову над тем, «как себя вести, если инопланетяне вдруг прилетят?». Ну прямо дети, ей-Богу... Обратились бы лучше к нашему соотечественнику В. Рубцову, который в одной из своих работ рассматривает аж 81 вариант встреч двух цивилизаций...⁵⁸.

Итак, человечество, если говорить серьезно, само того не заметив, миновало незримый рубеж, за которым его давно поджидает иная Реальность, в которой ему предстоит выстраивать отношения с новыми, доселе не виданными, контрагентами. И отношения эти будут урегулированы нормами иного качества, правовой системой более высокого порядка. Система эта — Метаправо, к первому (низшему) уровню которого — планетарно-цивилизационному — мы (земляне) в отведенные нам несколько тысяч лет только едва подступились, попробовав на ощупь некоторые из его норм. Увы, уже не нам, а людям новой, нарождающейся ноосферно-космической формации (усовершенствованным людям, транслюдям, послечеловекам, homo sapiens sapiens)⁵⁹ предстоит формировать и кодифицировать нормы Метаправа более высокого уровня вместе со своими коллегами из иных миров...

Метаправо же, доступное пониманию наших современников по планете Земля, тем не менее и на данном этапе исторического развития входит по крупницам в нашу жизнь, в наше сознание. Наше право продолжает совершенствоваться вместе с нами, приближаясь к своей завершенной, идеальной форме. Разумеется, правы и те авторы, которые рассчитывают на значительное ускорение этого процесса, на качественный эволюционный скачок (и человека, и соответствующего уровня его развития права) после контакта представителей двух разных вселенских миров.

А он, этот контакт, судя по научным прогнозам и лихорадочным приготовлениям ООН, уже не за горами. Он грядет...

⁵³ Там же.

⁵⁴ Билл Купер утверждает, что совместно с инопланетянами была разработана программа по дискредитации всех сведений об НЛО и другой деятельности внеземного Разума на нашей планете. Все, кто противостоит этому, подлежат уничтожению. Известный американский писатель Сидни Шелдон провел расследование и опубликовал обширный список специалистов, занимавшихся проблемой НЛО и звездного оружия, которые погибли при невыясненных обстоятельствах (так называемый «Список Шелдона») (См. там же).

⁵⁵ ООН готовится к встрече с иноземной цивилизацией [Электронный ресурс]. — Режим доступа: nlo-ru.com/archives.

⁵⁶ ООН назначила ответственного за первый контакт с инопланетянами [Электронный ресурс]. — Режим доступа: imperial-commiss.livejournal.com/115275.html.

⁵⁷ Ученые предрекают скорую встречу с пришельцами [Электронный ресурс]. — Режим доступа: 33ip.ru/puble/vnezemnoj-razum/kontakty_s_inoplanetjanami.

⁵⁸ См.: Рубцов В. В., Урсул А. Д. Развитие идей Циолковского о характере деятельности цивилизаций Космоса // Труды Чтений памяти К. Э. Циолковского (XI). — М., 1978.

⁵⁹ См.: Робинсон Дж. С. Космическое право для человекоподобного, трансчеловека и послечеловека: существует ли необходимость в принципах единой теории естественного права? // Современные проблемы международного космического права: Сборник статей / Под ред. Г. П. Жукова, А. Я. Капустина. — М.: РУДН, 2008. — С. 594.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х. Предисловие к кн. Жуков Г. П. Международное космическое право и вызовы XXI столетия. К 50-летию полета Юрия Гагарина в космос: Учеб. пособие. — М.: РУДН, 2011.
2. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. — М., 1991.
3. Вольфганг Граф Витцум и др. Международное право = *Volkerrecht* / Пер. с нем. науч. ред. и сост. указ. Т. В. Яковлева. — М.: Инфотропик Медиа, 2011.
4. Горбачев М. С. Выступление в Организации Объединенных Наций 7 декабря 1988 г. — М., 1988.
5. Горелов О. Вслед за США, Францией, Великобританией и Израилем материалы о контактах с представителями внеземного Разума обнародовало и правительство Новой Зеландии // Наша версия. — 2011. — 21–27 марта.
6. Джангаев Х. М. МОК и его регламенты в системе международного права // Вестник РУДН. Серия юридические науки. — 2011. — № 1.
7. Док. ООН A/PV. 2117.
8. Ермаков С. Э. Идея Метаправа и встречи с иным Разумом // Московский журнал международного права. — 1999. — № 2.
9. Жуков Г. П. Международное космическое право и вызовы XXI столетия. К 50-летию полета Юрия Гагарина в космос: Учеб. пособие. — М.: РУДН, 2011.
10. Зигель Ф. Ю. Проблема НЛО и Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.miger.ru/zigel_un.htm.
11. Зигель Ф. Ю. Проблема НЛО и Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.miger.ru/zigel_un.htm.
12. Контакт с инопланетянами — скоро! // Аномалия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: anomaly.su/node/1356.
13. Левин Д. Б. Основные проблемы современного международного права. — М.: Гос. изд. юр. лит-ры., 1958.
14. Малеев Ю. Н. Концептуальное обоснование превентивной гуманитарной интервенции // Международное право — *International Law*. — 2009. — № 2.
15. Международное публичное право. Сборник документов: в 2 ч. Ч. 1 / Сост. и авт. вступ. статьи К. А. Бекашев, Д. К. Бекашев. — М.: Велби, Изд-во Проспект, 2006.
16. Мелхиседек Д. Древняя тайна Цветка Жизни / Пер. с англ. под ред. И. В. Сутокской. — М.: ООО Изд. София, 2009.
17. Налимов В. В. Испытание святой Руси. На грани третьего тысячелетия. — Томск — М.: Изд. Водолей, 2002.
18. Налимов В. В. Испытание святой Руси. На грани третьего тысячелетия. — Томск — М.: Изд. Водолей, 2002.
19. Обращение экспертной группы «Deep Earth Transform» от 31 мая 2011 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: forum.lightray.ru/viewtopic.php?f=24&t=8389.
20. ООН готовится к встрече с иноземной цивилизацией [Электронный ресурс]. — Режим доступа: nlo-ru.com/archives.
21. ООН назначила ответственного за первый контакт с инопланетянами [Электронный ресурс]. — Режим доступа: imperial-commiss.livejournal.com/115275.html.
22. Робинсон Дж. С. Космическое право для человекоподобного, трансчеловека и послечеловека: существует ли необходимость в принципах единой теории естественного права? // Современные проблемы международного космического права: Сборник статей / Под ред. Г. П. Жукова, А. Я. Капустина. — М.: РУДН, 2008.
23. Рубцов В. В., Урсул А. Д. Контакт цивилизаций и проблема Метаправа // В кн.: Циолковский К. Э. Философские и социально-политические проблемы освоения космического пространства. Труды XXI–XXIII чтений, посвященных разработке научного наследия К. Э. Циолковского (Калуга, 1986, 1987, 1988), Секция «К. Э. Циолковский и философские проблемы освоения космоса». — М., 1991. — С. 181–190.
24. Рубцов В. В., Урсул А. Д. Развитие идей Циолковского о характере деятельности цивилизаций Космоса // Труды Чтений памяти К. Э. Циолковского (XI). — М., 1978.
25. Советский Союз и Организация Объединенных Наций. 1971–1975 гг. Изд. Наука. — М., 1981. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. — М., 1993..
26. Тихомиров А. П. Монархическая государственность [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.rus-sky.com/gosudarstvo/mongos/mg_29.htm.
27. Ударцев С. В. Метаправо: о глобальной эволюции права // Вестник Московского государственного открытого университета (МГОУ). — 2003. — № 2.
28. Ученые предрекают скорую встречу с пришельцами [Электронный ресурс]. — Режим доступа: 33ip.ru/puble/vnezemnoj-razum/kontakty_s_inoplanetjanami.
29. Формирование Метаправа [Электронный ресурс]. — Режим доступа: txtb.ru/38/87.html.
30. Храпанюк В. Н. Теория государства и права. — М.: Изд. ДТД, 1995.
31. Циолковский К. Э. Воля Вселенной. Неизвестные разумные силы. — Калуга, 1928.
32. Циолковский К. Э. Монизм Вселенной. — Калуга, 1931.
33. Циолковский К. Э. Причина Космоса. — Калуга, 1925.
34. Briggs H. Problem of the World Government // *The American Journal of International Law*. — 1947. — Vol. 41.
35. Guggenheim P. *Traite de droit international public*. — Geneve, 1953. — Vol. 1.
36. Jessup Ph. *A Modern Law of Nations. An Introduction*. — N.Y., 1948.
37. Loewenstein K. *Sovereignty and Cooperation* // *The American Journal of International Law*. — 1954. — Vol. 27.
38. Politis N. *Les nouvelles tendances du droit International*. Paris, 1927. P. 52; Garnier W. *Le nouveau droit international* // *Revue general de droit international public* // *Recueil des cours*. — 1932. — Vol. 42.
39. Rousseau Ch. *Droit international public*. Paris 1953.
40. Scelle G. *Regles generales du droit de la paix* // *Requiel des cours*. — 1933. — Vol. 46.
41. Verdross A. *Droit international et le science diplomatique et politique*. — 1954. — № 3.

Нечевин Д. К.
РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК,
ДОЦЕНТА Г.С. ПЫРЧЕНКОВОЙ «ENGLISH FOR LAW STUDENTS» (МОСКВА,
2013. — 164 с.)

Nechevin D. K.
REVIEW OF THE TEXTBOOK OF CANDIDATE OF PHILOLOGY, ASSOCIATE
PROFESSOR G.S. PYRCHENKOVA «ENGLISH FOR LAW STUDENTS» (MOSCOW,
2013. — 164 p.)

Нечевин Д. К.

Выделение функций социального обслуживания населения, правового обеспечения правоохранительной деятельности в качестве приоритетных задач правоохранительных органов усилило значимость коммуникативной компетентности юристов, которые должны уметь успешно взаимодействовать с широким кругом лиц, выполняя свои профессиональные задачи.

Эти процессы, в свою очередь, определили повышение требований к профессиональной подготовке юристов в системе высшего образования МВД России, формированию набора профессиональных компетенций, включающих, в том числе, и способность к иноязычной профессионально ориентированной коммуникации.

Тем не менее, многие выпускники высших учебных заведений системы МВД России демонстрируют низкий уровень развития умений иноязычного общения, необходимых для эффективного профессионального общения в интернациональном пространстве.

Вызывает обеспокоенность также отсутствие выраженного мотивационного интереса представителей юридической сферы деятельности к изучению иностранного языка, что является совершенно недопустимым на современном этапе развития мирового сообщества, вступившего в эру глобализации, характеризующейся ускорением и интенсификацией информационных процессов, созданием Европейского союза, интернационализацией права, формированием единого мирового образовательного пространства (Болонский процесс). Такое противоречие между объективной общественной ценностью иностранного языка и субъективным отношением к иностранному языку, как к потенциальной, а не реальной ценности, является общепризнанной педагогической проблемой¹.

Таким образом, назрела насущная необходимость подготовки высококвалифицированных специалистов в области юриспруденции, свободно владеющих иностранным языком и способных включиться в интернациональную профессиональную коммуникацию.

Как отмечается в Стратегии инновационного развития России до 2020 года, важной задачей современного образования является формирование «инновационного человека», который должен стать адаптивным к постоянным изменениям в собственной жизни; готовым к непрерывному образованию, постоянному совершенствованию и переобучению; стремиться к овладению иностранными языками как коммуникационными инструментами эффективного участия в процессах глобализации, включая способность к свободному бытовому, деловому и профессиональному общению на иностранном

языке². Такая педагогическая задача становится тем более актуальной в свете последних научных изысканий, доказывающих доминирующую роль иноязычной компетентности в развитии коммуникативной культуры личности³.

Проведение правовой реформы существенно усилило значимость коммуникативной компетентности специалистов, работающих в области правового обеспечения правоохранительной деятельности, и определило повышение требований к их профессиональной подготовке, включающих, в том числе, и способность к иноязычной профессионально ориентированной коммуникации. Таким образом, развитие навыков профессиональной коммуникации на иностранном языке становится важнейшим фактором, способствующим формированию гармоничной личности специалиста с высшим юридическим образованием, имеющего достойные перспективы карьерного роста в выбранной профессиональной сфере.

Сегодня высшее профессиональное образование признается мощным резервом повышения эффективности деятельности специалистов в области обеспечения правоохранительной деятельности, что вызывает необходимость разработки новых учебных пособий в системе высшего образования МВД России, способствующих не только комплексному приобретению знаний в сфере реализации правовых норм, но и формированию навыков их практического применения на международном уровне.

В этом отношении не вызывает сомнения актуальность учебного пособия «English for Law Students», подготовленного кандидатом филологических наук, доцентом кафедры иностранных языков Академии управления МВД России Г. С. Пырченковой.

Рецензируемое учебное пособие предназначено для слушателей факультета магистратуры, обучающихся по профилю подготовки «Юриспруденция», направление подготовки 030900 Правовое обеспечение правоохранительной деятельности.

Представленное на рецензирование пособие разработано в полном соответствии с типовой рабочей программой обучения дисциплине «Иностранный язык для юристов», составленной с учетом требований Федерального государственного стандарта высшего профессионального образования⁴.

¹ Пассов Е. И. Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования: «Развитие индивидуальности в диалоге культур». — М.: Просвещение, 2000. — С. 11.

² Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 08 декабря 2011 г. № 2227-р // СЗ РФ. — 2012. — 02. января. — № 1. — С. 216.

³ Герасименко О. В. Иноязычная компетентность как фактор развития коммуникативной культуры студентов. — Дисс... канд. пед. наук. — Оренбург, 2001. — С. 68.

⁴ Иностранный язык для юристов. Рабочая программа для слушателей факультета магистратуры по профилю подготовки —

Основной целью учебного пособия «English for Law Students» является повышение исходного уровня владения иностранным языком и формирование у обучающихся иноязычных компетенций, позволяющих им решать социально-коммуникативные задачи в различных областях юридической деятельности при общении с зарубежными коллегами, а также самостоятельно изучать опыт правоохранительной, правоприменительной, правотворческой и организационно-управленческой деятельности иностранных государств.

В соответствии с рецензируемым пособием «English for Law Students», подготовленном доцентом Г. С. Пырченко-вой, обучение дисциплине «Иностранный язык для юристов» должно способствовать формированию у юристов следующих общекультурных компетенций:

- 1) осознанию социальной значимости своей будущей профессии, обладанию достаточным уровнем профессионально-правосознания (ОК-1);
- 2) соблюдению принципов этики юриста (ОК-2);
- 3) способности совершенствоваться и развивать свой интеллектуальный и общекультурный уровень (ОК-3);
- 4) способности свободно пользоваться иностранным языком как средством делового общения (ОК-4);
- 5) способности компетентно использовать на практике приобретенные умения и навыки анализа и оценки зарубежного опыта во всех видах профессиональной и научно-исследовательской деятельности (ОК-5).

Рецензируемое учебное пособие «English for Law Students» имеет коммуникативную направленность и основано на использовании проблемно-речевых и творческих упражнений, аутентичных ситуаций общения, предполагающих развитие умений подготовленной и спонтанной коммуникации и формирование психологической готовности к реальному иноязычному общению в различных профессиональных ситуациях.

В основе разработки тематики пособия и подбора языкового, речевого и страноведческого материала лежат андрогогические принципы обучения взрослых, а также приоритет информационной, познавательной и социокультурной значимости изучаемого материала для участников образовательного процесса.

В рамках данного учебного пособия приобретение иноязычной коммуникативной компетенции юристами осуществляется в соответствии с основными положениями теории речевой деятельности и строится на принципах интенсивного метода с применением элементов традиционной методики.

Отбор материала для учебного пособия «English for Law Students» произведен с учетом целей и задач обучения, которые определяются коммуникативными и познавательными способностями слушателей факультета магистратуры по специальности «Юриспруденция». Учебный материал рецензируемого пособия базируется на знаниях слушателей, полученных при изучении иностранного языка в профильном вузе. Принцип отбора учебного материала предполагает логическую и содержательно-методическую взаимосвязь с другими основными образовательными программами, а также интеграцию знаний из различных смежных предметных дисциплин, что способствует одновременному развитию как собственно коммуникативных, так и профессиональных и социальных умений магистрантов.

Учебное пособие «English for Law Students», разработанное доцентом Г. С. Пырченко-вой, предполагает 32 часа аудиторных занятий и 76 часов самостоятельной работы для освоения дисциплины «Иностранный язык для юристов». В этой связи следует особо отметить, что данное пособие содержит уникальный систематизированный и подготовленный на высоком

методическом уровне учебный материал для использования в образовательном процессе в условиях лимитированного учебного времени, отведенного на освоение курса профессионально ориентированного иностранного языка.

Представленное на рецензирование пособие состоит из семи тематических разделов и включает аутентичные тексты по профессиональной тематике, лексико-грамматические и коммуникативные упражнения, способствующие совершенствованию речевых умений и обеспечению коммуникативной адекватности в предлагаемых ситуациях общения. Каждый раздел пособия содержит лексический и грамматический минимум, необходимый для вербализации речевых намерений в ситуациях, связанных с профессиональной деятельностью юристов.

В общий перечень тем учебного пособия включены следующие темы: 1) «Представление. Биография. Семья»; 2) «Работа в полиции»; 3) «Руководство отделом внутренних дел»; 4) «Закон и порядок»; 5) «Структура и организация правоохранительных органов Великобритании»; 6) «Организация охраны общественного порядка в США и Великобритании»; 7) «Виды преступлений и наказаний». Как видно из приведенного перечня, данные темы представляют профессиональный интерес как для представителей юриспруденции, так и для широкого круга сотрудников и руководителей правоохранительных органов МВД России.

Учебный материал изложен в пособии логично и последовательно, что способствует закреплению навыков деловой коммуникации на иностранном языке, умений информативного и поискового чтения иноязычной литературы по специальности.

Автор учебного пособия «English for Law Students» строго соблюдает последовательность изложения лексического и грамматического материала пособия по принципу «от простого к сложному».

Так, например, учебное пособие начинается с изучения темы «Представление. Биография. Семья», которая предполагает обучение формулам вежливости при представлении, обращении, прощании в процессе реализации коммуникативных намерений: поздороваться, представиться, спросить об имени собеседника; начать разговор, спросить о семейном положении, рассказать о себе; поинтересоваться последними новостями; представить своих друзей; расспросить о родном городе. В этом разделе пособия предусмотрено изучение таких грамматических явлений английского языка, как порядок слов английского предложения; спряжение глагола «to be» в настоящем простом времени (Simple Present); структурные типы предложения (повествовательное, вопросительное, отрицательное); личные местоимения; употребление предлогов времени, места и направления.

Дальнейшее повышение уровня сложности излагаемого материала происходит за счет введения профессиональной терминологической лексики. Так, например, во второй теме рецензируемого пособия «Работа в полиции» используется терминология, отражающая основные функциональные обязанности сотрудников полиции; названия должностей, отделов, производственных процессов или задач; клише, необходимые для выражения своего мнения и отстаивания своей точки зрения; разговорные формулы для выражения удовлетворения, похвалы или порицания по поводу работы сотрудников.

В этом разделе происходит и усложнение грамматического материала, представленного для изучения: изучаются порядковые и количественные числительные; побудительное предложение; употребление притяжательных и указательных местоимений; притяжательный падеж имени существительного; употребление конструкции «to be going to do something» для выражения коммуникативных намерений будущего времени; спряжение английского глагола в простом настоящем

времени (Simple Present); место наречий простого времени в предложении.

Это, соответственно, повышает уровень сложности реализации коммуникативных намерений по теме «Работа в полиции»: поговорить о задачах, обязанностях и профессиональных интересах офицера правоохранительных органов; назвать свою должность, звание, отдел; представить своего начальника, коллег; рассказать о причинах выбора профессии, трудностях, с которыми сталкивается офицер правоохранительных органов и т.д.

В третьем разделе учебного пособия «Руководство отделом внутренних дел» слушателям предстоит изучить перечень деловых качеств руководителя и подчиненного; лексические единицы, связанные с профессиональными обязанностями руководителя по управлению органом внутренних дел; формулы, выражающие удивление, сомнение, удовлетворение, сожаление. Таким образом, проработав учебный материал данного раздела, слушатели смогут поговорить о задачах и функциях своего ведомства, профессиональных качествах и обязанностях руководителя полиции, приобретении управленческих навыков, новых направлениях организации деятельности полиции, умении принимать управленческие решения и осуществлять надзор за деятельностью подчиненных. Участники образовательного процесса получают возможность продемонстрировать умение дать самооценку и оценку деятельности подчиненных на иностранном языке, используя формы глагола «to be» в простом прошедшем времени (Simple Past), а также местоимения в объектном падеже.

Весьма интересной для специалистов в области юриспруденции представляется тема четвертого раздела учебного пособия «English for Law Students» — «Закон и порядок». Изучение данного учебного материала даст возможность слушателям поговорить об основополагающих принципах общего права, задачах, выполняемых различными типами представителей юридической профессии в Великобритании, особенностях судебной и правовой системы США и Великобритании, продемонстрировать умение аргументированно отстаивать свою точку зрения, высказать одобрение, согласие или несогласие с мнением собеседника. Лексический минимум слушателей пополнит лексические и терминологические единицы, связанные с названиями профессиональных обязанностей юриста. Что касается грамматического материала, то в этом разделе пособия изучению подлежат формы глагола «to be» в простом прошедшем времени (Simple Past).

Пятый раздел рецензируемого учебного пособия «Структура и организация правоохранительных органов США и Великобритании» знакомит слушателей с терминологией, необходимой для описания структуры и организации правоохранительных органов стран изучаемого языка. Изучение данной темы пособия позволит слушателям рассказать о структуре и задачах правоохранительных органов США и Великобритании; поговорить об основных функциях полиции США и Великобритании; обсудить с собеседником некоторые проблемы работы полиции стран изучаемого языка; выразить удовлетворение или неудовлетворение; дать оценку работе той или иной службе правоохранительных органов. В этом разделе пособия изучаются такие грамматические конструкции, как образование и употребление оборота «there + to be»; цепочка определений к существительному; степени сравнения прилагательных и сравнительные конструкции.

Словарь шестого раздела представленного на рецензирование пособия «Организация охраны общественного порядка в США и Великобритании» содержит лексические единицы, необходимые для описания форм и методов организации охраны общественного порядка в странах изучаемого языка. После изучения данной темы слушатели смогут поговорить об организации охраны общественного порядка в США и Великобритании, типах патрулирования и контроля дорожного движения, действиях полиции в случаях массовых беспоряд-

ков, альтернативных стратегиях по охране общественного порядка, сотрудничестве полиции с общественными организациями и т.д. Этот раздел пособия предусматривает изучение спряжения английского глагола в простом прошедшем времени (Simple Past).

В шестом разделе рецензируемого пособия «Виды преступлений и наказаний» содержится весьма интересный с познавательной и профессиональной точки зрения материал, в котором дается сравнительная оценка различных классификаций преступлений и соответствующих санкций в России и США. Изучение лексического минимума и грамматического материала (спряжение английского глагола в простом будущем времени (Simple Future); активный и пассивный залог английского глагола) этого раздела пособия позволит слушателям поговорить о типах преступлений и наказаний в странах изучаемого языка, сравнить полученную информацию с соответствующей практикой и опытом правоприменения в России.

В результате работы с учебным пособием «English for Law Students» обучающиеся магистранты должны приобрести знания правил речевого этикета и международных норм этики юриста; профессиональной терминологии; основных грамматических структур, необходимых для устных форм общения и поиска информации в специальных текстах.

Рецензируемое пособие также предусматривает развитие умений понимания основного смысла монологических и диалогических высказываний на профессиональную тему; выражения своих коммуникативных намерений; активного использования в речи основных грамматических структур и словообразовательных моделей иностранного языка; извлечения необходимой профессиональной информации из специальных текстов на иностранном языке.

В результате курса обучения иностранному языку в соответствии с учебным пособием «English for Law Students» специалисты должны овладеть навыками свободного использования иностранного языка в ситуациях профессионального общения; компетентно использовать на практике приобретенные умения анализа и оценки зарубежного опыта во всех видах юридической и научно-исследовательской деятельности.

Следует отметить высокую познавательную значимость учебных материалов пособия, изучение которых не только представляет значительный профессиональный интерес для юристов с точки зрения изучения опыта в области правового обеспечения правоохранительной деятельности в странах изучаемого языка, но и способствует повышению их мотивационного интереса к изучению иностранного языка.

По нашему мнению, данное учебное пособие также способно обеспечить развитие когнитивных и исследовательских умений, информационной и общей культуры юристов, а также пополнить их знания о социокультурной специфике страны изучаемого языка. Это позволит выпускникам осуществлять речевое общение с носителями изучаемого языка в соответствии с этой спецификой и нормами.

В структуре учебного пособия успешно использованы преимущества коммуникативных методов обучения, принципов андрагогики и инновационных педагогических идей, которые стимулируют мотивационный интерес к изучению дисциплины, развивают познавательную и творческую активность личности, навыки профессиональной деятельности специалистов в области правового обеспечения правоохранительной деятельности.

К достоинствам учебного пособия «English for Law Students» также следует отнести разработку комплексной системы упражнений, направленной на развитие всех видов речевой деятельности. Особый акцент делается на использовании интерактивных форм проведения занятий, предусматривающих использование представленных в пособии тем для групповых дискуссий, деловых и ролевых игр, упражне-

ний, основанных на проблемном изложении учебного материала и др.

Отличительной особенностью пособия является его коммуникативная направленность. Автору удалось разработать четкую структуру поэтапного обучения магистрантов коммуникативным стратегиям профессионального общения на иностранном языке. Формирование навыков диалогической речи происходит по принципу «от простого к сложному»: от выполнения целого ряда разнообразных коммуникативных упражнений до участия в ролевых и деловых играх.

Такой подход к изучению иностранного языка, закрепленный в соответствующей структуре дидактического аппарата учебного пособия, способствует формированию у магистрантов основных общеобразовательных компетенций, включая знания о системе изучаемого языка и сформированные на основе лингвистических знаний умения, позволяющие понимать, порождать и комбинировать иноязычные высказывания в соответствии с конкретной коммуникативной задачей профессионального общения.

По нашему мнению, к несомненным достоинствам рецензируемого учебного пособия можно также отнести:

- использование проблемного изложения учебного материала, коммуникативных и творческих упражнений, аутентичных ситуаций общения, предполагающих развитие умений диалогической речи на основе подготовленной и спонтанной коммуникации;

- доступное для слушателей объяснение сложных грамматических явлений английского языка, выполненное с использованием схем и таблиц;

- разработку системы упражнений, позволяющих наряду с повторением и систематизацией ранее изученного материала сформировать прочные лексико-грамматические навыки по темам пособия;

- использование аутентичных текстов, представляющих значительный профессиональный интерес для широкого

круга представителей правоохранительной деятельности, например: «The Police System in Britain», «Public Order Protection in Britain», «Chicago Alternative Policing Strategy», «The Crime Triangle», «Police Training in Great Britain», «Basic Line Functions of Police» и др.);

- наличие иллюстративного материала, стимулирующего зрительную память магистрантов при изучении лексического и терминологического минимума дисциплины «Иностранный язык для юристов».

Подводя итог, следует признать, что рецензируемое учебное пособие «English for Law Students» занимает особое место среди учебных материалов, подготовленных для системы высшего профессионального образования системы МВД России, так как содержит инновационные педагогические идеи обучения нового поколения юристов, владеющих иностранным языком и способных грамотно выстраивать свое профессиональное коммуникативное пространство.

При составлении данного учебного пособия автор привнес во внимание новые требования, предъявляемые к качеству профессиональной подготовки сотрудников правоохранительной системы, придерживаясь принципов коммуникативного подхода к изучению иностранного языка.

По нашему мнению, рецензируемое учебное пособие представляет особую ценность для использования в условиях лимитированного учебного времени, так как базируется на реализации современных педагогических приемов активизации и интенсификации усвоения лексического и грамматического минимума иностранного языка.

На основании вышеизложенного считаем, что представленное на рецензирование учебное пособие «English for Law Students» отвечает современным лингводидактическим требованиям, предъявляемым к учебным пособиям, имеет практическую направленность и может быть рекомендовано к изданию и использованию в учреждениях высшего профессионального образования системы МВД России.

Малько А. В.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В. Ю. ПАНЧЕНКО «ПУБЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО СОДЕЙСТВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ» (МОСКВА: ПРОСПЕКТ, 2014. — 152 С.)

Mal'ko A. V.

REVIEW OF «PUBLIC FORMS OF LEGAL ASSISTANCE TO THE REALIZATION OF THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS» MONOGRAPH BY V. PANCHENKO (MOSCOW: PROSPECT, 2014. — 152 P.)

Малько А. В.

В рецензируемой монографии под рубрикой «Публичные формы юридического содействия реализации прав и законных интересов» проведен совместный теоретико-прикладной анализ публичных услуг юридического характера (публичных юридических услуг) и юридической помощи, оказываемой со стороны органов государственной власти и местного самоуправления (публичной юридической помощи). Актуальность исследования не вызывает сомнений, поскольку совершенствование правовых механизмов, стимулирующих правовую активность граждан и предоставляющих гарантии, обеспечивающие ее со стороны органов публичной власти, в настоящее время выступает одним из приоритетов российской правовой политики, усиленно развивается нормативно-правовая база, и, в то же время, практическое осуществление таких механизмов остается проблемным.

Нет оснований не согласиться с автором в том, что публичные услуги — относительно новое и неоднозначно трактуемое явление для правовой жизни России, а публичная юридическая помощь до настоящего времени не становилась предметом общетеоретических правовых исследований (с. 6–7). В этой связи, безусловно, необходимы научный поиск новых и уточнение имеющихся подходов к понятию публичных юридических услуг и публичной юридической помощи, разработка рекомендаций по повышению доступности публичных форм юридического содействия реализации прав и законных интересов, а также совершенствованию системы оценки такой доступности.

Первая глава исследования посвящена теоретическим вопросам публичных форм юридического содействия реализации прав и законных интересов: понятиям публичных юридических услуг и публичной юридической помощи, их видам и формам, соотношению в них правозащитных и правоохранительных начал.

Автору удалось систематизировать имеющиеся взгляды ученых на понятие публичных услуг, выделить в качестве направления научного исследования публичную юридическую помощь.

Не вызывает возражений авторская трактовка юридического содействия реализации прав и законных интересов в качестве особого типа юридического взаимодействия, которое определено как «осуществляемая в предусмотренных позитивным правом видах и формах различными субъектами (органами государственной власти и местного самоуправления, их должностными лицами, организациями и гражданами) в качестве основной либо дополнительной функции невластная в отношении получателя профессиональная

юридическая деятельность, способствующая средствами юридического характера реализации правовых возможностей (прав, свобод и законных интересов) в целях наиболее полного и беспрепятственного удовлетворения интересов субъекта права» (с. 32).

Из достаточно широкого перечня публичных услуг В. Ю. Панченко обоснованно выделяет услуги юридического характера (связанные с совершением действий, имеющих юридическое значение, использованием правовых средств) и услуги фактического характера (они заключаются в предоставлении материальных средств, совершении конкретных фактических действий в пользу услугополучателя). Содержательным критерием такого разграничения выступает «характер интереса (ценности), удовлетворение (приобретение) которого с помощью публичной услуги составляет смысл для получателя» (с. 28–29). Автор совершенно правильно подвергает критике встречающийся в нормативных правовых актах подход, признающий публичными услугами части услуг, их этапы, отдельные действия («прием заявлений», «постановка на учет» и т.п.), отмечая, что «они лишь создают иллюзию надлежащего осуществления государством, муниципальными образованияами своих функций, но их «формальность» не приносит (и может на практике и не принести никогда) никакой пользы получателю» (с. 29–30).

Заслуживают внимания соображения автора о функциях понятия «публичные услуги», среди которых наиболее значимыми являются установление круга взаимодействий по типу содействия удовлетворению потребностей и интересов частных лиц со стороны органов публичной власти и ориентация их функционирования на содействие (юридическое, социальное и др.) гражданам и организациям в максимально доступном режиме для реализации их прав, свобод и законных интересов; доведение до граждан информации о том, на какое содействие со стороны публично-властных структур, в каком порядке и на каких условиях они могут рассчитывать; обеспечение открытости деятельности органов публичной власти и ее приведение в последовательно регламентированную нормативными правовыми актами правовую форму; создание в массовом сознании населения позитивного социально-психологического образа «сервисного государства» (с. 18–20; 115–116) и др.

Интерес представляет вывод автора о том, что добровольность не может рассматриваться в качестве признака публичных услуг: последние связаны именно с реализацией или подтверждением наличия прав граждан в конкретной сфере общественных отношений, выступают формой (способом) та-

кой реализации (подтверждения), но не связаны с возникновением таких прав (с. 24).

Автор, развивая деятельностный подход к соотношению правоохраны и правозащиты (который, как представляется, не универсален, т.к. не охватывает правотворчество как построение системы нормативно-регулятивных средств, направленных на охрану прав и законных интересов, среди которых есть средства, специально ориентированные на их защиту, но вполне «работоспособны» на уровне реализации права), формулирует интересный вывод о том, что «объективные противоречия между правоохранительным и правозащитным началами в обеспечении права вызывают к жизни разнообразные формы юридического содействия реализации прав и законных интересов конкретного гражданина» (с. 59–67).

Вторая глава посвящена анализу доступности публичных юридических услуг и публичной юридической помощи. В. Ю. Панченко удалось сформулировать оригинальные теоретические положения и практические рекомендации по совершенствованию доступности публичных форм юридического содействия реализации прав и законных интересов

Доступность публичных юридических услуг и публичной юридической помощи понимается автором как фактическая интегрирующая характеристика состояния систем публичных юридических услуг и публичной юридической помощи в государстве в целом, его отдельных регионах и муниципальных образованиях по характеру и степени сложности, трудоемкости, затратности обращения за публичной юридической услугой и публичной юридической помощью (с. 72), которая складывается из видов (территориальная, институциональная, включающая организационную и временную, инфраструктурная, субъектная, информационная, финансовая и др.), выступающих затем в качестве основных показателей доступности.

На основе имеющихся в литературе подходов к мониторингу реализации прав человека автором предложена методика оценки доступности публичных юридических услуг и публичной юридической помощи (с. 107–114), приведенные результаты ее апробации применительно к информационной доступности публичной юридической помощи на основе контент-анализа интернет-ресурсов (с. 144–148).

Нельзя не согласиться с автором в том, что условием объективности мониторинга доступности публичных форм юридического содействия реализации прав и законных интересов является отсутствие у субъекта, его осуществляющего, «прямых ведомственных интересов в интерпретации его результатов» (с. 121); перспективным представляется внедрение общественно-государственных принципов организации мониторинга (автором предлагается возложение соответствующих функций на Ассоциацию юристов России и ее региональные отделения, что, однако, не исключает возможность привлечения и иных институтов гражданского общества к этой процедуре).

В заключении приведены основные выводы, которые в своей совокупности демонстрируют научную новизну рецензируемого сочинения.

В целом высоко оценивая проведенное исследование, полагаем необходимым указать на отдельные спорные моменты, высказать замечания и поставить вопросы, не влияющие на принципиальную положительную оценку работы, но способные выступить конструктивно-критическими пожеланиями.

По мнению автора, «сама по себе деятельность органов публичной власти, а также учреждений и организаций, которым делегированы полномочия по предоставлению публичных услуг, в содержательном плане остается неизменной как в понятийном поле “сервисного государства”, так и вне его — это правоприменительная деятельность — деятельность по рассмотрению обращения гражданина и принятия по нему индивидуального решения» (с. 16), имеет место желание «современных государств изменить внешние параметры социально-правового взаимодействия с личностью, обществом; укрепить в массовом сознании населения социальную направленность деятельности государственных органов и органов местного самоуправления; подчеркнуть зависимость действий и решений последних от потребностей и интересов людей, их групп и объединений» (с. 16). Однако одновременно автор пишет о том, что «несмотря на неизменность деятельности публичных властных структур в рамках смыслового поля “сервисного государства” и вне его, понятие “публичные услуги” имеет свое собственное содержание, отражает особые качества государственной и муниципальной деятельности, прежде всего, в аспекте взаимодействия с гражданами и организациями» (с. 20). Нет ли противоречия между приведенными выводами?

Думается, что некоторое противоречие есть в положении о том, что общественный уровень инфраструктурной доступности рассматривается как «степень трудности (легкости) получения публичных юридических услуг и публичной юридической помощи (в принципе» (с. 78), хотя несколько выше по тексту отмечалось, что «доступность публичных юридических услуг и публичной юридической помощи — характеристика конкретная: невозможно вести речь о доступности публичных юридических услуг и публичной юридической помощи в принципе, вообще» (с. 72).

Представляется, что работа выиграла бы от сравнительно-правового анализа терминологии, применяемой в рамках предмета исследования в государствах, имеющих большой опыт внедрения концепции «сервисного государства» (так, например, для более точной интерпретации соотношения целей и интересов в публичных услугах имеют значение смысловые оттенки используемых для их обозначения близких англоязычных понятий «public service» и «service of general interest»).

Требуют конкретизации в плане правовых оснований и порядка реализации положения об «инициативе конкретного персонифицированного получателя» публичных форм юридического содействия реализации прав и законных интересов (с. 26), положения об ответственности за последствия правового информирования (с. 43).

К сожалению, рассматривая вопросы доступности публичных форм юридического содействия реализации прав и законных интересов и предлагая меры по их совершенствованию, автор воздерживается от предложений о внесении соответствующих изменений в нормативные акты в этом направлении.

В целом в работе В. Ю. Панченко предпринята успешная попытка теоретико-прикладного осмысления публичных форм юридического содействия реализации прав и законных интересов, книга будет полезной юристам, работникам органов государственной власти и местного самоуправления, преподавателям, аспирантам, студентам и всем заинтересованным читателям.

Корбут Л. В.
ОБЗОР ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ
АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ РОССИИ (15 АПРЕЛЯ 2014 г.)

Обзор посвящен заседанию Комиссии по международному праву Ассоциации юристов России в рамках круглого стола 15 апреля 2014 г. на тему: «Евразийская интеграция и международное право». В рамках этого заседания были рассмотрены вопросы евразийской интеграции, согласования валютной политики на территории бывшего Союза Советских Социалистических Республик, международно-правового регулирования иностранных инвестиций и т.д.

Ключевые слова: Комиссия по международному праву, Ассоциация юристов России, круглый стол, евразийская интеграция.

Korbut L. V.
REVIEW OF THE MEETING OF THE INTERNATIONAL LAW COMMISSION
OF THE ASSOCIATION OF LAWYERS OF RUSSIA (APRIL 15, 2014)

Review is devoted to the meeting of the International Law Commission of the Association of Lawyers of Russia at the round table on April 15, 2014 on the theme: «Eurasian integration and international law». As part of this meeting issues of Eurasian integration, coordination of monetary policy in the former Soviet Union, the international legal regulation of foreign investments, etc. were discussed.

Keywords: International Law Commission, the Association of Lawyers of Russia, round table, the Eurasian integration.

Корбут Л. В.

15 апреля 2014 г. в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации состоялось заседание Комиссии по международному праву Ассоциации юристов России в рамках круглого стола на тему: «Евразийская интеграция и международное право».

В заседании приняли участие представители Российской ассоциации международного права, Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Института государства и права Российской академии наук, Российского университета дружбы народов, Всероссийской академии внешней торговли и других учреждений.

Открыл заседание Председатель Комиссии по международному праву Ассоциации юристов России, Руководитель департамента международного и частного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации доктор юридических наук, профессор А. Я. Капустин.

В своем докладе «Международно-правовые проблемы евразийской интеграции» он отметил, что вопросы евразийской интеграции и международного права приобретают все большую актуальность.

Затем докладчик обратился к фундаментальным вопросам евразийской интеграции в свете международного права. Так, корни евразийства идут от славянофилов, которые считали, что славяне могут образовать единое государство. Евразийцы конца XIX в. сместили акцент с этнического принципа. С их точки зрения, евразийская интеграция может осуществляться на основе единства территории, на которой проживают народы. В основе евразийской интеграции должны лежать интересы совместного проживания, совместной истории.

В XIX в. в Европе интеграционные процессы привели к созданию некоторых государств. Однако конфедеративная модель интеграции является наилучшей.

На современном этапе существует ряд препятствий на пути евразийской интеграции. Так, национальное законодательство государств сильно отличается друг от друга.

В связи с этим вызывает интерес изучение опыта европейской интеграции. В частности, европейская интеграция основана на концепции сообщества, а не международной организации. Европейский союз изначально поставил цель сформировать новый международный правопорядок. С 1960 г. по настоящее время право Европейского союза представляет собой принципиально новый правопорядок, отличающийся как от между-

народного, так и от внутригосударственного права. Это связано с тем, что международное право основано на принципе взаимности. Право Европейского союза — это право закрытого объединения, которое предоставляет взаимные права и обязанности только членам Европейского союза. Поэтому Европейский союз не соблюдает принцип взаимности в отношении других государств, которые не входят в его состав.

Однако в настоящее время Европейский союз вышел за рамки экономической интеграции. Началась политическая и военная интеграция государств Европейского союза.

При этом право Европейского союза придерживается позиции, согласно которой международное право устаревает и не отвечает требованиям современности.

В связи с этим России при создании Евразийского союза необходимо учитывать концепцию наднациональности. Важно также принимать во внимание роль международного права в евразийской интеграции.

При этом евразийской интеграции препятствуют некоторые экономические особенности стран постсоветского пространства. Так, следует иметь в виду, что на территории бывшего Союза Советских Социалистических Республик отсутствует симметричный подход к регулированию рынка товаров. Эта ситуация сложилась исторически. В России на рынке нефти и газа действуют естественные монополии. Поэтому структура российского рынка имеет существенные особенности по сравнению с другими странами.

Изменить внутреннюю российскую структуру экономики даже в целях успешной евразийской интеграции в краткосрочной перспективе не представляется возможным.

В рамках Евразийской экономической комиссии заключен ряд договоров. Однако проблема заключается в том, что в настоящее время отсутствует единая концепция реализации таких функций Евразийской экономической комиссии, как функции поддержания законности, обеспечения соблюдения договоров, мониторинга и контроля за соблюдением международных обязательств государствами.

Многие соглашения настолько мягко формулируют обязательства государств действовать в той или иной сфере, что делают отсылки к национальному законодательству. Поэтому необходимо совершенствовать содержание международных договоров, регулирующих различные аспекты евразийской интеграции.

Следует иметь в виду, что право Всемирной торговой организации действует по отношению к праву Евразийского экономическо-

го союза как общее право по отношению к частному правопорядку. Представляется, что для улучшения положения России необходимо устранить упоминания Всемирной торговой организации из соглашений в рамках Евразийского экономического союза.

Доцент кафедры международного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации В. В. Кудряшов выступил на тему: «К вопросу об участии Российской Федерации в международных проектах по согласованию валютной политики на территории бывшего Союза Советских Социалистических Республик».

Выступающий обратил внимание на то, что Российская Федерация принимает участие в самых разных международных объединениях: Содружестве Независимых Государств, Таможенном союзе и т. д. Эти объединения отличаются и по правовой базе, и по основаниями взаимодействия.

Соглашения в рамках Содружества Независимых Государств и Таможенного союза часто дублируют друг друга. Многие соглашения носят несколько декларативный характер. Государства стремятся проводить свои собственные, независимые друг от друга валютные политики. Отсутствуют соглашения о проведении совместной валютной политики между Центральными Банками Российской Федерации, Казахстана и Белоруссии. В настоящее время у государств на постсоветском пространстве нет мотивации поступаться своим экономическим суверенитетом.

Одним из препятствий на пути согласования валютной политики на территории бывшего Союза Советских Социалистических Республик является недостаточное отслеживание исполнения соглашений.

Отслеживанием исполнения соглашений на территории бывшего Союза Советских Социалистических Республик могла бы заняться Евразийская экономическая комиссия. При этом вся нормативно-правовая база интеграционного пространства должна быть легко доступна.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации И. А. Шулятьев выступил на тему: «Общий международно-правовой анализ отдельных положений проекта Договора о Евразийском экономическом союзе в редакции от 7 апреля 2014 г.».

Выступающий отметил, что евразийская интеграция актуальна для государств в силу необходимости сохранения их собственной идентичности.

В настоящее время на территории Российской Федерации, Казахстана и Белоруссии создается единый рынок товаров и капиталов. Однако в проекте Договора о Евразийском экономическом союзе в редакции от 7 апреля 2014 г. (далее — проект Договора о Евразийском экономическом союзе) предусмотрены некоторые исключения для отдельных видов товаров, что в некоторой степени осложняет евразийскую интеграцию. Например, в проекте Договора о Евразийском экономическом союзе делается оговорка о том, что в отношении нефти и газа будет вынесено отдельное решение.

Передвижение товаров будет регулироваться на наднациональном уровне, что предполагает единое таможенное регулирование в Евразийском союзе.

Согласно ст. 52 проекта Договора о Евразийском экономическом союзе государства — члены Евразийского экономического союза осуществляют координацию в сфере торговли услугами в отношениях с третьими странами. При этом проведение скоординированной политики не означает наднациональной компетенции Евразийского экономического союза в этой сфере.

В отношении торговли между государствами-членами Таможенного союза в силу п. 1 ст. 45 проекта Договора о Евразийском экономическом союзе может действовать положение о том, что во взаимной торговле товарами государства вправе применять ограничения, при условии, что такие меры не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли и необходимы для выполнения международных обязательств.

В связи с этим возникает вопрос о том, какие международные обязательства могут служить основанием для применения ограничений во взаимной торговле товарами на территории Евразийского экономического союза.

Выступающий обратил внимание на то, что это положение дает государствам возможность в будущем изменять Договор о Евразийском экономическом союзе, ссылаясь на необходимость выполнения международных обязательств. Сами нормы проекта Договора о Евразийском экономическом союзе ставятся на второе место.

В основе формирования нормативно-правовой базы единого экономического пространства Таможенного союза лежит принцип приоритета норм и правил Всемирной торговой организации над нормами и правилами единого экономического пространства.

Согласно ст. 48 проекта Договора о Евразийском экономическом союзе в отношении внешней торговли товарами применяется режим наибольшего благоприятствования в понимании ст. I Генерального соглашения по тарифам и торговле Всемирной торговой организации 1994 г.

Однако ст. I в Генеральном соглашении по тарифам и торговле Всемирной торговой организации 1994 г. нет, что может быть связано с редакционной ошибкой.

Режим наибольшего благоприятствования понимается по-разному. В связи с этим возможно возникновение вопросов и в правоприменительной практике. Могут также возникнуть трудности в понимании и применении положений о режиме свободной торговли. Так, ст. 49 проекта Договора о Евразийском экономическом союзе устанавливает, что при определении понятия режима свободной торговли товарами, необходимо руководствоваться статьей XXIV Генерального соглашения по тарифам и торговле.

Анализ проекта Договора о Евразийском экономическом союзе позволяет сделать вывод о том, что он нуждается в совершенствовании с учетом положений международного права. От качества правовых норм проекта Договора о Евразийском экономическом союзе зависит качество самой евразийской интеграции.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российской Федерации доктор наук О. Р. Гусейнов в своем выступлении рассмотрел некоторые международно-правовые аспекты участия Азербайджана в евразийской интеграции.

Так, он отметил, что в 2012 г. была обнародована информация о том, что самый крупный покупатель российских газелей на постсоветском пространстве — это Азербайджан.

Препятствием для вступления Азербайджана в Евразийский экономический союз являются опасения потери своего экономического суверенитета. Азербайджан также опасается потерять свою монополию на сельскохозяйственные товары.

Доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации А. Г. Богатырев выступил с сообщением о международно-правовом регулировании иностранных инвестиций в свете евразийской интеграции. В прошлом Союз Советских Социалистических Республик более активно регулировал процессы экономической интеграции. В настоящее время перспективы евразийской интеграции в значительной степени зависят от состояния экономик государств.

Для успешной евразийской интеграции в инвестиционном законодательстве государств должны быть единые тенденции. Наилучшая форма иностранных инвестиций — это совместные предприятия. России необходимо более активно развивать собственное производство.

Закрывая заседание, доктор юридических наук, профессор, председатель Комиссии по международному праву Ассоциации юристов России, Руководитель департамента международного и частного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации А. Я. Капустин поблагодарил участников за выступления и подвел итоги работы круглого стола.

Абашидзе А. Х., Гугунский Д. А., Солнцев А. М.

БЛИЩЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2014

XII ЕЖЕГОДНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА», ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА И.П. БЛИЩЕНКО (Г. МОСКВА, 11–12 АПРЕЛЯ 2014 Г.)

Abashidze A. H., Gugunskiy D. A., Solntsev A. M.

BLISCHENKO CONFERENCE 2014

XII ANNUAL INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE «CURRENT ISSUES IN INTERNATIONAL LAW», DEVOTED TO THE MEMORY OF PROFESSOR I.P. BLISCHENKO (MOSCOW, APRIL 11–12, 2014)

The Department of International Law, Law Faculty, Peoples' Friendship University of Russia has organized the 12th Annual International Conference 'Current Issues in International Law' which was held on April 11–12, 2014 at Peoples' Friendship University of Russia (Moscow). The plenary session was dedicated to 90-years anniversary of Honorary Director of IISL Prof. Dr. Gennady P. Zhukov. At the plenary session were anticipated the reports by the prominent professors from foreign universities, experts of the UN system, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, ROSCOSMOS, chairs of the leading international law departments of Russia, representatives of international organizations, institutions of the Russian Academy of Sciences, etc. The work of the Conference was carried out through a number of sections. The main audience of the Conference were students, Ph.D students and young scientists. All materials of the Conference will be published by the following Conference to be held in April 2015.

**Открытие Блищенковских чтений.
Официальное чествование профессора Г.П.Жукова**

11 апреля 2014 г. состоялось открытие XII-ой ежегодной международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права» (Блищенковские чтения). Пленарное заседание конференции было посвящено 90-летию Заслуженного юриста Российской Федерации, ветерана ВОВ, д. ю. н., проф. Геннадия Петровича Жукова. С приветственной речью заседание открыл заведующий кафедрой международного права РУДН, член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, д. ю. н., профессор Аслан Хусейнович Абашидзе, который сообщил, что на конференцию зарегистрировалось 465 участников, фактически на конференцию прибыло 349 человек, при этом с докладами — 260 человек из них 30 докторов

наук, 68 кандидатов наук из более чем 50 университетов. Высокий уровень конференции подтвердился присутствием на ней ведущих отечественных ученых-профессоров: Абайдельдинов Ербол Мусинович, Абдуллин Адель Ильсиярович, Ашавский Борис Матвеевич, Батырь Вячеслав Анатольевич, Бежашев Камиль Абдулович, Валеев Револь Миргалимович, Жуков Геннадий Петрович, Каламкарян Рубен Амаякович, Карташкин Владимир Алексеевич, Копылов Михаил Николаевич, Котляр Владимир Семёнович, Малеев Юрий Николаевич, Матвеева Татьяна Дмитриевна, Мингазов Ленарис Харисович, Моисеев Алексей Александрович, Муромцев Геннадий Илларионович, Мухамадиев Даврон Мансурович, Раджабов Саитумбар Адинаевич, Ромашев Юрий Сергеевич,

Стародубцев Григорий Серафимович, Татаринцев Василий Михайлович, Фархутдинов Инсур Забинович, Шалагин Дмитрий Дмитриевич, Черниченко Станислав Валентинович и Эрнесто Рэй Кантор.

Проректор РУДН по научной работе, д.филос.н., проф. Нур Серикович Кирабаев вручил юбиляру грамоту от ректората, зачитал поздравительный адрес ректора РУДН акад. В. М. Филиппов и приказ о премировании проф. Г. П. Жукова. Декан юридического факультета РУДН, д.ю.н., проф. Виктор Федорович Понька поздравил от имени юридического факультета юбиляра и вручил ему ценный подарок. Заместитель Руководителя Федерального космического агентства (Роскосмос) Сергей Валентинович Савельев зачитал поздравление Г. П. Жукову от Роскосмос, вручил юбиляру нагрудный знак «За международное сотрудничество в области космонавтики». В своем выступлении С. В. Савельев отметил следующее: «В начале этого года увидел свет долгожданный учебник «Международное космическое право» под редакцией профессора Жукова и профессора Абашидзе¹.

Этот фундаментальный труд является первым учебником по космическому праву в нашей стране, изданным в двадцать первом веке». Сотрудник МИД России А. А. Багдатева зачитала приветствие Директора департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России Викторова Анатолия Дмитриевича. С приветственным словом выступил старший советник по правам человека при системе ООН в РФ Ришард Коменда. Глава Регионального Представительства Международной Федерации Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца в России, д.мед.н. Мухамадиев Даврон Мансурович в своем выступлении сообщил участникам конференции о новации в деятельности возглавляемой им организации, выражающейся в проведении впервые в СНГ в рамках Блищенковских чтений модели заседания Генеральной Ассамблеи Международной Федерации Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. От имени Российской ассоциации международного права (РАМП) поздравительный адрес зачитала секретарь РАМП к.ю.н. Людмила Васильевна Корбут. Исполнительный директор Международной организации космической связи «Интерспутник» Вещунов Виктор Сергеевич в своей речи тепло отозвался о многолетней дружбе с проф. Г. П. Жуковым, о совместных публикациях и напомнил присутствующим о том, что Геннадий Петрович стоял у истоков создания международной организации «Интер-

спутник». В. С. Вещунов в своей речи отметил подписание договора о сотрудничестве между РУДН и Интерспутник, выразил желание принять участие в случае переиздания учебника «Международное космическое право». В. С. Вещунов вручил юбиляру почетную грамоту МОКС «Интерспутник».

Поздравительное слово юбиляру Исполнительного директора Международной организации космической связи «Интерспутник» Вещунова В. С.

Генеральный секретарь Международного агентства общественной безопасности (Женева, Швейцария), к.ю.н. Джантаев Хасан Магомедович поздравил профессора Г. П. Жукова с юбилеем, вручил нагрудный знак от Агентства и денежную премию.

Особую признательность Г. П. Жукову за вклад в образование в сфере международного права и подготовку высококвалифицированных кадров для развивающихся стран выразили: Чрезвычайный и Полномочный Посол Доминиканской Республики в Российской Федерации г-н Хорхе Луис Перес Альварадо, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Кения в Российской Федерации, к.ю.н. г-н Пауль К. Кургат, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Судан в Российской Федерации г-н Омер Дахаб Ф. Мохамед и Советник Посольства государства Палестина в Российской Федерации г-н Миари Халед. Космонавт-испытатель отряда космонавтов Роскосмоса Олег Викторович Новицкий отметил в своем выступлении большое значение науки космического права в деле мирного освоения космического пространства и вклад проф. Жукова в формирование отечественной науки космического права.

Присутствующие на пленарном заседании с большим интересом посмотрели видеообращения Президента Европейского центра космического права, доктора права г-н Серджио Маркизио (Римский университет «Ля Сапиенца») и профессора, д.ю.н. Джекебаева Узыке Сикунбаевича (Казахстан), который учился в аспирантуре вместе с Г. П. Жуковым в Институте государства и права СССР. Заведующий кафедрой международного права Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева (ЕНУ им. Л. Н. Гумилева), д.ю.н., профессор Ербол Мусинович Абайдельдинов зачитал поздравление ректора ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, проф., д. ист. н., академика Ерлана Батташевича Сыдыкова.

На пленарном заседании с приветственными словами выступили: заведующий кафедрой международного и европейского права Казанского федерального университета, д.ю.н., профессор Аделъ Ильсиярович Абдуллин, заведующий кафедрой международного права Московского государствен-

¹ Международное космическое право: учебник / под ред. Г. П. Жукова, А. Х. Абашидзе. — М: РУДН, 2014. — 524 С.

Круглый стол «Международно-правовые проблемы в Африке»

ного университета имени М. В. Ломоносова, проф. Алексей Станиславович Исполинов, декан факультета международного права Дипломатической академии МИД России, д. ю. н., профессор Алексей Александрович Моисеев.

Главный редактор «Евразийского юридического журнала» д. ю. н., главный научный сотрудник Института государства и права РАН Инсур Забиринович Фархутдинов в своем выступлении сообщил, что в очередном номере возглавляемого им журнала выходит обширное интервью юбиляра².

Ведущий пленарное заседание проф. А. Х. Абашидзе огласил список научных журналов, в которых уже были опубликованы поздравления Г. П. Жукову: «Вестник РУДН. Юридические науки»³, «Государство и право»⁴, «Молдавский журнал международного права и отношений»⁵, «Московский журнал международного права»⁶, «Украинский журнал международного права»⁷. Профессор А. Х. Абашидзе зачитал перечень полученных по почте поздравлений в адрес Г. П. Жукова от: Чрезвычайного и полномочного посла России в Великобритании, д. ю. н., проф., Александра Владимировича Яковенко, бывшего аспиранта Г. П. Жукова, а ныне проф. Университета Кот-д'Ивуар, к. ю. н. Йео Адама, Президента Международного института космического права Тани Массон Свансон, Директора правового отдела Европейского космического агентства Марко Феррацани, Президента французской ассоциации космического права Армея Керреста, проф. Франца вон дер Дунка (University of Nebraska-Lincoln, College of Law), австрийского проф. Эрнста Фазана,

Президента Комитета по космическому праву Ассоциации международного права и Президента Института по воздушному и космическому праву Кельнского университета д. ю. н., проф. Стефана Хобе, проф. Джонатана Галловэй, проф. из Вирджинии Джоржа Робинсона, коллег Института законодательства и сравнительного правоведения (ИЗИСП), Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), члена Конституционного Суда Армении, Председателя Армянской ассоциации международного права д. ю. н. В. Оганесяна, а также от д. ю. н., проф., члена Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан Марата Алдангоровича Сарсембаева. Пленарное заседание завершилось прочтением стихов проф. Ю. Н. Малеева в адрес юбиляра и общим фотографированием.

После обеда «Блищенковские чтения» проходили в следующих форматах: круглый стол «Современные проблемы международного космического и воздушного права», круглый стол «Международно-правовые проблемы в Африке» (в рамках гранта РГНФ № 12–33–01428), секция «Международная защита прав человека: универсальный уровень», секция «Интеграционные процессы и международное право», секция «Международно-правовое регулирование миграции», секция «Международное гуманитарное право», секция «Международное уголовное право», секция «Международное экологическое право» (проводилась совместно с кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина), секция «Международное публичное право: общая часть, особенная часть».

12 апреля 2014 г. в рамках XII Блищенковских чтений под эгидой кафедры международного права РУДН, Регионального Представительства Международной Федерации Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца в г. Москве и Российского Красного Креста прошла учебная сессия «Модель Генеральной Ассамблеи Международной Федерации Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (МФОКК и КП)». Модель проходила на английском языке, в заседании приняли участие студенты и аспиранты кафедры международного права РУДН.

Генеральная Ассамблея является высшим органом МФОКК и КП, в состав которой входят представители всех 189 Национальных обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Целью учебной сессии является распространение

2 Солнцев А. М. интервью с Жуковым Г. П. "Служу космическому праву России!" // Евразийский юридический журнал. — М: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, 2014, № 4. — С. 7–10.

3 Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Геннадию Петровичу Жукову — 90 лет! // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 1. С. 279–281.

4 Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Геннадию Петровичу Жукову — 90 лет! // Государство и право. — М: Наука, 2014, № 4. — С. 125–126.

5 Верещетин В. С., Абашидзе А. Х., Буриан А., Солнцев А. М. Юбилей профессора Г. П. Жукова // Молдавский журнал международного права и международных отношений. — Кишинев: ElanPoligraf, 2014, № 1. — С. 235–237

6 Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Юбилей профессора Г. П. Жукова // Московский журнал международного права. 2014, № 1. — С. 249–252.

7 Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Юбилей профессора Г. П. Жукова // Украинский журнал международного права. 2014, № 1. (URL: <http://jusintergentes.com.ua/index.php?lang=ru>)

основополагающих принципов Международного Движения Красного Креста и Красного Полумесяца среди молодежи и их ознакомление с принципами работы Генеральной Ассамблеи МФОКК и КП, механизмами разработки и принятия резолюций.

В учебной модели приняли участие студенты магистерской программы «International protection of human rights», преподаваемой на английском языке, и аспиранты кафедры международного права РУДН в качестве представителей национальных обществ Албании (Редион Дули), Бангладеша (Можер Моаммадула), Бурунди (Жан-Батист Букуру), Камбоджи (Ки Сокли), Китая (Ло Лань), Хорватии (Дмитрий Воробьев), Эквадора (Луис Антонио Сильва Акоста), Грузии (Кристина Кебурия), Нигерии (Айотунде Анатолий Адевон), Ирака (Виждан, Alfaza Wijdan Rahan Khudhair), Российской Федерации (Михаил Морозевский), Сербии (Ивана Петкович), Испании (Алена Салькина), Турции (Шамсия Гулиева), Украины (Карина Рубанович), а также наблюдателей — Лили Нджери Ндженга и Рэймонд Экпободо.

В состав Президиума Генеральной Ассамблеи вошли Председатель МФОКК и КП (Александра Конева), Председатель Международного Комитета Красного Креста (Ника Бузаладзе) и Генеральный Секретарь МФОКК и КП (Александра Павлова).

Участники обсуждали следующие вопросы, вошедшие в повестку дня Генеральной Ассамблеи: уважение и защита медицинской службы в условиях вооруженного конфликта и других ситуаций насилия; усиление нормативной базы в отношении смягчения, реагирования и восстановления в случае стихийных бедствий.

Итогом заседания Генеральной Ассамблеи МФОКК и КП стало принятие двух резолюций: «Медицинские работники и учреждения под угрозой: уважение и защита медицинской службы в условиях вооруженного конфликта и других ситуаций насилия»; «Укрепление нормативной базы и устранение нормативно-правовых барьеров в отношении смягчения, реагирования и восстановления в случае стихийных бедствий».

По результатам мероприятия организаторы решили разработать Руководство по проведению учебной сессии «Модель Генеральной Ассамблеи Международной Федерации Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (МФОКК и КП)» в целях распространения накопленных знаний и опыта в области организации указанной Модели в странах СНГ, что позволит повысить интерес молодого поколения к гуманитарной деятельности и привлечь больше добровольцев в ряды волонтеров Красного Креста и Красного Полумесяца.

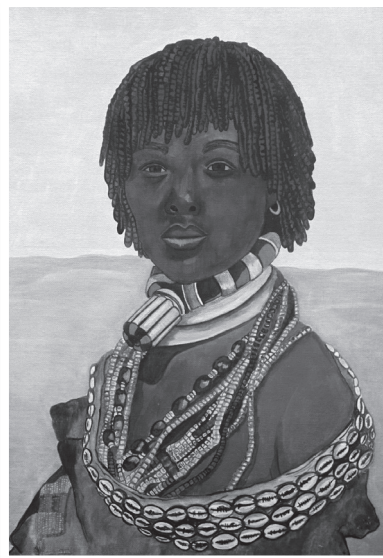

Во второй день конференции мероприятия проходили в рамках круглого стола «Гендерные аспекты международно-правовой защиты традиционных ценностей» (в рамках гранта РГНФ № 14-33-01040), круглого стола «Международное спортивное право» (проводился совместно с кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина) и следующих секций: «Международное право и вызовы XXI века»; «Международная защита прав человека: региональный уровень»; «Международное экономическое право» и «Международные отношения: формирование международных режимов» (проводился совместно с кафедрой теории и истории международных отношений РУДН).

Послеокончания пленарного заседания профессор А. Х. Абашидзе подвел итоги конференции. Он особо отметил, что 11 апреля во время заседания круглого стола «Международно-правовые проблемы в Африке» состоялась тематическая выставка картин выпускницы кафедры международного права РУДН Анастасии Поповой. На закрытии конференции художница А. Попова преподнесла в дар кафедре картину «Африканка».

Дочь Игоря Павловича Блищенко, доцентка феды международного права РУДН Варвара Игоревна Блищенко вручила дипломы студентам и аспирантам за лучшие выступления. По итогам конференции традиционно будет выпущен сборник выступлений участников.

В связи с увеличением числа участников конференции и новыми требованиями Министерства образования и науки РФ «Блищенковские чтения XIII» пройдут 10-11 апреля 2015 г. в формате «Международный научно-практический конгресс «Блищенковские чтения»». Добро пожаловать!

«Картина Африканка»

Итоги Блищенковских чтений

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1–132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адрес eurasialaw@mail.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 10 pt шрифт Palatino Linotype через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора 10 pt полужирным шрифтом Palatino Linotype через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Palatino Linotype через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Palatino Linotype 10 pt, курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Palatino Linotype 10 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Palatino Linotype 10 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сноска — 8 pt Palatino Linotype через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (< в угловых скобках >), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Palatino Linotype 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG) или TIFF.
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Предоставление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, Вице-председатель Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам

АВДЕЕВА Лариса Валерьевна – аспирантка кафедры уголовного права и процесса Института экономики, управления и права Российской государственного гуманитарного университета

АЗАНОВ Берик Куралбаевич – аспирант Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета

АМИНОВА Гульшат Галимьяновна – аспирант факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

АНАНИДЗЕ Фридон Ревазович – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского университета дружбы народов

БИМБИНОВ Арсений Александрович – аспирант кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

БУТЕРА Владислав Евгеньевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Уфимского государственного нефтяного технического университета

БУХАРОВ Михаил Яковлевич – аспирант юридического факультета Университета Управления «ТИСБИ»

ВИНОГРАДОВА Наталья Викторовна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета

ВЯЗЕМСКАЯ Анна Александровна – аспирант кафедры уголовного права Московского Государственного Юридического Университета им. О. Е. Кутафина

ГЕРШИНКОВА Динара Александровна – аспирант кафедры международного права международно-правового факультета Всероссийской академии внешней торговли

ГИНДУЛЛИН Наиль Фанильевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГУТУНСКИЙ Денис Андреевич – соискатель кафедры международного права Российского университета дружбы народов

ДАНЕЛЬЯН Андрей Андреевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного права Дипломатической академии МИД РФ

ДЕМЕНИШИН Андрей Витальевич – аспирант кафедры теории государства и права Юридического института Сибирского Федерального Университета

ДЖАНТАЕВ Хасан Магомедович – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Совета по изучению производительных сил (СОПС) РАН

ЕГОРОВ Владимир Сергеевич – советник заместителя президента ЗАО АКБ «НОВИКОМБАНК», г. Москва

ЗИГАНШИНА Аида Мансуровна – соискатель кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета.

ЗОРИН Роман Георгиевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (Республика Беларусь)

ИГБАЕВА Гузель Римовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России

КАРИМОВА Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, член Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».

КОРБУТ Людмила Васильевна – заместитель председателя Комиссии по международному праву Ассоциации юристов России

КРИЖУС Игорь Константинович – ассистент кафедры теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

КРОПОВА ТАИСА Андреевна – аспирант кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета

ЛЕГОСТАЕВА Виктория Викторовна – соискатель кафедры теории и истории права и государства Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ЛОГИНОВА Анастасия Сергеевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

МАЛЬКО Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН

МОЗГОВАЯ Нелли Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета

МОЛЧАНОВ Борис Алексеевич – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Российского университета дружбы народов

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович – Доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина

ПОСУЛИХИНА Наталья Семеновна – аспирант кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

СЕМЕНОВА Наталия Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского университета дружбы народов

СМИРНОВА Елена Станиславовна – кандидат юридических наук, заместитель Председателя руководящего Совета по региональным связям Международного общественного движения «Российская служба мира»

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, зам. заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов

СУЛЕЙМАНОВА Лена Шагидулловна — доктор исторических наук, профессор кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета

СУЛТАНОВА Эльвира Мунировна — аспирант кафедры теории и истории государства и права Института Права Башкирского государственного университета

ТОЛКАЧЕВ Константин Борисович — доктор юридических наук, профессор, Председатель Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан

ТОЛСТЫХ Владислав Леонидович — доктор юридических наук, заведующий кафедрой международного права Новосибирского государственного университета

ТРЕТЬЯКОВ Алексей Владимирович — соискатель кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета

ТРОЦЕНКО Константин Викторович — аспирант кафедры теории права и гражданско-правового образования, Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович — доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН

ФЕСИК Петр Юрьевич — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры судебной экспертизы юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

ФРОЛОВА Анна Павловна — соискатель кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета

ШАКИРОВА Эльвира Венеровна — преподаватель кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета

ШАНГИНА Татьяна Николаевна — магистр юриспруденции, Главный специалист Департамента трейдинга газа и продуктов переработки газа ОАО «НК «Роснефть»

ЮНУСОВ Абдулжабар Агабалаевич — доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России

ЮНУСОВ Самур Абдулжабарович — преподаватель-методист юридического факультета Академии ФСИН России

ЮНУСОВ Эмзари Абдулжабарович — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России

ЯМАЕВА Альмира Ильдаровна — аспирант кафедры государственного права Башкирского государственного университета

- ABASHIDZE Aslan Huseynovich** – Doctor of Law, Professor, Head of the International Law Department of the Russian Peoples' Friendship University, Vice-Chairman of the UN Committee on economic, social and cultural rights
- AMINOVA Gulshat Galimyanovna** – postgraduate student of Law faculty National Research University «The Higher School of Economics»
- ANANIDZE Fridon Revazovich** – Dr (candidate) of Law, associate professor of international law of the Russian university of friendship of the people
- AVDEEVA Larisa Valerjevna** – postgraduate student of chair of Criminal law and procedure of the Institute of economics, management and law, Russian State Humanitarian University
- AZANOV Berik Kuralbaevich** – postgraduate student of the Saint-Petersburg state University Architecture and Civil Engineering
- BIMBINOV Arsenij Alexandrovich** – postgraduate student of chair of criminal law of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
- BUGERA Vladislav Evgenjevich** – Dr of Philosophy, Professor of chair of Philosophy of the Ufa State Petroleum Technical University
- BUHAROV Mikhail Yakovlevich** – postgraduate student of Law Faculty University of Administration «TISBI»
- DANELYAN Andrei Andreevich** – Dr (candidate) of Law, Associate Professor of Private International Law of the Diplomatic Academy of the Russian Federation
- DEMENISHIN Andrey Vitalievich** – postgraduate student of chair of Theory of state and law, Law Institute of the Siberian Federal University
- DZHANTAEV Khasan Magomedovich** – Dr (Candidate) of Law, leading research scientist of Council for the Study of productive Forces (CSPF) of RAS
- EGOROV Vladimir Sergeevich** – Counsel to deputy president of CJSC JSCB «NOVIKOMBANK», Moscow
- FARKHUTDINOV Insur Zabirovich** – Doctor of Law, Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the Eurasian Law Journal.
- FESIK Petr Yuryevich** – Dr (candidate) of Law, teacher of chair of legal expertise of Faculty of law of the National Research University of Nizhny Novgorod n.a. Lobachevsky
- FROLOVA Anna Pavlovna** – postgraduate student of chair of International and European law Kazan (Volga) Federal University
- GERSHINKOVA Dinara Alexandrovna** – postgraduate student of chair of International law of International law faculty of the Russian Academy of Foreign Trade
- GINDULLIN Nail Faniljevich** – Dr (candidate) of Sociology, Associate professor of chair of Political science, sociology and public relations of the Ufa State Petroleum Technical University
- GUGUNSKIY Denis Andreevich** – Postgraduate student of chair of International Law Peoples' Friendship University of Russia
- IGBAEVA Guzel Rimovna** – Dr (candidate) of Law, Associate professor of chair of Civil disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
- KARIMOVA Gulnaz Yurisovna** – Dr (candidate) of Law, teacher of chair of Criminal process of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, member of all-Russian public organization «Association of lawyers of Russia»
- KORBUT Ludmila Vasilievna** – Deputy Chairman of the International Law Commission of the Association of Lawyers of Russia
- KRIZHUS Igor Konstantinovich** – assistant of chair of Theory of state and law, Law Institute of the Siberian Federal University
- KROPOTOVA Taisa Andreevna** – postgraduate student of chair of International and European law Kazan (Volga) Federal University
- LEGOSTAEVA Viktoriya Viktorovna** – applicant of chair of Theory and history of law and state North-West management institute of the Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation
- LOGINOVA Anastasia Sergeevna** – Dr (candidate) of Law, senior lecturer of chair constitutional and administrative law National research university «Higher school of economics»
- MALKO Alexander Vasilievitch** – Doctor of Law, Professor, Director of Saratov branch of the Institute of State and Law of RAS
- MOLCHANOV Boris Alekseevich** – Dr of Law, Professor of the Department of criminal law and procedure of the Peoples' Friendship University of Russia
- MOZGOVAYA Nelly Mikhailovna** – Dr (candidate) of Philosophy, associate professor of chair of Political science, sociology and public relations of the Ufa State Petroleum Technical University
- NECHEVIN Dmitry Konstantinovich** – Dr of Law, professor of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
- POSULIKHINA Natalya Semenovna** – postgraduate student of chair of Administrative law and process of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
- SEMEENOVA Nataliya Sergeevna** – Dr (candidate) of Law, associate professor of the department of international law, Peoples' Friendship University of Russia
- SHAKIROVA Elvira Venerovna** – teacher of chair of Political science, sociology and public relations of the Ufa State Petroleum Technical University
- SHANGINA Tatiana Nikolaevna** – master of law, Main specialist of Department lizing gas and processing products of gas OJSC «OC Rosneft»
- SMIRNOVA Elena Stanislavovna** – Dr (candidate) of Law, Deputy Chairman of the governing Board regional relations of the International public movement «Russian office of the world»
- SOLNTZEV Alexander Mikhaylovich** – Dr (candidate) of Law, Associate professor, Deputy head of chair of International Law of People's Friendship University of Russia
- SULEYMANOVA Lena Shaidullova** – Dr of historical sciences, Professor of chair of political science, sociology and public relations of the Ufa state petroleum technical University
- SULTANOVA Elvira Munirovna** – postgraduate student of chair of Theory and history of state and law of Law Institut of the Bashkir state university

TOLKACHEV Konstantin Borisovich — Dr of law, professor, Chairman of the National Assembly — Kurultay the Republic of Bashkortostan

TOLSTYKH Vladislav Leonidovich — Dr of law, head of the International Law sub-faculty of the Novosibirsk State University

TRETYAKOV Alexey Vladimirovich — applicant of chair of Theory and history of state and law Kazan (Volga) Federal University

TROTSENKO Konstantin Viktorovich — postgraduate student of chair of Theory of law and civil-law education, of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University

VINOGRADOVA Natalia Viktorovna — Dr (candidate) of Philosophy, senior teacher of chair of Political science, sociology and public relations of the Ufa State Petroleum Technical University

VYAZEMSKAYA Anna Alexandrovna — postgraduate student of chair of Criminal law of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

YAMAEVA Almira Ildarovna — postgraduate student of chair of State law of the Bashkir state University

YUNUSOV Abduljabar Agabalaev — Dr. of law, Professor of chair of Theory of state and law, international and European law of Academy of the Federal penitentiary service of Russia

YUNUSOV Emzari Abdulgamidovich — Dr (candidate) of law, senior lecturer of chair of Theory of state and law, international and European law of Academy of the Federal penitentiary service of Russia

YUNUSOV Samur Abdulgamidovich — teacher-methodologist of Law faculty of Academy of the Federal penitentiary service of Russia

ZIGANSHINA Aida Mansurovna — applicant of chair of International and European law Kazan (Volga) Federal University

ZORIN Roman Georgiyevich — Dr (candidate) of Law, the associate professor of chair of criminal trial and criminalistics of Law faculty of Department of education Establishment «Grodno state university of a name of Janka Kupala» (Republic Belarus)

